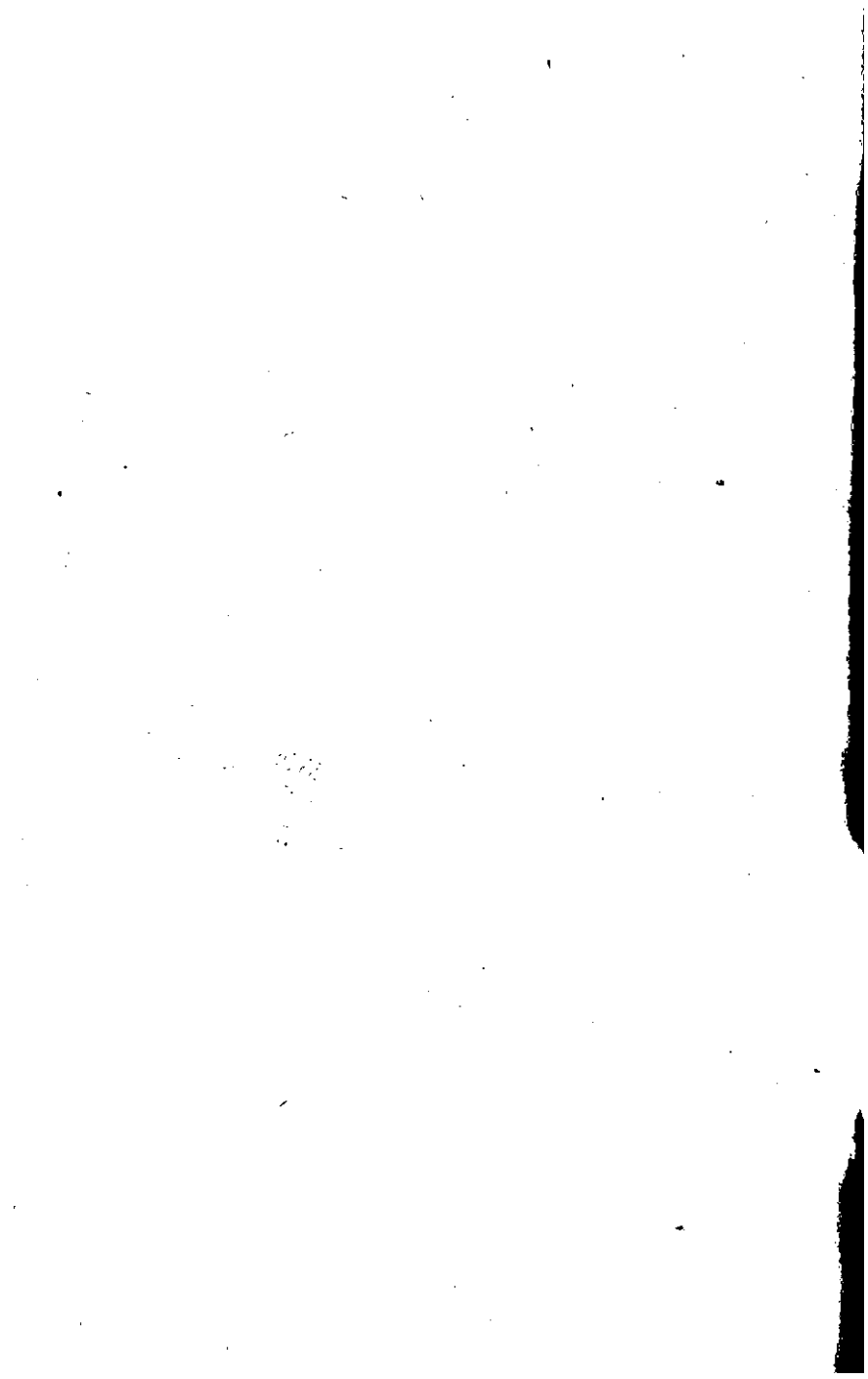

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИБИРИ И ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

I.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 И 1824 Г., ЭКСПЕДИЦІЕЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.

1841.

Ч-хист
Я165

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, февраля 10 дня, 1840 года.

Цензоръ *С. Куторга.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛУ,

всепреданнѣйше приноситъ

Сочинитель.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Не многія путешествія, совершенныя Русскими мореплавателями, обращали на себя такое всеобщее, Европейское вниманіе, какъ предлагаемое читателямъ *путешествіе* Е. П. г-на Контръ-Адмирала *Фердинанда Петровича Фонъ-Врангеля*, совершенное имъ въ чинѣ лейтенанта флота, съ 1820-го по 1824 годъ. По Высочайшему повелѣнію препоручено ему было начальство надъ экспедиціею, осмотрѣвшею *берега Ледовитаго моря* отъ Индигирки до залива Колючинскаго на пространствѣ 35° разности долготы; при чемъ совершены продолжительныя поѣздки по льду въ удаленіи отъ береговъ слишкомъ на 250 верстъ, для отысканія предполагаемой на сѣверъ неизвѣстной земли, когда другая экспедиція, подъ началь-

спвомъ флота лейтенанта Анжу (нынѣ капитанъ 1-го ранга), осмотрѣла въ тоже время изъ устья Яны острова: Коцельный, Ѳадеевскій, Новую Сибирь и берегъ Сибири отъ Индигирки до Оленека. — Переведенное съ Русской рукописи нашего путешественника на Нѣмецкій языкъ г-мъ Энгельгардтомъ путешествіе г-на Врангеля было издано въ прошедшемъ году, въ Берлинѣ, подъ смотрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣстнаго Германскаго географа Риттера (Reise des Kaiserlich russischen Flotten Lieutenants Ferdinand v. Wrangel längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, in den Jahren 1820 bis 1824. Nach den handschriftlichen Journalen und Notizen bearbeitet von G. Engelhardt, Staatsrath. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter Dr. und Professor. Berlin, 1839). Въ нынѣшнемъ году, съ Нѣмецкаго перевода переведено оно было на Англійскій языкъ супругою извѣстнаго ученаго Британскаго путешественника, маіора Сабина, который самъ и былъ издателемъ Англійскаго перевода (Narrative of an Expedition to the Polare sea, in the years 1820 — 1824, comm. by lieut., now admiral, F. v. Wrangel, edit. by Major Edw. Sabine etc. London, J Modden and C. 1840, in 8), и Англійская публика почтила его такимъ вниманіемъ, что *первое изданіе* книги немедленно разошлось и уже печатается *второе*, а между тѣмъ съ пер-

ваго изданія книга переводится на Французскій языкъ.

Такое лестное для народнаго чесполюбія нашего вниманіе поспавляетъ издателя въ обязанность объяснишься о помъ, почему Русскій подлишникъ путешесшвія выходишъ въ свѣшъ послѣ Нѣмецкаго и Англійскаго переводовъ? Знаменишый пушешесшвенникъ нашъ, по возвращеніи своемъ въ Пешербургъ въ 1824 году, назначенъ былъ командиромъ военнаго шлюпа *Кроткій*, на конюромъ совершилъ плаваніе вокругъ свѣша въ 1825 — 27 годахъ; возвращясь изъ сего вояжа, привелъ онъ въ надлежащій порядокъ журналы и записки, веденныя во время пушешесшвія по сѣверной Сибири и Ледовишому морю, и сосшавленное имъ описаніе предсшавилъ на разсмошрѣніе Адмиралу Василію Михайловичу Головнину. Вскорѣ пошомъ г. Врангель принялъ на себя званіе правишеля нашихъ Русскихъ колоній въ сѣверо-западной Америкѣ, и шолько въ 1836 году возвращился въ Россію. Въ его оисушсшвіе, нашъ флошъ и госудаpсшво лишились знаменишаго Головнина; рукопись г. Врангеля была забыша, доколѣ не обращилъ на нее своего вниманія просвѣщенный Предсѣдашель Учснаго Комишеша Морскаго Министерсшва, Е. П.

Логинъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, который распорядился о печатаніи ея. Между тѣмъ рукопись была переведена на Нѣмецкій языкъ Спанскимъ Совѣтникомъ Е. А. Энгельгардтомъ, съ нѣкоторыми противъ подлинника измѣненіями, которыя состояли главнѣйше въ томъ, что отдѣленныя особо замѣтки по части Географіи введены переводчикомъ въ самый разсказъ событій, а описаніе р. Колымы и ея жителей, дополнено замѣчаніями, разбросанными въ разныхъ главахъ подлинника. Измѣненія Нѣмецкаго переложенія одобрены были г. Врангелемъ, который, желая ввести ихъ и въ Русскомъ изданіи, просилъ о прекращеніи печатанія, начавшагося на счетъ Ученаго Комитета. Въ 1838 году г-нъ Врангель препоручилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣнной рукописи, когда въ тоже время Императорская Академія Наукъ приняла на свое иждивеніе печатаніе особеннаго *прибавленія* къ путешествію, содержащаго въ себѣ рисунки и отдѣльныя ученыя статьи. Къ печатанію тогда же приступлено, но медленность въ печатаніи потомъ произошла отъ тяжкой болѣзни и другихъ литературныхъ занятій Н. А. Полеваго, котораго просилъ я принять на себя надзоръ за печатаніемъ рукописи. Издавая теперь Русскій подлинникъ, спѣшимъ удо-

вленворить нетерпѣливое ожиданіе отечественной публики.

Въ *прибавленіи*, которое, какъ сказано выше, издается Академіею Наукъ, кромѣ собранія литографированныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ *сѣверныхъ сіяній* и *льдовъ Ледовитаго моря*, помѣщены замѣчанія о полярныхъ льдахъ и различныхъ явленіяхъ Ледовитаго моря, сѣверныхъ сіяніяхъ, вѣпрахъ въ сѣверной Сибири, ѣздѣ на собакахъ, топографическій очеркъ возвратнаго пути въ Якутскъ изъ Средне-Колымска, собраніе словъ Чуванскаго и Омокскаго языковъ, метеорологическія, термометрическія и магнетическія наблюденія, географическія опредѣленія широты и долготы мѣстъ, и проч. Изображенія сѣверныхъ сіяній рисованы были съ натуры, карандашемъ, г. Матюшкинымъ, сопутникомъ г. Врангеля, а перерисованы и раскрашены стараніемъ знаменитаго Академика Парроша.

Надобно ли прибавлять что нибудь о важности и любопытности издаваемаго нами путешествія, когда оно заслужило уже столь великое вниманіе даже и иностранцевъ? Отечественная публика, конечно, оцѣнитъ вполнѣ труды нашего путешественника, четыре лучшіе года жизни посвятившаго исполненію возложеннаго на него просвѣщеннымъ Правитель-

ствомъ порученія и пользѣ науки, и тѣмъ поспавшаго имя свое наряду съ именами Парри, Россовъ и Франклиновъ, не щадившихъ ничего при исполненіи экспедицій, распространившихъ географическія свѣдѣнія наши на ледяныя страны сѣвера, и ознаменовавшихъ подвигами на славу Отечества и для чести науки безкорыстное самоотверженіе, достойное памяти современниковъ и потомства.

А. Смирдинъ.

ГЛАВА I.

Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года. Состояніе картъ въ то время. — Назначеніе отряда къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири.

Обширное пространство земнаго шара, заключающееся между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Всѣ покушенія мореплавателей другихъ народовъ проникнуть Ледовитымъ моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ моремъ, на востокъ меридіаномъ мыса Сѣвернаго; непреодолимыя препятствія, останавливавшія иностранцовъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолѣны нашими море-

ходцами; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всѣми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россіею Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоцѣнною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія Правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ и собрать съ нихъ подать (называемую *ясакъ*) звѣриными кожами; потомъ Правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обозрѣніе послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Океана, отъ Карскаго моря до Берингова пролива, не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джакмана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; плаванія адмирала Ная, въ 1594-мъ году, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, что въ Карскомъ морѣ; плаванія семи судовъ, въ 1595 году, подъ начальствомъ того же Ная, еще съ меньшимъ успѣхомъ, не-

жели въ первомъ путешествіи; покушенія Босмана, въ 1625-мъ году, остановленнаго льдами почти при самомъ вступленіи въ Карское море. Сими предпріятіями весьма мало пріобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ морѣ, и даже самые предѣлы его остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго моря до рѣки Оби были уже извѣстны Россіянамъ. Ладьи ихъ (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда они совершали сей путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда черезъ волокъ между Карскимъ моремъ и Обскою губою, входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское море, поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мь сутокъ и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда и перетаскивали черезъ перешеекъ, шириною около 200 саженъ, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую губу рѣка Зеленая. Сею рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби, моремъ, продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль, а изъ Оби въ Енисей 2, или 3 недѣли *.

Сибирская лѣтопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдовъ, въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Ѳеодора Іоанновича, отправленнымъ нарочно для сего изъ

* Четырекратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, часть I, стр. 76.

Тобольска Ѳедоромъ Дьяковымъ. Для надежнѣйшаго распространенія и утвержденія въ Сибири Россійскихъ владѣній заложенъ, въ 1600 году, при Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, въ землѣ Самоѣдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазея, перенесенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки, неутомимые въ собираніи ясака съ кочевавшихъ Самоѣдовъ, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханкою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, доставили первыя подробныя объ ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ были новыя предпріятія.

Въ томъ же году составилось въ Мангазеѣ общество изъ купцовъ и промышленниковъ; съ двоякою цѣлью открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскъ, гдѣ построивъ кочи*, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять пять недѣль на мѣстѣ, доколѣ южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйдти въ море. Извѣстно, что они достигли устья р. Пясиды**, но о дальнѣйшихъ успѣ-

* *Коки*, суда плоскодонныя, въ длину около 12-ти саженъ, соразмѣрной ширины, съ одною палубою, ходили греблею, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Сія рѣка достопамятна тѣмъ, что нѣкогда вся низовая

хахъ сего предпріятія нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Направленіе рѣкъ Тунгуски и Вилюя, которыя имѣютъ вершины свои на одномъ хребтѣ, и вливаются, первая въ Енисей, послѣдняя въ Лену, привело казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ важному открытію величественной рѣки Лены.

Дѣятельнымъ Сибирскимъ воеводамъ и предпріимчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ, движимымъ и славолюбіемъ и корыстью, сіе новое обрѣтеніе было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лену, казацкій десятникъ, Елисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть всѣ рѣки, въ Ледовитое море впадающія, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жителей. Буза, съ десятью казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человѣкъ промышленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *промышленныхъ;* вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ одинъ сутки, Ледовитымъ моремъ, пришелъ къ устью рѣки Оленска, и продолжая путь вверхъ по сей рѣкѣ, зимовалъ у Тунгусовъ, съ которыхъ собралъ ясакъ. Весною Буза пустился съ своимъ

страна р. Енисея называлась ея именемъ. Слово: *Пясида*, на Самоѣдскомъ языкѣ, означаетъ ровную, безлѣсную землю, тундру. — Смотр. *Сибирскій Вѣстникъ* на 1821-й годъ.

отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ онъ путь къ Ледовитому морю, вошелъ въ него по десятидневномъ плаваніи, и черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ сею рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ онъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ясакъ.

На Янѣ Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году пошелъ внизъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ясакъ и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вошелъ съ моря въ рѣку Яну, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье и оставилъ въ семъ мѣстѣ 16-ть казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое море, и простирая онымъ путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазеѣ.

Неизвѣстно, какимъ путемъ и кѣмъ открыта рѣка Колыма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ о сей рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, переимено-

ванное послѣ въ острогъ. Стадухинъ доставилъ извѣстіе о воинственномъ Чукотскомъ народѣ, и объ одномъ *большомъ островѣ* на Ледовитомъ морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкъ Япы и Колымы находится островъ, усматриваемый съ матераго берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочьей (впадающей въ Ледовитое море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день переѣзжаютъ на оленяхъ на сей островъ, гдѣ промышляютъ моржей, возвращаясь съ добытыми моржевыми головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ *Погычѣ*, или *Ковычѣ*, будто бы впадающей въ Ледовитое море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтрѣ.

Послѣдовавшія путешествія, частію опровергли сказанія сей женщины; островъ, который описывали Стадухину обширнѣйшимъ, является на нашихъ картахъ маленькимъ *Крестовскимъ* островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ острововъ; онъ виденъ съ матераго берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочьей доѣзжаютъ до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исая Игнатьева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между нимъ и матерымъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двои сутки сряду. Вошедъ въ губу, окру-

женную двумя скалами материка, увидѣли на берегу Чукчей, и вымѣняли у нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ сей новой промышленности, и можетъ быть, не довѣряя Чукчамъ, конхъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ до котораго именно мѣста доходилъ Игнатьевъ; однакожь, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунъ, въ заливцѣ противъ острова Араутана, гдѣ берегъ дѣйствительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но привыкшимъ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было услышать о народѣ въ ихъ сосѣдствѣ, еще независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ, чтобы побудиться къ предпріятію поисковъ въ неизвѣстныя мѣста, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостиной сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Ѳедотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государевъ въ Нижне-Колымскѣ прикащикъ далъ имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимаемомъ путешествіи пользы казенной. Сей казакъ былъ Семенъ Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сотовариществовать Колмогорцеву, тотъ самый, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверовосточную окопечность Азіи.

Въ Іюнѣ 1647 года, съ устья Колымы, на четырехъ кочахъ, отправились они въ море; предположили отыскать рѣку *Анадыръ*, о которой слыхали, будто она впадаетъ въ Ледовитое море, но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстія, доставленныя въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымскаго острога, казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, объ островѣ на Ледовитомъ морѣ и о рѣкѣ Погычѣ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію сего казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Іюнѣ 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Янѣ, и въ исходѣ зимы 1648 года переѣхалъ на партахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочъ, на которомъ вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, пошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погычи; одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ, подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ ней отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутаго каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу; путешественники, крайне нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не пріобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно

опредѣлить до какого мѣста Стадухинъ доходилъ, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не безпрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій мысъ, восточнѣе коего берега, большею частію, утесисты, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева и его сопутниковъ ни сколько не охладила ихъ рвенія; напротивъ, число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 году, снарядили семь кочей*, для отысканія рѣки Анадыра. Неизвѣстно, что случилось съ четырьмя кочами**; на остальныхъ трехъ кочахъ

* Хотя Бурней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается назвать Дежнева судовъ кочами, не находя сего наименованія въ выпискѣ Кокса, изъ подлинныхъ отписей Дежнева (Coxe's Account of Russian Discoveries, p. 378), и выводитъ слово *кочъ* отъ Англійскаго ketche, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ, однакожъ я думаю, что не отступлю отъ истины называя кочами всѣ суда, на коихъ Сибирскіе наши мореходцы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 575, въ замѣчаніи говоритъ: «кочи не необходимо должны быть объявленной величины (12 саженъ въ длину); довольно того, когда они видъ судна имѣютъ.»

** Бурней, въ Chronological History, стр. 65, говоритъ, что 4 коча разбились на островѣ къ сѣверу отъ Колымы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ сіе свѣдѣніе. Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть I, стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородатыхъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хеуверенѣ, говоритъ, что извѣстіе сіе послѣдовало отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневымъ, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1821-й годъ,

были начальниками Семенъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а надъ промышленниками вышеупомянутый Ѳедотъ Алексѣевъ.

Дежневъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что обѣщалъ привезти съ рѣки Анадыра семь сороковъ соболей, «сіе золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго домогались не только казаки и промышленники, но многіе изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждая ихъ на отважныя предпріятія, не ознаменовывалась безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцовъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежнева исполнились, но не такъ легко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ не будетъ совершено подобнаго плаванія. Дежневу и его отважнымъ сопутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

сказано, что островъ Котельный (противъ рѣки Япы) населенъ такими бородатыми людьми, но нынѣ извѣстно, что островъ сей необитаемъ, да и весьма невѣроятно, чтобы упоминаемые четыре коча туда занесло.

Сожалѣнія достойно, что не всѣ происшествія сего знаменитаго предпріятія описаны. — Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случалось на морѣ; онъ ни слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вѣроятно, и не встрѣчалъ, ибо въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинаетъ онъ отъ большаго *Чукотскаго носа*. Сей мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между сѣверомъ и сѣверовостокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго носа, втекаетъ въ море рѣчка *Становье*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самаго мыса лежатъ два острова, на коихъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ трои сутки, и въ такое же время дойдти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Святымъ*, и для Дежнева особеннаго примѣчанія былъ достоинъ потому, что кочъ Анкудинова на томъ мѣстѣ разбился, и нѣсколько жителей взято въ плѣнъ, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи плаванія Дежнева не упомянуто ни о губѣ Чаунь, ни о Колючинскомъ островѣ, ни о другихъ

примѣтныхъ мѣстахъ, которыя должны быть усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова пролива; однакожь описаніе большаго Чукотскаго носа, его заворотъ къ сторонѣ рѣки Анадыра, близость двухъ острововъ, дикари съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками изъ моржевыхъ зубовъ, все служитъ доказательствомъ, что Дежневъ говоритъ о восточной оконечности Азіи, и что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-ть лѣтъ послѣ него достигъ мореплаватель нашъ Берингъ, коему приписана честь обрѣтенія сего пролива и разрѣшенія вопроса о несоединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ: *Святой Носъ*, конечно тотъ, который нынѣ называютъ Шелагскимъ мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку сей мысъ наиболѣе примѣтенъ по отличительной высотѣ и протяженію.

Бурней *, стараясь доказать вѣроятіе соединенія Азіи и Америки, посредствомъ воображаемаго имъ перешейка около Шелагскаго мыса, прибѣгаетъ къ различнымъ страннымъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ, а въ *шитикѣ* **, который расшивали на одной

* Burney's Chronol Hist. p. 69.

** *Шитикали* въ Сибири называютъ довольно большія лодки, у коихъ низъ выдолбленъ изъ одного дерева, а къ бокамъ пришиты доски ивовыми прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должно парить, чтобы доставить имъ нужную гибкость, и Бурней обманывается, говоря о шитикахъ: it was customary to

сторонѣ перешейка, и по переносѣ составныхъ частей его на другую сторону, сшивали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ вовсе не обгибать Шелагскаго мыса. Бурней въ доказательство приводитъ путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку: будучи не въ состояніи обойдти большой Чукотскій носъ, онъ оставилъ свое судно, и перешелъ пѣшкомъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ себѣ судно. — При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большею вѣроятностію полагать можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ поперегъ сей земли тамъ, гдѣ заливъ Колючинскій, вдаваясь далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Нынѣ извѣстно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, а потому, мы не имѣемъ никакого права оспоривать у Дежнева чести совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыра въ Колыму идти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его сопутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочѣ Герасима Анкудинова, перебрались на остальные два коча Семена Дежнева

construct vessels in a manner that admitted of thir being with case taken to pieces, by which they could be carried acoross the ice to the outer edge, and there be put thogeter again, p. 69.

и Ѳедота Алексѣева. 20-го Сентября на берегу дрались съ Чукчами и Ѳедотъ Алексѣевъ былъ раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба коча и они уже болѣе не соединялись. — Кочъ Дежнева долго несло крѣпкими вѣтрами по морю, наконецъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыра, вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю человѣками, немедленно отправился пѣшкомъ, для провѣданія рѣки Анадыра, отнюдь не отчаяваясь достигнуть предположенной цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде, какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлѣсную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитаніе, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшились отправить вверхъ по Анадыру 12-ть человѣкъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, большею частію отъ голода и изнеможенія умерли; остальные принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или двѣ (ихъ было почти 20-ть человѣкъ), изъ выкиднаго лѣса, котораго въ Сибири около устьевъ рѣкъ всегда множество.

счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшихся *Анаулами*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться о томъ, какъ перейдти на Колыму, или послать о себѣ увѣдомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія Михайла Стадухина къ отысканію рѣки Погычи, узнали, что названіе оной Анадыръ, что устья ея не по сѣверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ, чрезъ которыя провести ихъ взялись плѣнные *Ходынцы*, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки Анюя.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и промышленниковъ, получившихъ дозволеніе идти къ Анадыру и объясачить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семенъ Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взялъ на Анюѣ одного старшину изъ Ходынцовъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырѣ съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. Михайло Стадухинъ * пошелъ въ слѣдъ за Моторой, провелъ семь недѣль въ пути, обо-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадухинъ отправился моремъ. См. Миллера, Nachrichten von Seereisen, p. 15.

шелъ стороною зимовье Дежнева, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухинымъ, готовились перейдти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто ихъ пошелъ туда Стадухинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмѣль*, на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое пріобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсъ для построенія коча, на которомъ предполагалъ отправить въ Якутскъ, моремъ, собранный имъ ясакъ, но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мѣли, на которой было много моржей, и взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно при-

* *Коргa*, на Сибирскомъ нарѣчіи.

бывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышлять моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мѣль, названную Анадырскою коргою, будто бы ими найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ донесеніяхъ къ Якутскому Воеводѣ разныя обстоятельства своего путешествія, которыя, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ коргѣ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ; она сказала ему, что Ѳедотъ и Герасимъ (Анкудиновъ) отъ цынги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала. —Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ, жившіи нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ сего нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-ть лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ имъ откры-

той и частію покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну, или сдѣлался жертвою своей смѣлости, не находимъ извѣстія въ сочиненіи исторіографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ. Прозимовавъ въ Жиганскѣ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтрами, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ, подъ парусами, въ Омолоеву губу, гдѣ встрѣтилъ льды, между коими кочъ его былъ 8 дней, и немало повредился. Приближась къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двои сутки пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣлъ, что море ото льда, какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омолоеву губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали идти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшихъ казакамъ и

промышленникамъ, готовыхъ выступить въ море. Когда насталъ вѣтеръ съ берега и море очистилось ото льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омолоевой губѣ, въ которой былъ также наносный ледъ; сквозь него пробивались не безъ затрудненій. На другой сторонѣ губы находится островъ; протокомъ между симъ островомъ и берегомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то время протокъ былъ совершенно затертъ льдомъ, осѣвшимъ на дно моря; путешественники съ усиліемъ разломали ледъ и вывели свои кочи; въ семъ мѣстѣ встрѣтили еще 4 коча, которые шли съ Колымы на Индигирку.

Іюля 15-го, по выходѣ кочей изъ протока, насталъ попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ одинъ сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять они встрѣтили столько льду, что могли быть раздавлены, ежели бы по отлогости морскаго берега, препятствующаго большимъ льдинамъ приближаться къ нему, не оставался для нихъ свободный путь. Слѣдуя подлѣ берега, они благополучно миновали Святой мысъ, который, по сѣверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ мореплаватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плаваніе кочей, особливо когда отъ ночныхъ морозовъ намерзалъ новый ледъ, которымъ 30-го Августа покрылось все море; тогда пять кочей находились недалеко отъ берега, на глубинѣ одной саженн. Предпріим-

чивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ; но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полпяденн, подулъ съ берега жестокій вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы узнать, какъ ближе подойдти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ѣзды, бывшій съ ними кочъ казака Андрея Горѣлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на сей кочъ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ морѣ прибыла вода и ледъ изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скорѣе. Черезъ пять дней вѣтеръ утихъ, и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченія столькихъ бѣдствій, сопутники Булдакова были въ отчаяніи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взявъ каждый изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдовавшаго ихъ несчастія. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощію шестовъ и веревокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну

послѣ другой, разбивало льдомъ. Напослѣдокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Индигирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по ней до Уяндинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзней и трудовъ и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его начальникомъ острога на Колыму посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностію освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ морѣ. Миллеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованіи сего острова, и говоритъ, что разсказы Стадухина были совершенно забыты, доколѣ наконецъ, въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская Канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ морями. Слѣдующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годами, служивый Никифоръ Мальгинъ, съ торговымъ человѣкомъ Андреемъ Воронаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены на Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частію подлѣ берега; потомъ, по причинѣ примкнувшагося къ берегу льда, держали мористѣе. На семъ пути, бывшій съ ними ко-

чевщикъ Родіонъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сю сторону Колымы, вдали, островъ, который они всѣ видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ сему острову, и посыланные на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человѣкъ Тарасъ Стадухинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человѣками, на кочѣ, ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойдти не могли, а перешли на другую сторону его пѣшкомъ, и построивъ кочъ, шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжины.

Пѣкто Михайло Насѣткинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Данилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ, противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Устьянскаго казака Якова Пермякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго носа островъ, и что противъ устья рѣки Колымы находится островъ, и на немъ есть горы, усматриваемыя съ матераго берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насѣткинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермякова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Ляховскаго и Крестовскаго острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, а частію и достовѣрныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауернихта произвесть о семъ изысканіе съ возможною подробностью, особенно, когда, въ 1711 году, Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволитъ нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на *новую землю*, что островъ противъ р. Колымы, и удержалися-де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милостъ отнюдь того медлить не изволь.»

Трауернихтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой въ Колыму; имъ предписали обозрѣть Ледовитое море, лѣтомъ или зимою, и невозвращаться, доколѣ не разрѣшатъ вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, порученъ казаку Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Устьянска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и

держась берега до Святаго носа, пустился прямо на сѣверъ. Они пріѣхали къ одному острову, на которомъ не было никакого лѣса; вокругъ него ѣзды 9, или 12 дней. Съ сего острова видѣли другой островъ, или землю, но за позднымъ временемъ, и по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ запастись рыбою, и слѣдующею зимою опять выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ носомъ и рѣкою Хромою, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, почему оно прозвано *Катаевъ крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но неимѣя съѣстныхъ припасовъ, принуждены были ѣсть собакъ, на которыхъ ѣхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ яицами. Бывшіе съ Вагинымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Устьянскъ, убійцы скрыли преступленіе разными вымыслами, и объ островѣ не упомянули ни слова. Положеніе перваго Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его, конечно, не соотвѣтствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весь-

ма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, воеводою Трауернихтомъ отправленный, состоялъ изъ 22 человѣкъ, на одномъ шитикѣ, * подъ управленіемъ казака Василья Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно, что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы, протянувшійся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, говоритъ о Шелагскомъ мысѣ, который предшественники его называли Святымъ носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныя отправленія казаковъ Алексѣя Маркова и Григорья Кузякова. Первому велѣно идти въ море съ устья Колымы, и ежели увидитъ, что шитики неудобны, дозволено построить другія суда. Каждому дано было по одному матросу, изъ присланныхъ Княземъ Гагаринымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по пріѣздѣ въ Устьянское зимовье, послалъ, 2 Февраля 1715 года, въ Якутскъ донести, что на Святомъ морѣ лѣтомъ и зимою

* Шитики того времени были длиною въ 5 саженъ, шириною въ 2 сажени, съ палубою, плоскодонные, конопачены мхомъ; вмѣсто веревокъ и канатовъ, на шитикахъ употребляли ремни лосиные; паруса бывали ровдужные, якори деревянные, съ навязанными каменьями. Нынѣ шитиками называютъ безпалубныя большія рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители понятія не имѣютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

всегда стоитъ ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ; онъ отправился 15-го Марта, взявъ 9 человѣкъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Устьянское зимовье, и привезъ извѣстіе, что ѣхалъ по морю, прямо на сѣверъ, семеро сутокъ, съ самою большею, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли, какъ высокіе холмы, всходилъ на оныя и вдали не усмотрѣлъ никакого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду издыхали и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней безпрерывной ѣзды, Марковъ не могъ проѣхать болѣе 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; слѣдовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ изъ лежащихъ противъ устья рѣки Яны и Святаго носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузякова не отыскано никакихъ свѣдѣній, кромѣ слышаннаго Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузяковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было такъ же безуспѣшно, какъ и Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпріимчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Ѳедотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до

устья Индигирки и далѣе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. Вмѣсто того, чтобы поиски начать съ Япы, или Индигирки, поѣхалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сей рѣки, Іюля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льда, что не рѣшился онъ продолжать пути далѣе.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подвердилъ слухъ о помянутомъ островѣ, разсказывая, что въ Ноябрѣ 1720 года, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьемъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочьей по льду на тотъ островъ, или землю, но за безпрерывными вѣтрами и туманомъ они не могли ѣхать вдаль, почему и незнаютъ, твердая ли то была земля, или островъ, и есть ли на немъ жители и растетъ ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онѣ принадлежатъ. Землю сію, при ясной погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочьей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святаго носа до меридіана рѣки Япы съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы и далѣе, до жилищъ Шелаговъ, поколѣніе Чукчей. Вилегинъ заключалъ такъ по разска-

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Іюля 13-го; сіе послѣднее согласнѣе съ показаніемъ Амосова, что въ морѣ несло ледъ.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ нашелъ тутъ лѣсъ, но у Миллера того нѣтъ.

замъ какаго-то Копая, изъ племени Шелаговъ, и полагалъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочьей и Индигирки невозможно, по причинѣ множества льда, но противъ жилищъ Шалаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ сей стороны.

Амосовъ, утвердясь на семъ мнѣніи, пошелъ моремъ подлѣ берега къ жилищу Копая, котораго достигъ 7 го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, но даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова ѣхать на партахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую Воеводскую Канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Ноября 3-го 1724 года, нашелъ я на морѣ островъ, или землю, и оттуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыя земляныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди, и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корма для собакъ недостало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и провѣдывать. Путь по льду былъ весьма труденъ, потому что море замерзло негладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ *.»

* Описанія сихъ путешествій, и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ,

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ его путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстъ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшаго острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли, между рѣками Чукочьею и Алазеею, ѣзды до открытаго Амосовымъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семъ островѣ горы немалой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служащій для нихъ пищею мохъ растетъ по всему острову.

Обрѣтенія Вилегина и Амосова одно и тоже. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша, вѣроятно, объ усмотрѣнной противъ Яны землѣ (1-й Ляховскій островъ), вообразилъ, что сіи двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадея (около двухъ сотъ верстъ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ сего мѣста къ сѣверу на $2^1/_4{}^0$ по широтѣ (около 230 верстъ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго мыса, съ ко-

заимствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, а поправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ Миллера.

торыми въ 1822 году мы имѣли сношенія, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, хотя и не скрывали отъ насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, и въ 300 верстахъ отъ жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ быть, Копаю и Вилегину то было извѣстно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго устья, и о большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣнъ Вилегинымъ. Не должно-ли заключить, что сіи-то четыре острова и приняты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхностному обозрѣнію сѣверныхъ береговъ Сибири, которые отъ Карскаго моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половины столѣтія открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Всѣ путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ нѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ разсказовъ.

Казацкій полковникъ Шестаковъ, пріѣхавшій въ 1726 году изъ сѣверной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижѣ географы Де-

лиль и Бюашъ. На сей картѣ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной ѣзды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противолежащими сему острову рѣками Колымою и Алазеею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шелагами. За нимъ къ сѣверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоитъ онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный переѣздъ (слѣдовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли).

Противъ сѣверовосточной оконечности Азіи, на востокѣ, означенъ большой островъ, съ слѣдующею надписью: «Островъ противъ Анадырскаго носа; на немъ многолюдно и всякаго звѣря довольно; дани не платятъ; живутъ своею властію.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій мысъ непримѣтны.

Другая карта, попавшаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Иваномъ Львовымъ. На сей картѣ изображены два носа. Крайній, къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ носомъ, или Восточнымъ мысомъ, названъ Шелагскимъ и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ перваго, названъ Анадырскимъ носомъ, и между сими двумя мысами, въ обширной губѣ, положенъ островъ, обитаемый Чукчами, а противъ Анадырскаго носа назначены два острова, одинъ

другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега ѣзды водою полдня. На немъ обитаютъ люди, коихъ Чукчи называютъ Ахьюхалятъ. Они говорятъ особымъ языкомъ; платье носятъ изъ утиныхъ кожъ; питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней ѣзды водою. Жители онаго называются по Чухотски Пеекели. Они щеки пронимаютъ и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носятъ изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображена большая земля, съ надписью: «Чукчами именуются Кичинъ-Элятъ. Сіи говорятъ особливымъ языкомъ; платье носятъ соболье; живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучной. Звѣри въ нихъ водятся всякіе, коихъ кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растетъ ельникъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На сей картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорятъ языкомъ особливымъ. На бою весьма жестоки и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ полонъ попадетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на сихъ картахъ, составленныхъ

въ Якутскѣ самоучками-географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго Носа отъ восточной оконечности Азіи и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣднему мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагскій его мысъ на сѣверѣ неограниченнымъ, и тѣмъ изъявляли сомнѣніе о плаваніи Дежнева; но должно замѣтить, что оно не было извѣстно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый напелъ свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ Большой Землѣ, за островами противъ Анадырскаго Носа, мы узнаемъ сѣверо-западный берегъ Америки, и Большая Земля противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того берега на сѣверъ. Предположеніе наше объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Въ 1711 году, Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырскаго острога ѣздилъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ Носа, по обѣимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ морѣ, видѣнъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами,» и проч. Потомъ го-

ворится о берегѣ, простирающемся южнѣе и сѣвернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ моремъ часть Океана къ сѣверу отъ Чукотскаго полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ его Анадырскимъ моремъ. Восточную часть Чукотскаго полуострова, слѣдовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ сего весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ разсказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что извѣстный географъ Делиль перенесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены: островъ противъ Колымскаго устья, въ широтѣ 73°, а за нимъ, въ широтѣ 75°, Большая земля, будто бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго князя Копая; но въ означенномъ году ѣздилъ Амосовъ къ Копаю и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельномъ разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ о сихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить неосновательность географіи сѣверо-восточной Азіи, и

находитъ незначащіе острова, или чистое море, тамъ, гдѣ въ началѣ восмнадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опозваніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго моря до Берингова пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ моремъ пройдти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска, два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ, до устья Енисея, одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставя главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совѣту мореходцовъ того края построили два коча, Экспедиціонъ и Обь, длиною въ $52^1/_2$ фута, шириною въ 14 футовъ, глубиною въ 8 футовъ. Экипажъ каждаго судна состоялъ изъ 20 человѣкъ; командирами опредѣлены лейтенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Іюля 1734 года, достигли Мутнаго залива (въ

Карскомъ морѣ) и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1735 года вышли опять въ море, прошли недалѣе, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть желаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала построить у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оные подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Малыгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочѣ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ; 29-го, противъ устья, льдомъ кочъ разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправя немедленно другой, бывшій съ нимъ кочъ Обь, Малыгинъ отправился въ путь 17-го Іюля. Превозмогая чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣлъ на первый ботъ, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочѣ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семъ же году, въ Іюлѣ и Августѣ мѣся-

цахъ, геодезистъ Селифонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской губы, и переѣхавъ на карбасѣ къ острову Бѣлому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрѣ присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на олсняхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому морю, для описи матераго берега и острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Въ началѣ Іюня 1737 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается ото льда не прежде половины Іюля, то Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробыть на мѣстѣ до 1-го Іюля. Въ половинѣ Іюня показалась между служителями цынготная болѣзнь, которую однакожь успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ*.

3-го Іюля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Іюля усмотрѣли островъ Бѣлый, и 24-го легли на якорь въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ матераго берега. Широту опредѣлили 73° 8′. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многимъ сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч., воз-

* Четырекратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, стр. 87.

вышеніе воды $1^1/_2$ ф. Проливъ усѣянъ мѣлями, между коими бываютъ сильныя спорныя теченія. Противные вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ семъ проливѣ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самоѣдами Ялмалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, гдѣ и зимовали; служителей помѣстили въ Березовѣ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С. Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытавъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболъ, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ-Коллегіею. Дубель-шлюпка была длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами; вооружена, какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 человѣкъ; сверхъ того іеромонахъ, штурманъ и геодезистъ*.

* Помѣщаемое здѣсь описаніе путешествій лейтенантовъ Малыгина, Овцына, Прончищева, Лаптева, и штурмановъ Челюскина и Минина, заимствовано мною частію изъ Записокъ бывшаго Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, на 1820 годъ; довольно значительныя ошибки и пропуски, въ семъ из-

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изготовленіи дубель-шлюпки Тоболъ, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагруженныхъ провіантомъ и морскою провизіею. Тобольскій губернаторъ Плещеевъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессоры Академіи Наукъ, находившіеся при Камчатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-ть дней, онъ шелъ внизъ по Иртышу, миновалъ многія Русскія деревни и Остяцкія юрты; 24-го Мая остановился на короткое время при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, называемой Самаховскій Ямъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе, внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюня пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющейся у него командѣ. Чрезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, послѣднему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина больше, вышелъ въ губу 19-го Іюля. Въ сіе время, отъ сильнаго и крѣпкаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломали; изъ

влеченіи, мною замѣченные, исправлены и пополнены изъ подлинныхъ журналовъ.

лѣса построили на берегу магазинъ, и выгрузили въ него провіантъ и прочіе припасы. При этомъ мѣстѣ семь озеръ, почему и назвали оное Семиозернымъ. Широта по наблюденіямъ найдена 66° 36′.

Оставя караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подлѣ праваго берега Обской губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтеръ-офицера и семь человѣкъ служителей, впередъ къ Ледовитому морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встрѣчи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и мѣлей, между коими надлежало искать фарватера, Овцынъ шелъ впередъ по Обской губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту 70° 4′, и опасаясь пускаться далѣе, по приближавшейся осени и наставшимъ морозамъ, рѣшился идти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ нему 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ безлѣсныя тундренныя мѣста, и землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданія съ кочующими Самоѣдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюбку разружили и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Обь покрылась льдомъ.

Въ Ноябрѣ пріѣхали въ Обдорскъ съ запад-

ной стороны оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Ледовитаго моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустозерска на оленяхъ, для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣми Самоѣдами отправилъ въ Пустозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на ея устьѣ.

1735 года, Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Оби, но льдомъ принуждаемъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ Семиозернымъ магазинамъ и взялъ оставленную прошедшаго года провизію. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской губѣ; 20-го ледъ взломало и фарватеръ началъ очищаться, но до 8-го Іюля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпкѣ вслѣдъ за льдомъ весьма медленно; въ то время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цынга, которая вскорѣ усилилась до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человѣкъ оставалось здоровыхъ только 17 человѣкъ. Овцынъ былъ также тяжко боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойдти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизіи, онъ, при помощи присланныхъ

къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшалъ плаваніемъ, но пришелъ къ Тобольску не прежде 6-го Октября; въ сіе время по Иртышу уже несло ледъ и рѣка вскорѣ стала.

Чрезъ два мѣсяца по прибытіи въ Тобольскъ, Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и предстоявшихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему повелѣно будетъ на будущее лѣто идти въ Ледовитое море, то, по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспомоществованія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ почитаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія, находя представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Тобольскѣ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на оный командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и положила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго моря. Овцынъ поспѣшилъ возвратиться въ Тобольскъ, взявъ съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе новаго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію лѣсовъ, и

Марта 11-го заложили палубный ботъ, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною въ $7^1/_2$ футовъ. Какъ ни поспѣшали строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семиозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту 72° 34′, гдѣ остановленъ льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около сего мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Обь покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Обдорску оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезіи ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Обь, пошли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби, 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ то время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на нее командиромъ мастера Кошелева, а самъ перешелъ на ботъ.

29-го Іюня, оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семиозернымъ магазинамъ; взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ 72° 46′, у праваго берега Обской губы, близъ устья залива, называемаго Гыдыямъ, вдавшагося внутрь берега къ юго-востоку на 160 верстъ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой день мореплаватели вышли въ Ледовитое море; близъ устья Обской губы, въ широтѣ 72° 40′, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3^1/_2$ мили, отлива на NO съ равною скоростію. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ сѣверу до широты 73° 56′, встрѣтили густой, вы-

сокими буграми стоявшій ледъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ семъ мѣстѣ была 11 саженъ; теченіе моря къ западу по $^3/_4$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SOtS, и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 саженъ; грунтъ сѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи полумили, на глубинѣ $2^1/_2$ саженъ, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на StO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботѣ штурманъ Мининъ, который, къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундренная и нѣтъ никакого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медвѣдя. Широта якорнаго мѣста найдена 73° 10′; склоненіе компаса $^1/_2$ румба восточное; теченіе моря примѣчено, съ 7-го часа утра до полудня, $3^1/_4$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной 73° 18′; тогда съ-

веро-восточный мысъ, называемый Мате-Соль*, былъ отъ нихъ на OSO, въ $3^1/_2$ миляхъ. На семъ мысѣ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской губы къ востоку. Въ семъ мѣстѣ вода горька и солона, цвѣта свѣтло-зеленаго; приливъ и отливъ N и S по $3^1/_4$ мили. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 саженъ, замѣтили 17-го числа множество лѣса, несомаго отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неравныя и обширныя мѣли простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль, къ StO, вдался большой заливъ на 100 верстъ, шириною до 35. Далѣе сего залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстъ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытіемъ на лодкѣ геодезіи ученика Пряпишникова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября, оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, на-

* Въ Хронологической Исторіи г. Берха, часть I-я стр. 124, ошибочно сказано, что сіе четвертое плаваніе Овцына было въ 1738 году, и что онъ тогда, обошедъ мысъ Ямалъ, вошелъ въ рѣку Енисей; у Миллера также ошибка въ годѣ, но мысъ называетъ онъ *Матъ-соль*. Мысъ Ямалъ, какъ мы выше видѣли, находится на западной сторонѣ Обской губы. Матъ-Соль на Самоѣдскомъ языкѣ значитъ Тупой мысъ.

рочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Широта сего мѣста найдена 71° 31′; склоненіе компаса $^3/_4$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеемъ; въ продолженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣшая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ отсталъ на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованья, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое море, и стараться обойдти Таймурскій мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію неспособна. Штурманъ Мининъ приготовилъ ботъ, на которомъ, Іюня 4-го, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго, каменнаго берега мысъ, назы-

ваемый Ефремовъ Камень, въ широтѣ 72° 36′; 9-го, въ широтѣ 72° 53′, на глубинѣ 15 саженъ, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта его найдена 72° 20′. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ сѣверу, вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ 73° 8′, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далѣе, за великими льдами, продолжать плаванія было невозможно. 22-го послали на ялботѣ штурмана Стерлегова, подлѣ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройдти; черезъ три дня посланный возвратился и донесъ, что онъ шелъ подлѣ самаго берега, между льдовъ, съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣлъ, что берегъ заворотился къ востоку и дальній мысъ впереди былъ тогда на ONO ¼ O, въ 16 миляхъ. Идти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ ботъ былъ на якорѣ, глубина 19 и 20 саженъ.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимовалъ, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась.

Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ фарватерѣ нашелъ онъ отъ 2 до 8 саженъ глубины. 18-го Іюня, на ботѣ, ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы запастись провизіею, долженъ былъ ожидать ея до 31-го Іюля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, дошелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска, на собакахъ, посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у сѣверо-восточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію 73° 5′; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію 73° 9′, нашелъ склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и, какъ онъ говоритъ: «Надъ водою стоитъ паръ, яко дымъ». Продолжая опись вдоль берега на сѣверъ, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близъ него лежащіе острова скалисты, до широты 75° 13′, въ которой находился Стерлеговъ Апрѣля 12-го. 14-го, на высокомъ каменномъ мысѣ, въ широтѣ 75° 26′, поставили маякъ.» Компаса склоненіе отъ праваго сѣвера (такъ говоритъ Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и неравное, и уповаемо, что въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ маг-

нитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны снѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ принужденъ пойдти въ обратный путь, и остановился при устьѣ рѣки Пясины, въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изъ коихъ большая половина такъ истощали, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Іюня, на ботѣ, отправился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Августа вышелъ въ Ледовитое море, и слѣдовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прошедъ острова сѣверо-восточные, терпѣлъ жестокій штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ, и 14-го Августа, для укрытія отъ волненія, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на якорѣ. Продолжая плаваніе, 16-го находился близъ устья рѣки Пясины, въ которое, по причинѣ мѣлей, войдти не могъ. 17-го, осмотрѣлъ заливъ въ устьѣ сей рѣки, дабы въ случаѣ нужды найдти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ; глубина $4^1/_2$ сажени; грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ 74^0 $43'$, усмотрѣли за двумя островами закрытый заливецъ. При благополучномъ вѣтрѣ, продолжая плаваніе на N, находили глубину 8 и 10 саженъ, и вдругъ лотомъ недостали дна *. Августа 21-го, въ ши-

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько саженъ лини выпустили.

ротъ 75° 15', Минин встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналѣ его сказано: «Отъ незнанія впереди положенія берега, къ прибѣжищу отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна, принужденъ былъ поворотить назадъ». Время уже настало холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты 69° 40', гдѣ, 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудина остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Минин описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставя ботъ Почталіонъ-Обь, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюбку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскѣ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Прончищевъ, которому предписано идти Ледовитымъ моремъ, отъ устья Лены на западъ, къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскѣ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласиніуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому морю, близъ береговъ, и старатся пройдти Беринговымъ проливомъ въ Восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Іюня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровож-

даемыя дощениками, на коихъ погруженъ былъ запасный провіантъ, съ другими разными потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 саженъ; берега были покрыты лиственичнымъ и березовымъ лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промышленниковъ, ловившихъ рыбу; по всѣмъ симъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое море пятью рукавами, образуя черезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощеники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласиніусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ, не прежде 14-го направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кирьлолъ, Тумиты и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляются отъ матерой земли.

16-го Августа, Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льда, и потому, не удаляясь отъ вышепомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверо-западу,

на глубинѣ $1^1/_2$, 2 и $2^1/_2$ саженъ; 24-го, пришелъ къ западному устью рукава Лены, поворотилъ на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приближась, 26-го числа сталъ на якорь и послалъ промѣрнвать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтнихъ промышленническихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множества льда, который бывшимъ тогда морозомъ скрѣпило, и рѣка стала.

5-го Октября отдѣлали для житья землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Широта сего мѣста по наблюденіямъ найдена 72° 54′. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ*.

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента выведена изъ показаннаго времени сокрытія солнца за горизонтъ широта мѣста 70° 57′, и по разности сей широты съ опредѣленною Прончищевымъ заключили, что сія послѣдняя опредѣлена невѣрно. Основываясь на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Биллингсомъ 69° 29′, на 1° 46′ менѣе означенной на прежнихъ картахъ Ледовитаго моря, выведено заключеніе, что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвернѣе настоящаго. Для опроверженія всего этого, нужно только замѣтить:

1. Широта устья Олсиека на картѣ Прончищева 72° 54′.
— — — — — лейт. Анжу 72° 57′.
2. Широта (счисляемая) маяка при устьѣ рѣки Колымы, Лаптевымъ 70° 05′.
Врангелемъ 69° 35′.

Съ наступленіемъ весны 1736 года, лейтенантъ Прончищевъ началъ приготовлять судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранѣе 21-го Іюня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Оленека, и Прончищевъ направилъ путь къ сѣверо-западу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, посылалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; черезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го, Прончищевъ отправился далѣе къ сѣверу, вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный, и отъ него къ западу другой, утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 саженъ. Прончищевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣтъ ли жителей; посланные, вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнный шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ,

3. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, зимою и при таяніи снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ такъ велика и неравномѣрна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычисленія широтъ по времени сокрытія свѣтилъ за горизонтомъ.

изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюденію высоты солнца, Августа 14-го находились въ широтѣ 74° 48′; склоненіе компаса было 1½ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на SW 2° 44′, въ 30 миляхъ.

17-го, увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирались далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 саженъ. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ 76° 20′.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающаго, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видимы были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на юго-западѣ. Море было наполнено буграми плавающаго льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный, гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на юго-западъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мили.

Прошедъ сіи острова, Прончищевъ держалъ къ сѣверу, дабы обойдти сплошные, неломанные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели

наши полагали, что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперегъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 саженъ *. Пробиваясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чаекъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войдти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоявшаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было никакихъ заплесковъ, но отъ него простирались въ море льдяныя закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медвѣди. 20-го Августа, около полуночи, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности идти далѣе, и потому, въ широтѣ сѣверной 77° 29′, Прончищевъ рѣшился, по совѣту своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и идти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покры-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18 Августа, съ 5 саженъ вдругъ оказалось 113 саженъ глубины, а немного далѣе лотомъ дна недостали. Въ подлинномъ журналѣ Прончищева о томъ ничего не упомянуто.

** Прончищевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ сѣверо-восточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью лейт. Х. Лаптева и штурмана Челюскина.

лось льдомъ. Оставалось одно средство—пробираться назадъ греблею между льдовъ.

25-го, задулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаявались въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастію ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войдти въ него не имѣли возможности, по множеству льда, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней взадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войдти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастная супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ его путешествіи, лишась нѣжно любимаго ею мужа, не перенесла такой потери; снѣдаемая печалью,

она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Іюля, вышелъ онъ на дубель-шлюбкѣ въ Ледовитое море, и предполагая, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился идти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ сей городъ, не нашелъ онъ тамъ командора Беринга, который былъ тогда въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С.-Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ-Коллегія, по разсмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердясь на его объясненіяхъ о невозможности пройдти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюбкѣ, по Ледовитому морю обойдти сѣверный Таймурскій мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать было бы невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на

дубель-шлюбку опредѣленъ, вмѣсто лейтенанта Прончищева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г., лейтенантъ Лаптевъ, исправя дубель-шлюбку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Іюня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Ленѣ; 20-го Іюля, вышедъ въ Ледовитое море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ высокаго лѣса маякъ, вышиною въ 7 саженъ, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощаники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провіантъ, и на дубель-шлюбкѣ пошелъ къ западу вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжая путь между ними, миновалъ рѣку Оленекъ, потомъ губу, покрытую стоячимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію называлъ онъ Нордвигъ; наконецъ, 6-го Августа, пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ семъ мѣстѣ лейтенантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить изъ дубель-шлюбки часть провіанта, но окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, который принесло возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюбка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа; тогда перемѣнившійся вѣтеръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Ѳаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюбку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили ей путь.

21-го, остановясь на якорѣ подлѣ самаго мыса св. Ѳаддея, въ широтѣ 76° 47′ по счисленію, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два человѣка посланы къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестеро на мысъ, для устроенія на немъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовый рогъ. «Мысъ св. Ѳаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мѣлкій камень, бѣлый, какъ алебастръ, вязкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ и простирающіяся отъ N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля сія была та самая, отъ которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NtW близъ 10-ти миль, признанъ за послѣдній къ сѣверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился, не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посыланный на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что

далѣе къ сѣверу губа и морс покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣшился, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ семъ мѣстѣ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не имѣютъ олепей, а вмѣсто ихъ, для зимней ѣзды, держатъ собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-шлюпки перебрался на берегъ, въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построенія жилищъ, а къ согрѣванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣскольку верстъ. Сіе безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отправилъ, 1740 года,

23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ, къ рѣкѣ Таймурѣ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Пясины. Тунгусы взялись везти Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились сопутствовать, но 9-го Апрѣля возвратились и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ, доѣхавъ до рѣки Таймуры, продолжалъ путь внизъ оной до морскаго берега, и потомъ вдоль онаго къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста, далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что сѣверный Таймурскій мысъ обойдти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ него сплошнаго неподвижнаго льда, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія и рѣшился идти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробиваться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюбку сжало льдами, выломило форштевень, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня

безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизію на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семъ бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предались отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ полыя мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-шлюпки пошли пѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что оный находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали полыньи, черезъ которыя принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того продолжавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себя и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ ко-

торыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и прочую провизію, но 30-го, возставшимъ крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ взломало и унесло въ море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизіи, оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая стужу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ твердостію, безъ роптанія, переносили свое несчастіе.

21-го Сентября, преграждавшія путь рѣки покрылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизіи, истощенныя собаки везли на партахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, изнуренные 25-ти-дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогою 12-ти человѣкъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провесть зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться со всею командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приготовленный въ магазинахъ провіантъ.

Въ данномъ ему наставленіи предписано было осмотрѣть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвесть берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1741-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣлъ ему, выкормя собакъ и запасшись кормомъ у сидячихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, ѣхать на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на встрѣчу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурскаго, описать берегъ, неосмотрѣнный лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти партахъ, провіанта и другихъ съѣстныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ, на 60-ти оленьихъ санкахъ, команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ поѣхалъ, на 3-хъ партахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстъ. Отъ сего мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до $2^1/_2$ верстъ) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтова-

таго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть саженъ длины и въ 3 поперегъ, коей стѣны состоятъ изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по всѣмъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланныя впередъ нарты съ провизіею; по наблюденію широта сего мѣста найдена 75° 36′; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились черезъ тундру на востокъ, дабы выѣхать къ морскому берегу и оный описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставя запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непремѣнно быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлилъ широту 75° 33′; 21-го пріѣхалъ къ скалистому мысу, гдѣ опредѣлилъ широту 75° 49′, и склоненіе компаса 2 румба восточное; продолжалъ описывать берегъ, слѣдуя вдоль онаго по льду, который, по видимому, лѣтомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюденію, широта мѣста 76° 38′.

Проѣхавъ 3 версты къ SW, и удостовѣрясь, что направленіе берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ котораго, въ 17-ти верстахъ, пріѣхалъ къ

маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го, широта по наблюденію опредѣлена 76° 23′ ; въ семъ мѣстѣ нашли довольно много плавнику ; на восточномъ берегу его не видно. 29-го, по наблюденію, широта найдена 75° 37′, а Іюня 1-го 75° 21′; берегъ возвышенный и на немъ отлогія горы. 2-го Іюня, лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ продолжалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жилье. Прибывъ къ оному Іюня 10-го, опредѣлили широту мѣста 73° 39′ (на подлинной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ 73° 38′), а склоненіе компаса 21°.00′ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Мининымъ, и въ лабазахъ оставлялъ съѣстные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилью, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ, за худостію собакъ, остался весновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибылъ 29-го Іюля на устье рѣки Енисея, продолжалъ путь вверхъ рѣки, 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины пріѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ 69° 40′. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ,

который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангѣ, откуда прямымъ путемъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Дудина. 29-го Августа, всѣ прибыли въ городъ Мангазею, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса св. Ѳаддея, отправилъ, Декабря 4-го, штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазеи, на 5-ти же нартахъ, для произведенія описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазею Іюля 16-го, не пріобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ пріѣхалъ къ мысу св. Ѳаддея Мая 1-го, и занимаясь описью берега, удостовѣрился, что мысъ св. Ѳаддея не есть самая сѣверная оконечность Азіи; однакожь, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюденій для опредѣленія широтъ, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи сего берега знаемъ токмо, что оный омываемъ океаномъ, не соединяясь ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой сѣверной оконечности сего берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближнимъ Якутамъ, и 20-го Іюля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазеѣ.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всѣми состоявшими

подъ его начальствомъ, отправился изъ Мангазеи вверхъ по рѣкѣ, производилъ опись ея до города Енисейска, куда прибылъ 27-го Августа, и потомъ поѣхалъ въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ путешествіи.

1735 года Августа 9-го, лейтенантъ Ласиніусъ, разставшись при устьѣ рѣки Лены съ лейтенантомъ Прончищевымъ, шелъ къ востоку; 13-го числа встрѣтилъ льды, между которыми съ великимъ трудомъ подвигался впередъ; 18-го Августа, видя невозможность продолжать путь далѣе, за множествомъ льда, принужденъ былъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, зайдти въ рѣку Харіулахъ, отъ восточнаго устья Лены, называемаго Быковскимъ Протокомъ, въ 120 верстахъ, гдѣ и расположился зимовать.

Въ семъ мѣстѣ нашли много выкиднаго лѣса, и построили съ разными отдѣленіями избу, въ которой помѣстилась вся команда. Въ продолженіе зимы, отъ тѣсноты жилья и малаго движенія, всѣ подверглись цынготной болѣзни, и она къ веснѣ такъ усилилась, что большая часть изъ служителей, и самъ Ласиніусъ, умерли; осталось въ живыхъ, изъ 52 человѣкъ, только священникъ, подштурманъ и 7 матросовъ. Командоръ Берингъ, извѣстясь о смерти лейтенанта Ласиніуса и его сопутниковъ, послалъ изъ Якутска къ рѣкѣ Харіулахъ штурмана Щербина и 14 человѣкъ служителей; они пріѣхали къ мѣсту зимовки 4-го Іюня 1736 года, нашли всѣхъ остав-

шихся людей заражеными цынгою и къ службѣ неспособными, почему Щербинъ отправилъ ихъ въ Якутскъ. Между тѣмъ командоръ Берингъ, вмѣсто лейтенанта Ласиніуса, опредѣлилъ командиромъ на ботъ Иркутскъ лейтенанта Дмитрія Лаптева, который, со всѣми подъ его начальство назначенными, изъ Якутска, на дощаникахъ, нагруженныхъ потребнымъ количествомъ провіанта, отправился внизъ рѣкою Леною. Когда вышелъ онъ въ Ледовитое море, непроходимые льды не позволили ему продолжать пути далѣе; онъ оставилъ у Быковскаго устья дощаники, и на легкихъ лодкахъ подлѣ берега пробирался между льдами къ рѣкѣ Харіулахъ, гдѣ находился ботъ. 18-го Іюня начали пріуготовлять его для предназначеннаго плаванія.

30-го, лейтенантъ Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, и для забранія съ оставленныхъ имъ дощаниковъ провіанта, направилъ путь къ устью Лены. По морю носило множество льда, между которымъ съ великимъ трудомъ пробрался онъ къ Быковскому устью; перегрузилъ съ дощаниковъ на ботъ провизію, и 11-го Августа отправился по Ледовитому морю на востокъ вдоль берега; два дня шелъ между льдовъ; на третій день ботъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами, которые, сдвинувшись, зажали его, такъ, что невозможно было управлять. Въ семъ положеніи ботъ носило по морю до 15-го Августа; тогда льды нѣсколько раздвинулись. Мореплаватели наши, видя невозможность продолжать путь да-

лѣе, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковскаго Протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мель. 27-го усмотрѣли по полярной звѣздѣ склоненіе компаса 3°. 00′ восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба,» гдѣ глубина была 20, 15, 10 саженъ, а далѣе вверхъ рѣки, по фарватеру, 5, 3, 2 сажени. 6-го Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена имъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движеніемъ, и декоктомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи и невозможности пройдти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святаго, простирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около сихъ мысовъ сплошные льды препятствовали идти далѣе. Якуты увѣряли, что льды никогда не относитъ отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, почитаетъ онъ тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шлюпкою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему сіе исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленѣ, на глубинѣ 4, 3½ и 3-хъ саженъ. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Беринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройдти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройдти моремъ, тогда произвесть опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе сего Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ ботъ Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизіею, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Ленѣ; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посыланный берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ,

укрываясь отъ носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлилъ по счисленію 71° 42′. Въ то время штурманъ Щербинъ ѣздилъ описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 мили, между N и NNO, отмѣль, примѣтную по стоящему на ней льду.

24-го, ботъ вышелъ въ море, пробираясь между мѣлей, которыми фарватеръ до острова Быковскаго весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейтенантъ Лаптевъ, 8-го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 саженъ; широта мыса найдена Лаптевымъ 71° 55′. Того же дня обошли отмѣль, и 11-го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ семъ положеніи, наставшимъ жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на ботъ, но, къ счастію, огромнѣйшія льдины остановились на мели, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мѣлкій ледъ. Немно́гія льдины однакожъ прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посылавная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6 и 7 фут. глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 саженъ.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плава-

ніе къ Святому Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 саженъ.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штормъ, почему, опасаясь набѣжать на мѣль, положили якорь, а 15-го, по укрощеніи вѣтра, вступили опять въ путь; того жѣ дня прошли Святой Носъ, положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ 72° 50′. Продолжая плаваніе къ О, имѣли глубины 18, 17, 13 саженъ; по приближеніи къ берегу на $^1/_4$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 саженъ. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ *Меркурьевъ* на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомида, на NNW$^1/_4$W, въ 3$^1/_2$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го, западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно разсмотрѣть сего открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увѣрились въ обманѣ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, подобныя которымъ

* Кажется, сіи два острова лежали въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не назначенъ, а Св. Діомида положенъ согласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что сіи острова нынѣ не существуютъ.

носились по морю во множествѣ и во всѣхъ направленіяхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорѣ, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталъ штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ ботъ отстоялся на якорѣ; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣтя, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пушекъ частые призывные сигналы невозвращавшейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO наносило на ботъ много льда, для избѣжанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мѣлкимъ, однакожь и то не спасло ботъ отъ поврежденія форштевеня и самаго борта, что съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лаптевъ послалъ штурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зи-

мованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ семъ положеніи дѣлали безпрерывные, но тщетные сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа насталъ жестокій вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать, ледъ изломало и ботъ понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 саженъ, по $2^1/_2$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки, и утвердясь въ NW четверти, приблизилъ ботъ къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно, на 12 футахъ, совершенно замерзло, находясь въ $2^1/_2$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались идти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ въ шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на ботъ, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближняго рукава сей рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Такимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые от-

правились пѣшкомъ на берегъ, а 24-го числа и вся остальная команда перебралась съ бота въ Русское зимовье; Якуты перевезли на собакахъ часть провизіи.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндякова, на нартахъ, описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мѣлкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмѣли простираются отъ него въ море, на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ предпринялъ спасти ботъ. Для того, со всею своею командою, разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Іюнѣ мѣсяцѣ привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, 70° 58′; склоненіе компаса 7°. 00′ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, направя путь къ востоку вдоль берега. 2-го

Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашелъ по счисленію 70° 58′.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый Первымъ Медвѣжьимъ, къ которому подошли вплоть, имѣя 3½ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Антонія*, и нашелъ по счисленію широту средины 71° 00′. Спѣша воспользоваться безледностію моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ устья *Средней Колымы*, остановился на якорѣ, пославъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давши о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плылъ онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у Малаго Баранова Камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на OSO, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнаго прикрытія у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у Большаго Баранова Камня, остановлены льдянымъ полемъ, примкнувшимся вплоть къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ W; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а прошедъ *Каменное* (холмъ на Мерхояновомъ островѣ) глубину нашли отъ 2 до 7 саженъ. 24-го находились противъ Нижне-Колымскаго острога,

гдѣ тогда было 10 жилыхъ домовъ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ, по обсерваціи, нашелъ широту острога 68° 31′, а 31-го числа наблюденіе показало 68° 34′ широты; склоненіе компаса 8° 30′ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюденій лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя симъ мореплавателемъ, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ:

	Лаптева.	Въ 1823 г.
Мысъ Борго	71° 55′	71° 56′
« Святой Носъ	72° 50′	72° 54′
Нижне-Колымскій острогъ	68° 33½′	68° 32′

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большею удобностію полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Іюля, вышелъ онъ на ботѣ въ Ледовитое море, и плылъ на востокъ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ и промѣривать глубину; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдетъ удобный проходъ между льдами для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ, при противныхъ большею частію вѣтрахъ, подвигался медленно впередъ; 5-го Августа навалила на ботъ льдина, возвышавшаяся около 15 саженъ надъ водою, и угрожавшая боту гибелью, но однакожъ счастливо избѣгли опасности. Того же числа, находясь въ

30 миляхъ Итал. отъ Лаптевскаго маяка на Колымѣ, у высокаго каменнаго утеса, встрѣтили непроходимые льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Колымскъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойдти Большаго Баранова Камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осмотрѣннаго симъ усерднымъ офицеромъ отъ рѣки Лены на 37° разности долготы.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись рѣки Анадыра, и увѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, черезъ горы и страну, обитаемую враждебными намъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымскаго, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ *Лобазнаго*, на Большомъ Анюѣ, Ноября 4-го, Лаптевъ, отданнымъ по командѣ приказомъ, установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походѣ черезъ непріятельскую землю.

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Анюя, потомъ переваливъ чрезъ хребетъ горъ на рѣку *Яблонь*, впадающую въ рѣку Анадыръ, путешественники,

Ноября 17-го, достигли благополучно Анадырскаго острога, не видавъ на всемъ пути ни одного инородца. Въ острогѣ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывая Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналѣ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано: «Отъ 26-го до 28-го числа, по «ночамъ, видима была чрезобычайная звѣзда, или «комета, которая являлась около полуночи; хвостъ «отъ нея долгой, острой, лежащій къ югу, а «иногда къ концу хвоста раздѣляется на двое «острыми же концами; свѣтлостію на подобіе «звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ поворачивается къ «W и отемнѣваетъ, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца, опредѣлилъ широту Анадырскаго острога 64° 54′; склоненіе компаса 20°. 00′ восточное.

Іюня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Іюля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ сей городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи высшему начальству.

Описаніе сихъ путешествій представляетъ читателю рядъ опасностей, трудовъ и неудачь, про-

тивъ коихъ плаватели наши должны были вооружаться твердостію духа, неутомимымъ рвеніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей и мужественнымъ терпѣніемъ, сими отличительными свойствами мореходцовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Не ослѣпляясь пристрастіемъ, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласиніуса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомятъ они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многаго. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операцій замѣтимъ вкратцѣ: отъ Бѣлаго моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплаватели, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благопріятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи примѣтныхъ мысовъ и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія то было бы нужно. Однакожъ опись и

не вовсе лишена астрономическихъ наблюденій широтъ и промѣровъ глубинъ, какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овцына, Минина, Челюскина, Прончищева и обоихъ Лаптевыхъ представляютъ немало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣки Таймуры, и отъ рѣки Оленека до Баранова Камня.

Но какъ опись, большею частію, основана на счисленіи, подверженномъ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ отъ теченій и безпрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для широтъ не всегда были надежны, а для долготъ и вовсе ихъ не дѣлано, то она могла служить только приготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса св. Ѳаддея берегъ не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверо-восточнаго, иначе Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азіи, остается неопредѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ сихъ путешествіяхъ испытанныя, и невознаградившіяся желанными успѣхами, послѣ 20-ти лѣтняго бездѣйствія, казалось, усугубили духъ предпріимчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ

построилъ при рѣкѣ Ленѣ, на собственное иждивеніе, галіотъ (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверо-восточной Азіи въ великій Океанъ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говоритъ, что Шалауровъ побуждался къ такому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етериканомъ, и исключительнымъ правомъ, даннымъ купцу Ляхову промышлять ихъ — мнѣніе, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе имѣло цѣлью и открытіе земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожь Шалауровъ не пытался простирать своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ. Напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойдти Шелагскій мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за славою разрѣшенія вопроса о сѣверо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ — сей славѣ принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь *.

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ текстѣ указа сказано, чтобы Устюжскимъ купцамъ Ивану Бахову и Никитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носа, отпускъ имъ учинить.

Сокращенное извѣстіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ извѣстнаго сочиненія Кокса и Сауерова описанія путешествій Биллингса. Иные достовѣрнѣйшіе и полнѣйшіе источники мнѣ неизвѣстны *.

Въ 1760 году, Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотѣ внизъ по Ленѣ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалѣе рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюлѣ 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошедъ 6-го Сентября Святой Носъ, открылъ на сѣверѣ, въ маломъ разстояніи, гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошелъ не прежде 15-го числа черезъ проливъ, находящійся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діомида. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за симъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими островами и матерымъ берегомъ, былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и баттареею изъ быв-

* Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписями, которыми я также въ семъ обозрѣніи воспользовался.

шихъ на суднѣ пушекъ. Дикіе олени табунами приходили къ сему мѣсту, и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленіемъ зимы, пошла вверхъ по рѣкѣ рыба, нельмы, муксуны и омули, которая, доставляя мореплавателямъ въ изобиліи свѣжую пищу, предохраняла ихъ отъ цынги; однакожъ въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ сей болѣзни Иванъ Баховъ, оставя Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Іюля. Тогда Шалауровъ вышелъ изъ рѣки въ море, и до 28-го плылъ на NO и NO¼O. Вышедъ на берегъ, сыскалъ онъ склоненіе компаса 11° 15′ восточное. Противный вѣтръ и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтріе понудили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ попутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣе NOtO; но галіотъ былъ увлекаемъ огромными массами льда, несомаго сильнымъ теченіемъ, которое, казалось, направлено было къ западу, по одной верстѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, плаватели, противъ ожиданія, увидѣли себя близъ берега, возлѣ «яру сѣраго песку,» названнаго Пещаный мысъ. Впереди плавало немалое число ледяныхъ острововъ, которые 19-го числа галіотъ окружили и совершенно затерли *. Въ

* На Шалаурова картѣ надписано: «За покрытіемъ туманомъ берега, и за неизвѣстнымъ моретеченіемъ, яко къ стѣнѣ мятыя льдины загустились, а сзади наплыло много льдовъ и судно при-

такомъ положеніи, и всегдашнемъ туманѣ, оставался Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держась NO, войдти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря; но противные вѣтры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ плоучаго льда; прошедъ черезъ нихъ, онъ опять направилъ плаваніе къ NO, дабы обойдти Шелагскій мысъ, но не дошедъ до него, встрѣтилъ противные вѣтры, понудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ намѣреніи поплылъ Шалауровъ на StO, къ отверзстой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго мыса и никѣмъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мель, у низменной оконечности, противъ устья рѣки Пахля. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на вольную воду, поплылъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни наноснаго лѣса, то, ища другаго мѣста, плылъ онъ по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабадея *.

5-го Сентября, находясь противъ узкаго про-

тѣснило, а стояли до 23-го числа, иначе за незнаніемъ въ такой близости поперечнаго берега, а ежелибъ вѣдали чтобъ миновали Шелагскій мысъ и препятствіемъ спаслись.»

* На картѣ Шалаурова островъ названъ Заведей.

лива, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, коихъ жители убѣжали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадея; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехтъ на льдину, и плыли по теченію 5 верстъ» къ WSW; около сего времени увидѣли къ NOtN, въ дальномъ разстояніи, гору *.

12-го числа, Шалауровъ вошелъ въ Колыму и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примѣчательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ берегъ заворачивается къ NO, и проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Заячьимъ Камнемъ*, и подобна согнутому рогу, а другая *Бараній Камень*, въ видѣ груши, то есть, верхъ шире низа, и возвышается надъ горизонтомъ воды на 29 ярдовъ. Такихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить: какія скалы, или горы Шалауровъ разумѣетъ? Гора, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Баранова Камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго моря до Шелагскаго мыса, я не за-

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 8-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстъ въ часъ; но я основывался на оригинальной картѣ Шалаурова, приписки въ коей совершенно объясняютъ его плаваніе.

мѣтилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго моря, отъ рѣки Яны до Шелагскаго мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею немалую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде него ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $1^1/_3°$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было, что не касается берега между Колымою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о коей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунъ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго мыса, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по румбу NOtN, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на сей линіи, въ 75 Итал. миляхъ, отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожь мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ 11° 15′ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, 17° 12′ восточн., а мною, въ 1822 году, 12° 35′ восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другими морепла-

вателями замѣчено въ семъ морѣ, гдѣ лѣтомъ воды стремятся отъ востока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діомида, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ Дмитрій Лаптевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ Геденштремомъ въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ сей не найденъ, и прежняго существованія его не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ разъѣзжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромъ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діомида положенъ на обѣихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миляхъ отъ ближайшаго берега. Сравнивая сіи карты съ картою лейтенанта Анжу, мы съ перваго взгляда удостовѣряемся, что островъ Діомида не присоединился къ берегу *, а, вѣроятно, смытъ, или сдвинутъ отъ сильнаго напора льдовъ; та же причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ сѣверу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучшій успѣхъ въ слѣ-

* Хрон. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

дующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обходъ Шелагскаго мыса, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Лену. Оттуда ѣздилъ Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ Правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу, въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различные были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предпріимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто сіе находится на материкомъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынѣ, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предпріимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ сомнительной неизвѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ нѣдрахъ земли тундреннаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой *, мамонтовые рога, подстрекали къ новымъ обрѣтеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ противъ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и наставало время повѣрить извѣстія и распространить промышленность.

* Хрон. Истор. г. Берха, часть II, стр. 141.

Въ 1759, или 1760 году *, Устьянскій Якутъ Этериканъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчавшееся открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесь названіе Этериканъ, или Первый Ляховскій островъ; послѣднее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь Ляхова, ѣздившаго туда и открывшаго новые острова.

Купецъ Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикана было уже извѣстно, находясь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера черезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли сіи звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ, по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался ночевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстѣ, другаго острова. Слѣдъ, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выѣхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ его поѣздкѣ, Правительство предоставило Ляхову исключительное право промышлять мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впредь откроетъ.

* См. Путешествіе Гедеништрема, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 года, Ляховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодьяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливѣ морская вода казалась имъ весьма солона; теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на сѣверъ, и скоро пріѣхалъ на нее, назвавъ ее Третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля, гористая, казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ наноснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котелъ мѣдный, обстоятельство, доставившее ему названіе Котельнаго острова.

Протодьяконовъ разсказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песка со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовые. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество наноснаго лѣса, и въ рѣчки вплывали съ моря рыбы, между коими и краснотельная нерка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ, ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ

и оленей. Неизвѣстность пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землемѣръ *Хвойновъ*, съ порученіемъ сопутствовать Ляхову на ту землю и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибылъ въ Устьянскъ и по льду переѣхалъ къ Святому Носу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперегъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20 въ самомъ узкомъ. По срединѣ нашелъ онъ озеро, значительной величины, но весьма мѣлкое, хотя берега его были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурныя погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемѣра безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовьѣ на семъ островѣ до 6-го Іюня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь и благополучно пріѣхалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало Хвойнову довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурныя погоды и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣлъ онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожь, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько извѣстій, что на картѣ начертилъ и второй островъ

со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова невѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣлъ Хвойновъ отпрядышь во льдахъ, который на его картѣ, ниже на новѣйшей картѣ лейтенанта Анжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйствительно, болѣе не существуетъ *.

О Медвѣжьихъ островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя извѣстія. Надлежало ихъ привесть въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о продолженіи Америки мимо Колымы, въ недальномъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло поручено было геодезіи сержанту Андрееву**, посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго генер. губернатора Чичерина на Колыму.

* Извлечено изъ журнала Хвойнова, помѣщеннаго въ Pallas neue nord. Beyträge, 7 ч., стр. 134 — 142.

** У Палласа, въ Neue nord Beyträge, т. I, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысова, ѣздившихъ по Ледовитому морю въ 1763 году. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: «Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева,» и проч., веденный въ 1763 году. По Хронол. Ист. Берха, стр. 148, ч. II, сказано, что полковникъ Плениснеръ, будучи посланъ осмотрѣть Анадырскій острогъ, и получивъ отъ Чукчей свѣдѣніе, что къ сѣверу отъ рѣки Колымы есть большая земля, именуемая Имоглинъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовѣриться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ о путешествіи Андреева вкратцѣ тоже, что въ прежде упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говоритъ, что послѣ

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымскаго острога, на собакахъ, къ рѣкѣ Крестовой, и оттуда на рѣку Индигирку, съ казакомъ Шкулевымъ, который долженъ былъ указывать путь. Возвратясь къ Крестовой и откормивши собакъ, Апрѣля 22 го, при благополучной погодѣ, отправились они по льду, на собакахъ, въ море, и переѣхавъ 90 верстъ, прибыли къ первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу, отъ востока къ западу, на 50 верстъ; ширина острова около 40, окружность до 100 верстъ.

Андреевъ, описывая подобнымъ образомъ и прочіе острова сей группы, находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости, развалившіяся землянки, или вкопанныя въ землю юрты. Особенно примѣчательна юрта, найденная имъ на скалѣ у третьяго острова, который, по описанію Андреева, превышаетъ величиною первый островъ, имѣя 120 верстъ вокругъ и 60 въ длину. Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны острова имѣется у берега называемый отпрядышъ, разстояніемъ отъ берега 11 саженъ печатныхъ, и на прибыли межутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мѣлкая дресва, а оный камень отпрядышъ весьма

Андреева (путешествовавшаго въ 1763 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, ѣздили по Ледовитому морю три геодезиста, Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ. По рукописному же журналу сихъ трехъ геодезистовъ видно, что они ѣздили по Ледовитому морю въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, а что касается до земли Имоглинъ, то извѣстно, что первый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ проливѣ назывался Имоглинъ. (См. Палласа, N. n. B., IV, 107).

мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 саженъ печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), лиственичныхъ; а становлены лѣсины вверхъ кореньями, къ землѣ же вершинами; такъ прилѣплено, какъ птица на деревѣ гнѣздо вьетъ, а сдѣлано подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ наноснаго лиственичнаго матераго жь лѣсу; поверхъ пола настланъ песокъ съ мѣлкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обставлено вокругъ, на подобіе юрты, дощечками и пластинами шести-четвертными, столь высоко, человѣку въ поясъ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накиданъ мѣлкій, наносный, лиственичный, еловый и осиновый лѣсъ, на коемъ была насыпана жь дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями; оные проухи рублены и доски тесаны топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ, или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ея четыре сажени, въ длину $4^1/_2$ сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 саженъ; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много же развалилось. А признавается дѣлана оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣснотѣ того залавка, токмо

строена не Русскими людьми, а другими, но какими о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый, по его словамъ, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшибся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому Носу.» Описавъ найденныя двѣ развалившіяся юрты, и «два камня, стоящіе, съ пріѣзда отъ западной стороны, въ полугорѣ, называемые *кекуры*, съ издали видимы наподобіе человѣковъ,» Андреевъ продолжаетъ, «да на «семъ же островѣ всходили на верхъ горы и смо«трѣли во всѣ стороны. Въ полуденную сторону «виденъ *голомешитъ* камень, который, по разсуж«денію нашему, тотъ Ковымскій камень, а въ «лѣво, въ восточной сторонѣ, едва чуть видѣть, «синь синѣетъ, или назвать какая чернь: что «такое, земля или полое море, о томъ въ по«длинникѣ обстоятельно донести не умѣю.» Отъ сего острова возвратясь къ Крестовой рѣкѣ, ночевали на третьемъ островѣ. Мая 1-го, готовясь ѣхать, встали поутру рано, и «увидѣли, что два «медвѣдя побѣжали въ море, за которыми от«пустили собакъ и расшибли ихъ порознь, а «раздѣля на двое команду, догнали медвѣдей и «убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего, говоритъ: «Хотя по сказкѣ, данной отъ казака Ѳедора Татаринова, съ товарищи, и показано отъ рѣчки

Крестовой до перваго, а отъ перваго до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, поперегъ и вокругъ, разстояніемъ верстъ, но только онаго весьма явилось много; а что касается по моей описи, то развѣ единая въ маломъ числѣ верстъ ошибка быть можетъ.»

Вопреки столь скромному увѣренію, Андреевъ въ описи погрѣшилъ на 440 верстъ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 верстъ. Также взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скалѣ юрта и скала тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году онѣ бывшею тамъ экспедиціею не найдены, почему думать должно, что льдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ сихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса, по коимъ видѣли мы также немалое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины сего опустѣнія въ перемѣнѣ климата *.

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «Оставленныя «жилища сіи подаютъ намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, «коимъ шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго кру- «говращенія.» Должно замѣтить, что сіи жилища не суть развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому Камню на полдень, синева замѣчена на лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ,» то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами, въ 1821 и 1822 годахъ, на 250 верстъ: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая долженствовала бы намъ непремѣнно открыться.

Вѣроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на пятомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингсу *, сказано: «Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности, полагаемый имъ величайшимъ, островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не доѣзжая того версть за 20, наѣхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ и въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.»

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его опись Медвѣжьихъ острововъ, и вышеизложенная мною невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направленіи. Если же Андреевъ ѣхалъ въ ту сторону, въ которой усмотрѣлъ онъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую

* См. Путешествіе капитана Биллингса, изд. г. вице-адмираломъ Сарычевымъ, стр. 190.

землю и оленьи слѣды, то его открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, ѣдучи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно назваться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «Другія извѣстія доказываютъ, что сія земля имѣетъ жителей, которые называютъ ее *Тикегенъ*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохаевъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ. Нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы. Бывшіе при экспедиціи Биллингса, сотникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже абрисъ видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тоёномъ.»

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверо-западномъ берегѣ Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты могли быть извѣстны Американскому тоёну, а названіе народа Хрохан взято изъ разсказовъ Чукчей Сѣвернаго мыса, какъ означено въ моемъ журналѣ.

Извѣстіе, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверѣ землѣ, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Колыму. Г-нъ Берхъ нашелъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ сей экспедиціи, которая иначе осталась бы для насъ поднесь секретною.

Въ 1767 году ѣздили геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ сей острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій островъ, и объѣзжая всѣ другіе острова, дѣлали имъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году, мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23-го Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ, по сѣверному его берегу, Леонтьевъ, по обсерваціи, нашелъ широту 71° 58′, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта 70° 37′.

24-го числа отправились они въ море на NO 18°, и проѣхавъ 37 верстъ по торосамъ и разсолу, остановились на ночлегъ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейдти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодою и *пургою*.

26-го числа, проѣхавъ на NW 5° три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему не рѣшились слѣдовать далѣе, «ибо

до большой Американской земли разстояніе *неизвѣстно*»*. Притомъ не стало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себѣ ноги, такъ, что онѣ съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, пріѣхали тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счету впередъ и обратно 839 верстъ и 200 саженъ.

1770 года, Февраля 28-го, пустились вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го изъ устья Чукотской протоки, и направили путь къ Медвѣжьимъ островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погодою оставались на семъ островѣ 5 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верстѣ остановились на ночь.

17	на NO	8°	проѣх.	25	верстъ	300	саж.	торосами.
18	— NO	5°	—	18	—	150	—	
19	— NO	5°	—	25	—	«	—	
20	— NO	5°	—	22	—	«	—	
21	— NO	5°	—	18	—	«	—	весьма частыми торосами.
22	— NO	10°	—	18	—	«	—	
23	— NO	15°	—	40	—	400	—	
24	—							

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодою.

27-го, «по видимости, что впереди торосы еще чаще,» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ числѣ 10 человѣкъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кор-

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что не доѣхалъ 20 верстъ до нея.

момъ и пищею на 3 дня, «для осмотрѣнія, не увидится ли гдѣ какая земля. На 5-й верстѣ доѣхали къ великимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстъ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частые торосы, черезъ которые не предвидя возможности ѣхать далѣе, поворотили 28-го числа назадъ».

На пути къ острову переѣхали они 5 разсѣлинъ на льду, шириною по 1 аршину, и 1-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Колыму, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстъ 150 саженъ.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, приводятъ курсы ихъ въ широту 72° 00′ то мѣсто, гдѣ остановлены были свѣжими торосами.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колымска, и отъ устья Средней Колымы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на NO 77°, къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстъ, почти на истинный востокъ, и не замѣтя ничего примѣчательнаго, поворотили на SW 10°, къ большому Баранову Камню, куда пріѣхали на 50-й верстѣ, 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бѣлаго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе, до губы Шелагинской; 28-го поворотили назадъ, за неимѣніемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 саженъ.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леонтьевымъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты не только вовсе не помышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей сія часть берега проведена съ довольною точностію. Такая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ сію послѣднюю поѣздку, показываются въ саженяхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ такой способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Ноября 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Плениснера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года, въ Августѣ, послалъ

* Старики Нижне-Колымска помнятъ эту цѣпь, и разсказываютъ, что при описи Медвѣжьихъ острововъ тащили ее люди.

донесенія и карты, съ прапорщикомъ Леонтьевымъ, въ С. Петербургъ.

Экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три поѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей Правительствомъ цѣли, но не была и вовсе безуспѣшна. Медвѣжьи острова съ великою вѣрностью, геодезически описаны, и море изслѣдовано къ сѣверу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андреева о сѣверной землѣ, обитаемой оленными народами, приняло видъ басни, равно и преувеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжьихъ острововъ, и ихъ размѣреніи, достаточно опровергнуто.

1778 года, Августа $^{11}/_{23}$, появился Кукъ въ Беринговомъ проливѣ, съ извѣстною цѣлью: отыскать проходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо сѣверныхъ береговъ Америки или Азіи. Льдяныя поля, примкнувшіяся къ Ледовитому мысу, остановили Кука на востокъ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западѣ мыса, названнаго имъ *Сѣверный*, который опредѣленъ въ широтѣ 68° 56′, долготѣ 179° 11′ W, отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ сего мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учиненная въ 1823 году опись показываетъ,

что догадки Кука въ семъ случаѣ были невѣрны, а опредѣленіе широты мыса Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта 68° 55′ 16″, долгота 179° 54′ W; склоненіе компаса 21° 40′ восточное.

Азіятскій берегъ до мыса Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окруж-«ности, средней вышины, съ отвѣсными, скали-«стыми берегами, въ разстояніи 3-хъ миль отъ ма-«терика.» На картѣ положенъ сей островъ, названный Burney's island, въ широтѣ 66° 45′, долготѣ 185° 5′ вост.

Поелику около сего мѣста не находится другаго острова, кромѣ *Кулючина*, то, безъ сомнѣнія, Burney's island есть тотъ самый, до котораго, въ 1823 году, наша экспедиція доѣхала; описаніе наружнаго вида его совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по обсерваціямъ, учиненнымъ мною на южной оконечности острова, широта мѣста 67° 26′ 46″, долгота, по счисленію, 184° 28′ вост.

Далѣе къ востоку, въ широтѣ 67° 3′, долготѣ 188° 11′, усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ него берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу онъ низменъ и направляется къ NNW и NWtW, почти

до самаго мыса Сѣвернаго. Глубины, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега, вездѣ почти одинаковы, какъ у Азіятскихъ, такъ и у противолежащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плывя вдоль нихъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лотъ можетъ служить не безполезнымъ вождемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ».

На счетъ сихъ замѣчаній капитана Кука можно сказать, что весь берегъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго, и отъ сего послѣдняго до острова Кулючина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; онъ перемѣняется, и именно около мысовъ *Оньманъ* (къ западу отъ острова Кулючина), *Кибера* и *Козьмина*, представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы и отвѣсныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азіи и Америки, къ сѣверу отъ Берингова пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Бялей неоднократно думали видѣть примѣты близости земли на сѣверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ отъ береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, летѣвшія отъ сѣвера на югъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ такое время, когда сіи птицы, дѣйствительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льдовъ, все, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю, къ сѣверу отъ пролива. Теченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ, старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на сей предметъ вниманіе и Россіи. Кому неизвѣстны описанія экспедиціи, отправленной въ сѣверо-восточную Азію и къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, для географическихъ изслѣдованій, подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ *, который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Англійскомъ секретаремъ экспедиціи Сауеромъ **.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль сего предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для того (на рѣкѣ Ясашнѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога) построили два мореходныя судна, Палласъ*** и Ясашну****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, поплыли оба судна внизъ по Ясашнѣ и Колымѣ, и 18-го Іюня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ нашли широту 68° 17′ 14″, долготу 163° 17′

* Нѣмецкій переводъ, von Busse, Leipzig, 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 футовъ по килю.

**** 28 футовъ по килю.

30″ восточную; склоненіе компаса 14° 14′ восточное.

19-го числа, Паллась поплылъ далѣе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сарычевъ замѣчаетъ: «Кажется вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ праваго берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевымъ для людей казармы, близъ коихъ вытащенъ былъ и ботъ его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходитъ съ трудомъ, и то въ водополье, а во время убыли воды отмѣль бываетъ версты на три.»

23-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волненіе, и въ Ясашнѣ оказалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 саженъ шириною, была отъ 3 до 5 саженъ; на днѣ жидкій илъ. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 саженъ; подъ нимъ видно много наноснаго лѣса».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшіе заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далѣе. 28-го,

находясь въ заливцѣ между Большимъ и Малымъ Барановыми камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію, на берегу, нашелъ широту того мѣста 69° 27′ 26″, долготу, по хронометру, 167° 50′ 30″. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста 69° 29′, прибавляя: «Изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго моря положенъ далѣе къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь 16° 00′ восточное.

1-го Іюля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2-хъ саженъ, понуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверо-западу простиралось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были поворотить обратно, «ибо высокіе и большіе льды, конмъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіяся объ нихъ волны *производили ужасный шумъ*.» Палласъ, 2-го числа, положилъ якорь въ заливцѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашна скоро съ нимъ соединилась.

5-го, и въ слѣдующія числа, пытаясь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, миновали 19-го Іюля Большой Барановъ камень, но прошедъ на сѣверо-востокъ около 11 миль, ледяныя громады, изъ коихъ многія на

16 саженяхъ глубины доставали дно, принудили ихъ укрыться по западной сторонѣ сего мыса, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: «за невозможностію пройдти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму.» Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и на завозахъ пошли на западъ. 26-го Іюля вошли въ устье Колымы, коей теченіе было столь тихо, что черезъ пять дней дошли до Нижне-Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія, Биллингсъ вторично собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было: «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойдти, водою или берегомъ, мысы Шелагскій и Чукотскій.» Опытъ показалъ, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство объѣхать мысы зимою на собакахъ, «но оно отвергнуто въ совѣтѣ, такъ какъ неудобное, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корма болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ, положено сдѣлать еще покушеніе съ восточной стороны, отъ Берингова пролива, на судахъ, приготовлявшихся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Россіи*,

* Смотр. Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

зашелъ въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдарахъ. Повѣривъ такимъ разсказамъ, болѣе нежели собственному опыту *, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойдти моремъ Шелагскій Носъ, и, какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: проѣхать чрезъ Чукотскую землю, и ввѣриться дикому и коварному ея народу, пренебрегая даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа, капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезіи сержанта Гилева, моремъ, на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Кулючина, откуда стараться выѣхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправясь, ѣхалъ на байдарѣ подлѣ береговъ до Восточнаго мыса, перешелъ пѣшкомъ чрезъ перешеекъ его къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ подлѣ береговъ къ NW, то на байдарахъ, то пѣшкомъ, смотря по тому,

* Извѣстно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его путешествіи, и что Кукъ достигъ мыса Сѣвернаго не встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

какъ носящіеся по морю льды ему позволяли или препятствовали; наконецъ, не доходя до острова Кулючина 90 миль, сидячіе Чукчи отказались провожать далѣе, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, черезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки *Югней*, впадающей въ Кулючинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Югней, осмотрѣлъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на $1^1/_2$ фута тонкими закраинами, сверху загнувшимися на внѣшнюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, врытые въ землю. Они всѣ наполнены, съ краями на-ровень, теплою, густоватою, бѣлесоватаго цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющіе съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 саженъ въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти саженъ. отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышащею сопкою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ,

ѣздилъ по Кулючинской губѣ, до ея устья, которое по описанію «лежитъ въ 120 миляхъ отъ Беринтова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина ея не болѣе семи миль. Въ нее впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: *Югней* и *Килью*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Кулючинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ его лежитъ островъ *Песлоне*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мѣлководно, а по восточную глубоко, такъ, что симъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Кулючинъ лежитъ въ морѣ, отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, средина острова Кулючина находится въ широтѣ 67° 30′, долготѣ 185° 26′ W, отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллингса, до перваго Русскаго селенія на Большомъ Анюѣ, при устьѣ Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностью, трудностями пути и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замѣчалъ направленія пути, и измѣрялъ пройден-

ныя разстоянія, означая въ журналѣ своемъ имена рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ распросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «Она вся состоитъ изъ горъ и безплодныхъ долинъ; на горахъ никакой травы непримѣтно, выключая моха, который служитъ пищею оленямъ; вездѣ виденъ голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ палочки тальниковыя, очень нетолстыя; климатъ самый несносный: до 20-го Іюля непримѣтно лѣта, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, снѣжныя кучи покрываютъ землю весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самыя долины, большею частію, болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяница, называемая шикшею. При берегахъ сѣверо-восточной, восточной и отчасти южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы, а во время

зимы, когда жители путешествуютъ, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ сей дикой страны, Биллингсъ въ своихъ запискахъ намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные, въ проѣздѣ черезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Ляхова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской Воеводской Канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми Ляховымъ. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ *втораго* острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Столбовой*. Тотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посыланъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ, въ 1805 году, на востокъ отъ *третьяго* Ляховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Ѳаддеевскихъ* островомъ, потому, что первое на немъ зимовье построилъ промышленникъ Ѳаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ сей земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Новою Сибирью*.

Въ то же время, купецъ Протодьяконовъ, не-

имѣвшій сначала успѣха въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемилостивѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ островѣ, и тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Сіе обстоятельство подало поводъ Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, отправить г-на Геденштрома на сіи острова, съ порученіемъ обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда Геденштрома, въ 1808 году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго острова узкимъ проливомъ, и называемый понынѣ *Бѣльковскимъ* островомъ.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г-нъ Геденштромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевинымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоявшему путешествію приготовленія, г-нъ Геденштромъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ островѣ главную складку запасовъ и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя сіе намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г-нъ Геденштромъ привелъ се-

бя въ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограничены, но онъ старался вознаградить недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хорошій, «морской, или пель-компасъ.» Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, г-нъ Геденштромъ поручилъ землемѣру Кожевину, съ астролябіею, описать первую отъ Котельнаго острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Ѳаддеевскій островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый и запеленговать второй Ляховскій острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узнать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный островъ отъ Ѳаддеевскаго. Себѣ предоставилъ г-нъ Г., раздѣлясь съ Кожевинымъ на Ѳаддеевскомъ островѣ, описать открытую, по объявленію Сыроватскихъ, на 300 верстъ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ *Новою Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Янска, пріѣхали къ первому Ляховскому острову (число въ журналѣ г-на Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По прибытіи наконецъ на Ѳаддеевскій островъ, землемѣръ Кожевинъ и Санниковъ съ г-мъ Геденштромомъ раздѣлились. Онъ самъ направилъ путь на

Новую Сибирь, взявъ вожатымъ Усть-Янскаго крестьянина Портнягина.

Землемѣръ Кожевинъ описалъ западный, южный и восточный берега Ѳаддеевскаго острова, объѣхалъ также первый, запеленговалъ второй Ляховскій острова, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ переѣзжалъ во многихъ мѣстахъ проливъ между Котельнымъ и Ѳаддеевскимъ островами, и нашелъ, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г-нъ Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ; нашелъ, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстъ, какъ объявляли, проѣхали по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, три дня послѣ Кожевина.

Г-нъ Геденштромъ, намѣреваясь въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на семъ островѣ, и увѣриться въ способахъ продовольствія на немъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лѣтовку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхо-Янскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остаться праздным, дѣлалъ г-нъ Геденштромъ опись приморскаго берега къ Индигиркѣ. Тутъ узналъ онъ о возвращеніи, въ па-

чалѣ Ноября, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что даже во многихъ мѣстахъ не сходилъ снѣгъ и травы никакой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что береговаго льда въ то лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три стана. Мѣщанинъ Санниковъ также вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Ѳаддеевскомъ островѣ и на Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное острее, для сбитія съ оленьихъ кожъ шерсти, а на Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все доказываетъ,» говоритъ г-нъ Геденштромъ, въ своемъ занимательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежатъ нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вмѣсто желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго?»

Зиму провелъ г-нъ Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время,»

говоритъ Геденштромъ, «протекало у насъ скорѣе, нежели у инаго при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посѣтила и насъ. Болѣе двухъ мѣсяцовъ продолжающаяся здѣсь ночь дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и выогъ, которые посылаетъ тогда благотворная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для человѣка зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принялъ для сопутниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показалась она только у меня и у одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ другихъ предохранялись движеніемъ. Но повторяемые пріемы селитры, отваръ кедроваго сланца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ нея.»

1810 года, Января 29-го, г-нъ Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Санникова, лѣтовавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г-нъ Геденштромъ отмѣнилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ увѣрившись, что Новая Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодолѣвъ многія препятствія и затрудненія, г-нъ Геденштромъ наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго Устья (на Индигиркѣ), на 29-ти нартахъ, въ море, держа путь къ поставленному имъ, въ 1809 году, кресту, близъ Песцоваго мыса. 13-го числа пріѣхали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малою ошибкою,» говоритъ онъ, «обязанъ я Деревяннымъ горамъ, которыя увидѣли мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольнаго навыка въ разъѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ, на 7 лучшихъ нартахъ, описывать берегъ къ востоку. У Песцоваго мыса опредѣлили по наблюденію склоненіе стрѣлки 15° восточн., а широту 74° 45′, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнствуетъ только 5′ недостаточно.

Мѣщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нартѣ черезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у *Каменнаго* мыса, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса виднѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро пріѣхалъ и Санниковъ. Проѣхавъ землею 70 верстъ на сѣверъ, выѣхалъ онъ къ мор-

скому берегу, откуда поворотилъ къ востоку и ночевалъ въ 5-ти верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Геденштромъ отмѣнилъ намѣреніе лѣтовать на ней, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новымъ открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, но всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлымъ яромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуцыркулемъ, почти соединяющимся съ Новою Сибирью. Но, къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась въ гряду высочайшихъ ледяныхъ громадъ, 15 и болѣе саженъ вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Желая запастись дровами на дальній путь, возвратился Геденштромъ отсюда на Новую Сибирь, и нагрузя ими нарты на 14 сутокъ, отправился вторично, 24-го Марта, на востокъ, но торосъ былъ столь густъ, что въ 4 дни проѣхали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и носящійся по морю ледъ. Сія вода была, какъ я послѣ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Новой Сибі-

ри до Медвѣжьихъ острововъ, что составитъ до 500 верстъ.»

Намѣреваясь ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьи Колымы, три раза приближался Геденштромъ къ полыньѣ, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости сей препоны, поворотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азіятскій берегъ около устья рѣки Курджягиной, пробывъ 43 дня въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предположенныхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, еслибы 11 убитыхъ имъ, бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормѣ собакъ. 13-го Апрѣля пріѣхали къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправленія своего на Новую Сибирь, Геденштромъ послалъ на Колыму нарочнаго, съ предписаніемъ изготовить подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, но какъ, вмѣсто такихъ, встрѣтили ихъ 4 весьма дурныя нарты, то онъ принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемѣра Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ онъ для лѣтовки на Котельный островъ.

Наконецъ, 18-го Апрѣля, Геденштромъ отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корма на 20 дней. У Баранова Камня продержала его жестокая буря отъ востока 7 дней; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видѣли мы стадо гусей, летѣвшихъ на NNW, и бѣлаго филина; на N подымались облака; глубина морская уменьшалась. Все доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова Камня переѣхали мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доѣхали до щели въ 15 саженъ. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на OSO, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морская, отъ 11½ саж., уменьшилась до 11-ти саженъ.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыя испытаны мною, десять лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20°, по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходитъ по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по коимъ, въ 1821 и 1822 годахъ, мы проѣзжали. 150 верстъ отъ Баранова Камня, гдѣ Геденштромъ нашелъ земляныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда, въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы попеременно полыньи и чрезвычайные тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Нами измѣренная глубина здѣсь 14½ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы 14½ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Геденштрома, и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время коей

многократно измѣряема была глубина моря, возрастающая съ удаленіемъ на востокъ и умаляющаяся къ западной сторонѣ, не уменьшалась къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ его ошибки, тѣмъ болѣе вѣроятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго, на футы измѣреннаго лотъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ повѣрки обсервованными широтами. Что полагаемыя такимъ образомъ разстоянія весьма не надежны и у Геденштрома всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуетъ его опись Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и филина въ значительномъ отдаленіи отъ материка не должно также насъ удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверъ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдаль къ полыньямъ, пока вскрытіе рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а филинъ есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣдкахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ *исходѣ лѣта* видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностью, что они оставили сѣверную землю и возвращаются въ полуденныя страны.

Не видя возможности ѣхать далѣе на сѣверъ, Геденштромъ желалъ выѣхать къ Шелагскому мысу,

но тонкій ледъ ему и въ томъ покушеніи воспрепятствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашелъ онъ свой старый слѣдъ, по которому пріѣхалъ, 8-го Мая, къ Баранову Камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его продержала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Геденштромъ отправился, 18-го Сентября, на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ онъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не находя возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправились въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ черезъ тундру. «На семъ пути,» говоритъ Геденштромъ, «примѣчательно «озеро *Хастахъ*, длиною 14, а шириною 6 верстъ. «Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ «великое множество, извѣстнаго по Естественной «Исторіи, смолистаго дерева (bituminosis Holz), «въ видѣ щепъ. Берега завалены имъ въ иныхъ «мѣстахъ на аршинъ вышиною; между сими ще«пами попадается мѣлкими кусками вещество, «очень похожее на камедь. Оно горитъ, какъ ян«тарь, но имѣетъ смолистый запахъ, и судя по«тому есть, вѣроятно, ни что иное, какъ затвер«дѣлая смола лиственницы. Ближнее разстояніе «сего озера отъ моря 115 верстъ, отъ лѣса 80 «верстъ.»

Онъ сообщаетъ намъ и другое, не менѣе примѣчательное явленіе природы. «На тундрѣ также

«находятъ, далѣе отъ лѣса, въ ярахъ, надъ озе-«рами и рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и «корою. Онѣ истлѣли, но жители употребляютъ «ихъ на топку, въ случаѣ недостатка въ дровахъ. «Онѣ не даютъ пламени. Жители называютъ сіи «березы *адамовщина.*»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Геденштромъ о возвращеніи Санникова отъ Котельнаго острова. Вотъ краткій отчетъ его:

«Мѣщанинъ Бѣльковъ (компаньонъ купца Про-«тодьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санніко-«вымъ, лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ «островѣ, для промысла мамонтовой кости и пе-«сцовъ. Они избрали для лѣтованія западную «сторону острова, на которой предполагали «имѣть изобильнѣйшіе промыслы, потому, что «до сего времени никто на сей сторонѣ не бы-«валъ.

«Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному «берегу Котельнаго острова, въ 150 верстахъ отъ «тѣхъ мѣстъ, до коихъ доходили прежніе про-«мышленники, нашелъ:

1. «На берегу выкопанную могилу; тѣло было «вырыто медвѣдемъ. Послѣ могилы стояла дол-«гая, узкая и высокая нарта, строеніе коей отъ «всѣхъ извѣстныхъ отлично, и доказывало, что «тащили ее люди лямками. Въ одномъ концѣ мо-«гилы сдѣланъ деревянный крестъ, обложенный «свинцомъ, съ обыкновенною, церковною, Рус-«скою надписью. Подлѣ креста лежали желѣзный

«ботасъ (родъ узкаго однолезвейнаго копья) и «двѣ желѣзныя стрѣлы.

2. «Въ недальнемъ отъ сего мѣста разстояніи «было четыреугольное рубленое зимовье, въ ко- «емъ найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго ро- «га, тесанныхъ топоромъ.

3. «На рѣчкахъ, гдѣ линяютъ гуси, находилъ «Санниковъ гусиныя кости, въ доказательство, «что были здѣсь люди, а на морскомъ берегу «видѣлъ китовые позвонки. Также замѣчено имъ, «что дикіе олени сего мѣста гораздо боязливѣе «и осторожнѣе находящихся на матерой землѣ «Сибири.

4. «Берегъ, въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ «доходилъ, оборачивается на востокъ, а на сѣ- «веро-западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ, «видны высокія каменныя горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Индигирскимъ промышленникамъ было извѣстно, что на западномъ берегу острова никто прежде не бывалъ, то видѣнные признаки бытія здѣсь Русскихъ людей приписываетъ Геденштромъ крушенію какого либо коча мореходцовъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокихъ горъ на NW отъ Котельнаго острова, побудило къ намѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе все изслѣдовать. Окончательную опись Новой Сибири и Ѳаддеевскаго острова поручили геодезисту Пшеницыну, а казачьему сотнику Татаринову, котораго обучили употребленію компаса, приказано попытаться объѣхать съ сѣверной сто-

*

роны полынью, протянувшуюся отъ Новой Сибири къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію изложенныхъ намѣреній для будущаго года въ исполненіе, ѣздилъ Геденштромъ въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ повелѣніе отъ Иркутскаго Гражданскаго Губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправленія на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытіи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что Гражданскій Губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго моря несутъ отъ экспедиціи, представлялъ уже высшему начальству объ ея уничтоженіи. По разсмотрѣніи всѣхъ дѣйствій Геденштрома, предположено было окончить опись острововъ Котельнаго, Ѳаддеевскаго и Новой Сибири, однакожъ съ тѣмъ, чтобы все выполнено было безъ Геденштрома, котораго Губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мѣщанинъ Санниковъ, сотникъ Татариновъ и унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ, находившійся съ Геденштромомъ во всѣхъ его разъѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ*, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Рускаго Устья (деревня на Индигиркѣ) на Новую Сибирь, въ нартахъ,

* Отчетъ сей выписанъ мною изъ приложенія къ журналу г-на Геденштрома.

объѣхалъ ее, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ; съ сѣверной стороны Каменнаго мыса, сотникъ Татариновъ пускался въ море, но проѣхавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льда, за которымъ видно было открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго лѣса на южной сторонѣ довольно, а на сѣверной, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта 1811 года, пустился изъ Усть-Янска, въ трехъ нартахъ, на Ѳаддеевскій островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рѣшетникова, для приготовленія всего нужнаго къ лѣтованью на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Ѳаддеевскій островъ, и давъ нужный собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ его, съ которой началъ путь свой, море, почитаемое прежде проливомъ, оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Ѳаддеевскій островъ соединяется съ Котельнымъ. Сѣверо-западная оконечность Ѳаддеевскаго острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго, узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юго-востокъ и востокъ, составляетъ губу; въ восточной части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенска-

го мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ доѣзжалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣлъ Санниковъ на сѣверѣ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ неболѣе 25 верстъ, когда былъ удержанъ полыньею, простиравшеюся во всѣ стороны; земля ясно была видна, и онъ полагалъ, что она отъ него тогда не болѣе 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но проѣхавъ не болѣе 30 верстъ, доѣхалъ до открытаго моря.

12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный островъ для лѣтовки. 2-го Мая, обозъ его выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ благополучно на Котельный островъ. Олени, по долгомъ ожиданіи, наконецъ пригнаны на островъ 9-го Іюня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ уже былъ изрѣзанъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Назначенные для Пшеницына на Ѳаддеевскій островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшіе недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальняго пути къ Котельному острову, были весь-

ма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Іюня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли всегда держаться берега, гдѣ рѣдко бываютъ довольно хорошія для оленей кормовища; зная также западную и восточную стороны острова на дальное разстояніе, приняли намѣреніе пройдти внутрь земли, какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться его, сколь возможно ближе, пока опять дойдутъ до извѣстныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вверхъ по Царевой рѣкѣ, съ которой своротили вправо, на восточную, сторону острова, къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой, все уже держась берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей путь совершили въ 54 дня, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. На пути питались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій Князекъ, посредствомъ пріученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ семъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышенныхъ мѣстахъ, лошадиныя, буйволовыя, бычачьи и овечьи головы и кости въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что сіи животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но чѣмъ могли они питаться въ

такой, безплодной и суровой странѣ? Иначе изъяснить невозможно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сіи стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, кости которыхъ во множествѣ тамъ находятся, и тогда же произрасталъ и лѣсъ, окаменѣлые остатки котораго встрѣчаются цѣлыми слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150, множество Юкагировъ удалились на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вѣроятно, что сей народъ перешелъ потомъ на другіе острова или земли Ледовитаго моря.

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго ила. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости, и онѣ доказываютъ, что отъ Котельнаго острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающійся льдомъ, подобно Ледовитому морю при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ и костей ихъ не видывано. *

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты нерѣдко попадались въ семъ морѣ.

самомъ берегу старое Русское зимовье и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ на то мѣсто, рѣшились открыть могилу; они нашли въ ней деревянный срубъ, а въ немъ нижнія челюсти человѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбъ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, кремень обитый, костяной гребень, и истлѣвшіе песцовые, оленьи и овчинные лоскутья, и юфтевые переды чарко́въ (Сибирскихъ котовъ). Неподалеку отъ могилы нашли желтой мѣди кастрюлю, топоръ и перерубленныя лыжи. Могила была вытаяна огнемъ, что доказывали найденныя въ ней обгорѣлыя головни и опаленная дресва. Откуда человѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ? Кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіятскимъ? Когда онъ здѣсь былъ и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.

«5-е. Близъ устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ сосноваго, а кокоры изъ кедроваго лѣса. Коновать была засмоленныя мочалы.»

4-го Октября, Санниковъ отправился для обозрѣнія низменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда оттуда на Ѳаддеевскій островъ, для навѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрома, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣхалъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ

сотникомъ Татариновымъ на Ѳаддеевскій островъ, полагая провести на немъ лѣто. Онъ расположился въ зимовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ былъ туда привести Князекъ Юкагирскій, но какъ Князекъ не прибылъ, то старался Пшеницынъ пѣшкомъ, сколько возможно, слѣдовать берегомъ.

Перенеся величайшія трудности, онъ не могъ пройдти и 50 верстъ, возвратился въ зимовье, и ожидалъ осени, чтобы выѣхать на матерую землю, или на Котельный островъ. Къ несчастію, не было въ то лѣто мышей на островѣ (мыши островныя часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю), и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда ихъ прокормленія полагалась на мышей, которыхъ онѣ лѣтомъ сами ловятъ. Завезенный кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября, прибылъ Санниковъ на Ѳаддеевскій островъ, и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ у нихъ перемерла, а остальныя, по недостатку въ кормѣ, столь были худы, что никакъ ѣхать было невозможно, а также и въ съѣстныхъ припасахъ терпѣли они крайній недостатокъ.

10-го Октября, всѣ, съ Санниковымъ и Рѣшетниковымъ, отправились съ Ѳаддеевскаго, и 13-го прибыли на Котельный островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словес-

ныхъ разсказовъ, составилъ журналъ и сочинилъ Котельному острову карту.

27-го Октября, отправились съ Котельнаго острова въ путь. На морѣ подвержены были, по причинѣ тонкаго льда и многихъ полыней, великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всего избавлялись.

12-го Ноября, съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ. Отсюда Санниковъ и Рѣшетниковъ, 27-го числа, выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ, оленей экспедиціи, и удовлетворенія жителей за кормъ, нарты, и прочее. Окончивъ все, возвратился онъ въ Иркутскъ, въ Сентябрѣ 1812 года.

Тѣмъ кончилась экспедиція г-на Геденштрома, столь занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія сего достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естествознанія льдистой страны, такъ, что не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратцѣ изъ его журнала:

«По всему берегу Ледовитаго моря лѣсъ не растетъ. Онъ оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мохомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и ерникъ (betula nana), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и нако-

нецъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ крайнихъ къ сѣверу лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берега Ледовитаго моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усѣяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ наноснаго лѣса. Все доказываетъ, что сей увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальное разстояніе мѣли, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льда и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерѣзывающія земляные слои.»

На Ледовитомъ морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревянныя горы** на Новой Сибири. Разстояніе ихъ отъ Индигирки не менѣе 312 верстъ. Быковскій мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также часто ясно видѣнъ бываетъ съ мыса Бархая, влѣво отъ Яны, на разстояніи 115 верстъ.**

* Вышина ихъ, по измѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 20 саж.

** Въ журналѣ Геденштрома сказано 300 верстъ, но несправедливо.

О сѣверныхъ островахъ Геденштромъ замѣчаетъ, что берега ихъ, большею частію, состоятъ изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ, повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющееся, гнѣздообразное; имъ питаются бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кромѣ сѣверныхъ береговъ Ѳаддеевскаго острова и Новой Сибири. *Четвероногія*: олени, выше станомъ оленей материка Сибири; песцы, бѣлые и голубые; бѣлые медвѣди; мыши, бурыя съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлыя; также замѣчены слѣды россомахи. Всѣ сіи звѣри тузсмные, вѣроятно, кромѣ россомахи. *Птицы*: бѣлыя куропатки; бѣлые филины, какіе бываютъ въ Лапландіи и по всему сѣверу; турпаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣе казарки, у коихъ крылья черныя, хвостъ и спина бурые, брюхо и зобъ свѣтло-бурые. Жители приморскіе называютъ ихъ *пьмкàми*. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. *Рыбы*: на Котельномъ островѣ, въ Царевой рѣкѣ, ловится красная рыба *зубатка*, а на Новой Сибири довольно *рогатки*. Она величиною до 4 вершковъ, походитъ на налима видомъ и вкусомъ, только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонѣе; на головѣ четыре твердыя, конической фигуры, возвышенности, отъ которыхъ рыба сія и имя свое получила.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири

смолистое дерево; тутъ же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутыя выше *Деревянныя горы* названы симъ именемъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящіе изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ песчаника и смолистаго дерева, въ видѣ бревенъ. Въ утесахъ бревна сіи имѣютъ горизонтальное положеніе, а на самой вершинѣ горы стоятъ вертикально одно подлѣ другаго. Вышина концовъ, на поверхности земли, отъ 2 до 4 вершковъ. Видъ ихъ весьма походитъ на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что онъ совершенно походитъ на потухшій только что уголь, подернутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепломъ. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ нѣжная, бѣловатая плева его, крѣпко впрочемъ соединенная съ углемъ. *

На Котельномъ островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрѣдка темно-красные сердолики. Мамонтовые клыки, или, какъ нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попада-

* Лейтенантъ Анжу говоритъ о Деревянныхъ горахъ слѣдующее: «Онѣ суть ни что иное, какъ отвѣсный, до 20 саж. земляной яръ, образующій морской берегъ, на разстояніи около 5 верстъ; въ семъ ярѣ лежатъ, почти горизонтально, бревна кучами, мѣстами по 50-ти вмѣстѣ, выходящія концами своими наружу. Самое толстое, мною видѣнное, имѣло въ діаметрѣ полторы четверти; составомъ хрупки, полутверды, чернаго, слабо-лоснящагося цвѣта; горятъ на угольяхъ трудно и издаютъ смолистый запахъ.»

лись тяжеле шести пудовъ, а напротивъ, на матеромъ берегѣ, въ нѣкоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнъ того островная кость свѣжѣе и бѣлѣе. На первомъ Ляховскомъ островѣ примѣчательно, что если отмѣль на западной сторонѣ острова, отъ продолжительныхъ вѣтровъ, обнажается, то находятъ на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, не заслуживаютъ большаго вниманія. Широта Святаго Носа, полагаемая имъ 71° 50′, разнствуетъ ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около 1° 5′, также недостаточно, противъ вѣрнѣйшей обсерваціи лейтенанта Анжу. Въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полу-градуса положенъ южнѣе новѣйшихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго острова до самаго восточнаго Новой Сибири по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 25 миль Итальянскихъ. Подобныя невѣрности дѣлаютъ опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотритъ изъ предшествовавшаго, что хотя сѣверные берега Сибири, и прилежащіе къ нимъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однакожь, за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна

географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соотвѣтствовать требованіямъ географовъ и мореходцовъ, и морскія карты берега разнствовали въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}°$. Такъ, напримѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ при путешествіи экспедиціи капитана Биллингса, положены: Святой Носъ 70° 53′, а сѣверный пунктъ берега между Алазеею и Колымою 70° 07′; у Геденштрома, первый 71° 50′, второй 70° 27′, а на оригинальной картѣ Дмитрія Лаптева, первый 72° 50′, а второй 71° 05′.

Сверхъ того, отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстія о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагскаго мыса. *

Наконецъ, неопровергнутыя преданія, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованіи земель на сѣверъ отъ Котельнаго острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію сей части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время, когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

* См. Burney's Chronological History.

Таковы были причины, побудившія блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ, съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ морѣ земель и точнѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскій мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда, въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части Естествознанія, и двухъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на рѣку Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ рѣки Колымы, порученъ мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлены къ сему отряду:

Мичманъ Матюшкинъ,
Штурманъ Козьминъ,
Докторъ Медицины Киберъ,
Слесарь Иванинковъ.
Матросъ Нехорошковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюденій находилось при семъ отрядѣ:

Секстановъ	3
Артифиціяльныхъ горизонтовъ со ртутью	3
Карманный секстанъ	1
Азимуфъ-компасъ	1

Ручныхъ пель-компасовъ		3
Термометровъ	ртутныхъ	3
	спиртовыхъ	4
Барометровъ походныхъ		2
Инклинаторъ		1
Искусственныхъ магнитовъ		2

Государственный Адмиралтейскій Департаментъ, въ составленной для руководства инструкціи, изложилъ средства и цѣль отряда слѣдующими словами:

«Изъ журналовъ прежнихъ плавателей по Ледовитому морю видно, что въ лѣтнее время, за множествомъ носимаго по оному морю льда, невозможно производить описи на мореходномъ суднѣ. А какъ сержантъ Андреевъ, въ 1763 году, и титулярный совѣтникъ Геденштромъ и геодезистъ Пшеницынъ, въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, въ весеннее время, съ удобностію по льду на собакахъ объѣзжали и описывали, первый Медвѣжьи острова, а двое послѣднихъ Ляховскіе острова и Новую Сибирь, то и нынѣ полагается таковыми же способами исполнить Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, и первый отрядъ отправляемой экспедиціи назначается для описи береговъ отъ устья рѣки Колымы къ востоку до Шелагскаго мыса, и отъ онаго на сѣверъ, къ открытію обитаемой земли, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недальнемъ разстояніи.»

Экспедиція поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго Генералъ-Губернатора, дѣйстви-

тельнаго тайнаго совѣтника, Михайла Михайловича Сперанскаго; всѣмъ, что экспедиція совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ Его Высокопревосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ, отъ недостатка мѣстныхъ способовъ.

=

ГЛАВА II.

—

Отъѣздъ Экспедиціи изъ С.Петербурга. Прибытіе въ Иркутскъ.— Плаваніе по рѣкѣ Ленѣ. — Городъ Якутскъ.

—

Оба отряда нашей экспедиціи отправились изъ С. Петербурга 23-го Марта 1820 года, и прибыли въ Москву 3-го Апрѣля. Здѣсь отдѣлился я отъ начальника втораго отряда, лейтенанта Анжу; онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ, со всѣми нашими инструментами, до установленія лѣтняго пути, а я, поручивъ оставшемуся при немъ г-ну Козьмину частный присмотръ за инструментами, принадлежавшими къ моему отряду, поспѣшилъ, съ мичманомъ Матюшкинымъ, въ Иркутскъ, дабы тамъ немедленно заняться нужными приготовленіями къ дальнѣйшему пути. Для ускоренія ѣзды нашей, мы взяли съ собою только два небольшіе чемодана, съ необходимымъ платьемъ и бѣльемъ, и отправились на обыкновенныхъ перекладныхъ.

Разлитіе многихъ рѣкъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ крайне замедляло путешествіе наше, но вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ и разнообразило его окружавшими насъ видами. Всѣ удолья превратились въ огромныя вмѣстилища водъ и въ озера; изъ нихъ торчали вершины уже зеленѣвшихъ деревъ, представляя взору чудное явленіе пловучихъ садовъ, между которыми, несясь черезъ холмы и горные хребты по хорошимъ, и дурнымъ дорогамъ, достигли мы наконецъ до неизмѣримой Сибири.

Отъ Москвы до Иркутска, на пространствѣ 5317 верстъ, составляющемъ едва треть всего протяженія Россіи отъ запада къ востоку, встрѣчали мы нѣсколько разъ весну и нѣсколько разъ зиму; своротя въ сторону, на незначительное по Сибирскому размѣру разстояніе, мы могли бы найдти столь же легко совершенное лѣто. Въ Казани зеленѣли уже деревья и луга украшались прекраснѣйшими цвѣтами, а на высотахъ и въ долинахъ Уральскихъ горъ лежалъ еще глубокій снѣгъ. Въ окрестностяхъ Тобольска едва пробивалась свѣтлозеленая трава по отлогимъ мѣстамъ, между тѣмъ, какъ въ романическомъ Красноярскѣ улыбалась намъ роскошнѣйшая весна, а въ Иркутскѣ стояли сады уже въ полномъ цвѣтѣ. Къ сожалѣнію, спѣша на мѣсто нашего назначенія, мы только мимолетомъ удивлялись безпрестанно смѣнявшимся красотамъ природы и рѣзкимъ противоположностямъ всякаго рода, кото-

рыя дѣлались еще болѣе рѣзкими отъ быстрой ѣзды нашей, и отъ того, что не въ состояніи будучи слѣдовать за постепеннымъ измѣненіемъ предметовъ, переносились мы изъ великолѣпныхъ чертоговъ столицы бѣлокаменной Москвы въ юрты кочующихъ Тунгусовъ, изъ необозримыхъ дубовыхъ и липовыхъ лѣсовъ Казани на голыя, снѣгомъ и льдомъ покрытыя тундры по берегамъ Алазеи и Колымы. Какая разность въ климатѣ, произведеніяхъ, населеніи, физіогноміи странъ! Какое разстояніе между степенью умственнаго образованія жителей столицы и народовъ кочующихъ!

Коль скоро перешагнете за Уральскій хребетъ, или, по тамошнему, за *Каменный Поясъ*, слѣдовательно, вступите въ Сибирь собственно, васъ поражаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ рѣдкое добродушіе и привѣтливость обитателей сей страны, которую все еще представляютъ себѣ столь многіе, особенно иностранцы, ужасною, хладною пустынею, наполненною злодѣями и преступниками. Вмѣсто того, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь, именно въ *южной* части, роскошную растительность, хорошо воздѣланныя поля, отличныя почтовыя дороги, большія, хорошо устроенныя деревни и совершенную безопасность, какую едвали можно найдти въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы. Вездѣ принимали насъ съ радушнымъ гостепріимствомъ и безкорыстіемъ, и безъ малѣйшей задержки,

тотчасъ отправляли далѣе. При перемѣнѣ лошадей, случалось ли то днемъ или ночью, вещи наши лежали на большой дорогѣ безъ всякаго присмотра, и часто, при малѣйшемъ изъявленіи на счетъ того опасенія, намъ отвѣчали простосердечно: «Небось! Тутъ ничего не украдутъ.»

Мая 18-го пріѣхали мы въ Иркутскъ, и остановились въ домѣ начальника Адмиралтейства, лейтенанта М. И. Кутыгина, у котораго, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, проведеннаго мною здѣсь, пользовался я самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Немедленно явился я къ бывшему тогда Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, дѣйствительному тайному совѣтнику Сперанскому. Его Высокопревосходительство, удостоивъ меня самаго лестнаго пріема, съ предупредительною готовностью доставилъ мнѣ всевозможныя пособія къ снаряженію и приготовленію всего нужнаго для нашего дальнѣйшаго путешествія, такъ, что въ короткое время успѣлъ я запастись всѣмъ, что только здѣсь и отсюда получить было возможно. Между прочимъ, М. М. Сперанскій сообщилъ мнѣ, по своей благосклонности, всю переписку, веденную имъ по предмету нашей экспедиціи, со всѣми мѣстными начальствами тѣхъ областей, черезъ которыя проѣзжать ей надлежало, какъ равно и донесенія господина Гедештрома, посѣщавшаго въ 1811 году берега и острова Ледовитаго моря, приказавъ мнѣ представить

собственное мнѣніе мое обо всемъ, что казалось бы еще нужнымъ и полезнымъ для лучшаго успѣха въ предпріятіи нашемъ. Письменныя свѣденія и личное мое знакомство съ г-мъ Гедентромомъ, вызваннымъ въ Иркутскъ по распоряженію господина Генералъ-Губернатора, были для меня весьма важны, ибо я узналъ уже здѣсь, что предстоитъ мнѣ въ Нижне-Колымскѣ и на берегахъ Ледовитаго моря. Картина странъ, покрытыхъ вѣчнымъ саваномъ, сотканнымъ изъ снѣга и льдовъ, странъ, гдѣ, кромѣ суроваго климата, полагалъ намъ непреодолимыя препятствія еще недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ всякаго рода, такая картина была, признаюсь, по крайней мѣрѣ, непривлекательна; впрочемъ, она не имѣла никакого особеннаго вліянія на веселую бодрость нашу, съ какою приступивъ къ данному намъ порученію, мы взяли для того надлежащія мѣры.

По прибытіи въ Иркутскъ (въ первыхъ числахъ Іюня) лейтенанта Анжу, съ прочими къ экспедиціи принадлежащими чинами, и съ инструментами, оставили мы 25-го Іюня столицу Сибири, исполненные признательности и благодарности за участіе, дружбу и всѣ пріятности, которыми пользовались въ ней, и которыя были для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что здѣсь нѣкоторымъ образомъ разставались мы съ образованнымъ свѣтомъ, отправляясь года на четыре въ льдистыя пустыни, гдѣ надлежало отказаться отъ всѣхъ пріятностей и наслажденій общественной жизни, ко-

торыми съ избыткомъ пользовались въ гостепріимномъ Иркутскѣ, и особенно въ радушномъ семейномъ кругу тамошняго Губернатора И. Б. Цейдлера.

Іюня 27-го, прибыли мы всѣ въ мѣстечко Качугъ, находящееся въ 236 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, которая отсюда начинаетъ быть судоходною. Тутъ нашли мы устроенный для насъ *павозокъ*, большое плоскодонное судно съ палубою, и нагрузивъ его припасами, заготовленными для насъ въ Иркутскѣ Адмиралтействомъ, пустились, 28-го Іюня вечеромъ, внизъ по теченію величественной Лены.

Урочище Качугъ являетъ собою нѣчто похожее на пристань, ибо отсюда сплавливаются всѣ купеческіе товары и казенныя тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Ленѣ.

Для того употребляютъ суда двоякаго рода: *павозки* и *Ангарки*. Первыя суть большія, широкія барки, которыя нагружаются вѣскими тяжестями, отправляемыми до самаго Якутска, но по причинѣ своей величины, они не могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, и потому, прибывши къ мѣсту своего назначенія, разбираются, и употребляются, какъ въ Петербургѣ барки, на строеніе и дрова. Ангарки, напротивъ того, суда меньше, поднимающія неболѣе 80 пудовъ груза, возвращаются назадъ греблею и бичевою. Есть еще родъ довольно большихъ, покрытыхъ палубою судовъ, съ парусами; ихъ употребляютъ для перевозки разныхъ товаровъ

по рѣкѣ, внизъ и вверхъ. Путешественники налегкѣ пользуются небольшими скороходными лодками, и для безопасности держатся навѣтреннаго берега; со станцій, расположенныхъ здѣсь въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, они имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколько лошадей значится въ ихъ подорожной, такъ, что могутъ продолжать плаваніе свое довольно скоро и безостановочно, особенно внизъ по рѣкѣ.

Но вотъ все, что по сіе время сдѣлано здѣсь въ пользу внутренняго сообщенія по рѣкамъ, а оно, по своей великой важности, заслуживаетъ особенное вниманіе, въ столь малолюдной землѣ, какова бо́льшая часть Сибири, гдѣ поселенія отдалены одно отъ другаго нерѣдко на нѣсколько сотъ верстъ, и преимущественно потому, что поселенія, лежащія далѣе къ сѣверу, не могутъ существовать, ежели не подвезутъ имъ необходимыхъ для содержанія запасовъ изъ болѣе южныхъ и болѣе обработанныхъ областей. Величественныя, исполинскія рѣки пересѣкаютъ Сибирь съ юга на сѣверъ, и, кажется, самою природою предназначены нести избытки изъ южныхъ странъ ея въ отдаленныя сѣверныя, обитатели коихъ терпятъ недостатокъ во всемъ; главныя рѣки соединяются между собою множествомъ побочныхъ, бо́льшихъ или меньшихъ, но вообще судоходныхъ, такъ, что едвали найдется какое либо средоточное мѣсто, до котораго нельзя было бы достигнуть водою. Та-

кимъ благодѣяніемъ природы хотя и пользуются, отправляя съ Якутской ярмарки * въ Жиганскъ, и въ прочія, внизъ по Ленѣ лежащія селенія, на большихъ или меньшихъ судахъ, нѣкоторыя необходимыя жизненныя потребности и предметы роскоши, какъ то: муку, соль, чай, сахаръ, горячее вино, табакъ, и незначительное количество матерій, однакожь, при несовершенствѣ судовъ и недостаткѣ работниковъ для приведенія ихъ въ движеніе, плаваніе не только бываетъ весьма ненадежно, но и производится обыкновенно столь медленно, что транспорты часто зазимовываютъ, не достигнувъ мѣста своего назначенія, и принуждены бываютъ останавливаться до слѣдующей весны, гдѣ придется. Конечно, въ такомъ случаѣ доставляется иногда сухимъ путемъ нѣкоторая часть самыхъ необходимыхъ вещей, но сего рода доставленіе сопряжено съ столь великими затрудненіями, и обходится столь дорого, что привозимые такимъ образомъ въ незначительномъ количествѣ товары продаются по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, и большая часть бѣдныхъ жителей не въ состояніи ими запасаться. Потому безпрестанно находятся они въ мучительнѣйшей неизвѣстности на счетъ столь

* Большая часть товаровъ отправляется по условіямъ, заключаемымъ на Якутской ярмаркѣ въ началѣ Августа; но какъ нижняя сѣверная часть Лены замерзаетъ обыкновенно въ Сентябрѣ, то нерѣдко случается, что значительные казенные караваны не доходятъ даже до Жиганска.

важныхъ для нихъ подвозовъ, тѣмъ болѣе, что остановка ихъ влечетъ за собою, кромѣ недостатка въ той или другой жизненной потребности, вредныя слѣдствія для здоровья вообще. Наконецъ, и самое сохраненіе грузовъ, остановившихся на зимовку, въ продолженіе которой часть товаровъ подвергается порчѣ, крайне обременяетъ прибрежныхъ жителей, обязанныхъ ставить нужное число сторожей для надзора за казеннымъ имуществомъ.

Всѣ сіи неудобства можно устранить, по моему мнѣнію, постройкою одного парохода, съ помощію коего суда успѣвали бы проплывать въ мѣсяцъ отъ Качужской пристани до отдаленнѣйшихъ мѣстъ нижней Лены. Совершая такимъ образомъ плаваніе, можно удобно дѣлать два оборота въ одно лѣто, и черезъ то достаточно снабжать сѣверную Сибирь всѣмъ нужнымъ. Отъ подобнаго ускоренія судоходства по Ленѣ, все пространство, тысячи на четыре верстъ, между Иркутскомъ и берегами Ледовитаго моря, получило бы новую жизнь, промышленость возрасла бы въ тѣхъ странахъ, жители ихъ имѣли бы необходимыя потребности надежнѣе и по гораздо дешевѣйшимъ цѣнамъ, и Сибирское лѣто, понынѣ слишкомъ короткое, показалось бы болѣе продолжительнымъ отъ благоразумнаго употребленія времени. При великомъ множествѣ неизмѣримыхъ лѣсовъ, растущихъ по обоимъ берегамъ верхней Лены, снабженіе парохода дровами, уже нарубленными, будучи со-

пряжено съ незначительными издержками, представляетъ мало затрудненій, а жителямъ открываетъ новую отрасль промышленности.

Обратимся однакожъ къ моему рѣчному плаванію. Судно наше, скользя на поверхности величественной Лены, между высокихъ, романическихъ береговъ, неслось, или по теченію струй, или подъ распущеннымъ парусомъ, когда вѣтеръ благопріятствовалъ, или, въ противномъ случаѣ, на веслахъ.

Лена принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Отъ *Качужской* пристани до станка *Риги* (на разстояніи 400 верстъ) протекаетъ она черезъ страну гористую, покрытую дремучими лѣсами, между берегами живописными (особенно въ верхней, южнѣйшей половинѣ), въ своихъ видахъ до безконечности разнообразными. По скатамъ горъ видишь обработанныя поля, луга, огороды, и между ними хижины поселянъ, живущихъ здѣсь отчасти отдѣльными дворами, а отчасти небольшими деревнями *. Самая рѣка усѣяна множе-

* Жителямъ сихъ мѣстъ причиняютъ великій вредъ разлитія рѣкъ, которыя отъ сильныхъ проливныхъ дождей и скоро растаявшихъ снѣговъ въ ущельяхъ горъ нерѣдко выступаютъ изъ береговъ, и разливаясь, заносятъ обработанныя уже поля, луга и огороды вязкимъ, безполезнымъ иломъ. Черезъ то они лишаются плода трудовъ своихъ, и средствъ, для прокормленія себя и содержанія своихъ незначительныхъ стадъ рогатаго скота. Въ такомъ случаѣ они обращаются къ казеннымъ магазинамъ, которые каждый годъ, всегда изобильно, наполняются избытками съ плодоносныхъ полей Иркутскихъ и Красноярскихъ. Сіи за-

ствомъ низменныхъ островковъ, поросшихъ лѣсомъ. Горы постепенно возвышаются и становятся болѣе утесистыми; у станка Риги вдругъ поворачиваетъ Лена круто на востокъ, и съ перваго взгляда кажется, что сближающіеся внизу оба стремнистые берега, какъ будто стѣсняютъ теченіе рѣки. Съ сего мѣста принимаютъ многія отрасли горныхъ хребтовъ направленіе къ югу, и Лена, освободясь отъ стѣснявшихъ ее доселѣ горъ и отвѣсныхъ скалъ, величественно и великолѣпно продолжаетъ свое теченіе между низменными берегами.

Изъ рѣкъ, впвающихся въ Лену, на означенномъ пространствѣ, упомяну только объ *Орленгѣ*, впадающей въ нее съ правой стороны; она замѣчательна по мелко-зернистому пещаному камню, добываемому въ горахъ, образующихъ берега рѣки, и употребляемому жителями на бруски, которыми запаслись и мы; въ послѣдствіи, они были для насъ весьма полезны.

Между Риги и станкомъ Усть-Кутскимъ попадается кое-гдѣ нѣсколько отмѣлей, затрудняющихъ плаваніе во время мѣлководья; далѣе однакожъ ходятъ употребляемыя здѣсь плоскодонныя суда вездѣ безпрепятственно. При устьѣ рѣки *Куты*, впадающей въ Лену съ лѣвой стороны, построено Рускими, въ 1631 году, первое постоянное зимовье на берегахъ Лены, которую

пасныя житницы весьма благодѣтельны и необходимы для существованія здѣшнихъ жителей; нуждающимся въ пособіи отпускаютъ изъ нихъ по дешевымъ цѣнамъ зерно и муку.

открыли въ первый разъ, въ 1607 году, Мангазейскіе, или Туруханскіе, а потомъ, въ 1628 г., Енисейскіе казаки. Послѣдніе спустились съ верховья *Идирмы* въ Куту, а первые поднялись вверхъ по рѣкѣ Нижней Тунгускѣ, изъ которой, преслѣдуя непокорившіяся еще Якутскія племена черезъ узкій волокъ, вошли въ Вилюй, а по немъ въ Лену.

Отъ станка *Заборья* до города *Киренска* считается по сухому пути только 35 верстъ, а по Ленѣ 105. Она течетъ большими извилинами по сему пространству, которое отъ того и названо *Великими луками*, и при глубинѣ въ 7-мь саженъ, не имѣетъ почти ни малѣйшаго стремленія. Отъ станка Риги горы опять начинаютъ показываться съ правой и съ лѣвой стороны. У Киренска вся лѣвая береговая покатость состоитъ изъ чернаго шифера, съ настилками слюды. Нѣсколько верстъ внизъ, на той же сторонѣ, находятся слои зеленаго шифера въ красной глинѣ; далѣе верстъ за 100 весь берегъ состоитъ изъ обыкновенной глины и не настоящаго шифера. Около такъ называемыхъ Щекъ, въ 250 верстахъ ниже Киренска, лѣвый берегъ образуютъ известковыя скалы, содержащія въ себѣ жилы кремнистой породы и кристаллы известковаго шпата. Сіи скалы безпрестанно умножаются, на разстояніи 350 верстъ, выше города *Олекмы*, у котораго берега опять понижаются и дѣлаются низменными. Въ нихъ лежатъ во множествѣ обломки зеленаго порфира, простаго квар-

ца, съ глиммерными блестками и глиммернымъ шиферомъ, въ величайшемъ количествѣ. Около 150 верстъ до Олекмы, крутой берегъ состоитъ изъ слоевъ разноцвѣтнаго шифера, свѣтло-зеленыхъ, а въ промежуткахъ свѣтло-сѣрыхъ, очень тонкихъ; попадается также шиферъ зеленаго цвѣта, жесткій и неудобораскалываемый пещаникъ, а между шиферными настилками кое-гдѣ нѣсколько гипса. Наконецъ, весь лѣвый берегъ у Олекмы составляетъ глина, въ которой сѣроватый шиферъ стелется довольно толстыми пластами, и нерѣдко показывается прекрасный гипсъ, ослѣпительной бѣлизны.

Около 180 верстъ выше Якутска, у станка *Батомоя*, правый берегъ Лены образованъ изъ отвѣсно стоящихъ скалъ, которыя по своему виду называются *Столбами*; въ нихъ, говорятъ, находятся различныя породы мрамора. Далѣе, верстахъ въ 60 ниже Столбовъ, видны въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ, изъ чисто-известковаго камня, пещеры, подземные ходы и тому подобное. Это, кажется, остатки отъ бывшихъ поисковъ серебряной руды, которую, по извѣстнымъ признакамъ, надѣялись здѣсь открыть; но какъ найдено только незначительное количество свинца, а серебра вовсе не оказалось, то работы вскорѣ прекратились. Въ одной изъ сихъ пещеръ, въ 120 верстахъ отъ Якутска, докторъ Киберъ нашелъ странное явленіе природы: посреди пещеры, въ нѣсколько саженъ глубины, на утесистой почвѣ, растетъ, по видимому, до-

вольно успѣшно, лиственница, не смотря на мракъ, ее окружающій.

Въ заключеніе монхъ краткихъ, неполныхъ замѣчаній о качествѣ Ленскаго берега, сообщу еще нѣчто о двухъ примѣчанія достойныхъ, совершенно противоположныхъ ключахъ, находящихся верстъ за 150 ниже Столбовъ. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ крутаго известковаго утеса, на лѣвомъ берегу, издаетъ сѣрный запахъ при высокой температурѣ; другой, вьющійся на правомъ берегу, содержитъ холодную, весьма прозрачную, но вкусомъ пресоленую воду.

Городъ Киренскъ есть не иное что, какъ довольно жалкая деревня, и не представляетъ ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшею капустою, картофелемъ, рѣпою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакожь въ иные годы, при наступленіи раннихъ морозовъ, неслишкомъ удаются. Огороды располагаются всегда такъ, чтобы съ сѣверной и восточной стороны были защищены горами, утесами или лѣсомъ.

Неподалеку отъ станка *Частые Острова*, около 250 верстъ ниже Киренска, Лена, при глубинѣ въ 12 саженъ, съ великимъ напоромъ протѣсняется между скалъ, отвѣсно поднимающихся на 80 саженъ. Сіе мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣлъ разъ сто или болѣе, и притомъ столь

усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышишь продолжительный бѣглый огонь, даже пушечную пальбу цѣлаго парка. На семъ мѣстѣ, разсказывали намъ, случилось за нѣсколько лѣтъ предъ симъ весьма печальное происшествіе: Тунгусъ, преслѣдуя на лыжахъ лося, замѣтилъ, въ своемъ охотничьемъ пылу такъ же мало, какъ и перепуганный звѣрь, что находится на краю отвѣсной скалы, и—оба низринулись въ 80-ти саженную бездну, на неровный ледъ рѣки, гдѣ нашли ихъ совершенно разбитыми.

По близости Щекъ торчитъ изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, назвали *Пьянымъ Быкомъ*, потому, что за нѣсколько лѣтъ, къ немалой ихъ радости, разбилось объ него, по неосторожности кормчаго, судно съ хлѣбнымъ виномъ, при чемъ они, разумѣется, поживились частію дорогаго груза. Этотъ памятникъ столь занимательнаго кораблекрушенія объѣхали мы благополучно, и при замѣтно уменьшившейся быстротѣ теченія проплыли мимо устья *Витима*, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюдѣ, а еще болѣе по превосходнымъ соболямъ, которые, послѣ Олекминскихъ, почитаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще лѣса на правомъ берегу Лены изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ, какъ на лѣвомъ берегу они попадаются рѣже и мѣха ихъ цѣнятся не столь высоко. Естественной причины сказанному долж-

но искать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами, соединяющимися непосредственно съ лѣсами Яблоннаго Становаго хребта, * въ которые не проникали самые отважные промышленники; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, слѣдовательно, для нихъ доступнѣе.

Іюля 9-го находились мы напротивъ города *Олекмы* **; тутъ, при сильномъ дождѣ, поднялась съ низу рѣки столь жестокая буря, что совершенно остановила теченіе рѣки съ нашимъ паузкомъ, и заставила насъ прибѣгнуть къ средству, которое употребляется здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ не безъ успѣха: связавъ веревками четыре лиственя въ рядъ, прикрѣпили ихъ веревками къ передней части нашего судна, и привѣсивъ къ нимъ камни, погрузили ихъ вершины въ рѣку, съ небольшимъ на сажень отъ поверхности воды; при такой глубинѣ, нижнее теченіе въ рѣкѣ, не будучи под-

* Такъ называется горный хребетъ, протягивающійся вдоль Лены съ востока на югъ, и соединяющійся съ Байкальскими горами.

** Олекминскіе соболи почитаются лучшими въ Сибири; иной превосходный соболь продается по 50, по 100 рубл. и дороже. Здѣшніе бѣличьи мѣха, отличающіеся весьма густымъ, длиннымъ и темно-сѣрымъ волосомъ, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорогимъ цѣнамъ. Потому Олекма есть важный городъ въ торговлѣ пушными товарами; онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири порубежную черту земледѣлія, за которою, далѣе къ сѣверу, оно прекращается, да и здѣсь не всегда съ успѣхомъ производится; часто ранніе морозы уничтожаютъ надежды земледѣльца. Сѣютъ почти исключительно озимую рожь.

вержено вліянію вѣтра, понесло насъ впередъ посредствомъ нашего *подводнаго паруса*, вопреки вѣтру и сильному волненію, при чемъ нашего павозка не метало поперегъ рѣки, какъ прежде.

Не смотря на продолжительный дождь во время плаванія, нѣсколько разъ видѣли мы горящіе лѣса, на великихъ пространствахъ вдоль береговъ. Мѣлкій кустарникъ и сухой валежникъ были бо́льшею частію уже сожжены, но исполинскія сосны и лиственн, совершенно объятыя пламенемъ, стояли густыми рядами, подобно огромнымъ огненнымъ столбамъ, и отражавшимся отъ нихъ въ рѣкѣ заревомъ, при ужасномъ трескѣ смолистаго хвойника, представляли, особенно ночью, великолѣпное зрѣлище. Подобные лѣсные пожары, простирающіеся нерѣдко верстъ на сто, случаются здѣсь довольно часто, и почти всегда отъ безпечности промышленниковъ, или проѣзжихъ: они не гасятъ огня, разводимаго ими для приготовленія пищи, или для того, чтобы посредствомъ дыма избавиться ночью отъ комаровъ, омрачающихъ здѣсь воздухъ своими, подобно облакамъ густыми роями, и причиняющихъ нестерпимое мученіе. Такіе лѣсные пожары, уже сами по себѣ вредные, дѣлаются несравненно вреднѣе потому, что тревожатъ и разгоняютъ дичь и пушныхъ звѣрей всякаго рода въ отдаленныя страны. Хотя вредъ на самихъ промышленниковъ падаетъ, но все таки не можетъ ихъ образумить и сдѣлать осторожными.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ подавались, мы тѣмъ пустыннѣе во всякомъ отношеніи становились берега Лены; у Олекмы примѣтны еще послѣдніе слѣды садовничества и земледѣльства, но далѣе исчезаютъ совершенно; жители достаютъ себѣ пропитаніе исключительно однимъ скотоводствомъ и рыбною ловлею. Кромѣ станковъ, весьма рѣдко гдѣ попадаются небольшія селенія, да и тѣ съ ихъ обывателями находятся въ бѣдственномъ состояніи. Пріѣзжавшіе къ намъ со станковъ гребцы были покрыты рубищами жалкаго вида, удручены недостаткомъ и нуждою, что замѣтно особенно на Русскихъ крестьянахъ, которые встрѣчаются до станка *Улаханы*, находящагося верстахъ въ 50-ти отъ Якутска; оттуда далѣе на сѣверъ все народонаселеніе состоитъ изъ однихъ только Якутовъ, которые, какъ природные туземцы, свыклись съ суровымъ климатомъ, проистекающими отъ него недостатками и средствами пособить себѣ гораздо болѣе, нежели чужеземные переселенцы, а отъ того и подвержены нуждѣ менѣе Русскихъ.

Проведя цѣлую ночь на мѣли, наконецъ достигли мы Якутска 25-го Іюля, по 27-ми дневномъ плаваніи отъ Качуга до сего города (около 2500 верстъ). Весною, когда рѣка течетъ гораздо быстрѣе и противные вѣтры не задерживаютъ, можно проплывать отъ 190 до 200 верстъ въ сутки, и совершить плаваніе въ 13 или 14 дней.

По прибытіи въ Якутскъ, немедленно явились мы къ тамошнему главному начальнику, стат-

скому совѣтнику Миницкому, извѣстному своею прежнею, отличною службою во флотѣ. Онъ принялъ насъ весьма ласково и дружелюбно, и во все время нахожденія экспедиціи нашей во ввѣренной его управленію области, всегда съ предупредительною готовностью старался оказывать намъ пособіе и помощь во всѣхъ потребностяхъ, что въ лишенномъ всего, пустынномъ краѣ имѣло самое существенное вліяніе на успѣшный ходъ нашего предпріятія. Насъ обоихъ, г-на Анжу и меня, помѣстилъ онъ въ собственномъ своемъ домѣ; мы, въ продолженіе нашего пребыванія въ Якутскѣ, имѣли много случаевъ почерпнуть изъ его поучительной бесѣды весьма важные уроки и на опытѣ основанные совѣты, касательно странствованія нашего по такой землѣ, которую изучилъ и узналъ онъ послѣ долговременнаго въ ней пребыванія и многократныхъ путешествій по большей части Сибири.

Якутскъ носитъ на себѣ совершенный отпечатокъ хладнаго, мрачнаго сѣвера. Городъ расположенъ на голой равнинѣ, примыкающей къ лѣвому берегу Лены. Въ его широкихъ улицахъ видны только незначительные домы и хижины, окруженные высокими деревянными заборами. Между сѣрыми, мертвыми бревнами и досками, тщетно будете искать дерева, или хотя одного зеленаго кустика; ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременнаго лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею бѣлизною,

быть можетъ, нѣсколько оживляетъ печальную, сѣрую единообразность.

Въ городѣ считается всего 4,000 жителей, около 500 домовъ, 5 церквей (изъ конхъ три каменныя и двѣ деревянныя), одинъ монастырь; при насъ строился каменный гостиный дворъ. Единственную достопримѣчательность Якутска составляетъ старинная деревянная крѣпость, или острогъ, съ угрожающими паденіемъ угловыми башнями, которую, въ 1647-мъ году, построили завоеватели Сибири, казаки. Сколь ни ветхъ сей памятникъ перваго основанія Якутска, однакожь жители взираютъ на нѣго съ благоговѣніемъ, и охотно разсказываютъ о богатырскихъ подвигахъ своихъ предковъ, началѣ и приращеніи своего любезнаго города, который, къ счастію, большая часть изъ нихъ любитъ и находитъ довольно красивымъ. Впрочемъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, онъ дѣйствительно улучшился примѣтнымъ образомъ; уже исчезли всѣ Якутскія юрты, видѣнныя въ немъ, въ 1793 году, капитаномъ Биллингсомъ между обывательскими домами; тогдашнія льдины *, и даже слюда, замѣнены стеклами, по крайней мѣрѣ, у болѣе зажиточныхъ горожанъ, а въ нѣкоторыхъ до-

* Во всѣхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странахъ Сибири вставленная въ отверзтіе окна чистая льдяная пластина, спаянная снѣгомъ и водою, заступаетъ стеколъ, которыя отъ чрезмѣрно сильныхъ морозовъ лопаются. Да же слюда, изъ которой тамъ сбиваютъ окна, не можетъ устоять противъ жестокой стужи, и потому при наступленіи зимы вынимается и замѣняется льдяною пластиною.

махъ мерцаетъ уже заря комнатной роскоши, какъ то: большія окна, высокія комнаты, створчатыя двери, и тому, подобное, неоспоримое слѣдствіе благосостоянія жителей, и плодовъ неутомимаго попеченія, прилагаемаго достойнымъ областнымъ начальникомъ обо всемъ, что можетъ служить къ ихъ пользѣ.

Якутскъ, какъ извѣстно, есть средоточіе немалой части сѣверной Сибирской торговли. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ береговъ Ледовитаго моря до находящагося у Олекмы горнаго хребта Алдана, изъ Удскаго острога, даже изъ Охотска и Камчатки, съ пространства, составляющаго нѣсколько тысячь верстъ въ окружности, свозятся въ сей городъ драгоцѣннѣйшіе и простые пушные товары всякаго рода, сверхъ того моржевые зубы и загадочныя мамонтовыя кости, остатки допотопные, для промѣна или продажи въ теченіе лѣта. Въ оборотъ привозится всего болѣе нежели на два съ половиною милльона рублей, и однихъ пушныхъ товаровъ бываетъ милльона на полтора *.

Со вскрытіемъ Лены купцы пріѣзжаютъ изъ Иркутска въ Якутскъ, привозя съ собою въ обмѣнъ всевозможные товары, какіе только нужны здѣсь въ житейскомъ быту. Кромѣ крѣпкаго Чер-

* На ярмаркѣ 1836 года пушныхъ товаровъ въ продажу поступило: бѣлокъ 615 тыс., лисицъ 16 тыс., рѣчныхъ бобровъ 500, выдръ 200, куницъ 2000, песцовъ 20 тыс., горностаевъ 45 тыс., хорьковъ 3500, струи кабарожьей 10 тыс., соболей 18 тыс., моржоваго зуба пудовъ 1000, мамонтовой кости пудовъ 1900.

каскаго табаку въ папушахъ, играющаго важную ролю, главнѣйшіе предметы торговли суть: хлѣбъ въ зернѣ и мука, чай и сахаръ, горячіе напитки разныхъ сортовъ, особенно водка, Китайскія, бумажныя и шелковыя матеріи, нисшей доброты сукна, мѣдныя и желѣзныя вещи, стекло, и т. д. Жители Якутска не упускаютъ случая запастись въ продолженіе ярмарки всѣмъ нужнымъ, ибо съ окончаніемъ расторжки мѣлкіе торгаши возвышаютъ цѣны на всѣ товары до чрезвычайности, а нѣкоторыхъ нельзя достать и за деньги.

Времени главной расторжки нельзя назвать собственно ярмаркою, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ въ Россіи: здѣсь не видишь ни тѣни того, что происходитъ на всѣхъ другихъ нашихъ ярмаркахъ; товары нигдѣ не выстанавливаются; особенно ярмарка не сопровождается никакими народными увеселеніями; на улицахъ даже незамѣтно увеличившейся дѣятельности или суетливости. Купцы, какъ будто прячутся со всѣми своими товарами въ домахъ, или дворахъ; тамъ рѣшаютъ они свои дѣла, стараясь, какъ можно болѣе содержать другъ отъ друга въ тайнѣ цѣны товаровъ и имена тѣхъ лицъ, съ которыми намѣрены торговать; они, мѣщане и казаки занимаются почти исключительно торговлею пушнымъ товаромъ съ окрестными Якутами; бѣднѣйшіе изъ нихъ употребляютъ капиталъ свой, сколь ни былъ бы онъ малозначущъ, на то, чтобы въ продолженіе зимы, мало по малу, пона-

купить нѣкоторое количество шкуръ, и потомъ съ значительнымъ барышомъ продать ихъ Иркутскимъ гурговымъ купцамъ, или промѣнять имъ на различныя житейскія и другія потребности. Какъ говорили мнѣ, между Рускими не найдется ни одного ремесленника. Напротивъ того, здѣшніе Якуты, занимавшіеся нѣкогда только звѣриною ловлею и скотоводствомъ, принялись нынѣ за разныя ремесла и доставляютъ своимъ бывшимъ учителямъ, Рускимъ, все нужное, получая отъ того значительную прибыль. Между ними находятся искусные плотники, столяры; рѣщики, даже живописцы *, и они отличаются понятливостью, любовью къ труду и порядку.

О воспитаніи дѣтей заботятся здѣсь мало; ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой либо Якуткѣ, которая, вскормивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько объякученнаго, родителямъ; дома онъ дорастаетъ, и научившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства Сибирской торговли пушнымъ товаромъ, или опредѣляется въ писцы какого-либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бываютъ крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется, съ перваго взгляда

* Всѣ образа въ новомъ каменномъ Соборѣ, и столярная и рѣзная работы на иконостасѣ, произведены Якутами, весьма красиво и хорошо.

страннымъ кажущееся явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества Якутскій языкъ играетъ почти столь же главную роль, какую Французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцовъ мѣхами, въ именины своей жены. Общество состояло изъ областнаго начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ Якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе.

Хлѣбосольство жителей Якутска славится повсюду и вошло почти въ пословицу, но какъ здѣсь бываетъ обыкновенно мало пріѣзжихъ, или путешественниковъ, въ отношеніи которыхъ они могли бы исполнять сію добродѣтель, то Якутчане ограничиваются почти исключительно своимъ собственнымъ кругомъ, и имѣя много свободнаго, празднаго времени, проводятъ его въ довольно шумныхъ собраніяхъ, гдѣ кушанья и напитки составляютъ, разумѣется, главные предметы ихъ наслажденія. Послѣ пышнаго стола, приправленнаго наливками въ изобиліи, старики проводятъ остальное время за стаканчикомъ пуншу и карточнымъ столомъ, а дамы за кипящимъ самоваромъ и тарелками съ каленными кедровыми орѣхами, которые пощелкиваютъ безпрестанно; молодежъ между тѣмъ танцуетъ Сибирскую

восмерку, подъ гусли, или скрыпку. Такъ проходитъ день за днемъ, единообразно, безъ малѣйшей перемѣны, исключая развѣ тотъ случай, что нечаяннымъ образомъ попадется въ Якутскъ какой нибудь новый, въ остальномъ мірѣ уже преданный забвенію, дамскій нарядъ; онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, зависть и соревнованіе, ибо, не смотря на уединенность здѣшняго края, нарядъ составляетъ и здѣсь для дамъ самую существенную принадлежность и наслажденіе жизни. Каково въ Якутскѣ живали прежде «во дни оны,» не знаю; слышалъ однакожь отъ многихъ старожиловъ горькія жалобы, что настоящее поколѣніе крайне уклонилось отъ прежнихъ, скромныхъ и простыхъ нравовъ, страсть къ картежной игрѣ, нарядамъ, мотовству, чрезвычайно въ немъ усилилась, и раззорила уже не одно семейство въ конецъ. По кратковременному пребыванію моему въ Якутскѣ, я не въ состояніи сказать ничего рѣшительнаго на счетъ основательности такихъ жалобъ; не слѣдуетъ ли однакожъ приписать ихъ отчасти также стариковщинѣ, которая здѣсь, какъ и вездѣ, почитая свой вѣкъ блаженнымъ, охуждаетъ настоящій?

Послѣ моего маленькаго отступленія, обращаюсь опять къ нашей экспедиціи.

Неутомимыми, дѣятельными распоряженіями г-на Миницкаго были мы приведены въ состояніе предпринять путешествіе къ Ледовитому морю еще до истеченія лѣта. Г-цъ Анжу поплылъ съ своимъ отрядомъ внизъ по Ленѣ въ первыхъ числахъ

Августа. Около того же времени отрядилъ я впередъ шкмана Матюшкина въ Нижне-Колымскъ, для приведенія въ порядокъ и устроенія всего нужнаго къ принятію и пребыванію тамъ экспедиціи. Вскорѣ послѣ того, едва покрылись льдомъ болота и рѣки, поручилъ я штурману Козьмину присмотръ за всѣми изъ Якутска назначенными припасами, слѣдовавшими равномѣрно въ Колымскъ, какъ главный пунктъ нашихъ дѣйствій, но самъ не могъ отправиться прежде 12-го Сентября.

ГЛАВА III.

ПУТЬ ОТЪ ЯКУТСКА ДО НИЖНЕ-КОЛЫМСКА.

—

Вьючныя лошади.—Первый ночлегъ.—Якуты.—Якутское селеніе Мюре.—Юрты, одежды, обряды, пѣсни, пища Якутовъ.—Якутскія деревни.—Черта Якутскаго характера.—Рѣка Алданъ. Рѣка Тукуланъ.—Ночлегъ въ лѣсу.—Верхо-Янскій хребетъ. Бродячіе Тунгусы. Станки Бараласъ и Таболохъ.—Городокъ Зашиверскъ.—Окрестные жители. Рѣка Алазея.—Станокъ Сардахъ.—Средне-Колымскъ.—Зимнее дорожное платье.—Рѣка Омолонъ.—Ѣзда на собакахъ.—Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ.

—

У Якутска прекращается телѣжная и санная ѣзда; отсюда до Колымска и по всей огромной льдистой пустынѣ сѣверной Сибири нѣтъ ни одной проложенной дороги; только изрѣдка встрѣчаются узкія, кочковатыя тропинки, проложенныя черезъ болота, сквозь обширные лѣса, густо сросшіеся кустарники, по холмамъ и крутымъ горамъ, такъ, что не иначе, какъ верхомъ на лошади, можно достигнуть до мѣстъ болѣе ровныхъ, гдѣ начинается санная ѣзда на оленяхъ и собакахъ. По такъ называемой Якутской до-

рогъ, отъ праваго берега Лены наискось до Алдана, устроены для перемѣны лошадей станціи, на разстояніяхъ 15, 18 и 40 верстъ.

12-го Сентября, въ полдень, при ясной погодѣ, отправился я въ путь, и съ поклажею своею переѣхалъ въ лодкѣ черезъ рѣку на противоположный берегъ, гдѣ на станціи должны были дожидаться насъ лошади.—Въ семъ мѣстѣ Лена сужена множествомъ острововъ, такъ, что главный средній протокъ ея нешире четырехъ верстъ. Моими спутниками были матросъ, прибывшій со мною изъ С. Петербурга, и отставной унтеръ-офицеръ изъ Якутска, прежде ѣздившій уже съ г-мъ Геденштромомъ по берегамъ Ледовитаго моря. Въ сношеніяхъ моихъ съ Якутами и другими Сибирскими племенами, онъ служилъ мнѣ толмачомъ; сверхъ того опытностью своею, ловкостью и истинно Русскою смѣтливостью былъ въ послѣдствіи весьма полезенъ для экспедиціи. Мы заказали вообще тринадцать лошадей, изъ коихъ три были назначены для меня и моихъ спутниковъ, а остальныя подъ инструменты, путевые припасы, зимнее платье, и разныя другія, въ дорогѣ необходимыя потребности.

По прибытіи моемъ на станцію, я нашелъ ее совершенно пустою; не видно было ни людей, ни лошадей. «Худое начало!» подумалъ я, но унтеръ-офицеръ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что такъ случается часто, и что станціонные Якуты съ своими лошадьми, вѣроятно, откочевали версты за три въ долину, гдѣ находятся лучшія пастбища. Тот-

часъ отправили мы двухъ лодочниковъ отыскивать ихъ, а сами между тѣмъ развели на берегу огонь, чтобы пообогрѣться отъ довольно суроваго осенняго вѣтра, и подкрѣпить себя горячими щами къ предстоявшему пути.

Наконецъ, спустя часа три, показались наши проводники съ лошадьми, и мы тотчасъ принялись укладывать на нихъ свои вьюки, перевѣшивая на каждую лошадь по пяти съ половиною пудовъ: или 220 фунтовъ, именно по два съ половиною пуда на каждую побочню, и по полу-пуду промежъ побочень. Для укрѣпленія и привязки вещей употребляются веревки, витыя изъ конскихъ волосовъ. Навьючивъ такимъ образомъ лошадей, привязываютъ заднюю поводами къ хвосту передней, такъ, что онѣ на ходу тянутся одна за другой гусемъ. При нашемъ караванѣ, въ девять лошадей, находились только два проводника; одинъ изъ нихъ сидѣлъ на передовой, управляя поѣздомъ, а другой на самой задней, присматривая за всѣмъ и пособляя первому, гдѣ нужно было. Должность проводниковъ претрудная; она требуетъ особенной сноровки и умѣнья, потому, что въ гористыхъ мѣстахъ лошади часто сбрасываютъ съ себя ношу и отвязываются, а въ болотахъ вязнутъ. Въ такихъ случаяхъ передній проводникъ долженъ быть въ готовности пособить и привесть все въ надлежащій порядокъ, при чемъ, разумѣется, задній проводникъ, неусыпно надсматривающій за цѣлымъ караваномъ, работаетъ и хлопочетъ неменѣе своего товарища. Отъ долговре-

меннаго навыка проводники Якуты пріобрѣтаютъ проворство и смѣтливость, въ столь высокой степени, что одного опытнаго изъ нихъ достаточно бываетъ для управленія вьючнымъ караваномъ въ 20 лошадей, и содержанія его въ совершенномъ порядкѣ, не смотря на то, что въ такомъ случаѣ онъ принужденъ бываетъ идти, большею частію, пѣшкомъ. Караванъ слѣдуетъ шагомъ, и смотря по болѣе или менѣе затруднительной дорогѣ, проходитъ въ сутки отъ 20-ти до 50 верстъ.

Приведеніе въ порядокъ и увязка нашихъ вещей занимали насъ довольно долго, и мы тронулись уже подъ вечеръ, довольно поздно. Вскорѣ оставилъ я тянувшійся медленнымъ шагомъ караванъ, и съ однимъ изъ моихъ спутниковъ отправился впередъ. Мы ѣхали по узкой тропинкѣ, извивавшейся частію между ивовыми кустами, частію по равнинамъ, усѣяннымъ небольшими озерами, на которыхъ и между которыми водится множество дикихъ утокъ и куропатокъ. Въ весьма короткое время, мы настрѣляли ихъ себѣ на ужинъ довольно много, и при захожденіи солнца пріѣхали къ стоявшей уединенно Якутской юртѣ; она величается *почтовою станціею* и находится отъ первой въ 13-ти верстахъ. Начало уже смеркаться, и я рѣшился было въ ней переночевать, но вскорѣ оставилъ свое намѣреніе, когда заглянувъ въ нее, нашелъ ее наполненною людьми, животными и отвратительнѣйшею нечистотою. И такъ расположился я въ ближнемъ лиственичномъ лѣсу, гдѣ довольно пріятно про-

велъ ночь, на разостланной медвѣжьей шкурѣ подъ толстымъ мѣховымъ одѣяломъ, возлѣ ярко пылавшаго костра.

При восхожденіи солнца, я пробудился отъ сильно трещавшаго хвороста, который набросали прибывшіе съ вьючными лошадьми Якуты въ потухавшій уже огонь. Воздухъ былъ чистый и свѣжій; термометръ показывалъ 2° ниже точки замерзанія, что показалось мнѣ при одѣваньи довольно несноснымъ; съ содроганіемъ, въ буквальномъ смыслѣ сего слова, подумалъ я о предстоявшей Сибирской зимѣ, въ продолженіе которой нѣсколько градусовъ мороза называется *теплою погодою*, и не понималъ, какъ можно будетъ сносить безпрестанную, жестокую стужу! Но человѣкъ созданъ для всѣхъ климатовъ, для всѣхъ поясовъ земли. Нужда, твердая воля и свычка пріучаютъ его ко всѣмъ неудобствамъ, даже къ самымъ ужаснѣйшимъ тѣлеснымъ страданіямъ. Спустя нѣсколько недѣль, мнѣ, наравнѣ съ Колымцами, казался морозъ въ 18-ть и 20-ть градусовъ мягкою температурою.

Вскорѣ все пришло въ движеніе; на огонь поставили для меня чайникъ, а для моихъ провожатыхъ котелъ со щами. Въ продолженіе нашего завтрака пригнали лошадей съ ближняго луга, навьючили, ихъ, и мы пустились далѣе, поднимаясь на возвышеніе, поросшее лиственицею и сосною. У тропинки, по которой тянулся нашъ поѣздъ, стояло нѣсколько устарѣлыхъ деревъ; ихъ сучья были увѣшаны конскими волосами, а кор-

ни утыканы множествомъ шестовъ и прутьевъ, изукрашенныхъ также подобнымъ образомъ. Нашъ Якутъ проводникъ остановилъ караванъ, слѣзъ съ лошади, выдернулъ изъ ея гривы нѣсколько волосовъ, и съ благоговѣніемъ прицѣпилъ ихъ къ сучку одного дерева; за тѣмъ объявилъ онъ намъ, что умилостививъ горнаго духа такою, по туземному обычаю принесенною жертвою, можно уже надѣяться на его защиту въ предстоявшемъ пути. Странствующіе пѣшкомъ посвящаютъ здѣсь Сибирскому лѣшему прутья, втыкая ихъ въ землю. Такое простое изъявленіе благоговѣнія передъ невидимымъ существомъ замѣняетъ здѣсь длинныя молитвы, которыя совершаютъ въ Монголіи у Обо, или священныхъ холмовъ, находящихся почти на каждомъ, нѣсколько значительномъ возвышеніи. Здѣсь, равно какъ и тамъ, цѣль одинакова, и обычай проистекаетъ изъ одного источника но только шаманскаго горнаго духа умилостивить, кажется, легче, нежели ламайскаго. Якуты впрочемъ строго придерживаются сего обряда, и даже тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру, не гнушаются еще оказывать своему отставному горному духу знака почтенія.

Сегодня Якуты мои пѣли во всю дорогу безъ умолку; напѣвъ ихъ, единообразный и заунывный, есть отголосокъ ихъ скрытнаго, угрюмаго, суевѣрнаго характера. Но болѣе разнообразія и поэзіи представляютъ самыя слова Якутскихъ пѣсенъ: въ нихъ воспѣваются красоты природы, стройно и

*

роскошно растущія дерева, шумъ быстрыхъ рѣкъ, высота горъ, и т. п. Пѣвцы большею частію импровизаторы, и усматриваютъ во всемъ однѣ очаровательныя красоты: въ пустынѣ прелестную страну, въ полуобгорѣвшемъ сосновомъ стволѣ прекрасное могучее дерево, въ первой встрѣтившейся грязной лужѣ чистое, словно кристаллъ, прозрачное озеро. Сначала приписывалъ я такія преувеличенія ихъ выспреннему воображенію, но вскорѣ узналъ отъ своего чичероне унтеръ-офицера, что они столь высокопарно превозносятъ область горнаго духа только изъ страха, чтобы его не разсердить и задобрить.

Проѣхавъ 13-го Августа 63 версты, и перемѣнивъ лошадей только разъ на половинѣ сего пространства, подъ вечеръ прибыли мы къ станціонной юртѣ. Во всю дорогу выхваляли мнѣ ея просторъ, и особенно отличную опрятность; я было напередъ уже радовался хорошему, теплому ночлегу, но, къ сожалѣнію моему, удостовѣрился, что надобно быть непремѣнно природнымъ Якутомъ, дабы найдти хоть нѣсколько сносными господствовавшую въ немъ, какъ и въ другихъ юртахъ, спершуюся атмосферу, и все ее сопровождавшее. Только частый, холодный дождь принудилъ меня укрыться въ хваленой юртѣ, но удушливый воздухъ, безчисленное множество всякой гадины, крикъ дѣтей и ревъ скотины, помѣщаемой въ жильѣ отъ холода, не дали сомкнуть глазъ, и я очень обрадовался разсвѣту и возможности отправиться въ путь.

Отъ продолжительныхъ дождей дорога, и безъ

того уже негодная, еще болѣе испортилась, а въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась почти непроходимою, и потому крайне затрудняла нашу сегодняшнюю ѣзду; за то проѣханное нами пространство представляло великое разнообразіе видовъ. Веселый видъ придаетъ сей сторонѣ множество небольшихъ озеръ, которыми здѣсь усѣяна вся поверхность, и которыя заставляли насъ употреблять въ объѣздъ болѣе 20-ти верстъ лишнихъ. Всѣ сіи небольшія озера, имѣя правильно-овальный очеркъ, заключаютъ въ своемъ образованіи нѣчто отмѣнно привлекательное: крутые, листвянцею поросшіе берега, защищая водную поверхность, уподобляютъ ее огромному гладкому зеркалу; вѣчно царствуютъ здѣсь тишина и безмолвіе, и нарушаются только изрѣдка вспуганною птицею, или вертлявою бѣлкою, прыгающею по деревьямъ.

Проѣхавъ около 40 верстъ отъ ночлега, мы спустились въ ложбину, или долину *Miope*, по многимъ отношеніямъ примѣчательнѣйшее изъ всѣхъ мѣстъ, какія мнѣ встрѣчались на пути: она продолговато-круглаго, правильнаго очертанія, имѣетъ въ поперечникѣ 8 верстъ, и окружена земляным возвышеніемъ, похожимъ на валъ, въ иныхъ мѣстахъ въ 10 саженъ вышины, безъ сомнѣнія, берегомъ бывшаго нѣкогда значительнаго, но уже изсякшаго озера; еще и нынѣ находится на самомъ днѣ долины много соединенныхъ между собою озеръ, небольшихъ, но чрезвычайно рыбныхъ. Это обстоятельство, и притомъ защищенное

положеніе долины и весьма обильныя пастбища, побудили нѣкогда одного богатаго Тунгузскаго старшину, Міоре, по имени коего она называется, въ ней поселиться; но подававшіеся безпрестанно съ юга Якуты вытѣснили его отсюда далѣе, на лежащія къ сѣверу тундры, и основали здѣсь значительнѣйшее и многолюднѣйшее изъ всѣхъ поселеній, встрѣчающихся на пути до самаго Алдана. Множество большихъ и малыхъ юртъ, изъ которыхъ иныя уже нѣсколько походятъ на Русскія крестьянскія избы своимъ размѣромъ, двѣ порядочныя церкви, съ колокольнями, живость въ движеніи народонаселенія, большія стада и табуны, все вмѣстѣ представляетъ разительную противоположность сей отмѣнно веселой долины, сего оазиса, съ пустынею, его окружающею. Цвѣтущимъ своимъ состояніемъ обязано здѣшнее селеніе преимущественно одному Якутскому Головѣ, который собственнымъ иждивеніемъ построилъ и украсилъ упомянутыя двѣ церкви. Говорятъ, что его наличный капиталъ простирается до полумилльона рублей; не смотря на то, придерживаясь своихъ прародительскихъ обычаевъ, онъ еще не измѣнилъ нравамъ отцовъ: живетъ въ юртѣ, грѣется, какъ истинный Якутъ, у *чувала* (камина), пьетъ кумысъ * и ѣстъ на

* Извѣстный напитокъ, который Якуты приготовляютъ изъ кобыльяго молока, такъ же какъ и Татары, съ тою только разницею, что къ счастію ихъ, не умѣютъ дѣлать его хмѣльнымъ; онъ весьма пріятенъ и столь питателенъ, что Якутъ, отправляясь далеко отъ своего жилья на сѣнокосы, беретъ съ собою,

здоровье конину. Главнѣйшую отрасль промышленности сего поселенія составляютъ скотоводство, звѣриная ловля, торговля мѣхами и извозничество, по поводу коего держатъ здѣсь значительное количество лошадей.

О происхожденіи Якутовъ, ихъ обычаяхъ и образѣ жизни вообще писано уже столь много и столь подробно, что послѣ всего мнѣ кажется почти излишнимъ умножать прежнія извѣстія моими замѣчаніями, схваченными на лету, во время скорой ѣзды; ограничиваюсь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ этнографическихъ, главныхъ очерковъ, нужныхъ для уразумѣнія моего разсказа, дабы тѣмъ избавить читателя отъ труда рыться въ другихъ, полнѣйшихъ описаніяхъ.

Окладъ лица и языкъ Якутовъ совершенно подтверждаютъ преданіе объ ихъ Татарскомъ происхожденіи. * Они народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ по безконечнымъ лѣсамъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ Рус-

вмѣсто всякой другой провизіи, часто только мѣшка два коженыхъ кумыса, и нѣсколько дней сряду имъ питается.

* Преданіе говоритъ, что нѣкто изъ Татаръ, по имени Сахаларъ, перекочевалъ изъ какой-то земли, лежащей гдѣ-то за горами, къ Киренгѣ на Лену, поселился тутъ, женился на Тунгускѣ, и сдѣлался родоначальникомъ Якутовъ, которые потому еще и нынѣ называютъ себя Сахаларами.

кимъ, заохотили и пристрастили Якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества пріученные къ лишеніямъ всякаго рода, и въ нихъ закаленные, Якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

Пища ихъ состоитъ изъ кобыльяго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ, Якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ почитается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе онымъ — высочайшимъ блаженствомъ; они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топленый, свѣжій и испортившійся, и полагая все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ, какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Дабы умножить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, берутъ они внутреннюю часть коры, сосновой, предпочтительнѣе лиственичной, оскабливаютъ ее, толкутъ мѣлко, мѣшаютъ съ рыбою, частицею муки, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на размазню и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ, такъ называемое, Якутское масло, по

настоящему родъ сыра, или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно изрядную пищу.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и при томъ самый крѣпкій, какой только достать могутъ, преимущественно Черкаскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьянѣніе, которое иногда, ежели Якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Не зная искусства дѣлать кумысъ хмѣльнымъ, почему потребно его великое количество къ произведенію желаемаго дѣйствія, они предпочитаютъ ему горячее вино, хотя имъ оно и весьма дорого обходится, по причинѣ привоза изъ отдаленныхъ мѣстъ. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью Якутовъ, ставятъ горячее вино и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

У Якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: лѣтомъ *уросы*, * родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей и обтянутыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ, какъ хозяева стадъ безпрестанно запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна;

* На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими лепестьями, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый, и издали уподобляются испанскимъ холстинным шатрамъ.

съ наступленіемъ зимы переходятъ Якуты въ свои теплыя *юрты*. Онѣ суть родъ хижинъ, строимыхъ поверхъ земли изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрѣзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна, и имѣющей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней помѣщающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими, квадратными отверстіями, въ которыя зимою вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбьи пузыри, а иногда порядочно напитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ полъ опускается внизъ, обыкновенно на два, или на три фута, и плотно убивается изъ глины, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются изъ лежачихъ шестовъ широкіе залавки, похожіе на низкія полати, которые вмѣстѣ служатъ и кроватями, и по числу жильцовъ, или, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій. По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится *чувалъ*, родъ очага, или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варенья пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуютъ поэтическій безпорядокъ и величайшая неопрятность. Внѣ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ

подъ крышею и кормятся сѣномъ, а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей; лошади, напротивъ того, остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальныхъ поѣздокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкрѣпленія. Хотя зодчество и устройство Якутскихъ жилищъ крайне несовершенны, однакожь они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое гдѣ Русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни тонкіе древесные стволы, равномѣрно и чувалъ, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ Якута въ разсужденіи удобства жизни, такъ, что онъ спокойно проводитъ продолжительную, ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, выютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ,

и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную сосновую размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса *. День заключаетъ нерѣдко какой нибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольевъ совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для излеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ — иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Хотя почти всѣ Якуты крещены, и уже переведены на ихъ языкъ заповѣди, часть Новаго Завѣта и главнѣйшія молитвы, но только весьма немногіе изъ нихъ, и то жившіе долго между Русскими, имѣютъ нѣкоторыя основныя понятія о христіанской вѣрѣ; потому они все еще крѣпко придерживаются шамановъ и множества суевѣрныхъ обрядовъ языческихъ.

Главныя черты Якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходительность и

* Улусъ составляетъ цѣлое Якутское колѣно, состоящее подъ общимъ начальникомъ, Головою, и раздѣляющееся на нѣсколько наслѣговъ (ночлеговъ); каждый изъ нихъ имѣетъ своего старшину, или князца, изъ числа коихъ избирается Голова надъ цѣлымъ улусомъ. На Колымѣ есть улусъ, состоящій изъ десяти наслѣговъ. Принадлежащіе къ одному улусу называются родниками (родовичами).

скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отмстить, непремѣнно передаетъ мщеніе своему сыну, или ближайшему родственнику. Страсть Якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу, или доносъ, они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за одной полтины *. Необходительность и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ впрочемъ весьма разительную противоположность съ гостепріимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проѣзжимъ. Селиться обществами у нихъ не въ обыкновеніи; только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встрѣчаются кое-гдѣ наслѣги (ночлеги), состоящіе изъ нѣсколькихъ юртъ; напротивъ того, за Верхо-Янскимъ хребтомъ отстоитъ одна юрта отъ другой часто верстъ на двѣсти, такъ, что ближайшіе сосѣди не видаются иногда по цѣлымъ годамъ. Къ такому необыкновенно великому удаленію побуж-

* Тѣмъ отличаются особенно подгородные Якуты, конечно, не безъ содѣйствія мѣлкихъ чиновниковъ, служащихъ въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, и питающихъ въ нихъ страсть къ тяжбамъ, разбирательство которыхъ приноситъ ябедникамъ пользу.

дается Якутъ не столько нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя уже однажды сильную наклонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклоняться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проѣзжающій по Якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на великомъ разстояніи жильевъ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Міоре, явился ко мнѣ Голова улуса, съ однимъ Князцомъ и двумя писарями, чтобы поздравить меня съ пріѣздомъ и пожелать счастія на дорогу. Я угостилъ ихъ чаемъ, водкою, табакомъ, а въ замѣнъ того долженъ былъ выслушать предлинную Іереміаду жалобъ на разныя мнимыя притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ Якутскихъ казаковъ, которые, по ихъ увѣренію, будто бы безъ всякой нужды, безпрестанно проѣзжаютъ черезъ ихъ наслѣгъ и причиняютъ обывателямъ разныя обиды. Я старался успокоить своихъ гостей увѣреніемъ, что все это, вѣроятно, теперь прекратится, ибо Сибирскіе казаки, получивъ новое устройство, будутъ заниматься воздѣлываніемъ отведенныхъ имъ земель, достаточныхъ для прокормленія ихъ съ избыткомъ, слѣдовательно, тѣмъ самымъ лишатся они повода прибѣгать за непозволительныя средства къ пріобрѣтеніямъ. Но на дѣлѣ ничто не помогло, сколь ни благодѣтельны, сколь ни мудры устройство и вообще все новое постановленіе о Сиби-

ри для пользы и благосостоянія всѣхъ обитающихъ въ ней, разноплеменныхъ народовъ. Якуты все таки не отстаютъ отъ ябедничества и сутяжничества.

Отдохнувъ нѣсколько въ Міоре, и закупивъ достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, мы отправились, 15-го Сентября, далѣе. Дороги были крайне худы, и не разъ попадались мы въ болота, гдѣ лошади вязли по шею; однакожь, при чрезвычайномъ проворствѣ и расторопности нашихъ караванныхъ проводниковъ, намъ удалось безъ особенной бѣды проѣхать девяносто верстъ, черезъ самыя опасныя мѣста. Съ наступленіемъ ночи прибыли мы на станцію Алданскую, или Желѣзинскую, лежащую въ полуверстѣ отъ Алдана, который за девяносто верстъ отсюда впадаетъ въ Лену. У сей станціи прекращаются соединенныя Якутскія селенія, и встрѣчаются опять не ближе, какъ за 400 верстъ отсюда, за Верхо-Янскимъ хребтомъ, у Бараласа. Все пространство отсюда пустыня, усѣянная горами и скопившимися между ними болотами, которыя весьма затрудняютъ ѣзду; по сей причинѣ караваны никакъ не упускаютъ случая останавливаться у Алданскаго жилья, для надлежащаго приготовленія къ предстоящему пути, выбираютъ по нѣскольку самыхъ дюжихъ, надежныхъ, заводныхъ лошадей, не навьючивая ихъ ни чѣмъ, для замѣны усталыхъ въ случаѣ нужды, запасаются съѣстными припасами, и т. д., выжидая между тѣмъ, иногда по нѣскольку дней, сухой погоды, или мороза, чтобы

удобнѣе проѣхать черезъ болота. Намъ погода благопріятствовала; за нѣсколько времени наступившіе морозы скрѣпили болота, такъ, что мы, употребивши только одинъ день для приготовленій, могли уже продолжать наше путешествіе.

Между Леною и Алданомъ простирается холмистая страна, примѣчательная по своему особенному образованію; ея возвышенія тянутся валоподобными грядами отъ востока къ западу, теряясь далѣе въ болотистыхъ покатостяхъ и низменныхъ мѣстахъ по берегамъ Алдана и Лены. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ, которыя на сѣверномъ спускѣ горнаго хребта образуютъ болотистыя удолья, болѣе или менѣе между собою соединяющіяся; на южной сторонѣ сіи углубленія, будучи отдѣлены одно отъ другаго и наполнены водою, составляютъ множество большихъ и малыхъ озеръ. Почти на срединѣ сего холмистаго пространства лежитъ круглая долина, верстъ восемь въ поперечникѣ, усѣянная озерками, которыя всѣ между собою соединяются. Горный хребетъ здѣшній состоитъ весь изъ глинистой почвы, перемѣшанной съ супесью и поросшей преимущественно лиственникомъ; сѣверный склонъ его показался мнѣ гораздо круче южнаго.

Въ семъ мѣстѣ Алданъ будетъ шириною версты полторы, и съ великимъ стремленіемъ течетъ, въ западномъ направленіи, между земляными берегами. На сѣверъ за сею рѣкою показывается вдали гряда остроконечныхъ горъ, съ

снѣжными вершинами, и тянется, какъ мнѣ казалось, въ западно-сѣверо-западномъ направленіи.

Сентября 17-го переправлялись мы съ своими вещами и лошадьми черезъ рѣку. Почти на половинѣ переправы открылась значительная течь въ нашемъ плоскодонномъ суднѣ; всѣ наши совокупныя усилія вычерпать нахлынувшую воду оставались тщетными; судно тонуло все глубже и глубже, и безъ сомнѣнія, пошло бы ко дну, если-бы по близости, на срединѣ рѣки, не случилось, къ счастію нашему, небольшаго острова; намъ удалось посадить судно на отмѣль, законопатить его сухою травою и мохомъ, и въ непродолжительномъ времени привести по возможности въ такое состояніе, что безъ дальнѣйшихъ приключеній доплыли мы до противоположнаго берега. Тутъ, на скатѣ, подъ огромною развѣсистой березою, раскинули мы свой большой *пологъ* *, или дорожную палатку, занялись стряпаньемъ себѣ обѣда, а лошадей пустили на отаву, пастись на блекнувшей уже травѣ.

На разсвѣтѣ (18-го Сентября) потянулись мы далѣе. Узкая, едва примѣтная тропинка вела по пустымъ, болотнымъ мѣстамъ, на которыхъ не видно было ни одного дерева; только изрѣдка попадались кое-гдѣ возвышенныя, скудно поросшія

* Пологомъ называется ровдужная, то есть, изъ выдѣланныхъ, мягкихъ оленьихъ кожъ сшитая, четыреугольная палатка, длиною въ 7, шириною въ 4, а вышиною въ 5 футовъ; ее употребляютъ только въ дорогѣ, и раскидываютъ, прикрѣпляя къ отвѣсно воткнутымъ въ землю шестамъ.

травою луговины. Спутники мои говорили, что далѣе и онѣ совершенно исчезнутъ; по сей причинѣ мы рѣшились сдѣлать привалъ на первомъ большомъ лугу такого рода, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, и подкрѣпить ихъ силы къ предстоявшимъ трудамъ, хоть и осеннимъ, но все еще довольно изрядным кормомъ. До того времени погода благопріятствовала намъ безпрерывно, но тутъ вдругъ перемѣнилась; небо заволокло мрачными, свинцоваго цвѣта облаками; пошелъ снѣгъ съ градомъ, а въ полдень стоялъ термометръ уже на 2 градусахъ мороза. Лошади наши между тѣмъ дружно принялись выгребать изъ-подъ молодаго снѣга остатки скудной травы; мы сами укрылись подъ пологомъ вокругъ огонька, на которомъ кипѣлъ чайникъ—наша единственная отрада. Вдали слышались глухой ревъ и шумъ Тукулана, который, между узкими удольями горъ Верхо-Янскихъ, съ адскою яростью пролагаетъ себѣ путь къ Алдану.

На слѣдующій день ѣзда была крайне обременительна. Выбравшись съ великимъ трудомъ изъ окружавшаго насъ отвсюду болота, мы вступили въ мрачный лѣсъ, состоявшій изъ лиственницъ, ивъ, осинъ, и должны были продираться сквозь густо сросшіяся вѣтви и упавшія деревья, чтобы достигнуть единственнаго брода черезъ рѣку. Лишь подъ вечеръ добрались мы до пустынныхъ береговъ Тукулана и остановились почевать на лугу. Передъ нами, на сѣверѣ бѣлѣлась длинная гряда снѣжныхъ горъ, видѣнныхъ мною уже съ Ал-

дана; за нами чернѣлся безконечный густой лѣсъ, а вокругъ царствовала мертвая тишина, прерываемая грознымъ ревомъ буйнаго Тукулана.

Съ утра (20-го Сентября) переправлялись мы чрезъ рѣку, въ бродъ; лошади шли въ водѣ по сѣдло; стремленіе было ужасное, но дно твердо и ровно, такъ, что мы безъ всякаго вреда, только изрядно промокши, достигли до противоположнаго берега. Кромѣ сей переправы, намъ пришлось переходить въ бродъ еще черезъ нѣсколько другихъ рѣкъ, менѣе широкихъ, но столь же быстрыхъ, какъ и Тукуланъ; значительнѣйшія изъ нихъ были: *Торо-Тукуланъ* (поперечный Тукуланъ) и *Анти-Мердяхъ* (желѣзныя ворота). За сильными проливными дождями и внезапнымъ таяніемъ снѣговъ, послѣдняя наводняется столь быстро, что уноситъ съ собою и низпровергаетъ все, встрѣчающееся ей на пути. По всему логу сихъ рѣкъ разсѣяны вырванныя съ корнями деревья, и громады камней, отторгнутыя съ высотъ и брошенныя сюда стремленіемъ водъ во время весеннихъ наводненій, что затрудняло насъ на каждомъ шагу и утомило лошадей до такой степени, что мы принуждены были сдѣлать привалъ гораздо раньше обыкновеннаго.

Зима, казалось, начала теперь совершенно устанавливаться; термометръ стоялъ на 5° мороза; обильно выпавшій снѣгъ не таялъ и покрывалъ всю окрестность. При скучномъ единообразіи нашихъ переѣздовъ, мы радовались такой,

хотя и неслишкомъ привѣтливой перемѣнѣ, предвкушая уже здѣшнюю зимнюю, кочевую жизнь. И такъ, выбравъ ровное, чистое мѣсто между высокими деревьями, доставлявшими нѣкоторую защиту отъ вѣтра и вьюги, и очистивъ его нѣсколько отъ снѣга, мы притащили превеликое сухое дерево, которое послужило средоточіемъ нашему становищу, и вмѣстѣ основою порядочному огню, освѣщавшему всю окрестность. Въ слѣдъ затѣмъ, проводники наши, съ удивительнымъ проворствомъ, разложили на сырой землѣ мѣлко нарубленнаго хвороста и покрыли довольно толстый настилъ его зелеными вѣтвями, растущаго здѣсь во множествѣ, низменнаго кедровника, или сланца. На такомъ душистомъ коврѣ поставлены были три полога, такимъ образомъ, что они составляли три стороны квадрата; четвертую заняли проводники, но какъ, по ихъ мнѣнію, было еще довольно тепло, то удовольствовались единственно тѣмъ, что на покрытой снѣгомъ землѣ разкинули потники съ лошадей, а въ изголовья, вмѣсто подушекъ, положили по сѣдлу. Пока мы занимались установкою своихъ палатокъ, они уже успѣли развьючить лошадей, обтереть ихъ не много сухою травою, и привязать къ стоявшимъ тутъ деревьямъ, мордами повыше, чтобы онѣ не хватали холодной мокрой травы, или снѣгу, пока не простынутъ.

Устроясь такимъ образомъ, мы поспѣшили наполнить чайники и котлы рѣчною водою, или мо-

лодымъ снѣгомъ, и подвѣсить на огонь. Въ ожиданіи отраднаго чаю и сытной похлёбки, мы запалили свои *ганзы*, коротенькія Якутскія трубки, съ величайшимъ усердіемъ помѣшивая дрова, чтобы скорѣе поспѣлъ нетерпѣливо ожидаемый ужинъ. Въ непродолжительномъ времени исполнилось общее желаніе, и всѣ подкрѣпили свои истощенныя силы простою, но здоровою пищею. Потомъ проводники наши принялись, какъ водится, разсказывать о приключеніяхъ своихъ, или своихъ короткихъ знакомыхъ, на звѣриной ловлѣ и въ дальныхъ странствованіяхъ. Это любимый предметъ, скажу болѣе—страсть Якутовъ и Сибирскихъ Русаковъ; на разсказы они неистощимы, и чтобы возбудить вниманіе своихъ слушателей, стараются перещеголять другъ друга смѣлымъ преувеличиваніемъ безконечныхъ похожденій, истинныхъ и вымышленныхъ. Такъ сегодня вечеромъ занимали насъ два краснобая повѣстями о томъ, какъ одинъ казакъ, почти вдругъ, убилъ трехъ, на него напавшихъ медвѣдей, одного ножемъ, другаго топоромъ, третьяго дубиною, да еще о неслыханныхъ примѣрахъ неимовѣрной силы сохатаго (Сибирскаго лося), который на всемъ скаку, будто бы, можетъ рогами своими вывернуть и повалить на землю большое дерево съ корнемъ. Послѣ такой назидательной бесѣды, сократившей нашъ вечеръ, мы вползли въ свои пологи, и на разостланныхъ медвѣжьихъ шкурахъ, подъ плотными мѣховыми одѣялами, проспали цѣлую ночь довольно хорошо и тепло. Проводники на-

ши, пустивъ лошадей * на занесенную снѣгомъ отаву, также взвалились на потники, и послѣ дневныхъ трудовъ спали подъ открытымъ небомъ, вѣроятно, не хуже нашего.

Не всегда однакожь пользуются здѣсь путешественники ненарушимымъ спокойствіемъ, нашему подобнымъ; весною и лѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняются, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Отъ того-то опытные и осторожные Сибиряки останавливаются всегда подъ двумя, тремя, близко смѣжными, большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшею поспѣшностью, сплетаютъ они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева

* Въ сѣверной Сибири лошади, кажется, какъ будто переродились; онѣ росту небольшаго, шею имѣютъ толстую, кости, соразмѣрно съ величиною, весьма крѣпкія, шерсть бѣлесовато-сѣрую, длинную, мохнатую, и какъ у прочихъ четвероногихъ сего края, въ межень (среди лѣта) линяющую. Во время самыхъ трудныхъ переѣздовъ, продолжающихся иногда по три мѣсяца, онѣ питаются единственно вялою, полусгнившею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣгу, но не смотря на то, остаются дородными, сильными, и неописанно, что могутъ онѣ выдержать. Достопримѣчательно, что у Якутскихъ лошадей, даже, когда онѣ слишкомъ состарѣются, зубы не портятся, между тѣмъ, какъ у нашихъ, они съ лѣтами крошатся, безъ сомнѣнія, отъ зернового корма, котораго первымъ никогда не даютъ, предоставляя имъ питаться одною лишь травою. Вообще онѣ остаются молодыми несравненно долѣе нашихъ, такъ, что двадцатилѣтнія почитаются у Якутовъ еще не старыми, и служатъ, обыкновенно, сплошь по тридцати лѣтъ.

до другаго, и со всѣми своими пожитками, вися на немъ между небомъ и землею, спокойно выжидаютъ скораго стока воды, хотя и лишаются средствъ защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Тукулана, ложбина его суживается болѣе и болѣе; крутыя скалы по обѣимъ сторонамъ сходятся ближе и ближе; лѣса, украшающіе берега сей рѣки, постепенно рѣдѣютъ и наконецъ исчезаютъ. Чаще всего попадаются въ нихъ тополи, огромной высоты и толщины; встрѣчается также много ивы. Далѣе, въ сторонѣ отъ берега, на сухой и каменистой почвѣ, растутъ березы и ели, преимущественно же низменный кедровникъ (по здѣшнему сланецъ). Онъ стелется по скатамъ и ущельямъ горъ; его мѣлкіе, но вкусные орѣшки равно привлекаютъ неповоротливаго медвѣдя и рѣзвую бѣлку. Въ густыхъ елевыхъ и лиственничныхъ лѣсахъ гнѣздятся во множествѣ глухари и куропатки.

22-го Сентября, мы ночевали на безлѣсной долинѣ, у подошвы горы, подъ защитою навѣсной скалы. Приближеніе зимы становилось съ каждымъ днемъ чувствительнѣе. По утрамъ термометръ показывалъ 16° мороза, а ночью, не смотря на толстое мѣховое покрывало, нельзя было согрѣться. Мы достигли подошвы Верхо-Янскаго хребта; переходъ черезъ него самая трудиѣйшая и опаснѣйшая часть пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. Должно взбираться по

голымъ, скалистымъ крутизнамъ, съ ежеминутною опасностью сорваться съ скользской высоты, или проходить по узкимъ, заваленнымъ снѣгомъ ущеліямъ, прогребая себѣ лопатами дорогу. Борясь съ такими препятствіями и опасностями, мы достигли, послѣ трехъ часовъ ѣзды, высочайшаго пункта перевала. Вершины горъ подымаются отсюда еще на 800 футовъ, и дорога пролегаетъ между ними. Лѣтомъ переходъ менѣе затруднителенъ, но ужасенъ по частымъ и жестокимъ бурямъ, здѣсь случающимся, а зимою всѣ возможныя опасности угрожаютъ путешественнику. Между прочимъ, изъ ущельевъ и пропастей внезапно вырываются сильные порывы вѣтра, и ничто не можетъ противостоять ихъ жестокости; они опрокидываютъ лошадей и сѣдоковъ. Случалось, что цѣлые караваны низвергались въ пропасть, подлѣ которой вьется узкая дорога. Все время нашего перехода погода была благопріятна; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденнаго солнца зажигали тысячи огней на покрытыхъ инеемъ скалахъ и наполняли воздухъ безчисленными блестками. На сѣверъ разстилалась подъ нами долина рѣки Яны, которая, имѣя здѣсь свой источникъ, течетъ отсюда въ Ледовитое море. На югъ крутые, загроможденные утесы замыкали горизонтъ.

Верхо-Янскій хребетъ, раздѣляя Ленскую и Янскую водныя системы, состоитъ сплошь изъ чистаго чернаго сланца; сѣверный скатъ его не такъ крутъ, какъ южный. Хребетъ сей, по нашимъ наблюденіямъ, лежитъ подъ 64° 20′ широты, и со-

ставляетъ замѣчательный раздѣлъ въ произведеніяхъ прозябаемаго царства. Къ югу отсюда растутъ сосны и ели, а на сѣверъ ихъ нѣтъ; вмѣсто того стоятъ лѣса листвянницы, тополей, березы и ивы; послѣднія растутъ до 68°, по берегамъ Омолона и обоихъ Анюевъ, но только въ низменностяхъ, защищенныхъ горами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Тунгусы, встрѣченные нами въ послѣдствіи, разсказывали, что на вершинѣ одной изъ Верхо-Янскихъ горъ находятся остатки большаго мореходнаго судна, но дальнѣйшихъ подробностей они не сообщили.

Все протяженіе отъ Алдана до Верхо-Янскихъ горъ называется *Тукуланскимъ путемъ*. Во всей Сибири, кромѣ опасныхъ переходовъ черезъ горы, нѣтъ дороги хуже сихъ 140 верстъ. Глубокія болоты, дремучіе лѣса, крутыя скалы и быстрыя рѣки, кажется, нарочно стѣснены на всемъ пространствѣ, чтобы преграждать и затруднять путь. Сверхъ того путешественникъ не находитъ здѣсь ни юрты, ни другаго пристанища для защиты отъ непогоды, и принужденъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Тукуланская пустыня находится подъ вѣдѣніемъ Якутскаго Земскаго Суда, который однакожь еще не позаботился объ удобствахъ путешественниковъ. Напротивъ того, достойны замѣчанія вниманіе и попеченіе, обращенныя на сей предметъ Верхо-Янскимъ окружнымъ исправникомъ г-мъ Тарабукинымъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, онъ употре-

билъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для расширенія и уравненія горныхъ тропинокъ, и для проведенія удобныхъ, безопасныхъ дорогъ черезъ болота. Такое улучшеніе пути особенно важно для казенныхъ транспортовъ съ солью и провіантомъ, которые каждое лѣто отправляются изъ Якутска въ селенія, по рѣкамъ Янѣ и Индигиркѣ лежащія. Тарабукину также обязаны путешественники устройствомъ, такъ называемыхъ, *поваренъ*, деревянныхъ хижинъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ одна отъ другой отдаленіи. Сіи строенія состоятъ только изъ четырехъ стѣнъ и плоской кровли, въ которой находится дыра для дыма; въ срединѣ комнаты помѣщается очагъ, а по краямъ лавки. Не смотря на несовершенное и щелистое устройство, поварни составляютъ благодѣяніе для путешественниковъ, и доставляютъ имъ достаточную защиту отъ непогоды и вьюги *.

Тукуланская долина, по которой ѣхали мы отъ береговъ Алдана, направляется сначала на ONO, а потомъ на NNO. Сіе послѣднее направленіе принимаетъ она будучи сужена съ обѣихъ сторонъ двумя высокими горами, которыя имѣютъ плоскія вершины, крутыя, малоразрѣзанныя стороны, и примыкаютъ къ цѣпи зубчатыхъ горъ, издали имѣющихъ видъ дуги, обращенной западною стороною на NNO, а восточною на NNW. До сихъ двухъ горъ долина довольно ши-

* Съ 1821-го года, Якутскій Земскій Судъ послѣдовалъ сему благодѣтельному примѣру, и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія для улучшенія дорогъ, устроилъ нѣсколько поваренъ.

рока, а скаты горъ круты. Грунтъ вездѣ болотистъ, и покрытъ обломками сильно выветреннаго сланца. Рѣка Тукуланъ подмываетъ скалы, на лѣвомъ берегу ея стоящія, и принимаетъ въ себя нѣсколько ручейковъ. По мѣрѣ приближенія къ срединѣ дугообразной цѣпи горъ, горизонтъ стѣсняется, и наконецъ дорога идетъ въ узкомъ оврагѣ, имѣющемъ направленіе на NtO, и ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ огромными навислыми скалами. Западный хребетъ состоитъ изъ слоевъ чернаго сланца, слоями направленнаго на NtW, имѣя наклоненіе къ WtS, подъ уголъ 70° съ горизонтомъ.

Сей оврагъ, до 30-ти верстъ длины, приводитъ къ подошвѣ крутыхъ, высокихъ, островерхихъ горъ; между двумя сопками, ущелиною, переваливаютъ черезъ хребетъ; по барометрическому измѣренію Лейтенанта Анжу, высшая точка сей ущелины находится надъ поверхностью водъ рѣки Тукулана (въ 30-ти верстахъ разстоянія) на 2100 фут. отвѣсной высоты; горныя вершины возвышаются еще на 800, или 1000 футовъ болѣе. Горы состоятъ изъ чернаго сланца, слои котораго направляются на NtO, наклоняясь на WtS, подъ угломъ въ 50° съ горизонтомъ.

Южный спускъ Верхо-Янской горы крутѣе сѣвернаго. На уступѣ сѣвернаго ската лежитъ небольшое озеро, изъ котораго вытекаетъ Яна. Въ немъ, по разсказамъ Тунгусовъ, попадается въ значительномъ количествѣ рыба харіусъ (Salmo thymallus). — Отсюда отдѣляются отъ Верхо-Ян-

скихъ горъ двѣ вѣтви, одна по правую, а другая по лѣвую сторону Яны, и сопровождаютъ теченіе сей рѣки. Сначала обѣ вѣтви состоятъ изъ горъ значительной высоты, которыя, въ послѣдствіи понижаются, и наконецъ исчезаютъ въ болотистыхъ равнинахъ. Восточная цѣпь омывается Яною, идетъ далѣе западной, и простирается всего на 150 верстъ отъ Верхо-Янскаго хребта. Горы и холмы восточной цѣпи состоятъ изъ ломанаго сланца и пещанаго камня. На WNW Верхо-Янскія горы пускаютъ значительную вѣтвь, которая раздѣляетъ Ленскую и Янскую водныя системы, и упираясь въ Ледовитое море, извѣстна на сѣверѣ подъ именемъ горъ Орулганскаго хребта. И онѣ, какъ всѣ доселѣ мною замѣченныя, состоятъ изъ чернаго сланца, слои котораго направляются на NNW, наклоняясь, то къ востоку, то къ западу.

Спустившись съ хребта, мы слѣдовали по лѣвому берегу Яны, встрѣчая на пути описанныя выше поварни. 25-го Сентября, подлѣ одной изъ нихъ, мы замѣтили небольшой шалашъ, сплетенный изъ древесныхъ вѣтвей и покрытый листьями, по видимому, необитаемый и неспособный служить жилищемъ для человѣка. Къ нашему великому удивленію оказалось, что здѣсь постоянно проводитъ зиму и лѣто престарѣлый Тунгусъ, съ своею дочерью и двумя собаками. Онъ занимается оленьей охотой. Надобно себѣ представить необозримую, безлюдную пустыню и его полупрозрачное жилище, чтобы получить понятіе объ об-

разъ жизни сихъ отшельниковъ. Особенно ужасно положеніе бѣдной дѣвушки, когда отецъ ея на лыжахъ уходитъ въ лѣсъ, и часто нѣсколько дней гоняется безуспѣшно за оленями, а она остается одна, почти не имѣя одежды, чтобы согрѣться отъ ужаснаго холода, терпя часто недостатокъ въ пищѣ, и проживая въ жалкомъ шалашѣ, который даже и лѣтомъ не доставляетъ достаточной защиты отъ дождя и непогоды. Отецъ ея принадлежитъ къ тѣмъ, которые какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ лишились своихъ оленей, и принужденные отдѣлиться отъ своихъ земляковъ, удаляются въ ледяныя пустыни, гдѣ борясь съ безчисленными недостатками, опасностями и холодомъ, снискиваютъ себѣ скудное пропитаніе. Бѣдственное положеніе такихъ несчастныхъ не укрылось отъ внимательнаго взора Правительства. По новому преобразованію Восточной Сибири положено соединять ихъ въ общества, и снабдивъ отъ казны необходимыми для рыбной ловли вещами, селить на берегахъ рѣкъ, изобильныхъ рыбою.

26-го Сентября, мы достигли первой почтовой станціи *Бараласа*, которая отстоитъ отъ Верхо-Янскаго хребта на 157-мь верстъ, и лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 65° 51′ широты. Здѣсь нашли мы просторную юрту для путешественниковъ. Есаулъ изъ Якутовъ содержитъ свою станцію въ примѣрномъ порядкѣ. * У входа,

* На каждую станцію выбираютъ благонадежнаго человѣка, который обязанъ смотрѣть за порядкомъ. Туземцы величаютъ смотрителя Есауломъ.

на свѣжемъ снѣгу, лежали куски чистаго льда для котловъ и чайниковъ; юрта была тщательно выметена; лавки по стѣнамъ покрыты свѣжимъ сѣномъ; въ чувалѣ горѣлъ яркій огонь; въ окна были вставлены прозрачныя, гладкія льдины, укрѣпленныя размоченнымъ снѣгомъ, здѣшнею замазкою; словомъ, все свидѣтельствовало порядокъ, чистоту и опрятность. Послѣ девяти дней, которые провели мы подъ открытымъ небомъ, въ снѣгу и холодѣ, Баралаская юрта показалась намъ дворцомъ. Мы поспѣшили сбросить тяжелыя, покрытыя льдяною корою шубы, перемѣнить бѣлье и умыться; въ теченіе послѣднихъ девяти дней объ этомъ нельзя было подумать, опасаясь отморозить носъ и уши. Такія удобства доставили намъ несказанное облегченіе, и мы почли долгомъ выразить нашу признательность Есаулу, который впрочемъ, кажется, неслишкомъ ясно понималъ причину нашей благодарности. Вскорѣ внесли въ комнату вытесанный топоромъ столъ, уставленный здѣшними лакомствами: рубленымъ, мерзлымъ Якутскимъ масломъ; струганиною, мерзлою рыбою, разрѣзанною на тонкія пластинки, и наконецъ, въ заключеніе, высшею роскошью сей страны, сырымъ, свѣжимъ оленьимъ мозгомъ. Признаюсь, сначала меня нимало не привлекали эти glaces au beurre et au poisson и compote aux rennes, и я только въ угожденіе гостепріимству хозяина отвѣдывалъ всего по немногу, но въ послѣдствіи такъ привыкъ я къ этой пищѣ, что вареной рыбѣ всегда предпочиталъ ломтики мерзлой струганины.

Отъ Бараласа начинаются опять почтовыя станціи, въ которыхъ всегда находили мы болѣе или менѣе удобныя юрты, и обыкновенно двѣ, одну для путешественниковъ, а другую для Есаула и проводниковъ, которые по очереди пріѣзжаютъ съ лошадьми изъ ближайшихъ наслѣговъ. Якуты измѣряютъ разстояніе *кіоссами*, разумѣя подъ симъ часть дороги, которую можно проѣхать во столько времени, сколько потребно, чтобы сварить кусокъ мяса. При такомъ, вовсе не математическомъ разсчетѣ, истинная величина кіосса зависитъ единственно отъ состоянія дороги; можно положить, что кіоссъ при гористой или болотистой дорогѣ равняется пяти верстамъ, а при гладкой и ровной семи.

Не смотря на гостепріимство Бараласскаго Есаула, мы остались здѣсь только одинъ день, и 27-го Сентября поѣхали далѣе, на ближайшую станцію *Табалахъ*, которая лежитъ отсюда въ 300 верстахъ. Мы ѣхали не по почтѣ, а на особыхъ лошадяхъ, собственно для экспедиціи приготовленныхъ, почему своротилъ я съ почтоваго тракта, идущаго на Верхо-Янскъ, и поѣхалъ по другой дорогѣ, которую обыкновенно выбираютъ купеческіе караваны, и которая, по увѣренію Якутовъ, сокращаетъ путь почти на сто верстъ. Въ 20-ти верстахъ отъ Бараласа должно переправляться черезъ Яну, которая имѣетъ здѣсь 70-ть саженъ ширины. Ледъ былъ такъ скользокъ, что наши лошади, какъ обыкновенно, неподкованныя, на каждомъ шагу падали. Мы сняли вьюки, хо-

тѣли вести лошадей за повода, но все напрасно. Послѣ многихъ попытокъ, прибѣгли къ послѣднему средству, отправили одного проводника въ Баралась за пескомъ и золою, посыпали ими ледъ, и такимъ образомъ счастливо перебрались на другую сторону.

Берега Яны здѣсь плоски, и поросли по большей части лиственничнымъ лѣсомъ средней высоты. Страна между Бараласскою и Табалахскою станціями представляетъ мало разнообразія. Сначала тянутся въ сѣверномъ направленіи ряды холмовъ, исчезающіе въ послѣдствіи въ болотистыхъ равнинахъ. Подъ защитою возвышеній стоятъ невысокіе, лиственничные и березовые кустарники. Равнина усѣяна множествомъ озеръ, соединенныхъ между собою протоками и рѣчками; мы переправились черезъ одну изъ нихъ, извѣстную подъ именемъ *Адычъ*, которая съ NNO впадаетъ въ Яну, принимая въ себя рѣчки *Табалахъ*, *Тостахъ*, и другія.

3-го Октября достигли мы Табалахской станціи, содержимой Верхо-Янскими Якутами. Она расположена на холмистой равнинѣ, которая изрѣзана рыбными озерами, и мѣстами имѣетъ хорошіе луга. Просторная и довольно опрятная станціонная юрта была намъ тѣмъ пріятнѣе, что всю дорогу отъ Бараласа, при холодѣ отъ 10° до 19°, мы принуждены были проводить ночи подъ защитою полуразвалившихся юртъ.

Здѣсь встрѣтилъ я окружнаго врача, г-на То-

машевскаго, который пробылъ по дѣламъ служ-бы 30-ть лѣтъ въ Нижне-Колымскѣ и теперь возвращался въ отечество. Онъ сообщилъ мнѣ много весьма полезныхъ подробностей и замѣчаній объ оставляемой имъ странѣ. Между прочимъ, разсказывалъ онъ, что Колыма въ Іюлѣ мѣсяцѣ такъ разлилась у Средне-Колымска, что жители принуждены были спасаться на крыши и на колокольню.

На востокъ отъ станціи видна зубчатая цѣпь горъ, направленная почти по меридіану и замѣчательная правильностью своихъ вершинъ, которыя, имѣя конусообразный видъ, кажутся прилѣпленными къ сторонамъ хребта. 5-го Октября, мы отправились изъ Табалаха по холмистой, болотистой равнинѣ. Мѣстами она поросла невысокимъ и частію обгорѣлымъ лиственичнымъ лѣсомъ. На 85-й верстѣ, мы достигли замѣченной изъ станціи, горной цѣпи, которая гораздо ниже Верхо-Янскаго хребта; она разграничиваетъ Янскую и Индигирскую водныя системы. По узкой долинѣ среди горъ пролегаетъ дорога. Не могу навѣрное опредѣлить составныхъ частей горъ, но, судя по множеству обломковъ гранита, фельдшпата, слюды и кварца, должно полагать, что онѣ сложены изъ сихъ породъ.

Мы слѣдовали узкою долиною вдоль береговъ рѣчки *Догдо*, впадающей въ Яну. Недалеко отсюда лежитъ, окруженная горами, котловидная долина, извѣстная подъ именемъ «Убіеннаго поля.»

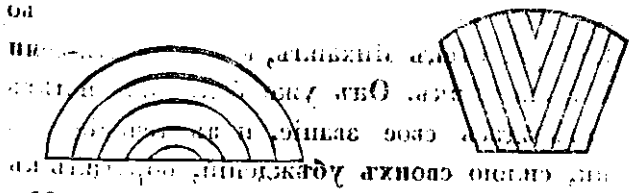
Въ ней, говоритъ преданіе, скрывалась цѣлая орда Тунгусовъ, спасаясь отъ завоевателей Сибири, казаковъ, и послѣ упорной битвы нашла здѣсь свою могилу. Осматривая окрестность, я отдѣлился отъ моихъ спутниковъ, и хотѣлъ ихъ догнать по прямой дорогѣ, которая казалась мнѣ короче. Она вела черезъ небольшую рѣку, но едва отъѣхалъ я нѣсколько шаговъ отъ берега, какъ лошадь проломилась и исчезла подъ льдомъ. Къ счастью, мнѣ удалось, не смотря на тяжелую шубу, во-время перескочить на твердый ледъ и пѣшкомъ перейдти на другую сторону. Лошадь не показывалась изъ воды, и я полагалъ, что она погибла, но Якуты проводники, замѣтя мое несчастье, со смѣхомъ поспѣшили ко мнѣ на помощь, увѣряя, что сей часъ достанутъ лошадь, не только живую, но даже и не мокрую. Въ самомъ дѣлѣ, когда они шестами разломали у берега ледъ, я увидѣлъ, и въ послѣдствіи неоднократно имѣлъ случай тоже замѣтить, что рѣчная вода почти вся вытекла и образовала между дномъ и ледяною корою пустое пространство, футовъ въ шесть вышиною, гдѣ находилась моя лошадь. — Къ несчастью, при паденіи выюкъ, съ чаемъ, сахаромъ и ромомъ, оторвался и упалъ на дно рѣки. Потеря такихъ, необходимыхъ въ путешествіи по ледянымъ пустынямъ предметовъ, была для всѣхъ насъ весьма чувствительна.

Съ береговъ рѣки Догдо дорога сворачиваетъ къ сѣверу и идетъ по оврагу, обставленному вы-

сокими, крутыми скалами. Онѣ состоятъ почти вездѣ изъ чернаго сланца, гдѣ изрѣдка попадается сѣрый. Каменные слои направляются отъ WtN и OtS, наклоняясь отъ NtO и StW, подъ угломъ 30° съ горизонтомъ. У подошвы лежатъ обломки конгломерата, составленнаго изъ сланца и гранита.

Недалеко отсюда вытекаетъ на востокъ рѣчка Русская Разсоха. Окрестности ея извѣстны живописными видами, а оврагъ, гдѣ находится источникъ ручья, обставленъ скалами неправильнаго, зубчатаго образованія, похожими издали на колоннады и стѣны рыцарскихъ замковъ.

Слѣдуя по теченію ручья, мы съѣхали съ горъ на долину, которая на NO была перерѣзана другою, параллельною съ предыдущею цѣпью горъ, невысокихъ и имѣющихъ вершины на подобіе сѣделъ. Дорога идетъ по берегамъ одного изъ протоковъ Индигирки, рѣчки Гуляшиной, которая пробиваетъ себѣ путь среди втораго горнаго хребта. Главная каменная порода здѣсь сланецъ, но слои идутъ чрезвычайно разнообразно и неправильно такимъ образомъ:

10-го Октября, въ полночь, пріѣхали мы въ Зашиверскъ, городокъ, лежащій на правомъ бере-

гу Индигирки, въ 415-ти верстахъ отъ Табалаха.—Во время переѣзда термометръ показывалъ отъ 16 до 24½° холода. Ночи проводили мы въ полуразвалившихся юртахъ, или въ поварняхъ, гдѣ послѣ двѣнадцати часовъ безпрерывной ѣзды, несмотря на холодъ, сквозной вѣтеръ и густой, ѣдкій дымъ, хорошо и крѣпко спали. Снѣгу было мало, особенно на ровныхъ мѣстахъ, открытыхъ порывамъ вѣтра.

Зашиверскъ былъ прежде деревнею и состоялъ изъ нѣсколькихъ только юртъ но въ 1786-мъ году, не за долго до экспедиціи капитана Биллингса, указомъ Императрицы Екатерины назначенъ уѣзднымъ городомъ. Сдѣлавшись мѣстопребываніемъ уѣздныхъ властей, онъ расширился, такъ, что въ послѣдствіи считалось въ немъ до 30-ти жилыхъ домовъ. По соединеніи Зашиверскаго уѣзда съ Верхо-Янскимъ, Зашиверскъ упалъ въ прежнее ничтожество. Нынѣ, кромѣ хорошо поддерживаемой церкви, мѣстечко состоитъ изъ пяти домовъ, въ коихъ живутъ священникъ, съ своимъ братомъ, смотритель станціи Якутъ, и два Русскихъ семейства.

Впрочемъ мѣстечко заслуживаетъ примѣчаніе, потому, что въ немъ живетъ, извѣстный во всей Сибири, отецъ Михаилъ, восьмидесяти-семилѣтній священникъ. Онъ уже болѣе 60-ти лѣтъ занимаетъ здѣсь свое званіе, и въ теченіе сего времени, силою своихъ убѣжденій, обратилъ къ христіанству до 15000 Якутовъ, Тунгусовъ и Юкагировъ; его наставленія, совѣты и примѣръ

имѣли самое благодѣтельное вліяніе, не только на образованіе, но и на нравственность окрестныхъ жителей. Ревность благочестиваго старца къ распространенію божественнаго ученія ни сколько не охладѣла съ лѣтами, и доселѣ ежегодно, презирая всѣ трудности и опасности, онъ объѣзжаетъ верхомъ слишкомъ по 2000 верстъ, весь свой приходъ. Впрочемъ, въ своемъ путешествіи отецъ Михаилъ не только исполняетъ священнодѣйствіе въ приходѣ, но старается вездѣ, гдѣ можетъ, помогать несчастнымъ, и облегчать и утѣшать страждущихъ. При всемъ томъ, онъ имѣетъ еще столько времени и силы, что ходитъ въ горы, охотиться за дикими баранами и ловить силками куропатокъ. Короткое лѣто посвящаетъ онъ своему небольшому огороду, въ которомъ, при неусыпныхъ трудахъ и вниманіи хозяина, поспѣваютъ капуста, рѣдька и рѣпа—большая рѣдкость и едвали не единственный примѣръ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Отецъ Михаилъ угостилъ насъ истинно по Русски: горшкомъ жирныхъ щей и свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ, которые показались намъ лучше всякихъ лакомствъ. Въ заключеніе подали пирогъ, испеченный изъ рыбьей муки, изобрѣтенія нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается въ мѣлкій порошокъ, который, если его держать въ сушѣ, долго сохраняется, и съ примѣсью ржаной муки составляетъ очень вкусный хлѣбъ.

Зашиверскъ построенъ среди пространной ра-

вины, богатой прекрасными лугами и усѣянной озерами, обильными рыбою. Здѣсь водятся сиги (Salmo lararetus) и чиры той же породы. Народонаселеніе состоитъ здѣсь изъ Якутовъ, которые все лѣто кочуютъ съ табунами лошадей и стадами рогатаго скота. Въ теплое время года запасаются они сѣномъ на зиму. При наступленіи осени, Якуты разселяются по берегамъ рѣкъ и занимаются только рыбною ловлею. Охота составляетъ у нихъ побочный промыселъ. Бѣднѣйшіе Якуты, не имѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ осѣдло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того *рѣчными*. Для перевозки тяжестей содержатъ они собакъ, которыя, питаясь только рыбьими костями, почти не стоятъ хозяину никакихъ издержекъ, а между тѣмъ чрезвычайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловля составляетъ главный промыселъ и почти единственное средство пропитанія рѣчныхъ Якутовъ. Зимою занимаются они добычею пушныхъ звѣрей.

Противъ Зашиверска, на лѣвомъ берегу Индигирки, стоитъ отдѣльный утесъ, саженъ 150 вышины. Онъ сложенъ изъ слоевъ чернаго сланца, проросшихъ селенитомъ; кромѣ того, чистыя бѣлыя жилы сей породы лежатъ между слоями сланца, которые направлены къ WtN и OtS, наклоняясь къ StW, подъ угломъ въ 60° съ горизонтомъ.

Не задолго до моего прибытія въ Зашиверскъ, проходилъ здѣсь изъ Якутска въ Нижне-Колымскъ

казенный транспортъ съ солью и мукою. Подъ него требовалось сто лошадей, а потому принужденъ я былъ прожить здѣсь два дня, пока изъ близь лежащихъ наслѣговъ пригнали нужныхъ мнѣ лошадей. Наконецъ, 15-го Октября отправились мы далѣе, сопровождаемые благословеніями отца Михаила. Два дня, проведенныхъ въ гостепріимной хижинѣ почтеннаго старца, принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ воспоминаніямъ нашей унылой поѣздки.

Мы ѣхали по равнинамъ и болотамъ, усѣяннымъ озерами и покрытымъ низменнымъ, стелющимся лиственичнымъ кустарникомъ. — На сей дорогѣ, которая идетъ въ 40 верстахъ отъ Индигирки, параллельно съ ея теченіемъ, были мы такъ счастливы, что всегда могли ночевать въ населенныхъ Якутскихъ юртахъ. Такимъ образомъ достигли мы большаго озера Оринкина, въ 315-ти верстахъ отъ Зашиверска, лежащаго на границѣ Колымскаго уѣзда. Здѣсь прекращаются Якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣкѣ Алазеѣ, на протяженіи 250 верстъ, по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой большею частью болотами, которыя лѣтомъ, особенно послѣ дождей, совершенно непроходимы. Озера попадаются рѣже, луга, поросшіе травою, исчезаютъ, такъ, что при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, сія полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежащія къ западу отъ Алазейскихъ горъ

болота, «бадарапами» называемыя, никогда не просыхаютъ. Лѣтомъ, при теплой, сухой погодѣ, образуется на поверхности ихъ тонкій, твердый слой, который, подобно осеннему льду, можетъ сдержать только малыя тяжести, а подъ большими прорывается. Въ нѣкоторой глубинѣ отъ поверхности лежитъ вѣчный, никогда не тающій ледъ; только онъ спасаетъ проѣзжающихъ здѣсь лѣтомъ путешественниковъ отъ потопленія въ болотѣ. Вообще трудно себѣ представить что нибудь унылѣе и пустыннѣе бадарановъ, покрытыхъ полуистлѣвшимъ мохомъ, по которому изрѣдка стелются, почти изсохшія, тонкія лиственницы.

Зимою путешественникъ, конечно, не подвергается здѣсь опасности утонуть, но за то ему угрожаютъ ужасныя бури и мятели на необозримой равнинѣ, отъ которыхъ находитъ онъ единственную защиту въ развалившихся поварняхъ, подвергаясь тутъ опасности задохнуться отъ дыма.

Въ ста верстахъ отъ озера Оринкина лежитъ, не высокій, но лѣсистый Алазейскій хребетъ; съ западнаго крутаго ската его текутъ рѣки въ Индигирку, а съ восточнаго, довольно отлогаго, сливаются протоки Алазеи. Въ послѣднихъ находится много желѣза хорошаго качества. Якуты выдѣлываютъ изъ него ножи, топоры и другія орудія.

Здѣсь оканчиваются бадараны. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Алазеѣ, которая, по рыхлому

земляному грунту, крутыми излучинами течетъ на сѣверъ къ Ледовитому морю, страна становится холмистѣе, попадаются поросшіе травою луга и изобильныя рыбою озера; иныя изъ нихъ имѣютъ до 40 верстъ въ окружности. Здѣсь снова начинаются уединенныя, обитаемыя юрты и Якутскія селенія.

Наконецъ, 21-го Октября, на 140-й верстѣ отъ Алазейскаго хребта, показались вдали столбы красноватаго, искристаго дыма, вылетающіе изъ юртъ Сарадахской станціи, гдѣ могли мы надѣяться, послѣ 8-ми дневнаго, труднаго путешествія, при 17° и 24° мороза, провести ночь въ натопленной, прочно устроенной юртѣ.

Надежда не обманула насъ. Сарадахская станція, содержимая отставнымъ вахмистромъ Атласовымъ, однимъ изъ потомковъ покорителя Камчатки, обстроена несравненно лучше другихъ станцій по дорогѣ отъ Якутска до Нижне-Колымска. Въ прочно устроенной избѣ хозяина отдѣлена для проѣзжающихъ особая, теплая и чистая комната; на дворѣ находятся просторная юрта для проводниковъ и большіе навѣсы для лошадей, также загоны для рогатаго скота; въ серединѣ двора, на бревнахъ, сажени въ три вышины, сдѣлано небольшое лѣтнее жилище и поставлены солнечные часы. Всѣ сіи зданія устроены на косогорѣ и обнесены палисадомъ, примыкающимъ къ изобильному рыбою озеру, за которымъ видиѣется довольно густой и высокій лист-

венничный лѣсъ. Вообще здѣсь все такъ хорошо и удобно придумано, что Сарадахъ можетъ быть сравниваемъ съ плодоноснымъ оазисомъ въ пещаныхъ Африканскихъ степяхъ.

Тутъ получилъ я первое извѣстіе отъ г. Матюшкина, который письмомъ увѣдомлялъ меня о счастливомъ ходѣ своего дѣла.

Отъ Сарадаха до Средне-Колымска считается 250-тъ верстъ; на сей дорогѣ лежатъ три хорошія и удобныя станціи. Возвышенность, раздѣляющая системы водъ р. Алазеи отъ р. Колымы, называютъ Половиновскимъ хребтомъ; восточная покатость его покрыта болотами, озерами и рѣдкимъ лѣсомъ; западная почти безлѣсна, вѣроятно, по причинѣ холодныхъ, западныхъ вѣтровъ. Ближе къ р. Колымѣ, страна становится пріятнѣе; большія озера смѣняются лиственичными рощами, или отдѣльными группами ивъ. Здѣсь, на небольшомъ озерѣ, увидѣлъ я первое стадо дикихъ оленей; съ удивительною скоростью пронеслись они мимо насъ по льду; по берегамъ озера бѣжали за ними два волка.

25-го Октября, поздно вечеромъ, выѣхали мы на берега Колымы. Было уже совершенно темно; но лай собакъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло свѣтящіеся сквозь льдяныя стекла огни и рѣзко рисующійся, черный шпицъ колокольни показали намъ, что мы пріѣхали въ городъ Средне-Колымскъ. Съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ мѣстопребываніемъ Колымскаго Исправника, онъ

видимо улучшается; кромѣ хорошей церкви, въ немъ считается тринадцать домовъ, которые впрочемъ лѣтомъ, по большей части, бываютъ пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ охоты и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ оживаетъ. Въ наше время все народонаселеніе занято было устройствомъ на рѣкѣ заколовъ для лова сельдей, которыя подымались къ верховьямъ Колымы. Рыбная ловля нынѣ гораздо менѣе прежняго изобильна, такъ, что жители Средне-Колымска должны значительно уменьшать число своихъ собакъ и заводить лошадей. Такая перемѣна сопряжена съ большими затрудненіями, потому, что лѣто здѣсь часто бываетъ слишкомъ кратко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна.

Стужа усиливалась. На послѣднемъ переходѣ отъ Сарадаха, термометръ, при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до 29° холода. Мнѣ присовѣтовали снабдиться полнымъ зимнимъ гардеробомъ, и въ короткое время доставили все нужное. Здѣшняя зимняя одежда состоитъ изъ широкой куртки, на песцовомъ мѣху, и также нагрудника и широкихъ шароваровъ изъ заячьихъ шкуръ, что надѣвалъ я на мое обыкновенное, форменное платье. На ноги, кромѣ двухъ паръ носковъ изъ оленьей мягкой шкуры, надѣваются такіе же высокіе сапоги, торбасы, а сверхъ того, какъ мы ѣхали верхомъ, особые мѣховые наколѣнники. Наконецъ надѣваютъ широкую кухлянку, родъ мѣшка, съ отверзтіемъ для головы, съ рукавами и капи-

шопомъ. Она дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ, одна шерстью наружу, а другая внутрь, и подполсывается широкимъ кушакомъ. Лицо также закутывается лоскутками мѣховъ, какъ то: налобникомъ, наносникомъ, нагубникомъ, набородникомъ и наушникомъ, а на голову надѣвается огромная шапка изъ лисьяго мѣха. Сперва такая одежда была мнѣ нестерпима и тягостна; я на силу взлѣзалъ на лошадь и не безъ труда пролѣзалъ сквозь узкія двери Якутскихъ юртъ, но въ послѣдствіи, особенно при 30° мороза и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, нарядъ мой казался мнѣ превосходнымъ и удобнымъ.

27-го Октября поѣхали на лошадяхъ изъ Средне-Колымска, далѣе по лѣвому берегу рѣки, встрѣчая довольно часто Якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ Русская деревня Омолонская, на рѣкѣ того же имени; отсюда начинается ѣзда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные лѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

На легкихъ нартахъ пролетѣли мы въ два дня 120-ть верстъ, и 2-го Ноября, при 32° мороза, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, проѣхавъ всего одиннадцать тысячь верстъ въ 224 дни, достигли мы первой цѣли нашего путешествія—бѣдной рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась нашимъ главнымъ мѣстопребываніемъ.

ГЛАВА IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О НИЗОВОЙ ЧАСТИ КОЛЫМЫ И ЖИТЕЛЯХЪ ЕЯ.

Рѣка Колыма. — Климатъ. — Жители. — Селенія. — Берега. — Одѣяніе. — Образъ жизни. — Голодъ. — Рыбные промыслы. — Сбереженіе рыбы въ прокъ. — Охота за оленями. — Пушные звѣри и ловля ихъ. — Собаки, необходимый рабочій скотъ. —

Прежде нежели приступлю къ описанію нашихъ занятій и пребыванія въ Нижне-Колымскѣ, почитаю приличнымъ изложить нѣсколько общихъ замѣчаній о такъ называемой, *низовой части* Колымы и жителяхъ ея, чтобы въ послѣдствіи менѣе прерывать разсказъ мой подобными, мѣстными и этнографическими описаніями.

Рѣка *Колыма* начинается подъ 61½° сѣверной широты и 146° восточной долготы (отъ Гринвича), въ горахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Становаго Хребта*, изъ которыхъ течетъ также рѣка Омеконъ, или Индигирка. Колыма простирается

на 1500 верстъ, по направленію восточной отрасли тѣхъ горъ къ NNO, и впадаетъ наконецъ, подъ 69° 40′ сѣверной широты, въ Ледовитое море. На первыхъ 800 верстахъ отъ источника, стремленіе чрезвычайно быстро, но потомъ, при возрастающей ширинѣ, мало по малу становится умѣреннѣе. Правый берегъ вообще утесистъ и состоитъ изъ скалъ, исключая пространство между устьями впадающихъ въ Колыму рѣкъ *Омолона* и *Анюя*, гдѣ встрѣчными теченіями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои земли къ утесамъ. Крутые берега возвышаются почти вездѣ отвѣсно изъ воды; нерѣдко также висятъ они довольно далеко надъ русломъ рѣки и состоятъ изъ различныхъ породъ сланца. * Въ сихъ шиферныхъ утесахъ между слоями показываются жилы отвердѣлой красной глины и зеленаго каменнаго шифера, наприм. у мыса *Кресты*; далѣе находятся также большія полосы чистѣйшаго чернаго аспида, безъ всякой примѣси, какъ то замѣтно у мыса *Аспиднаго*; наконецъ, близъ Камня Кандакова, имѣющаго всѣ свойства лавы, встрѣчаются известковые шары, которые заключаютъ въ себѣ миндалеобразные кристаллы халцедоновые и аметистовые. Изъ утесовъ высовываются также большіе горные кристаллы. Окаменѣлостей, какъ кажется, на Колымѣ нѣтъ. Не смотря на каменистое свойство берега, про-

* Гранитъ начинается у *Баранова Камня* и къ сторонѣ Шалатскаго Носа; первые признаки его нашелъ я у Медвѣжьяго мыса.

зябеніе здѣсь довольно изобильно; мы видѣли цвѣтущимъ красивый *кипрей широколистный* (epilobium latifolium). Здѣсь растетъ также во множествѣ трава *кровехлебка* (sanguis-orba), корень которой туземцы собираютъ для употребленія въ пищу.

Лѣвый берегъ рѣки отложе; къ Средне-Колымску видны еще довольно высоко лежащіе луга, но чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ низменнѣе и отложѣе становятся берегъ и окрестность; наконецъ вся страна представляетъ обширную тундру, или степь, простирающуюся къ рѣкѣ Алазеи и до самаго моря.

Кромѣ двухъ рѣкъ Аніюевъ (Большаго и Малаго) и Омолона, впадаетъ въ Колыму еще много небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ; тѣ изъ нихъ, которые вытекаютъ изъ горъ и утесовъ, называются вообще *каменными протоками*, а проистекающія изъ озеръ, означаются названіемъ: *виски*. Между послѣдними важнѣйшія суть: *Керетовая*, *Черноусова*, *Походская* и *Малая Чукочья*; изъ первыхъ стоитъ упомянуть о *Пантелеевой* и *Филиповой*.

Нѣсколько верстъ выше устья Омолона, Колыма образуетъ рукавъ, который пересѣкаетъ въ ONO направленіи западную тундру, и на 100 верстъ далѣе къ низу, соединяясь опять съ главною рѣкою, представляетъ низменный, довольно болотистый островъ, на южномъ берегу коего, въ трехъ верстахъ къ западу отъ поворота Колы-

мы, лежитъ острогъ Нижне-Колымскій; продолжая теченіе около 100 верстъ въ восточномъ направленіи, рѣка дѣлаетъ здѣсь внезапный поворотъ къ сѣверу. Сорокъ верстъ далѣе внизъ, раздѣляется она опять на два рукава, образующіе островъ *Мерхояновъ*, самая большая ширина котораго составляетъ $9^1/_2$ верстъ. Онъ простирается къ сѣверу до самаго моря, и перерѣзывается, особливо по близости моря, множествомъ ручейковъ. Восточный изъ сихъ двухъ рукавовъ называется *Каменная Колыма* и имѣетъ ширины 6 верстъ; западный рукавъ, получившій названіе *Походской*, или *Средней Колымы*, не шире 4 верстъ. Наконецъ есть еще, 24 версты далѣе къ сѣверу, третій, не очень широкій рукавъ, *Чукотскій*, на NW. Сіи три рукава образуютъ истокъ Колымы въ Ледовитое море, шириною около 100 верстъ. Средняя и Каменная Колымы имѣютъ значительную и для мореходныхъ судовъ всякаго рода достаточную глубину; не смотря на то, плаваніе тамъ затруднительно и сопряжено съ опасностью, потому что отъ быстроты теченія, особливо при вскрытіи льда, образуется ежегодно множество нещаныхъ мѣлей, которыя безпрестанно перемѣняютъ свое положеніе, и такимъ образомъ дѣлаютъ фарватеръ непостояннымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ, большихъ острововъ, лежитъ также на рѣкѣ и въ рукавахъ ея множество малыхъ низменныхъ островковъ, которые, подобно нещанымъ отмѣлямъ, мало по малу образовались наносною землею и укрѣпились.

Суровость здѣшняго климата должно приписать, сколько возвышенной широтѣ ея, столько, и можетъ быть, еще болѣе, неблагопріятному физическому положенію страны. Къ западу простирается необозримая, безлѣсная *тундра*, а къ сѣверу вѣчнымъ льдомъ покрытое море, отъ чего холодные сѣверо-западные вѣтры, почти постоянно здѣсь господствующіе, безпрепятственно могутъ дѣйствовать со всею жестокостію. Не только зимою, но и среди лѣта наносятъ они сильныя мятели. Сему открытому мѣстоположенію приписать должно, что средняя температура цѣлаго года составляетъ не менѣе 8° ниже точки замерзанія по Реомюру (14° Фаренг).

У Нижне-Колымска рѣка становится въ первыхъ числахъ Сентября; ближе къ устью, именно, въ Чукотскомъ протокѣ, имѣющемъ теченіе слабѣе, переходятъ часто уже 20-го Августа навыюченныя лошади по льду; вскрывается рѣка въ началѣ Іюня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ 52 дня (въ Нижне-Колымскѣ съ 15-го Мая по 6-е Іюля); однакожь отъ того мало пользы, ибо оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагрѣваетъ воздуха. При семъ видимомъ сближеніи съ землею, лучи теряютъ почти всю свою яркость; самое солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами.

Хотя, какъ сказано, въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не заходитъ, однакожь обык-

новенный порядокъ дневнаго времени замѣтенъ. Когда холодное солнце понижается на горизонтѣ, наступаютъ вечеръ и ночь, и природа покоится, а когда, часа черезъ два, оно опять нѣсколько возвысится, то все пробуждается: птички привѣтствуютъ новый день веселымъ щебетаньемъ; свернувшійся желтый цвѣтокъ осмѣливается открыть свою чашечку, и все, кажется, спѣшитъ насладиться, хоть немного, благодѣтельнымъ вліяніемъ слабыхъ солнечныхъ лучей. Тоже происходитъ и съ временами года; какъ подъ поворотными кругами смѣняются между собою только весна и лѣто, такъ и здѣсь существуютъ лишь лѣто и зима, вопреки мнѣнію туземцовъ, которые утвердительно говорятъ о веснѣ и осени. Первую полагаютъ они около того времени, когда солнечные лучи начинаютъ быть замѣтны въ полдень, что случается обыкновенно въ половинѣ Марта; но и тогда часто бываетъ ночью 30° мороза. Осень считаютъ они съ того времени, когда замерзнутъ рѣки, именно, съ первыхъ чиселъ Сентября; тогда бываетъ обыкновенно 35° мороза. Лѣто начинается въ послѣднихъ числахъ Мая; низкая ива распускаетъ маленькіе листочки, а лежащія къ югу отлогости берега покрываются блѣдною зеленью. Въ Іюнѣ случается въ полдень до 18° тепла; показываются цвѣтки и разцвѣтаютъ ягодные кусты; но если поднимется морской вѣтеръ, и отъ него сдѣлается воздухъ суровымъ, скудная зелень желтѣетъ и цвѣтки пропадаютъ.

Въ Іюлѣ воздухъ становится гораздо чище и

пріятнѣе, но природа, какъ будто хочетъ произвесть въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ прелестей лѣта и заставить ихъ желать возврата зимы : въ первыхъ числахъ мѣсяца появляются милльоны комаровъ, помрачающіе воздухъ густыми облаками, и единственное убѣжище отъ нихъ въ ѣдкомъ смрадѣ *дымокуровъ*, * который отгоняетъ несносныхъ мучителей. Но какъ все въ природѣ имѣетъ благодѣтельную цѣль, и вредъ съ пользою всюду уравновѣшивается, то и насѣкомыя сіи оказываютъ жителямъ самую существенную услугу, заставляя оленей выходить изъ лѣсовъ на приморскую тундру, открытую холоднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огромными стадами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ, и даже тысячъ; тогда охотники подстерегаютъ ихъ, особливо при переправахъ черезъ рѣки и озера, и съ малымъ трудомъ убиваютъ великое множество. Другую, не менѣе существенную, но совершенно противоположную пользу доставляютъ рои комаровъ пасущимся въ табунахъ безъ присмотра лошадямъ, которыя на безконечной тундрѣ легко могли бы заблудиться, еслибы природный инстинктъ не научалъ ихъ держаться всегда по близости дымокуровъ, гдѣ находятъ онѣ защиту отъ крылатыхъ враговъ своихъ. Всегда пасутся они въ густомъ дыму около тлѣющихъ кучь,

* *Дымокуры* суть огромныя кучи моха и сырыхъ дровъ; отъ горѣнія ихъ происходитъ густой дымъ, который отгоняетъ комаровъ. Кучи сіи раскладываютъ, не только на лугахъ, для скота, но также и около селеній, а потому все время, пока есть комары, жители проводятъ въ безпрестанныхъ облакахъ ѣдкаго дыма.

а когда не станетъ травы въ одномъ мѣстѣ, кучи переносятся далѣе. Обыкновенно огораживаютъ дымокуры шестами, чтобы скотъ не могъ приближаться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здѣсь бываетъ громъ, который слышанъ въ горахъ, а надъ снѣжною и ледяною равниною издаетъ только слабый гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцовъ; въ Октябрѣ холодъ нѣсколько умѣряется густыми туманами и испареніями отъ замерзающаго моря, но съ Ноября наступаютъ большіе морозы, которые въ Январѣ доходятъ до 43°. Тогда захватываетъ дыханіе. Дикій олень, житель полярныхъ странъ, забирается въ глушь лѣсовъ и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездыханный — даже снѣгъ испаряется! Вмѣсто почти двухъ-мѣсячнаго дня начинается, съ 22-го Ноября, 38-ми суточная ночь, которая однакожь отъ сильной рефракціи и снѣжнаго свѣта, а равно и отъ частыхъ сѣверныхъ сіяній, бываетъ довольно сносна. Декабря 28-го показывается подъ горизонтомъ блѣдная утренняя заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ. Съ возвращеніемъ солнца, холодъ становится чувствительнѣе, и бывающіе въ Февралѣ и Мартѣ утренніе морозы отличаются особенною пронзительностію. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, ибо дующіе съ моря вѣтры наносятъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звѣзды. Такую гу-

стую мглу называютъ здѣсь *морокомъ*. Всего болѣе ясныхъ дней въ Сентябрѣ.

Замѣчательное здѣсь явленіе природы есть, извѣстный подъ именемъ *теплаго вѣтра*, OSO, или правильнѣе SOtS вѣтеръ, который иногда, при ясномъ небѣ, начинаетъ дуть внезапно, и среди жесточайшей зимы, въ короткое время перемѣняетъ температуру изъ 35° мороза на $1^1/_2$° тепла, такъ, что льдины, замѣняющія здѣсь стекла въ окнахъ, таютъ. Въ долинахъ Анюйскихъ теплый вѣтеръ дуетъ часто, а къ западу отъ Чукотскаго мыса (къ W отъ устья Колымы) чудесное дѣйствіе его прекращается. Вѣтеръ сей продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя по всему вышесказанному, здѣшній климатъ можно почитать самымъ суровымъ и неблагопріятнымъ, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цынготной, ни другихъ опасныхъ прилипчивыхъ болѣзней; * простудная лихорадка и особенно глазная боль случаются обыкновенно только въ Октябрѣ, въ продолженіе густыхъ тумановъ, и въ Декабрѣ, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ отчасти слѣдствіе отраженія свѣта на необозримыхъ

* Любострастная болѣзнь, къ сожалѣнію, въ сѣверо-восточной Сибири, и особенно по берегамъ обоихъ Анюевъ, производящая весьма гибельныя опустошенія, хотя и есть слѣдствіе, не столько климата, сколько совершеннаго недостатка свѣжихъ съѣстныхъ припасовъ, но тѣмъ не менѣе свирѣпствуетъ въ высшей степени и дѣлается смертельною.

снѣжныхъ равнинахъ, столь сильнаго, что надобно завѣшивать глаза, дабы не ослѣпнуть. Такъ называемое «повѣтріе,» которое часто оказывается между обитателями западнѣе лежащей страны, бываетъ здѣсь, на сѣверной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространившееся въ 1821-мъ году по всей сѣверной Сибири между собаками повѣтріе появилось въ Колымскѣ почти годомъ позже, нежели у западныхъ рѣкъ и вдоль береговъ Чукотскихъ. Замѣчательна еще, случающаяся здѣсь, какъ и вообще въ сѣверной Сибири, странная болѣзнь, называемая *мирякъ*, которая по мнѣнію жителей происходитъ отъ того, что духъ одной, хотя давно умершей, но все еще страшной чародѣйки, *Аграфены Жиганской*, вселяется въ больныхъ и всячески ихъ мучитъ. Мнѣ кажется, *мирякъ* есть ни что иное, какъ истерика въ сильнѣйшей степени, ибо сею болѣзнію страждетъ по большой части женскій полъ. *

Скудная растительность соотвѣтствуетъ печальному климату. Особенно въ семъ отношеніи бѣдна окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно нерастаявающій слой растительной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ примѣсью частицъ льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое лиственичное деревцо; корни его, недопускаемые вѣчнымъ льдомъ въ глубину земли,

* Докторъ Киберъ имѣлъ случай дѣлать замѣчательные опыты какъ надъ *мирякомъ*, такъ и надъ другою, свирѣпствующею въ Сибири, ужасною болѣзнію, которую онъ принялъ за Elephantiasis. Выводы его опытовъ помѣщены ниже.

большею частію лежать обнаженные на поверхности. У береговыхъ отлогостей къ югу растетъ изрѣдка мѣлколистный ивнякъ, а на равнинахъ возвышается жесткая трава, которая вблизи моря доставляетъ скоту нѣсколько питательнѣе кормъ, потому, что при случающихся ежегодно наводненіяхъ проникается соленою водою. Чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ рѣже видишь малорослыя деревья и кустарники, которые наконецъ, у лѣваго берега Колымы, около 35 верстъ сѣвернѣе Нижне-Колымска, вовсе исчезаютъ. На правомъ берегу лѣсъ простирается однакожь немного далѣе къ сѣверу. Вообще сей берегъ, по сухой, и глинистой почвѣ, благопріятнѣе для прозябеній, которыя растутъ здѣсь сильнѣе и въ большемъ разнообразіи, нежели по ту сторону, на мертвой, льдистой и болотной почвѣ. На равнинахъ, покрытыхъ хорошею травою, попадаются тимьянъ, и въ особенности полынь; также цвѣтетъ шиповникъ. Чета влюбленныхъ, если только можетъ здѣсь существовать любовь, находитъ сантиментальную незабудку на берегахъ ручейковъ. Мѣлкая смородина, голубица, брусника, морошка, княженика и шикша цвѣтутъ здѣсь, а въ благопріятное лѣто даютъ и ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать; никто не рѣшается разводить ихъ, ибо навѣрное можно предполагать, что здѣсь ничто подобное не примется. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ 2° южнѣе, видѣлъ я однакожь рѣдьку, а также и капусту безъ вилковъ.

Въ Анюйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и кедровникъ. Когда придешь сюда съ мерзлой, покрытой мохомъ тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Италію. Но и тутъ еще, кажется, что снѣгъ таетъ только для того, чтобы подъ тонкимъ слоемъ земли образовать новый ледъ, * на который не могутъ имѣть вліянія слабые лучи солнца.

Со скудостію, или лучше сказать, ничтожествомъ прозябаемой природы, представляется въ замѣчательной противоположности богатство животнаго царства. Олени въ безчисленныхъ стадахъ, лоси (сохатые), черные и бурые медвѣди, лисицы, соболи и бѣлки наполняютъ нагорные лѣса; песцы и волки рыскаютъ по низменностямъ; огромныя стада лебедей, гусей и утокъ, прилетая весною, ищутъ уединеннаго мѣста, безопаснаго отъ преслѣдованія охотниковъ, чтобы вылинять тамъ и вывесть дѣтей; орлы, филины и чайки преслѣдуютъ свою добычу у береговъ морскихъ; бѣлыя

* Я не имѣлъ возможности удостовѣриться, какъ глубоко отъ поверхности земля замерзаетъ, или смѣшивается со льдомъ. На разстояніи полуверсты отъ моря, въ ямѣ, которую нарочно велѣлъ я рыть, выступила вода, едва только мы достигли горизонта моря; тоже самое случалось и по близости большихъ озеръ. Въ Нижне-Колымскѣ, на глубинѣ $4\frac{1}{2}$ саж., находилъ я мерзлую землю. На возвышенностяхъ встрѣчались часто разсѣлины и провалы, гдѣ на 4-хъ саженяхъ, и глубже, нижній слой земли содержалъ въ себѣ болѣе льда, чѣмъ верхній. Въ Якутскѣ, на днѣ ямы, выкопанной въ 45 саж. глубины, въ надеждѣ найдти воду и имѣть колодезь, температура земли была еще 1° ниже точки замерзанія по Реомюру.

куропатки стадами бѣгаютъ около кустарниковъ, и маленькіе кулики заботливо пересеменгиваютъ по болотистымъ бер гамъ. Вблизи жилищъ хозяйничаютъ миролюбивыя вороны, и когда свѣтитъ весеннее солнце, слышно иногда пѣніе веселаго зяблика, а осенью чириканье маленькихъ ремезовъ. *

Но при всей такой разнообразной дѣятельности, одинъ взглядъ на ужасную пустыню невольно вселяетъ мысль: здѣсь граница обитаемаго свѣта! Присутствіе животныхъ отнести должно къ вѣчному закону природы; единственно по инстинкту сдѣлались они обитателями ледяной пустыни. Но какъ очутился здѣсь человѣкъ? Что могло завлечь его сюда, въ могилу природы? Говорю не о маломъ числѣ Рускихъ, которые, въ надеждѣ на значительную прибыль рѣшились придти сюда на нѣсколько времени, но о тѣхъ народахъ, которые, безъ такого побужденія здѣсь поселились.

Кочевые народы умѣреннаго климата переходятъ изъ одной плодоносной страны въ другую, и постепенно, черезъ многія поколѣнія, удаляются столь далеко отъ своей родины, что дѣлаются

* По наблюденіямъ доктора Кибера, зимуютъ здѣсь только бѣлая куропатка (tetrao lagopus), обыкновенная ворона (corvus cornix) и бѣлый филинъ (strux nivalis), большая хищная птица. Въ началѣ Апрѣля показываются: поддорожникъ, пуначка (emberyza nivalis), трясогузка (motacilla calliope); потомъ морской кѣтушекъ (tringa pugnax), пиголица (tringa vanellas), барашекъ (scolopax gallinago) и зуекъ чернозобый (charadrius hiaticula); наконецъ въ Маѣ лебеди, четыре породы гусей и одиннадцать породъ утокъ.

для нея чуждыми, предпочитая ей новую отчизну. Но здѣсь, куда ничто не заманиваетъ надеждою на будущее, гдѣ одинъ лишь безконечныя, снѣгомъ и льдомъ покрытыя пустыни, ограничиваютъ мрачный горизонтъ, гдѣ подъ твердымъ покровомъ вѣчной зимы погребенная природа, не можетъ почти ничего представить человѣку, и гдѣ жизнь есть лишь горестное бореніе со всѣми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій, что могло побудить человѣка оставить свое прежнее, вѣроятно, пріятнѣйшее жилище, и поселиться въ сей ужасной могилѣ природы, которая заключаетъ въ себѣ только кости уже давно несуществующихъ, первобытныхъ животныхъ? Напрасно будемъ мы искать разрѣшенія нашему вопросу: никакой памятникъ, никакое преданіе не говорятъ о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи покоренія Сибири Русскими неизвѣстно ничего достовѣрнаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у *Омоковъ* болѣе, нежели звѣздъ на ясномъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ иныхъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ (въ особенности у рѣки Индигирки); то и другое принадлежало, какъ полагаютъ, сильному и многочисленному поколѣнію *Омоковъ*, которое нынѣ вовсе исчезло.

Судя по несвязнымъ отвѣтамъ нѣкоторыхъ стариковъ, кажется, что Омоки не были кочующимъ народомъ, и имѣли постоянную осѣдлость по берегамъ верховья рѣки, питаясь звѣроловствомъ и рыбнымъ промысломъ. Другое многочисленное поколѣніе, называемое *Чукочъ*, кочевало, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, чрезъ которую протекаетъ Колыма на сѣверъ къ морю, отъ чего и доселѣ существуютъ въ сей странѣ названія рѣчекъ, каковы *Малая* и *Большая Чукочья*. *Омоки* сдѣлались, вѣроятно, жертвою воинъ и болѣзней, а *Чукочъ*, или *Чукчи*, переселились частію еще далѣе къ сѣверу, гдѣ нынѣ обитаютъ, частію смѣшались съ другими поколѣніями, которыя также имѣютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда временно и составляютъ нынѣшнее скудное населеніе здѣшней страны.

Во всемъ Колымскомъ округѣ состоитъ жителей: Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ и казаковъ 325, Якутовъ 1,034; Юкагировъ и другихъ поколѣній 1,139, вообще 2,498 человѣкъ мужескаго пола, изъ коихъ 2,173 обложены ясакомъ. Они платятъ ясака, или податей, 803 лисицы и 28 соболей, которые по среднимъ цѣнамъ можно положить въ 6,704 руб., и сверхъ того деньгами 10,847 р., такъ, что на каждую душу мужескаго пола Якутовъ и другихъ поколѣній, въ сложности, падаетъ около 8 р. 8 коп. Большая часть крестьянъ и мѣщанъ происходятъ отъ ссыльныхъ, а казаки суть потомки тѣхъ, которые по раззореніи Анадырскаго острога Чукчами переселились сюда.

До 1812 года казаки считались въ дѣйствительной службѣ, и получали отъ Правительства провіантъ, который однакожь обязаны были сами перевозить на судахъ съ верховья Колымы. При свойственной здѣшнему народу беззаботливости о будущемъ, обнадеженные нѣсколькими сряду, весьма прибыльными годами для звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, казаки оставили сію, нѣсколько трудную для нихъ перевозку, такъ, что наконецъ, въ 1812 году, Правительство вовсе прекратило продовольствіе ихъ провіантомъ. Нынѣ, когда нѣсколько уже лѣтъ рыбные и звѣриные промыслы скудны, и господствуетъ всеобщій въ здѣшнемъ краю недостатокъ, казаки должны очень раскаяваться, что собственною безпечностью лишили себя благодѣтельной поддоры Правительства. Исключая шести человѣкъ, которые оставлены въ дѣйствительной службѣ для содержанія караула и исполненія всякихъ приказаній, прочіе казаки составляютъ особую станицу, подъ непосредственною командою сотника, подчиненнаго частному Исправнику въ Средне-Колымскѣ. Казаки не платятъ никакихъ податей, но вмѣсто того обязаны, по первому востребованію, являться на службу, имѣя при себѣ сабли и ружья. Главнѣйшую ихъ службу составляетъ походъ къ крѣпости *Островной*, куда отправляются ежегодно отъ 25-ти до 30 человѣкъ, для соблюденія порядка на Чукотской ярмаркѣ, и для защиты, въ нужномъ случаѣ, Рускихъ и другихъ промышленниковъ противъ Чукчей.

Хотя обитающіе здѣсь собственно-Русскіе, черезъ смѣшеніе съ Юкагирами и Анюйскими Якутами заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, образѣ жизни, и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкимъ своимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлѣе, и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не встрѣчалъ я у природныхъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, въ какой живутъ, съ чертами лица пріятнѣе и правильнѣе, нежели у настоящихъ Юкагирокъ, Тунгусокъ и Якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ почесться красавицами. Онѣ не чужды супружеской нѣжности, и пріятно видѣть радость жены, или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опаснаго промысла, или изъ дальней поѣздки. Послѣ первыхъ привѣтствій и благодарственной молитвы, выставляется на столъ все, что есть лучшаго въ запасѣ, и потомъ возвратившійся долженъ разсказать, какіе преодолѣлъ онъ труды, какихъ избѣжалъ опасностей, и т. д. Съ искреннимъ участіемъ, все семейство слушаетъ разсказчика, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятіе объ его твердости духа, рѣшительности или смышлености, зная, что въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ доброе о себѣ мнѣніе.

Многія изъ женщинъ одарены способностью слагать пѣсни, заключающія въ себѣ большею частію жалобы на разлуку съ любезными. Въ такихъ

пѣсняхъ замѣчательно воспоминаніе о прошедшемъ времени; главныя роли въ нихъ играютъ голубокъ, соловей, цвѣты, и многіе другіе предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ пѣвица знаетъ только по слухамъ. Вотъ два образца:

1.

Напишу ли я письмо, не перомъ, не черниломъ,
Напишу письмо горючей слезой;
Отошлю я письмо съ сизокрыленькимъ голубкомъ.
Полети ты, сизокрыленькій, во славный городъ во Якутскъ,
Оброни ты письмо подъ косящетое подъ окошечко, и проч.

2.

Ты скажи, соловьюшко,
Ты скажи мнѣ, черноперинькой,
Гдѣ морскихъ ты повстрѣчалъ?—
Повстрѣчалъ я ихъ на долгихъ на плесахъ,
На морскихъ на бѣлыхъ торосахъ,
И чистой островъ увидали тутъ они.
Полети ты, соловьинько, во сине море
И скажи моему ты милому,
Что подруженька его горько плачетъ, и проч.

—

Мужчины изъ здѣшнихъ Рускихъ поютъ также довольно пріятно; пѣсни ихъ называются *андыльщинами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, сосѣди собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между здѣшними Рускими видны еще нѣкоторая веселость и наслажденіе жизнью, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныхъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ обществѣ Рускихъ, но и тѣ не умѣютъ вполнѣ изъявлять своей веселости. Однакожь такое, и мно-

гія другія, свойственныя Русскому характеру преимущества, цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать искуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ: «Онъ настоящій Рускій.» Дѣти здѣшнихъ Рускихъ, несмотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и переимчивость.

Въ отношеніи жилищъ, Рускіе мало различествуютъ отъ природныхъ жителей. Растущія здѣсь лиственичныя деревья очень тонки, и потому для постройки хижинъ надобно ловить лѣсъ, наносимый съ моря, при весеннемъ разлитіи рѣкъ. Часто проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока наберется потребное количество бревенъ. Стѣны выводятся по обыкновенному образцу Русскихъ избъ; промежутки между бревенъ затыкаются мохомъ и замазываются глиною, а нижняя часть строенія снаружи, до оконъ, завалпвается землею, для предохраненія отъ холода. Хижина имѣетъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ саженъ въ квадратѣ и $1^1/_2$ сажени вышины. На плоскую крышу насыпается земля. Внутреннее устроеніе бываетъ слѣдующее: въ углу стоитъ Якутскій чувалъ, родъ камина, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ и обмазаннаго внутри и снаружи глиною. Трубу замѣняетъ сдѣланное въ крышѣ отверзтіе. Съ нѣкотораго времени стали однакожъ устроивать настоящія Русскія печи изъ битой глины, и проводить трубы сквозь кровлю. Смотря по пространству хижины и потребности хозяина, ставятся одна, или двѣ, низкія

перегородки, для отдѣленія спальни; остальная часть хижины заключаетъ въ себѣ кухню, рабочую и гостиную, обставленная довольно широкими скамьями, которыя покрываются оленьими кожами. По стѣнамъ развѣшиваютъ разную домашнюю утварь, ружья, стрѣлы, луки, и т. п. Два окна, въ квадратный футъ, а иногда и менѣе, кой какъ освѣщали бы хижину, еслибы въ нихъ вставлены были стекла, но замѣняющіе ихъ лѣтомъ рыбьи пузыри (обыкновенно изъ налима), а зимою льдины, въ шесть дюймовъ толщины, едва только пропускаютъ дневный свѣтъ. Съ одной стороны дома пристроиваются сѣни, къ которымъ примыкаетъ анбаръ, складенный изъ тонкихъ бревенъ. Въ сѣняхъ обыкновенно дѣлается очагъ. Всѣ домы расположены окнами къ югу. Какъ возлѣ дома, такъ и на крышѣ, устроены бываютъ вѣшалки, для сушенія рыбы, а у анбара стоитъ конура, гдѣ во время жестокихъ морозовъ укрываются собаки, при меньшемъ холодѣ обыкновенно лежащія передъ домомъ; онѣ привязаны къ длинному ремню и зарываются въ снѣгъ. Заборовъ почти нигдѣ нѣтъ. Такъ вообще строятся здѣсь домы, безъ всякихъ правилъ, по произволу хозяина. До бань жители небольшіе охотники, и во всемъ Нижне-Колымскѣ нашли мы одну общественную баню, и та была въ самомъ неисправномъ положеніи.

Опрятность въ жилищахъ и одеждѣ можно видѣть только у богатыхъ, жены которыхъ носятъ рубахи изъ бумажной матеріи и холста. Обыкновенныя рубахи (*парки*) шьются изъ мягкихъ

оленьихъ шкуръ, спереди открытыя, и надѣваются шерстью внутрь; наружная сторона выкрашена ольховою корою въ красный цвѣтъ, и опушена по низу и рукавамъ тонкими бобровыми ремнями, или кожею рѣчной выдры, которая покупается довольно дорого у Чукчей. Изъ оленьей шкуры шьютъ и нижнее платье. Сверхъ рубахи надѣваютъ *камлею*, изъ ровдуги, которая отъ дыма становится желтою. *Камлея* закрыта спереди и сзади; къ ней пришитъ капишонъ, накидываемый на голову, при выходѣ изъ двора. Зажиточные люди носятъ дома китайчатыя камлеи. На ноги надѣваютъ родъ башмаковъ (*калипчики* и *аларчики*), изъ темной юфти, или чернаго сафьяна, которые пришиваются къ голенищамъ, сдѣланнымъ изъ жесткой оленьей кожи, и вышиваются разноцвѣтными шелками, даже золотомъ. Два длинные ремня, прикрѣпленные къ каблуку, обхватываютъ ногу крестообразно. Мѣховая шапка, острая къ верху, такъ широка и высока, что можетъ покрывать лобъ и щеки; кромѣ того, для щегольства и большаго тепла, надѣваются *налобники*, *наушники*, *наносники* и *набородники;* особенно налобникъ вышивается разноцвѣтными шелками и золотомъ. При входѣ въ комнату шапка снимается, а налобникъ остается нѣсколько времени, какъ будто на показъ.

Во время поѣздокъ, сверхъ всего платья, накидывается еще *кухлянка*, широкая, изъ двойнаго мѣха сшитая камлейка, съ капишономъ; къ рукавамъ придѣланы большія рукавицы, у которыхъ

подъ низомъ разрѣзъ, чтобы иногда, въ случаѣ надобности, можно было просунуть руку и опять тотчасъ спрятать ее отъ холода. Вмѣсто домашнихъ сапоговъ надѣваются получулки или носки, изъ кожи молодаго оленя (*чижи*), а сверху *торбосы*, или теплые сапоги. Въ такой одеждѣ можно долго выносить самый сильный морозъ. На кушакѣ висятъ большой ножъ, маленькая *гамза* (мѣдная, или оловянная трубка), съ короткимъ, вдоль разрѣзаннымъ и ремнями связаннымъ чубукомъ, и кошель, гдѣ лежатъ огниво и табакъ, изъ экономіи смѣшанный съ мѣлко-наскобленнымъ, лиственичнымъ деревомъ. Здѣшніе Рускіе курятъ подобно всѣмъ сѣвернымъ Азіятскимъ народамъ: вбираютъ въ себя дымъ и выпускаютъ потомъ изъ носа, отъ чего приходятъ въ безпамятство, которое бываетъ иногда такъ сильно, что они, сидя передъ чуваломъ, безъ чувствъ падаютъ въ огонь. Впрочемъ, много разсказываютъ они о пріятностяхъ такого опьяняющаго куренія, и увѣряютъ, что оно весьма согрѣваетъ въ большіе морозы.

Одежда женщинъ разнится отъ мужской преимущественно тѣмъ, что состоитъ изъ легчайшей кожи, а у богатыхъ изъ какой нибудь бумажной, или шелковой матеріи, съ лежачимъ воротникомъ изъ собольихъ, или куньихъ хвостовъ; бѣдныя довольствуются оленьими выпоротками. Замужнія женщины повязываютъ обыкновенно голову бумажнымъ, или шелковымъ платкомъ; иногда надѣваютъ и калпаки, подъ которые, по

Русскому обычаю, подбираютъ волосы; незамужнія заплетаютъ ихъ въ длинныя косы, и сверхъ того, когда въ нарядѣ, носятъ повязки на лбу. Праздничное платье очень похоже на то, какое лѣтъ за 50 носили наши купчихи; чѣмъ цвѣтнѣе и пестрѣе шелковая матерія, и чѣмъ блестящѣе и длиннѣе серьги, тѣмъ красивѣе почитается нарядъ. Купцы, пріѣзжающіе на ярмарки, умѣютъ здѣсь пользоваться, сбывая на берегахъ Колымы, за дорогую цѣну, такія платья, которыя даже въ Якутскѣ вышли изъ моды.

Желая имѣть понятіе объ образѣ жизни прибрежныхъ Колымчанъ, надобно нѣсколько времени прожить съ ними: слѣдовать за ними изъ зимнихъ избъ въ лѣтніе балаганы; плавать съ ними въ *карбасѣ*, или въ *вѣткѣ*, по быстрымъ рѣкамъ; взбираться верхомъ, или пѣшкомъ, на скалы; прокладывать дорогу черезъ густой лѣсъ; въ жестокіе морозы и мятель носиться на легкой нартѣ, запряженной борзыми собаками, по безконечной тундрѣ; словомъ, надобно ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Такова была жизнь наша, въ продолженіе почти трехъ-лѣтняго пребыванія здѣсь; мы жили въ ихъ обществѣ, одѣвались такъ же, какъ они, питались ихъ вяленою рыбою и раздѣляли съ ними всѣ неудобства здѣшняго климата, при крайнемъ недостаткѣ въ потребностяхъ всякаго рода, что все даетъ мнѣ возможность представить вѣрное изображеніе жизни въ Нижне-Колымскѣ, а за исключеніемъ немногихъ

мѣстныхъ обстоятельствъ, она одинакова по всѣмъ берегамъ Колымы.

Начнемъ съ весны. Рыбная *ловля*, какъ я уже замѣтилъ, важнѣйшая отрасль здѣшней промышленности; все существованіе обитателя зависитъ отъ нея. Но, мы увидимъ въ послѣдствіи, что Нижне-Колымскій острогъ стоитъ на самомъ невыгодномъ мѣстѣ для рыбнаго промысла, и потому жители должны отправляться въ другія мѣста за пищею. Лишь только наступитъ весна, они оставляютъ жилища, и вдоль береговъ рѣки отыскиваютъ мѣсто, гдѣ, съ большою поспѣшностью, устроиваютъ балаганъ и приготовляютъ все необходимое для рыбной ловли. Многіе изъ Нижне-Колымскихъ мѣщанъ имѣютъ въ окрестностяхъ при устьяхъ рѣчекъ (виски) маленькія дачи, куда разъѣзжаются еще въ Апрѣлѣ, чтобы все заблаговременно устроить, и въ половинѣ Мая, когда купцы, возвратясь съ ярмарки, бывающей въ Островной, на Маломъ Анюѣ, собираются обратно въ Якутскъ, всѣ мѣстные жители спѣшатъ на свои лѣтовья, и въ острогѣ остаются только казацкій сотникъ, съ двумя караульными въ канцеляріи, священникъ съ причтомъ, и нѣсколько голодныхъ семействъ, которыя не въ состояніи слѣдовать на общій промыселъ.

На Колымѣ весна самое тяжелое для жителей время года: съѣстные припасы, заготовленные лѣтомъ и осенью, всѣ исходятъ въ продолженіе зимы; рыба, укрывшаяся отъ жестокой стужи на днѣ рѣкъ и озеръ, не показывается еще

въ водѣ; собаки, изнуренныя зимнею работою и недостаткомъ корма, не могутъ уже болѣе служить для того, чтобы пользуясь послѣднимъ весеннимъ благодѣяніемъ природы, такъ называемымъ *настомъ* *, гнаться на нихъ за оленями и сохатыми; куропатки, наловленныя кой гдѣ силками, доставляютъ весьма незначительное пособіе; однимъ словомъ—угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ. Въ то время Тунгусы и Юкагиры толпами переходятъ съ тундры и съ Анюя въ Русскія селенія на Колымѣ, искать спасенія отъ голодной смерти. Блѣдные, безсильные бродятъ они, какъ тѣни, и бросаются съ жадностью на трупы убитыхъ или павшихъ оленей, кости, шкуру, ремни, на все, что только можетъ сколько нибудь служить къ утоленію мучительной потребности въ пищѣ. Но и здѣсь видятъ они мало отрады: и здѣсь свирѣпствуетъ голодъ, такъ, что самые жители принуждены довольствоваться скудными остатками отъ заготовленнаго собакамъ корма. Многія собаки падаютъ истощенныя голодомъ.

* Когда отъ теплоты весеннихъ лучей солнца тающій на поверхности снѣгъ опять замерзаетъ ночью, то образуется тонкая ледяная кора, которая столь тверда, что можетъ поддерживать легкую нарту, запряженную собаками. Она называется *настомъ*, и способствуетъ преслѣдованію оленей и сохатыхъ, которые по тяжести своей проламываясь сквозь ледъ, попадаютъ въ руки охотника. Прочность наста зависитъ отъ того, болѣе или менѣе открыто мѣстоположеніе, и подъ низомъ твердый или рыхлый снѣгъ. Впрочемъ, настъ образуется не каждый годъ; во все пребываніе наше мы не видали его въ окрестностяхъ Нижне-Колымска.

Хотя изъ казеннаго запаснаго магазина можно покупать затхлую ржаную муку, и брать даже въ долгъ до осени или зимы, но немногіе въ состояніи платить по 20 рубл. за пудъ. Такъ дорого продается мука отъ того, что провозъ ея изъ дальныхъ мѣстъ сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ и нерѣдко продолжается около двухъ лѣтъ. Въ бытность нашу въ Средне-Колымскѣ, тамошнему Коммисару надлежало сдѣлать смѣту: какое количество муки нужно для обезпеченія народа на все время весенняго голода? Онъ потребовалъ о томъ свѣдѣнія отъ казацкаго сотника, подъ особеннымъ надзоромъ котораго находятся Тунгусы и Юкагиры, и получилъ въ отвѣтъ: «Не могу сказать опредѣлительно, но увѣ«ряю васъ, что многіе согласятся лучше умереть «съ голода, нежели платить по два рубля за каж«дый день горестной жизни.»

Три такія ужасныя весны прожилъ я здѣсь, и теперь еще съ содроганіемъ представляю себѣ плачевную картину голода и нищеты, которой, хотя былъ свидѣтелемъ, описать не въ силахъ.

Но когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени, Провидѣніе посылаетъ обыкновенно и помощь: внезапно прилетаютъ изъ южныхъ странъ большія стада лебедей, гусей, утокъ, куликовъ и другихъ птицъ. Они предвѣщаютъ конецъ всеобщему бѣдствію. Старый и малый, мужчины и женщины, кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье или лукъ, всѣ спѣшатъ убивать изъ пер-

натыхъ гостей что могутъ. Въ разставленныя подъ льдомъ сѣти уже попадается и рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходитъ. Но все еще нѣтъ изобилія въ пищѣ; кажется, будто природа, подобно искусному врачу, съ умѣренностью подкрѣпляетъ истощенныхъ. Наконецъ, въ Іюнѣ вскрывается рѣка, приплываетъ множество рыбы, и всякій спѣшитъ запасаться на будущій годъ. Но въ то время случается иногда новое бѣдствіе: рѣка не въ состояніи довольно скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, которыя, спираясь въ узкихъ мѣстахъ, образуютъ родъ плотинъ и останавливаютъ теченіе воды; она выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ луга и селенія. Если жители не успѣютъ отогнать лошадей своихъ на высокое мѣсто, то лишаются ихъ невозвратно. Лѣтомъ 1822 года было при насъ наводненіе въ Нижне-Колымскѣ, распространившееся столь внезапно, что мы едва имѣли время, съ нѣкоторыми вещами, взобраться на плоскія крыши, и должны были просидѣть тамъ болѣе недѣли. Вода быстро неслась между домами; къ сѣверу лежащее озеро соединилось съ рѣкою, и весь острогъ походилъ на архипелагъ маленькихъ острововъ, потому, что одни только кровли не были покрыты водою. Жители переѣзжали другъ къ другу на карбасахъ и вѣткахъ, и сидя на крышахъ закидывали сѣти и ловили рыбу.

Наводненія бываютъ, въ большей или меньшей степени, но ежегодно. Лишь только вода сбѣ-

жить, начинается ловля неводами. * Весною рыба плыветъ внизъ по теченію рѣки; въ иныхъ мѣстахъ ходъ ея продолжается нѣсколько дней, а въ другихъ, какъ то, близъ Походска и въ Чукотскомъ протокѣ, поплавная рыба ловится цѣлое лѣто, но только количество ея постепенно уменьшается. Преимущественно попадаются стерляди, нельма, муксуны, и такъ называемые чиры. Вся рыба обыкновенно бываетъ очень тоща, и потому большею частію приготовляютъ ее для корма собакамъ, въ видѣ *юхолы*, т. е. распластываютъ, потрошатъ и сушатъ на воздухѣ. Изъ внутренности вываривающъ жиръ, который употребляется въ пищу и на освѣщеніе избъ въ зимнія ночи.

Свѣжіе морскіе вѣтры, приводящіе рѣку въ

* Къ востоку отъ Лены Колыма особенно изобилуетъ рыбою, почему берега ея населены болѣе, нежели берега Яны, Индигирки и Алазеи. Дабы имѣть нѣкоторое понятіе о чрезвычайномъ расходѣ рыбы, составляющей главнѣйшую пищу здѣшнихъ жителей и собакъ ихъ, надобно знать, что на годовое содержаніе ста семей, живущихъ въ окрестностяхъ Нижне-Колымска, потребно не менѣе трехъ милліоновъ сельдей. Но какъ и въ хорошій годъ Колыма даетъ около милліона сельдей, то остальное количество замѣняется другою рыбою, которой нужно, по крайней мѣрѣ, до 200,000 штукъ. Впрочемъ, почислу наловленной рыбы нельзя дѣлать вѣрнаго заключенія объ изобиліи ея въ рѣкѣ, ибо успѣхъ промысла много зависитъ отъ обстоятельствъ. За нѣсколько лѣтъ до прибытія нашего на Колыму, случилось, что въ началѣ обыкновеннаго осенняго хода муксуновъ устье Омолона замерзло, такъ, что прибрежные жители могли перегородить рѣку поперегъ мережами и наловили въ три дня 80,000 крупныхъ муксуновъ, чего въ обыкновенные годы не доставитъ промыселъ цѣлаго лѣта.

сильное волненіе, часто препятствуютъ закидыванью неводовъ, именно въ то время, когда ходъ рыбы бываетъ обильнѣе. Къ тому присоединяется несовершенство здѣшнихъ неводовъ, дѣлаемыхъ изъ конскихъ волосовъ, и то, что жители не умѣютъ, или боятся кидать невода посрединѣ рѣки, гдѣ рыба всегда крупнѣе и въ большемъ количествѣ. Они ограничиваются ловомъ въ вискахъ и побочныхъ рѣчкахъ Колымы, которая, какъ выше сказано, весною сильно разливается и нагоняетъ множество рыбы въ маленькія рѣчки и соединяющіяся съ ними озера, откуда она, когда главная рѣка возвратится въ берега свои, идетъ на прежнее мѣсто и ловится мережами, или *мордами*, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ. Сей промыселъ съ большою дѣятельностью начинается тогда, какъ кончится весенній ловъ неводами, или *неводьба*, по названію Сибиряковъ. Всѣ жители, или хоть по одному изъ каждой семьи, перебираются на виски. При ловѣ неводами наблюдается очередь въ закидываньи ихъ, и добытая каждый разъ рыба принадлежитъ хозяину невода; на вискахъ же дѣлятъ рыбу въ каждый *высмотръ* * на равные паи, между хозяевами погружаемыхъ мережей.

Послѣднимъ способомъ ловится всего болѣе жирныхъ *чировъ*, составляющихъ любимую пищу жителей, такъ называемую, *пдомную юколу*. Она отличается отъ вышеупомянутой *юхолы* выборомъ лучшей рыбы и большимъ стараніемъ въ

* Такъ называется смотръ мережи, погруженной въ виску.

приготовленіи. Распластавъ рыбу на двое, вынимаютъ изъ нея всѣ кости, мѣлко надрѣзываютъ мясо, чтобы оно сдѣлалось мягче, и сушатъ на воздухѣ. Иногда коптятъ и въ дыму, для предохраненія отъ порчи. * Верхняя часть мяса обыкновенно срѣзывается, сушится особо, толчется въ деревянной ступкѣ, и съ небольшою примѣсью жира сберегается на зиму въ флягахъ. Такимъ же образомъ отдѣляются потроха, составляющіе самыя жирныя части рыбы, сушатся и употребляются для лакомой начинки пироговъ, которые пекутся не изъ тѣста, а изъ толченыхъ мягкихъ частей свѣжей рыбы.

Когда височный промыселъ приходитъ къ концу, появляется опять въ рѣкѣ большая морская рыба, нельмы и стерляди, которыхъ ловятъ неводами и сѣтьми.

Въ продолженіе рыбныхъ промысловъ прилетаютъ къ морскому берегу лебеди, гуси и утки, линяютъ здѣсь, вьютъ гнѣзда и высиживаютъ птенцовъ. Тогда нѣкоторые изъ промышленниковъ отправляются вынимать яицы изъ гнѣздъ; настоящая ловля начинается въ то время, когда птицы, лишенныя перьевъ, не могутъ летать. Тутъ охотники собираются во множествѣ къ гнѣздамъ, пугаютъ птицъ соба-

* Лучшая юкола приготовляется въ Походскѣ и Маломъ Чукочьемъ, гдѣ воздухъ холоднѣе и рыба теряетъ менѣе жиру. Тамошній отличный родъ *юколы* называется *хахта*. Юкола, такъ же какъ и юхола, продается связками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ 50 штукъ крупной и 100 мелкой рыбы.

ками и загоняютъ въ озера, гдѣ на вѣткахъ бьютъ ихъ, чѣмъ попало, изъ ружей, стрѣлами, даже палками. Часть добычи коптится, а остальная замораживается и зарывается въ снѣгъ, для употребленія зимою. Впрочемъ, сей промыселъ съ нѣкотораго времени весьма оскудѣлъ; лѣтъ за 20-ть охотники приносили домой въ иные дни по нѣскольку тысячь гусей, а нынѣ при устьѣ Колымы почитаютъ за счастіе, если удастся во все лѣто убить до 1000 гусей, до 5000 утокъ и сотни двѣ лебедей *, что происходитъ не отъ уменьшенія птицъ, иногда въ чрезвычайномъ множествѣ разсѣянныхъ по горамъ, тундрамъ и протокамъ, но отъ того, что жители заняты болѣе рыбными промыслами, требующими меньшихъ трудовъ и приносящими вѣрнѣйшую прибыль, и не успѣваютъ на ловлю птицъ.

Кромѣ рыбы и птицы, добрые хозяева запасаются также оленьимъ мясомъ. Для того иные плывутъ на карбасахъ по Анюю, къ лѣтней *плави* оленей, а другіе отправляются на лошадяхъ въ тундру, къ большимъ озерамъ, загоняютъ оленей пріученными собаками въ воду и убиваютъ *поколюгою*. ** Промыселъ гораздо прибыльнѣе на

** Кажется, что перелетныя птицы никогда не вьютъ гнѣздъ два года сряду въ одномъ мѣстѣ, но довольно правильно перемѣняютъ свое пребываніе. Звѣриная ловля подвергается также нѣкоторой правильной перемѣнѣ; здѣсь вообще полагаютъ, что песцы появляются во множествѣ только на третій годъ; соболи и зайцы часто совсѣмъ исчезаютъ.

* Большой ножъ, насаженный на длинную рукоятку.

Анюѣ, нежели въ тундрѣ; ловкій охотникъ убьетъ на рѣкѣ, въ хорошій годъ, до 100 оленей, а въ тундрѣ достанется каждому охотнику не болѣе 20, и даже иногда только по 5-ти оленей, но за то здѣсь они рослѣе и жирнѣе. *

Между тѣмъ, пока мужчины занимаются рыбными промыслами и охотою, женщины также пользуются короткимъ лѣтомъ, собирая на зиму произведенія растительнаго царства. Выше сказано уже, что частію растаявшая почва, особенно на горахъ, производитъ ягоды, душистыя травы и коренья. Женщины знаютъ ихъ совершенно, и набираютъ столько, сколько дозволяетъ болѣе или менѣе благопріятное лѣто. Однакожъ не вездѣ каждый годъ есть ягоды; въ трехъ-лѣтнее пребываніе наше на Колымѣ не нашли мы ни одной ниже острога. Изобильнѣе растутъ ягоды, особенно голубица, на восточномъ берегу Колымы и на отлогости Пантелеевской сопки, куда ходятъ собирать ихъ въ половинѣ Августа—самое пріятное время года для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ: онѣ отправляются туда большими обществами, проводятъ часто цѣлыя ночи подъ открытымъ небомъ, поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся различнымъ образомъ. Набранныя ягоды обливаютъ водою, замораживаютъ и сохраняютъ на зиму, какъ любимое лакомство.

Изъ растеній и кореньевъ полезны только *тимь-*

* Сей замѣчательный промыселъ обстоятельно описанъ ниже, въ журналѣ мичмана Матюшкина, который имѣлъ случай дѣлать надъ нимъ точныя наблюденія.

янь и *макарша*; первый употребляется преимущественно для куренья, а иногда и въ пищу. Макарша мучноватый корень, который кладутъ для приправы въ пироги съ рыбою и мясомъ, или подаютъ отдѣльно, вмѣсто дессерта, передъ вечернимъ чаемъ; его находятъ въ подземныхъ норахъ полевыхъ мышей, собирающихъ на зиму большой запасъ всякихъ кореньевъ. Женщины имѣютъ особенный даръ отыскивать такія убѣжища и уносить у бѣдныхъ животныхъ плоды предусмотрительной ихъ заботливости.

Наступаетъ Сентябрь, и большой ходъ сельдей * съ моря заманиваетъ почти всѣхъ жителей на тони. Сельдей является такое множество, что въ благопріятные годы вытаскиваютъ въ одну тоню 3000 и болѣе, и въ три или четыре дня хорошимъ неводомъ добываютъ до 40,000. Нерѣдко случается, что послѣ трехъ-мѣсячной неудачной ловли другой рыбы, бѣднымъ жителямъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ, но вдругъ показываются въ рѣкахъ благодѣтельные сельди и цѣлые анбары наполняются ими. До наступленія морозовъ, наловленные сельди развѣшиваются, чтобы вытекла изъ нихъ вода; отъ того онѣ дѣлаются легче въ дорогѣ и пригоднѣе для кор-

* Надобно замѣтить, что отъ Погромнаго до Нижне-Колымска, на разстояніи 3-хъ верстъ, ходъ сельдей продолжается три дня. Самыя крупные ловятся въ Колымѣ, помельче въ Алазеѣ, а еще мельче въ Индигиркѣ и Янѣ. По тому, кажется, можно заключить, что они имѣютъ направленіе отъ запада на востокъ.

ма собакамъ. Сельди, добываемыя во время морозовъ, покрываются льдомъ, безвкусны, и на морозѣ собаки ихъ съ трудомъ раскусываютъ.

Къ тому времени, когда идутъ сельди, возвращаются съ Анюя и тундры промышленники, отправлявшіеся на ловлю оленей, а вмѣстѣ съ ними возвращается и новая жизнь въ страну, которая незадолго предъ тѣмъ была пуста и безлюдна. Съ робостью ожидаютъ извѣстія: чего должно надѣяться или страшиться для предстоящей зимы? Удачный промыселъ производитъ всеобщую радость, и долгое время составляетъ единственный предметъ разговоровъ, причемъ самыя незначительныя обстоятельства, каждое движеніе оленя, ловкость охотника, смышленость собаки, и т. д., разсказываются съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разбитіи непріятельской арміи.

Съ наступленіемъ морозовъ прекращается лѣтній промыселъ рыбы, и лишь только рѣки замерзнутъ, начинается осенній. Сѣти, сдѣланныя изъ конскихъ волосовъ, погружаются въ проруби поперегъ рѣки. Тогда ловятся преимущественно муксуны, омули (salmo autumnalis) и нельма (salmo nelma), пригоняемые вѣтрами съ моря, близость коего въ особенности благопріятствуетъ сему промыслу. По Каменной Колымѣ, около *Шалаурова зимовья, Кабачкова* и *Сухарнаго*, и по Средней Колымѣ, у *Каменнаго острова*, ловля продолжается, съ перемѣннымъ успѣхомъ, до Декабря, когда темнота и сильные морозы застав-

ляютъ рыбаковъ прекращать работу и возвращаться въ селенія.

Такимъ образомъ, съ каждымъ временемъ года перемѣняются занятія Колымскихъ жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не дозволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смышленость, вся дѣятельность ограничивается тѣмъ, чтобы не пропускать благопріятнаго времени для каждаго промысла, и когда изсякнетъ одинъ источникъ пропитанія, тотчасъ пользоваться другимъ, гдѣ только онъ откроется. Какъ мы видѣли, за промысломъ рыбы въ большихъ рѣкахъ слѣдуетъ ловля въ рѣчкахъ; потомъ идетъ крупная морская рыба, за нею сельди, и наконецъ рыба, которую ловятъ сѣтями подъ льдомъ.

Для птицъ также есть различные періоды: сначала линяютъ утки, потомъ гуси, наконецъ лебеди. Сверхъ того раздѣляются онѣ здѣсь, по времени линянья, на два класса: *дѣтьниковъ* и *холостьбу*. Первыми называются птенцы, которые не оставляютъ еще своихъ матокъ, и ловятся, или убиваются, вмѣстѣ съ ними; вторыя уже суть подросшія молодыя птицы, которыя линяютъ позже старыхъ и ловятся послѣ нихъ.

Единственно такое благодѣтельное устройство природы даетъ жителямъ способы, запасаться на долгую зиму необходимыми потребностями для себя и для полезнѣйшаго домашняго скота, собакъ, избавляясь отъ всегдашняго недостатка

въ пищѣ, ибо при бѣдности и малочисленности семействъ было бы невозможно имъ успѣвать во всѣхъ промыслахъ, еслибы надлежало ихъ производить въ одно и то же время. По завсѣмъ тѣмъ приготовленіе запасовъ имъ крайне тягостно, ибо, кромѣ рыбной ловли и охоты, въ чемъ заключаются почти единственные источники ихъ пропитанія, есть еще много другихъ, неменѣе нужныхъ занятій. Кто имѣетъ лошадей, * долженъ накосить для нихъ сѣна; инымъ надобно исправить избу, или построить новую; поставить въ лѣсу и насторожить *пасти* **

* Почти у каждаго исправнаго хозяина есть одна, двѣ и даже болѣе лошадей, которыя не употребляются зимою, а ходятъ на свободѣ и вырываютъ копытами изъ-подъ снѣга не совсѣмъ еще поблекшую траву и корни.

** *Пасть* устроивается изъ бревна, положеннаго наклонно, и находящагося подъ нимъ продолговатаго ящика, въ который кладутъ приманку. Лишь только звѣрь дотронется до приманки, бревно падаетъ на него и задерживаетъ его въ ящикѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ промышленникъ. Мѣста, гдѣ разставлены ловушки, называются *пастниками*: а *насторожить* пасть значитъ положить наживу, или приманку, и вообще изготовить пасть для поимки звѣря. Рускіе, живущіе въ Нижне-Колымскѣ и въ окрестностяхъ его, имѣютъ болѣе 7500 подобныхъ пастей, какъ по берегу рѣки, такъ и на восточной и западной тундрахъ. По восточному берегу Колымы, въ долинахъ рѣкъ Филиповой, Пантелеевой, и другихъ каменныхъ рѣчекъ, ловятся лисицы и соболи, а по западной тундрѣ песцы. Россомахи рѣдко попадаются; онѣ такъ сильны, что ломаютъ пасти. Заботливый промышленникъ объѣзжаетъ свои пасти зимою разъ десять но другіе гораздо рѣже, отъ чего, можетъ быть, половина добычи пропадаетъ. При каждомъ высмотрѣ считаютъ по одному звѣрю на десять пастей. Весьма вредное вліяніе на размноженіе звѣрей, особенно песцовъ, производитъ принятой между Юкагирами, Тунгусами, и вообще въ Сибири обычай вырывать норниковъ еще слѣпыми.

(ловушки) для пушныхъ звѣрей. На послѣднюю работу отправляются обыкновенно верхомъ, по мерзлой землѣ передъ первымъ снѣгомъ, и потомъ, когда выпадетъ снѣгъ, на собакахъ. Въ то время олени переходятъ съ восточнаго берега рѣки на западный и жители ловятъ ихъ различнымъ образомъ: ставятъ ременныя петли въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ звѣрь, или устроиваютъ заборы, въ которыхъ нарочно оставляютъ отверзтія. Другіе ѣздятъ партіями, на партахъ, къ Барановымъ Камнямъ за сохатыми и дикими баранами, или по свѣжему снѣгу, съ пріученными собаками, ловятъ лисицъ, соболей и бѣлокъ. Послѣдній родъ промысла принадлежитъ въ особенности Анюйскимъ и Омолонскимъ Юкагирамъ и Средне или Верхне-Колымскимъ Якутамъ, живущимъ въ горахъ и лѣсахъ.

На тундрѣ, по морскому берегу, ставятъ длинными рядами пасти для песцовъ, которые хотя гораздо дешевле прочихъ пушныхъ звѣрей, за то ловятся въ большемъ количествѣ. Выше упомянуто уже, что черезъ каждые три года бываетъ на тундрѣ множество песцовъ, но по изобилію тамъ мышей, они питаются ими и нейдутъ въ пасть за приманкою, которая состоитъ изъ маленькаго живаго звѣрка, или куска мяса, напитаннаго ядомъ. Настораживаніе пасти требуетъ особенной смѣтливости, и нѣкоторые изъ жителей славятся искуствомъ обманывать звѣрей. Въ наше время казацкій сотникъ Солдатовъ почитался первымъ промышленникомъ *мьлкой пака-*

*сти**, особливо лисицъ. Честь его страдала, если не удавалось ему обмануть лисицы, или окормить ее ядомъ. Еще въ большемъ уваженіи здѣсь промышленникъ, который не боится ни сохатаго, ни медвѣдя. Изобрѣтательность въ случаѣ битвы, и мужество, съ какимъ преодолѣвается противникъ, заслуживаютъ общее вниманія. Вотъ нѣкоторые примѣры: отецъ съ сыномъ отправились верхомъ на лисью охоту; не имѣя удачи, они были бы принуждены возвратиться съ пустыми руками, еслибы, случайно, не набрели на медвѣдя, лежащаго въ берлогѣ. Хотя у нихъ не было оружія, необходимаго для борьбы съ такимъ звѣремъ, но они рѣшились сдѣлать нападеніе. Отецъ прижался спиною къ одному выходу берлоги и закрылъ его совершенно своими широкими плечами, а сынъ, вооруженный только поколюгою, началъ колоть медвѣдя черезъ другое отверзтіе. Медвѣдь, чувствуя боль, напрасно искалъ спасенія въ противоположной сторонѣ; ни когтями, ни зубами не могъ онъ прохватить толстой, гладко натянутой шубы широкоплечаго Юкагира, который защищалъ свой постъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ удалось сыну заколоть звѣря. Нерѣдко однакожь за подобную самонадѣянность дорого платитъ промышленникъ. Одному Юкагиру, плывшему на вѣткѣ по рѣкѣ, и имѣвшему при себѣ только поколюгу,

* *Пакастью* называютъ здѣсь вообще всѣхъ звѣрей, промышляемыхъ въ ловушки наживами. Подъ именемъ *звѣря* собственно разумѣется одинъ сохатый (Сибирскій лось), а иногда изъ уваженія къ сердитому медвѣдю величаютъ и его *черными звѣремъ*.

случилось увидѣть на берегу большаго чернаго медвѣдя, который былъ занятъ выкапываніемъ кореньевъ, или мышьихъ гнѣздъ, такъ, что промышленникъ надѣялся подкрасться къ нему незамѣтно и воткнуть въ него свой ножъ. Дѣйствительно, ему удалось подойдти близко къ медвѣдю и обхватить лѣвою рукою заднюю его ногу; но прежде, нежели онъ могъ воспользоваться своимъ ножемъ, звѣрь, испугавшись неожиданнаго нападенія, пустился бѣжать на гору и поволокъ за собою несчастнаго Юкагира по кочкамъ и пнямъ, такъ, что онъ, измученный и разбитый, долженъ былъ наконецъ оставить неугомоннаго плѣнника. Подобной участи подвергся одинъ Русскій, который плылъ черезъ Колыму на карбасѣ и увидѣлъ сохатаго по срединѣ рѣки. Разсчитывая, что карбасъ не подыметъ огромнаго звѣря, еслибы и удалось заколоть его въ водѣ, промышленникъ вздумалъ накинуть его веревкою, привязать за рога къ лодкѣ и прибуксировать къ берегу. Хитрецъ уже радовался своей счастливой выдумкѣ и вѣрной добычѣ, но сохатый, доставши длинными ногами дно рѣки, вдругъ помчалъ привязанный къ рогамъ его карбасъ на берегъ, въ лѣсъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ, который, забывъ и лакомое жаркое и славу побѣды, почиталъ себя счастливымъ, когда успѣлъ выкарабкаться изъ безпокойнаго своего экипажа.

Между всѣми домашними животными здѣшняго края, во всякомъ отношеніи первое мѣсто за-

нимаетъ собака. Животное, какъ будто самою природою предназначенное быть сотоварищемъ человѣка, охранять его, слѣдовать за нимъ на охоту, могущее, подобно ему, переносить всякій климатъ, питающееся на островахъ Южнаго моря бананами и травами, а на Ледовитомъ морѣ рыбою, и вездѣ приносящее пользу, пріучается здѣсь къ тому, что въ другихъ странахъ вовсе ему несвойственно.

Крайность заставила обитателей сѣвера употреблять собаку, по видимому, въ сравненіи съ другими животными, твореніе слабое, вмѣсто рабочаго скота. Всѣ народы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, отъ Оби до Берингова пролива, въ Гренландіи, въ Камчаткѣ, запрягаютъ зимою собакъ въ сани, совершаютъ на нихъ дальнія путешествія и перевозятъ значительныя тяжести.

Здѣшнія собаки весьма похожи на волка; морда у нихъ длинная, острая, уши острыя, стоячія, хвостъ длинный, и мохнатый; у иныхъ шерсть гладкая, у другихъ мохнатая, черная, бѣлая, рыжая, пѣгая, и т. д. Величина ихъ также различна, однакожъ хорошая нартенная собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и некороче аршина пяти вершковъ. Лай ихъ походитъ болѣе на волчій вой. Круглый годъ проводятъ онѣ на открытомъ воздухѣ; лѣтомъ вырываютъ себѣ ямы въ землѣ, для прохлады, или цѣлый день лежатъ въ водѣ, избавляясь отъ комаровъ, а зимою ищутъ убѣжища подъ снѣгомъ, и свернувшись въ глубокихъ снѣговыхъ

ямкахъ, прикрываютъ морду своимъ мохнатымъ хвостомъ. Каждый хозяинъ держитъ у себя, кромѣ назначенныхъ въ упряжку собакъ, только одного кобеля и одну или двухъ сукъ, для приплода. Изъ щенятъ вскармливаютъ большею частію кобелей, а сукъ почти всѣхъ бросаютъ въ воду. Выкармливаніе и обученіе собакъ для ѣзды составляютъ главнѣйшее занятіе рѣчнаго жителя. Щенята, родившіеся зимою, пріучаются слѣдующею осенью къ упряжкѣ, но не ранѣе третьяго года употребляются въ дальнія поѣздки. Самыхъ проворныхъ и смышленыхъ собакъ впрягаютъ впереди. Скорый и правильный бѣгъ всего цуга, состоящаго обыкновенно изъ 12-ти собакъ, а иногда и самая безопасность ѣздока, зависятъ отъ проворства и послушанія передовыхъ собакъ. Потому необходимо пріучить ихъ слушаться одного слова хозяина и не бросаться на звѣриный слѣдъ, что составляетъ самую трудную часть въ обученіи собакъ и очень рѣдко удается. Обыкновенно вся упряжка съ визгомъ бросается на слѣдъ звѣря, и никакая сила, кромѣ естественнаго препятствія, не въ состояніи удержать ея. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно важно имѣть хорошую передовую собаку. Нѣсколько разъ имѣли мы случай удивляться искуству, и обдуманной, такъ сказать, хитрости, съ какими передовая мало по малу отвлекала прочихъ собакъ отъ звѣринаго слѣда, или, если ей не удавалось, съ лаемъ бросалась въ противоположную сторону, какъ будто увидя тамъ другаго звѣ-

ря. Въ разъѣздахъ по обширнымъ тундрамъ, въ темныя туманныя ночи, или сильныя мятели, когда путешественникъ, ни зги, не видя передъ собою, тщетно ищетъ поварни, и находится въ ежеминутной опасности замерзнуть, или быть занесену снѣгомъ, обученная передовая собака нерѣдко спасаетъ его отъ гибели. Можно быть увѣреннымъ, что среди необозримой, снѣгомъ занесенной пустыни, собака всегда найдетъ поварню, въ которой хоть однажды бывала, и тогда путешественнику остается только лопаткой (необходимою принадлежностью зимнихъ поѣздокъ) отрыть себѣ входъ въ найденный такимъ образомъ ночлегъ.

Лѣтомъ собаки также полезны, и обыкновенно употребляются для тяги лодокъ противъ теченія. Замѣчательно, какъ при сей работѣ, если на дорогѣ встрѣтится какое нибудь препятствіе, или перемѣнится бичевникъ, собаки по одному слову хозяина переплываютъ на другой берегъ и становятся снова въ порядокъ. Даже по сухому пути, онѣ перетаскиваютъ иногда, за неимѣніемъ лошадей, лодки (вѣтки), при птичьей ловлѣ употребляемыя. Словомъ, для осѣдлыхъ жителей здѣшнихъ странъ, собаки такъ же полезны и необходимы, какъ олени для кочующихъ. * Вотъ

* Предлагали запретить рѣчнымъ жителямъ держать собакъ, на томъ основаніи, что большая часть поймашной рыбы (на одну упряжку, въ 12 собакъ, надобно ежедневно отъ 50 до 70 сельдей) назначается для ихъ корма, и такимъ образомъ отнимается у жителей терпящихъ голодъ, но сія мѣра, вмѣсто облегченія туземцовъ, отняла бы у нихъ всѣ средства пропитанія. Болѣзни и

доказательство ихъ необходимости: въ 1821 году, сильное повѣтріе истребило большую часть собакъ на берегахъ Индигирки, такъ, что у одного Юкагирскаго семейства, изъ 20 собакъ, осталось только два щенка, и тѣ слѣпые, которые также должны бы погибнуть, еслибы хозяйка юрты не рѣшилась вскормить ихъ своею грудью, наравнѣ съ собственнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ два щенка сдѣлались въ послѣдствіи родоначальниками многочисленнаго поколѣнія. Въ 1822 году, большая часть Колымскихъ жителей потеряли отъ повѣтрія своихъ собакъ и были тѣмъ приведены въ самое бѣдственное положеніе. Они принуждены были таскать на себѣ дрова, а также собранную въ разныхъ мѣстахъ добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, такъ, что время, удобное для птичьей и звѣриной ловли было пропущено. Всеобщій ужасный голодъ сдѣлался отъ того слѣдствіемъ недостатка собакъ, которыхъ, по краткости лѣта и недостатку травянаго корма, замѣнить лошадьми невозможно.

Получивъ понятіе о внѣшней жизни и дѣйствіяхъ сѣвернаго Сибиряка, послѣдуемъ за нимъ въ хижину, куда съ конца лѣта удаляется онъ отдыхать въ кругу семейства отъ понесенныхъ трудовъ и по своему наслаждаться жизнію. Прежде всего, стѣны конопатятся мхомъ, обмазываются

морь между собаками въ 1821 и 1823 годахъ достаточно доказали неудобоисполнимость сего предложенія, которое потому и было отвергнуто.

глиною, самый домъ до оконъ обсыпается землею, чувалъ исправляется, и т. д. Обыкновенно въ Декабрѣ, по окончаніи всѣхъ работъ, длинныя полярныя ночи собираютъ всѣхъ членовъ семейства вокругъ очага, гдѣ трескучее пламя замѣняетъ имъ лучи солнца, надолго скрывшагося за горизонтъ. Огонь чувала и нѣсколькихъ жирниковъ тускло свѣтится сквозь ледяныя окна, а изъ трубъ поднимаются высокіе столбы дыма и яркія искры разсыпаются надъ кровлями. Собаки, свернувшись, ложатся на снѣгу вокругъ домовъ, и только по временамъ прерываютъ всеобщую тишину ужаснымъ воемъ, обыкновенно четыре раза въ день, но при лунномъ свѣтѣ и чаще. Замѣчательно, что не смотря на множество собакъ въ Нижне-Колымскѣ (при насъ было ихъ до 400), вой ихъ чрезвычайно разнообразенъ, такъ, что въ стройномъ, хоть и неслишкомъ гармоническомъ хорѣ, можно ясно различать высокіе, средніе и низкіе голоса.

Маленькая дверь, обитая мохнатою шкурою бѣлаго медвѣдя, или оленя, ведетъ въ горницу. Хозяинъ дома, съ сыновьями, исправляетъ сѣть изъ лошадиныхъ волосовъ; или приготовляетъ луки, стрѣлы и копья. Женщины, на лавкахъ и на полу, выдѣлываютъ шкуры звѣрей, добытыхъ на охотѣ мужьями, либо оленьими жилами, вмѣсто нитокъ, шьютъ и чинятъ одежду. Надъ очагомъ, въ желѣзномъ котлѣ, варится рыба на кормъ собакамъ. Далѣе готовится для семейства скромный

обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ вареной, или зажареной въ рыбьемъ жирѣ рыбы, либо оленины. Какъ лакомство, подаютъ аладьи изъ красной икры, или пироги, испеченные, вмѣсто муки, изъ толченаго муксуна, и начиненные искрошенными рыбьими брюшками, олениною, толченою макаршею. Пріѣзжаго угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ: сначала является *струганина* (тонкими пластинками нарѣзанная рыба, мерзлая, и ее ѣдятъ сырую, прежде нежели она растаетъ), потомъ юкола, копченые оленьи языки, топленый оленій жиръ, сырой мозгъ изъ оленьихъ костей, замороженное Якутское масло, мороженая морошка, словомъ — всѣ драгоцѣннѣйшія лакомства. Столъ, въ переднемъ углу горницы, покрывается, вмѣсто скатерти, кускомъ сѣти, а вмѣсто салфетокъ подаются тонкія стружки дерева, впрочемъ, послѣднее есть уже признакъ роскоши. Соль является рѣдко, и то развѣ для гостя, потому, что туземцы не только ея не употребляютъ, но чувствуютъ отъ нея даже отвращеніе. Въ домахъ зажиточныхъ жителей Нижне и Средне-Колымска, тотчасъ по пріѣздѣ, угощаютъ гостя чаемъ съ Китайскимъ леденцомъ и—съ юколою, вмѣсто сухарей. Хлѣбъ вообще рѣдко подается. Изъ муки, которая здѣсь очень дорога, приготовляютъ особаго рода питье, называемое *затуранъ*; муку зажариваютъ въ маслѣ, или въ рыбьемъ жирѣ, потомъ разводятъ горячею водою и пьютъ, какъ чай, въ чашкахъ; такое питье съ хорошимъ масломъ приготовленное, очень полезно въ путешествіи,

имѣетъ пріятный вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сытно и очень согрѣваетъ.

Къ ежедневнымъ занятіямъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежитъ черпанье воды изъ проруби. Всякая дѣвушка, имѣющая хоть нѣсколько притязаній на красоту или молодость, и непотерявшая еще надежды выдти за мужъ, наряжается около полудня въ свое лучшее платье и спѣшитъ съ ведрами на рѣку, къ проруби. Тамъ собираются всѣ ея подруги, разсказываютъ, слушаютъ новости, уговариваются, какъ провести день, у кого будетъ вечеринка; словомъ, какъ въ Германіи колодцы, такъ здѣсь проруби служатъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ дѣвушекъ. Нерѣдко являются между ними молодые парни и усердно помогаютъ красавицамъ черпать воду. Часто подобныя встрѣчи на проруби играютъ не послѣднюю ролю въ сердечныхъ дѣлахъ молодыхъ Колымчанъ.

Святки, Масляница и Святая недѣля приносятъ минутную жизнь въ мѣстечко. Въ большіе праздники, по звуку колокола, всѣ жители, какъ нельзя лучше разряженные, собираются въ церковь. Послѣ службы священникъ, съ крестомъ, посѣщаетъ всѣ домы. Иногда въ праздники, при свѣтѣ чувала, сосѣди собираются на вечеринки. Женщины садятся на лавкахъ; мужчины толпятся по горницѣ и около очага. Обыкновенно начинаютъ играми и пѣснями, а иногда, не смотря на то, что рѣдко горница бываетъ болѣе 3-хъ сажень длины и ширины, находятъ возможность плясать, или, лучше сказать, только прыгать, не передвига-

ясь съ мѣста. У богатѣйшихъ главнымъ угощеніемъ служитъ чай и выпивается въ неимовѣрномъ количествѣ: десять, двѣнадцать чашекъ, или стакановъ, порція самая обыкновенная. Самовары здѣсь рѣдки, и обыкновенно чай приготовляется въ котлѣ. На столикѣ, въ правомъ углу комнаты, ставятся другія лакомства: юкола, струганина, масло, а иногда, какъ предметъ роскоши, кедровые орѣхи. Не смотря на дороговизну, водка занимаетъ не послѣднее мѣсто на празднествахъ. *

На Масляницѣ также веселятся, и обыкновенно строятъ горы, хотя здѣшніе жители и безъ того почти никогда иначе не ѣздятъ, какъ на саняхъ, по снѣгу или льду.

Такъ однообразно, въ бѣдныхъ наслажденіяхъ, проходитъ жизнь обитателей здѣшней ледяной пустыни, къ счастію ихъ не имѣющихъ почти никакого понятія о другихъ удовольствіяхъ жизни. Если удачныя рыбныя ловли и охота предохраняютъ ихъ отъ голода, и чай и водка есть у нихъ въ изобиліи, они довольны—даже въ нѣкоторой степени счастливы.

Жители Нижне-Колымска одарены крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Ростъ ихъ выше средняго, а между дѣвушками попадаются очень хорошенькія лица. Болѣзни очень рѣдки, и мужчины до глубокой старости сохраняютъ всю свою бодрость. Здоровью ихъ много способствуютъ безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, и усилія, требуе-

* Въ самое дешевое время, фунтъ самаго простаго чаю стоитъ 9 рубл., фунтъ сахару 4½ рубл., а штофъ хлѣбнаго вина 13½ рублей.

мыя при частой ѣздѣ на нартахъ и бѣганьи на лыжахъ. Цынга, сколь часто свирѣпствующая въ странахъ, на западъ отсюда лежащихъ, является здѣсь рѣдко, потому что жители, по недостатку соли, сохраняютъ свои рыбные и мясные запасы всегда мерзлыми.

ГЛАВА V.

—

Нижне-Колымскъ.—Обзаведеніе наше.—Приуготовленіе экспедиціи.—Основательное сомнѣніе объ открытіяхъ сержанта Андреева.—Прибытіе Англійскаго путешественника Кокрена.—Вечеринка.—Прибытіе штурмана Козьмина.—Поѣздка на собакахъ.—Необходимое отступленіе отъ первоначальнаго плана.—Извѣстіе о прибытіи Чукчей съ Малаго Анюя и отъѣздъ г. Матюшкина въ Островное

—

Мѣстечко Нижне-Колымскъ основано, по мнѣнію Фишера, въ 1644 году, Якутскимъ казакомъ Михайломъ Стадухинымъ, который выстроилъ на сѣверномъ рукавѣ рѣки Колымы острогъ, церковь и нѣсколько юртъ. Лѣтъ за шестдесятъ острогъ еще существовалъ, и по немъ названъ рукавъ рѣки *Староостроженскимъ*. Въ послѣдствіи, для удобнѣйшаго перевоза провіанта, перенесли заселеніе на островъ, въ другомъ рукавѣ находящійся. Острогъ лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 68° 31′ 53″ сѣверн. широты и 160° 35′ восточн. долготы отъ Гринвича. Склоненіе магнит-

ной стрѣлки было тогда 9° 56′ О, а наклоненіе 77° 32½′. Ширина рѣки здѣсь три версты. Горизонтъ ограниченъ къ югу Анюйскими горами, очевидно соединенными съ такъ называемыми *Бѣлыми Камнями*, *Пантелеевскою сопкою* и *Суровымъ Камнемъ*, который издали имѣетъ видъ кровли. Къ сѣверу и западу взоры теряются въ необозримыхъ тундрахъ, изрѣдка покрытыхъ искривленными лиственницами и мѣлкимъ ивовымъ кустарникомъ. Самый острогъ обведенъ деревяннымъ заборомъ, по угламъ коего выстроены четыре маленькія, остроконечныя башни. Внутри сей ограды находится большое строеніе *для* канцеляріи, или присутственнаго мѣста, и нѣсколько сараевъ, по большой части пустыхъ. Въ двухъ изъ нихъ сберегаются матеріялы и остатки всякаго рода отъ бывшей, въ 1739 году, экспедиціи лейтенанта Лаптева, а также и отъ судовъ *Паллады* и *Ясашна*, на которыхъ капитаны Сарычевъ и Биллингсъ совершали свои плаванія по Ледовитому морю. * Мѣстечко состоитъ, кромѣ острога, изъ 1 церкви и 42 домовъ и юртъ.

Въ Нижне-Колымскомъ уѣздѣ находятся еще четыре селенія: *Керетова* (6 дворовъ), подъ 68° 49′ 27″ сѣверн. широты и 12′ восточн. долготы; *Походскъ* (15 дворовъ), 69°, 4′ 21″ с. ш. и 4′ вост. долг.; *Черноусова* (8 дворовъ), 68° 50′ 20″ с. ш.

* Суда сіи, столь извѣстныя въ лѣтописяхъ Русскаго флота, стояли прежде въ Нижне-Колымскѣ, но во время одного изъ обыкновенныхъ здѣсь весеннихъ наводненій, они были отнесены на 2 версты отъ рѣки и версты 1½ западнѣе острога, на мѣсто, покрытое лѣсомъ, гдѣ теперь лежатъ.

и 14′ 42″ вост. долг.; *Пантелеева* (7 дворовъ), 68° 35′ 57″ ш. и 40′ долг. (долготы считаны отъ нашей обсерваторіи въ Нижне-Колымскѣ.) Кромѣ сихъ деревень, находится еще на рѣкѣ Омолонѣ нѣсколько незначительныхъ селеній.

По пріѣздѣ моемъ въ Нижне-Колымскъ отвели мнѣ квартиру въ самомъ большомъ домѣ, стоявшемъ уже нѣсколько лѣтъ пустымъ и слывшемъ убѣжищемъ нечистыхъ духовъ. Изба была выстроена по общему образцу здѣшнихъ строеній, и состояла изъ двухъ комнатъ, каждая въ двѣ квадратныя сажени, и въ 4 арш. вышины отъ полу до крыши, совершенно плоской и покрытой землею. Первая комната, съ Русскою печью, служила кухней; въ ней помѣстилъ я людей моихъ; въ задней, съ чуваломъ, расположился самъ. Въ обѣихъ комнатахъ находилось по одному маленькому окну, задѣланному слоемъ льда, въ 6 или 8 дюймовъ толщины, сквозь который проникалъ тусклый свѣтъ, подобный тому, какой даютъ на судахъ стекла, вдѣланныя въ палубу надъ каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткій столъ, и стулъ, связанный ремнями, составляли всю мою мебель. При всей скудости и тѣснотѣ, и не взирая на дурную репутацію дома, провелъ я въ немъ зиму довольно сносно. Желая лучше предохранить себя отъ холода, приказалъ я выстроить передъ дверьми родъ сѣней, и къ нимъ пристроили еще чуланъ, для сохраненія припасовъ и другихъ вещей.

Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, возвратился

г. Матюшкинъ съ устья Колымы, куда ѣздилъ онъ, вмѣстѣ съ частнымъ Исправникомъ, собирать свѣдѣнія объ успѣхѣ рыбнаго промысла. Намъ пріятно было, за вечернимъ чаемъ, разсказывать о томъ, что мы испытали во время дороги, о новыхъ предметахъ, нами встрѣченныхъ, о нартахъ, рыбномъ промыслѣ, оленяхъ и Сибирскихъ морозахъ, въ честь которыхъ оставались мы притомъ въ шубахъ, теплыхъ сапогахъ и шапкахъ: мы находились на берегахъ Ледовитаго моря.

На слѣдующее утро, донесъ мнѣ г-нъ Матюшкинъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. До прибытія его въ Средне-Колымскъ (2-го Октября), тамошнее мѣстное начальство о нуждахъ экспедиціи не озаботилось: не было, ни припасено ни одной рыбы, ни привезено ни одного бревна для постройки обсерваторій, ни приступлено къ пріуготовленію зимовья у Баранова Камня, долженствовавшаго служить приваломъ во время поѣздокъ экспедиціи, не взирая на подробныя предписанія отъ Якутскаго Областнаго Начальника по симъ предметамъ. Исправникъ увѣрялъ, что ему казалось несбыточнымъ прибытіе экспедиціи изъ С. Петербурга сюда въ нынѣшнемъ году.

Такія неисправности могли имѣть самыя пагубныя послѣдствія для нашихъ дѣйствій, еслибы г. Матюшкинъ, во время краткаго своего здѣсь пребыванія, похвальною своею дѣятельностью не успѣлъ многаго поправить; узнавъ по прибытіи своемъ о положеніи дѣлъ, онъ закупилъ и уложилъ тотчасъ половину нужной для экспедиціи

рыбной провизіи, закупивъ ее у жителей Колымска и окрестностей. По распоряженію его и подъ его надзоромъ, не взирая на сильные морозы, отъ которыхъ топоры, какъ стекло, ломались, была выстроена надъ домомъ моимъ башня, съ 4-мя окнами къ четыремъ странамъ свѣта, для астрономическихъ наблюденій; вскорѣ послѣ моего пріѣзда она была окончена, такъ, что мы могли перенесть туда инструменты и начать наши занятія.

Устроивъ нѣсколько квартиру свою, я озаботился прежде всего заготовленіемъ остальнаго провіанта и другихъ нужныхъ для экспедиціи потребностей. Для сей цѣли приглашены были на совѣщаніе зажиточные жители Нижне-Колымска и старшины Якутскихъ, Юкагирскихъ и Чуванскихъ селеній, находящихся на рѣкахъ Омолону и Анюю. 25-го Ноября всѣ собрались; мы начали съ того, что установили положительную таксу, по которой жители согласились доставить намъ припасы и другія потребности. * Опредѣливъ сіе, приступили мы къ неменѣе важному распредѣленію подрядовъ по мѣрѣ способовъ участвующихъ и назначили сроки доставленія. Анюйскіе Юкагиры, имѣвшіе въ прошедшемъ го-

* Цѣны были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: сырой муксунъ 15 коп., чиръ 12 коп., муксунъ юхалы 12 к., муксунъ юкалы 8 к., сельдь 8 к., пудъ сушеной оленины, съ костями, 4 рубля; языкъ оленій 10 к.; за провозъ нарты до Баранова Камня, съ хозяйскимъ кормомъ, 2 рубл. въ день. За нарту во все время поѣздки $3^1/_2$ рубл. въ день. Вьючная лошадь изъ Средне до Нижне-Колымска 25 р. Выдѣланная оленья шкура 2 р. Березовыя полозья для нарты 4 рубля.

ду изобильный оленій промыселъ, обязались доставить нужное количество оленьихъ кожь на походное передвижное жилище, называемое *уроса*, также и большое количество оленьихъ ребръ для корма собакъ. Омолонскіе Юкагиры должны были снабдить насъ березовымъ лѣсомъ на байдару и всемъ приборомъ, съ полозьями, на походныя нарты. Жители острога и другихъ селеній, по берегамъ Колымы лежащихъ, богатые одною рыбою, дополнили потребное для экспедиціи количество мерзлой рыбы, а сколько недоставало сухаго корма, т. е. юколы и юхалы, привозили изъ Средне и Верхне-Колымска на разстояніе 800 верстъ, ибо лѣтній рыбный промыселъ былъ тамъ изобильнѣе, нежели при устьѣ рѣки. Остался еще для успѣха нашихъ поѣздокъ по льду весьма важный предметъ, т. е. выборъ для нашихъ нартъ потребнаго числа сильныхъ, привыкшихъ къ ѣздѣ собакъ, что поручилъ я казацкому сотнику Антону Татаринову, бывшему проводникомъ г. Геденштрома и слывшему здѣсь отличнымъ знатокомъ въ искуствѣ водиться съ собаками. Такимъ образомъ сдѣлали мы главныя распоряженія и оставалось только понуждать къ скорѣйшему исполненію ихъ.

Здѣсь встрѣтилъ я однакожь много затрудненій. Жители сомнѣвались въ вѣрной платѣ за доставляемые ими припасы, а мѣстное начальство не имѣло доброй воли быть полезнымъ. Частный Исправникъ, преувеличивая бѣдность обывателей, старался всячески склонить меня къ уменьшенію

моихъ требованій, и пугалъ разными несбыточными разсказами о предстоящихъ опасностяхъ. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что здѣшнія собаки слишкомъ слабы и не могутъ выдержать столь дальней поѣздки, а проводники неопытны и ненадежны. Онъ разсказывалъ мнѣ множество примѣровъ коварства Чукчей, описывая ихъ людьми самыми опасными и жестокими. Хотя и видѣлъ я, какъ преувеличены были его разсказы о предстоящихъ опасностяхъ, но не зная на кого положиться, принужденъ былъ, болѣе или менѣе, вѣрить его отзывамъ о состояніи края и обывателей. Снисходя такимъ образомъ неотступнымъ его представленіямъ объ ужасныхъ усиліяхъ и пожертвованіяхъ, которыя раззоренные жители должны дѣлать для экспедиціи, я согласился убавить сдѣланныя по умѣренной смѣтѣ мои требованія, такъ, что въ послѣдствіи мы даже нуждались. Послѣ бывшей въ 1812 году экспедиціи г. Геденштрома рыбный и звѣриный промыслы въ здѣшнемъ краю значительно уменьшились, и, дѣйствительно, бывали *голодовки*, такъ, что Колымчане принуждены были рѣзать собакъ своихъ. Но послѣ того имѣли они время поправиться и положеніе ихъ было вовсе не столь бѣдственно, какъ Исправникъ описывалъ. Въ слѣдующіе два года, ознакомясь болѣе съ мѣстностію, распредѣлялъ я поставки такимъ образомъ, что не отягощая жителей, экспедиція ни въ чемъ не нуждалась, даже могу утверждать, что значительный сбытъ произведеній доставилъ жите-

лямъ немалыя выгоды, и пребываніе экспедиціи нашей имѣло выгодное вліяніе на промышленость и благосостояніе ихъ.

Инструкціею Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента предписывалось мнѣ: достигнувъ Шелагскаго мыса, раздѣлить экспедицію на два отряда, изъ коихъ съ однимъ слѣдовать мнѣ на сѣверъ, для отысканія предполагаемой земли, а другому описывать берегъ материка, такъ далеко на востокъ, какъ обстоятельства позволятъ. Для исполненія того и другаго требовалось до 50 нартъ, съ 600 собакъ. Поѣздка должна была начаться не позже Февраля мѣсяца и намъ оставалось для покупки нартъ и значительнаго количества корма собакамъ только около 2-хъ мѣсяцовъ. По словамъ Исправника и по обыкновенному ходу дѣлъ срокъ былъ весьма недостаточенъ, однакожь мы успѣли запастись всѣмъ нужнымъ.

Ноября 30-го Исправникъ отправился по дѣламъ службы на Анюй и Алазею, собирать ясакъ съ кочующихъ тамъ Тунгусовъ и Юкагировъ.

Между тѣмъ, готовясь къ предстоящимъ поѣздкамъ, собирали мы у жителей нужныя намъ свѣдѣнія о предметахъ, относящихся къ цѣли экспедиціи. Пребываніе въ Нижне-Колымскѣ, въ 1767 году, трехъ геодезистовъ Лысьева, Пушкарева и Леонтьева, было, болѣе или менѣе, еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; о сержантѣ Андреевѣ, бывшемъ здѣсь въ 1762 году, весьма немногіе помнили, сказывая, что онъ предпринималъ отсюда одно путешествіе на *Индигирку* и другое къ *Ме-*

двѣжьимъ островамъ. О видѣнной имъ на сѣверѣ землѣ, слѣдахъ многочисленнаго оленнаго народа сѣвернѣе Медвѣжьихъ острововъ, и тому подобныхъ вещахъ, упоминаемыхъ въ журналѣ Андреева, здѣсь никто не зналъ и отъ старожиловъ и отцовъ своихъ не слыхивалъ. Совершенное невѣдѣніе жителей объ открытіяхъ Андреева, помѣщенныхъ даже на новѣйшихъ картахъ, показалось намъ тѣмъ страннѣе, что о походахъ Павлуцкаго, бывшихъ гораздо ранѣе (т. е. въ 1731 году) еще многія подробности были имъ извѣстны. Замѣчательное открытіе Андреева могло ли быть забыто, когда помнили поѣздку его къ Медвѣжьимъ островамъ? Признаюсь, всѣ сіи соображенія не поселяли въ насъ большаго довѣрія къ открытіямъ сержанта Андреева.

Въ подобныхъ, занимательныхъ для насъ изысканіяхъ, упражненіяхъ на обсерваторіи и опытахъ надъ скоростью бѣга собакъ проходило время непримѣтно, а каждый день научалъ насъ чему нибудь новому. Съ особеннымъ восхищеніемъ взирали мы на величественнѣйшее полярное явленіе, освѣщавшее продолжительную здѣсь ночь. То окрашивалось небо дугообразнымъ тусклымъ свѣтомъ, то двигались медленно и быстро огненные столпы, то зажигались пуки яркихъ лучей, достигавшіе расходившимися вершинами до зенита, изображая свѣтлые вѣнцы вокругъ полной луны. Мгновенныя измѣненія, тысячи безтѣлесныхъ фигуръ, появлявшихся, какъ свѣтлыя тѣни, на темноголубомъ небѣ, при глу-

бокой, непарушимой тишинѣ ночи, придавали явленіямъ необыкновенную занимательность и таинственность, приковывавшія изумленнаго наблюдателя силою, какъ будто сверхъ-естественною.

Предоставляя себѣ говорить о сѣверныхъ сіяніяхъ съ большею подробностью, скажу здѣсь только одно, какимъ образомъ объясняютъ ихъ здѣшніе жители. Морскими вѣтрами разведенное волненіе, говорятъ они, бьетъ сильно въ ледяныя горы; отразившіяся отъ нихъ брызги, раздробляясь въ воздухѣ, преломляютъ яркій цвѣтъ огромныхъ льдинъ и представляются намъ въ видѣ свѣтлыхъ столповъ, или *сполоховъ*. Такое темное понятіе о сѣверномъ сіяніи можно уподобить несвязнымъ разсказамъ о какомъ нибудь происшествіи, гдѣ сохранились одни названія дѣйствующихъ лицъ, ибо весьма вѣроятно, что льды и воды имѣютъ участіе въ произведеніи сѣвернаго сіянія.

Декабря 2-го, къ всеобщему удивленію, прибыла вода, гонимая сѣверо-западными и западными вѣтрами съ моря въ Колыму, съ такою силою, что принудила рѣку течь въ верхъ, съ быстротою, противъ коей не удержались сѣти, спущенныя жителями въ проруби для ловли рыбы; нальду сдѣлались широкія трещины и вода выступила изъ береговъ. Съ морской водою прибыла въ рѣку рыба, подкрѣпившая надежду нашу на изобиліе осенняго промысла.

Декабря 31-го обрадовало насъ совершенно не-

ожиданное появленіе извѣстнаго Англійскаго пѣшехода, капитана Кокрена, котораго любопытство привело даже и сюда. * Ограниченные только собственнымъ нашимъ обществомъ и совершенно отдѣленные отъ просвѣщеннаго міра, мы весьма обрадовались такому пріятному приращенію малаго нашего круга. Мы встрѣтили новый годъ при порядочномъ морозѣ, 37° по Реомюру. Полуденное солнце, долженствовавшее появиться на горизонтѣ еще 28-го Декабря, скрывалось еще за снѣжными и ледяными горами, окружающими вдали низменныя болота Колымскія; сѣрый туманъ стлался надъ низкимъ кустарникомъ бѣдной тундры; небо покрывалось бѣлизною. Съ 3-го на 4-е Января морозъ возвышался до 39°, а 5-го числа, въ продолженіе 24-хъ часовъ, термометръ показывалъ 40° по Реомюру. Дыханіе захватывало; ледъ въ окнахъ растрескался. Въ избѣ моей пылалъ безпрестанно огонь, но не взирая на то, въ ней было такъ холодно, что я принужденъ былъ сидѣть въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, и

* Г. Джонъ Дундасъ Кокренъ (Cochrane), капитанъ Англійскаго флота, извѣстенъ своими путешествіями пѣшкомъ. Гостепріимство Русскихъ и готовность оказать всякому нуждающемуся услугу и помощь, дали г. Кокрену возможность совершить свое путешествіе и доѣхать до Колымска. Для того нужны были только открытый листъ отъ Губернатора, казакъ для сопровожденія, и Кокренъ совершалъ безъ всякой платы по пустынямъ Сибири, на повозкахъ и верхомъ, *пѣшее* свое путешествіе. Онъ изъявилъ желаніе присоединиться къ нашей экспедиціи, но я не принялъ его предложенія, потому, что когда каждый лишній фунтъ груза былъ намъ въ тягость, увеличеніе числа людей еще однимъ спутникомъ слишкомъ затруднило бы насъ.

когда писалъ, то чернила мои отогрѣвались въ горячей водѣ.

Дѣйствіе горизонтальной рефракціи произвело родъ Фаты Морганы; горы, лежащія къ югу, казались намъ, въ разныхъ искаженныхъ видахъ, висящими на воздухѣ; дальнѣйшія горы представлялись съ опрокинутыми внизъ вершинами; рѣка сузилась; противолежащій берегъ казался находившимся почти у нашихъ избъ.

Жестокіе морозы препятствовали обыкновенной ловлѣ подледной рыбы, производимой жителями сѣтью на устьяхъ Колымы, и потому Колымчане начали съѣзжаться въ острогъ, болѣе и болѣе наполнявшійся народомъ и собаками, дружный лай, или вой которыхъ по временамъ оглашалъ воздухъ.

Часто и много говорили намъ о прежней здѣсь веселой жизни, когда рыбный промыселъ бывалъ изобильнѣе и сохатые (лоси) не чуждались береговъ Колымы, прозванной Сибиряками Золотымъ Дномъ. Но время безпечныхъ увеселеній минуло и здѣсь; оно осталось единственно въ воспоминаніяхъ и пѣсняхъ. Желая позабавить Колымскихъ жителей и дать гостю моему понятіе о здѣшнихъ увеселеніяхъ, пригласилъ я въ Крещенье почетныхъ особъ на вечеринку, избравши для того одинъ изъ просторнѣйшихъ домовъ, принадлежавшій здѣшнему казаку скрыпачу. Гостиная, и вмѣстѣ съ тѣмъ зала для танцовъ, въ 6 аршинъ во всѣ стороны, была великолѣпно освѣщена рыбьимъ жиромъ. Стѣны и

лавки, послѣ долгаго времени вымытыя, были покрыты кусками пестрой матеріи, а полъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Для дамъ были припасены чай, нѣсколько кусковъ бѣлаго сахара и кедровые орѣхи; ужинъ состоялъ изъ пироговъ, струганины, юколы и мороженаго оленьяго мозга. Въ 5-ть часовъ явились гости, въ лучшихъ шубахъ и парядахъ; дамы усѣлись на лавкахъ и запѣли народныя пѣсни; молодыя играли въ разныя игры и плясали, тихо и чинно, какъ будто на заказъ, подъ странные звуки, извлеченные тяжелыми руками нашего музыкальнаго хозяина, стараго промышленника, изъ треснувшей скрыпки, натянутой струнами изъ крученаго шелка и оленьихъ жилъ. Въ 10-ть часовъ всѣ разошлись, весьма довольные проведеннымъ вечеромъ.

На слѣдующій день поѣхали мы осмотрѣть оставшіеся отъ Биллингсовой экспедиціи суда, *Палласъ* и *Ясашна*, стоящіе теперь въ лѣсу, въ 2-хъ верстахъ отъ острога, куда занесены они высокою водою. Члены судовъ нашли мы еще довольно свѣжими, хотя уже почти 50 лѣтъ подвержены они непостоянству погодъ. На возвратномъ пути осмотрѣли мы хранящіяся въ магазинѣ достопримѣчательности: мортиры, бомбы и разныя орудія для прорубки льда, оставшіяся послѣ лейтенанта Лаптева въ 1739 году.

Февраля 2-го прибылъ благополучно изъ Якутска штурманъ Козьминъ, съ большимъ транспортомъ припасовъ и потребностей разнаго рода. Сверхъ того г. Козьминъ обрадовалъ насъ еще

весьма пріятнымъ гастрономическимъ подаркомъ: пудомъ свѣжей, мерзлой олснины, и молокомъ и сливками, замороженными въ кружкахъ, и такимъ образомъ сохраненными въ совершенной свѣжести. Такіе припасы, а въ особенности молоко, считались здѣсь величайшею роскошью, и мы рады были, что послѣ столь долгаго времени, могли полакомиться свѣжимъ мясомъ и чаемъ со сливками.

Наступало для Нижне - Колымска самое блестящее время: пріѣздъ купцовъ изъ Якутска, на пути ихъ къ Чукотской ярмаркѣ, въ Островную крѣпость на Анюй. Числомъ до 20-ти, имѣя каждый отъ 10-ти до 40 навьюченныхъ товарами лошадей, купцы пріѣзжаютъ сюда, и сбываютъ часть своихъ товаровъ, для чего стекаются ко времени ихъ пріѣзда окрестные жители, съ шкурами пушныхъ звѣрей, пріобрѣтенными охотою, или мѣною съ Алазейскими Тунгусами, прикочевывающими ежегодно, въ исходъ Января, къ устьямъ рѣки Омолона. Мѣна бываетъ весьма выгодна для Рускихъ: за малое количество чаю, табаку, и особенно водки, вымѣниваютъ они у Тунгускихъ пріятелей годовой промыселъ пушныхъ звѣрей, преимущественно песцовъ, которые въ большомъ изобиліи водятся на безлѣсныхъ тундрахъ, избираемыхъ Тунгусами для кочеванья. Подобнаго рода торгъ скоро совершается; страсть Тунгусовъ къ горячимъ напиткамъ такъ сильна, что нерѣдко, послѣ нѣсколькихъ глотковъ, отдаютъ они весь запасъ мѣховъ за стаканъ водки, а за

второй даже свой послѣдній *саналхъ* (т. е. верхнее платье).

Столь легко пріобрѣтенныя пушныя шкуры, Нижне-Колымскими торгашами съ великимъ барышомъ продаются и промѣниваются купцамъ Якутскимъ.

На бывшей сего года въ Нижне-Колымскѣ ярмаркѣ, самыя низкія цѣны главнѣйшихъ товаровъ состояли слѣдующія:

1 ф. Черкасскаго листоваго табаку .	3½ рубл.
— бѣлаго сахара	4½ —
— Китайскаго леденцу	3 —
— чаю низкаго сорта	9 —
— нитокъ тонкихъ	3½ —
Осмина простаго хлѣбнаго вина . .	13½ —
Кусокъ китайки (въ 9 аршинъ) . .	10 —
——— полушелковой матеріи, въ 20 и 21 аршинъ	30 —
Холста толстаго (аршинъ)	1 —
Платокъ бумажный пестрый . . .	4 —

При концѣ торга, цѣны почти всегда удваиваются: фунтъ чаю стоитъ тогда обыкновенно до 15 р., бѣлаго сахара 10 рубл., осмина водки 20 рубл.; торговые обороты дѣлаются частію на деньги, частію на мѣну, мѣхами и рыбою въ маломъ количествѣ. Цѣны пушныхъ звѣрей были въ нынѣшнемъ году слѣдующія:

Лисица красная . . .	отъ 8	до	10 руб.
——— черная	50	—	150 —
Песецъ бѣлый	2½	—	3 —
Песецъ голубой	7	—	10 —

Соболь *	отъ 10	до	25 руб.
Стерлядь (въ 20 ф.) . .		—	5 —
Нельма (родъ форели) въ 30 ф.		—	5 —

Якутскіе купцы пользуются тѣмъ, что хотя здѣсь въ оборотѣ мало денегъ, но жители должны вносить подати наличными деньгами.

Во время ярмарки обыкновенно появляется болѣе жизни и движенія въ Нижне-Колымскѣ; за нѣсколько дней улицы становятся уже шумны; множество пріѣзжающихъ окрестныхъ жителей, съ цѣлыми стаями собакъ, наполняютъ домы и кануры. Проводникамъ нартъ много труда содержать порядокъ между собаками, привыкшими къ одиночеству и внезапно окруженными множествомъ себѣ подобныхъ, отъ чего нерѣдко происходятъ между ними жестокія битвы. Владѣтели домовъ приготовляютъ свои комнаты для принятія пріѣзжихъ гостей, вставляютъ новыя льдины въ окна, выколачиваютъ мѣха, складываютъ ихъ въ чуланы, подновляютъ нарты и упряжку; словомъ, все ожидаетъ здѣсь пріѣзда Якутскихъ купцовъ. И вотъ появляется на горизонтѣ облако пара, и болѣе и болѣе приближаясь, означаетъ путь каравана; всякій, кто только можетъ двигаться, спѣшитъ на встрѣчу друзьямъ и знакомымъ. Среди ликованія и пѣсенъ въѣзжаетъ караванъ въ острогъ и раздѣляется по домамъ, въ которыхъ обыкновенно нѣсколько дней

* Цѣна собольихъ шкуръ значительно перемѣняется въ разные годы. Въ 1821 году шкура стоила до 40 рубл., а въ слѣдующемъ только 15 рублей.

сряду веселятся до поздней ночи. Вскорѣ послѣ того пріѣзжаетъ изъ Средне-Колымска Исправникъ, съ своею канцеляріею, для сбора податей и тому подобнаго. Съ его появленіемъ исчезаетъ безпечная радость обитателей Нижне-Колымска и является несчастная страсть къ тяжбамъ. Несогласія и ссоры заступаютъ мѣсто увеселеній. Пользуются каждымъ поводомъ къ жалобѣ Исправнику, который не всегда находитъ свой разсчетъ въ водвореніи между жителями мира и согласія.

Наконецъ, изъ Островнаго пріѣзжаетъ казакъ съ извѣстіемъ о приближеніи Чукчей; тогда всѣ отправляются въ путь, и Исправникъ, оставя неконченныя дѣла въ архивѣ до будущаго года, спѣшитъ въ Островное, предупредить тамъ пріѣздъ Чукчей; купцы, на нартахъ, нанятыхъ у здѣшнихъ жителей, за довольно дорогую цѣну, * слѣдуютъ за Исправникомъ, и улицы и дворы снова пустѣютъ. Въ концѣ зимы возвращаются купцы и Исправникъ изъ Островнаго, но не останавливаются уже въ Нижне-Колымскѣ, продолжая путь свой черезъ Средне-Колымскъ домой. Вскорѣ наступающая весна вызываетъ Колымчанъ на берега озеръ и рѣкъ, къ обыкновеннымъ лѣтнимъ занятіямъ, и тогда дѣятельность въ острогѣ исчезаетъ, мертвая тишина заступаетъ мѣсто все-

* Обыкновенная цѣна за упряжку 10—12 собакъ, на проѣздъ 250 верстъ, отъ Нижне-Колымска до Островнаго, 100 рубл., но часто платятъ и болѣе.

общей весслости, и въ осиротѣлыхъ хижинахъ, снова заколачиваются двери и окна.

Отъ моего эпизодическаго отступленія возвращаюсь къ разсказу въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ теченіе зимы закупленные и съ разныхъ мѣстъ доставленные рыбные запасы * отосланы были на устье Восточной, или Каменной Колымы, въ урочище *Сухарное* (120 верстъ къ сѣверу отъ острога); члены нартъ также были доставлены съ рѣки Омолона и для устроенія нартъ розданы проводникамъ, выбраннымъ къ предстоящему путешествію; недоставало моржевыхъ ремней, замѣняющихъ желѣзо и ковку въ скрѣпленіи нартъ, и мы должны были ждать прибытія Чукчей на Анюй, для закупки у нихъ ремней.

* Запасы заключались въ слѣдующемъ:

для употребленія людямъ хахты (чировой юколы).	850
для собакъ муксуновой юколы	4,289
Муксуновыхъ юхалъ	3,985
Щокуровыхъ юхалъ	700
Костей муксуновыхъ	500
Свѣжихъ замороженыхъ сельдей	30,740
———— ———— муксуновъ	543
Оленьихъ провяленыхъ боковъ	1,323

Для надлежащаго понятія объ исчисленномъ запасѣ должно замѣтить, что въ кормѣ собакамъ каждая крупная муксуновая юхала равняется пяти сельдямъ, такая же средняя юхала $3^1/_2$ сельд., свѣжій муксунъ 8 сельд., двѣ щокуровыя юхалы 1 сельди, 1 кость муксуновая $1^1/_2$ сельд., бокъ оленій 8 сельдямъ. Такимъ образомъ, припявъ за сравнительную единицу легко провяленую сельдь, коихъ восемь и десять составляютъ хорошую порцію каждой собакѣ на день, равнялся весь приготовленный въ кормъ собакамъ запасъ вашъ 18,944 сельдямъ.

Февраля 12-го извѣстился я, что изъ числа 36 нартъ, съ собаками, требованныхъ мною, готовы будутъ только 29, къ половинѣ Марта; проводники увѣряли меня также, что ранѣе сего времени нельзя пуститься въ путь и потому, что собакамъ не выдержать сильныхъ морозовъ, на большихъ переѣздахъ, по совершенно открытымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ вовсе къ тому не привыкли.

Принимая все къ соображенію и не желая провесть цѣлаго мѣсяца въ бездѣйствіи, я отмѣнилъ прежній планъ, и вознамѣрился, составя отрядъ изъ готовыхъ уже нартъ съ собаками, какъ малъ и безсиленъ онъ ни былъ, отправиться безъ потери времени для описи берега къ востоку, возвратиться въ Нижне-Колымскъ къ сроку изготовленія полнаго количества нартъ и проч., и тогда пуститься черезъ ледъ на сѣверъ.

Февраля 14-го отправилъ я три нарты, съ хорошими собаками, подъ надзоромъ 3-хъ казаковъ (изъ которыхъ одинъ зналъ Чукотскій языкъ), къ нашимъ запасамъ въ Сухарное, гдѣ имъ надлежало откармливать собакъ, отощавшихъ отъ частой ѣзды хозяевъ по промысламъ.

Г-нъ Матюшкинъ отправился въ Островное, познакомиться съ Чукчами, закупить у нихъ нужные для нартъ моржевые ремни и китовыя ребра, * а въ особенности успокоить сей не-

* Отъ выступающей морской воды остается на поверхности льда морской разсолъ, по которому деревянныя полозья весьма

довѣрчивый народъ на счетъ нашего путешествія по берегамъ ихъ, объясняя имъ, что мы намѣрены отыскать свободное отъ льдовъ море для плаванія судовъ съ товарами, доставленіе которыхъ сухимъ путемъ обходится весьма дорого.

Еще до отъѣзда купцовъ и жителей въ Островное наступила масляница. Соорудили гору, украсили ее флагами Лаптева и Биллингса, и выставили нѣсколько ведръ сваренаго чаю и нѣсколько пудовъ кедровыхъ орѣховъ; противъ такого сильнаго магнита ничто не могло устоять; женщины и дѣвушки, ловкіе парни, купеческіе прикащики и казаки спускались съ горы цѣлыми группами, на оленьихъ кожахъ (вмѣсто санокъ), и до поздняго вечера предавались смѣху и шуткамъ. Погода весьма благопріятствовала общему увеселенію, ибо 18-го числа, въ первый день Масляной недѣли, задулъ, такъ называемый, *теплый вѣтеръ*, отъ юговостока, и термометръ, стоявшій 16-го числа на 32° Реомюр., возвысился 18-го, въ 4 часа по полудни, до 4°, при ясномъ небѣ.

Наконецъ получено извѣстіе изъ Островнаго о прибытіи 26-ти человѣкъ *Чаунскихъ* и *Приморскихъ* Чукчей, на мѣсто, называемое *Элопъ-бало*, отстоящее отъ Островнаго на 90 верстъ; *Носовые* Чукчи, изъ окрестностей Берингова пролива, ко-

тяжело скользятъ; для отвращенія такого неудобства привязываются подъ полозья китовыя ребра, которыя, будучи тверже дерева, не всасываютъ въ себя соли и не задерживаютъ саней.

чевали въ большемъ числѣ позади первыхъ. Извѣстіе весьма обрадовало Якутскихъ купеческихъ прикащиковъ, и они спѣшили ѣхать въ Островное, а за ними отправился туда и г-нъ Матюшкинъ, въ сопровожденіи г-на Кокрена. *

=

* Г. Кокренъ намѣревался добраться къ Чукотскому Носу и Берингову проливу съ обратно идущимъ Чукотскимъ караваномъ, но познакомясь короче съ Чукотскимъ народомъ, оставилъ планъ свой и возвратился въ Нижне-Колымскъ.

ГЛАВА VI.

Первое путешествіе на нартахъ по льду въ море.—Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска. — Сухарный островъ.—Барановъ Камень.—Ровный, низменный морской берегъ.—Большая Баранова рѣка.—Холодъ. — Первые слѣды Чукчей.—Метеоръ.—Проливъ Собадей.—Пещаный мысъ.—Шелагскій мысъ. Скала Кузьмина.—Стадухинскій волокъ.—Мысъ Матюшкина.—Островъ Араутанъ. Потеря съѣстныхъ припасовъ.—Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ.

Я уже изложилъ причины, побудившія меня отступить въ семъ году отъ данной мнѣ инструкціи и предпринять съ немногими спутниками путешествіе по льду въ море. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ въ такое короткое время достать девять нартъ, съ надлежащимъ числомъ собакъ, но только три нарты были назначены для моего путешествія; остальныя шесть, нагруженныя провіантомъ для насъ, кормомъ для собакъ, и проч., должны были, для сбереженія по возможности съѣстныхъ припасовъ, тотчасъ по разгрузкѣ обратиться назадъ.

Съ тремя партами хотѣлъ я осмотрѣть, такъ далеко, какъ позволятъ обстоятельства, берега, на востокъ лежащіе. Глубоко вкоренившійся и всеобщій страхъ туземцовъ къ Чукчамъ заставилъ меня выдавать за окончательную цѣль предпринимаемаго путешествія точнѣйшее обозрѣніе и опредѣленіе Баранова Камня и окрестныхъ береговъ, которые составляютъ предметъ и предѣлъ поѣздокъ туземцовъ на востокъ. Немногіе изъ нихъ рѣшатся пройдти верстъ 50 далѣе; все остальное протяженіе берега на востокъ имъ совершенно неизвѣстно. Не смотря на то, узнавъ, что я намѣренъ посѣщать Чукчей, они охотно согласились мнѣ сопутствовать и я могъ выбрать себѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ проводниковъ.

Весь берегъ отъ Колымы до Шелагскаго мыса совершенно необитаемъ и изрѣдка посѣщается Чукчами, которые тутъ охотятся, или собираютъ выбрасываемый моремъ лѣсъ, но кажется, и они не переходятъ за Большой Барановъ Камень, составляющій предѣлъ поѣздокъ Рускихъ, такъ, что здѣсь остается полоса земли, верстъ на 80 шириною, ни кѣмъ не посѣщаемая. За сею, такъ сказать, нейтральною землею, лежатъ пространныя пустыя равнины и поля, на которыхъ воинственные Чукчи, сохранившіе доселѣ свою независимость, скитаются съ безчисленными стадами оленей. Каждое покушеніе вторгнуться въ ихъ земли наблюдается ими съ большимъ вниманіемъ, и, какъ нѣкоторые горькіе опыты прежнихъ лѣтъ доказали, Чукчи всегда прини-

мали мѣры къ отраженію вторженій. Наше внезапное появленіе въ близкихъ безлюдныхъ степяхъ должно было произвесть большое безпокойство между Чукчами; потому намъ надлежало преимущественно остерегаться и не возбуждать въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, которое могло помѣшать достиженію цѣли экспедиціи.

Три изъ моихъ нартъ, собственно для путешествія назначенныя, находились уже, какъ выше сказано, въ Сухарной.

Туда послалъ я, 18-го Февраля, шесть нартъ съ провіантомъ, которыя должны были сопровождать насъ только въ первой части пути, а 19-го отправился самъ, съ г-мъ Козьминымъ, въ путь. Важнѣйшіе жители города провожали насъ до маленькаго, не вдалекѣ лежащаго озера.

Довольно хорошо уѣзженная дорога, извиваясь между мѣлкими кустарниками, довела насъ къ ночи въ деревню Черноусову, въ 45 верстахъ отъ Нижне-Колымска. Отдохнувъ сами и давъ отдыхъ нашимъ собакамъ, продолжали мы на другой день по утру путь и достигли, черезъ восемь часовъ ѣзды, къ вечеру 20-го Февраля, мѣстечка *Лобазнаго*, лежащаго въ 80 верстахъ отъ нашего ночлега.

Въ устьѣ восточнаго рукава Колымы, которая здѣсь въ ширину 23 версты, находится плоскій, голый и столь низменный островъ, что зимою онъ совершенно равенъ съ горизонтомъ рѣки. На южной оконечности его построены два балагана, или сарая, въ родѣ описанныхъ

выше поваренъ, отстоящіе одинъ отъ другаго почти на полверсты, и служащіе защитою отъ сильныхъ морскихъ вѣтровъ жителямъ Нижне-Колымска, когда зимою посѣщаютъ они сей край для рыбной ловли и охоты — это подобіе человѣческаго жилья называется: *Сухарное*. Верстъ за 50 исчезаютъ даже мѣлкіе, стелющіеся кустарники, которые до сихъ мѣстъ иногда еще попадаются. Здѣсь глазамъ представляется необозримая снѣжная равнина, и ужасное однообразіе прерывается только кой гдѣ выставленными ловушками песцовъ. Со временемъ привыкаешь ко всему, но первое впечатлѣніе, при видѣ необъятнаго пространства земли, покрытаго саваномъ снѣговъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться; даже радуешься, когда ночь, покрывая все темнотою, производитъ хоть какую нибудь перемѣну.

Еще не достигли мы Сухарнаго, какъ уже совершенно смеркло. Мы никакъ не могли разсмотрѣть занесенныхъ снѣгомъ балагановъ, и вѣроятно проѣхали бы мимо, если бы намъ не указали мѣста ихъ искры, къ счастію вылетѣвшія изъ трубъ, вмѣстѣ съ дымомъ. Измученныя собаки повернули въ сторону, безъ понужденія побѣжали скорѣе и остановились у снѣжнаго бугра, гдѣ проводникъ увѣдомилъ насъ, что мы пріѣхали къ первому Сухарному балагану. Пока я осматривался во всѣ стороны, ища чего нибудь похожаго на человѣческое жилище, къ великому удивленію моему, вылѣзли изъ-подъ снѣга, одинъ за другимъ, наши три казака, посланные впередъ съ

дорожными нартами. Они провели насъ сквозь отверзтіе, вырытое въ снѣгу на подвѣтренной сторонѣ, въ балаганъ, вышиною около двухъ аршинъ, гдѣ съ радостью нашли мы горящій огонь. Согрѣвшись и подкрѣпивъ себя хорошимъ ужиномъ, мы провели ночь въ нашей снѣжной пещерѣ очень хорошо, не смотря на то, что она была наполнена густымъ дымомъ, который набивало сильнымъ вѣтромъ.

Весь слѣдующій день занимались мы размѣщеніемъ нашихъ вещей и припасовъ по нартамъ, и другими приготовленіями къ путешествію. Наша поѣздка была довольно различна отъ обыкновенныхъ путешествій, а потому, кажется, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ снаряженіи. Мы взяли съ собою коническую палатку, изъ оленьихъ кожъ, два топора, карманный фонарь, съ двумя восковыми свѣчами, желѣзную плиту для раскладыванія на ней огня, желѣзный треножникъ, чайникъ и котелъ; для каждаго изъ насъ нѣсколько бѣлья и медвѣжью шкуру, вмѣсто тюфяка, и для каждыхъ двухъ человѣкъ одѣяло изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ. Изъ инструментовъ взяли мы два хронометра, одни секундные часы, два секстана, съ искуственнымъ ртутнымъ горизонтомъ, спиртовой термометръ, три пель-компаса, изъ коихъ одинъ съ призмою, зрительную трубу, телескопъ, веревку съ означеніемъ футовой мѣры и еще нѣкоторыя мѣлочи. Провіанта для пяти человѣкъ на одинъ

мѣсяцъ было приготовлено: 2½ пуда ржаныхъ сухарей, 1½ пуда говядины, 10 фунтовъ сухаго бульона, 2 фунта чаю, 4 фунта сахару леденцу, 8 фунтовъ крупы, 3 фунта соли, 39 ромокъ крѣпкой водки, 12 фунтовъ табаку и 200 штукъ лучшей копченой юколы. На каждомъ изъ насъ одежда состояла изъ *парки*, довольно широкой *кухляики*, большихъ мѣховыхъ сапоговъ (*торбасы*), такой же шапки и рукавицъ; все было сшито изъ оленьихъ шкуръ. Для корма собакамъ запасли мы 790 ш. большой муксун. юколы, 1200 ш. юколы и 2400 ш. свѣж. замороженыхъ сельдей. Сельди помѣщались главнѣйше на провіантныхъ нартахъ, но часть запасовъ положили мы и на дорожныя. Каждый изъ насъ имѣлъ ружье, 50 патроновъ, пику, и на правой сторонѣ, привѣшенные къ кушаку, большой ножъ и огниво. Нарты нагружались во всю длину, по возможности равномѣрно, и когда имѣли полный грузъ (около 25 пудовъ), то накрывались кожанымъ одѣяломъ и такъ крѣпко стягивались ремнями, что сани и грузъ составляли, какъ будто одно цѣлое и могли падать, даже вверхъ копыльями, не вываливая поклажи. Въ срединѣ, по длинѣ нашихъ узкихъ саней, садился бокомъ, или придерживался только, вожатый, опираясь ногою на полозъ нарты, въ ежеминутной готовности соскочить и привести нарту опять въ равновѣсіе, когда она слишкомъ раскатывалась, или когда угрожала ей какая либо опасность. Для того держалъ онъ въ рукѣ, протянутый

вдоль по санямъ и къ нимъ прикрѣпленный ремень, и кромѣ того имѣлъ въ рукахъ, такъ называемый *оштолъ*, или *прудило*, довольно толстую палку, обитую желѣзомъ на одномъ и обвѣшенную колокольчиками на другомъ концѣ, которою управлялъ собаками, останавливалъ ихъ, а иногда подпирался. Точно также балансируя, сидѣли и мы съ г-мъ Козьминымъ каждый на своей нартѣ, за проводникомъ, въ безпрестанной готовности соскочить, поддержать и привести въ равновѣсіе нарту, что при неровной дорогѣ очень часто случалось. Не смотря на то, что каждая изъ нартъ имѣла груза до 25 пудовъ, онѣ такъ легко скользили по крѣпко замерзшему снѣгу, что одною рукою, безъ большаго усилія, можно было передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто, и собаки наши при хорошей дорогѣ дѣлали отъ 10 до 12 верстъ въ часъ. 21-го Февраля было 26° холода; къ полудню уменьшился онъ до $14^1/_2{}^0$. Солнце стояло очень низко, но г-ну Козьмину удалось, съ помощію искуственнаго ртутнаго горизонта, взять полуденную высоту солнца, которая показала, что мы находились подъ 69° 31′ 22″ широты. Тригонометрическимъ измѣреніемъ отъ Нижне-Колымска до Сухарнаго найдено, что Сухарное лежитъ подъ 161° 43′ 41″ долготы, къ востоку, отъ Гринвича. Полуденная тѣнь давала $13^1/_2{}^0$ восточнаго склоненія путеваго компаса.

22-го Февраля, рано по утру, передъ разсвѣтомъ, отправились наши нарты съ провіантомъ къ Ма-

лому Баранову Камню *, отстоявшему на 41 версту, гдѣ стояла поварня; тамъ намѣревались мы провести слѣдующую ночь. Ужасный вой, какой собаки обыкновенно подымаютъ въ минуту отъѣзда, разбудилъ насъ. Мы приготовились къ дальнѣйшему пути, и въ 9-ть часовъ утра оставили наши, нѣсколько нагрѣвшіеся балаганы. По назначенному для поѣздки порядку, моя нарта всегда находилась впереди, а г. Козьминъ на своей нартѣ заключалъ шествіе. Каждый изъ насъ замѣчалъ направленіе пути, и по скорости бѣга собакъ, которую мы изучали въ Нижне-Колымскѣ, ** опредѣлялъ разстояніе одного пункта отъ другаго. Наши наблюденія, по вечерамъ сравниваемыя одно съ другимъ и записываемыя, составляли главныя данныя для начертанія карты береговъ.

Сокращая дорогу, мы не обгибали *Медвѣжьяго мыса*, а поѣхали прямо черезъ перешеекъ, соединяющій его съ твердою землею. Снѣгъ былъ гладокъ и крѣпокъ; собаки бѣжали очень скоро, и нарты наши, не смотря на балансирова-

* Барановъ Камень получилъ названіе отъ великаго множества скитающихся тамъ дикихъ барановъ, или аргалей. Животныя сіи питаются, по большей части, травою, которая, вмѣстѣ съ одною изъ породъ полыни, растетъ на скалахъ между мхами.

** Скорость бѣга моихъ собакъ, соразмѣряясь съ большею или меньшею гладкостью дороги, простиралась отъ 6 до 12 верстъ въ часъ. По ней и по направленію проѣзжаемаго пути, вычисляли мы широту и долготу, которыя и буду я въ послѣдствіи отличать названіемъ: *счисляемая*, отъ опредѣленныхъ другимъ образомъ.

ніе сѣдоковъ, часто опрокидывались. Въ половинѣ четвертаго часа по полудни достигли мы поварни, лежащей на берегу маленькой рѣчки, гдѣ нашли совершенно сохранившійся деревянный крестъ, поставленный въ 1787 году экспедиціею капитана Биллингса. Нарты съ провіантомъ, выѣхавшія двумя часами ранѣе, но запряженныя не столь сильными собаками, прибыли къ поварнѣ послѣ насъ. Море казалось отсюда совершенно гладкимъ; густой туманъ застилалъ сѣверный край горизонта.

Мы нашли поварню совершенно наполненною снѣгомъ и льдомъ, и ихъ надлежало выгребать, чтобы намъ помѣститься. Слишкомъ трудно и медленно было производить такую работу черезъ отверзтіе, служащее дверью; мы сняли бревна, составляющія крышу, и соединенными силами выбрасывали снѣгъ во всѣ стороны. Менѣе нежели черезъ часъ, жилище наше было готово, крыша настлана, въ срединѣ разложенъ огень, и мы спѣшили поселиться. Къ несчастію, поварня была такъ тѣсна, что только четверо нашли въ ней мѣсто, и тѣ лежали столь близко къ огню, что искры безпрестанно осыпали ихъ шубы, сапоги и одѣялы. Остальные семеро изъ насъ должны были довольствоваться палаткою, которая, хотя была не такъ тепла, но за то совершенно суха, а сквозь бревенчатыя стѣны поварни ручьями лилась вода отъ тающаго снѣга и льда.

Вечеромъ, по обыкновенію, занимались мы срав-

ниваніемъ и приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ нами наблюденій, и къ великому удовольствію нашему, они совершенно согласовались, какъ съ точными наблюденіями сей части берега, сдѣланными капитаномъ Биллингсомъ, такъ и съ составленною по нимъ вице-адмираломъ Сарычевымъ картою, а тѣмъ совершенно убѣдили насъ въ достаточности и надежности принятыхъ нами правилъ измѣренія.

До сего мѣста морской берегъ почти совершенно плоскій, и только нѣкоторые выдающіеся мысы образуютъ крутыя и скалистыя возвышенія. Правый берегъ Колымы, состоящій большею частію изъ чернаго шифера, былъ покрытъ наноснымъ лѣсомъ. Мы видѣли, въ 14 верстахъ отъ Сухарныхъ балагановъ, выстроенную въ 1739 году лейтенантомъ Лаптевымъ, на возвышеніи, деревянную башню, для указанія входа съ моря въ устье рѣки.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, продолжали мы путь. Погода была ясная и пріятная. При легкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, термометръ по утру показывалъ 27°, въ полдень 23°, къ вечеру 26°. Мы ѣхали довольно скоро по гладкому льду вдоль морскаго берега, который становился все крутѣе и обрывистѣе. Проѣхавъ 42 версты, остановились мы недалеко отъ Большаго Баранова Камня, въ поварнѣ; она была гораздо просторнѣе прежней, но за то не такъ прочно выстроена. Однакожь, согрѣвшись чаемъ и хорошимъ супомъ, и закутавшись въ дорожныя

платья, подъ толстымъ мѣховымъ одѣяломъ, провели мы ночь очень хорошо, не слишкомъ чувствуя холодъ.

Во время пути удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, и найдти, что довольно значительный мысъ у Малаго Баранова Камня лежитъ подъ 69° 41′ 49″ с. широт., и по нашему счисленію подъ 163° 20′ восточн. долготы. Мы видѣли на горахъ много замѣчательныхъ утесовъ, изъ коихъ иные представляли видъ развалинъ, древнихъ огромныхъ зданій, а также исполинскихъ людей и звѣрей; капитанъ Сарычевъ упоминаетъ о сихъ утесахъ въ своемъ путешествіи. Въ послѣдствіи буду я имѣть случай говорить о такомъ странномъ образованіи приморскихъ скалъ здѣшнихъ.

24-го Февраля отправились мы въ путь при 25° холода; въ послѣдствіи увеличился онъ до 28°. Гористый мысъ Большаго Баранова Камня, довольно далеко вдавшійся въ море, оставили мы къ сѣверу, и проѣхали черезъ узкую полосу земли, за нимъ лежащую, гдѣ къ востоку отъ мыса впадаетъ въ море маленькая рѣчка; устье ея, по сдѣланному нами полуденному наблюденію, лежитъ подъ 69° 38′ 21″ с. широты и 164° 26′ счисленной долготы. Склоненіе путеваго компаса было 17° восточное. Съ сего пункта берегъ принимаетъ совсѣмъ другой видъ: утесистыя скалы исчезаютъ и совершенно плоское прибрежье прерывается только кой гдѣ круто-обрывистыми возвышеніями. Къ югу, въ нѣкоторомъ

разстояніи отъ берега, видна высокая цѣпь горъ; она, по видимому, тянется отъ NtW на StO.

Проѣхавъ 34 версты, достигли мы небольшой рѣчки; прозрачный ледъ ея обѣщалъ намъ чистую хорошую воду; на берегу нашли мы множество наноснаго лѣса, а потому остановились и раскинули палатку, предполагая здѣсь переночевать. Тутъ предѣлъ, до котораго туземцы доходятъ иногда, гоняясь за звѣрями, но съ 1765 года, послѣ путешествія Шалаурова, никто изъ Рускихъ не посѣщалъ сей части Ледовитаго моря.

Намѣреваясь оставить здѣсь часть взятаго нами провіанта, въ запасъ на возвратный путь и для уменьшенія числа нартъ, мы выстроили, такъ называемую, *сайбу* гдѣ могли обезопасить наши вещи отъ песцовъ и россомахъ, здѣсь водящихся во множествѣ. Мы врыли въ снѣгъ вертикально четыре столба, каждый около 9 фут. вышины; на нихъ укрѣпили бревенчатый ящикъ, положили туда наши запасы и покрыли все бревнами и снѣгомъ. Между тѣмъ въ нѣсколько минутъ была раскинута наша палатка. Шесть тонкихъ длинныхъ шестовъ воткнули въ снѣгъ и верхніе концы ихъ связали; потомъ обтянули все легкимъ, изъ оленьихъ шкуръ сшитымъ покрываломъ, и такимъ образомъ составилась коническая палатка, въ 10 фут. вышины и нѣсколько болѣе 12 фут. въ поперечникѣ основанія. Въ верху палатки оставили маленькое отверзтіе для дыма; въ срединѣ, на желѣзной плиткѣ, разложили мы огонь;

на немъ мы варили пищу и онъ согрѣвалъ насъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ наполнялъ всю палатку густымъ ѣдкимъ дымомъ, отъ чего глаза наши очень страдали. Вмѣсто двери, на подвѣтренной сторонѣ палатки оставили мы небольшое отверзтіе, завѣшенное оленьею шкурою. При бурной погодѣ, въ сихъ странахъ обыкновенно господствующей, воздушное жилище наше было въ безпрестанномъ движеніи, и нагибалось то на ту, то на другую сторону, что насъ нимало не безпокоило; гораздо непріятнѣе бывало, когда вѣтеръ срывалъ всю палатку. Но и къ тому привыкли мы въ послѣдствіи, и покрывая внѣшнія стороны палатки до нѣкоторой высоты снѣгомъ, вовсе отклоняли такое неудобство.

Когда палатка была раскинута, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока закипитъ чайникъ, наполненный снѣгомъ, или льдомъ, потому, что чай былъ пріятнѣйшею и подкрѣпительнѣйшею для насъ пищею. Послѣ двухъ чашекъ являлись жизнь и веселость въ онѣмѣвшемъ отъ холода обществѣ. Замѣчательно, что мы такъ любили наше ароматическое питье, и вкусъ его былъ намъ такъ пріятенъ, что вмѣсто обыкновенной пропорціи, по три куска сахару на чашку, мы пили цѣлый вечеръ, отъ 10 до 12 чашекъ, съ однимъ кускомъ леденца. Иногда присоединяли мы къ тому ржаные сухари, либо отличный кусокъ юколы. Между чаемъ и ужиномъ выходили наши проводники къ собакамъ, привязывали ихъ, для того, чтобы привлеченныя слѣдами звѣрей, онѣ

не разбѣжались ночью, а притомъ давали каждой назначенную долю корма.

Между тѣмъ занимались мы сравниваніемъ нашихъ наблюденій и вносили на карту осмотрѣнное днемъ пространство, что при сильномъ холодѣ и дымѣ, наполнявшемъ всю палатку, было не весьма легко. Въ то же время приготовлялся ужинъ; онъ всегда состоялъ изъ одного блюда, супа съ рыбою, или съ мясомъ, пока мы его имѣли; все варилось въ одномъ котлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ служившемъ намъ и общею тарелкою. Послѣ ужина все общество ложилось спать. По причинѣ холода, мы не могли снимать нашего платья и шубъ, и должны были спать въ полной дорожной одеждѣ; за то постоянно каждый вечеръ мѣняли мы чулки и сапоги, которые, вмѣстѣ съ мѣховыми шапками и рукавицами, развѣшивались для сушки на шестахъ въ палаткѣ, что, особенно на счетъ чулковъ, необходимая предосторожность, ибо съ сырою обувью, замерзаніе почти неизбѣжно. На ночь разстилались на твердомъ снѣгу медвѣжьи шкуры; на нихъ все общество располагалось, и подъ оленьими одѣялами крѣпко и хорошо отдыхало отъ дневныхъ трудовъ. Пока всѣ нарты насъ сопровождали, мы должны были, по причинѣ тѣсноты, располагаться въ палаткѣ, какъ спицы въ колесѣ, ногами къ огню, а головами къ стѣнамъ; въ послѣдствіи, когда наше общество уменьшилось, располагались мы вокругъ удобнѣе; во время ночи огонь не поддерживался и

мало по малу потухалъ. По утру вставали мы, обыкновенно, въ 6 часовъ, разводили огонь и мылись свѣжимъ снѣгомъ; потомъ пили чай и тотчасъ послѣ него принимались за обѣдъ, который былъ совершенно подобенъ нашему ужину. Наконецъ чистили посуду, свертывали палатку и одѣялы, нагружали нарты, и часовъ въ 9-ть отправлялись въ путь. Такого порядка держались мы постоянно во время перваго путешествія.

25-го Февраля, при 25° холода, поднялся рѣзкій восточный вѣтеръ, съ сильною мятелью, что чрезвычайно затрудняло дорогу. Мы однакожъ продолжали нѣкоторое время путь, но утомленныя собаки наши, пробѣжавъ 24 версты, не въ состояніи были далѣе тащить нартъ противъ вѣтра, по рыхлому снѣгу, и мы принуждены были остановиться для ночлега, на плоскомъ морскомъ берегу. Мятель продолжалась всю ночь; наша палатка была совершенно занесена снѣгомъ, но тѣмъ доставила намъ защиту отъ бури. Мы радовались неподвижности нашего жилища и его пріятной теплотѣ. За то слои снѣга, лежавшіе на внѣшней сторонѣ его, растаяли и образовали ледяную кору, которая сдѣлала шкуру твердою, неудобосгибаемою и гораздо тяжеле прежняго, а тѣмъ причинила намъ много трудовъ при складываніи палатки.

26-го, по утру, вѣтеръ совсѣмъ затихъ, и хотя термометръ все еще стоялъ на 25° холода, но намъ казалось, что было гораздо теплѣе вчерашняго. Море было покрыто твердою и гладкою

снѣжною корою, по которой наши нарты, снабженныя ледяными полозьями, * такъ легко скользили, что собаки безъ всякаго понужденія бѣжали очень скоро. Мы всегда держались въ разстояніи отъ 50 до 300 саженъ отъ морскаго берега, который здѣсь плоскій и низменный; на всемъ открытомъ взору протяженіи его никакой предметъ не прерываетъ унылаго однообразія печальной снѣжной пустыни. Мертвая тишина, царствовавшая вокругъ насъ, умножала еще болѣе характеръ грустнаго уныніи сей сцены, такъ, что съ радостію встрѣчали мы груды наноснаго лѣса, лежавшія на берегахъ и хоть нѣсколько прерывавшія однообразіе.

Въ полдень опредѣлилъ я, по взятой полуденной высотѣ, что устье рѣчки, противъ которой мы находились, лежитъ подъ 69° 34′ 38″ широты и 165° 54′ восточной долготы. Отъѣхавъ 25 верстъ отъ нашего послѣдняго ночлега, велѣлъ я ранѣе обыкновеннаго остановиться на ночь, чтобы взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною. Солнце стояло такъ низко надъ гори-

* Каждый вечеръ оборачиваютъ нарты вверхъ дномъ и полозья обливаютъ водою, отъ чего образуется на нихъ ледяная кора, которая очень гладка, такъ, что сани съ невѣроятною легкостію скользятъ по твердому снѣгу; такое обливанье называется *войдать*; вожатые нартъ дѣлаютъ это частію для легчайшей ѣзды, а частію для сбереженія самыхъ полозьевъ, и по той же причинѣ наши проводники всегда тщательно избѣгали мѣстъ, покрытыхъ не снѣгомъ, а ледяными обломками, отбивавшими съ полозьевъ ледъ.

зонтомъ, что мы принуждены были прибѣгнуть ночью къ звѣздамъ, желая узнать *истинное время*. Взятыя лунныя разстоянія опредѣлили положеніе нашего ночлега въ 166° 11′ восточной долготы, которая по нашему счисленію была 5′ восточнѣе. Хронометры, отъ внезапныхъ перемѣнъ температуры, потрясеній, ѣзды и частаго опрокидыванія нартъ, такъ пострадали, что не сходствовали между собою и съ вѣроятною долготою, и мы почти немогли употреблять ихъ. Здѣсь выстроили мы вторую *сайбу*, и положили въ нее остатокъ нашихъ съѣстныхъ припасовъ на возвратный путь, отославши назадъ разгруженныя нарты. Ледъ, вчера покрывшій нашу палатку, растаялъ сегодня отъ разложеннаго въ ней огня и наполнилъ наше жилище такою удушливою сыростью, что мы принуждены были отъ времени до времени выходить освѣжаться и отдыхать на воздухѣ.

Ночью къ 31° мороза присоединился рѣзкій, юго-восточный вѣтеръ, и несмотря на хорошо поддерживаемый огонь и теплыя покрывала изъ оленьихъ и медвѣжьихъ шкуръ, сдѣлалъ холодъ столь чувствительнымъ, что нѣсколько разъ принуждены мы были вставать, прыгать и бѣгать вокругъ нашего жилища, чтобы нѣсколько согрѣться. Особенно г. Козьминъ жаловался поутру, что ноги у него необыкновенно мерзнутъ. Мы посовѣтовали ему перемѣнить чулки и сапоги, и когда онъ снялъ сапоги, то съ ужасомъ уви-

дѣли мы, что чулки у него примерзли къ ногамъ. Весьма осторожно сняли мы чулки, и нашли, что они были покрыты ледянымъ слоемъ, почти въ одну линію толщины; къ счастью, ноги еще не были отморожены и мы скоро оттерли ихъ водкою. Сей опытъ увѣрилъ насъ въ необходимости всегда перемѣнять и содержать сухою нашу обувь, потому что всякая сырость, внѣшняя и отъ собственной испарины, при большомъ морозѣ имѣетъ самыя гибельныя слѣдствія. Въ полдень, находясь на $1^3/_4$ версты къ сѣверу отъ низменнаго берега, опредѣлили мы 69° 30′ 28″ широты, а счисляемая долгота была 166° 24′; склоненіе магнитной стрѣлки $17^1/_2$° восточн.

Усиливавшійся холодъ и рѣзкій вѣтеръ чрезвычайно затруднили нашу ѣзду. Проводники принуждены были надѣть собакамъ на ноги родъ сапоговъ, а болѣе чувствительныя, менѣе прочихъ покрытыя волосами и замерзанію подверженныя части тѣла ихъ завернуть лоскутками шкуръ. Это значительно препятствовало бѣгу собакъ, тѣмъ болѣе, что слишкомъ сильный морозъ сдѣлалъ снѣгъ рыхлымъ и полозья нартъ не могли такъ легко скользить по немъ, какъ скользили доселѣ. Сегодня (27 Февраля) не могли мы проѣхать болѣе 26 верстъ и остановились на ночлегѣ близъ устья довольно значительной рѣки, въ верховьяхъ у прибрежныхъ жителей Малаго Анюя извѣстной подъ именемъ *Большой Баранихи*. Какъ здѣсь, такъ и на всемъ протяженіи низменнаго

берега, вдоль котораго мы сегодня ѣхали, лежитъ великое множество наноснаго лѣса. Къ югу и юго-западу отъ нашего ночлега показывались въ нѣкоторомъ отдаленіи горы, простиравшіяся до восточнаго берега рѣки. Самый берегъ образуетъ здѣсь значительную бухту, обращенную къ сѣверу, и подымаясь мало по малу на востокъ, достигаетъ 6 саженъ высоты.

Прямо къ сѣверу отъ насъ, на морѣ, показывалась бѣлая полоса, имѣвшая по видимому параллельное съ берегомъ направленіе; въ послѣдствіи нашли мы, что то было ни что иное, какъ большіе *торосы* *, поднявшіеся надъ поверхностью моря; издали, по своему разнообразному устроенію, часто давали они поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ о существованіи земель и береговъ.

Во время ночи взялъ я нѣсколько разстояній между луною и Поллуксомъ, которыхъ не могъ однакожъ употребить для опредѣленія долготы, потому, что когда хотѣлъ я, съ помощію искуственнаго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высотъ *Капеллы* и опредѣлить истинное время, то нашелъ, что на поверхности ртути образовались кристалы, отъ чего она хотя и не замерзла, но сдѣ-

* *Торосами* называютъ на сѣверныхъ берегахъ Сибири большія неправильнаго образованія громады льда, которые на Ледовитомъ морѣ, подобно скаламъ, подымаются на высоту до 100 футовъ надъ гладкою ледяною поверхностью и весьма затрудняютъ ѣзду, а иногда дѣлаютъ ее и вовсе невозможною.

лалась столь неровною, что я принужденъ былъ прекратить мои наблюденія.

Вообще сильный холодъ часто затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзненные опыты, и въ послѣдствіи принуждены были чѣмъ нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыхъ должны были касаться пальцами или лицомъ, потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ примерзала къ металлу. Также въ продолженіе всего наблюденія, а особенно при считаньи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе, а иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льда, или инеемъ, что происходило даже отъ одной испарины нашего тѣла. Не смотря на то, мало по малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° мороза, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью сосчитывали на дугѣ секстана градусы, минуты и секунды.

На хронометры также простерлось вліяніе холода; они сами собой остановились. Опасаясь этого носилъ я ихъ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обвернутый нѣсколькими шкурами ящикъ, который клалъ съ собою подъ одѣяло. Не смотря на мои предосторожности, вѣроятно, ночью, когда огонь потухъ въ нашей палаткѣ, холодъ, проникнувъ черезъ всѣ обвертки, заморозилъ масло, между колесами находившееся, и остановилъ ихъ движеніе.

Февраля 28-го, по утру, было 27° холода, а вечеромъ 25½°, съ свѣжимъ SW вѣтромъ, который былъ намъ попутный, а потому и неслишкомъ насъ затруднялъ. Воздухъ былъ пасмуренъ и туманенъ, такъ, что мы едва могли отличать берегъ, вдоль котораго ѣхали, направляя нашъ путь на лежащій передъ нами высокій мысъ, показывавшійся сквозь туманъ. Здѣсь, подъ защитою довольно крутаго и обрывистаго земляпаго уступа (яра), остановились мы на ночлегъ, проѣхавъ сегодня, по причинѣ рыхлаго снѣга, не болѣе 27 верстъ. Желая согрѣться, взлѣзли мы на гору, и нашли тамъ нѣсколько бревенъ, оленьихъ рогъ, углей и другихъ признаковъ, что на семъ мѣстѣ находилась нѣкогда юрта, или другое тому подобное жилище. Къ вечеру атмосфера нѣсколько прояснилась, такъ, что г. Козьмину удалось взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, которыя показали, что нашъ ночлегъ лежалъ подъ 167° 43′ долготы. Полуночная высота луны дала намъ 69° 38′ 24″ широты. Здѣсь устроили мы третью сайбу для провіанта.

Ночью одна изъ нашихъ собакъ подняла сильный лай. Мы всѣ бросились изъ палатки, но ничего не могли разсмотрѣть. Наши проводники увѣряли, что собаки чуяли близость Чукчей, и боясь внезапнаго нападенія, всю ночь не могли сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро (1 Марта) продолжали мы путь. Термометръ цѣлый день показывалъ болѣе

25°. Легкій NW вѣтеръ, разогнавъ облака, очистилъ атмосферу. Въ полдень опредѣлили мы 69° 42′ 48″ широты; склоненіе магнитной стрѣлки было $18^{1}/_{2}$° восточное.

Берегъ, направляясь здѣсь на NNO, образуетъ уступъ (яръ), подымающійся на 5 и болѣе саженъ надъ поверхностью моря. На берегу нашли мы недавно оставленную Чукотскую хижину, вокругъ которой ясно видны были слѣды саней, мѣста, гдѣ горѣли огни, и проч. Хотя я и не раздѣлялъ боязни нашихъ проводниковъ (они хотѣли было тотчасъ возвратиться назадъ), но призналъ за нужное ставить на ночь у нашей палатки караульнаго.

На разстояніи $3^{1}/_{2}$ верстъ отъ мѣста полуденнаго наблюденія широты встрѣтили мы довольно значительное, открытое къ сѣверу углубленіе въ берегу, стороны, котораго казалось, соединялись въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, а потому мы и приняли сіе углубленіе за бухту, или маленькій заливъ. Но въ слѣдующіе годы, по ближайшемъ наблюденіи, мы нашли, что то былъ проливъ, названный Шалауровымъ *Собадей*, отдѣляющій островъ сего имени отъ твердой земли. Мы направили путь по сему проливу и на срединѣ длины его нашли нѣсколько Чукотскихъ хижинъ, довольно тщательно выстроенныхъ изъ наноснаго лиственичнаго лѣса; напавшій снѣгъ покрылъ слѣды саней и отнялъ у насъ возможность узнать направленіе, по которому поѣхали Чукчи. На сѣверномъ концѣ про-

ливъ 5½ верстъ ширины, но она однакожъ примѣтно суживается на противоположномъ концѣ. Берегъ твердой земли плоскій, а къ востоку становится холмистъ. Берегъ острова Собадея, напротивъ, крутой и обрывистый, возвышается на 20 и болѣе саженъ. Подъ защитою сего уступа расположились мы ночлегомъ, проѣхавъ сегодня 23 версты. По полуночной высотѣ луны опредѣлили мы широту нашего ночлега въ 69° 48′ 46″ и 168° 4′ долготы, по разстоянію луны отъ Алдебарана. Здѣсь снова нашли мы слѣды Чукчей. Съ вершины близьлежащаго холма видѣли вдали обширную тундру

Сегодня на дорогѣ былъ намъ случай наблюдать совершенно новый, замѣчательный феноменъ: на NO горизонтѣ показалось совершенно отдѣльное, темно-сѣраго цвѣта облако, изъ котораго, по направленію зенита, протягивались бѣловатые лучи къ противоположной части неба и давали явленію сходство съ сѣвернымъ сіяніемъ. Не могу утверждать, чтобы сіи лучи, подобно лучамъ сѣвернаго сіянія, имѣли свѣтъ, потому, что явленіе, продолжавшееся съ полчаса, наблюдали мы днемъ, когда свѣтъ лучей не можетъ быть замѣтенъ при сильномъ сіяніи солнца. Казацкій сотникъ Татариновъ, бывшій уже прежде въ сихъ странахъ съ Геденштромомъ, увѣрялъ, что видимое нами темное облако было ни что иное, какъ подявшіяся, но еще не разсѣявшіяся испаренія изъ внезапно происшедшихъ во льду тре-

щинъ, или отверзтій (полыней). Если принять такое предположеніе, то бѣловатые лучи образовывалъ тотъ же паръ, мало по малу раздѣляющійся и освѣщаемый солнцемъ. Вечеромъ наблюдали мы на горизонтѣ сѣверное сіяніе, которое занимало все протяженіе отъ NO до NW, и попеременно, то являлось, то пропадало.

На слѣдующее утро (2-го Марта), при ясной погодѣ и 27° холода, едва отъѣхали мы отъ нашего ночлега, какъ г. Козьмину показалось, будто онъ видитъ землю. Мы остановились и тотчасъ взлѣзли на высокій берегъ, откуда ясно увидѣли, что мнимую землю составляли груды льда (торосы), нагроможденныя на краю необозримой полыньи. Въ полдень опредѣлили мы широту 69° 52′ 6″. Около двухъ верстъ на NNO отъ сего пункта прекращаются высокіе крутые берега и земля является снова плоскою. Сему мѣсту, вѣроятно, далъ лейтенантъ Лаптевъ названіе Пещанаго мыса, хотя здѣсь собственно незамѣтно никакого мыса, потому, что берегъ нечувствительно направляется отъ NO къ O, не образуя значительнаго углубленія въ море.

Мѣсто, гдѣ прекращается возвышенный и начинается плоскій берегъ, лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, подъ 69° 52½′ широты и 168° 00′ долготы, на востокъ отъ Гринвича. Отсюда ѣхали мы, то по морю, то по землѣ. Берегъ здѣсь почти нисколько не возвышается надъ моремъ и, вѣроятно, лѣтомъ, онъ, и весь рядъ

параллельно съ нимъ идущихъ, наносныхъ песчаныхъ холмовъ, покрываются водою.

Долго и напрасно искали мы наноснаго лѣса, который вообще къ востоку отъ пролива Собадея рѣдко встрѣчается; наконецъ нашли на берегу нѣсколько бревенъ, но онѣ были сюда, вѣроятно, перетащены Чукчами, слѣды коихъ ясно видѣли мы по всей окрестности. Сегодня проѣхали мы уже 25 верстъ, и я рѣшился здѣсь переночевать. Мы выстроили четвертую сайбу и отослали въ Нижне-Колымскъ послѣднія провіантскія нарты. Такимъ образомъ съ нами остались только три дорожныя нарты, на которыхъ, кромѣ меня и г. Козьмина, находились для управленія собаками три казака. По высотѣ луны опредѣлили мы здѣсь широту въ 69° 57′ 42″, а долгота, по нашему исчисленію и по пеленгамъ, была 168° 41′.

Вечеромъ наблюдали мы прекраснѣйшее сѣверное сіяніе. Небо было чисто и безоблачно; звѣзды блистали яркимъ арктическимъ свѣтомъ. При легкомъ NO вѣтрѣ поднялся отъ NNO огромный свѣтящійся столбъ, и лучи его, подобно широкимъ пламеннымъ полосамъ, разливались на небѣ по направленію вѣтра, безпрестанно перемѣняясь и, казалось, приближаясь къ намъ. Судя по скорости, съ какою свѣтлые лучи пробѣгали пространство горизонта до нашего зенита, менѣе нежели въ 2 секунды, полагали мы, что сѣверное сіяніе было къ землѣ ближе обыкно-

венной высоты облаковъ. Въ продолженіе явленія не замѣтили мы никакой перемѣны на магнитной стрѣлкѣ компаса, что, конечно, приписать должно грубому его устроенію.

Наши казаки уже нѣсколько разъ просили дать собакамъ отдохнуть и собраться съ силами; по ихъ новой просьбѣ о томъ, рѣшился я остаться еще одинъ день здѣсь (3-го Марта). Отдыхъ былъ благодѣтеленъ для собакъ, но для насъ несносенъ. Мы расположились на совершенно открытой, ни чѣмъ не защищенной равнинѣ, гдѣ, при 25° и 29° мороза, съ рѣзкимъ NO вѣтромъ, у насъ былъ такой скудный запасъ дровъ, что мы могли только кипятить чай и супъ, а остальное время проводили безъ огня. Къ тому присоединилась еще мучительная неизвѣстность объ успѣхѣ нашей поѣздки и настоящемъ положеніи предѣла ея, Шелагскаго мыса. Наши малые запасы не позволяли намъ предпринять безопасный, хотя и дальнѣйшій путь вдоль берега, имѣющаго здѣсь почти южное направленіе. На морѣ, прямо передъ нами, лежали высокіе ледяные холмы и заграждали намъ совершенно видъ вдаль, а какъ истинное положеніе Шелагскаго мыса не было еще опредѣлено, то въ отысканіи его мы потеряли бы много времени, чего, при недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, должно было всячески избѣгать. Мы были въ нерѣшимости, что предпринять, когда при закатѣ солнца замѣтили на восточномъ краю горизонта два довольно значительные холма, при-

нятые нами сначала за одинъ, сѣверная вершина коихъ лежала отъ насъ NOtO½O. Наши проводники были увѣрены, что мы нашли землю, которой искали, и радовались, что открытіе ея удалитъ насъ отъ сосѣдства Чукчей, ибо они все еще ихъ боялись. Нетерпѣливо ожидали мы разсвѣта, надѣясь, что сіи два холма составляютъ Шелагскій мысъ, предметъ поисковъ безстрашнаго Шалаурова.

Рано по утру, 4-го Марта, небо покрыто было облаками; слабый SO вѣтеръ нагонялъ снѣгъ; термометръ показывалъ 13½° (вечеромъ 18°). Мы весьма радовались такой умѣренной температурѣ; послѣ сильныхъ морозовъ, она казалась намъ даже теплою; наши проводники увѣряли, что въ здѣшнихъ краяхъ никогда не бываетъ холоднѣе, и завидовали счастію Чукчей, живущихъ въ столь тепломъ климатѣ.

Мы ѣхали по крѣпко-смерзшемуся снѣгу, то между ледяными громадами, то черезъ нихъ, стараясь по возможности направлять путь нашъ прямо на видѣнныя горы. Но вскорѣ мы увѣрились, что онѣ были отъ насъ гораздо далѣе, нежели намъ казалось. Наступающія сумерки и усталость нашихъ собакъ, пробѣжавшихъ сегодня, по крайней мѣрѣ, 61 версту, принудили меня остановиться на ночлегъ между торосами. Здѣсь замѣтили мы, что нашъ мнимый островъ былъ мысъ, на которомъ подымались три куполовидныя горы; восточная изъ нихъ казалась выше прочихъ. Къ югу отъ сихъ горъ тянется

рядъ холмовъ, обставленныхъ по скатамъ такими же каменными громадами, какія замѣтили мы при Барановомъ Камнѣ; воображеніе нашихъ боязливыхъ проводниковъ видѣло въ сихъ обломкахъ скалъ и утесовъ большой лагерь Чукчей, готовившихся къ битвѣ съ пришельцами.

Съ вершинъ льдины (въ 5 саженъ высоты), подлѣ которой разбили мы палатку, показалось намъ вдали открытое море, отражавшее въ прозрачной водѣ черныя скалы и утесы берега, принимаемаго нами за Шелагскій мысъ. Чрезъ нѣсколько минутъ открытое море перемѣнилось въ гладкую ледяную равнину. Съ такою же быстротою покрылась она множествомъ неровностей и возвышеній, а потомъ на всемъ пространствѣ появились большія плавающія льдины самыхъ разнообразныхъ видовъ. При нѣсколько перемѣнившемся положеніи солнца, онѣ въ свою очередь исчезли, и мы ясно увидѣли необозримую, до краевъ горизонта простиравшуюся стѣну огромнѣйшихъ торосовъ. По причинѣ сильнаго преломленія лучей на Ледовитомъ морѣ, подобные оптическіе обманы и превращенія весьма обыкновенны, и вѣроятно, не разъ подавали они путешественникамъ поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о существованіи острововъ, береговъ и мысовъ.

Нашъ дровяной запасъ совершенно истощился, и для разведенія малаго огня, чтобы сварить себѣ супъ, принуждены мы были пожертвовать тремя шестами палатки и парою запасныхъ санныхъ полозьевъ. Къ счастью, и на слѣдующій день (5 Мар-

та) продолжался SO вѣтеръ, который и въ Нижне-Колымскѣ приноситъ теплую погоду; термометръ показывалъ не болѣе 18°, и мы переносили такой холодъ безъ огня.

Проѣхавъ около 30 верстъ между высокими торосами, и перебравшись съ величайшимъ трудомъ черезъ остроганную льдистую стѣну, достигли мы наконецъ сѣверо-западной оконечности *Шелагскаго носа*. Путь около него превзошелъ трудностями и опасностью все доселѣ нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутыя, въ 90 футовъ вышиною ледяныя горы, и съ такой вышины спускаться по крутизнѣ, находясь каждую минуту въ опасности переломать сани, задавить собакъ, или низвергнуться вмѣстѣ съ ними въ ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большимъ пространствамъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый, наносный снѣгъ; иногда встрѣчали мы между торосами непокрытыя снѣгомъ мѣста, усѣянныя острыми кристаллами морской соли, отдиравшими ледъ съ полозьевъ нартъ и дотого затруднявшими ѣзду, что мы должны были сами запрягаться, и вмѣстѣ съ собаками, съ величайшими усиліями, тянуть сани, чтобы не остаться на дорогѣ. Нагроможденныя одна на другую льдины заслоняли намъ мысъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы приближались къ берегу, состоялъ онъ изъ черной, плотной и блестящей, неизвѣстной мнѣ каменной породы, и являлся въ видѣ правильныхъ, наклонно лежащихъ столбовъ,

до 250 футовъ вышиною, между которыми кой гдѣ проглядывали, въ нѣсколько саженъ ширины, полосы бѣлаго мелко-зернистаго гранита. Мрачные черные утесы, вѣками нагроможденные, никогда нерастаявающія ледяныя горы, необозримое, вѣчнымъ льдомъ скованное море, все освѣщенное слабыми, скользящими лучами едва поднимавшагося надъ горизонтомъ полярнаго солнца, совершенное отсутствіе всего живущаго и ничѣмъ непрерываемая могильная тишина, представляли намъ картину, какъ будто мертвой природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли предѣловъ живаго творенія.

Продолжая, съ неимовѣрными усиліями, нашъ путь въ теченіе пяти часовъ, и пройдя около 9 верстъ, мы и наши собаки такъ измучились, что принуждены были остановиться. Для ночлега выбрали мы маленькую бухту, низменный и песчаный берегъ которой, постепенно возвышаясь, сливался въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи съ цѣпью холмовъ, соединенныхъ съ главными горами Шелагскаго мыса, возвышавшагося болѣе нежели на 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Къ великой радости, мы нашли здѣсь нѣсколько наноснаго лѣса (впрочемъ только сосноваго). По видимому, онъ очень давно лежалъ здѣсь. Мы тотчасъ развели большой огонь и спѣшили, послѣ долгаго времени, опять согрѣться и высушить, или, по крайней мѣрѣ, оттаять нашу одежду. Казалось, Чукчи посѣщали сей

край; мы нашли здѣсь большую кучу китовыхъ ребръ, мѣсто, гдѣ недавно былъ разложенъ огонь, и недалеко оттуда большое бревно, вертикально врытое въ землю, такъ, что не болѣе трехъ футовъ торчало оно надъ поверхностью. При ярко пылающемъ огнѣ, мы провели очень пріятную ночь и собрали столько силы и тепла, что на другой день (6 Марта) 19° мороза, съ вѣтромъ и мятелью, казались намъ менѣе ощутительны.

Наши запасы приходили къ концу и могли достать еще дня на три неболѣе, и какъ мы не были увѣрены, что найдемъ въ цѣлости оставленныя нами складки провіанта, то я колебался: ѣхать ли далѣе, или возвратиться назадъ? Наконецъ рѣшился я продолжать путь, съ тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, опредѣлить истинное направленіе сей части берега, по извѣстному мнѣнію Бурнея, составляющей перешеекъ, связывающій будто бы Азію съ Америкою. Я выбралъ самыхъ надежныхъ, сильныхъ собакъ, и на двухъ разгруженныхъ нартахъ поѣхалъ далѣе; третья нарта, съ остаткомъ нашихъ запасовъ, осталась на мѣстѣ ночлега, подъ охраненіемъ казака; зная языкъ Чукчей, онъ могъ, въ случаѣ необходимости, съ ними объясняться.

Къ счастію, мы нашли узкую полосу твердаго и гладкаго льда, и ѣхали по ней очень скоро вдоль берега, кромѣ немногихъ незначительныхъ уклоненій, направляющагося прямо на SO 80°, и состоящаго изъ утесовъ, углами упирающихся въ море; изрѣдка попадается индѣ

плоскій, пещаный берегъ. Скалы сіи состоятъ изъ той же черной породы и чернаго шифера, какъ прежде нами видѣнныя. Въ 17 верстахъ отъ нашего ночлега взялъ я полуденную высоту солнца и опредѣлилъ широту 70° 03′ 24″. Около 12 верстъ далѣе скалы исчезаютъ и горы удаляются отъ берега, который сплошь становится дресвянымъ. Съ вершины горы, близъ берега лежащей, замѣтили мы, на разстояніи 24 миль къ SO 48°, далеко вдавшійся въ море мысъ, который назвалъ я, по имени моего ревностнаго сотрудника въ экспедиціи, *мысомъ Козьмина*. Къ сѣверу и NO отъ насъ, кромѣ пространныхъ, болѣе или менѣе гладкихъ, ледяныхъ полей, не представлялось намъ никакого замѣчательнаго предмета. Отъ конца черныхъ скалъ до мыса Козьмина плоскій и дресвяный берегъ образуетъ легкій изгибъ, приближаясь къ подошвѣ горъ, отстоящихъ довольно далеко отъ берега. У мыса впадаетъ въ море маленькій ручей, которому дали мы названіе *Поворотнаго*. И здѣсь нашли мы слѣды Чукчей, а именно большую яму, наполненную китовыми ребрами и угольями. Судя по огромнымъ, подлѣ берега стоящимъ льдинамъ, должно думать, что море здѣсь очень глубоко, и какъ берегъ не представляетъ никакихъ заливовъ, или углубленій, то плаваніе по сей части моря должно быть опасно, ибо суда не имѣютъ никакой защиты отъ напора льдовъ.

При совершенномъ недостаткѣ всякаго рода припасовъ не было возможности продолжать путь;

я принужденъ былъ обратиться отсюда назадъ, довольствуясь на сей разъ открытіемъ, что берегъ Азіи, миль на 40 къ востоку отъ Шелагскаго мыса, имѣетъ юго-восточное направленіе. Мы обозначили предѣлъ нашей поѣздки пирамидою, сложенною изъ большихъ камней, недалеко отъ устья ручья, на довольно значительномъ холмѣ, и опредѣлили его положеніе въ 70° 00′ 37″ сѣверн. широты и 171° 47′ долготы къ востоку отъ Гринвича. Пирамида сія отстоитъ отъ Сухарнаго на 418 верстъ. *

Возвратный путь былъ также незатруднителенъ, и поздно вечеромъ достигли мы палатки нашей на Шелагскомъ мысѣ, гдѣ остававшійся казакъ, желая оставить послѣ насъ какой нибудь памятникъ, занимался сколачиваніемъ большаго креста изъ двухъ бревенъ. Мы помогли окончить ему работу, выжгли на крестѣ годъ, мѣсяцъ и день нашего здѣсь пребыванія, и поставили его на высочайшемъ изъ сосѣднихъ утесовъ. На другой день (7 Марта), при 28° мороза, рѣзкомъ вѣтрѣ и вьюгѣ, начали мы обратный путь. Для избѣжанія затруднительнаго и для нашихъ саней опаснаго переѣзда черезъ торосы, рѣшился я ѣхать по твердой землѣ, чрезъ низкіе холмы, къ WSW отъ насъ лежащіе. Симъ путемъ уда-

* Не привожу точнѣйшаго опредѣленія географическаго положенія Шелагскаго мыса, ни другихъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ берега, потому, что все это помѣщено будетъ въ повѣствованіи о путешествіяхъ по льду, предпринятыхъ нами въ слѣдующіе годы.

лось намъ миновать тороса и выѣхать на гладкую поверхность моря. Вѣроятно, это самый тотъ волокъ, по которому, въ 1700 году, купецъ Тарасъ Стадухинъ, отправившійся изъ Нижне-Колымска къ востоку водою на кочѣ, возвратился назадъ, видя невозможность обойдти мысъ, * названный имъ *Великимъ Чукотскимъ*, но въ послѣдствіи получившій названіе Шелагскаго.

Мы слѣдовали почти въ южномъ направленіи вдоль по берегу, крутыя, обрывистыя скалы котораго мало по малу превращаются въ плоскіе округленные холмы, за коими однакожъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видна цѣпь крутыхъ, островерхихъ горъ. Отъѣхавъ верстъ 25 отъ Стадухинскаго волока, расположились мы на ночлегъ на дресвяномъ берегѣ залива, обращеннаго на востокъ, и нашли здѣсь множество наноснаго лѣса. Надобно замѣтить, что онъ состоялъ исключительно изъ толстыхъ лиственичныхъ стволовъ, когда до сихъ поръ мы не встрѣчали другихъ древесныхъ породъ, кромѣ сосенъ. При легкомъ западномъ вѣтрѣ, по утру было 30° холода, а вечеромъ 27°.

Проѣхавъ $10^1/_2$ верстъ, находились мы, на разстояніи $4^1/_2$ верстъ, почти на параллели мыса, довольно тупымъ угломъ выдающагося въ море и образующаго небольшой заливъ; мысъ сей назвалъ я по имени г. Матюшкина. Онъ замѣчате-

* См. глава 1, стр. 23.

лень особенно по высокой, лежащей на немъ горѣ, называемой Чукчами *Раутанъ*, отъ которой внутренняя цѣпь горъ принимаетъ SO направленіе. Здѣсь опредѣлили мы, по полуденной высотѣ солнца, 69° 44′ 43″ широты, и по полуденной тѣни склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное. Мысъ Матюшкина лежитъ подъ 69° 43′ 50″ широты и 170° 47′ долготы отъ Гринвича. Въ разстояніи $3^1/_2$ верстъ отъ него, между WNW и SW, плоскій островъ, называемый Чукчами *Араутанъ*, отдѣленный отъ твердой земли едва замѣтнымъ проливомъ. Мы обогнули южную сторону острова и направили путь на западъ, черезъ *Чаунскій заливъ*. Проѣхавъ 25 верстъ, достигли мы низкихъ береговъ острова *Собадея*, и еще 7 верстъ ѣхали вдоль берега, прежде нежели могли найдти нѣсколько наноснаго лѣса. Здѣсь разбили мы для ночлега палатку, подъ защитою невысокаго землянаго уступа. Сильная, продолжительная вьюга и наступившая темнота препятствовали намъ съ точностію опредѣлить изгибы берега. Цѣлый день, 8 Марта, холодъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и чувствителенъ.

Марта 9-го продолжали мы путь вдоль берега острова Собадея на N и NO, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ устроили 2-го Марта четвертую сайбу, которую, поздно вечеромъ, нашли въ совершенной цѣлости, что было намъ весьма пріятно, ибо наканунѣ издержали мы уже весь остатокъ нашихъ запасовъ. Въ послѣдствіи не

были такъ счастливы. Отъ остальныхъ трехъ сайбъ остались только рыбьи кости; вѣроятно, не смотря на предосторожности наши, песцы и рассомахи, которые здѣсь во множествѣ водятся, нашли доступъ къ нашимъ запасамъ и все истребили, какъ нашъ провіантъ, такъ и кормъ собачій. Наши запасы вышли, и несмотря на бережливость, съ какою дѣлили мы найденную въ одной сайбѣ поклажу, принуждены мы были два послѣдніе дня оставаться безъ пищи. Я утѣшалъ моихъ товарищей, увѣряя, что въ слѣдствіе сдѣланнаго мною передъ отъѣздомъ распоряженія, на Сухарномъ островѣ ожидаютъ насъ нарты съ новыми собаками и провіантомъ; но моя надежда не сбылась, * и мы принуждены были, томясь голодомъ, продолжать путь на обезсиленныхъ и измученныхъ собакахъ.

Марта 14-го прибыли мы наконецъ, послѣ 23-хъ дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего до 1122 верстъ, въ Нижне-Колымскъ, гдѣ въ полномъ смыслѣ наслаждались пріятностями топленой комнаты и порядочно свареной пищи. Здѣсь нашли мы доктора Кибера, который еще 20-го Фе-

* Причиною тому былъ поздный пріѣздъ окружнаго Коммисара изъ Средне-Колымска. Купцы, отправлявшіеся въ Островное на ярмарку, должны были на Алюъ долго ожидать его, а потому собаки ихъ возвратились только 20-го Марта, когда по моему разчету не позже 10 Марта, могли онѣ уже быть въ Сухарномъ, гдѣ два дня отдыха и хорошій кормъ совершенно ихъ оправили бъ. Такое позднее возвращеніе собакъ, которыхъ мы хотѣли употребить для нашего втораго путешествія по льду, значительно замедлило нашъ отъѣздъ.

враля прибылъ изъ Иркутска; но, къ сожалѣнію, затруднительная зимняя дорога такъ повредила его здоровью, что во второмъ путешествіи по льду онъ не могъ участвовать.

Марта 19-го возвратился г. Матюшкинъ изъ Островнаго, гдѣ онъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Чукотскіе старшины съ удовольствіемъ и благодарностію приняли привезенные имъ подарки, и увѣряли, что мы встрѣтимъ самый дружескій пріемъ, если посѣтимъ ихъ страну и жилища. О землѣ, которая будто бы видна въ морѣ съ береговъ, никто изъ Чукчей не зналъ.

Цѣлью путешествія г. Матюшкина было, какъ я уже сказалъ, предупрежденіе недовѣрчивыхъ Чукчей о нашемъ посѣщеніи и опытъ пріобрѣсти ихъ расположеніе предварительными подарками и указаніемъ тѣхъ выгодъ, какія могутъ они извлечь изъ дружелюбныхъ сношеній и торговли съ Рускими. Хотя отзывы Чукчей дѣлали невѣроятнымъ открытіе земли, которая по предположеніямъ видна съ ихъ береговъ, но путешествіе г. Матюшкина тѣмъ занимательно, что знакомитъ насъ, изъ многихъ кочевыхъ племенъ, живущихъ подъ скипетромъ Россіи, именно съ такимъ народомъ, о которомъ до сихъ поръ было только извѣстно, что онъ обитаетъ по сѣверовосточнымъ берегамъ Ледовитаго моря, въ странѣ, климатъ которой можетъ устрашить самаго страстнаго и неутомимаго путешественника.

Мы тотчасъ начали приготовляться ко второму путешествію по льду, но прежде нежели приступлю я къ описанію его, для соблюденія порядка времени и полноты предмета неизлишнимъ будетъ представить краткое извлеченіе изъ отчета г-на Матюшкина о посѣщеніи Островенской ярмарки.

ГЛАВА VII.

Отчетъ г-на Матюшкина о поѣздкѣ въ мѣстечко Островное и тамошней ярмаркѣ. Замѣчания о встрѣченныхъ Чукчахъ и о шаманахъ.

Марта 4-го отправились мы, на двухъ нартахъ, изъ Нижне-Колымска въ Островное. Меня сопровождали казакъ и Якутъ, знавшій Чукотскій языкъ, и сверхъ того извѣстный Англійскій пѣшеходъ Кокренъ, который хотѣлъ отправиться изъ Островнаго, съ возвращающимися Чукчами, на Чукотскій Носъ, а оттуда перейдти въ Америку.

Глубокій снѣгъ, наметенный сильною вьюгою огромными грудами, весьма затруднялъ ѣзду, такъ что въ первый день, не смотря на всѣ усилія, мы не могли достигнуть поварни, въ 40 верстахъ отъ Нижне-Колымска устроенной. Надобно было провести ночь подъ открытымъ небомъ. Мы вы-

брали для привала высокій берегъ рѣки, защищенный отъ сѣвернаго вѣтра небольшимъ лѣсомъ. Къ счастію, погода, по здѣшнимъ понятіямъ, была очень тепла (термометръ показывалъ только 8° холода), и мы провели ночь, около большаго костра, очень хорошо.

На другой день, рано по утру, отправились далѣе и ѣхали скоро, по хорошей дорогѣ, проложенной Юкагирами и другими окрестными жителями, которые съ своими товарами (мѣхами и рыбою) спѣшили на ярмарку въ Островное. Мы скоро достигли Малаго, или Сухаго Анюя, и поѣхали къ его вершинѣ (почти прямо на востокъ), стараясь по возможности сокращать прямыми линіями частые изгибы рѣки. По берегамъ ея разсѣяны Юкагирскія селенія и лѣтовья, но теперь домы были пусты, потому что всѣ жители уѣхали на ярмарку. *

Марта 8-го прибыли мы счастливо въ Островное, мѣстечко, величаемое крѣпостью; оно лежитъ въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска, и устроено на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Анюемъ, подъ 196° 10′ долготы и 68° широты. Кромѣ полуразвалившейся часовни Святаго Николая, въ немъ находится до 30-ти домовъ и

* За 40 лѣтъ прежде, ярмарка производилась въ Анадырскомъ и Каменномъ, куда и нынѣ собираются Чукчи и сосѣднія племена, но тамъ Русскихъ товаровъ обращается не много. Главный торгъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, единственно по взаимному согласію торгующихъ, переведенъ въ Островное, которое по положенію своему гораздо удобнѣе для Русскихъ купцовъ.

юртъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ. Крѣпость состоитъ изъ мѣста, обнесеннаго заборомъ, съ ветхою башнею надъ воротами; въ срединѣ построены двѣ, такъ называемыя, казармы, т. е. хижины для коммисара съ канцеляріею и сопровождающими его казаками; во время ярмарки всѣ строенія мѣстечка набиты людьми и недостаточны для вмѣщенія многочисленныхъ посѣтителей, которые, по большей части, живутъ на открытомъ воздухѣ подлѣ своихъ нартъ и товаровъ. Чукчи разбиваютъ свои палатки на маленькомъ островѣ, недалеко отъ мѣста торга.

Вся окрестность оживлялась народомъ и дѣятельностью. Картина представляла много страннаго, но тѣмъ не менѣе была пріятна и носила на себѣ отпечатокъ оригинальности. Крѣпость и окрестные домы, съ трудомъ вырытые изъ-подъ снѣга, не были большимъ украшеніемъ ландшафта, но вечеромъ, когда всѣ недостатки строеній скрывались, а тускло свѣтящіеся сквозь ледяныя стекла огни обличали близость жилья человѣческаго, видъ селенія производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Пылающіе костры, разложенные подлѣ возовъ и нартъ, высокіе столбы красноватаго, искристаго дыма, возстающіе изъ Чукотскихъ палатокъ и постепенно исчезающіе на темноголубомъ небосклонѣ, усѣянномъ ярко-блестящими звѣздами, и перебѣгающіе по краямъ горизонта красные и зеленовато-бѣлые лучи сѣвернаго сіянія, бросали на окрестность какой-то необыкновенный для непривычнаго глаза свѣтъ. Вдали

раздавались глухіе звуки шаманскихъ бубновъ и протяжныя пѣсни Сибиряковъ. Новизна такого зрѣлища въ безмолвныхъ пустыняхъ сѣвера имѣла для меня много привлекательнаго; я могъ бы даже восхищаться живою картиною Сибирской жизни, но рѣзкій, въ 30° холодъ гналъ несроднившагося съ здѣшнимъ климатомъ къ горящему чувалу, а разноголосный вой нѣсколькихъ сотъ собакъ убивалъ всякое эстетическое расположеніе.

Въ крѣпости останавливается Коммисаръ, съ двумя писцами и нѣсколькими казаками. На время ярмарки пріѣзжаетъ онъ сюда для собиранія податей, надзора за порядкомъ и защиты, въ случаѣ нужды, Русскихъ купцовъ отъ Чукчей. Къ счастію, не бываетъ ссоръ между торгующими, а то деревянныя стѣны крѣпости и Коммисаръ, съ малочисленнымъ, плохо вооруженнымъ гарнизономъ, не были бы въ состояніи ни минуты сопротивляться многочисленной толпѣ воинственныхъ Чукчей. На время ярмарки пріѣзжаетъ изъ Нижне-Колымска и священникъ, привозя съ собою необходимые для священнодѣйствій образа и утварь.

Вмѣстѣ съ нами прибыли въ Островное Рускіе купцы, караваномъ изъ 125-ти вьючныхъ лошадей. Чукчи уже собрались сюда прежде и расположились девятью отдѣльными станами, каждый родоначальникъ съ своими домочадцами особо. Путь сего народа въ Островное довольно замѣчателенъ. Сначала Чукчи переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и намѣнявъ тамъ мѣховъ

и моржовыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами — настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мохомъ, Чукчи часто должны уклоняться отъ прямой дороги и совершаютъ свое путешествіе въ пять и шесть мѣсяцовъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество саней, нагруженныхъ мохомъ для оленей. На берегахъ Чаунской губы Чукчи перемѣняютъ своихъ утомленныхъ оленей у кочующихъ тамъ племенъ и слѣдуютъ далѣе. Посѣщая по дорогѣ ярмарки въ Анадырскѣ и Каменномъ на р. Ижигѣ, Чукчи приходятъ въ Островное обыкновенно въ концѣ Января, или началѣ Февраля. Здѣсь пробываютъ они девять или десять дней, и отправляются обратно прежнимъ путемъ. Обыкновенно караванъ ихъ состоитъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 100 и 150 воиновъ. Такъ проводятъ жизнь свою Чукчи въ безпрерывныхъ переходахъ со всемъ имуществомъ и семействами. Каждый караванъ приходитъ въ Островное однажды въ два года; остальное время проводятъ Чукчи въ горахъ и тундрахъ своей родины, занимаясь охотою и приготовленіями къ переходамъ. Тогда переѣзжаютъ они на утлыхъ байдарахъ черезъ Беринговъ проливъ, пристаютъ обыкновенно для отдыха къ Гвоздевымъ островамъ, и являются въ Сѣверную Америку для мѣны на мѣха своихъ произведеній и Русскихъ товаровъ. Должно удивляться смѣлости, съ какою

народъ, не имѣя понятія о судоходствѣ, совершаетъ на маленькихъ байдарахъ столь большіе переѣзды по бурному и туманному морю.

Впрочемъ, Чукчи составляютъ по настоящему только посредниковъ въ торговлѣ между Рускими и Американцами; собственныхъ своихъ произведеній, кромѣ развѣ оленьихъ шкуръ, пускаютъ они въ оборотъ немного. За Американскія произведенія, мѣха и моржовые клыки, платятъ Чукчи, по большей части, табакомъ, желѣзомъ, бисеромъ и другими Русскими товарами. При семъ торгѣ обѣ стороны, т. е. Чукчи и Рускіе получаютъ огромныя прибыли. Чукчи вымѣниваютъ у Американцовъ за полпуда листоваго табаку партію мѣховъ, которую продаютъ за два пуда и на 100 получаютъ 300 процентовъ выгоды, а Рускіе, заплативъ, по большой мѣрѣ, 160 рублей за два пуда табаку, промѣниваютъ его на мѣха, которые, по крайней мѣрѣ, стоятъ 260 рублей, и выигрываютъ 60 процентовъ.

Мѣха, привозимые Чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржовые ремни и клыки, что все Чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санные полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружія

и Американскія одежды, но какъ такіе товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иголъ, мѣдной, жестяной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера для Американцовъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но въ слѣдствіе мудраго и благодѣтельнаго запрещенія Правительства, сіи предметы не являются открыто въ оборотѣ, а, вѣроятно, только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для Русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромѣ Чукчей, собираются въ Островное всѣ сосѣднія племена изъ-за 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, Ламуты, Тунгусы, Чуванцы, Коряки пріѣзжаютъ сюда многочисленными толпами, частію на собакахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ сіи народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянныя полозья для саней, которыя съ выгодою сбываются Чукчамъ на мѣха. Различіе одеждъ, физіогномій и пріемовъ, пріятно разнообразитъ и оживляетъ видъ торга.

Февраля 10-го собрались Русскіе купцы и Чукотскіе старшины въ крѣпость къ Комиссару, прослушать правила, которыя должны

быть наблюдаемы при торгѣ, и съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Послѣднее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе Русскихъ купцовъ уронило бы непремѣнно цѣну Русскихъ произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 16 лисьихъ и 20 куньихъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить извѣстную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

Февраля 11-го, когда Коммисаръ собралъ съ Чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершались въ часовнѣ торжественное богослуженіе и молебствіе * о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда Чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами, въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Рускіе и другіе посѣтители помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъ-естественная сила схватываетъ Русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною безпорядочною толпою, въ

* Къ сожалѣнію, *шаманское* богослуженіе Чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

ряды Чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшитъ первый подойдти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются Рускіе. Обвѣшенные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однихъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, превозносятъ свои товары, и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшатъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ; онъ тотчасъ вскакиваетъ, и съ непокрытой головой и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью Рускихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность Чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копья, у саней своихъ, и вовсе неотвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ; * если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе, и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера Чукчей, даетъ имъ на торгѣ

* На Островенской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ безпорядочной смѣси Русскихъ, Чукотскихъ, Якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

большое преимущество передъ Рускими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою Чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары размѣнены, Чукчи начинаютъ обратный путь, а Рускіе и другіе посѣтители ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣетъ, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга Сибирская мятель налетитъ на Островное, оно исчезаетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устроивается цвѣтущій торговый городъ. Впрочемъ, не смотря на кратковременность срока и ничтожность податей, платимыхъ Чукчами, ярмарка сія для Сибири довольно значительна. Обыкновенно цѣнность обращающихся здѣсь товаровъ равняется 200,000 рублей. Черезъ постоянныя сообщенія съ Рускими Чукчи познакомились со многими новыми предметами, которые сдѣлались уже для нихъ необходимыми потребностями, какъ то: табакъ и желѣзо. За позволеніе вымѣнивать сіи предметы у Рускихъ, Чукчи, несмотря на свое отвращеніе отъ всякаго признака зависимости, охотно платятъ положенную подать, впро-

чемъ неслишкомъ обременительную. Въ семъ году она состояла изъ 30 лисьихъ мѣховъ. Вѣроятно, Чукчи постепенно подчинились бы нѣкоторымъ постановленіямъ, платежу ежегодно ясака, и наконецъ вполнѣ покорились бы Россіи, какъ другіе Сибирскіе народы, еслибы здѣшніе Коммиссары своимъ поведеніемъ и обращеніемъ умѣли пріобрѣтать довѣренность и уваженіе дикарей. Къ сожалѣнію, случается противное. Боязливость и необдуманность съ одной и низкое корыстолюбіе съ другой стороны вовлекаютъ Коммиссаровъ въ самые недостойные поступки, необходимо унижающіе ихъ въ глазахъ Чукчей, которые отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличаются вѣрнымъ, врожденнымъ понятіемъ о правдѣ.

Я воспользовался временемъ ярмарки, стараясь сблизиться съ почетнѣйшими старшинами Чукчей и предувѣдомить ихъ о нашемъ намѣреніи и цѣли посѣтить Чукотскую землю. Въ крѣпость собрались: *Макамокъ* и *Леутъ*, старшины съ береговъ залива св. Лаврентія, *Валетка*, скитающійся съ безчисленными стадами оленей въ тундрахъ, прилегающихъ къ Шелагскому мысу, *Эврашка*, кочующій съ своимъ племенемъ на берегахъ Чаунской губы, и многіе другіе. Угостивъ и одаривъ ихъ табакомъ, я объявилъ имъ, что Государь поручилъ намъ осмотрѣть Ледовитое море, съ его берегами, для того, чтобы найдти легчайшее средство привозить Чукчамъ на корабляхъ табакъ, желѣзо и другіе товары. Но какъ при такихъ изслѣдованіяхъ легко можетъ

случиться, что мы принуждены будемъ приближаться къ берегамъ ихъ родины, и даже выходить на землю, то мы надѣемся встрѣтить дружескій пріемъ отъ туземцовъ, и обѣщаемся въ послѣдствіи щедро награждать за всѣ оказываемыя намъ услуги. Такое обѣщаніе, кажется, нѣсколько обидило Чукчей, и одинъ изъ нихъ, именно Валетка, между прочимъ сказалъ: «Развѣ мы не «подданные сына солнца (Императора)? Онъ намъ «далъ это оружіе для общей пользы, а не съ «тѣмъ, чтобы мы употребляли его во зло, или «вредили нашимъ друзьямъ.» При сихъ словахъ Чукча съ гордостью схватился за серебряную рукоятку кортика, подареннаго его отцу въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Въ заключеніе всѣ присутствующіе старшины дали мнѣ слово и руки, увѣряя, что они не только примутъ насъ по дружески, но и употребятъ всѣ зависящія средства для споспѣшествованія нашему намѣренію. Договоръ, къ великому удовольствію моихъ гостей, былъ скрѣпленъ порядочною порціею хлѣбнаго вина.

Переговоры моего сопутника Кокрена не были столь удачны. Выдавая себя за купца, онъ просилъ Чукчей провести его до залива св. Лаврентія для переѣзда оттуда въ Америку, обѣщая имъ за то щедрую награду табакомъ и виномъ. Леутъ вызывался доставить Кокрена къ Мегчименской губѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, но требовалъ въ награду 30 пудовъ табаку; Валетка, напротивъ того, хотѣлъ безвозмездно довезти Англичанина

до своего кочевья на рѣку Верконъ, и оттуда отправить съ родственникомъ на Чукотскій Носъ, или въ будущемъ году привезти обратно въ Островное. Леутъ требовалъ цѣну слишкомъ огромную, а безкорыстіе Валетки раждало подозрѣніе. Между тѣмъ Кокренъ, познакомившись нѣсколько съ Чукчами, увидѣлъ, что долгое пребываніе съ ними сопряжено съ безчисленными лишеніями и затрудненіями, не можетъ доставить большаго удовольствія, а при совершенномъ незнаніи ихъ языка будетъ даже безполезно. По симъ причинамъ увѣрившись, что данный ему отъ Губернатора открытый листъ не будетъ большою защитою отъ свирѣпости Чукчей, Кокренъ, рѣшился перемѣнить свое намѣреніе и возвратиться въ Нижне-Колымскъ.

Чукчи еще очень мало извѣстны. Немногіе путешественники, посѣщавшіе сіи страны, по кратковременности сношеній съ жителями и по незнанію туземнаго языка, довольствовались только описаніями одежды, нѣкоторыхъ обычаевъ и богослужебныхъ дѣйствій сего народа. Образъ жизни, внутреннее управленіе и понятія Чукчей еще не раскрыты, а потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для составленія точной и вѣрной идеи о характерѣ сего замѣчательнаго племени. Находясь здѣсь едва нѣсколько дней, я не имѣлъ возможности вопросами ближе познакомиться съ мнѣніями, нравами и обычаями Чукчей. Все вниманіе ихъ было устремлено на предстоявшую предъ ними ярмарку, а потому разговоръ и самыя

мысли болѣе клонились къ торговымъ дѣламъ. Сверхъ того я и несмѣлъ много распрашивать, потому что сей народъ, по врожденной недовѣрчивости, легко могъ получить подозрѣніе: не имѣли ли мы злаго намѣренія на его свободу? Впрочемъ, по возможности старался я собирать свѣдѣнія отъ самихъ Чукчей и отъ живущихъ здѣсь Рускихъ. Такимъ образомъ составлены слѣдующія замѣчанія, которыя, при всей неполнотѣ, могутъ служить дополненіемъ существующихъ, и матеріяломъ будущихъ точнѣйшихъ описаній сего малоизвѣстнаго народа.

Изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи, Чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, предѣлы которой отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири значительно стѣснились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, Чукчи, имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ стадъ, которыя даютъ имъ жилища, одежду, пищу, и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. На снѣжныхъ степяхъ своего мрачнаго, льдистаго отечества, подъ легкими палатками изъ оленьихъ шкуръ, Чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходи-

мыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена Сѣверо-Восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ безпрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги Рускихъ значительно ослабили сіи междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе Якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило всѣ сосѣднія слабѣйшія племена соединиться совершенно съ Чукчами, и выбравъ военноначальниковъ, дружно противостать общему непріятелю. Бой былъ неравенъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, Чукчи, торжествовавшіе всегда надъ слабѣйшими сосѣдями, лишились высокаго понятія о своей непобѣдимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и исхотѣли слѣдовать за ними, въ землю, не обѣщавшую никакого вознагражденія за понесенные труды и опасности.

Рускіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя Рускимъ, Чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе, и нынѣ, какъ мы видѣли, приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ,

въ Русскія владѣнія для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ Рускими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, подобно Юкагирамъ, Чуванцамъ, Корякамъ, и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, Чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ Рускими.

Многіе Чукчи крещены, но это не имѣло никакого дальнѣйшаго вліянія; они остаются крещеными язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія. Большей части Чукчей крещеніе составляетъ только спекуляцію, посредствомъ которой они надѣются получить нѣсколько фунтовъ табаку, мѣдный котелъ и тому подобные подарки. Отъ того нерѣдко случается, что иные добровольно вызываются вторично креститься, и явно выражаютъ свое негодованіе, когда имъ въ томъ отказываютъ. Священникъ, пріѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмарки въ Островное, обыкновенно находитъ нѣсколькихъ Чукчей и Ламутовъ, которые, въ надеждѣ получить подарки, согласны на крещеніе. При насъ также одинъ молодой Чукча объявилъ, что онъ, за нѣсколько фунтовъ Черкескаго табаку, желаетъ окреститься. Въ назначенный день собралось въ часовню множество народа и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ смирно и благопристойно, но когда слѣдовало ему окунуться три раза въ купель съ холодною

водою, онъ спокойно покачалъ головой и представилъ множество причинъ, что такое дѣйствіе во все не нужно. Послѣ долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обѣщанный табакъ, Чукча наконецъ рѣшился и съ видимымъ нехотѣніемъ вскочилъ въ купель, но тотчасъ выскочилъ, и дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовнѣ, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить Чукчу дождаться окончанія дѣйствія; онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣтъ! болѣе не хочу, болѣе «не нужно! Давай табакъ.»

Сей случай можетъ служить образчикомъ понятій здѣшнихъ новообращенныхъ о христіанствѣ, которое впрочемъ не можетъ имѣть достаточнаго вліянія и пользы, даже и потому, что не предшествуется предварительнымъ ученіемъ. Кажется, что самое введеніе христіанства, при уединенной, бродячей жизни, еще невозможно тѣмъ болѣе, что священники, по недостаточному знанію языка, не въ состояніи удовлетворительно объяснять основныхъ понятій христіанскаго ученія. С. Петербургское Библейское Общество перевело на Чукотскій языкъ десять заповѣдей, Отче нашъ, Символъ Вѣры, и если не ошибаюсь, часть Евангелія, напечатало Русскими буквами и прислало сюда, но сей трудъ не можетъ принести большой пользы. Въ грубомъ Чукотскомъ языкѣ недостаетъ словъ для выраженія новыхъ, отвлеченныхъ понятій, а Рускія

буквы не могутъ передать многихъ звуковъ, и потому, по свидѣтельству священника и почетнѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, переводъ весьма неудовлетворителенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Вообще крещеные Чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принесть какую нибудь пользу. Такъ, на прим., не смотря на крещеніе, богатые Чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается съ своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи сего народа суровы и часто свирѣпы. Такъ, на примѣръ, сохранилось у нихъ противоестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, раждающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при семъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія Пра-

вительства и духовенства, сей ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще пріобрѣли большую властъ и сильное вліяніе надъ Чукчами. Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814-мъ году, между Чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась вскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Коченъ, одинъ изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Коченъ былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что Чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изрѣченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки, угрозы, можетъ быть и побои, * не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Коченъ, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для

* Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отмѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части, шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Такъ сильно вліяніе шаманства, которое заступаетъ здѣсь мѣсто религіи и отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, сбивчивыхъ преданій, никакихъ догматовъ, или правилъ, оно не имѣетъ, почему ученіе или преподаваніе шаманства невозможно. То, во что вѣрятъ шаманы и ихъ приверженцы, никѣмъ не выдумано, и не есть твореніе одного человѣка, но раждается въ понятіяхъ каждаго отъ созерцанія внѣшнихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустынь Сибири одинаковъ съ степенью образованія, на которой стоятъ ея полудикіе обитатели, то и самыя впечатлѣнія внѣшнія, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видитъ и чувствуетъ для себя, но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра и цѣлаго народа. Отъ того, что шаманство есть, такъ сказать, твореніе каждаго, и каждому, какъ своя собственность, дорого, помоему мнѣнію, оно столь долго сохраняется, и не истребится между Сибирскими племенами до тѣхъ

поръ, пока они не выйдутъ изъ полудикаго состоянія, или не оставятъ тундръ и скалъ своего отечества, раждающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатлѣнія. Когда кочующія племена получатъ осѣдлость, и наставленія и примѣръ образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь и христіанство.

Обыкновенно, общее мнѣніе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, пляска и кривлянія которыхъ простое притворство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ Сибири, сей приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ односторонень, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенія въ селеніе, и разными, по видимому сверхъ-естественными дѣйствіями, какъ то: безвредныхъ хватаніемъ раскаленнаго желѣза, прокалываніемъ руки длинною иголкою, и т. д., удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ соединеннаго для извѣстной цѣли сословія, но образуются и совершенствуются сами собою. Среди народа раждаются люди съ сильнымъ, легко воспламеняемымъ воображеніемъ; съ малолѣтства слышатъ отъ стар-

шихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видятъ шаманскіе обряды, и неестественныя судорожныя движенія, всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщества съ неземнымъ. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; сами шаманы незнаютъ, какимъ образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самого себя и окружающей его мрачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорячительныя средства напрягаютъ и растроиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ явленія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣритъ имъ твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы; торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его плескѣ и пріемамъ на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не производитъ какой нибудь перемѣны въ его духѣ; оно просто внѣшняя церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣритъ, есть и остается слѣдствіемъ расположенія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманнымъ обманомъ, или притворствомъ. Всякій, кто видѣлъ и наблюдалъ истиннаго шамана, въ высшей степени восторга, согласится со мною, что шаманъ, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, не можетъ и не хочетъ обманывать, и что такое состояніе про-

исходитъ отъ невольнаго, неопреодолимаго вліянія чрезмѣрно напряженнаго и разстроеннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе. Пляска и гаданія шамановъ дѣлали на меня всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикій взоръ, налитые кровью глаза, сиплый голосъ, съ трудомъ вырывающееся изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, стоящіе дыбомъ волосы, глухой звукъ бубновъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поражающее всякаго, даже и образованнаго человѣка. Мудрено ли, что необразованныя дикія дѣти природы видятъ въ томъ мрачное дѣйствіе злаго духа?

Но пора возвратиться къ ярмаркѣ и Чукчамъ. Ихъ палатки, какъ мы сказали, были расположены нѣсколькими отдѣльными группами, и представляли, хотя не привлекательное, но довольно живописное зрѣлище. Въ срединѣ каждаго отдѣленія, обыкновенно изъ десяти, или двадцати палатокъ состоящаго, стоитъ, прислоняясь къ дереву, большой высокій шатеръ старшины; вокругъ помѣщаются дорожныя сани и привязываются избранные домашніе олени; остальные большими табунами пасутся на тундрѣ и сами выгребаютъ себѣ пищу изъ-подъ снѣга. На вѣтвяхъ дерева развѣшены въ безпорядкѣ луки, колчаны, одежды, разноцвѣтные мѣха и домашняя посуда. Изъ палатокъ поднимаются столбы искристаго дыма; иногда на снѣгу разложенъ огонь

и на немъ, въ котлахъ, варится оленина. Между палатками снуютъ закутанные въ мѣховыя платья, покрытые инеемъ Чукчи, и не смотря на морозъ въ 34°, спокойно и весело суетятся. Подумаешь по неволѣ, что они во все не знаютъ, что такое стужа!

Палатки сшиваются изъ мягко выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ (ровдугъ) и растягиваются на нѣсколькихъ шестахъ, соединенныхъ верхними концами. Вверху оставляется отверзтіе для дыма. Подъ наметомъ помѣщаются: кухня, гдѣ привѣшивается большой желѣзный котелъ, подъ которымъ раскладывается огонь, и собственно-жилая комната, или пологъ. Послѣдній ни что иное, какъ большой мѣшокъ, сшитый изъ двойныхъ, тончайшихъ шкуръ молодыхъ оленей; онъ растягивается на тонкихъ шестахъ, въ видѣ большаго четыре - угольнаго ящика, безъ всякаго отверзтія для воздуха, или свѣта. Въ пологъ можно только сидѣть и двигаться на колѣняхъ. Входящій поднимаетъ одну изъ шкуръ, служащихъ стѣнами полога, но столько, чтобы съ трудомъ можно было проползти на четверенькахъ, а потомъ опускаетъ и затыкаетъ подъ мѣха, лежащіе на полу. Для освѣщенія и нагрѣванія полога стоитъ въ срединѣ довольно большой глиняный сосудъ, въ которомъ день и ночь горитъ мохъ въ китовомъ жиру. Этотъ огонь производитъ такой жаръ въ пологѣ, что Чукчи сидятъ въ немъ при сильнѣйшихъ морозахъ, совершенно нагіе. Иногда подъ однимъ наметомъ находятся два, или три полога,

изъ которыхъ въ каждомъ живутъ отдѣльныя семейства, или жены хозяина съ своими дѣтьми.

Леутъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ, пригласилъ меня къ себѣ, и я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь Чукчей, но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ вышеписаннымъ образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ Чукчей! Жена и семнадцати-лѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ, домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли, * и прибавивъ къ тому порядочную порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидить хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ олепины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набивалъ

* Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не употребляютъ и не любятъ соли.

себѣ ротъ мясомъ и китовымъ жиромъ, превозносся ломанымъ Русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены приготовлять китовый жиръ, такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посѣщеніе, спѣша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣриваніе. Леутъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ Чукотскихъ старшинъ, и по его житью можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ Чукчей. Удивительно, какъ при такой неопрятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ сей остается сильнымъ и здоровымъ. Вообще Чукчи высокаго, стройнаго роста; окладомъ лица похожи на нагорныхъ Якутовъ (живущихъ въокрестностяхъ Якутска), но отличаются языкомъ и одеждою. Произношеніе Чукотскаго языка чрезвычайно трудно для Европейца, потому, что слова состоятъ почти исключительно изъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Многіе звуки напоминаютъ гоготъ гуся, хорканіе оленя и лай собаки.

Другой старшина, Макомокъ, пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ Чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти всѣ посѣтители ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличные клыка моржовые. По данному

знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искуству управлять симъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

Послѣ того бѣгали въ запуски—въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому, что Чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость Чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое ободреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоявшее изъ вареной оленины, разрѣзанной на мѣлкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

На другой день большое общество Чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло комнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разно-

цвѣтнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска Чукчей заключала въ себѣ много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и болѣе, закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Вмѣсто музыки, нѣсколько Чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимое народное pas de trois, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, непосвященные въ таинства Чукотскаго вкуса, видѣли только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакожь, что онѣ дѣлали, дѣйствительно, не человѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту моего толмача предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и Чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну.

На шестой день послѣ нашего пріѣзда ярмарка окончилась. Чукотскіе старшины пришли еще разъ со мной проститься, и потомъ въ шести карава-

нахъ потянулись въ свое отечество. Тоже сдѣлали и другіе посѣтители ярмарки. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ Колымскими купцами, Комиссаромъ и священникомъ. Островное опустѣло. Свѣжій снѣгъ изгладилъ слѣды многочисленныхъ посѣтителей. Тотчасъ явились стаи голодныхъ лисицъ и песцовъ, и въ короткое время уничтожили всѣ кости и остатки, валявшіеся грудами около жилищъ и становъ.

Марта 16-го выѣхали мы изъ Островнаго. Обратный путь, по хорошо уѣзженной дорогѣ, на отдохнувшихъ и откормленныхъ собакахъ, шелъ очень быстро, такъ, что 19-го Марта благополучно прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года.—Состояніе картъ въ то время.—Назначеніе отряда къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири. . . . 1

Глава II. Отъѣздъ экспедиціи изъ С. Петербурга. — Прибытіе въ Иркутскъ. — Плаваніе по рѣкѣ Ленѣ. — Городъ Якутскъ. 148

Глава III. Путь отъ Якутска до Нижне-Колымска. — Вьючныя лошади. — Первый ночлегъ. Якуты. Якутское селеніе Міоре.—Юрты, одежды, обряды, пѣсни, пища Якутовъ.—Якутскія деревни.—Черта Якутскаго характера. — Рѣка Алданъ, рѣка Тукуланъ. — Ночлегъ въ лѣсу.—Верхо-Янскій хребетъ. — Бродячіе Тунгусы. —Станки Бараласъ и Таболхъ.—Городокъ Зашиверскъ.—Окрестные жители.—Рѣка Алазея. Станокъ Сардахъ. — Средне-Колымскъ.—Зимнее дорожное платье. — Рѣка Омолонъ.—Ѣзда на собакахъ.—Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. 174

Глава IV. Общія замѣчанія о низовой части Колымы и жителяхъ ея. Рѣка Колыма.—Климатъ.—Жители.—Селенія. — Берега. — Одѣянія.—Образъ жизни. — Голодъ.—Рыбные промыслы.—Бережеміе рыбы въ прокъ. Охота за оленями. — Пушные звѣри и ловля ихъ. — Собаки, необходимый рабочій скотъ. 221

Стр.

Глава V. Нижне-Колымскъ.—Обзаведеніе наше.—Пріуготовленіе экспедиціи.—Основательное сомнѣніе объ открытіяхъ сержанта Андреева.—Прибытіе Англійскаго путешественника Кокрена. Вечеринка.—Прибытіе штурмана Козьмина.—Поѣздка на собакахъ.—Необходимое отступленіе отъ первоначальнаго плана. — Извѣстіе о прибытіи Чукчей съ Малаго Анюя и отъѣздъ г. Матюшкина въ Островное. 269

Глава VI. Первое путешествіе на партахъ по льду въ море.—Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска.—Сухарный островъ. — Барановъ Камень. — Ровный, низменный морской берегъ. — Большая Баранова рѣка.—Холодъ.—Первые слѣды Чукчей.—Метеоръ. — Проливъ Собадей. — Песчаный мысъ. — Шелагскій мысъ. — Скала Козьмина. Стадухинскій волокъ. — Мысъ Матюшкина. — Островъ Араутанъ.—Потеря съѣстныхъ припасовъ.—Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ . 290

Глава VII. Отчетъ г-на Матюшкина о поѣздкѣ въ мѣстечко Островное и тамошней ярмаркѣ.—Замѣчанія о встрѣченныхъ Чукчахъ и о Шаманахъ 328

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стрн.	Строк.	Напечатано:	Читать:
48	3	71° 31′	71° 33′
74	4	отъ 2-й до 7 мили	на 2 итал. мили
116	9	*песконе*	*песхоне*
222	11	въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примыло тонкіе слои земли къ утесамъ	примыло къ горамъ земляную измѣнность.
	22 23 24	Кондакова, имѣющаго всѣ свойства лавы, встрѣчаются известковые шары, которые заключаютъ въ себѣ миндалеобразные кристалы халкедоновые и аметистовые.	Кандакова находятся въ аспидѣ известковые шары, заключающіе внутри кристалы аметистовъ и халкедоновъ, въ видѣ такъ называемыхъ щетокъ.
224	49	ручейковъ	протоковъ
226	21	Сентября; тогда....	Сентября и продолжается до Ноября; тогда.....
	22	обыкновенно	не рѣдко
229	въ вынос. 2-я снизу	свѣжихъ съѣстныхъ припасовъ	врачебныхъ пособій

Стрн.	Строк.	Напечатано:	Читать:
230	1	равнинахъ, столь силь-наго	равнинахъ, бываю-щаго съ появленіемъ солнца надъ гори-зонтомъ, столь силь-нымъ.
въ выноскѣ послѣд. стр.		Выводы его опытовъ помѣщены ниже—это совер-шенно *выпустить*, потому что они *не* помѣщены.	
258	22	Юкагира	Якута
266	12	въ Германіи	въ другихъ странахъ
267	6	въ котлѣ	въ черномъ чайникѣ
271	11	двѣ	четыре
272	10	на берегахъ	близъ береговъ
282	2	олевины	говядины

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СИБИРИ И ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ

И

ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ,

СОВЕРШЕННОЕ, ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 И 1824 ГГ., ЭКСПЕДИЦІЕЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда Фонъ-Врангеля.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Акт. 6059.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Февраля 10 дня, 1840 года.

Цензоръ *С. Куторга.*

ГЛАВА I.

Второе путешествіе по льду.— Приготовленія.—Планъ.—Отъѣздъ.—Медвѣжья охота.—Ночлегъ на морскомъ льду.—Глазная болѣзнь.—Четыре-Столбовой островъ.—Разсолъ.—Ломка льдовъ.—Цѣпь торосовъ.—Торосы стараго образованія.—Средство сохранять курсъ среди торосовъ.—Складъ провіанта во льду.—Ледяной хребетъ.—Праздникъ Пасхи.—Бѣлые медвѣди.—*Медвѣжій островъ* и *Крестовый островъ*.—Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ.

Приготовленія къ нашей второй поѣздкѣ ничѣмъ почти не отличались отъ приготовленій къ первой, но только производились въ большемъ объемѣ. Узнавъ собственнымъ опытомъ затрудненія и препятствія, какія наиболѣе встрѣчаются въ подобномъ путешествіи, мы принимали для отклоненія ихъ всѣ зависѣвшія отъ насъ мѣры. Прокладывать дорогу черезъ высокія, плотныя купы торосовъ, которыя по мѣрѣ нашего удаленія въ море должны были попадаться намъ чаще, взяли мы нѣсколько пешней, а для переправъ чрезъ полыньи легкую кожаную лодку.

Испытавъ, какъ вредна для санныхъ полозьевъ ѣзда по морскому разсолу, или по снѣгу, смерзшемуся остроконечными кристаллами, и предвидя, что по причинѣ поздняго времени намъ часто придется ѣхать такою дорогою, мы запаслись китовыми ребрами, чтобы въ случаѣ надобности подвязывать ихъ подъ нарты. Изъ инструментовъ, кромѣ прежнихъ, я взялъ еще съ собою *инклинаторъ* и *лотъ съ линемъ*.

Провіантомъ для насъ и кормомъ для собакъ запаслись мы на 30-ть дней, надѣясь, при удачной медвѣжьей охотѣ, и долѣе держаться въ морѣ.

Назначенныя собственно для путешествія, шесть самыхъ прочныхъ и длинныхъ нартъ, съ надежными упряжками, находились уже съ 16-го Марта въ Сухарномъ, гдѣ собаки отдыхомъ и хорошимъ кормомъ приготовлялись къ продолжительному путешествію. Марта 22-го отправился въ Сухарное г. Матюшкинъ, съ остальными 14-ю транспортными нартами, чтобы присутствовать при нагрузкѣ провіанта и другихъ вещей для экспедиціи; 25-го числа прибылъ я самъ въ Сухарное и нашелъ все готовымъ и въ наилучшемъ порядкѣ. Нарты, каждая съ грузомъ въ 30-ть пудовъ, были плотно обвернуты и обвязаны; полозья, облитыя нѣсколько разъ водою, снабжены были толстыми ледяными тормозами; собаки, отдохнувшія и хорошо откормленныя, видимо поправились.

Въ путешествіи моемъ сопровождали меня г.

Матюшкинъ *, отставной унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ и матросъ Нехорошковъ. Кромѣ того, Колымскій купецъ Бережной добровольно вызвался ѣхать съ нами, на двухъ собственныхъ своихъ нартахъ и съ своимъ кормомъ. Шестью путевыми нартами правили три казака, одинъ Русскій крестьянинъ и два Юкагира съ Большаго Анюя; транспортныя нарты были поручены отчасти казакамъ, отчасти Колымскимъ жителямъ и Юкагирамъ.

Марта 26-го, при легкомъ ZO вѣтрѣ, безоблачномъ небѣ и 5° холода, мы отправились въ путь. Къ вечеру достигли мы Малаго Баранова Камня и остановились въ той же поварнѣ, гдѣ ночевали въ прошломъ году. На берегу лежало много наноснаго лѣса, и мы нагрузили имъ, по возможности, наши нарты, такъ, что запаслись дровами дней на двадцать пять.

Согласно съ данною мнѣ инструкціею надлежало начать опись и изслѣдованіе прямо отъ Шелагскаго мыса къ сѣверу, но мнѣ казалось необходимымъ осмотрѣть предварительно море къ сѣверу отъ Барановыхъ Камней. Къ тому побудило меня, во первыхъ, опасеніе заложить на Шелагскомъ мысу складку провіанта, необходимаго для продолженія путешествія, ибо по сосѣдству съ Чукчами легко могъ онъ сдѣлаться

* Штурманъ Козьминъ остался въ Нижне-Колымскѣ, для постройки гребнаго судна, на которомъ будущимъ лѣтомъ предполагалъ я отправиться для описи устья Колымы и сосѣднихъ морскихъ береговъ.

ихъ добычею; во вторыхъ то, что въ прошлогодней поѣздкѣ имѣли уже мы случай замѣтить, какія непреодолимыя препятствія и непроходимыя стѣны торосовъ ожидаютъ путешественника на сѣверъ отъ Шелагскаго мыса; въ третьихъ, наконецъ, самая дорога до мыса требовала столько времени и такъ могла изнурить собакъ, обезсиленныхъ зимними работами, что мы уже не могли бы проникнуть далеко на сѣверъ. По симъ соображеніямъ рѣшился я оставить твердую землю и прямо отъ Баранова Камня взять направленіе къ сѣверу. Марта 27-го въ 11-ть часовъ утра, когда густой туманъ нѣсколько разсѣялся, мы поѣхали далѣе. Термометръ показывалъ по утру 10°, а къ вечеру $8^1/_2$° холода. Наклоненіе магнитной стрѣлки равнялось 77° $37^1/_2'$. Двадцать двѣ нарты нашего каравана, слѣдуя одна за другой, составляли линію на полверсты длиною.

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ берега тянулась длинная цѣпь высокихъ торосовъ, верстъ на семь шириною. Высота льдинъ и огромныя груды рыхлаго снѣга въ промежуткахъ весьма затрудняли путь и утомляли собакъ. Почти въ срединѣ цѣпи находилась довольно широкая щель, черезъ которую морская вода выступала на ледъ. Мы нашли возможность объѣхать ее, и послѣ трехъ часовъ утомительной ѣзды выбрались изъ лабиринта льдовъ. Передъ нами открылась необозримая, гладкая ледяная равнина. Какъ острова среди океана, подымались на ней изрѣдка отдѣльныя, блестящей бѣлизны льдины. На-

дежда на быстрое и безостановочное путешествіе изгладила у насъ изъ памяти всякое воспоминаніе о перенесенныхъ трудахъ. Съ начала, мы смотрѣли на ровную, неподвижную поверхность съ пріятнымъ чувствомъ, какое испытываетъ мореходецъ, выбравшись въ открытый океанъ изъ опасныхъ прибрежныхъ отмѣлей. Вскорѣ однакожь увѣрились мы въ безконечномъ различіи между оживленнымъ, безпрерывно движущимся океаномъ и убійственною однообразностью окружавшей насъ ледяной пустыни, видъ которой утомлялъ взоръ и наводилъ невольное уныніе на человѣка.

Въ первыхъ порывахъ радости о преодолѣнныхъ препятствіяхъ и трудахъ, которую, казалось, раздѣляли съ нами самыя собаки наши, бѣжавшія безъ всякаго понужденія весьма скоро, проѣхали мы 11-ть верстъ въ прямомъ направленіи къ сѣверу. Здѣсь велѣлъ я остановиться, желая дать роздыхъ собакамъ и подождать транспортныхъ партъ, отставшихъ въ торосахъ. Едва расположились мы на снѣгу, вдругъ изъ-за высокой льдины выскочилъ огромный бѣлый медвѣдь и хотѣлъ броситься на насъ. Ужасный лай и вой сотни собакъ устрашили звѣря и онъ побѣжалъ отъ насъ. Мгновенно всѣ вскочили, и вооруженные ружьями, копьями и стрѣлами, погнались за непріятелемъ. Травля продолжалась три часа. Раненый тремя стрѣлами и двумя пулями, медвѣдь все еще болѣе и болѣе свирѣпѣлъ, и наконецъ остановясь и поднявшись на заднія

лапы, съ воемъ бросился на охотниковъ. Къ счастью, медвѣдь напалъ на казака Котельникова, который неустрашимо подпустилъ его къ себѣ на пять шаговъ, всадилъ ему пулю въ грудь, и съ удивительною силою и отвагою свалилъ яростнаго звѣря копьемъ на ледъ. Подоспѣвшіе охотники довершили побѣду. Убитый медвѣдь былъ огромнаго роста; длина его отъ морды до корня хвоста равнялась 4-мъ аршинамъ; къ тому же онъ былъ очень жиренъ, и такъ тяжелъ, что 12-ть здоровыхъ собакъ насилу могли стащить его съ мѣста; судя по тому, въ немъ было до 35-ти пудовъ вѣсу.

Во время охоты прибыли нѣкоторыя изъ транспортныхъ нартъ и привезли извѣстіе, что двѣ нарты сильно повредились въ торосахъ и остались тамъ безъ всякой помощи. На выручку къ нимъ тотчасъ отправилъ я три разгруженныя нарты. Черезъ два часа всѣ наши сопутники собрались, хотя промокшіе и облѣпленные клочьями снѣга и льду, но безъ большаго вреда.

Всѣ сіи происшествія заняли много времени; между тѣмъ становилось уже поздно; люди и собаки до того утомились, что рѣшено было остаться здѣсь ночевать. Лагерь нашъ располагался слѣдующимъ образомъ: въ срединѣ помѣщался нашъ большой *урасъ*, составляя, какъ будто главную квартиру; около него растягивались четыре небольшія четыреугольныя палатки, въ родѣ *пологовъ*, принадлежавшія купцу Бережному и нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ проводниковъ.

Кругомъ ставились нарты, и къ нимъ привязывались собаки; онѣ могли такимъ образомъ охранять весь лагерь отъ ночныхъ нападеній бѣлыхъ медвѣдей. Чутье здѣшнихъ собакъ стоитъ удивленія; даже во время сна, спрятавъ морду въ шерсть, онѣ чувствуютъ приближеніе непріятеля, и всегда общимъ лаемъ и воемъ пугаютъ его, увѣдомляя хозяина о приближеніи опасности.

Погода была прекрасная. Передъ сномъ, пользуясь сумерками, занимались мы стрѣляньемъ и метаньемъ въ цѣль. Небольшая льдина представляла медвѣдя; на ней обозначены были глаза, морда и сердце, и кто попадалъ въ одно изъ сихъ мѣстъ, получалъ право участвовать въ будущей медвѣжьей травлѣ. Вообще промаховъ было дано мало. Другая часть общества чинила между тѣмъ нарты, варила ужинъ, потрошила и раздѣляла медвѣдя, * и т. д. Особенное вниманіе наше было обращено на сбереженіе дровъ, ибо мы взяли ихъ съ собою весьма незначительное количество и въ случаѣ недостатка не могли ничѣмъ замѣнить. Для надзора за расходомъ сего необходимаго для насъ запаса приставленъ былъ особый, надежный казакъ, и ему было поручено собирать при рубкѣ дровъ всѣ щепки и кусочки, такъ, чтобы ничего не пропадало. Въ обязанность ему поставлено было также наблюдать, чтобы огни, тотчасъ по свареніи похлѣбки, или чая,

* Замѣчательно, что собаки ѣдятъ съ жадностью мерзлое медвѣжье мясо, а до теплаго даже при сильномъ голодѣ, не дотрогиваются.

тушили, а головешки и уголья сохраняли до другаго дня. Вообще должно замѣтить, что въ нашемъ небольшомъ хозяйствѣ ввели мы всевозможный порядокъ и бережливость. Провіантъ раздавался также однимъ, собственно для того назначеннымъ казакомъ. Каждый кусокъ рыбы и остатки каши и мяса добросовѣстно возвращались отъ всѣхъ въ общую кучу запасовъ, для употребленія на слѣдующій день.

Марта 28-го, по утру, термометръ показывалъ 12°, а къ вечеру 10° холода. При большомъ количествѣ нашихъ собакъ, мы издержали на ихъ кормъ столько рыбы, что отсюда одну нарту отослали въ Нижне-Колымскъ. Въ 9-ть часовъ утра, весь отрядъ нашъ двинулся въ дальнѣйшій походъ на NW 15°, направляясь на замѣтныя, въ отдаленія лежащія льдины, для сохраненія прямой линіи. Попутный юго-восточный вѣтеръ и гладкая поверхность льда благопріятствовали нашему путешествію. Въ полдень остановились мы для наблюденій *, по которымъ вывели 69° 58′ широты. Большой Барановъ Камень лежалъ отсюда, по компасу, на NO 73½°. На пути часто встрѣчали мы слѣды песцовъ, лежавшіе по одному съ нами направленію. Такое обстоятельство имѣло выгодныя для насъ послѣдствія: собаки,

* Кажется, будетъ излишне упоминать, что при нашихъ поѣздкахъ наблюдали мы высоты разныхъ свѣтилъ посредствомъ ртутнаго горизонта, потому что истинный горизонтъ на Ледовитомъ морѣ ограничивается, по большей части, неровностями и не ясною чертою.

желая догнать звѣря, добровольно бѣжали весьма скоро. Проѣхавъ 48-мь верстъ, выбрали мы для ночлега мѣсто, нѣсколько покрытое снѣгомъ. Лагерь нашъ былъ опять устроенъ вышеописаннымъ порядкомъ. Обсервованная здѣсь широта равнялась 70° 12½′. Большой Барановъ Камень видѣнъ былъ на SO 56°, въ разстояніи 39-ти Итальянскихъ миль. Наклоненіе магнитной стрѣлки равнялось 78° 15′.

На второй день путешествія уже почувствовали мы вредное вліяніе яркаго отраженія лучей свѣта отъ блестящаго льда. Всѣ мы, болѣе или менѣе, страдали воспаленіемъ и сильною болью въ глазахъ. Предвидѣвъ сіе неудобство, запасся я чернымъ крепомъ; нѣкоторые изъ насъ обтянули имъ свои очки, другіе просто завѣсили глаза, и тѣмъ избавлялись отъ ослѣпительнаго свѣта, хотя предосторожность нимало не препятствовала зрѣнію. Для облегченія боли и уменьшенія воспаленія употребляли мы съ пользою моченіе глазъ виномъ. Нѣкоторые изъ нашихъ проводниковъ лечились иначе: они насыпали по вечерамъ въ глаза нѣсколько нюхальнаго табаку, и послѣ мучительной ночи, чувствовали на утро значительное облегченіе.

Марта 29-го, при облачномъ небѣ и слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ по утру 8°, а вечеромъ 16° холода. Мы держались вчерашняго курса на NW 15°, и въ полдень, по наблюденію, находились подъ 70° 19′

25′′ широты. Отъѣхавъ отсюда версты двѣ, увидѣли мы въ туманѣ на NW 39° землю. Въ надеждѣ сдѣлать новое открытіе, тотчасъ направили мы туда нашъ путь. Географическое положеніе Медвѣжьихъ острововъ было опредѣлено, въ 1769-мъ году, экспедиціею трехъ прапорщиковъ Геодезіи, Лисьева, Пушкарева и Леонтьева. По ихъ наблюденіямъ, самый восточный изъ острововъ лежитъ подъ 71° 58′ с. широты. Основываясь на томъ, мы полагали, что видимая нами земля не могла принадлежать къ купѣ Медвѣжьихъ острововъ. Между тѣмъ она безпрестанно перемѣняла свое положеніе, внѣшній видъ и величину, и то казалась возвышенною, то низменною, то совершенно исчезала, такъ, что породила наконецъ разныя сомнѣнія и предположенія, относительно важности нашего открытія. Приближившись верстъ на 16-ть къ предмету нашихъ надеждъ, мы увидѣли, что то былъ маленькій, довольно возвышенный островъ, на которомъ подымались три отдѣльные столбовидные утеса, различной вышины. Одинъ изъ нихъ, превышавшій другіе, казался похожимъ на человѣческую фигуру исполинскаго размѣра. Въ 2-хъ верстахъ отъ острова надобно было переправляться черезъ крутую изрытую гряду торосовъ. Наконецъ, мы достигли небольшаго мыса и глубокой бухты, на отлогомъ берегу которой лежало нѣсколько наноснаго лѣса. Такая находка, надежда согрѣться около большаго костра и утомленіе собакъ, пробѣжавшихъ уже 46-ть верстъ, побудили насъ

выбрать здѣсь мѣсто ночлега. Два часа спустя прибыли наши послѣднія транспортныя нарты.

Пока проводники занимались устройствомъ лагеря и приготовленіемъ пищи, мы воспользовались исчезающимъ дневнымъ свѣтомъ, спѣша взобраться на самый возвышенный пунктъ острова, отлогій холмъ, гдѣ стояли замѣченные нами столбы. Все пространство отъ берега до вершины холма, около половины морской мили, было завалено большими и малыми отломками гранита и порфира, становившимися крупнѣе по мѣрѣ приближенія къ столбамъ, около которыхъ лежали уже огромныя груды камней. Столбы состояли изъ горизонтальныхъ, около 5-ти дюймовъ толщины слоевъ тѣхъ же породъ. На двухъ столбахъ замѣчены нами значительныя щели и трещины, разрѣзывающія ихъ съ верху до низу и имѣющія повидимому параллельное направленіе на NO 60°. Изъ сего можно заключить, что три нынѣ раздѣленные камня составляли нѣкогда одинъ большой утесъ; постепенно разщеливаясь и разрушаясь отъ силы мороза, или другихъ физическихъ причинъ, онъ утратилъ наконецъ свой первобытный видъ. Самый большой изъ столбовъ простирался по моимъ измѣреніямъ на 48 футовъ высоты и 91 футъ въ окружности, близъ основанія. Къ вершинѣ онъ суживался и представлялъ, какъ выше замѣчено, видъ человѣческаго тѣла, безъ рукъ и ногъ, въ чалмѣ, или шапкѣ, надѣтой на голову. Отсюда, на восточной оконечности острова, усмотрѣли мы четвер-

тый небольшой столбъ такого же образованія, а потому и островъ получилъ отъ насъ названіе *Четырехъ-Столбоваго*. Вблизи отъ нашего лагеря нашли мы два старые деревянные полога и нѣсколько оленьихъ рогъ; находка наша была доказательствомъ, что островъ зимою и лѣтомъ посѣщается оленями.

Горизонтъ покрывался пасмурностью; на NNW, казалось, по открытому морю носятся плавающія льдины, а по захожденіи солнца поднялись въ той сторонѣ густые пары темнаго цвѣта. Такое явленіе приписывалъ я испареніямъ снѣга, напитаннаго морскою водою, или по Сибирскому названію *разсоломъ*, а первое было, вѣроятно, слѣдствіе преломленія лучей свѣта, отъ котораго туманъ кажется волнующимся моремъ и неподвижные торосы плавающими льдинами. Возвращаясь, обошли мы западную сторону бухты, и пройдя 5 верстъ, спустились съ крутаго берега на морской ледъ. Въ низменностяхъ показывалась красноватая, болотистая земля, поросшая низкою и рѣдкою травою, какая покрываетъ сѣверныя тундры Сибирскаго материка. Рытвины и овраги были завалены твердо замерзшимъ снѣгомъ; по всей дорогѣ попадались берлоги медвѣдей, а также мы видѣли слѣды песцовъ и мышей, но самыхъ сихъ звѣрей не видали.

Съ пріятнымъ чувствомъ глядѣли мы наконецъ на ярко пылающіе костры, разложенные въ нашемъ лагерѣ. Около нихъ, съ суетливою дѣятельностью, толпились наши сопутники, наслаж-

дая́сь благодѣтельною теплотою, столь рѣдкимъ удовольствіемъ въ полярныхъ странахъ.

Марта 30-го, по утру, при слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ, термометръ показывалъ 14°, а къ вечеру, не смотря на свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ, поднялся до 11° холода. Въ полдень вокругъ солнца замѣтили мы кольцо радужнаго цвѣта.

Я рѣшился здѣсь продневать, чтобы отправить двѣ разгруженныя нарты въ Нижне-Колымскъ и наколоть, для дальнѣйшей поѣздки, какъ можно болѣе дровъ. Пока г. Матюшкинъ на легкой нартѣ объѣзжалъ кругомъ и описывалъ островъ, я взялъ полуденную высоту солнца, по которой опредѣлилъ широту нашего ночлега въ 70° 37′ 06″, а долготу въ 0° 41′ на востокъ отъ Сухарнаго. По соотвѣтствующимъ азимутамъ склоненіе компаса оказалось 14° 6′ восточное, а наклоненіе, съ перемѣною полюсовъ, 79° 3′.

Къ вечеру возвратился г. Матюшкинъ и по его описи приготовили мы карту острова. По наблюденіямъ и осмотру береговъ оказалось, что всѣ мысы и выдавшіяся въ море части острова, состоятъ, подобно описаннымъ выше столбамъ, изъ слоевъ гранита и порфира и спускаются отрубомъ къ поверхности воды. Въ бухтахъ и углубленіяхъ берегъ земляной, отлогій и покрытый вездѣ разными обломками вышеозначенныхъ каменныхъ породъ. Самая западная оконечность острова можетъ почесться отдѣльнымъ утесомъ, сложеннымъ изъ слоевъ чернаго шифера и

бѣловатаго кварца, въ которомъ попадается колчеданъ. Сей утесъ облѣпленъ безчисленными птичьими гнѣздами и соединяется съ островомъ только низменнымъ, узкимъ перешейкомъ, который, вѣроятно, часто покрывается водою. Вообще восточная часть острова возвышеннѣе и скалистѣе западной. На сѣверномъ берегу, въ небольшомъ заливѣ, г. Матюшкинъ замѣтилъ много наноснаго лѣса. Съ западнаго берега показывались на западѣ два небольшихъ острова, но разстоянія ихъ, за густымъ туманомъ, опредѣлить было невозможно.

Главное направленіе острова, его величина, фигура, столбы на немъ, и наконецъ два другіе острова, видимые на W и NW отсюда, вели къ заключенію, что нашъ *Четырехъ-столбовый* островъ былъ ни что иное, какъ самый восточный изъ Медвѣжьихъ, по описанію Геодезіи прапорщика Леонтьева представляющій почти ту же величину и фигуру, и также обставленный нѣсколькими столбами. По наблюденіямъ Леонтьева, самый восточный изъ Медвѣжьихъ острововъ долженъ находиться на 1° 21′ сѣвернѣе нашего опредѣленія, но разница нисколько не опровергаетъ нашего заключенія, потому, что такую невѣрность въ счисленіи широтъ находимъ по всему берегу материка къ западу отъ Колымы. Отсюда, какъ на связанные съ симъ берегомъ при наблюденіяхъ, и на Медвѣжьи острова, весьма естественно, перешла та же невѣрность.

Марта 31-го, при облачномъ небѣ и свѣжемъ

сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, отправились мы далѣе. Термометръ показывалъ поутру 11°, а вечеромъ, при рѣзкомъ ONO вѣтрѣ, только 8° холода. Отъ восточной оконечности острова направили мы нашъ путь, по компасу, на NO 5°. Въ полдень, проѣхавъ 11-ть верстъ въ семъ направленіи, мы находились, по наблюденію, подъ 70° 41′ 45″ широты и 0° 48′ долготы на востокъ отъ Сухарнаго.

Вся дорога, кромѣ первой груды торосовъ, не представляла намъ большихъ препятствій и затрудненій, но здѣсь морской ледъ былъ покрытъ крупными, твердыми и остроконечными соляными кристаллами, отдиравшими *войду*, т. е. ледяную кору съ санныхъ полозьевъ, такъ, что нарты тащились, какъ будто по песку. Собаки наши измучились, и мы были принуждены, для ихъ облегченія, идти почти цѣлый день пѣшкомъ. Дорога становилась хуже и труднѣе съ каждою верстою; снѣгъ дѣлался рыхлѣе и сырѣе, а соляной слой толще. Сильный ONO вѣтеръ нагналъ наконецъ столь густой и сырой туманъ, что наши мѣховыя платья казались обрызганными водою. Всѣ сіи явленія заставляли предполагать, что недалеко отъ насъ находится открытое море. Положеніе наше становилось часъ отъ часу опаснѣе, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ скрѣпчалъ и нагналъ густой туманъ, совершенно покрывшій всю окрестность. При такихъ обстоятельствахъ могли мы подвигаться впередъ только ощупью, при еже-

минутной опасности заѣхать въ полынью, а остановиться здѣсь не было возможности, потому, что мѣсто было ровное, не представлявшее ни какихъ возвышеній, гдѣ можно было укрыться, да и снѣгъ и ледъ, напитанные морскою солью, не доставили бы здѣсь для нашей пищи прѣсной воды. Наконецъ, туманъ по направленію NO 35° началъ рѣдѣть и избавилъ насъ отъ мучительной неизвѣстности. Въ разстояніи одной версты отсюда открыли мы довольно высокую кучу торосовъ, обѣщавшую намъ удобное мѣсто ночлега. Подъ защитою ледяной гряды, сажень въ пять ширины и вышины, рѣшились мы переждать непогоду. Поверхность морскаго льда и подошвы торосовъ были покрыты слоемъ разсола, около фута толщиною. Онъ заставилъ меня предполагать, что море недавно еще покрылось здѣсь льдомъ, который не можетъ быть достаточно толстъ и надеженъ въ случаѣ сильной бури. Желая удостовѣриться въ томъ, велѣлъ я прорубить ледъ, но сдѣлавъ углубленіе въ $1^1/_2$ аршина, мы не только не достигли воды, но не замѣтили даже никакой перемѣны въ образованіи и качествѣ льда. Для прѣсной воды надобно было собирать снѣгъ съ вершинъ торосовъ; онъ былъ совершенно чистъ, но снѣгъ внизу лежавшій, а также и ледъ, имѣли самый отвратительный, солоноватый вкусъ. Ночью вѣтеръ сильно скрѣпчалъ, и дулъ съ такими порывами, что опрокинулъ нашу палатку, и, вѣроятно унесъ бы ее, еслибы она не была прикрѣплена къ то-

росамъ. По счисленію, мы ночевали подъ 70° 53½′ широты и 1° 2′ долготы отъ Сухарнаго.

По утру, 1-го Апрѣля, при слабомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и легкомъ туманѣ, термометръ показывалъ 4° мороза. Къ вечеру небо прояснилось; сѣверо-восточный вѣтеръ сильно скрѣпчалъ и ртуть опустилась на 11° холода. Въ 11-ть часовъ буря утихла; туманъ началъ разсѣяваться, и мы отправились въ дальнѣйшій путь на NO 10°. Въ полдень найдена, по наблюденію, широта 70° 54′; счислимая долгота равнялась 1° 8′, къ В. отъ Сухарнаго. Проѣхавъ отсюда еще 24 версты, замѣтили мы на снѣгу песцовые слѣды, по направленію на NW, гдѣ небо обложено было густымъ синимъ туманомъ, который, по увѣренію нашихъ проводниковъ, обыкновенно подымается изъ полыней. Среди гладкой ледяной равнины попадались намъ высокіе торосы, иногда покрытые пескомъ и иломъ.

На послѣднемъ ночлегѣ, подъ деревянныя полозья нашихъ нартъ подвязали мы китовыя ребра, потому что на нихъ съ большею легкостью скользятъ нарты по морскому снѣгу и разсолу. Хотя тѣмъ доставлено было нѣкоторое облегченіе собакамъ, но мы принуждены были идти подлѣ нартъ и подвигались очень медленно, такъ, что въ семь часовъ сдѣлали только 33 версты, и не смотря на то нарты съ провіантомъ отъ насъ отстали и потерялись изъ вида. Для соединенія съ отставшими и отдыха утомленныхъ собакъ, рѣшился я остановиться на ночлегъ. Мы нахо-

дились подъ 71° 11½′ счислимой широты и 1° 3½′ долготы, на В. отъ Сухарнаго. Ночь провели мы спокойнѣе вчерашней и промежутокъ времени между сумерками и разсвѣтомъ былъ почти непримѣтенъ.

На другой день (2-го Апрѣля) свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ нанесъ снѣгъ; термометръ показывалъ 6° холода. Нашъ путь лежалъ на NW 10°; переѣздъ чрезъ торосы былъ чрезвычайно труденъ. Мы сами перетаскивали нарты черезъ большія пространства, покрытыя крупными кристаллами морской соли. Въ 14-ти верстахъ отъ ночлега замѣтили мы трехъ тюленей, спокойно спавшихъ на льду; собаки бросились на нихъ, но звѣри скрылись. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежали тюлени, замѣтили мы во льду круглое отверзтіе, фута полтора въ діаметрѣ; ледъ былъ толщиною въ полъ-аршина, весьма хрупокъ и совершенно проникнутъ морскою солью. Глубина моря равнялась 12-ти саженямъ (въ 6 футовъ); дно его состояло изъ мягкой зеленой глины. Полоса торосовъ, черезъ которую мы пробрались, тянулась съ востока на западъ. Въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ тюленьихъ продушинъ, въ томъ же направленіи, тянулось еще нѣсколько рядовъ высокихъ торосовъ, образовывавшихъ между собою долины, версты по 3 и 4 шириною, покрытыя чистымъ, глубокимъ снѣгомъ. Проѣхавъ 34 версты въ прямомъ направленіи къ сѣверу, мы остановились на ночлегъ у подошвы высокаго торо-

са; по счисленію лежалъ онъ подъ 71° 31′ широты и 7° 37½′ долготы отъ Сухарнаго.

Трудность ѣзды по сырому снѣгу, проникнутому и покрытому кристаллами соли, также умѣренность температуры и ослѣпительный свѣтъ солнца, побудили меня отдыхать днемъ, а ѣхать по ночамъ, которыя были почти совершенно свѣтлы.

Апрѣля 3-го отправилъ я три порожнія нарты въ Нижне-Колымскъ, отпустивъ съ ними, для большей безопасности, компасъ. Полуденное наблюденіе дало намъ 71° 32′ 26″ широты. Погода была пасмурна; при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 7° холода; ночью выпалъ мокрый снѣгъ.

Послѣ захожденія солнца отправились мы далѣе на NW 13°. На пути замѣтили много песцовыхъ слѣдовъ; они шли отъ WSW на ONO. Сначала собаки бѣжали довольно скоро по гладкому снѣгу, хотя и былъ онъ покрытъ иногда соляными кристаллами, но проѣхавъ 15-ть верстъ очутились мы, такъ сказать, въ разсольномъ болотѣ, и уже никакъ не могли подвигаться впередъ. Изслѣдовавъ лежащій подъ соляным слоемъ ледъ, я нашелъ, что онъ былъ нетолще 5 дюймовъ, и такъ мягокъ, что можно было рѣзать его ножемъ. Мы поспѣшили удалиться съ такого опаснаго мѣста, и проѣхавъ на SO четыре версты, встрѣтили довольно гладкую, твердымъ снѣ-

*

гомъ покрытую долину *. Въ двухъ верстахъ отсюда снова изслѣдовали мы ледъ и нашли его толщиною въ полъ-аршина. Глубина моря была 12 саженъ; дно его состояло изъ илистой зеленоватой глины. Проѣхавъ еще $1^1/_2$ версты, остановились мы отдыхать у небольшихъ торосовъ. Толщина льда и глубина моря были прежнія. Черезъ отверзтія, сдѣланныя во льду для изслѣдованія, вода выступила на ледъ и разлилась на большое пространство во всѣ стороны. Она была отвратительнаго солоноватаго вкуса, который тотчасъ сообщился подмоченному ею снѣгу. Когда водяныя частицы испаряются отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, на снѣгу остается толстый слой морской соли, и отчасти кристаллизуется, а отчасти проникаетъ въ ледъ и способствуетъ его разрушенію.

Сѣверный вѣтеръ скрѣпчалъ, и, вѣроятно, сильно взволновалъ открытыя мѣста моря, потому, что вода изъ сдѣланнаго нами отверзтія болѣе и болѣе выступала, а ледъ, на которомъ мы находились, пришелъ въ волнообразное движеніе. Вдали раздавались плески волнъ и трескъ льдовъ. Положеніе наше сдѣлалось довольно затруднительно; даже сопровождавшіе насъ туземцы весьма безпокоились, и только собаки, не чувствуя опасности, имъ угрожавшей при разломкѣ льда, спокойно спали.

* Если послѣ оттепели дуетъ рѣзкій холодный вѣтеръ, то снѣгъ дѣлается гладкимъ, твердымъ и весьма удобнымъ для ѣзды; такая дорога называется *убоемъ*.

Сегодняшній привалъ (4-го Апрѣля) нашъ былъ подъ 71° 37½′ широты и 1° 45′ долготы, отъ Сухарнаго. По утру, при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ и пасмурномъ небѣ, шелъ мокрый снѣгъ и термометръ показывалъ 7° холода. Къ вечеру вѣтеръ перешелъ на сѣверо-востокъ; небо прояснилось; ртуть въ термометрѣ спустилась на 10°.

Когда вѣтеръ стихъ и атмосфера нѣсколько очистилась, велѣлъ я опростать двѣ самыя надежныя нарты, взялъ съ собою провіанта на одинъ сутки, лодку, веслы, шесты и нѣсколько досокъ, и поѣхалъ прямо на сѣверъ, желая освидѣтельствовать качество льда. Г. Матюшкину было приказано при первой опасности удалиться, сколько понадобится, со всѣмъ обществомъ къ югу, и тамъ ожидать моего возврата. На протяженіи семи верстъ ѣхалъ я очень медленно, по толстому слою разсола, а потомъ встрѣтилось множество щелей и трещинъ, и черезъ нихъ надобно было переправляться по доскамъ. Иногда попадались небольшіе кочки нагроможденнаго льда, но онъ даже отъ слабаго прикосновенія разсыпался и мѣсто его занимали полыньи. Ледъ былъ не толще фута и очень хрупокъ и дыроватъ. Глубина моря, на зеленомъ глинистомъ днѣ, равнялась 12⅕ саженямъ. Безчисленныя, по всѣмъ направленіямъ разбѣгавшіяся во льду щели, выступившая изъ нихъ мутная вода, мокрый снѣгъ, смѣшанный съ земляными и пещаными частицами, описанныя выше льдяныя кочки и текущіе съ нихъ ручейки, все уподобляло разрушен-

ную поверхность моря необозримому болоту. Не смотря на то, мы подвинулись еще на двѣ версты къ сѣверу, перескакивая, или переправлялся на доскахъ черезъ небольшія щели и обходя полыньи, но вскорѣ однакожь полыньи такъ умножились и увеличились, что трудно было опредѣлить, чѣмъ покрыто море: сплошнымъ ли разстрескавшимся льдомъ, или плавающими льдинами? Во всякомъ случаѣ, каждый нѣсколько сильный шквалъ могъ совершенно раздробить, или разогнать поддерживавшія насъ глыбы и превратить мѣсто, гдѣ мы стояли, въ открытое море. Лежавшій на поверхности свѣжій снѣгъ явно доказывалъ, что ледъ былъ разломанъ только въ предшествовавшую ночь сѣвернымъ вѣтромъ. Судьба наша зависѣла отъ дуновенія вѣтра. Оставивъ дальнѣйшее, безполезное изслѣдованіе, поспѣшилъ я назадъ къ моимъ спутникамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними отыскать другую, болѣе безопасную дорогу. Наша самая сѣверная широта была 71° 43′, 215 верстъ отъ твердой земли, прямо отъ Малаго Баранова Камня.

Во время отсутствія моего г. Матюшкинъ дѣлалъ наблюденія надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки, которое равнялось 79° 51′. Тотчасъ послѣ моего возвращенія весь караванъ поднялся, и мы поѣхали на SSO.

Не продолжая еще разсказа, я долженъ упомянуть объ удивительномъ искуствѣ проводниковъ сохранять и помнить данный курсъ, не смотря ни на извилистыя полосы торосовъ, ни

на необозримыя, однообразныя ледяныя поля. Особенно отличался между всѣми мой нартовщикъ, казацкій сотникъ Татариновъ. Среди самыхъ спутанныхъ грядъ торосовъ, объѣзжая огромныя горы, сворачивая, то направо, то налѣво, онъ всегда такъ располагалъ дорогой, что изгибы взаимно уничтожались, и какимъ-то инстинктомъ находилъ онъ всегда нашъ настоящій курсъ. Съ моей стороны, я слѣдовалъ по компасу за извилинами дороги, и не помню случая, когда мнѣ нужно было поправлять моего нартовщика. Разстоянія одного мѣста отъ другаго считали мы прямыми линіями и повѣряли обсерваціонными широтами. На открытомъ мѣстѣ гораздо легче было удерживать курсы. Для ѣзды по прямой линіи выбирали мы вдали какую нибудь одну, отличительную отъ другихъ льдину, и правили на нее, но если такой не было, то слѣдовали *застругою*. Подъ симъ именемъ разумѣютъ здѣсь слои снѣга, образующіеся отъ постоянно дующихъ въ одну сторону вѣтровъ. Жители Сибирскихъ тундръ и снѣжныхъ степей совершаютъ большія путешествія, на нѣсколько сотъ верстъ, по безлюднымъ, однообразнымъ пространствамъ, руководствуясь для направленія своего пути единственно застругами. Они знаютъ уже по опыту, подъ какимъ угломъ должно пересѣкать большіе и малые слои снѣга, достигая цѣли поѣздки, и никогда не ошибаются. Часто случается, что кратковременная перемѣна вѣтра, заноситъ прежнюю застругу, или стелетъ на нее

новую, но опытный глазъ Сибиряка тотчасъ открываетъ различіе; осторожно сгребаетъ онъ свѣжій снѣгъ, и по углу, образованному новымъ и старымъ слоями, повѣряетъ свою дорогу. Заструги уже были нашими путеводителями въ необозримыхъ равнинахъ Ледовитаго моря, потому, что частое употребленіе компаса неудобно и требуетъ много времени. Тамъ, гдѣ не было застругъ, направляли мы путь по азимутамъ звѣздъ, но во всякомъ случаѣ ежечасно, а иногда и чаще, останавливались и повѣряли нашъ курсъ по компасу.

Въ 20-ти верстахъ отъ лагеря торосы увеличились и умножились. Съ начала поверхность моря была только неравна и усѣяна небольшими ледяными кочками, но постепенно увеличиваясь, онѣ образовали наконецъ цѣлые ряды торосовъ, вышиною нерѣдко въ 80-ть футовъ. Сіи огромныя глыбы были зеленовато-голубаго цвѣта и имѣли сильно соленый вкусъ. Переправа черезъ огромныя льдины затруднялась еще болѣе грудами рыхлаго снѣга, наполнявшаго промежутки, и безчисленнымъ множествомъ остроконечныхъ льдяныхъ осколковъ, на конхъ скользили и падали парты и люди. Такая, совершенно отличная отъ предыдущихъ гряда состояла изъ такъ называемыхъ *зимнихъ торосовъ*, хотя они образуются не только зимою, но и весною и осенью, когда сильныя бури разламываютъ морской ледъ, а внезапная стужа скрѣпляетъ нагроможденныя одна на другую льдины.

Выбравшись изъ сей спутанной полосы зимнихъ торосовъ, очутились мы у подошвы другой купы ихъ, еще болѣе страннаго и необыкновеннаго, образованія. Ряды, отчасти коническихъ отчасти куполо-вершинныхъ льдинъ, разной величины * и формы, заключали между собою нѣсколько круглыхъ и продолговатыхъ долинъ. Не видя нигдѣ льдинъ отдѣльныхъ, мы полагали, что открыли гористый островъ, но ближайшее изслѣдованіе льда на вершинѣ и скатахъ льдинъ, увѣрили насъ, что мнимый островъ былъ ничто иное, какъ особаго рода торосы, изъ снѣга и льда состоящіе. Въ долинахъ ледъ былъ сѣрочерноватаго цвѣта, и имѣлъ совершенно прѣсный вкусъ, но притомъ былъ мутенъ и непрозраченъ. Склоны холмовъ были покрыты *убоемъ*, и нарты скользили по немъ скоро и легко. На вершинахъ ледъ былъ такого же образованія, какъ и въ долинахъ. Проѣхавъ довольно быстро двѣ версты, мы достигли круглой котловины, сажень пять въ поперечникѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ высокими конусо-вершинными холмами. Здѣсь сдѣлали мы привалъ. Съ вершины одного изъ холмовъ, возвышавшагося на 70 футовъ надъ поверхностью долины, гдѣ былъ расположенъ нашъ станъ, осмотрѣли мы окрестность. На NO показывались синіе зимніе торосы, а на югъ зубцы бѣлыхъ льдинъ ограничивали горизонтъ.

Образованіе сихъ островершинныхъ круглыхъ

* Высочайшій торосъ, изъ всѣхъ, которые мы здѣсь вымѣряли, возвышался на 90 футовъ надъ поверхностью моря.

торосовъ, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ нами видѣнныхъ, наши проводники объясняли намъ слѣдующимъ образомъ: вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра, говорили они, произошелъ и этотъ ледъ; отъ чрезмѣрной тяжести опустился онъ на морское дно и образовалъ твердое основаніе неподвижнымъ ледянымъ глыбамъ; отъ безпрестанныхъ морозовъ, постепенно увеличиваясь, онѣ достигли наконецъ поверхности моря. Холмы произошли отъ выброшенныхъ сюда льдинъ; онѣ были покрыты снѣгомъ, и постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, то растаивая, то снова замерзая, получили наконецъ круглую и коническую форму. Ледъ, изъ коего составляется сей родъ торосовъ, называется здѣсь *древнимъ*, или *адамовщиной*, и по мнѣнію туземцовъ, онъ такъ твердъ и старъ, что даже и на огнѣ не таетъ. Въ послѣднемъ однакожь наши проводники имѣли случай разувѣриться. Въ другомъ мѣстѣ изъясню я мое мнѣніе о происхожденіи сего рода торосовъ.

Апрѣля 5-го, при ясномъ небѣ и сильномъ SSO вѣтрѣ, по утру было 10°, а вечеромъ 11° холода. По полуденному наблюденію, широта мѣста равнялась 70° 30′ 30″, а долгота 1° 55′, отъ Сухарнаго. Послѣ захожденія солнца продолжали мы путь на востокъ. Въ трехъ верстахъ отъ нашего стана, ряды неправильныхъ, весьма высокихъ зимнихъ торосовъ загородили намъ путь. Вѣроятно, что сія гряда, какъ и предшествовавшая ей, обязаны были своимъ существованіемъ близости древняго льда, на который они опираютъ-

ся. Въ нѣкоторомъ разстояніи замѣтили мы особенно высокую, черноватую льдину, столь похожую на скалу, что несмотря на возрастающія препятствія, рѣшились достигнуть до нея и ближе ее изслѣдовать. Послѣ трехъ часовъ утомительной работы, пробивъ пѣшнями дорогу на протяженіи 300 саженъ, мы достигли, со всѣми нартами, до замѣченной нами горы. Она вся состояла изъ описаннаго выше древняго льда. Съ вершины ея открылась намъ большая часть моря. На сѣверъ и на востокъ развѣтвлялись и тянулись непроходимыя цѣпи торосовъ, изрѣзанныя щелями и полыньями. На юго-востокъ ледъ казался гладкимъ, и щели и трещины встрѣчались здѣсь рѣже.

Отъ затруднительной ѣзды между торосами, наши провіантскія нарты безпрестанно повреждались и сдѣлались почти негодными, а также и собаки обезсилѣли и изнурились. Предвидя частыя остановки, я рѣшился отпустить транспортныя нарты въ Нижне-Колымскъ, и здѣсь учредить складку провіанта. Мы прорубили во льду отверзтіе, въ $2^1/_5$ аршина глубины и сажени три въ окружности, положили туда наши съѣстные припасы, и для защиты ихъ отъ посѣщенія бѣлыхъ медвѣдей прикрыли остававшимися у насъ дровами и снѣгомъ. На шести путевыхъ нартахъ оставили мы провіанта только на четырнадцать дней, и кончивъ нашу работу отправили 6-ть разгруженныхъ нартъ обратно въ Нижне-Колымскъ. Самому понятливому изъ нартовщиковъ

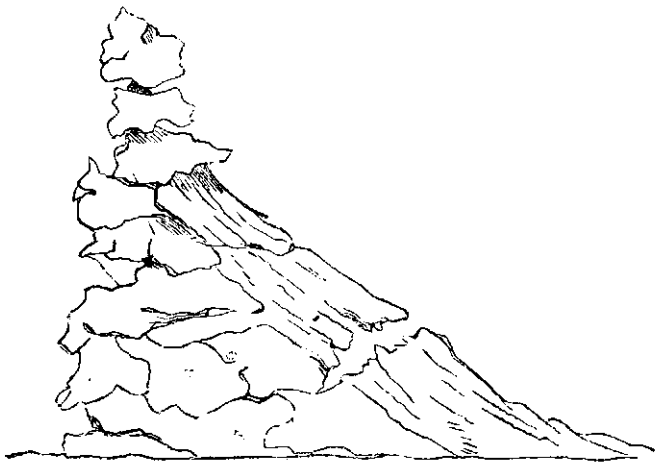
далъ я на дорогу компасъ, съ употребленіемъ котораго нѣсколько ознакомился онъ во время нашего путешествія. Возвращавшіеся проводники, уже неоднократно отчаявавшіеся когда либо увидѣть еще разъ родину свою, были чрезвычайно обрадованы, когда я имъ сообщилъ мое приказаніе, и съ такою ревностною поспѣшностью сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія, что до восхода солнца могли уже отправиться въ путь. Все наше общество состояло теперь только изъ 10 человѣкъ, на шести нартахъ. Вмѣсто унтеръ-офицера Рѣшетникова, предводительствовавшаго возвращавшимися нартами, остался у насъ купецъ Бережной.

Апрѣля 6-го поутру, при свѣжемъ юго-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ только 6°, а вечеромъ, при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, 15° холода. Во всю ночь слышались трескъ ломающихся льдовъ и глухой шумъ, подобный отдаленнымъ перекатамъ грома.

Цѣпь высокихъ зимнихъ торосовъ, по направленію на SO, составляла южный предѣлъ вновь образовавшихся полыней и открытаго моря, занимавшихъ весь горизонтъ отъ сѣвера къ востоку. Отъ сей цѣпи на югъ тянулись другія гряды частыхъ торосовъ, но ледъ казался неизрѣзаннымъ трещинами и полыней не было видно. Осмотрѣвъ окрестности, рѣшились мы слѣдовать по узкой, гладкой полосѣ льда, изгибавшейся около южнаго ската сей цѣпи торосовъ, надѣясь найдти здѣсь возможность проникнуть далѣе на

сѣверъ. Покрытою хорошимъ убоемъ дорогою наши собаки бѣжали довольно скоро. Влѣво тянулся безпрерывный рядъ торосовъ, футовъ въ сто вышиною, а направо лежала огромная равнина, усѣянная большими и малыми кочками льда. Льдины сіи рѣдко превышали величиною кубическую сажень, и все пространство между ними было покрыто глубокимъ рыхлымъ снѣгомъ, изъ чего можно было заключить, что окружавшіе насъ торосы образовались въ прошлую осень и съ тѣхъ поръ не подвергались ломкѣ, ибо въ противномъ случаѣ, лежавшій на нихъ снѣгъ не могъ бы существовать. Впредь такого рода торосы буду я называть въ описаніи моемъ *осенними*. Ледяной хребетъ, влѣво отъ насъ стоявшій, образовался, по видимому, очень недавно, и потому принадлежалъ къ весеннимъ торосамъ. Тщательно осмотрѣвъ ломку льдинъ и сравнивъ ихъ съ направленіемъ, величиною и видомъ трещинъ и полыней, простиравшихся къ сѣверу отъ сей цѣпи торосовъ, я объяснялъ себѣ слѣдующимъ образомъ ея происхожденіе: вся поверхность моря, къ сѣверу отъ осенніхъ торосовъ лежащая, покрылась зимою гладкимъ льдомъ и твердымъ снѣгомъ. Но весною, отъ вѣтровъ и волненія, ледъ разломался на многія отдѣльныя, малыя льдины, и онѣ были брошены и надвинуты на осенніе торосы, еще не ослабленные трещинами. Многія большія плавающія льдины попали притомъ подъ торосы, а другія были выкинуты на нихъ, и отъ того вся юго-западная сторона хреб-

та сдѣлалась покатою, но осталась гладка и покрыта глубокимъ снѣгомъ, а сѣверо-восточная напротивъ, спускалась перпендикулярно съ высоты слишкомъ въ 100 футовъ, состоя изъ множества весьма разнообразныхъ, одна на другую нагроможденныхъ льдинъ. На верху хребта лежали различныя, большія и малыя, ледяныя глыбы, почти вися тамъ и держась непонятнымъ образомъ. Между прочимъ замѣтили мы огромную льдину, величиною, по крайней мѣрѣ, въ 1000 кубическихъ футовъ; прикрѣплялась къ кочкѣ, не болѣе 8 кубич. футовъ въ объемѣ, но должно полагать, что держалась очень крѣпко, ибо недавнія сильныя бури не могли ея опрокинуть. Прилагаемый здѣсь рисунокъ дастъ нѣкоторое понятіе о странномъ образованіи сего замѣчательнаго хребта. Лѣвая сторона изображенія представляетъ гладкую юго-западную сторону льдовъ, а правая сѣверную, состоявшую изъ нагроможденныхъ льдинъ.

На покатой юго-западной сторонѣ замѣтилъ я горизонтальную трещину, около полу-аршина шириною. Сіе отверзтіе дало мнѣ возможность ближе освидѣтельствовать внутреннее образованіе льдинъ. Верхній слой ихъ былъ до 11 футовъ толщиною, и состоялъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ пластинъ, каждая около $^3/_4$ аршина въ толщину.

Въ тринадцати верстахъ отъ нашей складки провіанта принуждены мы были объѣзжать нѣсколько полыней. Море было здѣсь 12-ть саженъ въ глубину, а дно его, какъ прежде, состояло изъ зеленоватаго глинистаго ила. Мы слѣдовали на SO 60°, вдоль по скату хребта, около 29-ти верстъ, и не найдя выхода на сѣверъ, остановились на привалъ въ 300 саженяхъ отъ недавно взломаннаго льда. При довольно рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, ледъ подъ нами безпрестанно колебался, а на сѣверо-востокѣ слышали мы трескъ сшибавшихся ледяныхъ громадъ. Полуденное наблюденіе дало намъ 71° 15′ 9″ широты; счисляемая долгота равнялась 2° 20′, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 7-го, поутру, при ясномъ небѣ и холодномъ восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 12° холода, а вечеромъ 17°. Мы слѣдовали по прежнему юго-восточному направленію, вдоль вновь взломаннаго льда. Ледяной хребетъ постепенно уменьшался и дѣлался болѣе и болѣе неправильнымъ; трещины и полыньи становились чаще; глубина, въ 30 верстахъ отъ послѣдняго привала, была 11-ть саженъ 5 футовъ. Образо-

ваніе дна не перемѣнялось. Проѣхавъ въ сію ночь всего 49-ть верстъ, къ утру остановились мы отдыхать подъ 70° 55′ 42″ широты и 3° 5′ счислимой долготы.

Утро 8-го Апрѣля было ясное; при слабомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 6° холода. Къ вечеру небо съ южной стороны покрылось густыми черными тучами и холодъ усилился до 14°. Въ прежнемъ направленіи проѣхали мы безпрепятственно еще 10-ть верстъ, но здѣсь огромная щель пересѣкла намъ путь. Она тянулась отъ NO къ SW 30°, правою оконечностью терялась въ осеннихъ торосахъ, а лѣвою сливалась съ полыньями и трещинами вновь разломаннаго льда. Ширина ея равнялась 8 футамъ, и мы не нашли бы никакихъ средствъ переправиться черезъ нея, еслибы, къ счастью нашему, вблизи не носилось нѣсколько небольшихъ льдинъ. Мы устроили себѣ изъ нихъ сообщеніе и благополучно перебрались на другую сторону. Здѣсь, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, море имѣло теченіе на OSO, при быстротѣ въ половину узла; глубина его равнялась $12^1/_2$ саженямъ. Въ 22-хъ верстахъ отсюда увидѣли мы, къ SO 2°, на горизонтѣ Большой Барановъ Камень. По нашему счисленію, онъ долженъ былъ лежать на SW 3°, въ 114 верстахъ. Остановясь, чтобы объяснить другъ другу причины такого различія, мы примѣтили, по направленію къ западу, свѣжій медвѣжій слѣдъ. Двѣ нарты были тотчасъ опорожнены, и я съ г. Матюшкинымъ отправился по

слѣду за медвѣдемъ. Проѣхавъ 10-ть верстъ, услышали мы отдаленный, быстро приближавшійся трескъ. Вскорѣ удары сдѣлались столь сильны и оглушительны, какъ будто близкіе перекаты грома; ледъ подъ нами колебался и расщеливался во всѣ стороны; во многихъ мѣстахъ вода выступала на поверхность. Преслѣдованіе медвѣдя надобно было отложить. Мы поспѣшили удалиться отъ опаснаго мѣста и соединиться съ нашими товарищами. На возвратномъ пути едва не лишились одной изъ лучшихъ собакъ; она была отпряжена для охоты, и пользуясь свободою, бѣжала въ нѣкоторомъ отъ нартъ отдаленіи. По одному изъ безпрестанно встрѣчаемыхъ здѣсь оптическихъ обмановъ, происходящихъ отъ преломленія солнечныхъ лучей, наши казаки приняли собаку за преслѣдуемаго медвѣдя и схватились за ружья; къ счастію, одинъ изъ нихъ во время еще примѣтилъ общую ошибку.

Наши оставшіеся сопутники спокойно ожидали нашего возвращенія. Ломка льда не доходила до сихъ мѣстъ, и потому рѣшился я сдѣлать здѣсь привалъ для отдыха утомленныхъ собакъ. Мы находились подъ 70° 46½′ широты и 3° 22½′ долготы, отъ Сухарнаго.

На слѣдующій день (9-го Апрѣля), при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и 12° холода, отправились мы далѣе, по направленію на SO 75°. Проѣхавъ пять верстъ замѣтили на краю горизонта, къ NO 40°, густую спиеву; издали она весьма походила на гористый берегъ, но при-

точнѣйшемъ изслѣдованіи въ трубу сходство исчезло, а черезъ полчаса мнимая земля поднялась къ верху и горизонтъ прояснился.

Чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ чаще и больше становились торосы, щели и полыньи. Наконецъ непроходимые ледяные утесы окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ усилія преодолѣть такое новое препятствіе являлись напрасными, и мы принуждены были ѣхать обратно по прежней дорогѣ, на измученныхъ собакахъ и поврежденныхъ саняхъ. Станъ нашъ разбили мы недалеко отъ вчерашняго.

Апрѣля 10-го, по случаю праздника Святыя Пасхи, оставались мы на мѣстѣ. Лишенные всего, что для такого праздника необходимо, мы хотѣли, по крайней мѣрѣ, въ молитвѣ соединиться съ нашими отдаленными собратіями. Сколько возможно правильно обтесанная льдина заступила мѣсто алтаря; на нее поставили мы образъ чудотворца Николая, и передъ нимъ, на воткнутомъ въ ледъ оштолѣ, засвѣтили единственную нашу восковую свѣчу. Въ надлежащее время, купецъ Бережной, по небытности съ нами священника, прочелъ предписанныя для сего дня молитвы, а казаки и партовщики пропѣли положенныя духовныя пѣсни. При всей простотѣ нашего богослуженія, молитва и благоговѣніе всего нашего небольшаго общества были искренны. Слѣдовавшее за тѣмъ угощеніе отличалось только нѣсколькими, нарочно для Пасхи сбереженными, оленьими языками и двойною порціею

водки. Въ знакъ торжества поддерживали мы еще цѣлый день небольшой костеръ, распространявшій радость во всемъ обществѣ. Расположась около огня, провели мы весь остатокъ дня въ бездѣйствіи, въ разговорахъ о перенесенныхъ нами трудахъ и надеждѣ на скорое возвращеніе. Вѣроятно, не было прежде примѣра, чтобы при такомъ совершенномъ недостаткѣ всего, что почитается наслажденіемъ, удовольствіемъ, потребностью жизни, общество людей провело цѣлый день такъ весело и довольно, какъ провели его мы. Къ тому побуждалъ насъ, хотя небольшой, но ярко пылавшій огонекъ, а главнѣйше цѣлый день роздыха, въ чемъ, какъ мы, такъ и собаки, наши весьма нуждались.

На другой день партовщикъ мой почувствовалъ сильную боль въ крестцѣ, такъ, что мы принуждены были еще цѣлый день простоять на мѣстѣ. По неволѣ проведенное праздно время употребили мы на поправку нашихъ, сильно поврежденныхъ нартъ. Сегодня, при умѣренномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ отъ 6° до 9° холода. Вдали слышался трескъ ломающихся льдовъ. Апрѣля 12-го небо было пасмурно и облачно, но, при слабомъ восточномъ вѣтрѣ, холодъ къ вечеру усилился до 14°.

Качество и ломка окружавшаго насъ льда, частыя и постепенно увеличивающіяся полыньи, обходъ коихъ, по огромнымъ торосамъ, становился болѣе и болѣе затруднительнымъ и часто былъ даже невозможнымъ, и наконецъ, крайнее утом-

леніе собакъ, увѣрили меня въ невозможности проникнуть далѣе въ настоящемъ направленіи. Потому рѣшился я возвратиться къ нашей складкѣ провіанта, о цѣлости котораго нартовщики наши уже отчаявались. Выбираясь изъ окружавшихъ насъ торосовъ, направились мы прямо на западъ, и вскорѣ достигли гладкаго льда, покрытаго хорошимъ убоемъ, по которому счастливо проѣхали 64 версты, остановившись на ночлегъ у подошвы уединенно стоявшей льдины, сажень въ 6-ть вышиною. Четырехъ-Столбовой островъ, по счисленію лежавшій отъ насъ въ 38-ми верстахъ, едва показывался на горизонтѣ къ SW 62°. По полуденному наблюденію находились мы подъ 70° 38′ 45″ широты и 1° 45′ долготы, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 13-го, при ясномъ небѣ и сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ по утру 13°, а вечеромъ 15° холода. Отсюда взяли мы курсъ на сѣверъ, и проѣхавъ 5-ть верстъ, встрѣтили слѣды нашихъ транспортныхъ нартъ, сосланныхъ въ Нижне-Колымскъ отъ послѣдней складки провіанта. Слѣдуя по уѣзженной дорогѣ, мы перебрались черезъ высокую цѣпь зимнихъ торосовъ, лежавшую отъ NW къ SO. Проѣхавъ всего 50 верстъ, остановились мы на привалъ подъ 71° 3′ 45″ широты и 8° 00′ долготы, отъ Сухарнаго.

Апрѣля 14-го термометръ показывалъ отъ 9° до 14° холода. Мы продолжали путь, встрѣчая на каждомъ шагу, то старые, то свѣжіе слѣды

бѣлыхъ медвѣдей и песцовъ; всѣ они шли по направленію къ нашей складкѣ провіанта. Такое обстоятельство заставило всѣхъ насъ опасаться, чтобы не смотря на принятыя нами предосторожности, медвѣди не успѣли наконецъ проникнуть въ нашъ погребъ и расхитить наши запасы. Желая поскорѣе удостовѣриться въ дѣлѣ, я поѣхалъ на трехъ лучшихъ нартахъ впередъ къ сѣверо-востоку, по свѣжимъ медвѣжьимъ слѣдамъ. На пути встрѣтили мы нѣсколько берлогъ, вырытыхъ въ снѣгу, въ сажень глубиною; два довольно узкихъ отверзтія служатъ входомъ въ такую пещеру, гдѣ съ трудомъ могутъ помѣститься два медвѣдя. У тюленьихъ продушинъ во льду замѣчалъ я довольно большія кучки снѣга съ отверзтіемъ внизу. За такими снѣжными брустверами стерегутъ обыкновенно медвѣди тюленей, просунувъ въ отверзтіе свою лапу. Едва тюлень выльзетъ на ледъ, медвѣдь ударомъ лапы бросаетъ его далѣе отъ продушины, и потомъ безъ труда овладѣваетъ беззащитнымъ животнымъ. Замѣчательно, что песцы, забывая всякій страхъ борьбы съ столь огромнымъ звѣремъ, надѣясь на быстроту и увертливость свою, всегда найдутъ средство похитить при семъ случаѣ часть добычи изъ-подъ лапъ медвѣдя. Песцы, въ полномъ смыслѣ сего слова, настольники медвѣдей, а потому и слѣды обоихъ животныхъ всегда попадаются вмѣстѣ.

Послѣ немалыхъ разъѣздовъ попали мы наконецъ на нашу прежнюю дорогу, около того мѣ-

ста, гдѣ ночевали 6-го Апрѣля. Медвѣжьи слѣды терялись въ непроходимыхъ торосахъ; ледъ былъ тутъ изрѣзанъ широкими безчисленными щелями, и потому рѣшился я слѣдовать по нашей прежней дорогѣ, пославши одну нарту къ отставшимъ товарищамъ, съ тѣмъ, чтобы они соединились со мною у нашей складки провіанта. Путь представлялъ намъ гораздо болѣе затрудненій, нежели мы предполагали. Ледяная поверхность была взломана; замѣченныя нами за нѣсколько дней прежде горы исчезли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и наша прежняя дорога. На каждомъ шагу огромныя полыньи и щели пересѣкали намъ путь. При переправѣ черезъ одну изъ трещинъ восемь собакъ изъ моей упряжки упали въ воду, и только необыкновенная длина нарты спасла меня и собакъ отъ погибели.

Послѣ 11-ти часовой, крайне затруднительной и опасной ѣзды, мы достигли нашей складки провіанта, который, къ общей радости нашей, былъ невредимъ. Въ окрестности видны были многочисленные слѣды медвѣдей. Вскорѣ все общество наше соединилось здѣсь, и мы поспѣшили вырыть изъ льда наши сокровища.

Утомленіе собакъ принудило насъ продневать 15-го Апрѣля на мѣстѣ. Поврежденныя нарты были здѣсь, сколько возможно, починены, а китовыя ребра, снятыя на время ѣзды по торосамъ, снова подвязаны. По утру, при сѣверномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 11°, а вечеромъ, при западномъ вѣтрѣ, только 6° холода. По полуден-

ному наблюденію находились мы подъ 71° 27′ 35″ широты.

Апрѣля 16-го, при легкомъ западномъ вѣтрѣ и 8° холода, мы отправились далѣе. Сильный внезапный лай собакъ разбудилъ насъ ночью и увѣдомилъ о приближеніи медвѣдей. Тотчасъ схватили мы оружіе и спѣшили на встрѣчу непріятелю. Недалеко отъ стана, мы увидѣли двухъ медвѣдей необыкновенной величины, и казалось, они были въ нерѣшимости: нападать ли на насъ? Всѣ мы бросились жадно на добычу, но, къ несчастію, охота наша была неудачна. Въ торопяхъ, мы худо цѣлили и всѣ дали промахи; собаки были также несчастливы въ своихъ нападеніяхъ, а медвѣди, испуганные выстрѣлами, побѣжали въ разныя стороны. Казакъ съ Юкагиромъ погнались за однимъ; другіе, безъ всякаго порядка и плана, преслѣдовали другаго медвѣдя. Напрасно старался я собрать товарищей, чтобы общими силами гнаться за однимъ медвѣдемъ. Раздосадованные неудачею, охотники мои не внимали моему зову и вскорѣ потерялъ я ихъ изъ вида. Надѣясь отыскать ихъ, вскарабкался я съ большимъ трудомъ на высокую льдину, но и отсюда увидѣлъ только купца Бережнаго и моего нартовщика Татаринова, перваго съ ружьемъ, а другаго съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами; они отдыхали отъ безполезной бѣготни, недалеко отъ торосa, на которомъ я находился. Внезапно изъза льдинъ вышелъ третій медвѣдь, и увидя меня, намѣревался напасть. Въ рукахъ у меня было заря-

женное ружье, и я спокойно ожидалъ того мгновенія, когда звѣрь полѣзетъ на льдину, но замѣтивъ Бережнаго и Татаринова, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и бросился на нихъ. Отъ одного выстрѣла зависѣла судьба охотниковъ; подпустивъ къ себѣ медвѣдя шаговъ на пятнадцать, они выстрѣлили; раненый звѣрь съ ревомъ побѣжалъ назадъ въ торосы, оставляя за собою кровавые слѣды. Около утра все наше общество снова собралось въ лагерь, но Юкагиръ и казакъ не возвращались, такъ, что мы уже начали безпокоиться объ ихъ судьбѣ. Но черезъ нѣсколько часовъ пришли и они въ станъ, едва передвигая ноги отъ усталости. Еслибы въ такомъ видѣ встрѣтились они съ медвѣдемъ, то, вѣроятно, сдѣлались бы добычею ужаснаго непріятеля. Такъ, къ общей досадѣ и сожалѣнію, кончилась наша неудачная охота. Мы и собаки до того утомились, что принуждены были оставаться цѣлый день на мѣстѣ.

Апрѣля 17-го, по утру было пасмурно и термометръ показывалъ 5° холода, а къ вечеру легкій восточный вѣтеръ нанесъ мѣлкій снѣгъ; морозъ усилился до 7°. Около солнца образовались три круга. Мы поспѣшили нагрузить нарты и отправились въ путь на западъ. Въ 9-ти верстахъ отсюда пересѣкли мы нашу прежнюю дорогу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились на ней 1-го Апрѣля. Выбравшись изъ торосовъ, выѣхали мы на ледяную равнину, покрытую хорошимъ сырымъ снѣгомъ, по которому нарты наши, съ помощью

китовыхъ ребръ, скользили легко и весьма быстро. Проѣхавъ такимъ образомъ 41 версту, остановились мы на ночлегъ, подъ 71° 25′ 53″ широты и 0° 43′ долготы, отъ Сухарнаго. На слѣдующій день морозъ усилился. По утру, при свѣжемъ восточномъ вѣтрѣ и облачномъ небѣ, термометръ показывалъ 16°, а вечеромъ 18° холода.

Сія часть Ледовитаго моря осмотрѣна была въ 1810 году г. Геденштромомъ, а потому дальнѣйшее путешествіе здѣсь казалось мнѣ безполезнымъ. Находясь по счисленію въ меридіанѣ Четырехъ-Столбоваго острова, я рѣшился отыскать тѣ острова, которые мы съ него видѣли, и взялъ курсъ на югъ. Апрѣля 18-го проѣхали мы 42 версты, не смотря на сильный вѣтеръ, затруднявшій бѣгъ собакъ и даже неоднократно ихъ опрокидывавшій. Къ тому присоединилась густая мятель, затемнявшая воздухъ, до того, что въ нѣсколькихъ шагахъ не было возможности различать предметы. Опасаясь разлучиться съ товарищами, мы связали нарты наши попарно и вожатыхъ собакъ заднихъ нартъ привязали къ переднимъ. Такимъ образомъ ѣхали мы цѣлый день, сами не зная куда и направляясь единственно по компасу. Не найдя вблизи ни торосовъ, ни отдѣльныхъ льдинъ, принуждены мы были остановиться ночевать на открытой снѣжной степи, ни чѣмъ не защищенной отъ вѣтра. Разбить палатку, или развести огонь, было невозможно, и эта ночь, безъ сомнѣнія, была самая непріятная и труд-

ная изъ всего нашего путешествія. При 11° холода, мы были совершенно предоставлены ярости бури и вьюги, не имѣли огня согрѣться или приготовить себѣ чаю, и утоляли жажду снѣгомъ, а голодъ сухими сухарями и затхлою рыбою. Такъ провели мы шесть безконечныхъ часовъ на нашихъ узкихъ нартахъ, нетерпѣливо ожидая минуты, когда можно будетъ отправиться въ путь. Но прежде того предстояла еще намъ трудная и скучная работа выгребать изъ-подъ снѣга собакъ и нарты. Наконецъ, мы поѣхали, направляясь далѣе на югъ, и надобно признаться нѣсколько опасаясь, что не найдемъ Четырехъ-Столбоваго острова при пасмурной погодѣ и продолжавшейся мятели. Къ общей нашей радости получили мы здѣсь новое доказательство вѣрности нашего счисленія, ибо, не болѣе, какъ въ пяти верстахъ, увидѣли мы Четырехъ-Столбовой островъ, и взятый нами за два дня курсъ привелъ насъ прямо къ бухтѣ на сѣверномъ берегу его, гдѣ мы и остановились, проѣхавъ въ сей день всего 52 версты. Послѣ перенесенныхъ въ прошедшую ночь трудовъ и лишеній, наше положеніе казалось намъ самымъ роскошнымъ. Подъ защитою высокихъ, крутыхъ береговъ, палатка наша стояла спокойно и безопасно, а лежавшій вблизи, въ довольномъ количествѣ наносный лѣсъ позволилъ разложить два большіе костра и просушить нѣсколько наши промерзшія шубы и платья. Жадно наслаждались мы пріятнымъ ощущеніемъ теплоты, и скоро, за горячимъ супомъ, забыли всѣ перенесенные труды

и голодъ. Только мысль о безуспѣшности нашихъ усилій и недостиженіи цѣли путешествія помрачала общее удовольствіе.

На другой день, при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и 10° холода, поѣхали мы на NW 65°, къ замѣченному въ семъ направленіи острову, гдѣ въ небольшой бухтѣ нашли также значительный запасъ наноснаго лѣса. Здѣсь неожиданно услышали мы веселое щебетанье первыхъ предвѣстниковъ весны. Трудно изобразить, какое неописанно пріятное впечатлѣніе произвели ихъ немногіе веселые звуки на насъ, сроднившихся, такъ сказать, съ могильною тишиною снѣжныхъ пустынь.

Для скорѣйшаго окончанія описи сей купы острововъ раздѣлилъ я нашу экспедицію на двѣ части: г. Матюшкинъ поѣхалъ къ югу, а самъ я къ сѣверу. Описавъ три острова, по направленію меридіана лежащіе, къ ночи соединились мы на сѣверной оконечности средняго изъ нихъ. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, при 11° холода, поднялъ густую мятель и удержалъ насъ цѣлый день, 22-го Апрѣля, на мѣстѣ. На другое утро погода не перемѣнялась, и я рѣшился, не теряя времени, продолжать путь. Описавъ крайній на западъ островъ, ночь провели мы на его сѣверо-западной оконечности.

Образованіе береговъ сей купы ясно можетъ быть усмотрѣно на составленной нами картѣ *Медвѣжьихъ острововъ*, почему ограничиваюсь я здѣсь только краткими замѣчаніями.

Первый изъ Медвѣжьихъ острововъ, называемый *Крестовымъ* *, самый большой и высокій изъ всей купы. Онъ замѣтенъ по двумъ горамъ, изъ которыхъ южная занимаетъ средину острова и отличается закругленною вершиною. Восточные и сѣверные берега его, по большей части, круты, а мѣстами скалисты. По южной, болѣе покатой сторонѣ острова течетъ въ море маленькій ручей; западный берегъ, совершенно отлогій, состоитъ изъ крупнаго песка. Только въ небольшой бухтѣ на сѣверо-западной оконечности острова нашли мы наносный лѣсъ, состоявшій, по большей части, изъ лиственницы и тополей, и только изрѣдка въ немъ попадались сосновыя бревна. Множество берлогъ и норъ доказываетъ, что островъ часто посѣщается медвѣдями, волками и песцами, но коренными обитателями острова, по крайней мѣрѣ, по числу, казались намъ полевыя мыши. На южномъ берегу видѣли мы нѣсколько оленей. Мѣсто нашего ночлега на островѣ, означенное на картѣ якоремъ, находится по наблюденію, подъ 70° 52′ 14″ широты, а тригонометрически выведенная долгота равняется 1° 21′ къ западу, отъ Сухарнаго.

Второй островъ имѣетъ видъ кургана, сложеннаго изъ множества гранитныхъ громадъ и осколковъ разной величины. Онъ до двухъ сотъ саженъ въ длину и полтораста въ ширину. На немъ лежало нѣсколько полуистлѣвшихъ листве-

* Далѣе будутъ изложены причины сего названія.

ничныхъ бревенъ. Сія громада камней, непоказанная на картѣ Леонтьева, вѣроятно, была тогда заставлена высокими торосами, которые и нынѣ со всѣхъ сторонъ окружали ее.

Третій островъ возвышенъ, но горъ на немъ нѣтъ. На южномъ берегу его нѣсколько незначительныхъ утесовъ; постепенно возвышаясь на западъ и востокъ, они вдаются довольно далеко въ море. Въ бухтахъ берега отлоги. На сѣверной сторонѣ восточнаго мыса находится вырытый въ землѣ погребъ, внутреннія стороны котораго обставлены обтесанными бревнами. Глубокій снѣгъ, наполнявшій весь погребъ и краткость времени не позволили намъ сдѣлать здѣсь какія либо разысканія, а недалеко оттуда, на берегу, нашли мы весьма старое весло, похожее на употребляемыя Юкагирами на вѣткахъ. Тутъ лежало также нѣсколько оленьихъ роговъ и человѣческихъ костей, но череповъ мы не могли однакожь найдти.

На сѣверо-восточной сторонѣ четвертаго острова возвышаются двѣ продолговатыя, въ направленіи на NW, параллельныя между собою горы. Онѣ соединяются возвышенною перемычкою; отъ восточнаго берега весьма удобно пріѣхали мы черезъ нее къ бухтѣ на сѣверо-западной сторонѣ острова. Въ мѣстахъ, обнаженныхъ вѣтрами отъ снѣга, грунтъ земли состоитъ изъ тонкаго слоя земли и крупнаго песка. Впрочемъ весь островъ заваленъ обломками каменной породы, изъ ко-

торой сложены описанные выше столбы шестаго острова. Такого же образованія и скалы, отвѣсно спускающіяся въ море на сѣверномъ берегу, а южный берегъ состоитъ изъ крутыхъ земляныхъ холмовъ, наполненныхъ мамонтовыми костями. Въ бухтахъ лежало много наноснаго лѣса. По нашимъ наблюденіямъ сѣверная оконечность сего острова подъ 70^0 $46'$ $35''$ широты; магнитная стрѣлка склонялась здѣсь на 14^0 къ востоку.

Пятый островъ довольно возвышенъ. Крутыя, утесистыя берега его одного образованія съ западными скалами шестаго острова. Здѣсь замѣтилъ я нѣкоторые признаки колчедана (Schwafelkiess).

Шестой, или *Четырехъ-Столбовой* островъ, описанъ выше.

На ночлегѣ 23-го Апрѣля, одинъ изъ партовщиковъ увѣрялъ насъ, будто, «за нѣсколько лѣтъ «прежде, находился онъ на первомъ изъ Медвѣжьихъ острововъ, лежащемъ въ 30-ти верстахъ отъ устья рѣчки *Крестовой*, и потому «получившемъ названіе: *Крестовый островъ.*» Далѣе утверждалъ разскащикъ, что островъ сей невеликъ, совершенно круглый и нимало не похожъ на тотъ островъ, гдѣ мы ночевали. Въ противность убѣжденій партовщика, слѣдуя картѣ Леонтьева, именно находились мы на Крестовомъ островѣ. Трудно было предполагать, чтобы къ западу отъ него лежалъ еще островъ, доселѣ не-

замѣченный. Туманъ и безпрерывная мятель препятствовали намъ теперь видѣть отдаленные предметы. На слѣдующее лѣто, штурманъ Козьминъ, описывая берега Ледовитаго моря между устьями Колымы и Индигирки, имѣлъ случай убѣдиться въ неосновательности разсказовъ шартовщика: съ Мало-Чукочьяго мыса и возвышенныхъ береговъ близъ устья *Крестоваго ручья*, видѣлъ онъ островъ, который проводники туземцы называли *Крестовымъ*. Островъ сей, дѣйствительно, имѣлъ видъ кругловершинной горы, и по взятымъ тогда пеленгамъ оказалось, что сія гора находится не на островѣ, впереди Крестоваго лежащемъ, а за нимъ, именно на томъ, который мы такъ назвали и описали. Впрочемъ, для окончательнаго разысканія сего обстоятельства отправлялъ я въ послѣдствіи, зимою 1823 года, г. Козьмина осмотрѣть часть моря, лежащую между нашимъ путемъ и курсомъ г. Геденштрома въ 1810 году. Выѣхавъ изъ Нижне-Колымска 23-го Января, на двухъ шартахъ, съ провіантомъ на четырнадцать дней, 5-го Февраля, при 28° холода, г. Козьминъ вступилъ изъ устья рѣки Агаѳоновки на морской ледъ, и къ ночи достигъ острова, того самаго, который г. Геденштромъ видѣлъ лѣтомъ и мы нынѣ описали. Здѣсь г. Козьминъ переночевалъ. На слѣдующій день поѣхалъ онъ на сѣверъ, и 9-го Февраля, безъ большихъ препятствій, достигъ 71° 58′ широты. Во время всей поѣздки путешественники много терпѣли отъ холода; термометръ постоянно показывалъ 30°, а въ послѣдніе дни,

на возвратномъ пути ихъ, морозъ усилился до 32°, такъ, что собаки изранили себѣ ноги на твердо замерзшемъ снѣгѣ. Осмотрѣвъ съ острова горизонтъ и не открывши ничего примѣчательнаго, кромѣ легкой синевы на сѣверѣ, г. Козьминъ возвратился на средній изъ Медвѣжьихъ острововъ, и оттуда прямымъ путемъ поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, куда и прибылъ 17-го Февраля.

Сія поѣздка ясно обнаруживаетъ неосновательность вышеприведеннаго разсказа партовщиковъ, и служитъ новымъ доказательствомъ вѣрности нашихъ наблюденій, какъ относительно *Медвѣжьихъ* острововъ вообще, такъ и *Крестоваго* особенно. Потому возвращая ближайшему къ материку, *первому* Медвѣжьему острову, прежнее его названіе *Крестоваго*, именовалъ я остальные острова купы, примѣняясь къ ихъ разстояніямъ отъ береговъ твердой земли, вторымъ, третьимъ, и т. д., такъ, что *Четырехъ-Столбовой* получилъ имя *шестаго* острова.

Послѣ отступленія отъ хронологическаго порядка, необходимаго для окончательнаго описанія купы *Медвѣжьихъ острововъ*, обращаюсь къ нашему путешествію.

Хотя я былъ увѣренъ въ несправедливости показаній партовщика, однакожь, желая употребить всѣ средства для узнанія истины, рѣшился ѣхать къ Крестовому мысу, который, по картѣ Леонтьева, лежитъ на SSW$^1/_2$W отъ острова того

же имени. По мѣрѣ нашего удаленія отъ мѣста ночлега, попутный намъ ONO вѣтеръ крѣпчалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ поднялась густая мятель. Но, не смотря на то, по гладкой дорогѣ въ короткое время провхали мы 44 версты. Здѣсь внезапно замѣтили мы, что ѣдемъ уже не по льду, а по твердой землѣ, и сначала полагали, что открыли искомый островъ. Радостный крикъ одного изъ партовщиковъ, нашедшаго свою собственную ловушку *, увѣрилъ насъ, что мы находились уже на твердой землѣ. Мятель продолжалась и препятствовала различать даже ближайшіе предметы, но партовщикъ, здѣшній уроженецъ, узналъ каждый холмъ, каждую кочку, и объявилъ намъ, что мы находимся недалеко отъ рѣки Агафоновки, подлѣ устья которой построенъ балаганъ. Не смотря на непогоду партовщикъ привелъ насъ къ балагану, гдѣ, послѣ долгаго времени, мы провели первую спокойную ночь подъ защитою четырехъ стѣнъ.

Совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и приближеніе весны дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее изслѣдованіе льда. Я рѣшился кратчайшею дорогою ѣхать въ Нижне-Колымскъ. На возвратномъ пути пытались мы описать сію часть берега, но непогода и продолжавшаяся вьюга дѣлали нашу работу безуспѣшною. Сѣверо-восточный вѣтеръ безпрестанно крѣпчалъ и густой снѣгъ затемнялъ атмосферу. Впрочемъ,

* Каждый изъ здѣшнихъ охотниковъ ставитъ на своихъ ловушкахъ особенный значекъ, которымъ онъ отличаются отъ другихъ.

такая погода нисколько не затрудняла нашихъ проводниковъ. По необозримой, однообразной пустынѣ ѣхали они съ непонятною для насъ увѣренностію и счастливо достигли балагана, построеннаго на мысѣ при устьѣ р. Большой Чукочьей, въ 43-хъ верстахъ отъ нашего послѣдняго ночлега. Здѣсь мы переночевали.

На другой день (26-го Апрѣля) переѣхали мы чрезъ Чукотскую гору къ Якутской вискѣ, * около 24-хъ верстъ. Въ 6-ти верстахъ отсюда, на Якутскомъ озерѣ, былъ у одного изъ нашихъ проводниковъ зарытъ во льду запасъ рыбы; она сохранялась въ углубленіи, покрытомъ съ верху льдинами, засыпанными снѣгомъ и залитыми водою, но съ такимъ искуствомъ, что поверхность озера оставалась совершенно гладкою. Пока хозяинъ угощалъ все общество, мимо насъ пробѣжало стадо оленей; не смотря на изнуреніе, собаки съ лаемъ и визгомъ бросились за ними, и съ большимъ трудомъ удалось намъ собрать и привести въ порядокъ наши упряжки, безъ которыхъ мы были бы принуждены окончить путешествіе пѣшкомъ, таща на себѣ нарты и поклажу.

Отъ озера проѣхали мы 15-ть верстъ, по тундрѣ, до поварни, на *Коньковой вискѣ* построенной, въ 13-ти верстахъ отъ ея устья. Отсюда проѣхали еще 15 верстъ и переночевали въ трехъ балаганахъ на *Убіенной вискѣ*.

* *Виской* называется здѣсь каждая рѣка, вытекающая изъ озера.

Апрѣля 27-го погода перемѣнилась; снѣгъ пересталъ. Но вмѣсто того поднялся рѣзкій юго-западный вѣтеръ и холодъ усилился до 15°. Отъ Убіенной шла хорошо уѣзженная дорога, черезъ Чукотское озеро къ Ненаселенной деревнѣ, на р. Малой Чукочьей; все мѣстечко сіе состоитъ изъ пятнадцати хижинъ и полуразвалившейся казармы. Зимою всѣ строенія стоятъ пустыя и заносятся снѣгомъ, а лѣтомъ собирается сюда нѣсколько семействъ на рыбную ловлю. Проѣхавъ всего 72½ версты, къ ночи достигли мы Походска. Несмотря на бѣдность и незначительность селенія, видъ его произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Мѣстами снѣгъ уже сталъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, и земля, покрытая прошлогоднею травою, показывалась изъ-подъ него; трубы домовъ дымились; за ледяными стеклами тускло мерцали огни—мы снова были среди людей. Вскорѣ лай собакъ возвѣстилъ о нашемъ прибытіи и изъ всѣхъ дверей раздались радостныя привѣтствія. Послѣ долгаго странствованія по ледянымъ пустынямъ, среди безпрестанныхъ трудовъ и лишеній, мы вступили наконецъ въ жилую, теплую хижину, могли сбросить съ себя тяжелыя, промерзшія шубы, отдохнуть и согрѣться подлѣ пылающаго очага. Гостепріимные хозяева угощали насъ всѣмъ, что только было у нихъ лучшаго, и между прочимъ, недавно застрѣленными куропатками. День сей былъ для насъ истиннымъ праздникомъ; мы наслаждались имъ, какъ счастливымъ днемъ жизни,

и часть ночи провели въ разговорахъ съ хозяевами.

На другой день поѣхали мы далѣе и 28-го Апрѣля благополучно достигли Нижне-Колымска, послѣ 36-ти дневнаго отсутствія. Во все время, не перемѣняя собакъ, проѣхали мы около 1,210 верстъ по лабиринту торосовъ и опасныхъ полыней.

ГЛАВА II.

Весна. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Рыбная ловля для экспедиціи. Устройство судна. Распредѣленіе лѣтнихъ работъ экспедиціи. Жары. Комары. Перелетныя птицы. Отплытіе на новопостроенномъ катерѣ. Рыбныя ловли при деревнѣ Походской. Оленья охота на тундрѣ. Пріѣздъ въ Чукотское. Экспедиція для описи морскаго берега до рѣки Индигирки. Затрудненіе при описи устьевъ Колымы. Возвращеніе изъ Чукотскаго. Пожаръ. Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. Поѣздка къ Средне-Колымскимъ Якутамъ, ихъ лѣтнія жилища и образъ жизни. Разсказъ старика. Вытечныя озера. Ранняя зима. Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ. Пріѣздъ гг. Матюшкина, Кибера и Козьмина.

Наступила весна, и съ нею появились обыкновенные въ концѣ каждой зимы недостатки съѣстныхъ припасовъ и болѣзни. Ежегодные, горькіе опыты не могутъ истребить между жителями здѣшнихъ странъ вкоренившейся въ нихъ безпечности. Они раздѣляютъ [redacted] припасы такъ, чтобы ихъ было достаточно отъ конца настоящаго лѣта до начала будущаго, а потому позднее наступленіе лѣтняго времени года всегда влечетъ здѣсь за собою голодъ и недостатки. Такъ случилось и нынѣ. Когда Колыма освободилась отъ

льда, всѣ жители мѣстечка поспѣшили на лѣтовья къ берегамъ рѣкъ, болѣе другихъ изобильныя рыбою и посѣщаемыя перелетными птицами.

Въ прошломъ году увѣрился я, что здѣшніе жители не въ состояніи удовлетворять всѣмъ потребностямъ экспедиціи, и потому рѣшился собственными средствами заготовить нужное количество съѣстныхъ припасовъ, для насъ и для корма нашихъ собакъ. По послѣднему зимнему пути, на всѣ изобильныя рыбою рѣки послалъ я работниковъ съ сѣтьми и неводами. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ и центромъ нашего рыбнаго лова назначена рѣка Малая Чукочья, всего менѣе посѣщаемая здѣшними промышленниками. Туда отправилось большое число работниковъ, подъ надзоромъ сотника Татаринова.

Кромѣ того нынѣшнимъ лѣтомъ предположено было исполнить слѣдующія работы: 1-е, одному отдѣленію, на лошадяхъ, описать берега Ледовитаго моря между устьями рѣкъ Малой Чукочьей и Индигирки; 2-е, другому, на лодкѣ, описать устье Колымы; 3-е, у Большой Баранихи построить жилую избу и чуланъ для зимней экспедиціи, и наконецъ 4-е, докторъ Киберъ, оправившись отъ болѣзни, хотѣлъ посѣтить берега рѣкъ Большаго и Малаго Анюевъ.

Страннымъ покажется, что мы рѣшились опись береговъ Ледовитаго моря производить на лошадяхъ, но олени, хотя самыя обыкновенныя домашнія животныя Тунгусовъ, такъ слабы, что

лѣтомъ не могутъ выдерживать большихъ переѣздовъ, а потому и неспособны для подобнаго путешествія. Съ другой стороны, мѣли, на многія версты окружающія берегъ, препятствуютъ описывать его на лодкѣ, не говоря уже о томъ, что малое судно безпрестанно подвергается опасности разбиться, или быть раздавленнымъ огромными льдинами, цѣлый годъ въ сихъ краяхъ носящимися. Такимъ образомъ, ближайшее соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ заставило насъ предпринять путешествіе на лошадяхъ, которыхъ, а равно и проводниковъ, подрядились намъ доставить Средне-Колымскіе Якуты.

Опись морскаго берега предоставилъ я г. Матюшкину, а самъ хотѣлъ на лодкѣ осмотрѣть устье Колымы. Съ знакомцомъ нашимъ, купцомъ Бережнымъ, отправлявшимся на лошадяхъ въ восточныя тундры на промыселъ мамонтовыхъ костей *, послалъ я унтеръ-офицера Рѣшетникова и двухъ плотниковъ, поручивъ имъ выстроить при устьѣ Большой Баранихи хорошую поварню, съ чуланомъ и сѣнями.

Между тѣмъ лодка, которую началъ строить г.

* По всей Сибири, особенно въ сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ частяхъ ея, въ глинистыхъ холмахъ, тундрахъ и на берегахъ рѣкъ находятъ множество мамонтовыхъ клыковъ, или роговъ и костей. Лучшее время добывать сіи остатки допотопныхъ животныхъ начало лѣта, когда выступившія изъ береговъ рѣки размываютъ прибрежные холмы. Тогда жители отправляются къ изобилующимъ мамонтовыми костями мѣстамъ, и обыкновенно возвращаются съ богатою добычею. Купецъ Бережной производилъ сей промыселъ въ самомъ большомъ объемѣ.

Козьминъ во время нашей второй поѣздки по льду, была почти готова. Ему удалось отрыть изъ-подъ снѣгу достаточное число кокоръ для шпангоутовъ, устроить большую стоячую пилу и научить работниковъ дѣйствовать ею, и наконецъ, не смотря на недостатокъ пособій и готовыхъ матеріяловъ, къ концу Мая построить лодку. Точность въ отдѣлкѣ всѣхъ частей свидѣтельствовала, какъ объ искуствѣ и терпѣніи мастера, такъ и о понятливости работниковъ.

Мая 25-го взломало на рѣкѣ ледъ, а на слѣдующую ночь шелъ первый дождь и оживилъ растенія. На берегахъ и скатахъ появилась трава и кустарники покрылись почками и листьями. Теплота воздуха замѣтно усилилась; термометръ показывалъ отъ 10 до 16°; прозябаемыя видимо распускались и расли. Послѣ долгой, утомительной зимы, видъ внезапно, такъ сказать, оживающей природы представлялъ особенную прелесть. Въ селеніи явилась необыкновенная дѣятельность; всѣ спѣшили воспользоваться и вполнѣ насладиться краткимъ благопріятнымъ временемъ года. Но недолго была на то возможность: съ 4-го Іюня показалось такое безчисленное множество комаровъ, что мы снова удалились въ наши тѣсныя избы. Передъ окнами и дверьми безпрерывно горѣли дымокуры и костры, и мы лучше рѣшались сидѣть въ компатахъ въ дымной атмосферѣ, нежели дышать свѣжимъ воздухомъ и подвергаться укушеніямъ безчисленныхъ насѣкомыхъ. Мы радовались, когда суровый сѣверный вѣтеръ

охлаждалъ температуру. Іюня 9 го термометръ, почти внезапно, упалъ съ 12° на 2½° и хоть на нѣкоторое время прогналъ жадныхъ кровопійцъ. Мы спѣшили изъ острога и съ ружьями за плечами бродили по цѣлымъ днямъ въ окрестности, среди кустарниковъ и болотъ. Обыкновенно, поздно вечеромъ возвращались мы домой, съ богатою добычею дикихъ утокъ и гусей. Первыя перелетныя птицы появились здѣсь 29-го Апрѣля, и съ тѣхъ поръ, въ безчисленныхъ стаяхъ, безпрестанно тянулись съ юга на сѣверъ. На скатахъ рѣчныхъ береговъ, гдѣ онѣ спускались на землю, толпами сторожили ихъ здѣшніе охотники.

Іюня 11-го, разлившаяся рѣка вступила въ берега свои. Мы спустили на воду нашъ новопостроенный катеръ и дали ему имя: *Колыма*. По килю былъ онъ 14-ти футовъ и конструкціею походилъ на грузовой барказъ. Паруса сшили мы изъ найденныхъ въ здѣшнихъ магазинахъ парусовъ экспедиціи капитана Биллингса. Якорь сковали мы сами. Кромѣ того, для переправы черезъ неглубокія мѣста, построили мы еще родъ Юкагирской вѣтки, но только въ большемъ размѣрѣ, поднимавшей трехъ человѣкъ.

Всѣ приготовленія къ нашимъ экспедиціямъ были кончены. Якуты обязались доставить потребное число лошадей и проводниковъ въ Малое Чукотское, откуда предполагалось начать опись морскаго берега. Шлюпка была нагружена и готова къ отплытію. Гг. Матюшкинъ и Козьминъ должны были начать свои работы отъ рѣки Чу-

кочьей, а докторъ Киберъ желалъ насъ проводить до ближайшей деревни, и потому 17-го Іюня, подъ вечеръ, отправились мы всѣ вмѣстѣ, на шлюпкѣ, при свѣжемъ NNO-мъ вѣтрѣ, внизъ по Колымѣ *, которая противъ острога шириною на три версты. Вѣтеръ постепенно скрѣпчалъ, такъ, что съ трудомъ, лавировкою, подвигались мы впередъ, и въ 5-ти миляхъ отъ Нижне-Колымска принуждены были причалить къ восточному берегу рѣки, недалеко отъ устья ручья Татариновки.

Когда приближались мы къ берегу, собака наша выскочила изъ лодки въ воду, запуталась головою въ висѣвшихъ веревкахъ, и вѣроятно, задушилась бы, еслибы г. Матюшкинъ не отрѣзалъ веревки. Торопясь спасти жизнь нашему вѣрному товарищу, г. Матюшкинъ, вмѣстѣ съ веревкой, отрубилъ себѣ часть большаго пальца съ ногтемъ. Рана была сильна и отъ небрежности могла сдѣлаться опасною, а потому, по требованію доктора Кибера, я отправилъ съ нимъ раненаго обратно въ Колымскъ, для излеченія. Проводники приняли такое происшествіе за несчастное предзнаменованіе, а насъ заставило оно перемѣнить планъ работъ. Штурманъ Козьминъ долженъ былъ одинъ предпринять опись берега Ледовитаго моря, и докторъ Киберъ отложилъ свою поѣздку на Анюй.

Отправивъ больнаго, мы продолжали путь внизъ по рѣкѣ, и 25-го Іюня прибыли къ устью Ма-

* Быстрота теченія Колымы равняется здѣсь $^{3}/_{4}$ узла.

лой Чукочьей. Въ деревняхъ Черноусовѣ и Походскѣ получили мы благопріятныя извѣстія, что рыбная ловля идетъ удачно. Всѣ домы были обстроены вѣшалками изъ шестовъ, для просушиванія рыбы. Существованіе большей части здѣшнихъ жителей зависитъ единственно отъ удачи лѣтнихъ промысловъ, а потому употребляютъ они всѣ усилія обезпечить себя ими. Обыкновенно цѣлая деревня, или общество изъ нѣсколькихъ лицъ, устраиваютъ для лова поперегъ рѣки плетень, съ небольшимъ отверзтіемъ въ срединѣ, а противъ него ставятся корзины и невода всѣхъ участниковъ, попеременно, на 24 часа на долю каждаго. Корзины (мережи) въ теченіе такого времени нѣсколько разъ осматриваются, и добыча раздѣляется по равнымъ долямъ между участниками.

Подобная ловля чрезвычайно малосложна, и такъ легка, что исполняется обыкновенно женщинами и дѣтьми; мужчины, устроивъ плетень и приготовивъ все нужное, спѣшатъ на охоту, промыселъ неменѣе необходимый для пропитанія. Одни идутъ на карабасахъ * въ изобильныя дичью

* *Карабасами* называются здѣсь особаго рода грузовыя лодки, поднимающія иногда до 50-ти пудовъ. Онѣ выдалбливаются обыкновенно изъ одного бревна. Для того берутъ самыя здоровыя и толстыя деревья изъ рода тополныхъ осинъ. Верхне-Колымскъ славится своими карабасами. Суда сіи плоскодонны и для быстраго плаванія негодятся, но обыкновенно употребляются при рыбной ловлѣ. Вообще постройка, какъ карабасовъ, такъ и описанныхъ выше *шитиковъ*, а равномѣрно способъ управленія сими судами, доказываютъ, что жители Колымскаго округа имѣютъ еще весьма ограниченныя понятія о судоходствѣ.

мѣста, и обыкновенно возвращаются съ богатымъ грузомъ гусей и утокъ, которыхъ отчасти стрѣляютъ, отчасти бьютъ палками. Другіе, на лошадяхъ, отправляются въ тундры за оленями. Охотники выѣзжаютъ всегда въ двоемъ, и кромѣ хорошо обученныхъ собакъ, каждый привязываетъ къ своей лошади вѣтку. Главное искуство ловца состоитъ въ томъ, что надобно заставить оленя броситься въ воду и плыть на другой берегъ. Тогда охотники на своихъ вѣткахъ легко догоняютъ медленно плывущее животное и убиваютъ его поколюгами. Иногда охотники удаляются отъ своихъ жилищъ на нѣсколько дней ѣзды и не всегда бываютъ въ состояніи привезти домой убитаго оленя; въ такомъ случаѣ зарываютъ его въ землю, которая въ извѣстной глубинѣ никогда не оттаиваетъ. Тамъ оставляютъ добычу до первой санной дороги; нерѣдко однакожь волки предупреждаютъ хозяина, и вмѣсто оленя находитъ онъ одни кости его.

Недалеко отъ деревни Чукочьей, совсѣмъ неожиданно, встрѣтили мы цѣлое стадо оленей; избавляясь отъ жара и комаровъ, олени стояли по горло въ водѣ. Вѣтвистые рога ихъ издали походили на густой кустарникъ. Провожавшіе насъ Юкагиры тотчасъ бросились въ вѣтку и погнались за оленями, но не имѣя необходимыхъ для охоты оружій, они закололи только двухъ ланей. Мы изъ шлюпки подстрѣлили большаго оленя; остальные выплыли на берегъ и скрылись въ тундрѣ.

Въ Маломъ Чукочьемъ, къ досадѣ нашей, не нашли мы ни Якута, ни заказанныхъ лошадей, но за то были обрадованы извѣстіемъ, что рыбная ловля идетъ очень удачно и обѣщаетъ богатую добычу. Всѣ вѣшалки были наполнены просыхавшею рыбою, и тотчасъ принялись мы за постройку новыхъ. Большая часть наловленной рыбы была изъ рода сельдей и чировъ.

Наконецъ, 1-го Іюля, пріѣхалъ Якутъ съ пятью лошадьми, и сказалъ намъ, что болѣе такого количества собрать было невозможно. Изъ пяти лошадей только двѣ были столь сильны, что могли везти палатку, припасы, инструменты, и проч., а остальныя были такъ слабы, что едва годились для верховой ѣзды. По многочисленнымъ затрудненіямъ и опасностямъ предстоявшаго путешествія, черезъ безлюдныя пустыни, пересѣченныя выступающими изъ береговъ рѣками, не могъ бы я рѣшиться отправить столь малый отрядъ, еслибы не вполнѣ былъ увѣренъ въ опытности и усердіи г. Козьмина. Получивъ отъ меня инструкцію, отправился онъ 2-го Іюля въ путь, въ сопровожденіи Якута и молодаго казака. Для переправы черезъ рѣки привязали проводники къ лошадямъ своимъ вѣтки.

Люди, посланные на карабасѣ внизъ по Чукочьему протоку, для стрѣлянья гусей и лебедей, возвратились съ печальнымъ извѣстіемъ, что протокъ покрытъ еще твердымъ льдомъ. Такое обстоятельство заставило меня оставаться здѣсь, въ ожиданіи перемѣны вѣтра, который постоян-

но дулъ отъ N, или NW, и слѣдственно напиралъ въ рѣку морской ледъ. Увѣрившись въ невозможности проникнуть чрезъ устье на лодкѣ, и не желая терять здѣсь времени безъ всякой пользы, рѣшился я оставить пустынную страну, гдѣ на необозримомъ пространствѣ, не только нѣтъ деревъ и кустарниковъ, но даже и зеленая трава изрѣдка нарушаетъ утомительное однообразіе. Во все время моего здѣсь пребыванія рѣзкій сѣверный вѣтеръ наносилъ холодъ, такъ, что земля въ половинѣ Іюля мѣсяца часто покрывалась на нѣсколько дней снѣгомъ.

На шлюпкѣ отправился я вверхъ по рѣкѣ, занимаясь на пути опредѣленіемъ и осмотромъ самыхъ примѣтныхъ пунктовъ. При мнѣ были только два человѣка; матроса оставилъ я въ Чукочьемъ для охоты, а остальныхъ распустилъ по домамъ. Іюля 18-го причалили мы къ берегу недалеко отъ устья рѣчки Крутой, въ параллели Сухарной Сопки, положеніе которой хотѣлъ я опредѣлить наблюденіемъ. Здѣсь, среди пноваго кустарника, разбили мы палатки, и для защиты отъ комаровъ развели на подвѣтренной сторонѣ дымный костеръ.

Казалось, что въ это путешествіе долженъ я былъ испытать всякаго рода неудачи. Разныя препятствія и неблагопріятныя обстоятельства отняли у насъ много времени, а здѣсь едва было не лишился я плодовъ работы цѣлаго года. Чистую воду для питья и похлёбки должно было брать съ средины рѣки. Мы отправились за

нею, но, надѣясь на безвѣтріе, не почли необходимымъ при отъѣздѣ потушить костеръ. Едва лодка удалилась отъ берега, внезапный порывъ вѣтра бросилъ пламя костра на палатку, и прежде нежели мы прибѣжали туда, она и всѣ наши вещи уже обнялись пламенемъ. Потеря была чувствительна, но могла сдѣлаться невознаградимою, еслибы мнѣ не удалось спасти отъ огня обитый кожею ящикъ, гдѣ хранились всѣ наши журналы, описи, карты и инструменты. Къ счастію, огонь не коснулся еще ихъ и все было цѣло.

Столь непріятное происшествіе, лишивъ насъ всѣхъ дорожныхъ потребностей, заставило поспѣшить возвращеніемъ въ Нижне-Колымскъ. Іюля 20-го прибылъ я туда, и засталъ еще гг. Матюшкина и Кибера, приготовлявшихся къ путешествію на берега Анюя. Докторъ совѣтовалъ мнѣ, для облегченія ревматической боли, провести остальную часть лѣта въ Средне-Колымскѣ, говоря, что не столь суровый климатъ и легкая пища будутъ мнѣ гораздо полезнѣе всѣхъ лекарствъ. Іюля 26-го отправились мы изъ Нижне-Колымска. На шлюпкѣ, при попутномъ вѣтрѣ, поплылъ я вверхъ по рѣкѣ.

По мѣрѣ удаленія отъ острога и низменности, подверженной суровому вліянію Ледовитаго моря, страна оживляется и постепенно теряетъ однообразіе пустыни. Здѣсь обитаютъ трудолюбивые Средне-Колымскіе Якуты. Въ самомъ сѣверномъ селеніи сего народа, Низовомъ Олбутѣ, въ 150

верстахъ отъ Средне-Колымска, оставилъ я, 2-го Августа, лодку, и верхомъ поѣхалъ во внутренность страны. Послѣ унылыхъ ледяныхъ пустынь, среди которыхъ провелъ я столько времени, раемъ показались мнѣ здѣшнія поля, съ ихъ тучными пастбищами, многочисленными стадами и лиственничными и ивовыми рощами. Все дышало здѣсь жизнью. Особенно роскошны были прозябенія въ такъ называемыхъ *олбутахъ*, или высохшихъ (по здѣшнему, *вытечныхъ*) озерахъ, которыя, сколько извѣстно, только въ сѣверной Сибири такъ часто встрѣчаются. Олбуты суть ни что иное, какъ равнины, при весенних разливахъ рѣкъ покрывающіяся водою и образующія множество большихъ и малыхъ озеръ, по большей части весьма изобильныхъ рыбою. Зимою иногда, отъ сильныхъ морозовъ, въ землѣ происходятъ щели и трещины, и нерѣдко тянутся онѣ отъ подобнаго озера до ближайшей рѣки, куда истекаетъ вся озерная вода.

Теченіе начинается обыкновенно зимою и бываетъ столь быстро, что не перестаетъ и въ самые сильные морозы. Дно подобнаго озера, утучненное иломъ, порастаетъ вскорѣ потомъ густою, сочною травою, и Якуты поспѣшаютъ поселиться подлѣ него съ своими стадами. Отъ того наслѣги, т. е. селенія, гдѣ живутъ отдѣльные роды Якутовъ съ своими начальниками, называются *олбутами* *. Лѣтнія жилища сего народа,

* Еще примѣчанія достойное явленіе замѣчено между озерами, лежащими около Алазейскаго селенія. Зимою, при сильныхъ мо-

дѣятельнаго и веселаго, ихъ домашняя патріархальная жизнь, цвѣтущія окрестности, съ безчисленными стадами, представляли для меня особенную прелесть. Лѣтовье *Сыгли-Этаргъ*, гдѣ жилъ богатый Якутъ, со всѣми своими домочадцами, стадами рогатаго скота и конскими табунами, особенно мнѣ понравилось. Главный *уросъ* окружали меньшія палатки родственниковъ начальника; все было обнесено заколомъ, куда на ночь загоняли стада. Здѣсь все показывало изобиліе и напоминало патріархальное согласіе и чистоту нравовъ. Радушный пріемъ, теплый воздухъ долинъ, защищенныхъ холмами и рощами отъ суроваго вліянія вѣтровъ, изобиліе свѣжей легкой пищи, и наконецъ совершенное спокойствіе духа, въ отдаленіи отъ всѣхъ заботъ, побудили ме-

розахъ, вода изъ сихъ озеръ, безъ всякихъ побочныхъ истоковъ, съ шумомъ и мгновенно исчезаетъ, оставляя обсохшее поле, изрѣзанное глубокими и широкими трещинами. Такое странное явленіе происходитъ отъ особеннаго свойства почвы здѣшнихъ тундръ, и сколько мнѣ извѣстно, въ другихъ странахъ его незамѣчено. Здѣсь, подъ нетолстымъ слоемъ земли, на которомъ произрастаютъ травы, кустарники и деревья, всегда лежитъ ледъ, болѣе или менѣе перемѣшанный съ землею. Во многихъ мѣстахъ, въ глубинѣ четырехъ саженъ, находилъ я послѣдовательно горизонтальные слои чистаго льда и замерзшей земли, первые до 1-го, а вторые до 3-хъ футовъ толщиною. Подобнаго образованія лѣвый берегъ Колымы, оба берега Алазеи и дно всѣхъ *вытечныхъ* озеръ. Необходимое слѣдствіе весенняго разлитія рѣкъ, что при внезапно наступающихъ, сильныхъ морозахъ, земля, напитанная водою, трескается, какъ зимою трескаются деревья, и даже камни, если они проникнуты водяными частицами. Вѣроятно, отъ того образуются на днахъ озеръ глубокія трещины, куда утекаетъ вся вода.

ня провести здѣсь остатокъ лѣта и собрать силы для перенесенія новыхъ трудовъ предстоящей зимы.

Здѣсь встрѣтилъ я 82-хъ лѣтняго Якута, крестника лейтенанта Лаптева, въ 1739-мъ году объѣзжавшаго берега Колымы. Старикъ былъ здоровъ и бодръ, самъ исправлялъ еще всѣ домашнія работы, ѣздилъ верхомъ и загонялъ свои стада, и кромѣ того былъ онъ страстный охотникъ до чая и пунша. Жена его была изъ Русскихъ, и потому не только хорошо говорилъ онъ, но читалъ и писалъ по Русски, такъ что съ нимъ провелъ я много пріятныхъ и занимательныхъ часовъ. Онъ жаловался на невѣжество своихъ земляковъ, и полагалъ, что предки ихъ были гораздо образованнѣе. По его мнѣнію, Якуты утратили искуство писанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ дальнѣйшему образованію своему, при разлученіи отъ единоплеменныхъ имъ Татарскихъ ордъ. Также утверждалъ онъ, что Якуты обитали нѣкогда въ странахъ, далеко отсюда на югъ лежащихъ, и доказывалъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ упоминается о золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, о львахъ, тиграхъ, и другихъ предметахъ, совершенно неизвѣстныхъ нынѣшнимъ Якутамъ, жителямъ полярныхъ странъ. Подробностей о прежнемъ состояніи и древней отчизнѣ своего народа старикъ не зналъ, отъ того, что онѣ сохранялись только въ преданіяхъ, которыя исчезли вмѣстѣ съ шаманствомъ, при введеніи Христіанской ре-

лигіи. Напротивъ того, онъ много и основательно разсказывалъ о настоящемъ нравственномъ и физическомъ паденіи своихъ земляковъ, безпрестанно усиливающейся страсти ихъ къ тяжбамъ, наклонности къ обманамъ и воровству и гибельномъ пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ (самъ онъ впрочемъ страстно любилъ ихъ), чему приписывалъ и безсиліе и недолговѣчность нынѣшняго поколѣнія Якутовъ, изъ которыхъ никто не достигаетъ даже и 100 лѣтъ. Жаловался онъ также на дурной климатъ, частые неурожаи сѣна и многочисленность волковъ, нерѣдко истребляющихъ цѣлыя стада.

О древнемъ состояніи здѣшней страны узналъ я изъ разсказовъ старика и другихъ туземцовъ только слѣдующее:

Якуты, живущіе на берегахъ Колымы, не суть первобытные обитатели сихъ странъ. Прежде жили здѣсь четыре народа: *Омоки*, *Шелаги*, *Тунгусы* и *Юкагиры*. Омоки, осѣдлые рыбаки, и Шелаги, кочевавшіе съ стадами оленей, погибли частію въ битвахъ съ пришельцами, частію отъ заразительныхъ болѣзней, такъ что отъ сихъ двухъ народовъ сохранились только одни названія. Юкагиры нынѣ также малочисленнѣе и слабѣе прежняго. Въ древности кочевали они съ своими оленями, но большая часть ихъ, отъ повѣтрій и другихъ бѣдствій, лишилась стадъ, и нынѣ живетъ въ бѣдности, питаясь рыбою по берегамъ рѣкъ. Немногіе, сохранившіе оленей, удалились съ ними на прибрежныя тундры Ледови-

таго моря. Одни только Якуты сдѣлались многочисленнѣе; своимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ водворили они: скотоводство и коневодство въ странѣ, по качествамъ климата и почвы, казавшейся къ тому совершенно неспособною. Якуты, можно сказать, проложили путь въ сіи дикія пустыни смѣлымъ послѣдователямъ Ермака, которые ввели здѣсь Христіанскую религію и избавили многочисленный и суевѣрный народъ отъ варварскихъ обычаевъ шаманства *.

Якуты всѣ христіане, и Средне-Колымскій священникъ ежегодно объѣзжаетъ всѣ окрестныя селенія для совершенія священнодѣйствій. Особенною ревностью въ истребленіи шаманства отличался здѣсь протопопъ Слѣпцовъ. Онъ жилъ здѣсь около 20 лѣтъ, неутомимо преслѣдовалъ языческіе обычаи, безстрашно открывалъ, жегъ и уничтожалъ идоловъ и ихъ алтари, такъ что нынѣ не осталось почти никакихъ памятниковъ древняго язычества. Впрочемъ шаманы донынѣ являются между Якутами, хотя и тайно, и несмотря на христіанство имѣютъ довольно много приверженцовъ. Къ ихъ помощи прибѣгаютъ главнѣйше для открытія пропавшей вещи, и также для леченія домашнихъ животныхъ, а нерѣдко и людей. Не знаю, часто ли удаются шаманскія сред-

* Между прочимъ было здѣсь обыкновеніе привѣшивать новорожденныхъ дѣтей женскаго пола, въ корзинахъ, къ деревьямъ, гдѣ они и погибали, если не бывали замѣчены посторонними. И теперь еще во многихъ семействахъ есть нѣсколько женщинъ, спасенныхъ проходящими.

ства, но навѣрное можно сказать, что шаманы долго еще сохранятъ здѣсь между народомъ довольно значительное, такъ сказать, полицейское и медицинское вліяніе, тѣмъ болѣе, что въ семъ отношеніи, не только ихъ единоплеменники, но и многіе Рускіе охотно ищутъ ихъ помощи.

Здѣшніе Якуты составляютъ одно племя съ живущими въ окрестностяхъ Якутска. Языкъ, жилища, одежда у нихъ одни и тѣ же, и одинакій образъ жизни. Главное занятіе ихъ скотоводство, а рыбная ловля и охота суть занятія побочныя. Только по окончаніи сѣнокоса занимаются они рыболовствомъ, и только зимою, обыкновенно на лошадяхъ верхомъ, углубляются въ лѣсъ за лисицами и соболями. Иногда удается имъ убить оленя или медвѣдя. Оружіе ихъ составляютъ лукъ со стрѣлами и длинный широкій ножъ, называемый *пальма*.

Здѣшнія лошади должны сами себѣ доставать кормъ, выгребая копытами траву, или мохъ, изъ-подъ снѣга, а потому Якуты никогда не косятъ сѣна въ окрестностяхъ своихъ зимнихъ юртъ. Но съ наступленіемъ весны немедленно переходятъ они на другія поля, изобильныя травою, и дѣлаютъ тамъ большіе запасы сѣна для своихъ стадъ рогатаго скота. Лошадямъ даютъ его только за нѣсколько дней до поѣздки, и потому всю зиму онѣ очень худы и безсильны. Во время сѣнокоса Якуты питаются обыкновенно однимъ *кумысомъ*, и выпиваютъ его иногда по цѣлому

ведру. Впрочемъ, несмотря на такую пищу, они не только не хвораютъ, но даже здоровѣютъ.

Благосостояніе Якутовъ, и даже существованіе ихъ, основывается на стадахъ рогатаго и коннаго скота, а также зависитъ отъ большаго или меньшаго запаса сѣна, собраннаго для нихъ въ краткое лѣто. Дѣятельность и усилія Якутовъ во время сѣнокоса превосходятъ всякое описаніе. Внезапная и ранняя зима ведетъ здѣсь за собою всегда самыя гибельныя послѣдствія, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Августа 22-го холодный, рѣзкій NW вѣтеръ нагналъ сильный снѣгъ, которымъ покрыло несобранное въ копны сѣно и внезапно превратило лѣто въ зиму. Несчастные жители лишились большей части запасовъ, пріобрѣтенныхъ тягостными трудами. Къ тому присоединилась еще сильная стужа; озера замерзли; изъ лѣсовъ вышло множество волковъ и въ одинъ мѣсяцъ задушили они до 80 коровъ. Къ дополненію бѣдствія, Колыма, отъ сильныхъ дождей, выступила изъ береговъ и рыбная ловля была неудачна.

Всеобщее уныніе заступило тогда мѣсто безъ-заботной веселости. Всѣ боязливо ожидали зимы, и увѣренные въ недостаткѣ корма, заранѣе уже оплакивали необходимость уменьшить число своихъ стадъ.

Раннее наступленіе зимы заставило меня подумать о возвратномъ пути. Августа 31-го отправился я водою, и провелъ первую ночь въ Русской деревнѣ, на рѣкѣ Тимкинѣ (въ 40 верстахъ

отъ Нижне-Колымска.) На другое утро (1-го Сентября) вся рѣка была покрыта льдомъ, такъ что съ трудомъ достигли мы на лодкѣ Колымы, по ширинѣ своей и сильному волненію еще свободной отъ льда. Въ тотъ же день прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

Здѣсь нашелъ я унтеръ-офицера Рѣшетникова, и онъ донесъ мнѣ, что выстроилъ при устьи Большой Баранихи станъ. Во время работы часто подвергался онъ нападеніямъ бѣлыхъ медвѣдей, и замѣтилъ, что въ окрестностяхъ стана во множествѣ линяли гуси и лебеди, а море изобивало гольцами.

Вскорѣ послѣ того возвратился матросъ изъ Малаго Чукочья, съ извѣстіемъ, что 21-го Августа Чукотскій протокъ покрылся твердымъ льдомъ. Сильныя бури и вьюги неблагопріятствовали птичьей охотѣ, но несмотря на то, удалось ему настрѣлять довольно гусей и лебедей. Наша рыбная ловля была также очень удачна.

Между тѣмъ зима быстро приближалась. Сентября 6-го показались на Колымѣ большія льдины, а 8-го рѣка стала. Все время шелъ сильный снѣгъ и засыпалъ безлюдное мѣстечко, обитатели котораго не успѣли еще возвратиться съ лѣтнихъ промысловъ. Въ началѣ лѣта, какъ выше было сказано, всѣ жители отправляются на рыбную ловлю, и въ Колымскомъ острогѣ обыкновенно остается только одинъ старый казакъ для караула въ канцелярскомъ домѣ. На сей годъ уединеніе инвалида раздѣляла старуха, слишкомъ

слабая для лѣтнихъ работъ, и они прорыли и протоптали въ глубокомъ снѣгу тропинку отъ острога къ рѣкѣ. Такимъ образомъ все народонаселеніе мѣстечка состояло, кромѣ старой четы, изъ меня и еще трехъ служителей экспедиціи.

Одинъ за другимъ возвращались съ лѣтнихъ промысловъ жители, и съ трудомъ выгребали свои жилища изъ-подъ снѣга, наполнившаго даже комнаты, потому что ледяныя стекла лѣтомъ растаяли и ставни не могли удерживать снѣга, наносимаго сильнымъ вѣтромъ и вихремъ. Извѣстія, привезенныя жителями, не были радостны. Оленья охота Юкагировъ не удалась; рыбы наловлено было мало и также несчастливы были и окрестные жители. Все предсказывало недостатки и голодъ.

Среди всеобщихъ заботъ былъ я на нѣкоторое время развлеченъ почтою изъ Якутска. Давно ожиданныя письма перенесли меня въ отдаленный кругъ родственниковъ и друзей, и доставили несказанное наслажденіе, хотя оно нѣсколько нарушалось мыслью, что *шесть мѣсяцовъ пути* отдѣляютъ меня отъ всего близкаго сердцу.

Сентября 29-го возвратились съ Анюя гг. Матюшкинъ и Киберъ, а чрезъ недѣлю обрадовалъ насъ пріѣздомъ г. Козьминъ, счастливо окончившій опись берега Ледовитаго моря. Такимъ образомъ опять соединились мы, и занимаясь днемъ приведеніемъ въ порядокъ журналовъ, картъ и описей, сходились по вечерамъ подлѣ пылающа-

го камина и проводили время въ разсказахъ о нашихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ. Содержащія въ себѣ много важнаго и любопытнаго замѣчанія г. Матюшкина составляютъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА III.

Отчетъ г. Матюшкина о путешествіи къ Большому и Малому Анюямъ. Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска. Мамонтовыя кости. Плотбище. Первобытные жители страны. Нынѣшнее народонаселеніе. Переходы оленей и охота. Дальнѣйшее путешествіе. Скала *Обломъ*. Общія замѣчанія о *Маломъ Анюѣ*. Путешествіе верхомъ по берегамъ *Большаго Анюя*. Рѣка *Камешкова*. Охота за пушными звѣрями. Ловушки. Мѣстечки *Сладкое* и *Лабазное*. День тезоименитства Государя Императора. Несчастная оленья охота. Голодъ. Возвратный путь водою. Урочище *Долгое*. Рѣкоставъ. Дальнѣйшій путь на нартахъ. Прибытіе въ Нижне-Колымскъ. Общія замѣчанія о племенахъ, живущихъ на берегахъ Большаго Анюя.

Іюля 20-го 1821 года, отправился я съ докторомъ Киберомъ, казакомъ и двумя проводниками, при свѣжемъ NNW вѣтрѣ, на нашей лодкѣ, къ устью Большаго Анюя, нѣсколькими рукавами впадающаго въ Колыму противъ Нижне-Колымскаго острога. Вскорѣ послѣ насъ прибылъ сюда и карбасъ, назначенный для нашей дальнѣйшей поѣздки. Нагрузивъ его всѣми необходимыми потребностями, мы поплыли на веслахъ по Большому Анюю, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ почти неимѣющему никакого теченія. Ночью

достигли мы лѣтовьевъ Колымскихъ жителей, занимающихся здѣсь, при устьяхъ двухъ небольшихъ ручьевъ, рыбною ловлею. Съ весеннею водою рыба поднимается противъ теченія рѣкъ къ верховьямъ и въ озера, а лѣтомъ во множествѣ возвращается въ море. Обыкновенно для ловли, часто весьма изобильной, устроиваютъ въ рѣкахъ заколы.

Окончательныя приготовленія къ путешествію и наемъ гребцовъ задержали насъ здѣсь нѣсколько времени, такъ что только 23-го Іюля могли мы отправиться далѣе. Въ 10-ти верстахъ отсюда впадаетъ рѣчка *Баюкова*, текущая съ юга, изъ высокихъ горъ, синѣющихся на горизонтѣ. Далѣе течетъ еще рѣчка, соединяющая *Большой* съ *Малымъ*, или *Сухимъ Анюемъ*. Мы проплыли по ней двадцать верстъ, слѣдуя по ея своенравнымъ, крутымъ изгибамъ, и остановились ночевать на низменномъ нещаномъ островѣ, гдѣ были въ безопасности отъ посѣщенія медвѣдей, во множествѣ показывавшихся на берегахъ рѣки. Въ слѣдующіе два дня (24-го и 25-го), при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, лодка подвигалась довольно быстро, но безпрерывный сильный дождь промочилъ насъ до костей. Наконецъ, мы достигли полуразвалившагося балагана, *Кильдена*, построеннаго на небольшомъ возвышеніи у лѣваго берега рѣки, купцами, проѣзжающими здѣсь въ Островное. Тутъ можно было укрыться отъ ливня, обсушить платья и обогрѣться. Мы остались на мѣстѣ цѣлый день. Проводники исправляли

карбасъ и придѣлали къ нему шестъ для бичевы, необходимой здѣсь по причинѣ быстраго теченія. Между тѣмъ я писалъ свой путевой журналъ и вносилъ въ него сдѣланныя наблюденія. Трудность и невозможность обозначенія всѣхъ изгибовъ рѣки, по которымъ мы должны были слѣдовать, и разстояній одного мѣста отъ другаго, принудили меня довольствоваться наблюденіями широтъ и пеленговъ, для опредѣленія положенія замѣчательнѣйшихъ пунктовъ.

Видѣнные нами берега Анюя однообразны и пустынны, какъ ихъ окрестности, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто болотъ, поросшихъ стелющимся тальникомъ, попадаются здѣсь мѣстами хорошіе луга. Правый берегъ выше лѣваго и обставленъ крутыми, нависшими, пещаными холмами, саженъ по 30-ти вышиною. Только отъ морозовъ удерживаютъ они свой возвышенный видъ, ибо слабые лучи солнца не могутъ растопить вѣчнаго льда, служащаго главнымъ основаніемъ холмовъ. Едва тонкій, верхній слой ихъ растаиваетъ лѣтомъ; снизу подмываются они рѣкою и отъ того иногда обрушиваются отъ нихъ большія глыбы мерзлой земли, и тогда являются наружу, болѣе или менѣе сохранившіяся, кости разныхъ животныхъ.

Не имѣя смѣлости, ни разбирать существующія предположенія о томъ, какимъ образомъ очутились здѣсь сіи остатки допотопныхъ животныхъ, ни моимъ мнѣніемъ увеличивать число гипотезъ, необходимымъ считаю однакожъ обратить

вниманіе естествоиспытателей на два довольно замѣчательныя обстоятельства: первое, отъ чего клыки, рога и остовы, принадлежащіе, вѣроятно, различнымъ породамъ животныхъ, но извѣстные здѣсь подъ общимъ именемъ *мамонтовыхъ костей*, попадаются не въ одинаковомъ количествѣ по всей поверхности Сибири, а лежатъ огромными слоями, или пластинами, которыя становятся чаще и изобильнѣе по мѣрѣ приближенія къ сѣверу? Второе, отъ чего клыки, или рога, попадаются всегда въ несоразмѣрномъ количествѣ съ другими костями? Нерѣдко находятъ вмѣстѣ десять большихъ рогъ, слѣдственно, отъ пяти животныхъ, а подлѣ нихъ лежащія кости бываютъ при томъ недостаточны для составленія даже и одного скелета. Всего болѣе мамонтовыхъ костей находятъ на Ляховскихъ островахъ и Новой Сибири *, откуда вывозятъ ихъ ежегодно по нѣскольку сотъ пудовъ; на твердой землѣ встрѣчаются онѣ менѣе, а въ южныхъ частяхъ Сибири находятся чрезвычайно рѣдко. Замѣчено еще, что лучше сохранившіеся и огромнѣйшіе клыки попадаются на сѣверѣ, гдѣ, по увѣренію промышленниковъ, находятъ иногда клыки вѣсомъ по 12-ти пудовъ, тогда, какъ здѣсь вѣсъ клыка рѣдко бываетъ болѣе 5-ти пудовъ. Не смотря на великое количество мамонтовыхъ костей, ежегодно изъ Сибири вывозимыхъ, уменьшенія ихъ не замѣтно, и въ 1821 году одинъ Якутскій мѣща-

* Путешествіе Рѣшетникова и Санникова, см. выше, часть I, стр. 132 — 139.

нинъ вывезъ изъ Новой Сибири клыковъ до 500 пудовъ, лучшаго качества.

Іюля 26-го отправились мы далѣе. Рѣка съ каждою верстою становилась быстрѣе. Теченіемъ своимъ образуетъ она безчисленныя, короткія излучины и цѣпи мѣлкихъ острововъ. Русло и берега ея усѣяны остроконечными камнями и утесами. Не смотря на искуство гребцовъ, теченіе бросило насъ на камень, съ такою силою, что дно лодки проломилось и она получила течь. Впрочемъ, такое происшествіе ни мало не затруднило Сибирскихъ мореходцовъ; они набѣжали на первый песчаный островъ, разгрузили, перевернули лодку вверхъ дномъ, задѣлали на скорую руку отверзтіе и поплыли далѣе. Кромѣ потери двухъ часовъ времени, остановка не причинила намъ никакого вреда. Берега рѣки далѣе становятся скалистѣе, и доказываютъ постепенный переходъ къ каменистому образованію; вмѣсто мѣлкаго красноватаго песка, лежатъ дресва и мѣлкіе камни, а подлѣ Молотковской излучины замѣтили мы первыи слои шифера, проросшаго кварцовыми жилами. Прозябеніе здѣсь также многообразнѣе и изобильнѣе; въ долинахъ растутъ душица, богородская трава, и другія, а мѣстами показывается Сибирскій кедръ, впрочемъ рѣдко выше 3 и 4 футовъ, и всегда съ опущенными внизъ вѣтвями.

Весьма медленно плыли мы противъ быстраго теченія (при всѣхъ усиліяхъ дѣлая неболѣе 2-хъ узловъ, т. е. около 4-хъ верстъ, въ часъ) такъ,

что только на третій день достигли *Плотбища*, урочища, гдѣ осенью олени обыкновенно переправляются черезъ рѣку. Они еще не проходили. Сюда собралось между тѣмъ множество Юкагировъ изъ окрестныхъ селеній, уже терпѣвшихъ голодъ, а также приплыли на вѣткахъ Русскіе изъ Нижне-Колымска, и всѣ съ боязненнымъ нетерпѣніемъ ожидали прихода оленей. Отъ большаго или меньшаго изобилія промысла зависятъ участь и существованіе почти всего народонаселенія окрестностей. Русскіе и зажиточные охотники устроили себѣ изъ вѣтвей и дерна небольшія землянки, а бѣднѣйшіе изъ Юкагировъ жили подъ открытымъ небомъ.

Престарѣлый, зажиточный Юкагирскій старшина Коркинъ радушно пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, и угостилъ всѣмъ, что только у него было лучшаго, т. е. сухою олениною и оленьимъ жиромъ, довольно старымъ и сохраняемымъ въ пузыряхъ. Съ рѣдкимъ добродушіемъ, Коркинъ безвозмездно угощалъ такимъ образомъ всѣхъ проѣзжающихъ. При всеобщемъ недостаткѣ и неизвѣстности будутъ ли еще удачны оленья охота и рыбная ловля, такая щедрость покажется неумѣстною, даже безразсудною, но въ ней-то именно и состоитъ истинное гостепріимство, равно отличающее народы, живущіе отъ Москвы до Камчатки и отъ Кавказа до Ледовитаго моря. Здѣсь особенно, между кочующими племенами Сибири, сохранилась еще сія истинно патріархальная добродѣтель, побуждающая хозяина съ

рѣдкимъ самоотверженіемъ уступать гостю первое мѣсто и лучшій кусокъ.

Докторъ Киберъ, найдя разныя медицинскія и естествоиспытательныя занятія, пожелалъ остаться въ Плотбищѣ на нѣсколько дней *. Я воспользовался временемъ, стараясь собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о жителяхъ страны и ихъ нынѣшнемъ и первобытномъ состояніи.

До покоренія Русскими народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Многія племена, какъ то: *Шелаги*, *Аноилы*, *Омоки*, и другія, названія которыхъ сохранились въ преданіяхъ, нынѣ совершенно исчезли. Однакожъ и въ наше время, на весьма небольшихъ пространствахъ, живетъ въ Сибири по восьми и по десяти различныхъ народовъ, всѣ отличаясь одинъ отъ другаго языкомъ, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ, и такое обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что нѣкоторые изъ сихъ, такъ называемыхъ *народовъ*, состоятъ только изъ нѣсколькихъ семействъ, но тѣмъ неменѣе сохранили свою народную отличительность. Вѣроятно, различныя поколѣнія, здѣсь разсѣянныя, суть остатки первобытныхъ многочисленныхъ обитателей, или отдѣльныя семейства, случаемъ отторгнутыя отъ

* Между другими болѣзнями свирѣпствовала здѣсь, такъ называемая, *черная немочь*, родъ сыпи, или болячекъ на лицѣ, рукахъ и ногахъ. Чаще всего случается она съ женщинами и влечетъ за собою обыкновенно истерическіе припадки. По мнѣнію народа, сія болѣзнь насылается на людей злыми волшебниками.

своихъ соотечественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покореніе Сибири заставило кочующіе народы, привыкшіе къ независимости, подвинуться далѣе на востокъ, а сіи переселенія, также и кровопролитныя междоусобныя войны, опустошительныя болѣзни, и наконецъ сліяніе разныхъ племенъ между собою и съ Русскими, постепенно истребили первобытныхъ жителей страны. Такъ, между прочимъ, *Омоки*, по преданію, многочисленный и богатый народъ, совершенно погибли, и въ ихъ бывшемъ отечествѣ живутъ нынѣ небольшія орды Юкагировъ, Ламутовъ, Тунгусовъ, Коряковъ, Чуванцовъ, Якутовъ, и т. д.

Нашъ хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ происходитъ отъ Омоковъ, и не мало гордился тѣмъ, что въ его семействѣ во всей чистотѣ сохранился языкъ сего народа. Коркинъ часто и охотно разсказывалъ мнѣ много чудеснаго и невѣроятнаго о своихъ предкахъ, ихъ богатствахъ, храбрости, битвахъ съ иноземцами, и вообще съ удовольствіемъ говорилъ о старинѣ. По его словамъ, на берегахъ Колымы, къ сѣверу отъ Омолона и на устьяхъ обоихъ Анюевъ, жили нѣкогда Омоки, миролюбивый и столь многочисленный народъ, что тогда говаривали: «на берегахъ Колымы болѣе Омокскихъ огнищъ, нежели въ ясную ночь звѣздъ на небѣ». Омоки занимались охотою и рыбною ловлею; и то и другое, а особенно рыболовство въ Колымѣ и побочныхъ рѣкахъ, были очень изобильны. Народъ Омокскій стоялъ уже на нѣкоторой степени промышленнаго образова-

нія и задолго до пришествія Русскихъ зналъ употребленіе желѣза. При завоеваніи Сибири, гибельные предшественники Русскихъ, корь, оспа и другія прилипчивыя болѣзни произвели ужасныя опустошенія между туземцами. Омоки рѣшились, оставивъ свое отечество, удалиться туда, гдѣ вѣчные снѣга и льды могли спасти ихъ отъ преслѣдованія чужеземцовъ, и отправились двумя большими отдѣленіями, со всѣмъ своимъ имуществомъ и безчисленными оленями, отъ устья Колымы на сѣверъ. Куда направили Омоки свой путь, гдѣ поселились, и вообще о дальнѣйшей судьбѣ ихъ старикъ ничего не зналъ. Я распрашивалъ другихъ, но никто не могъ мнѣ сообщить никакихъ достовѣрныхъ извѣстій.

Вѣроятно, что Омоки пошли на западъ берегами Ледовитаго моря, потому что при устьѣ рѣки Индигирки находятся донынѣ явные и многочисленные слѣды юртъ и другихъ жилищъ, о происхожденіи и существованіи которыхъ туземные старожилы ничего не помнятъ, кромѣ того, что сіи развалины, съ незапамятныхъ временъ, назывались *Омокскимъ юртовищемъ*. Существованіе Омоковъ не подлежитъ сомнѣнію, но куда они скрылись? Гдѣ живутъ нынѣ потомки сего, нѣкогда многочисленнаго народа? Вопросы неразрѣшенные.

На оставленныхъ Омоками берегахъ Колымы поселились разные народы, изъ коихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: *Юкагиры*, съ верховьевъ сей рѣки, *Тунгусы*, изъ Амурскихъ степей, и

Чуванцы, вытѣсненные Чукчами съ береговъ Анадыра.

Въ такомъ положеніи была здѣшняя страна въ 1750 году, когда Якутскій Воевода Павлуцкій, подкрѣпляемый многочисленными тогда Чуванцами и Юкагирами, предпринялъ походъ на Чукчей. Не смотря на побѣды союзниковъ, окончаніе войны было неблагопріятно для Сибиряковъ. Большая часть Юкагировъ, и почти всѣ Чуванцы, пали въ кровопролитныхъ битвахъ. Заразительныя болѣзни произвели окончательное опустошеніе между туземцами и Рускими. Два раза свирѣпствовала здѣсь оспа; послѣ того корь и горячки истребили множество народа, а наконецъ сильно распространившіяся венерическія болѣзни, всегда неизлѣчимыя въ сей странѣ, по недостатку свѣжей, легкой пищи и суровому климату; онѣ нанесли окончательный ударъ туземцамъ.

Нынѣ все народонаселеніе береговъ Малаго Анюя состоитъ изъ нѣсколькихъ Юкагирскихъ семействъ. Лишась своего единственнаго богатства, домашнихъ оленей, они принуждены были отказаться отъ кочевой жизни, поселились здѣсь, приняли Христіанскую вѣру, и постепенно утрачиваютъ свою народность, нравы и обычаи. Господствующій языкъ у нихъ нынѣ Русскій.

Домы здѣшнихъ Юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большой части изъ одной пространной комнаты. Въ ней всегда налѣво отъ входа, вмѣсто обыкновенной въ Русскихъ избахъ печи, помѣщается *чувалъ*, или

очагъ, гдѣ безпрерывно горитъ огонь, для согрѣванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образа; по стѣнамъ развѣшиваются ружья, луки и стрѣлы; на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по срединѣ ставится большой столъ, и широкія лавки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда Юкагировъ совершенно сходна съ одеждою живущихъ здѣсь Рускихъ и соотвѣтствуетъ суровому климату. Мужчины и женщины одинаково носятъ *парки, камлейки*, и т. д., изъ оленьихъ шкуръ, съ тою разницею, что женщины повязываютъ голову платкомъ, и на наркахъ дѣлается у нихъ откидной воротникъ изъ соболя, или россомахи, а на мужскихъ бываетъ стоячій воротникъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха. Впрочемъ женская одежда сшивается изъ шкуръ оленьихъ выпороткова, вырѣзанныхъ изъ живота самки, а мужская просто изъ молодыхъ оленей.

Въ очеркѣ лица Юкагиры почти совершенно сходны съ здѣшними Рускими, или здѣшніе Рускіе, можетъ быть, похожи на Юкагировъ. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое, довольно правильное лицо, и удивительная, особенно у женщинъ бѣлизна тѣла, составляютъ отличительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни Юкагировъ видѣнъ еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, веселаго расположенія духа кочеваго народа; у нихъ сохранилось еще во всей чистотѣ радушное гос-

тепріимство, какъ равно и нѣкоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Къ несчастію, отъ сообщенія съ Русскими, на которыхъ смотрятъ они, какъ на своихъ поработителей, между Юкагирами вкоренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой и старый, играетъ, или на скрыпкѣ, или на балалайкѣ *. У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсней есть что-то особенное, неправильное и дикое, сначала непріятное для слуха, но въ послѣдствіи оно можетъ нравиться. Вообще Юкагиры при пѣніи импровизируютъ, не только слова пѣсенъ, но и самые напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсенъ Юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается притомъ о соловьѣ, сизокрылomъ голубкѣ, рѣшетчатыхъ окнахъ, и другихъ предметахъ, нынѣ Юкагирамъ совершенно неизвѣстныхъ. Можетъ быть, сіи понятія принесены сюда предками Юкагировъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія стари-

* Странно, что при такой общей наклонности Юкагировъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента; по крайней мѣрѣ, мнѣ не удалось замѣтить ничего.

ны, хотя туземцы, особенно нашъ хозяинъ Коркинъ, разсказывали много чудеснаго о похожденіяхъ своихъ предковъ. Я говорилъ о томъ нѣкоторымъ пѣвицамъ; онѣ отвѣчали, что то не ихъ дѣло и что онѣ о томъ не поютъ. Мужчины, напротивъ того, воспѣваютъ собственные подвиги, напоминаютъ убитаго оленя, низложеннаго медвѣдя, или преодолѣнную опасность, превознося притомъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Единственныя занятія здѣшнихъ жителей суть рыбная ловля и охота. Рыболовство менѣе значительно, потому что большая морская рыба поднимается только до Плотбища. Произведенія прозябаемаго царства, подъ суровымъ небомъ и на землѣ почти вѣчно скованной морозомъ, чрезвычайно скудны *. Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней безплодной страны зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду, а отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удаляться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры, гдѣ водятся другіе Сибирскіе звѣри. Время переправы оленей черезъ Анюй составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и Юкагиры съ такимъ же боязненнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія сего животнаго, съ какимъ земледѣль-

* Здѣсь растутъ нѣсколько породъ ягодъ и сладковатый, мучнистый корень макарши; женщины собираютъ его лѣтомъ, или осенью и зимою вырываютъ изъ норъ земляныхъ мышей.

цы другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы, или собиранія винограда.

Олени два раза въ годъ переправляются здѣсь черезъ рѣки, весною и осенью, но по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткимъ промежуткомъ времени, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ Мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тянутся на сѣверныя тундры, отыскивая лучшій кормъ и избѣгая комаровъ, съ первою теплою погодою являющихся во множествѣ, и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго Сибирскаго лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ, или ловить петлями, но послѣднее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и ранами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шкура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты и въ дырахъ.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда сіи животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и

шкура, покрытая уже новою шерстью, тверда и прочна. Разница въ добротѣ между весеннею и осеннею кожами оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а много за полтора, но за вторую надобно платить отъ 5-ти до 8-ми рублей.

Когда пріѣхали мы въ Плотбище, все собранное тамъ пародонаселеніе находилось еще въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленьи показывались въ долинѣ, къ сѣверу отъ Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки, и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олени, какъ мнѣ казалось, всегда ходятъ особыми табунами, по 200 и по 300 головъ каждый, но такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Дорога оленей почти всегда одна и та же, т. е. между верховьями Сухаго Анюя и Плотбищемъ. Для переправы обыкновенно спускаются олени къ рѣкѣ по руслу высохшаго, или маловоднаго протока, выбирая мѣсто, гдѣ противолежащій берегъ отлогъ. Сначала весь табунъ стѣсняется въ

одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается весь табунъ, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ, за камнями и кустарниками, обыкновенно подъ вѣтромъ отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое, или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются въ табунъ и колютъ, съ невѣроятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположнаго берега.

Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться, или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку, погибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣ-

стѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ, менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табунъ весьма многочисленъ и придетъ въ безпорядокъ, поколка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ (уснувшихъ) оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно-охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ соблюдаютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ только маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и издыхаютъ уже на берегу. Впрочемъ,

такіе промышленники слывутъ въ народѣ *худыми людьми*; тѣмъ не менѣе однакожъ употребляются и уважаются по недостатку опытныхъ охотниковъ.

Оленья охота въ водѣ представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканіе раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью покольщики, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обагренная кровью поверхность рѣки — все вмѣстѣ составляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

По окончаніи охоты и раздѣлѣ добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ они черезъ нѣсколько часовъ портятся и начинаютъ гнить, а напротивъ въ холодной текучей водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ, или при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе Русскіе иногда также солятъ лучшія части. Особымъ лакомствомъ почитаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Мы провели въ Плотбищѣ двѣ недѣли, и по совершеніи окончаніи счастливой оленьей охоты отправились, 13-го Августа, поутру, далѣе.

Къ ночи прибыли мы въ *Аргуново*, гдѣ застали нѣсколько Юкагирскихъ семействъ; они встрѣтили здѣсь также довольно большой табунъ оленей и получили богатую добычу.

Въ 20-ти верстахъ отсюда впадаетъ съ правой стороны въ Анюй рѣка *Погиндена*, равная ему шириною и объемомъ воды. Въ теченіи своемъ Погиндена не столь глубока, но быстра, и образуетъ множество пороговъ и водопадовъ, отъ чего и оленьи табуны не посѣщаютъ ее. Потому, не смотря на выгодное положеніе, берега Погиндены остаются необитаемы. Зимою замерзшая рѣка составляетъ удобную гладкую дорогу къ верховьямъ Березовой и Баранихи, куда здѣшніе Юкагиры ѣздятъ на промыселъ дикихъ барановъ.

У Аргунова берега Анюя становятся разнообразнѣе и красивѣе. Вмѣсто крутыхъ, черныхъ скалъ, изрѣдка прорѣзанныхъ ручейками, видите здѣсь отлогія прибрежья, образующія большія излучины, и самая рѣка усѣяна островками, покрытыми купами высокихъ деревъ. Все составляетъ пріятную и живописную картину; она оживлялась еще при насъ стадами оленей, отдѣлившимися отъ своихъ товарищей и догонявшими ихъ небольшими табунами. Теченіе здѣсь весьма быстро, и намъ можно было подвигаться медленно и съ большою осторожностію.

Августа 16-го ночевали мы въ глубокомъ оврагѣ, между двумя скалистыми горами *Пендиной* и *Огородомъ*. Вторая получила свое названіе отъ

того, что подлѣ нее находится обнесенное заборомъ мѣсто, куда туземцы, разными средствами, стараются загонять небольшіе табуны дикихъ оленей, и тамъ безъ труда колютъ ихъ.

Вечеръ былъ ясный. Желая взять нѣсколько пеленговъ, пошелъ я на одну изъ горъ, но съ половины высоты увидѣлъ, что весь горизонтъ заставленъ цѣпями островершинныхъ черныхъ утесовъ и сопокъ, дѣлавшихъ невозможнымъ исполненіе моего намѣренія. Надобно было возвратиться къ товарищамъ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, съ разсвѣтомъ, отправились мы далѣе. Вскорѣ мы увидѣли цѣль нашего путешествія, скалу *Обромъ*, съ ея увѣнчанною облаками вершиною, и проѣхавъ опустѣлый Островенскій острогъ, прибыли въ *Обромское лѣтовье*, лежащее въ 250-ти верстахъ отъ Нижне-Колымска, на лѣвомъ берегу рѣки, прямо противъ упомянутой скалы. Мы нашли здѣсь только голодавшихъ старухъ и дѣтей; мужчины и женщины посильнѣе пошли къ верховьямъ рѣки, на встрѣчу оленей, которые здѣсь еще не показывались.

Докторъ Киберъ пожелалъ остаться здѣсь на нѣсколько дней. Пользуясь временемъ, я бродилъ съ ружьемъ за плечами по окрестности, отчасти для осмотра страны, а отчасти въ надеждѣ пополнить дичью нашу оскудѣвшую провизію. Охота моя была неудачна, и стараясь хоть чѣмъ нибудь вознаградить потерянные труды, рѣшился я взобраться на вершину Обромской скалы. У подошвы ея встрѣтился мнѣ Юкагиръ, искавшій въ

кустахъ ягодъ и кореньевъ для прокормленія своего голодавшаго семейства, и вызвался служить мнѣ проводникомъ. Мы начали подниматься на гору, карабкаясь руками и ногами по крутымъ ложбинамъ и отстоямъ, или перескакивая съ камня на камень. Послѣ часоваго труднаго пути выбился я изъ силъ и хотѣлъ возвратиться, но проводникъ мой, знавшій хорошо всѣ тропинки, рѣшительно объявилъ, что спуститься съ горы можно только по противоположному скату, котораго достигнуть нельзя иначе, какъ черезъ вершину. Къ счастью, мы попали на оленью тропу, и она доставила намъ, хотя не совсѣмъ удобную, но однакожъ безопасную дорогу, и послѣ трехъ часовъ пути привела благополучно на вершину скалы, покрытую снѣгомъ.

Только тотъ, кто самъ бывалъ въ сѣверныхъ странахъ Сибири, можетъ имѣть ясное понятіе о не увлекающихъ взоръ, но истинно величественныхъ и поражающихъ красотахъ природы, свойственныхъ здѣшнимъ льдистымъ, безжизненнымъ, пустыннымъ краямъ.

Подо мной тянулись разнообразно развѣтвлявшіяся цѣпи горъ, окруженныхъ яркою зеленью, съ увѣнчанными снѣгомъ вершинами, теряясь въ голубоватыхъ льдахъ и туманахъ никогда нетающаго моря. Багровые лучи солнца, предвѣстники приближавшейся бури, окрашивали бѣлые верхи горъ прозрачнымъ розовымъ цвѣтомъ и рисовались безчисленными радугами въ наполненной ледяными частицами атмосферѣ. Мѣстами,

какъ острова среди океана тумановъ, торчали черные, обнаженные, зубчатые верхи утесовъ. Картина представляла нѣчто неописанно величественное. Совершенная безжизненность и могильная тишина поражали меня. Внезапно поднялся сильный восточный вѣтеръ. Природа оживилась; вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ и оврагахъ; песокъ и снѣгъ клубились и столбами поднимались къ небу. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на возраставшую бурю, но мой проводникъ испугался и спѣшилъ удалиться, прежде нежели наступитъ вьюга. Мы спустились по болѣе отлогому скату горы и съ наступленіемъ ночи достигли рѣки; здѣсь нашли мы лодку и счастливо возвратились домой.

До половины высоты своей Обромъ поросъ лѣсомъ; у подошвы его растетъ густой, высокоствольный лѣсъ, а далѣе стелется низменный, изогнутый кедровникъ, и наконецъ встрѣчаются только низкая твердая трава и сѣрый мохъ. Вся гора состоитъ главнѣйше изъ неровнаго, ломаннаго и вывѣтрѣлаго гранита; мѣстами попадается шиферъ. Въ щеляхъ и углубленіяхъ вѣками образовался тонкій слой земли и въ немъ растутъ разныя прозябенія.

Непогода, бури, дожди и снѣга продолжались нѣсколько дней сряду. Деревья обнажились отъ зелени, берега и скаты горъ покрылись снѣгомъ, а края рѣки льдомъ *. По нашимъ понятіямъ

* По здѣшнему говорится: «рѣка дала *забереги*.» Такъ называются здѣсь первый ледъ осенью и первая вода весною, выступающія у береговъ.

наступала зима, но Юкагиры увѣряли, что *осень только начинается*, и спокойно оставались въ своихъ лѣтовьяхъ.

Августа 21-го начали мы обратный путь. При помощи быстраго теченія и крѣпкаго попутнаго вѣтра дѣлали мы по пяти узловъ въ часъ, и на слѣдующій день въ вечеру прибыли въ Плотбище. По берегамъ раздавались здѣсь веселыя пѣсни Рускихъ и Юкагировъ, праздновавшихъ счастливое окончаніе охоты. У береговъ, въ водѣ, лежала еще часть убитыхъ оленей, покрытыхъ древесными вѣтвями, а другая была уже приготовлена для храненія впрокъ. По дорогѣ встрѣчали мы многихъ туземцовъ, спѣшившихъ домой на лодкахъ, таща за собой по рѣкѣ добычу.

Отъ Оброма до Плотбища весь Анюй усѣянъ безчисленными островами, мѣлями и камнями, весьма затрудняющими плаваніе, а выше Обромской скалы дѣлающими его вовсе невозможнымъ. Анюй принимаетъ въ себя много рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ съ горъ, и потому, при малѣйшемъ дождѣ, или оттепели, дѣлается онъ полноводнымъ, и нѣсколько разъ въ годъ выступаетъ изъ береговъ, смывая притомъ существовавшія прежде мѣли и острова, образуя новые, влача въ быстромъ теченіи огромныя глыбы камней и перемѣняя безпрестанно фарватеръ, причемъ надвигаетъ пороги и водопады тамъ, гдѣ за нѣсколько дней было глубокое мѣсто. Анюй перемѣняетъ также часто русло свое, такъ что и прибрежные

жители никогда не могутъ совершенно знать теченія рѣки.

Отъ Плотбища хотѣли мы продолжать наше путешествіе по Большому Анюю на лошадяхъ, которыхъ принуждены были ждать до 25-го Августа. Начало поѣздки нашей было весьма затруднительно и непріятно; надлежало пробираться по *бадаранамъ*, обнаженнымъ болотамъ, при сильномъ рѣзкомъ вѣтрѣ, густой вьюгѣ и утопая въ снѣгу. Такъ проѣхали мы 30 верстъ, и достигли довольно высокаго хребта, отдѣляющаго Большой Анюй отъ Малаго. Здѣсь встрѣтилъ насъ житель здѣшнихъ горъ, большой черный медвѣдь; онъ внезапно выскочилъ изъ-за кустовъ; лошади наши испугались и поднялись на дыбы, но и медвѣдь струсилъ, увидѣвъ передъ собою шесть всадниковъ. Онъ бросился обратно въ лѣсъ и скрылся, прежде нежели мы успѣли взяться за ружья. Подобныя встрѣчи не всегда оканчиваются столь счастливо, и въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, медвѣдь вломился ночью въ ламутскую юрту и передавилъ въ ней всѣхъ обитателей, кромѣ одного, нашедшаго средство уйдти.

Верстахъ въ трехъ отъ подошвы горы, на берегу рѣчки *Камешковой*, впадающей въ Большой Анюй при мѣстечкѣ *Пятистѣнномъ*, расположились мы ночевать и развели большой огонь; было еще довольно рано. На свѣжемъ снѣгу видны были многочисленные слѣды соболей, и взявъ съ собой ружье, я рѣшился попробовать счастья на охотѣ. Вѣроятно, неопытность и непривычка

моя были причиною, что мнѣ не удалось, не только убить, но даже и увидѣть какого нибудь соболя; за то я настрѣлялъ куропатокъ, и онѣ составили весьма пріятный и полезный прибавокъ къ нашему скудному обѣду.

Берега обоихъ Анюевъ обставлены безчисленнымъ множествомъ ловушекъ, силковъ, кляпцовъ и пастниковъ всякаго рода, для соболей, россомахъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ, которыя, не смотря на постоянное преслѣдованіе ихъ съ незапамятныхъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Обыкновенно, каждую осень ловятъ здѣсь отъ 200 до 300 соболей и соразмѣрное съ тѣмъ количество пушныхъ звѣрей низшей доброты. Каждый трудолюбивый Юкагиръ сжегодно выставляетъ съ первымъ снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіе зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при каждомъ осмотрѣ въ 8 или 9-й ловушкѣ находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго скрѣпленія, чрезвычайно разнообразны, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманный механизмъ заслуживаетъ удивленіе. Онѣ такъ приспособлены къ свойствамъ, походкѣ и силѣ каждой породы попадающихся здѣсь звѣрей, что ка-

жется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.

Нужда лучшій наставникъ людей. Она заставила Юкагировъ и сосѣднихъ имъ народовъ, по недостатку другихъ родовъ промышленности, обратить всѣ умственныя свои способности на ловлю звѣрей и обученіе необходимыхъ для охоты собакъ, *манщиковъ* *, и проч., и должно признаться, что туземцы довели въ томъ и другомъ искуство до высокой степени совершенства.

Вечеромъ 26-го Августа прибыли мы въ маленькое мѣстечко *Тигишку*, лежащее на Большомъ Анюѣ, гдѣ нашли только двухъ старухъ и нѣсколько полуголодныхъ дѣтей. Мой сопутникъ, докторъ Киберъ сдѣлался боленъ и не могъ продолжать пути верхомъ, такъ что мы принуждены были остаться здѣсь цѣлый день. Отсюда послалъ я одного изъ нашихъ проводниковъ, на вѣткѣ, вверхъ по рѣкѣ, къ мѣстечку *Сладкому*, гдѣ собрались для оленьей охоты почти всѣ прибрежные жители Анюя, и гдѣ потому можно было достать просторную лодку для насъ и нашихъ вещей, которыя въ продолженіе путешествія значительно умножились. На другой день посланный возвратился и привелъ съ собой карбасъ, который былъ однакожь такъ малъ, что мы ни-

* *Манщиками* (отъ слова: *манить*) называютъ домашнихъ оленей, пріученныхъ отвлекать дикихъ оленей отъ табуновъ и подводить на разстояніе выстрѣла къ своему хозяину, или въ разставленный капканъ. Хорошій, надежный манщикъ дорого цѣнится, и обученіе его требуетъ большихъ трудовъ и терпѣнія.

какъ не могли помѣститься въ немъ съ нашими вещами. Уступивъ лодку больному, я рѣшился ѣхать верхомъ по берегу до Лабазнаго. Тамъ надѣялись мы найдти лодку поболѣе, и согласно съ нашимъ первоначальнымъ планомъ, продолжать вмѣстѣ путешествіе до устья Ангарки, куда приходятъ иногда Чукчи для мѣновой торговли.

Августа 28-го отправился я въ путь, черезъ лѣса и болота, по глубокому снѣгу. Проѣхавъ цѣлый день, при густой мятели и рѣзкомъ вѣтрѣ, мы достигли рѣчки *Вьтреповки*, берега которой, крутые и возвышенные, доставили намъ защиту отъ непогоды. Лѣсъ, по которому шла дорога, былъ гораздо выше и толще, нежели встрѣчаемый на берегахъ Малаго Анюя. Кромѣ большихъ лиственницъ, попадаются здѣсь довольно высокія березы, тополы, ивы и другія древесныя породы. Въ чащѣ лѣса нашли мы нѣсколько гробницъ древнихъ первобытныхъ обитателей здѣшней страны. Онѣ состояли изъ небольшихъ, сколоченныхъ изъ бревенъ строеній (на подобіе описанныхъ выше сайбъ), куда клали трупы умершихъ, совершенно одѣтые, съ луками, стрѣлами и копьями. Въ одной изъ гробницъ нашли мы остатки бубна и нѣсколько мѣдныхъ колецъ и колокольчиковъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, погребенному тутъ шаману. На горѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, мы замѣтили довольно большое строеніе, похожее на полуразрушенный острогъ; бревна, изъ которыхъ оно было построено, по видимому, срублены были каменными то-

порами. Ненадежно замерзшее болото и сильная вьюга препятствовали мнѣ приблизиться къ строенію, разрушенный видъ котораго не обѣщалъ впрочемъ богатой добычи.

Рѣчка Вѣтреновка течетъ частыми излучинами, въ крутыхъ, скалистыхъ берегахъ. Между холмами и утесами попадаются здѣсь низменности и овраги, покрытые пескомъ и грудами остроокраенныхъ камней, которые вода еще не округлила. Здѣсь, такъ же, какъ на Сухомъ Анюѣ, замѣтилъ я, по большей части, шиферныя и шпатовыя жилы, проросшія кварцомъ и карніоломъ; послѣдній въ незначительныхъ массахъ, а первый большими пластинами. Въ одномъ изъ ущельевъ, въ пескѣ, нашелъ я хорошо сохранившуюся мамантовую скулу, съ нѣсколькими боковыми зубами.

Послѣ неудобно проведенной ночи, отправились мы далѣе. Еще вчера казалось мнѣ, что нашъ проводникъ, Юкагиръ, не такъ-то хорошо знаетъ дорогу, а нынѣ, замѣтивъ снова, что онъ сворачиваетъ, безъ всякой видимой надобности, то направо, то налѣво, я объявилъ ему мои сомнѣнія на счетъ его познаній. Юкагиръ обидѣлся моимъ отзывомъ, и въ доказательство того, что онъ уже неоднократно бывалъ здѣсь, назвалъ по именамъ всѣ горы, отдѣльныя скалы и ручьи, мимо которыхъ мы проѣзжали. Между тѣмъ совершенно стемнѣлось. Мы ѣхали по глубокимъ оврагамъ и ложбинамъ, среди крутыхъ горъ, въ

густомъ лѣсу. Лошади измучились и все общество громко роптало на незнаніе проводника, который признался наконецъ, что заблудился, и совершенно не знаетъ, куда завелъ насъ. Я принужденъ былъ самъ отыскивать выходъ изъ пустыни, и полагая, что Анюй лежитъ на западъ отъ насъ, направился туда. По неимѣнію компаса, оставленнаго въ лодкѣ, я могъ руководствоваться только корою лиственницъ, которая здѣсь, какъ и по всей сѣверной Сибири, на обращенной къ сѣверу сторонѣ дерева бываетъ черна, а на южной красновата, и нерѣдко служитъ путеводителемъ заблудившимся охотникамъ. Не смотря на сумерки, мы поѣхали далѣе, и вскорѣ достигли рѣчки, которую почли за одинъ изъ притоковъ Анюя. Избѣгая трудной и опасной въ темнотѣ дороги черезъ горы и ущелья, мы слѣдовали по теченію рѣчки, постепенно расширявшейся и принявшей сѣверо-западное направленіе. Проѣхавъ такимъ образомъ 20 верстъ, къ великой радости услышали мы вдали плески волнъ большой рѣки, выступившей отъ прибылой воды изъ береговъ и съ ревомъ стремившейся черезъ камни и скалы. Черезъ четверть часа достигли мы Большаго Анюя, и увидѣли, что послѣ долгаго, безполезнаго скитанія, проѣхали только до мѣстечка Сладкаго, лежавшаго передъ нами на другой сторонѣ рѣки. Двѣ уцѣлѣвшія стѣны балагана доставили намъ на ночь нѣкоторую защиту отъ вѣтра и мятели. Здѣсь, въ черно-шиферномъ утесѣ *Сладкой горы*, находятъ землю бѣло-

ватаго цвѣта, сладкаго, вяжущаго вкуса, которая, по увѣренію туземцовъ, весьма полезна противъ поноса. Я велѣлъ принести мнѣ такой земли, желая показать ее доктору Киберу, но къ сожалѣнію, по неосторожности при вырываніи, такъ смѣшали ее съ посторонними веществами, что никакъ уже нельзя было опредѣлить ея составныхъ частей. Кажется, впрочемъ, что сія земля того же рода, какой находятъ около Охотска и прибавляютъ тамъ къ мукѣ при печеніи хлѣбовъ.

Нашъ огонь привлекъ съ противолежащаго берега нѣсколько Юкагировъ; они привезли намъ свѣжей оленины, и разсказали, что докторъ Киберъ сегодня прибылъ въ Сладкое. Оставивъ утомленныхъ лошадей и вещи свои подъ охраненіемъ Юкагира, обѣщавшаго доставить мнѣ ихъ въ цѣлости, я отправился въ легкой лодкѣ къ доктору Киберу. На другой день вмѣстѣ поѣхали мы далѣе, и послѣ семи часовъ опаснаго, по причинѣ сильнаго вѣтра и волненія, плаванія, прибыли 30-го Августа счастливо въ Лабазное, гдѣ около сего времени производится обыкновенно изобильная поколка оленей.

Издали услышали мы нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и отголоски веселыхъ пѣсенъ. На берегу встрѣтили насъ Юкагирскіе князки *Рупачевъ* и *Чайнъ*, и разсказали, что они празднуютъ день тезоименитства Государя Императора, по здѣшнему *Бѣлаго Царя*, или *Тирикъ-Аремъ* (Сына Солнца). Мы соединились съ ними, раздѣлили между туземцами порядочную порцію вина и та-

баку, и тѣмъ немало возвысили общую веселость. Мужчины показывали намъ свое искуство стрѣлять въ цѣль изъ луковъ и ружей, бѣгали въ запуски и перегонялись на лодкахъ, а женщины пѣли и плясали; такое веселье продолжалось до разсвѣта. Вѣроятно, этотъ день во многихъ странахъ Россіи праздновали гораздо торжественнѣе, но трудно представить себѣ радость беззаботнѣе и искреннѣе той, которая оживляла жителей мѣстечка Лабазнаго, въ *двѣнадцати тысячахъ верстъ* отъ столицы лежащаго.

Пока спутникъ мой съ утра до ночи занимался поданіемъ помощи страждущимъ, и многимъ изъ нихъ счастливо доставлялъ большое облегченіе, принужденъ я былъ проводить время въ совершенномъ бездѣйствіи, потому что безпрерывная вьюга препятствовала мнѣ осматривать окрестность, и только однажды дала возможность взять полуденную высоту для опредѣленія широты мѣста.

Здѣшніе жители разсказывали мнѣ, что въ окрестныхъ горахъ часто попадаются кристаллы колчедана и карніола, а въ устьяхъ рѣкъ большія глыбы *кремней* съ отпечатками растеній и раковинъ. Вообще Большой Анюй, при большемъ народонаселеніи и разнообразіи произведеній царствъ прозябаемаго и животнаго, представляетъ для естествоиспытателей предметъ гораздо занимательнѣе, нежели берега Сухаго Анюя. Мы весьма сожалѣли, что позднее время года и безпрерывный снѣгъ не позволяли намъ подробнѣе

изслѣдовать страну, и часто принуждали насъ руководствоваться неполными, темными и непадежными разсказами туземцовъ.

Олени здѣсь еще не проходили. Трудно себѣ представить, до какой степени достигаетъ голодъ среди здѣшнихъ народовъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими имъ постелями и одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поравну между членами цѣлаго рода и съѣдается, въ полномъ смыслѣ слова, съ *костями* и *шкурою*. Все, даже внутренности и толченые рога и кости, употребляется въ пищу, потому что надобно чѣмъ нибудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ. Въ продолженіе нашего здѣсь пребыванія приходъ оленей былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ.

Наконецъ, 12-го Сентября, на правомъ берегу рѣки, противъ Лабазнаго, показались отрада и спасеніе туземцовъ — безчисленный табунъ оленей покрылъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистые рога ихъ колыхались, какъ будто огромныя полосы сухаго кустарника. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились Якуты, Чуванцы, Ламуты и Тунгусы, пѣшкомъ и въ лодкахъ, въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бѣдствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица и все предсказывало обильный промыселъ. Но къ ужасу всѣхъ,

внезапно раздалось горестное, роковое извѣстіе: «*Олень пошатнулся!*» Дѣйствительно, мы увидѣли, что весь табунъ, вѣроятно устрашенный множествомъ охотниковъ, отошелъ отъ берега и скрылся въ горахъ. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, внезапно лишеннаго всѣхъ средствъ поддерживать свое бѣдственное существованіе. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія. Женщины и дѣти стонали громко, ломая руки; другія бросались на землю и съ воплями взрывали снѣгъ и землю, какъ будто приготовляя себѣ могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда.....

Кончивъ всѣ наши занятія и не имѣя средствъ пособить народному бѣдствію, мы отправились 13-го Сентября изъ Лабазнаго, куда пріѣхали среди радостныхъ восклицаній, и гдѣ теперь слышали только вопли и плачъ. Не смотря на сильный, совершенно противный вѣтеръ, плаваніе наше, при помощи теченія, шло довольно быстро, такъ что къ вечеру проѣхали уже мы 40 верстъ и прибыли въ мѣстечко Сладкое. Отъ Лабазнаго до мѣстечка *Долгаго*, въ 80-ти верстахъ лежащаго, по правому берегу тянется безпрерывная цѣпь высокихъ горъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, упираясь нависшими, крутыми скалами въ рѣку, образуетъ она мысы. Горы и утесы состоятъ здѣсь, по большей части, изъ сѣраго гранита и

чернаго шифера. Между ними видны изрѣдка слои желѣзной охры, а на берегу попадаются обломки гранита, яшмы и кариіоловъ.

По всей дорогѣ видѣли мы, что туземцы страдали отъ холода, и отчаявшись въ оленьемъ промыслѣ, прибѣгали къ рыбной ловлѣ. Лѣтомъ употребляются для того сѣти, невода, мережи, и устроиваются заколы въ устьяхъ притоковъ Большаго Анюя, а осенью перегораживаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ самую рѣку. Большой Анюй хотя и не очень широкъ, но глубокъ и теченіе его плавное, непрерываемое порогами и водопадами; потому рыба поднимается въ него довольно высоко, даже за Лабазное, и ловъ бываетъ иногда весьма изобильный. Въ нынѣшнемъ году, къ несчастью жителей, рыбы оказалось такъ мало, что прибрежные туземцы остались въ самомъ безпомощномъ и ужасномъ положеніи.

Путешествіе наше становилось съ каждымъ днемъ труднѣе. Холодъ усиливался; ледъ у береговъ дѣлался шире, и во многихъ, менѣе быстрыхъ мѣстахъ покрывалъ уже всю рѣку, такъ, что мы принуждены были топорами и шестами прокладывать себѣ путь. Все заставляло насъ спѣшить, чтобы до совершеннаго рѣкостава достигнуть селенія, гдѣ можно было намъ запастись всѣмъ нужнымъ для дальнѣйшаго путешествія. Съ трудомъ доплыли мы до скалы *Большой Брусянки*, гдѣ находилось лѣтовье Юкагирскаго Князка, у котораго могли мы надѣять-

ся найдти удобное убѣжище. Здѣсь обождали мы, пока рѣка совершенно замерзла и установился зимній путь. Ледъ въ Большомъ Анюѣ, какъ вообще во всѣхъ значительныхъ рѣкахъ Сибири, образуется двоякимъ образомъ. Во первыхъ, въ Мокенскихъ заливахъ и около береговъ, подобно небольшимъ озерамъ, поверхность воды, даже при весьма небольшомъ морозѣ, покрывается ледянымъ слоемъ. Во вторыхъ, наиболѣе, ледъ образуется въ руслѣ на днѣ рѣки, между камнями, и отъ множества подводной травы получаетъ видъ замерзшей зеленой тины. Когда такая ледяная глыба перейдетъ уже въ значительный объемъ, то отстаетъ отъ дна и поднимается на поверхность воды, гдѣ тотчасъ превращается въ твердый ледъ, смѣшанный съ травою, пескомъ и мѣлкими камнями. Потомъ отдѣльныя льдины слѣпляются и въ короткое время рѣка совершенно замерзаетъ, такъ, что по ней можно уже ѣздить.

Во время нашего пребыванія у Большой Брусяики холодъ ни разу не былъ сильнѣе 10°, по Реомюру. Температура воды перемѣнялась весьма медленно; въ теченіе семи дней, на глубинѣ 4-хъ футовъ, она спустилась съ $1\frac{1}{2}°$ до $\frac{5}{4}°$.

Сентября 24-го кончили мы всѣ необходимыя приготовленія и въ нартахъ отправились далѣе. По недостатку корма, худыя и безсильныя собаки бѣжали весьма медленно, такъ, что только 28-го Сентября довезли насъ до *Пятистѣннаго*, Якутскаго селенія. Имя его происходитъ отъ ле-

жащаго вблизи, высокаго, отдѣльнаго утеса, пять равныхъ сторонъ котораго подымаются перпендикулярно отъ земли и придаютъ ему видъ огромной башни.

Здѣсь нашли мы свѣжихъ, сильныхъ собакъ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхали въ *Басково*, гдѣ есть лѣтовья нѣсколькихъ Русскихъ семействъ изъ Нижне-Колымска.

Отъ Брусяики начинаются почти плоскіе берега, изрѣдка прерываемые небольшими пещаными холмами, каждый годъ подмываемыми водой и постепенно обрушивающимися. Вся окрестность усѣяна безчисленными мѣлкими озерами; между ними тянутся низменныя болота, поросшія стелящимися кустарниками. Изрѣдка, на сухихъ мѣстахъ и возвышеніяхъ, попадаются небольшія деревья. Вся страна уныла, пустынна и не представляетъ никакого предмета, могущаго привлечь вниманіе путешественника. Проѣхавъ пять дней по сей обнаженной степи, наконецъ, 26-го Сентября, послѣ *семидесяти - дневнаго* отсутствія, прибыли мы въ Нижне-Колымскъ.

Къ сожалѣнію, наше путешествіе было неизобильно занимательными наблюденіями, отчасти по самому качеству края, а отчасти потому, что позднее время года и почти безпрерывная мятель отнимали у насъ возможность углубляться внутрь страны, не обѣщавшей впрочемъ много достопримѣчательнаго путешественнику. Прибавлю здѣсь еще нѣсколько словъ о жителяхъ сей части Сибири.

Большая часть народовъ, живущихъ нынѣ по берегамъ, Анюевъ прежде кочевала, обладая безчисленными стадами оленей. Послѣ покоренія Сибири и обложенія туземцовъ *ясакомъ*, или податью, они не смѣли уже скитаться произвольно по необозримымъ тундрахъ своей отчизны, и должны были кочевать на извѣстномъ пространствѣ, куда были приписаны. Слѣдствіемъ сего было постепенное истребленіе ихъ оленьихъ стадъ, отъ недостатка пищи въ кочевьяхъ, назначенныхъ каждому поколѣнію, и отъ того, что каждая зараза непремѣнно распространялась на всѣ стада, которыя не могли, какъ прежде, убѣгать въ отъ отдаленныя тундры и тѣмъ спасаться повѣтрія. Такъ, мало по малу, истреблялись здѣшніе кочевые народы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и охота дѣлалась менѣе изобильна, потому что по мѣрѣ поселенія людей въ пустыняхъ, дичь тамъ исчезала и скрывалась въ лѣса.

Отъ безпрерывныхъ сношеній съ Рускими покоренные народы переняли у нихъ образъ жизни, одежды, устройства хижинъ, и наконецъ замѣнили оленей собаками *. Языкъ побѣдителей также постепенно получалъ преимущество и дѣлался общимъ. По крайней мѣрѣ, почти всѣ туземцы понимаютъ теперь нашъ языкъ и говорятъ

* Первый изъ народовъ, употребившій собакъ для перевоза тяжестей, были, безъ сомнѣнія, Камчадалы, отъ которыхъ заимствовали такое обыкновеніе Рускіе, потому, что всѣ другіе народы сѣверо-восточной Сибири въ прежнія времена ѣздили, какъ ѣздятъ донынѣ Чукчи, только на оленяхъ.

по Русски. Они сохранили только свойственную кочевымъ народамъ безпечность о будущемъ. Какъ предки ихъ, они не готовятъ себѣ никакихъ запасовъ, или весьма малые, совершенно несоразмѣрные съ продолжительностью зимы; здѣсь главная причина голода, ежегодно возобновляющагося. Сверхъ того, будучи подданными и союзниками Рускихъ, туземцы сдѣлались непримиримыми врагами дикихъ сосѣдей, Чукчей и Коряковъ, непозволяющихъ имъ приближаться къ своимъ границамъ. Кровопролитныя войны и заразительныя болѣзни, какъ выше было мною замѣчено, истребили наконецъ значительную часть обитателей здѣшнихъ странъ, такъ, что нѣкоторые изъ народовъ, здѣсь бывшихъ, существуютъ только по названію. Единственно привязанность къ родной землѣ и совершенное притомъ, и у звѣролововъ замѣчательное, незнаніе края по ту сторону Колымы, препятствуютъ туземцамъ разселяться на западъ и удерживаютъ ихъ въ льдистой пустынѣ, гдѣ только оленья охота и рыбная ловля доставляютъ имъ самое скудное пропитаніе.

Говорятъ, что Чуванцы нѣсколько разъ просили уже позволенія переселиться на необитаемые, плодородные берега Анадыра и Пенжины, но Колымскіе Коммисары не соглашались на ихъ просьбу, опасаясь лишиться значительной прибыли отъ мѣховой торговли сего народа.

Незначительная часть Чуванцовъ и одинъ наслѣгъ Юкагировъ, князка Чайна, ведутъ еще ко-

чевую жизнь. Отъ своихъ осѣдлыхъ единоплеменниковъ отличаются они одеждою и языкомъ. Одежда ихъ совершенно сходна съ Чукотскою, а что касается до языка, то, по рѣдкости непосредственныхъ и продолжительныхъ сношеній съ Рускими, сохранили они въ большой чистотѣ свой природный языкъ. Число такихъ кочевыхъ жителей въ окрестностяхъ обоихъ Анюевъ простирается до 400 человѣкъ. Всѣ они обложены ясакомъ и вносятъ его мѣхами и деньгами.

Осѣдлые съ давнихъ временъ на берегахъ Анюевъ Тунгусы и Ламуты, лишась стадъ своихъ, занимаются только охотою и рыбною ловлею, и равномѣрно предоставлены голоду и бѣдности. Въ такомъ положеніи находятся и Якуты, переселенные сюда съ береговъ Алдана по распоряженію Правительства, для перевоза съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей въ Анадырскую крѣпость. Удалясь отъ своихъ соотечественниковъ, они сдѣлались совершенно Рускими и занимаются рыбною ловлею.

Въ новѣйшее время прибрежное народонаселеніе Анюевъ увеличилось, но не въ слѣдствіе большаго благосостоянія туземцовъ, а отъ того, что нѣкоторыя поколѣнія, кочевавшія прежде по тундрѣ, лишились своихъ стадъ и принуждены были поселиться на берегахъ рѣкъ.

Всѣ сіи различные народы крещены, и однажды въ годъ, когда Нижне-Колымскій священникъ объѣзжаетъ селенія и деревни своего прихода, присутствуютъ при богослуженіи. Хо-

тя подобные объѣзды, по обширности страны и разсѣянному народонаселенію, сопряжены съ великими затрудненіями и неудобствами, однакожь священники всегда щедро за то награждаются своими прихожанами и возвращаются въ Нижне-Колымскъ, обыкновенно, съ нѣсколькими нартами, тяжело нагруженными множествомъ драгоцѣннѣйшихъ мѣховъ. Безъ сомнѣнія, введеніе христіанской религіи истребило здѣсь много пагубныхъ суевѣрій, но доселѣ, не смотря на всѣ усилія Правительства и священниковъ, шаманы сохранили однакожь значительное вліяніе между здѣшними народами, и принимаютъ всевозможныя мѣры поддержать увѣренность въ сверхъестественную силу и связь свою съ добрыми и злыми духами. Даже и нынѣ, не только прежніе язычники, но и природные Рускіе иногда прибѣгаютъ еще къ помощи шамановъ, для открытія воровства, или отклоненія какого нибуть предстоящаго несчастія. Впрочемъ, шаманство у большей части здѣшняго народа утратило свой прежній религіозный характеръ, и превратилось въ простое колдовство, такъ, что нынѣ нерѣдко отъ скуки, для препровожденія времени, призываютъ колдуна и просятъ его «немного пошаманить.»

Не смотря на сближеніе и почти совершенное сліяніе съ Рускими, туземцы сохранили однакожь нѣчто отличительное въ образованіи лица, внѣшнемъ видѣ, пріемахъ и вообще образѣ жизни.

Подобно всѣмъ обитателямъ полярныхъ сѣвер-

ныхъ странъ, они невысокаго роста, но широкоплечи и крѣпкаго тѣлосложенія. Голова ихъ противъ туловища слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоско и широко: большія щеки суживаютъ ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму. Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія. Суровость климата, голодъ и недостатки, кажется, препятствуютъ здѣсь совершенному развитію физической природы человѣка, и такое вліяніе оказываетъ климатъ и на умственныя силы сѣверныхъ Сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло, и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены. Незнакомые съ наслажденіями жизни, располагающими обитателей другихъ, болѣе счастливыхъ земель къ радости и печали, любви и ненависти, народы полярныхъ странъ живутъ, или лучше сказать, прозябаютъ въ убивающемъ однообразіи, безпрерывной борьбѣ съ недостатками, голодомъ и стужею, и незамѣтно переходя отъ юношества къ старости, безъ всякаго сожалѣнія оставляютъ потомъ жизнь, представлявшую имъ одни лишенія, безъ радостей и безъ наслажденій.

ГЛАВА IV.

—

Путевой журналъ штурмана Козьмина, въ 1821-мъ году, при описи береговъ Ледовитаго моря, между устьями рѣкъ Малой Чукочьей и Ядигирки.

—

Порученную мнѣ опись части берега Ледовитаго моря надлежало начать съ деревни Малой Чукочьей. Іюля 2-го кончены были всѣ необходимыя приготовленія, и по утру, въ $11\frac{1}{2}$ часовъ, отправился я въ путь, при пасмурной погодѣ и $7\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла.

Рѣка *Малая Чукочья* вытекаетъ изъ озера сего имени, лежащаго въ 10-ти верстахъ къ WNW отъ ея устья и имѣющаго до 18-ти верстъ въ длину, отъ W къ O, а въ ширину около 8-ми верстъ. Оно соединяется протокомъ съ озеромъ Боковымъ, почти равной съ нимъ величины. Въ 8-ми верстахъ къ югу отъ восточной оконечности Боковаго лежитъ третье озеро, называемое *Нерпичьимъ*, по найденной на берегахъ его мертвой

*

перпѣ (тюленю). Оно, отъ W къ O, почти на 15 верстъ длины. Изъ западной оконечности его вытекаетъ рѣка *Убіенная*, а изъ юго-восточной *Походская* и обѣ впадаютъ въ Колыму. Всѣ сіи три рѣки изобилуютъ рыбою, и потому весьма важны для жителей Колымскаго округа.

Отъ устья Малой Чукочьей берегъ къ западу весьма низменъ, почти равенъ съ водою и усѣянъ безчисленными, разной величины озерами. Здѣсь всегда лежитъ множество наноснаго лѣса. Лошади наши, не привыкшія безпрестанно переступать и скакать черезъ бревна и кучи лѣса, на каждомъ шагу спотыкались, и наконецъ сдѣлались до такой степени пугливы, что мы едва могли управлять ими. Лодки наши сильно повредились, а вьючныя лошади вырвались, сбросили поклажу и убѣжали на тундру, гдѣ мы съ трудомъ поймали ихъ.

Такимъ образомъ проѣхали мы 36 верстъ до рѣки Убіенной и остановились на ночлегъ въ балаганѣ, построенномъ Колымскими жителями, посѣщающими сіи мѣста для рыбной ловли.

По утру 3-го Іюля сильный вѣтеръ нагналъ густой туманъ; вечеромъ шелъ снѣгъ, при $1^1/_2°$ холода; въ полдень термометръ показывалъ столько же градусовъ тепла. Слѣдуя по теченію Убіенной къ NO, въ $12^1/_2$ верстахъ отъ нашего ночлега достигли мы устья сей рѣки, образующей здѣсь небольшой заливъ, называемый жителями *Убіенная лайда*. Сильный вѣтеръ не позволилъ

намъ переправиться въ лодкахъ на противолежащій берегъ, и мы принуждены были слѣдовать изгибомъ залива до устья рѣки *Конковой*, гдѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ.

Послѣдняя часть сегодняшняго пути была чрезвычайно затруднительна. Сильный NO вѣтеръ поднималъ на морѣ большія волны и онѣ набѣгали на низменный берегъ, такъ что лошади нерѣдко шли по грудь въ водѣ. На небольшомъ возвышеніи нашли мы два шпангоута, повидимому, довольно значительнаго судна, скрѣпленные деревянными нагелями; уцѣлѣвшіе два желѣзные гвоздя заставляли предполагать, что ими была прикрѣплена внѣшняя обшивка судна. На WtN, въ разстояніи 13 верстъ, видны были Тунгускія юрты.

Ночью на 4-е Іюля вѣтеръ перешелъ къ сѣверу. Густой туманъ, то разстилался по землѣ, то снова поднимался. Поутру термометръ показывалъ 1° тепла, но мы весьма зябли, потому что платья наши были совершенно мокры, а при сильномъ вѣтрѣ и влажномъ воздухѣ не было возможности развести огня. На разсвѣтѣ увидѣли мы, что вся окрестность и наши вещи и платья были покрыты тонкою, бѣлою, окристаллизованною корою солоноватаго вкуса. Лошади стояли на своемъ мѣстѣ и жевали траву, которая также была покрыта подобною корою. Въ послѣдствіи замѣтилъ я, что сѣверные и сѣверо-западные вѣтры всегда покрываютъ землю такими кристал-

перпъ (тюленю). Оно, отъ W къ O, почти на 15 верстъ длины. Изъ западной оконечности его вытекаетъ рѣка *Убіенная*, а изъ юго-восточной *Походская* и обѣ впадаютъ въ Колыму. Всѣ сіи три рѣки изобилуютъ рыбою, и потому весьма важны для жителей Колымскаго округа.

Отъ устья Малой Чукочьей берегъ къ западу весьма низменъ, почти равенъ съ водою и усѣянъ безчисленными, разной величины озерами. Здѣсь всегда лежитъ множество наноснаго лѣса. Лошади наши, не привыкшія безпрестанно переступать и скакать черезъ бревна и кучи лѣса, на каждомъ шагу спотыкались, и наконецъ сдѣлались до такой степени пугливы, что мы едва могли управлять ими. Лодки наши сильно повредились, а вьючныя лошади вырвались, сбросили поклажу и убѣжали на тундру, гдѣ мы съ трудомъ поймали ихъ.

Такимъ образомъ проѣхали мы 36 верстъ до рѣки Убіенной и остановились на ночлегъ въ балаганѣ, построенномъ Колымскими жителями, посѣщающими сіи мѣста для рыбной ловли.

По утру 3-го Іюля сильный вѣтеръ нагналъ густой туманъ; вечеромъ шелъ снѣгъ, при $1^1/_2{}^\circ$ холода; въ полдень термометръ показывалъ столько же градусовъ тепла. Слѣдуя по теченію Убіенной къ NO, въ $12^1/_2$ верстахъ отъ нашего ночлега достигли мы устья сей рѣки, образующей здѣсь небольшой заливъ, называемый жителями *Убіенная лайда*. Сильный вѣтеръ не позволилъ

намъ переправиться въ лодкахъ на противолежащій берегъ, и мы принуждены были слѣдовать изгибомъ залива до устья рѣки *Конковой*, гдѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ.

Послѣдняя часть сегодняшняго пути была чрезвычайно затруднительна. Сильный NO вѣтеръ поднималъ на морѣ большія волны и онѣ набѣгали на низменный берегъ, такъ что лошади нерѣдко шли по грудь въ водѣ. На небольшомъ возвышеніи нашли мы два шпангоута, повидимому, довольно значительнаго судна, скрѣпленные деревянными нагелями; уцѣлѣвшіе два желѣзные гвоздя заставляли предполагать, что ими была прикрѣплена внѣшняя обшивка судна. На WtN, въ разстояніи 13 верстъ, видны были Тунгускія юрты.

Ночью на 4-е Іюля вѣтеръ перешелъ къ сѣверу. Густой туманъ, то разстилался по землѣ, то снова поднимался. Поутру термометръ показывалъ 1° тепла, но мы весьма зябли, потому что платья наши были совершенно мокры, а при сильномъ вѣтрѣ и влажномъ воздухѣ не было возможности развести огня. На разсвѣтѣ увидѣли мы, что вся окрестность и наши вещи и платья были покрыты тонкою, бѣлою, окристаллизованною корою солоноватаго вкуса. Лошади стояли на своемъ мѣстѣ и жевали траву, которая также была покрыта подобною корою. Въ послѣдствіи замѣтилъ я, что сѣверные и сѣверо-западные вѣтры всегда покрываютъ землю такими кристал-

лами. Рѣчка Конковая при устьѣ около полу-версты шириною. Сильный вѣтеръ препятствовалъ переправить здѣсь лошадей, а потому поднялись мы 9-ть верстъ выше по рѣкѣ, гдѣ она не шире 70 саженей, и тамъ счастливо переправились надругой берегъ. Приближась снова къ устью рѣки, переѣзжали мы черезъ не глубокое озеро, когда вдругъ лошадь моего казака чего-то испугалась, поднялась на дыбы и сбросила въ воду сѣдока и вьюки, гдѣ заключались мой журналъ, чай и порохъ. Пока мы вытащили вьюки, чай и порохъ были уже совсѣмъ мокры и испорчены. Потеря пороху была тѣмъ чувствительнѣе для насъ, что мы находились, такъ сказать, въ отечествѣ медвѣдей, и ежечасно могли ожидать встрѣчи съ ними, а единственными оружіями нашими оставались теперь лукъ у Якута, топоръ и два ножа.

Проводники ловили разбѣжавшихся лошадей, а я поѣхалъ къ Тунгускимъ юртамъ, видѣннымъ нами вчера. Селеніе расположено было на нѣсколькихъ низменныхъ холмахъ (*едомахъ*), и состояло изъ 13-ти юртъ, выстроенныхъ изъ бревенъ, шестовъ и древесной коры. Въ немъ нашелъ я около 30-ти Тунгусовъ и Юкагировъ, съ ихъ старшинами. Сюда приходятъ они въ началѣ лѣта, т. е., въ Іюнѣ мѣсяцѣ, на рыбную ловлю и охоту оленей и перелетныхъ птицъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ перекочевываютъ отсюда на берега моря, для добычи песцовъ и мамонтовыхъ костей, а съ наступленіемъ морозовъ удаляются

въ свои лѣса и занимаются тамъ ловлею пушныхъ звѣрей. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Тунгусы и Юкагиры собираются въ селеніе Четырехъ, на рѣкѣ Алазеѣ, приносятъ туда ясакъ и запасаются табакомъ, порохомъ и другими потребностями. Остальное время года кочуютъ они между Колымою и Индигиркою.

Жители и старшины селенія, принимая меня за одного изъ купцовъ, пріѣзжающихъ иногда сюда изъ Колымска, для мѣны пушныхъ товаровъ на табакъ и водку, вышли ко мнѣ на встрѣчу. Я объявилъ имъ, что я не купецъ, а проѣзжающій юйонъ, что нисколько не перемѣнило ихъ дружескаго пріема. Они пригласили меня и проводника въ свои хижины и радушно угощали насъ всѣмъ, что только у нихъ было лучшаго. Я одарилъ ихъ табакомъ и чаемъ, и вымѣнялъ себѣ двѣ новыя лодки, потому что наши совершенно изломались.

Докторъ Киберъ, въ своемъ путешествіи имѣлъ случай коротко познакомиться съ симъ народомъ и описалъ образъ его жизни, нравы и обычаи, потому и нахожу излишнимъ помѣщать здѣсь мои замѣчанія. По моему мнѣнію, кочующіе Тунгусы и Юкагиры самый счастливѣйшій народъ въ Сибири. Образъ кочевой жизни не привязываетъ ихъ ни къ чему; они переходятъ съ мѣста на мѣсто со всѣмъ своимъ достояніемъ и незнакомы съ горестнымъ чувствомъ разлуки съ родиною. О будущемъ они не заботятся и наслаждаются

настоящимъ, а въ величайшихъ бѣдствіяхъ не унываютъ, надѣясь на Провидѣніе, или на то, что авось все будетъ лучше. Любимая ихъ пословица: «чему быть, того не миновать».

Врожденная Якутамъ страсть къ спорамъ, Тунгусамъ вовсе неизвѣстна. Они отличаются рѣдкими въ дикаряхъ чувствами преданности къ родственникамъ и друзьямъ и удивительною чистотою нравовъ. Замѣчательно наказаніе Тунгускихъ дѣвушекъ, до замужства начинающихъ шалости любовныя: ихъ подводятъ къ дереву и сѣкутъ до тѣхъ поръ, пока не обломаютъ всѣ съ него сучья. Къ счастію, деревья здѣсь невысоки и малосучны.

Рядъ холмовъ, гдѣ расположены Тунгусскія хижины, постепенно возвышаясь, образуетъ на восточномъ берегу Большой Чукочьей рѣки значительную горную гряду. Страна сія весьма низменна и прорѣзана множествомъ озеръ; самое значительное изъ лежащихъ къ сѣверу и изобильное рыбою то, изъ коего вытекаетъ рѣка *Маврина*, а къ югу отъ холмовъ озеро *Островное*, образующее рѣку *Якутскую*. Здѣсь, двѣ версты южнѣе Тунгускихъ хижинъ, построенъ лѣтній балаганъ Колымскихъ жителей.

Западный скатъ холмовъ всегда покрытъ наноснымъ лѣсомъ, между которымъ Тунгусы нашли и показывали мнѣ обломки корабля и доски съ желѣзными гвоздями.

Въ полдень 5-го Іюля оставили мы гостепріимное селеніе и отправились далѣе. Пробираясь

между множествомъ мѣлкихъ озеръ, мы достигли морскаго берега, и здѣсь, проѣхавъ 26-ть верстъ, расположились ночлегомъ, подъ 70° 00′ широты и 159° 41′ долготы. Море въ двухъ верстахъ отъ берега было покрыто льдомъ и высокими торосами. Сильный вѣтеръ нагонялъ льдины на берегъ; онѣ сшибались и ломались съ оглушительнымъ трескомъ.

Іюля 6-го густой туманъ покрывалъ всю окрестность и только къ полудню продолжительный NO вѣтеръ очистилъ нѣсколько атмосферу. Термометръ показывалъ $1\frac{1}{4}$° тепла.

Слѣдуя направленію низменнаго берега, достигли мы *Чукочьяго мыса* и здѣсь переночевали, въ балаганѣ, на берегу Большой Чукочьей рѣки. Отсюда берегъ на протяженіи 10 верстъ низменный, но далѣе становится крутъ и образуетъ Чукочій мысъ, лежащій подъ 70° 01′ широты и 159° 48′ долготы восточн. отъ Гринвича. Онъ состоитъ изъ сѣроватой глинистой земли и со стороны моря образуетъ два уступа; высота его до 75 футовъ надъ поверхностью моря. Скатъ возвышенія его обставленъ обломками, вѣроятно, оторгнутыми какими-нибудь переворотами отъ вершины и имѣющими видъ правильныхъ конусовъ, до 20-ти и 25-ти футовъ вышины.

На вершинѣ мыса нашли мы небольшое озеро, покрытое такимъ толстымъ льдомъ, что лошади безопасно переходили черезъ него.

Отсюда осмотрѣлъ я море. Между O и N покрывалось оно неподвижнымъ льдомъ и торосами,

а отъ О на S поснлись на немъ огромныя льдины. Въ направленіи SW 35° берегъ былъ низменный, а на NO 8° замѣтилъ я возвышеніе, казавшееся отдѣльнымъ отъ берега. Въ послѣдствіи открылось, что то былъ *Крестовый островъ*, самый южный изъ купы Медвѣжьихъ острововъ.

На всемъ протяженіи отъ Малой Чукочьей рѣки до мыса сего имени морской берегъ низменъ и изрѣзанъ множествомъ болотъ и озеръ. Чукочья губа, куда впадаетъ рѣка, здѣсь до 5-ти верстъ ширины; западный берегъ ея едва возвышается надъ поверхностью моря.

Снимая берега губы, послалъ я казака на лодкѣ измѣрить ея глубину. Онъ возвратился съ извѣстіемъ, что черезъ устье можно переправиться на лошадяхъ, но передовая, пройдя нѣсколько шаговъ въ водѣ, внезапно по самую шею завязла въ наносномъ илѣ, такъ что до поздней ночи напрягали мы всѣ усилія освободить ее.

Увѣрясь въ невозможности переправы, мы расположились здѣсь ночлегомъ и бросили въ воду неводъ. Опытъ ловли не удался намъ и на другой день вытащили мы неводомъ только одного чира.

Не найдя брода, поѣхали мы вверхъ по Чукочьей и въ 9-ти верстахъ отъ ея устья счастливо переправились на другую сторону. Она впадаетъ въ море по направленію NO 70°, глубока и между невысокими берегами течетъ весьма быстро. Съ холмовъ, на восточномъ берегу ея лежащихъ, принимаетъ она нѣсколько небольшихъ

ручьевъ, составляя на сѣверъ предѣлъ, до котораго доходятъ жители Нижне-Колымска.

Съ западной оконечности Чукочьей губы пеленговалъ я мысъ сего имени на SO 90°, а вершину Крестоваго острова на NO 15°.

Іюля 8-го, слѣдуя по берегу, мы достигли Крестоваго мыса, лежащаго подъ 70° 17′ широты и 159° 55′ долготы. Онъ состоитъ, такъ же, какъ и Чукочій мысъ, изъ сѣроватой глины, и возвышается на 65-ть футовъ надъ поверхностью моря. Отсюда берегъ изгибается на западъ. Съ вершины мыса запеленгованъ мною снова Крестовый островъ на NO 5°. Море было покрыто неподвижнымъ льдомъ; вдали показывались огромные торосы.

Въ 6-ти верстахъ отсюда, къ NW, большое озеро, длиною 7-мь, а шириною отъ 5-ти до 6-ти верстъ; оно отдѣляется отъ моря довольно длиннымъ перешейкомъ, шириною въ 200 саженъ, который, хотя не слишкомъ высокъ, но холмистъ и съ моря походитъ на гряду небольшихъ конусообразныхъ бугровъ. Восточная часть его состоитъ изъ сѣроватой глины, а западная изъ чернозема; въ 13-ти верстахъ отъ озера впадаетъ въ море неширокая, но глубокая рѣка, которую назвалъ я, въ честь сегодняшняго святаго, рѣкою *св. Прокопія*.

Въ 7-ми верстахъ отъ нашего ночлега, на прибрежномъ льду, лежали зерна, весьма похожія на рожь; въ послѣдствіи узналъ я, что то были разнесенныя вѣтромъ сѣмяна травы *ковыль*

чову и переночевали въ 14-ти верстахъ, при устьѣ рѣчки *Курода́гины;* она шириною только 10 саженъ, но довольно глубока. Дорога отъ устья Крестовой до Куродагины была чрезвычайно тягостна для лошадей; волны, набѣгая далеко на плоскій берегъ, размачиваютъ грунтъ, состоящій изъ песку и глины.

13-го числа удалось мнѣ взять полуденную высоту солнца, которая опредѣлила положеніе нашего ночлега подъ 70° 53′ 37″ широты. Изъ десяти разстояній луны отъ солнца получилъ я 158° 55′ 36″ долготы. По полудни отправились мы далѣе, слѣдуя по низменному берегу, и въ тотъ день проѣхали вообще 28 верстъ.

Рѣка Куродагина отъ 1-й до 1½ верстъ въ ширину и при устьѣ раздѣляется на три рукава, изъ коихъ два почти высохли. На восточномъ берегу ея, около 4-хъ верстъ отъ устья, находится хорошо сохранившійся балаганъ. На западной сторонѣ, въ 10-ти верстахъ отъ рѣки и 3-хъ и 7-ми верстахъ отъ морскаго берега, тянется на NW довольно высокая цѣпь холмовъ, доходящая до рѣки Куропаточной. Берегъ, едва подымающійся надъ поверхностью воды, состоитъ изъ твердой, сѣроватой глинистой земли; на немъ изрѣдка показывалась тощая трава и все пространство было покрыто слоями соляныхъ частицъ и ракушками. Въ окрестности лежало множество перьевъ линявшихъ здѣсь гусей. Паносnаго лѣса встрѣчалось мало, и то былъ весьма старый, разсыпавшійся отъ удара копытъ. Въ нѣ-

которыхъ изъ здѣшнихъ озеръ вода была почти совершенно черна, вѣроятно, отъ сгнившихъ въ ней деревъ.

Іюля 13-го расположились мы ночлегомъ недалеко отъ довольно высокой горы, которую назвалъ я *Сѣвернымъ Парнассомъ*. Съ вершины ея осматривалъ я море. Въ 6-ти верстахъ отъ насъ, параллельно съ берегомъ, стояли стѣною высокіе торосы; за ними носились плавающія льдины. На торосахъ лежало много наноснаго лѣса, и отъ напора льдовъ на отмѣли онъ, то подымался вертикально, то снова падалъ, что придавало странную жизнь картинѣ. Намъ удалось убить здѣсь четырехъ гусей и двухъ нѣмковъ.

Іюля 14-го погода была ясная; термометръ въ полдень показывалъ $9^1/_2°$ тепла. Я воспользовался благопріятнымъ временемъ и постарался высушить часть моего пороха; онъ намъ былъ теперь особенно нуженъ, потому что провіантъ нашъ былъ на исходѣ, а далѣе не было надежды встрѣчать линявшихъ гусей, которыхъ можно бить палками. По полуденной высотѣ солнца мы были подъ 71° 00′ 56″ широты и 158° 10′ вост. долготы; склоненіе магнитной стрѣлки оказывалось 10° 00′ восточное.

По полудни переправились мы черезъ пять незначительныхъ ручьевъ и проѣхали вообще 28 верстъ на W. Здѣсь былъ намъ случай испытать нашъ высушенный порохъ; мы застрѣлили нѣсколько гуссй. Ночевали почти прямо на W отъ Сѣвернаго Парнасса.

На другой день отправились мы въ путь при $15^1/_2°$ тепла и достигли рѣки *Большой Куропаточной*; устье ея шириною до 2-хъ верстъ, но такъ мѣлко, что мы переправились черезъ него въ бродъ. Сегодня проѣхали мы всего 31 версту.

Цѣпь холмовъ, идущая параллельно съ берегомъ, получаетъ отъ Сѣвернаго Парнасса SW направленіе и поворачивается отъ устья Большой Куропаточной на SO 23°. Здѣсь начинается, такъ называемый, *Куропаточій яръ*, т. е. отвѣсный высокій берегъ. Онъ состоитъ изъ слоевъ никогда не тающаго льда, смѣшаннаго съ черноземомъ и глиною, и въ немъ попадаются длинные, тонкіе древесные коренья, а въ мѣстахъ, гдѣ волны подмываютъ берегъ, показываются иногда мамонтовыя кости.

Іюля 16-го, по полуденной обсерваціи, широта ночлега оказалась 71° 04′ 20″. Термометръ показывалъ $18^1/_2°$ тепла. Мы проѣхали 17 верстъ по берегу и достигли устья *Малой Куропаточной*, которая тутъ шириною около 2-хъ верстъ и течетъ между двумя рядами холмовъ, подмывая восточный; западный находится въ 4-хъ верстахъ отъ берега. Вѣроятно, нѣкогда все сіе пространство составляло дно рѣки. На западной сторонѣ устья находится балаганъ, но мы не остановились здѣсь на ночлегъ, и проѣхали еще 13-ть верстъ далѣе. Отъ устья Малой Куропаточной сначала берегъ низменный, но вскорѣ снова начинается крутой яръ, вышиною отъ 30 до 35 футовъ; онъ одного образованія съ предыдущимъ.

Здѣсь вырылъ я нѣсколько кореньевъ, большею частью березовыхъ, которые были такъ еще свѣжи, какъ будто только что срубленные съ дерева, хотя ближайшій отсюда лѣсъ находится, по крайней мѣрѣ, въ 100 верстахъ. Узкая низменность между яромъ и моремъ состоитъ изъ мѣлкаго бѣлаго песку и покрыта полуистлѣвшими мамонтовыми костями. Здѣсь не встрѣтили мы наноснаго лѣса, хотя нещаные слои показывали, что берегъ часто покрывается водою.

Іюля 17-го находились мы подъ 70° 56′ 48″ широты и 155° 31′ счислимой долготы. Термометръ показывалъ 16½° тепла. Столь теплая погода, въ продолженіе трехъ дней, заставила бы насъ забыть, что мы находились подъ 70° сѣверн. широты, еслибы намъ не напоминали того вѣчно замерзшая земля и необозримыя ледяныя пространства моря. Три дня тому кутались мы въ зимнія шубы, а теперь легчайшая одежда была уже намъ въ тягость. Солнце въ теченіе 72-хъ часовъ не сходило съ безоблачнаго небосклона. Испаренія Ледовитаго моря, усиливая преломленіе солнечныхъ лучей, безпрестанно измѣняли положеніе и окраенность свѣтила: оно, то уменьшалось, то принимало эллиптическую форму, или, по видимому, скрывалось за горизонтъ и вдругъ снова поднималось въ полномъ блескѣ. Такое странное и великолѣпное явленіе продолжалось цѣлый день, и не смотря на нестерпимую боль въ глазахъ, отъ яркаго свѣта и сильной рефракціи, я немогъ налюбоваться волшебною картиною. Ночью на 17-е

число, когда солнце стояло на полуночномъ меридіанѣ, измѣрилъ я секстаномъ горизонтальный и вертикальный поперечники; первый былъ 37′ 15″, а второй 28′ 20″.

Іюля 18-го показались на горизонтѣ небольшія облачки, но надъ нами небо было ясно. Поднявшійся къ вечеру сильный сѣверный вѣтеръ нанесъ густыя тучи и принудилъ насъ снова закутаться въ шубы. Плоскій берегъ изрѣзанъ здѣсь мѣлкими озерами и покрытъ наноснымъ лѣсомъ. На разстояніи $19^1/_2$ верстъ, которыя сегодня мы проѣхали, впадаютъ въ море четыре рѣки. Первая и значительнѣйшая изъ нихъ называется *Большая Конечная*. Двѣ версты отъ нея *Малая Конечная*. Еще четыре версты далѣе течетъ рѣка, названія которой проводники мои не знали, и наконецъ, четвертая, *Шкулева*, гдѣ мы расположились ночлегомъ. Всѣ сіи рѣки извиваются въ крутыхъ берегахъ, прорѣзывая цѣпь невысокихъ холмовъ. На берегахъ Большой и Малой Конечныхъ выстроены балаганы.

Вьючныя лошади наши, были такъ измучены, что мы разложили часть поклажи ихъ на другихъ, а проводники мои пошли пѣшкомъ.

Іюля 19-го сѣверный вѣтеръ скрѣпчалъ; все утро шелъ дождь, а къ полудню, не смотря на 11° тепла, выпалъ порядочный снѣгъ. Послѣ полудня проѣхали мы 9-ть верстъ по берегу, переправились черезъ довольно широкую рѣчку, и проѣхавъ еще $3^1/_2$ версты, достигли *Лагачкина*, восточнаго протока рѣки Алазеи. Глубокій и бы-

стрый протокъ сей течетъ большими излучинами въ крутыхъ берегахъ, и неподалеку отъ устья раздвояется и образуетъ островъ, который отъ W къ O имѣетъ до 2-хъ верстъ протяженія. Мы переправились черезъ рѣку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она до 150 саженъ ширины, проѣхали $3^1/_2$ версты далѣе, и снова переправясь черезъ другой рукавъ Алазеи, такъ называемый *Большой Алазейскій протокъ*, расположились потомъ недалеко отъ берега на ночлегъ.

Алазея самая значительная рѣка изъ впадающихъ въ море между Колымою и Индигиркою. Она вытекаетъ подъ 67° широты, изъ Алазейскихъ горъ, принимаетъ въ себя множество побочныхъ рѣкъ съ горъ и изъ озеръ, довольно глубока, и образуя въ теченіе своемъ крутые изгибы, впадаетъ въ море пятью рукавами; два восточные протока, черезъ которые мы переправлялись, самые важнѣйшіе, а остальные три маловодны и нерѣдко совершенно высыхаютъ.

Рукава Большой Алазейскій и Лагачкинъ образуютъ островъ, въ NNW направленіи имѣющій до 12-ти верстъ протяженія. Лагачкинъ рукавъ течетъ при устьѣ, между низменными берегами, чрезвычайно быстро; отъ западной оконечности берега идетъ здѣсь въ море длинная песчаная коса. Тутъ, къ великой радости моей, нашелъ я моихъ проводниковъ, Якутскаго старшину Сазонова, съ 6-ю свѣжими лошадьми для смѣны. Онъ пріѣхалъ сюда по прежде заключенному условію изъ ближайшихъ Якутскихъ селеній (въ раз-

*

стояніи 150 верстъ) и ожидалъ меня уже пять дней.

Слабый ONO вѣтеръ снова очистилъ атмосферу и 20-го Іюля термометръ возвысился до 11°. Послѣ долгаго времени одиночества, общество наше увеличилось и я рѣшился провести здѣсь цѣлый день. Мы забросили сѣть и поймали 6-ть большихъ нельмъ и до 20-ти чировъ, чѣмъ и угостили нашихъ новыхъ знакомцовъ, а они съ своей стороны помогли намъ починить лошадиную сбрую и исправить почти развалившіяся лодки.

На другой день, въ 4 часа по полудни, отправились мы далѣе, на свѣжихъ лошадяхъ. Десять разстояній луны отъ солнца опредѣлили долготу нашего ночлега въ 153° 43′ 10½″ и убѣдили меня въ вѣрности моего счисленія. Склоненіе магнитной стрѣлки было 10° 00′ восточное. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега, переправясь еще черезъ одинъ рукавъ Алазен, мы достигли *Малаго Алазейскаго протока* и переѣхали черезъ него въ бродъ. Здѣсь остановились ночевать. Низменный берегъ покрытъ былъ тощею, рѣдкою травою и множествомъ наноснаго лѣса.

Іюля 22-го сильный восточный вѣтеръ покрылъ небо тучами, перешелъ къ вечеру на сѣверъ и нагналъ густой туманъ. Въ полдень термометръ показывалъ 9½° тепла. Мы находились подъ 70° 48′ 46″ широты и 152° 59′ 44″ долготы, опредѣленной 10-тью разстояніями луны отъ солнца. Слѣдуя направленію берега, переправились мы,

въ 6-ти верстахъ отъ ночлега, черезъ рѣчку *Булгину*. Проѣхавъ еще 11½ верстъ, переправились опять черезъ небольшую рѣчку, которая въ двухъ верстахъ отъ устья рѣчки *Блудной*. Она течетъ чрезвычайно быстро, между крутыми берегами, и ширина ея до 80 саженъ.

Сильный вѣтеръ не позволилъ намъ переправиться черезъ устье на маленькихъ лодкахъ и принудилъ подвинуться по отмѣли на N до 5½ верстъ отъ устья. Здѣсь переѣхали мы черезъ оба рукава по льду, и въ 8-ми верстахъ отсюда остановились ночевать при устьѣ рѣки *Вашвой*, подъ 70° 55′ счислимой широты и 152° 15′ долготы.

Вашвая рѣка довольно глубока, течетъ между уступистыми берегами и шириною при устьѣ до 80-ти саженъ. Юкагиры называютъ ее *Пилою*, потому что быстрымъ теченіемъ подмываетъ она берега и увлекаетъ съ собою землю, открывая такимъ образомъ въ нижнихъ слояхъ множество мамонтовыхъ костей. На восточномъ берегу находятся балаганъ, юрта и большой деревянный крестъ, по словамъ жителей береговъ Индигирки, выброшенный сюда моремъ, вмѣстѣ съ наноснымъ лѣсомъ. На немъ была нѣкогда вырѣзана надпись, но я едва могъ разобрать нѣсколько буквъ, безъ всякой связи.

Іюля 23-го проѣхали мы по низменному берегу 26 верстъ и переночевали у рѣчки *Делоковой*. Мы расположились на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Ночью сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ воду на берегъ и принудилъ насъ искать друга-

го убѣжища, но и туда начали достигать волны, такъ, что съ трудомъ переправились мы на близлежащій холмъ. На другое утро, съ перемѣною вѣтра, вода сбыла, и мы продолжали путь по низменному берегу. Въ 5-ти верстахъ отсюда достигли мы *Колымскаго протока*, восточнаго рукава Индигирки. Рѣзкій сѣверный вѣтеръ охладилъ температуру и въ полдень было только $^1/_2{}^\circ$ тепла.

Колымскій протокъ шириною до 3-хъ верстъ и отдѣляетъ отъ твердой земли *Колесовскій островъ*, сѣверная часть котораго была покрыта туманомъ. Вдоль восточнаго берега проѣхали мы 6-ть верстъ, переправились чрезъ рѣку *Пропадшую* и въ $5^1/_2$ верстахъ отъ нея остановились подлѣ устья *Блудной*. Мѣсто ночлега было подъ 71° 00′ счислимой широты и 151° 10′ долготы.

Рѣка Блудная течетъ на NW въ Колымскій протокъ; при впаденіи раздѣляется она на два рукава: *Малую* и *Большую Блудную*. Здѣсь нашли мы нѣсколько семействъ прибрежныхъ Индигирскихъ жителей; ихъ привлекли сюда рыбная ловля и хорошія пастбища. У нихъ оставилъ я, подъ надзоромъ Якута, моихъ лошадей, а самъ, съ казакомъ и однимъ изъ туземцовъ, отправился на лодкѣ въ селеніе *Едомку*, лежащее въ 60 верстахъ отсюда. Такъ называемое здѣсь *лѣто*, кажется, уже кончилось: 25-го и 26-го Іюля шелъ снѣгъ съ градомъ, и въ послѣдніе дни мѣсяца термометръ, подъ вечеръ, показывалъ 1° холода.

Медленно подвигались мы противъ теченія рѣ-

ки, не смотря на то, что четыре собаки тянули лодку бичевою и проводники гребли, а гдѣ позволяли изгибы рѣки, ставили мы парусъ изъ оленьей шкуры. Послѣ 16-ти часовъ пути, мы достигли деревни Едомки, лежащей подъ 70° 56′ 30″ широты и 151° 06′ долготы, при впаденіи *Петровой* въ Колымскій протокъ. Селеніе состоитъ изъ трехъ юртъ и одной избы. Онѣ были пусты; всѣ жители занимались рыбною ловлею и охотою. Приближеніе зимы было уже здѣсь замѣтно. Снѣгъ, на полъ-фута глубиною, покрывалъ всю окрестность. Холодный, рѣзкій сѣверный вѣтеръ принудилъ насъ остановиться. Вечеромъ пріѣхалъ Индигирскій мѣщанинъ Кочевщиковъ, надѣясь запастись Черкескимъ табакомъ; здѣшніе жители вымѣниваютъ его иногда за мягкую рухлядь и рыбу у проѣзжающихъ Русскихъ купцовъ. Прибытіе этого, по крайней мѣрѣ 80-ти лѣтняго, но добраго и разговорчиваго старика, произвело пріятную перемѣну въ нашемъ обществѣ. Я одарилъ его табакомъ и мы довольно весело провели вечеръ. Зная хорошо всѣ побочныя рѣки и протоки Индигирки, онъ обѣщалъ намъ сопутствовать до *Русскаго устья*. Мы отправились на другой день вмѣстѣ. Дорогою разсказалъ мнѣ Кочевщиковъ исторію своей жизни, довольно замѣчательной.

Онъ родился въ Киренскѣ. На 15-мъ году жизни взялъ его братъ съ собою въ путешествіе внизъ по рѣкѣ Ленѣ. Въ прежнія времена здѣшніе жители, непривязанные ничѣмъ къ своей ро-

динѣ, скудно надѣленной потребностями жизни и не имѣвшей для нихъ ничего привлекательнаго, часто предпринимали цѣлыми обществами подобныя поѣздки, безъ всякой опредѣленной цѣли. Вмѣстѣ съ Кочевщиковыми поѣхали до 40 человѣкъ мужчинъ и дѣтей. Они отправились подъ начальствомъ Киренскаго мѣщанина Аѳанасья, на кочѣ, внизъ по Ленѣ, въ надеждѣ найдти изобильнѣйшія страны. Двѣ зимы провели они въ безлюдной тундрѣ, скудно питаясь рыбою, но собрали множество мамонтовыхъ костей. На вторую зиму многіе изъ ихъ сопутниковъ умерли; въ томъ числѣ былъ и мѣщанинъ Аѳанасій. Тогда старшій Кочевщиковъ, какъ опытнѣйшій водоходъ, принялъ начальство надъ остальными. Они достигли Ледовитаго моря и долго носились по волнамъ его, борясь съ безчисленными недостатками и опасностями, и сами не зная, гдѣ находились. Наконецъ при устьѣ рѣки Индигирки потерпѣли они кораблекрушеніе. Здѣсь братья разлучились съ своими товарищами, собрали немногія уцѣлѣвшія вещи и пошли внутрь страны. На берегу рѣки, изобильной рыбою, построили они хижину и провели тамъ зиму. Хотя жилище ихъ лежало только въ 15-ти верстахъ отъ селенія Едомки, но съ жителями они не видались, потому что прежде много наслышались о хищности и разбояхъ туземцовъ. На слѣдующее лѣто увидѣли они двухъ человѣкъ и рѣшились убить ихъ, но прежде нежели братья исполнили свое намѣреніе, объяснилось, что пришельцы бы-

ли также Русскіе искатели счастія. Братья угостили своихъ гостей и они уговорили ихъ предпринять въ четверомъ путешествіе на кочѣ вверхъ по Индигиркѣ. Братья согласились, но на третью ночь тайно покинули судно и убѣжали въ свою хижину.

На мой вопросъ: «почему они такъ поступили, когда настоящее существованіе ихъ не представляло имъ ничего привлекательнаго, а въ путешествіи они могли надѣяться достигнуть своей родины?» старикъ отвѣчалъ мнѣ, что въ тѣ времена, если товарищи на одной кочѣ раздѣлялись на двѣ партіи, существовало обыкновеніе при первой добычѣ выходить на берегъ и рѣшать оружіемъ, кому она должна принадлежать. Видя, что ихъ товарищи сильные и здоровые люди и не надѣясь съ ними справиться, Кочевщиковы рѣшились лучше возвратиться въ свою пустыню. Здѣсь провели они еще полтора года, и наконецъ на пятую зиму, преслѣдуя оленя, случайно приблизились къ селенію Русское Устье, состоявшему тогда изъ 6-ти юртъ. Въ немъ жили 15-ть человѣкъ Рускихъ. Кочевщиковы, которымъ кочевая жизнь надоѣла, также тутъ поселились. О товарищахъ перваго своего путешествія они ничего не слыхали.

Старикъ, казалось, былъ очень обрадованъ, что нашелъ человѣка, который еще въ первый разъ слышалъ его похожденія. Мы прибыли уже въ Станчикъ 27-го Іюля, а онъ все еще продолжалъ разсказывать. Небольшое селеніе Станчикъ

состоитъ собственно изъ избы, юрты, уроса и двухъ сараевъ, но тогда было оно особенно оживлено, потому что все народонаселеніе Едомки перебралось сюда на житье, со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ. Здѣсь волны выкидываютъ на берегъ множество наноснаго лѣса, а рѣчка *Лундушина*, впадающая при селеніи въ Колымскій протокъ, обилуетъ рыбою. Станчикъ лежитъ подъ 70° 51′ широты и 150° 12′ долготы.

На другое утро (28 Іюля), при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ и $3^1/_2$° тепла, отправились мы далѣе и достигли, послѣ 23-хъ часовъ ѣзды, *Русскаго Устья*, гдѣ старый Кочевщиковъ принялъ насъ съ истиннымъ гостепріимствомъ. Здѣсь рѣшился я прожить до половины Сентября, привести въ порядокъ мои замѣчанія и опись, и съ наступленіемъ зимы отправиться въ обратный путь ближайшею дорогою, черезъ тундру. Мнѣ отвели особый домъ, гдѣ расположился я довольно удобно. Когда погода позволяла, я предпринималъ поѣздки внутрь страны и занимался астрономическими наблюденіями. Между прочимъ, шестью полуденными высотами опредѣлилъ я положеніе мѣста въ 71° 00′ 19″ широты, а 78-мь разстояній луны отъ солнца, по 10-ти счисленіямъ, дали мнѣ 149° 30′ $53^1/_4$ долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣтствующимъ азимутамъ, было 10° 00′ восточное.

Небольшое селеніе Русское Устье состоитъ собственно только изъ четырехъ хижинъ, съ немногими, принадлежащими къ нимъ строеніями. Оно

на западномъ берегу западнаго рукава Индигирки, который называется *Русскимъ Устьемъ*.

Въ 2-хъ верстахъ отсюда другая деревенька, *Усть-Елонъ*, при рѣчкѣ сего имени, и состоитъ только изъ двухъ избъ и трехъ юртъ. Рѣчку въ верхнихъ частяхъ Якуты называютъ *Бюрюлахъ*.

Народонаселеніе трехъ селеній: *Едомки*, *Русскаго Устья* и *Елонскаго Устья*, простирается, по послѣдней ревизіи, до 108 человѣкъ мужчинъ. Они всѣ Рускіе и называются вообще *Индигирскими жителями*. Главные промыслы здѣсь рыбная ловля, охота и сборъ мамонтовыхъ костей. Рыба составляетъ почти единственную пищу туземцовъ. На берегахъ моря ловятъ они очень искусно песцовъ, и шкуры ихъ, такъ же, какъ мамонтовыя кости, мѣняютъ Нижне-Колымскимъ и другимъ купцамъ на разныя потребности жизни. Для избѣжанія споровъ при охотѣ, туземцы раздѣлили между собою всю страну: селенію Едомкѣ принадлежитъ пространство до устья Кородагиной, а Русскому Устью и Усть-Елонску земля между рѣками Яною и Кондратьевою. Говорятъ, что сіи границы строго наблюдаются при устройствѣ ловушекъ для песцовъ.

Лѣтомъ рыбною ловлею занимаются только женщины и дѣти. Мужчины расходятся по тундрѣ на олсиную и гусиную охоту, и собираютъ мамонтовыя кости, составляющія одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ здѣшней торговли. Собранныя и вырытыя кости складываются вмѣстѣ; каждый хозяинъ замѣчаетъ свою кучку, и зимою на нар-

тахъ отвозитъ добычу домой. Не помнятъ примѣровъ, чтобы охотникъ завладѣлъ чужою кучею.

По словамъ здѣшнихъ жителей, гуси и лебеди во время линянья гораздо болѣе посѣщаютъ берега Индигирки, нежели Колымы, а напротивъ Колыма изобилуетъ болѣе вкусною рыбою. Озера въ окрестностяхъ Индигирки обильны, такъ называемою, *красною рыбою,* которой не должно однакожъ смѣшивать съ породами рыбъ, носящими такое названіе въ Россіи.

Индигирскіе жители гораздо трудолюбивѣе и промышленнѣе Колымцовъ, но несмотря на то Колымцы живутъ въ большемъ довольствѣ, что происходитъ отъ того, что селенія по берегамъ Колымы лежатъ, такъ сказать, на *большой дорогѣ* Якутскихъ купцовъ, закупающихъ мѣха, и потому жители Колымы всегда съ выгодою могутъ сбывать добычу своей охоты, продавая мѣха за чистыя деньги, или промѣнивая на разныя потребности жизни. Они не бываютъ принуждены уступать свои товары купцамъ за какую нибудь цѣну, и въ случаѣ слишкомъ невыгоднаго для нихъ торга, находя болѣе совмѣстничества между пріѣзжими, могутъ ожидать выгоднѣйшаго покупщика. Индигирка, напротивъ, течетъ въ сторонѣ, и возможность сбыта произведеній здѣшняго края ограничивается только малымъ числомъ торгашей изъ Якутска и Колымска, предпринимающихъ отдаленное и трудное путешествіе единственно въ надеждѣ на значительную только выгоду. Бѣдные жители Индигирской пустыни принуждены

продавать свои товары монополистамъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, или лишаться средствъ пріобрѣсть себѣ самыя необходимыя потребности, какъ-то: одежду, невода, и проч. Потому, имѣя большіе склады драгоцѣнныхъ мѣховъ и мамонтовыхъ костей, съ трудомъ доставляютъ себѣ Индигирцы ежедневное пропитаніе и часто не въ состояніи приготовить запасовъ на зиму.

Вблизи Русскаго Устья видны слѣды большихъ селеній и становъ, но неизвѣстно кому они принадлежали. По древнему и довольно общему преданію обитало здѣсь нѣкогда многочисленное и могущественное поколѣніе Омоковъ; они двинулись отсюда на западъ, гдѣ однакожъ, сколько мнѣ извѣстно, не осталось отъ нихъ никакихъ слѣдовъ. Первые Русскіе пришельцы, поселившіеся здѣсь, нашли на берегахъ многочисленныхъ протоковъ Индигирки уже полуразрушенныя юрты, землянки и очаги, и въ нихъ разные домашніе сосуды. Донынѣ находятъ еще иногда здѣсь топоры изъ яшмы, и разныя орудія, совершенно отличныя отъ употребляемыхъ нынѣ. Вообще не одно преданіе, но и самая страна свидѣтельствуетъ, что здѣсь жилъ нѣкогда многочисленный, но въ послѣдствіи исчезнувшій народъ.

Въ Русскомъ Устьѣ посѣтили меня немногіе жители сосѣднихъ селеній и привезли мнѣ драгоцѣннѣйшее лакомство, такъ называемый, *оленій здоръ*, т. е. жиръ со спины оленя; съ своей стороны одарилъ я ихъ чаемъ и табакомъ.

Сентября 2-го показались на Индигиркѣ пер-

выя льдины. Еще прежде при берегахъ образовались уже закраины, а черезъ три дня рѣка стала, такъ, что 5-го Сентября можно было ѣздить по ней на саняхъ.

Начальникъ Усть-Янской экспедиціи, лейтенантъ Анжу, прибылъ сюда 23-го Сентября, окончивъ опись берега Ледовитаго моря отъ устья рѣки Яны до Русскаго Устья. Я также привелъ въ порядокъ всѣ свои наблюденія и замѣчанія, и могъ отправиться въ обратный путь.

Время года не позволяло мнѣ возвратиться прежнею дорогою по берегу, ибо тамъ морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ бываетъ столь плотенъ, что лошади не въ состояніи выгребать изъ-подъ него травы. По сей причинѣ, а также сокращая возвратный путь, рѣшился я ѣхать прямо черезъ тундру. Сентября 26-го отправился я въ нартахъ на собакахъ въ селеніе Едомку, а отсюда, на лошадяхъ, поѣхалъ черезъ пустынную, безлюдную тундру къ Якутскому селенію у рѣки Алазеи, гдѣ перемѣнилъ лошадей, и 6-го Октября прибылъ въ Нижне-Колымскъ.

На 10-ти дневномъ переѣздѣ не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, кромѣ многочисленныхъ стай волковъ, особенно по ночамъ весьма безпокоившихъ нашихъ лошадей и принуждавшихъ насъ всегда быть готовыми къ оборонѣ. У одной такой волчьей стан удалось намъ отбить полуоглоданнаго оленя, что было для насъ весьма важно. Вся наша провизія, кромѣ немногихъ сухарей, тогда уже издержалась.

ГЛАВА V.

Третье путешествие по льду. Приготовление. Повѣтріе между собаками. Планъ путешествія. Поѣздка на сѣверъ. Нападеніе бѣлаго медвѣдя. Складъ провіанта во льду. Высокіе торосы. Второй складъ провіанта. Раздѣленіе экспедиціи. Ложные признаки земли. Соединеніе экспедиціи. Вторая поѣздка на сѣверъ. День Пасхи. Ломка льдовъ. Шелагскій мысъ. Возвращеніе на берегъ. Походскъ. Голодъ. Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. Наводненіе.

Лѣто 1821-го года, краткое, но обильное всякаго рода неудачами для жителей Нижне-Колымска, миновалось. Наступила долгая, мучительная зима. Бѣдствіе было всеобщее.

Несчастная оленья охота, и отъ разлитія рѣкъ и ранняго наступленія зимы неудавшаяся рыбная ловля, имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общій голодъ. Къ тому присоединилось новое, дотолѣ въ Нижне-Колымскѣ неслыханное несчастіе: сильное повѣтріе на собакъ похитило большую часть сихъ полезныхъ и необходимыхъ здѣсь животныхъ.

Лѣтомъ показались уже разныя прилипчивыя болѣзни между собаками на берегахъ Индигирки, Яны и Лены, а съ наступленіемъ зимы обнаружились и въ Колымскомъ округѣ. Зная, что успѣхъ и даже вся возможность моего путешествія по льду зависѣли единственно отъ числа годныхъ къ ѣздѣ собакъ, я употреблялъ всевозможныя средства къ ихъ сохраненію: хотѣлъ собрать, по крайней мѣрѣ, сто здоровыхъ собакъ и немедленно отправить ихъ къ Большому и Малому Чукочьимъ, кормить тамъ на счетъ экспедиціи, и для предосторожности прекратить всякое сообщеніе ихъ съ окрестностями. На тѣхъ же собакахъ должно было перевезти часть нашихъ рыбныхъ запасовъ въ балаганъ, построенный лѣтомъ при Большой Баранихѣ. Но прежде, нежели успѣли мы привести все въ исполненіе, повѣтріе до такой степени усилилось, что вмѣсто 96-ти собакъ, необходимыхъ для поѣздки, собрали мы только 36. Тотчасъ были онѣ отправлены въ Чукочье и почти всѣ остались живы. Падежъ усиливался съ морозами со дня на день и распространился наконецъ по всѣмъ деревнямъ и селеніямъ округа, до того, что здоровая собака сдѣлалась даже рѣдкостью. Жители здѣшнихъ странъ привыкли, такъ сказать, къ ежегодно возобновляющимся недостаткамъ жизненныхъ припасовъ и переносятъ такое несчастіе съ какою-то безмолвною покорностію судьбѣ, но потеря собакъ, столь необходимыхъ для ихъ существованія, привела всѣхъ въ отчаяніе. Люди сами дол-

жны были впрягаться въ нарты и на себѣ перевозить въ свои жилища дрова и собранную на берегахъ разныхъ рѣчекъ рыбу. Наконецъ, безъ собакъ не могли они заниматься единственнымъ своимъ промысломъ, ловлею пушныхъ звѣрей. Столь безпомощное состояніе распространило повсюду горесть и уныніе.

Такимъ образомъ встрѣтили мы 1822 годъ. Время отъѣзда нашего приближалось. Видя невозможность достать себѣ все нужное на Колымѣ, я послалъ надежнѣйшаго казака на берега Индигирки, гдѣ повѣтріе уже прекратилось, поручивъ ему собрать, по крайней мѣрѣ, 60 собакъ, хорошо накормить, привести въ Большое Чукочье и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Марта 5-го получилъ я донесеніе, что посланный могъ достать только 45-ть хорошихъ собакъ, но привелъ ихъ благополучно въ назначенное мѣсто.

Съ уменьшеніемъ морозовъ повѣтріе начало ослабѣвать; наконецъ оно вовсе прекратилось, но бѣдные жители Колымска потеряли болѣе четырехъ пятыхъ частей изъ своихъ собакъ. Большее число ихъ сохранилось у казаковъ здѣшней станицы, и видя мое затрудненіе при недостаткѣ необходимыхъ для поѣздки животныхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гражданами, добровольно, съ рѣдкими самопожертвованіемъ и готовностью предложили они мнѣ 20-ть нартъ, въ полныхъ упряжкахъ. Такимъ образомъ имѣли мы, считая находящихся въ Чукочьемъ, около 300 собакъ. Къ несчастію, не болѣе 60-ти изъ нихъ,

слѣдственно, только *пять упряжекъ*, были годны для дальняго путешествія, а остальныя слишкомъ слабы и ненадежны. Такое обстоятельство произвело существенную перемѣну въ первоначальномъ планѣ моего путешествія. Раздѣлить экспедицію на два отряда не было возможности. Также нельзя было начать поѣздки отъ устья Большой Баранихи, ибо зимою, при недостаткѣ собакъ, не успѣли перевезти туда необходимаго провіанта. Съ великимъ трудомъ удалось намъ запасти все нужное только въ Сухарномъ.

Наконецъ, всѣ приготовленія были кончены и мы могли отправиться въ путь. Нагрузивъ нарты потребностями путешествія, а также остатками запасовъ сушеной и свѣже-замороженной рыбы, я выѣхалъ 10-го Марта изъ Нижне-Колымска, въ сопровожденіи мичмана Матюшкина, штурмана Козьмина и матроса Нехорошкова *. Кромѣ пяти нартъ для путешествія, запряженныхъ лучшими и надежнѣйшими собаками, имѣли мы еще 19-ть нартъ для провіанта, которыя какъ и въ прежнихъ путешествіяхъ, тотчасъ по разгрузкѣ должны были возвращаться назадъ. Между проводниками находился одинъ знавшій Чукотскій языкъ и могъ служить, въ случаѣ нужды, переводчикомъ.

Марта 12-го пріѣхали мы въ Сухарное и занимались весь слѣдующій день разными приготов-

* Докторъ Киберъ, несмотря на ослабленное здоровье, хотѣлъ провожать насъ въ сей экспедиціи, но 14-го Марта принужденъ былъ, уже изъ Сухарнаго, возвратиться назадъ.

леніями. Марта 13-го начали мы путешествіе по Ледовитому морю, имѣя съ собою на 40 дней провіанта и на 35-ть дней корма для собакъ. На слѣдующій день достигли Большаго Баранова Камня и по возможности нагрузили нарты наноснымъ лѣсомъ. Зная по опыту, что попадающаяся обыкновенно въ сихъ странахъ лиственница тяжела и худо горитъ, еще въ прошломъ году велѣлъ я заготовить березовыхъ дровъ по берегамъ Анюя (по Колымѣ береза не растетъ); они были доставлены въ Нижне-Колымскъ и для большей легкости высушены. Мы взяли съ собой такихъ дровъ на 15-ть дней, и кромѣ того на 10-ть дней (4 пуда) рыбьяго жира, смѣшеннаго съ мохомъ и стружками, а наконецъ у Баранова Камня запаслись лиственницею, такъ, что имѣли топлива дней на сорокъ, отъ чего нарты наши были въ началѣ очень тяжелы.

Въ полдень 16-го числа поѣхали мы далѣе, при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, пасмурной погодѣ и сильномъ снѣгѣ. Сѣверная и сѣверо-западная части Баранова Камня состоятъ изъ шиферныхъ утесовъ, въ 6-ть саженъ вышиною, отвѣсно спускающихся въ море, и только изрѣдка прорѣзанныхъ узкими низменными долинами. Проѣхавъ 8-мь верстъ, достигли мы сѣверной оконечности Баранова Камня. Здѣсь стоитъ нѣсколько отдѣльныхъ каменныхъ столбовъ, называемыхъ туземцами *Кекуры*, что придаютъ мысу издали видъ древняго, полуразвалившагося замка.

Дальнѣйшій путь въ море взяли мы на NO

30°. Въ семъ направленіи намѣревался я проникнуть до 71½° широты, гдѣ мы пересѣкли бы меридіанъ Шелагскаго мыса, въ разстояніи 150-ти верстъ. Тамъ предполагалось устроить складку провіанта и отослать часть нартъ въ Нижне-Колымскъ, а съ остальными продолжать изслѣдованіе на NO и NW. Такимъ образомъ путешествіе наше послужило бы продолженіемъ прошлогодняго и могло повести къ удовлетворительнымъ выводамъ о предполагаемомъ существованіи земли къ сѣверу.

Удалившись на 1½ версты отъ берега, встрѣтили мы значительную гряду неправильныхъ высокихъ торосовъ и проѣхали между ними 18-ть верстъ. Не столько усталость, сколько поврежденіе двухъ нартъ, заставило насъ расположиться здѣсь ночлегомъ. Транспортныя нарты далеко отстали и уже поздно ночью соединились съ нами, въ самомъ жалкомъ положеніи. Отъ ѣзды черезъ торосы такъ онѣ пострадали, что мы принуждены были большую часть нашихъ березовыхъ дровъ употребить на починку. Сія скучная работа занимала насъ весьма слѣдующій день, и только въ 11-ть часовъ 18-го Марта можно было продолжать путь. Погода была пасмурная. При 13° холода и рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ шелъ сильный снѣгъ. Торосы уменьшались, наконецъ вовсе прекратились, и вмѣсто того очутились мы на необозримой равнинѣ, уставленной снѣжными волнообразными буграми. Въ мягкомъ снѣгѣ нарты не столько повреждались, какъ въ срединѣ

торосовъ, но за то собаки здѣсь чрезвычайно утомлялись. Плотность и высота (до 2-хъ саженъ) наносныхъ снѣжныхъ слоевъ доказывали, что здѣсь часто выпадаетъ сильный снѣгъ, а направленіе ихъ заставляло предполагать, что здѣсь господствуютъ восточные вѣтры.

По полуденному наблюденію находились мы подъ 69° 56½′ широты. Счислимая долгота была 0° 14′ на востокъ отъ Большаго Баранова Камня *. Сегодня (18-го Марта) проѣхали мы только 23-хъ версты, по причинѣ поздняго выѣзда, а главнѣйше отъ худаго состоянія транспортныхъ нартъ, безпрестанно ломавшихся и принуждавшихъ насъ останавливаться. Намъ удалось убить здѣсь большаго бѣлаго медвѣдя. Мясо и жиръ его подкрѣпили нашихъ собакъ. Ночью холодъ усилился до 25°. Несмотря на то, что морозъ продолжался весь слѣдующій день, по совершенному безвѣтрію стужа не очень была чувствительна. Къ полудню атмосфера прояснилась. Большой Барановъ Камень видѣнъ былъ отъ насъ на разстояніи 40 верстъ, по направленію SW 11°.

Съ 9-ти часовъ утра до полудня проѣхали мы, по довольно гладкой ледяной равнинѣ, 18-ть верстъ. Здѣсь, по полуденному наблюденію, опредѣлено 70° 12′ широты въ 0° 50′ восточной счислимой долготы, отъ Баранова Камня. Послѣ полудня поѣхали мы далѣе и сдѣлали сегодня вообще 36-ть верстъ. Сильный сѣверо-западный

* Счислимыя долготы показаны здѣсь отъ меридіана Большаго Баранова Камня.

вѣтеръ и густая мятель принудили насъ ранѣе обыкновеннаго расположиться ночлегомъ. Транспортныя нарты сегодня также отстали. Изъ 16-ти три были уже разгружены и отправлены въ Нижне-Колымскъ; 14-ть нартъ поздно ночью соединились съ нами, но не привезли никакихъ извѣстій о двухъ остальныхъ. Я весьма безпокоился объ ихъ судьбѣ, потому что здѣсь водится множество бѣлыхъ медвѣдей. Одинъ изъ нихъ ворвался даже къ намъ въ лагерь, но былъ убитъ, прежде нежели успѣлъ причинить какой нибудь вредъ. Мы провели ночь въ мучительной неизвѣстности объ участи нашихъ спутниковъ. На другой день, едва начало свѣтать, отправилъ я людей на поиски. Наконецъ прибыли отставшіе и донесли, что потерявъ среди мятели слѣды другихъ нартъ, они принуждены были за наступившею темнотою остановиться и провести холодную ночь безъ огня, почти безъ пищи, въ безпрерывномъ страхѣ нападенія бѣлыхъ медвѣдей. Только крикомъ и лаемъ собакъ избавлялись они отъ своихъ ужасныхъ непріятелей. Здѣсь во льду устроили мы складку провіанта, назначеннаго на возвратный путь, и отправили три разгруженныя нарты въ Нижне-Колымскъ.

Сѣверо-западный вѣтеръ крѣпчалъ и мятель становилась сильнѣе. Термометръ показывалъ 18° холода. Несмотря напасмурную погоду, удалось намъ взять полуденную высоту солнца и опредѣлить широту мѣста въ 70° 19½′; счислимая долгота 1° 6′ восточная.

Марта 21-го вѣтеръ стихъ и перешелъ къ востоку. Небо нѣсколько прояснилось, но края небосклона были покрыты тучами. Термометръ показывалъ 19° холода. Въ 10-ть часовъ поѣхали мы далѣе, черезъ тороса, въ сѣверо-восточномъ направленіи. По полуденному наблюденію находились мы подъ 70° 26′ широты и 1° 22′ счислимой долготы на востокъ. Вечеромъ удалось намъ убить большаго бѣлаго медвѣдя, который въ жару сраженія ранилъ трехъ нашихъ лучшихъ собакъ. Нѣкоторые изъ проводниковъ, недовольные тощею пищею, рѣшились, не смотря на всеобщее отвращеніе, отвѣдать поджареннаго медвѣжьяго мяса и увѣряли, что оно очень вкусно. Къ ночи термометръ, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, показывалъ 25° холода.

Исправивъ поврежденныя въ торосахъ нарты, мы отправились 22-го Марта далѣе. По полуденному наблюденію опредѣлена широта 70° 39′, а счислимая долгота была 1° 51′ восточн. Склоненіе ручнаго компаса было $14^1/_2{}^\circ$ восточн.

Съ большимъ трудомъ встаскивали собаки нарты наши изъ глубокаго снѣга на высокіе тросы; потому мы подвигались весьма медленно и проѣхали сегодня только 14-ть верстъ, когда наступленіе ночи и общая усталость принудили насъ остановиться. Транспортныя нарты прибыли къ ночлегу шестью часами послѣ насъ. Опасаясь, чтобы сильная мятель, затемнявшая воздухъ, не разсѣяла ихъ, я передъ отъѣздомъ приказалъ имъ держаться всѣмъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ

были онѣ въ состояніи подавать взаимно помощь, и наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и опасностей, всѣ счастливо съ нами соединились.

Къ общей радости, 23-го Марта подулъ, такъ называемый во всей сѣверо-восточной Сибири, *теплый* вѣтеръ, съ OSO. При ясной погодѣ оказывалъ онъ самое быстрое вліяніе на температуру, такъ что ртуть термометра въ короткое время поднялась до $1^1/_2{}^0$ градусовъ холода. Мы спѣшили воспользоваться благопріятною погодою. Палатки, нарты и шесты въ мигъ обвѣсились измокшимъ платьемъ и бѣльемъ для сушки. Вывѣшенныя одежды, общая заботливость найдти себѣ лучшее, болѣе вѣтру подверженное мѣсто, и наконецъ видимое наслажденіе отъ вдыханія теплаго воздуха, составляли комическую картину.

Отсюда посылалъ я г-на Матюшкина, съ двумя нартами, на востокъ, для изслѣдованія: не становятся ли тамъ торосы проходимѣе? Часа черезъ два онъ возвратился съ извѣстіемъ, что къ востоку торосы не уменьшаются, но на западъ замѣтили довольно гладкую полосу льда, по которой, вѣроятно, ѣзда будетъ удобнѣе. Мы тотчасъ нагрузили нарты и отправились на западъ. Въ полдень находились мы подъ 70° 42′ широты и 1° 51′ счислимой долготы на востокъ.

Но и здѣсь вскорѣ встрѣтили мы огромные крутые торосы. Ѣзда между ними была сопряжена съ большими опасностями и трудами. Между прочимъ, при переправѣ черезъ одинъ изъ высочайшихъ торосовъ, когда поднялись мы на са-

мую вершину его, ремень, прикрѣплявшій упряжь къ моимъ санямъ, лопнулъ. Собаки стремглавъ полетѣли внизъ, а я съ нартою остался недвижимъ на вершинѣ. Къ несчастію, собаки встрѣтили свѣжій медвѣжій слѣдъ, съ лаемъ и визгомъ бросились за звѣремъ и вскорѣ исчезли у насъ изъ вида. Положеніе наше было критическое. Потерявъ лучшую упряжь, надобно было оставить мою нарту. Мы долго и напрасно искали убѣжавшихъ собакъ, и наконецъ нашли ихъ, почти въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Длинный ремень, волочась за ними, зацѣпился въ трещинѣ между двумя льдинами и остановилъ ихъ, причемъ онѣ совершенно выбились изъ силъ, стараясь вырваться.

Хотя въ теченіе четырехъ часовъ проѣхали мы только 6-ть верстъ, но принуждены были остановиться на ночлегъ и расположились подъ защитою льдины, величиною во всѣ стороны до 8-ми саженъ. На SO лежала длинная гряда высокихъ торосовъ. Какъ обыкновенно, транспортныя нарты отстали и прибыли къ ночлегу 6-ю часами позже насъ; въ теченіе 10-ти часовъ подвинулись онѣ только 6-ть верстъ. Ночью вѣтеръ перешелъ на SW и началъ крѣпчать, но къ утру стихъ и мы выѣхали при облачномъ небѣ и 11° холода. Около полудня шелъ снѣгъ.

Трудность сегоднишняго (24-го ч.) путешествія превосходила все доселѣ нами испытанное. Съ помощью пешней пробивались мы черезъ гря-

ду плотныхъ торосовъ, неимовѣрной вышины. Ледъ ихъ былъ чрезвычайно твердъ. Мѣстами былъ онъ смѣшанъ съ голубоватою глиною и крупнымъ пескомъ. Почти на каждомъ шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на всѣ предосторожности, сани скользили съ гладкихъ хребтовъ торосовъ и падали въ промежутки, подобные оврагамъ. Вытаскивать оттуда нарты, держась на узкой и скользкой полосѣ льдинъ, стоило несказанныхъ трудовъ. Люди и собаки совершенно измучились. Всѣ, болѣе или менѣе, были ушибены. Послѣ 6-ти часовъ безпрерывныхъ усилій подвинулись мы только на 5-ть верстъ, и для отдыха, а преимущественно для исправленія поврежденныхъ саней, рѣшились остановиться. Особенно транспортныя нарты сильно повредились и причиняли намъ безпрестанныя остановки. Потому положили мы здѣсь во льду устроить главный складъ запасовъ и всѣ разгруженныя нарты отправить въ Нижне-Колымскъ. Тотчасъ приступили къ работѣ, вырубили во льду два большія углубленія и положили туда всѣ наши запасы и кормъ для собакъ. Сверху покрыли все тщательно большими льдинами, а щели и скважины между ними засыпали снѣгомъ и залили водою, такъ, что при морозѣ въ короткое время образовалась твердая масса, непроницаемая для медвѣдей. Окончивъ работу, принялись мы за починку нартъ; и тутъ также много было дѣла. Проводники наши, возвращавшіеся въ Нижне-Колымскъ, такъ радова-

лись избавленію отъ неимовѣрно труднаго путешествія, что несмотря на усталость, весело и дружно принялись за работу и скоро все кончили. Остатокъ дня провели они въ пѣсняхъ, пляскахъ и разныхъ играхъ.

Къ вечеру атмосфера прояснилась и мы увидѣли на горизонтѣ два возвышенія. Одно изъ нихъ лежало на SW 19°, и мы приняли его за Большой Барановъ Камень. По счисленію отстоялъ онъ отъ насъ въ 130 верстахъ. Другое лежало на SW 5°, но были ли то дѣйствительно горы, или только густыя облака и пары, точно сказать было невозможно.

По пеленгамъ перваго возвышенія опредѣлилъ я положеніе наше, совершенно согласовавшееся съ счисленіемъ. Оказалось, что дальнѣйшій восточный пунктъ нашей прошлогодней поѣздки находился отъ насъ въ 30-ти верстахъ къ западу. Мы провели здѣсь ночь и на слѣдующее утро 26-го отослали 13-ть разгруженныхъ нартъ въ Нижне-Колымскъ.

На канунѣ отправилъ я г-на Матюшкина, на двухъ нартахъ, съ провизіею на пять дней, въ сѣверо-восточномъ направленіи для изслѣдованій, а сегодня самъ, въ сопровожденіи г-на Козьмина, на трехъ нартахъ, съ провизіею на три дня, поѣхалъ прямо на сѣверъ. Мы условились соединиться 29-го числа у заложеннаго склада провіанта, гдѣ для облегченія собакъ оставили намъ большой уросъ. Отъѣхавъ 14-ть верстъ отъ мѣста ночлега, находились мы, по полуденному на-

блюденію, подъ 70° 52′ широты и 1° 56′ счислимой восточной долготы. Здѣсь мало по малу исчезаютъ торосы, состоящіе изъ вѣчнаго, никогда нетающаго льда, а мѣсто ихъ заступаютъ другіе, образовавшіеся отъ наслоенія льдинъ. Они отличаются отъ предыдущихъ зеленовато-синимъ цвѣтомъ, обнаженными острыми вершинами и нѣкоторою правильностью формъ. Мы встрѣтили гладкую, непокрытую снѣгомъ полосу льда (вѣроятно, недавно замерзнувшую полынью) по направленію на WNW. Проѣхавъ по ней около 5-ти верстъ, къ немалому удивленію, замѣтили мы старые санные слѣды, и по ближайшемъ наблюденіи оказались они нашими, сохранившимися отъ прошлогодней поѣздки. По счисленію находились, мы по крайней мѣрѣ, въ 85-ти верстахъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ прошломъ году ѣздили; должно предполагать, что господствовавшіе здѣсь во все лѣто сѣверо-западные вѣтры подвинули цѣликомъ всю ледяную поверхность на востокъ.

Между новыми торосами попадались намъ иногда торосы стараго образованія, и послѣ одного изъ нихъ расположились мы ночевать, проѣхавъ 51-ну версту. Бока тороса были совершенно покрыты крупнымъ пескомъ, что мы и прежде уже неоднократно замѣчали при торосахъ стараго образованія. Вечеромъ и ночью небо было ясно; термометръ показывалъ 20° холода, при слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ. Весь горизонтъ былъ обставленъ торосами, и только изрѣдка попадался

разломанный ледъ, смѣшанный съ иломъ и пескомъ.

Поутру 27-го Марта находились мы подъ 71° 13′ широты; счислимая долгота была 2° 13′ вост. Г-нъ Козьминъ, съ вершины тороса, увидѣлъ на NO два холма; тотчасъ навели мы въ ту сторону зрительныя трубы, но ничего не могли открыть. Простымъ глазомъ можно было довольно ясно отличать два темно-синія возвышенія, окраенныя, какъ горы, и то изчезавшія, то снова являвшіяся. Высочайшее изъ нихъ запеленговано на NO 40°. Мнѣнія наши относительно ихъ были различны, но мы оба, я и г. Козьминъ, навѣрное полагали, что видимъ землю, а наши проводники увѣряли, что то были подымавшіеся изъ открытаго моря пары, издали получавшіе темно-синій цвѣтъ.

Отъѣхавъ отсюда съ версту на NO 40°, встрѣтили замерзшее во льду и почти уже сгнившее дерево. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ явственнѣе становились замѣченныя нами возвышенія, и скоро приняли они видъ недалекой гористой земли. Холмы рѣзко окраились; мы могли различать долины и даже отдѣльные утесы. Все увѣряло насъ, что послѣ долгихъ трудовъ и препятствій открыли мы искомую землю. Поздравляя другъ друга съ счастливымъ достиженіемъ цѣли, мы спѣшили далѣе, надѣясь еще до наступленія вечера вступить на желанный берегъ. Но наша радость была непродолжительна и всѣ прекрасныя надежды наши исчезли. Къ вечеру, съ пе-

ремѣною освѣщенія, наша *новооткрытая земля* подвинулась по направленію вѣтра на 40°, а черезъ нѣсколько времени еще обхватила она весь горизонтъ, такъ, что мы, казалось, находились среди огромнаго озера, обставленнаго скалами и горами.

Потерявъ едва родившуюся надежду, остановились мы въ самомъ непріятномъ расположеніи духа на ночлегъ, проѣхавъ сегодня между торосами всего 40 верстъ. При 16° холода вѣялъ рѣзкій ONO вѣтеръ. На другое утро (28-го), къ досадѣ, увидѣли мы повтореніе вчерашняго оптическаго явленія. По страшному преломленію лучей, отраженныхъ отъ дальныхъ и ближнихъ торосовъ на нисшій, сгущенный парами слой атмосферы, казалось намъ, что мы находились среди низменной, изрѣзанной плоскими холмами тундры. Проѣхавъ еще $11^1/_2$ верстъ, мы достигли, по полуденному наблюденію, 71° 34′ широты и 2° 50′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 17° восточное. Не замѣтивъ ни малѣйшаго уменьшенія торосовъ, и не предвидя, по прежнимъ опытамъ, никакой скорой перемѣны, я рѣшился возвратиться отсюда назадъ, чтобы въ опредѣленное время прибыть къ нашей складкѣ провіанта. Возвратный путь нашъ былъ скорѣе, отъ того, что собаки вообще по знакомой дорогѣ бѣгутъ быстрѣе и охотнѣе, а отчасти и отъ того, что при нашей поѣздкѣ сюда мы, по возможности, сгладили труднѣйшія мѣста. До заката солнца проѣхали мы 50-ть верстъ.

Марта 29-го свѣжій восточный вѣтеръ распространилъ въ атмосферѣ влажность. Термометръ показывалъ 9° холода. Въ снѣгу видны были слѣды медвѣдей и спутниковъ ихъ песцовъ. Поздно вечеромъ прибыли мы къ складкѣ съ провіантомъ, гдѣ г-нъ Матюшкинъ ожидалъ уже насъ съ утра. Онъ ѣздилъ по сѣверо-восточному направленію, и проѣхавши въ три дня 90 верстъ, достигалъ 71° 10′ широты, а по долготѣ почти меридіана Пещанаго мыса. Торосы на пути его являлись рѣже, но глубокій, рыхлый снѣгъ весьма затруднялъ ѣзду. Подобно намъ, онъ видѣлъ на горизонтѣ синеву и принималъ ее за искомую землю. Кромѣ многихъ песцовыхъ слѣдовъ, замѣтилъ онъ слѣдъ лисицы, что въ такомъ дальномъ разстояніи отъ берега было большою рѣдкостью.

На пути одинъ изъ нашихъ проводниковъ, знавшій Чукотскій языкъ, заиемогъ сильными желудочными припадками. Къ счастію, съ нами былъ Юкагиръ, слывшій въ Омоконѣ цырюльникомъ; никогда, даже и въ путешествіи нашемъ, не разставался онъ съ своимъ ланцетомъ. Видимо обрадованный случаю показать свое искуство, тотчасъ рѣшился онъ пустить кровь и окончилъ операцію очень счастливо. Не могу утверждать, чтобы дѣйствительно отъ того больной почувствовалъ облегченіе, но слабость его заставила насъ цѣлый день оставаться на мѣстѣ.

Всѣ мы равно страдали въ то время болью въ глазахъ, происходившею отъ яркаго блеска весенняго снѣга, но болѣзнь была уже намъ зна-

кома изъ прежнихъ поѣздокъ, и мы облегчали ее натирая глаза спиртомъ, а потомъ при помощи очковъ изъ чернаго флера вовсе отъ нея избавились.

Пользуясь невольнымъ бездѣйствіемъ, вырыли мы изъ льда провизіи на 20-ть дней и нагрузили ею наши нарты.

Въ 2 часа по полудни, 31-го Марта, отправились мы далѣе, по прежнему прямому сѣверному направленію, ибо оно казалось намъ удобнѣе сѣверо-восточнаго. Отъѣхавъ только 12-ть верстъ, расположились на ночлегъ. Вечеромъ и ночью было совершенное безвѣтріе. Все небо застилалось густыми облаками. Но на слѣдующее утро (1-го Апрѣля) поднялся восточный вѣтеръ, перешелъ къ полудню на югъ и очистилъ горизонтъ. Сегодня проѣхали мы только 20-ть верстъ. Медленность происходила главнѣйше отъ того, что почти всю дорогу шли мы пѣшкомъ, и нерѣдко, вмѣстѣ съ собаками, тащили тяжело нагруженныя нарты.

По случаю дня Св. Пасхи (2-го Апрѣля) оставались мы на мѣстѣ. Двойная порція мяса и по двѣ чарки вина на каждаго распространили между нашими проводниками веселье, и оно еще болѣе поддерживалось въ нихъ теплою и ясною погодою. Они пѣли, плясали, стрѣляли въ цѣль изъ ружей и луковъ. Такъ провели мы цѣлый день.

На слѣдующее утро благопріятная погода продолжалась; мы поѣхали далѣе, но среди частыхъ

и высокихъ торосовъ подвинулись только на 18-ть верстъ. При переѣздѣ черезъ одну груду ихъ сорвалась нарта, сильно ушибла двухъ проводниковъ и задавила одну изъ нашихъ лучшихъ собакъ, что было для насъ самою чувствительною потерею. Вообще мы испытали въ нынѣшнюю поѣздку разныя бѣдствія и неудачи. Такъ, напримѣръ, 4-го Апрѣля проѣхали мы только 13-ть верстъ и уже принуждены были остановиться, потому что въ торосахъ полозья трехъ нашихъ нартъ сломались.

Исправивъ по возможности березовыми дровами поврежденія, 5-го числа отправились мы далѣе, по гладкому льду, покрытому разсоломъ и мѣлкими соляными кристаллами. Въ 9-ти верстахъ отъ ночлега увидѣли тюленя; онъ грѣлся на солнцѣ, но замѣтивъ насъ тотчасъ нырнулъ въ продушину. Ледъ здѣсь былъ около $1\frac{1}{2}$ аршина въ толщину; глубина моря 12-ть саженъ; грунтъ его зеленоватый илъ. Термометръ въ водѣ показывалъ $1\frac{1}{2}^{0}$, а на воздухѣ 3^{0} холода. Замѣтно было довольно сильное теченіе на OSO. Проѣхавъ 96 верстъ, остановились мы ночевать и выставили караульнаго для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія медвѣдей, слѣды которыхъ попадались намъ во множествѣ. Сегодня видѣли мы странное явленіе: свѣжій восточный вѣтеръ нагналъ туманъ на всю окрестность, и проникнувъ въ короткое время наши платья и палатку, покрылъ все толстымъ слоемъ инея.

Проѣхавъ 6-го Апрѣля 30-ть верстъ, мы достигли

того самаго мѣста, откуда 28-го Марта начали обратный путь къ складкѣ съ провіантомъ, такъ, что намъ потребно было 7-мь дней на проѣздъ такого пространства, которое тогда проѣхали мы въ $2^1/_2$ дня, разумѣется съ легчайшими партами. На 10-й верстѣ отсюда расположились мы ночлегомъ. Къ сѣверу тянулся рядъ высокихъ, частыхъ торосовъ, очевидно болѣе стараго, нежели новаго образованія, затруднявшихъ ѣзду особенно глубокимъ снѣгомъ, который наполнялъ между ними промежутки. Проводники наши были принуждены безпрестанно поддерживать парты и тащить ихъ, вмѣстѣ съ собаками. Отъ излишнихъ усилій, едва только выздоровѣвшій проводникъ нашъ снова началъ страдать желудкомъ и привелъ насъ тѣмъ, при совершенномъ недостаткѣ пособій (кромѣ ланцета Юкагирскаго Эскулапа), въ большое затрудненіе. Видя безпомощное положеніе наше и разсуждая, что больной и впредь будетъ причинять намъ частыя остановки, рѣшился я отослать его въ Нижне-Колымскъ, несмотря на то, что мы находились въ 250 верстахъ отъ земли и 390 верстахъ отъ перваго обитаемаго мѣстечка. Хотя такое уменьшеніе нашего общества было крайне стѣснительно, но для отклоненія худшихъ послѣдствій оставалось одно средство, и я отправилъ больнаго, съ двумя проводниками, на крѣпкой партѣ, запряженной не 12-тью, а 24-мя собаками. Оставшуюся отъ того нарту безъ упряжки разобрали мы для употребленія на починку другихъ. Лишнюю провизію и другія, не столь

нужныя вещи зарыли мы здѣсь въ ледъ на обратный путь. Большой уросъ отданъ былъ нами возвращавшимся во свояси, а себѣ оставили мы только пару пологовъ, или небольшихъ лѣтнихъ палатокъ. Насъ оставалось теперь только шесть человѣкъ, на трехъ нартахъ.

Всю ночь и слѣдующій день густой туманъ покрывалъ окрестности, и только поутру слабый сѣверный вѣтеръ очистилъ на короткое время атмосферу. Термометръ показывалъ 5° холода.

Проѣхавъ 3 версты, по довольно гладкому льду, мы снова встрѣтили купы плотныхъ торосовъ; глубокіе промежутки между ними были наполнены рыхлымъ снѣгомъ. Съ высочайшей льдины осмотрѣли мы горизонтъ. Вся поверхность льда была изрѣзана частыми грядами торосовъ. Оставалось одно средство: проложить себѣ дорогу пешнями. Послѣ 5-ти часовъ безпрерывныхъ усилій удалось намъ пробиться до удобнѣйшей дороги и проѣхать 13-ть верстъ среди безпрерывныхъ большихъ и малыхъ торосовъ, новаго и стараго образованія. Двѣ нарты сильно повредились и далеко отстали, такъ, что только поздно ночью соединились со мною.

На слѣдующій день снова пробивались мы черезъ высокую стѣну торосовъ на разстояніи двухъ верстъ и достигли гладкой полосы льда до $5^1/_2$ верстъ въ ширину, ограниченной на сѣверъ стѣною высокихъ взгроможденныхъ льдинъ. Съ нихъ на большое протяженіе можно было осмотрѣть горизонтъ. На сѣверъ тянулись, параллельно одинъ

другому, нѣсколько рядовъ торосовъ свѣжаго лома и зеленоватаго цвѣта. Издали были они подобны огромнымъ волнамъ океана. По сю сторону ихъ извивалась узкая, безснѣжная полоса, какъ рѣка между ледяными утесами. На югъ возвышались, будто покрытыя снѣгомъ горы, исполинскіе торосы стараго образованія. Дикая неровность сей части моря придавала ему видъ страны, изрытой глубокими оврагами и ущельями.

Противоположность южныхъ старыхъ торосовъ новымъ, сѣвернѣе лежащимъ, была слишкомъ рѣзка и не оставляла сомнѣнія, что мы достигли предѣла Сибирскаго прибрежнаго твердаго льда, и что передъ нами море неограниченное съ сѣвера никакою близкою землею. Мы переправились еще чрезъ двѣ купы торосовъ и расположились у третьей на ночлегъ. На пути видѣли мы нѣсколько полыней, еще незамерзшихъ; глубина моря была въ нихъ $14^1/_2$ саженъ; грунтъ зеленоватый илъ. Здѣсь снова зарыли мы въ ледъ часть нашихъ запасовъ, чтобы съ облегченными партами удобнѣе можно было проникнуть на сѣверъ.

Апрѣля 9-го, при ясной погодѣ и слабомъ восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ 10^0 холода. По полуденному наблюденію находились мы подъ $71^0\,50'$ широты и $3^0\,20'$ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было $18^3/_4{}^0$ восточное.

Переправясь черезъ ледяную гряду, подлѣ которой ночевали, мы очутились среди дикой, не-

правильной купы торосовъ. До сихъ поръ ничего подобнаго мы еще не видывали. Работая безпрерывно семь часовъ пешнями, проѣхали только *три* версты. Видя, что въ качествѣ льдовъ нельзя ожидать никакой перемѣны, и опасаясь отъ крайняго изнуренія собакъ и сильнаго поврежденія нартъ лишиться того и другаго, я рѣшился спросить у сопровождавшихъ меня офицеровъ ихъ мнѣнія: полагаютъ ли они возможнымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, проникнуть на большое разстояніе къ сѣверу? Оба единодушно объявили, что еслибы даже ледъ оставался далѣе твердымъ и надежнымъ, и тогда, съ утомленными собаками, среди безпрерывныхъ торосовъ, въ теченіе цѣлой недѣли подвинемся мы впередъ не болѣе 30-ти верстъ. Такое мнѣніе, основанное на прежнихъ опытахъ и мною вполнѣ раздѣляемое, побудило меня возвратиться отсюда назадъ. Но желая устранить причины упрека себѣ въ поспѣшности, я поручилъ г-ну Матюшкину, на усердіе и распорядительность котораго можно было совершенно положиться, ѣхать въ пустой нартѣ, съ двумя проводниками, къ сѣверу, съ тѣмъ, чтобы болѣе увѣриться: можно или нѣтъ проникнуть еще далѣе? Онъ отправился 10-го Апрѣля. Ночью, при посредственномъ вѣтрѣ, слышали мы трескъ ломавшагося льда. По утру поднялся рѣзкій сѣверный ветеръ. Термометръ показывалъ 8° холода.

Сегодня сдѣлали мы нѣсколько наблюденій надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки.

Обращая дѣленіемъ къ O:
верхній конецъ стрѣлки 81° 00′
нижній ——— ——— 81° 15′

Среднее..... 81° 7½′

Обращая дѣленіемъ къ W:
верхній конецъ стрѣлки 81° 00′
нижній ------ ------- 81° 15′

Среднее..... 81° 7½′

Среднее наклоненіе стрѣлки = 81° 7½′

Склоненіе ея по азимутамъ было 18° 45′ восточное. Полуденная высота солнца дала намъ 71° 52′ 19″ широты и 3° 23′ восточной долготы. Глубина моря была 14¼ саженъ; грунтъ зеленоватый илъ.

Послѣ шести часоваго отсутствія, г. Матюшкинъ возвратился. Онъ переходилъ черезъ множество высокихъ, почти неприступныхъ торосовъ, переправлялся черезъ открытыя полыньи, и не смотря на легкость пустой нарты проѣхалъ только 10-ть верстъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи. Наконецъ разломанный ледъ и открытое море перерѣзали ему дорогу. Здѣсь былъ онъ свидѣтелемъ явленія, возможнаго только въ полярныхъ странахъ, съ которымъ обыкновенный ходъ льда на самыхъ величайшихъ и быстрѣйшихъ рѣкахъ не имѣетъ никакого подобія: Ледовитое море свергало съ себя оковы зимы; огромныя ледяныя поля, поднимаясь почти перпендикулярно на хребтахъ бушующихъ волнъ, съ трескомъ сшибались и исчезали въ пѣнящейся пу-

чинѣ, и потомъ снова показывались на изрытой поверхности моря, покрытыя иломъ и пескомъ. Невозможно представить себѣ что нибудь подобное сему ужасному разрушенію. Необозримая, мертвая, одноцвѣтная поверхность колеблется; ледяныя горы, какъ легкія щепки, возносятся къ облакамъ; безпрерывный громовый трескъ ломающихся льдинъ смѣшивается съ плескомъ бушующихъ волнъ, и все вмѣстѣ представляетъ единственную въ своемъ родѣ, ни съ чѣмъ несравнимую картину. И такъ путь на сѣверъ былъ намъ отрѣзанъ. Возвращаясь, г. Матюшкинъ во многихъ мѣстахъ не находилъ болѣе слѣда своихъ саней, и видѣлъ, вмѣсто нихъ, большія пространства покрытыя водою.

Мы должны были спѣшить къ ближайшему складу нашего провіанта, пока еще ледъ держался. Нагрузивъ нарты наши, намъ удалось найдти среди торосовъ менѣе затруднительную дорогу, и по ней 10-го Апрѣля проѣхали мы 16 верстъ, въ WNW направленіи. Отъ юга на сѣверъ видно было множество слѣдовъ медвѣдей, вѣроятно, проходившихъ къ полыньямъ за тюленями.

Апрѣля 11-го, при слабомъ морозѣ, шелъ снѣгъ. Мы ночевали подъ 71° 54′ широты и 2° 52′ счисляемой долготы; потомъ ѣхали по довольно гладкому льду, на WNW, но вскорѣ опять встрѣтили старые торосы. Намѣреваясь направить путь къ NO, осмотрѣли мы прежде окрестности съ ледяной горы, имѣвшей до 15 саженъ вышины. Плотные

непроходимые торосы окружали насъ со всѣхъ сторонъ, но глухой трескъ, подобный отдаленному грому, и густые синіе пары, во множествѣ подымавшіеся между NO и NW, ясно предсказывали скорую разломку и ненадежность здѣсь морскаго льда. Мы имѣли случай замѣтить, что если твердый и толстый ледъ трескается, то отъ внезапнаго прикосновенія воздуха, изъ воды, смотря по состоянію атмосферы, подымаются пары, принимая обыкновенно видъ вертикальныхъ темно-синихъ столбовъ.

Проникнуть далѣе на сѣверъ не было возможности, и мы направили путь къ западу, вдоль торосовъ стараго образованія, до того мѣста, гдѣ они принимаютъ юго-западное направленіе. Здѣсь расположились мы ночлегомъ, въ 24-хъ верстахъ отъ вчерашняго ночлега. Остатокъ рыбьяго жира отъ дневной теплоты растаялъ, а дровяной запасъ нашъ такъ уменьшился, что мы могли только разъ въ день разводить огонь, чтобы сварать на немъ чай и пищу, а остальное время довольствовались сухою или мороженою рыбою и утоляли жажду снѣгомъ.

Апрѣля 19-го отправилъ я г. Матюшкина, съ порученіемъ: изслѣдовать старые торосы и поискать еще прохода на сѣверъ. Черезъ три часа возвратился онъ, съ извѣстіемъ, что хотя и трудно, но возможно однакожъ проникнуть въ семъ направленіи далѣе. Мы тотчасъ собрались въ путь. Проѣхавъ только шесть верстъ, замѣтили мы, что ледъ сдѣлался весьма топокъ, щелистъ и во мно-

гихъ мѣстахъ покрывался разсоломъ, что было несомнѣннымъ признакомъ скорой разломки льда. Я не смѣлъ ѣхать далѣе, особенно при сѣверномъ вѣтрѣ, все болѣе и болѣе усиливавшемся. Глубина моря равнялась $14^1/_2$ саженямъ; грунтъ его состоялъ, не изъ зеленоватаго ила, а изъ крупнаго песку.

Мы находились подъ 72° 2′ широты, въ 262 верстахъ, прямо на сѣверъ, отъ Большаго Баранова Камня. Качество льда и постепенно увеличивавшаяся, по мѣрѣ удаленія отъ берега, глубина моря, дали намъ причину съ вѣроятностью предполагать, что если дѣйствительно существуетъ на сѣверѣ неизвѣстная земля, то мы достигли еще не болѣе половины разстоянія ея отъ береговъ Сибири. Впрочемъ, не сіе соображеніе, а единственно физическая невозможность заставила насъ отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе въ сѣверъ. Мы рѣшились, направивъ путь на востокъ, попытаться достигнуть меридіана Шелагскаго мыса, ибо въ данной мнѣ инструкціи искомая земля полагалась прямо на сѣверъ отъ сего мыса, что и побуждало меня возвратиться отсюда. Къ вечеру пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ ночевали 10-го Апрѣля.

Апрѣля 13-го достигли мы склада съ провіантомъ, заложеннаго 6-го Апрѣля, и замѣтили въ окрестностяхъ множество медвѣжьихъ слѣдовъ. Вѣроятно, медвѣди были привлечены сюда запахомъ нашихъ припасовъ, но не могли проникнуть къ нимъ сквозь ледяную покрышку. Открывъ пеш-

непроходимые торосы окружали насъ со всѣхъ сторонъ, но глухой трескъ, подобный отдаленному грому, и густые синіе пары, во множествѣ подымавшіеся между NO и NW, ясно предсказывали скорую разломку и ненадежность здѣсь морскаго льда. Мы имѣли случай замѣтить, что если твердый и толстый ледъ трескается, то отъ внезапнаго прикосновенія воздуха, изъ воды, смотря по состоянію атмосферы, подымаются пары, принимая обыкновенно видъ вертикальныхъ темно-синихъ столбовъ.

Проникнуть далѣе на сѣверъ не было возможности, и мы направили путь къ западу, вдоль торосовъ стараго образованія, до того мѣста, гдѣ они принимаютъ юго-западное направленіе. Здѣсь расположились мы ночлегомъ, въ 24-хъ верстахъ отъ вчерашняго ночлега. Остатокъ рыбьяго жира отъ дневной теплоты растаялъ, а дровяной запасъ нашъ такъ уменьшился, что мы могли только разъ въ день разводить огонь, чтобы сварать на немъ чай и пищу, а остальное время довольствовались сухою или мороженою рыбою и утоляли жажду снѣгомъ.

Апрѣля 19-го отправилъ я г. Матюшкина, съ порученіемъ: изслѣдовать старые торосы и поискать еще прохода на сѣверъ. Черезъ три часа возвратился онъ, съ извѣстіемъ, что хотя и трудно, но возможно однакожъ проникнуть въ семъ направленіи далѣе. Мы тотчасъ собрались въ путь. Проѣхавъ только шесть верстъ, замѣтили мы, что ледъ сдѣлался весьма топокъ, щелистъ и во мно-

гихъ мѣстахъ покрывался разсоломъ, что было несомнѣннымъ признакомъ скорой разломки льда. Я не смѣлъ ѣхать далѣе, особенно при сѣверномъ вѣтрѣ, все болѣе и болѣе усиливавшемся. Глубина моря равнялась $14^1/_2$ саженямъ; грунтъ его состоялъ, не изъ зеленоватаго ила, а изъ крупнаго песку.

Мы находились подъ 72° 2′ широты, въ 262 верстахъ, прямо на сѣверъ, отъ Большаго Баранова Камня. Качество льда и постепенно увеличивавшаяся, по мѣрѣ удаленія отъ берега, глубина моря, дали намъ причину съ вѣроятностью предполагать, что если дѣйствительно существуетъ на сѣверѣ неизвѣстная земля, то мы достигли еще не болѣе половины разстоянія ея отъ береговъ Сибири. Впрочемъ, не сіе соображеніе, а единственно физическая невозможность заставила насъ отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе въ сѣверъ. Мы рѣшились, направивъ путь на востокъ, попытаться достигнуть меридіана Шелагскаго мыса, ибо въ данной мнѣ инструкціи искомая земля полагалась прямо на сѣверъ отъ сего мыса, что и побуждало меня возвратиться отсюда. Къ вечеру пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ почевали 10-го Апрѣля.

Апрѣля 13-го достигли мы склада съ провіантомъ, заложеннаго 6-го Апрѣля, и замѣтили въ окрестностяхъ множество медвѣжьихъ слѣдовъ. Вѣроятно, медвѣди были привлечены сюда запахомъ нашихъ припасовъ, но не могли проникнуть къ нимъ сквозь ледяную покрышку. Открывъ пеш-

нями погребъ нашъ, мы нашли его наполненнымъ водою, прососавшеюся туда сквозь небольшую щель на днѣ. Къ счастію, отверзтіе было такъ мало, что припасы только подмокли, но ничто изъ нихъ не пропало. Весь слѣдующій день оставались мы на мѣстѣ для просушки провизіи, а главнѣйше для того, чтобы дать отдыхъ нашимъ собакамъ. Апрѣля 15-го числа, при слабомъ NNO вѣтрѣ, поѣхали мы далѣе. Термометръ показывалъ $14^1/_2$ градусовъ холода.

Мы проѣхали, въ OSO направленіи, 36-ть верстъ, по гладкой полосѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ высокими грядами торосовъ; постепенно сближаясь, они соединились и образовали огромныя, разными земляными частицами покрытыя ледяныя массы. Въ промежуткахъ можно было бы проѣхать, еслибы они не были занесены грудами рыхлаго снѣга, въ которыхъ тонули люди и собаки. Мы принуждены были возвратиться отсюда назадъ и расположились ночлегомъ у начала гладкой полосы. Ночь провели мы безъ огня; холодъ былъ чувствителенъ. Термометръ показывалъ 20^0.

На слѣдующій день, при ясной погодѣ и совершенномъ безвѣтріи, мы поѣхали далѣе на востокъ, вдоль гряды высокихъ торосовъ. Полуденнымъ наблюденіемъ опредѣлили $71^0\ 30'$ широты; счисляемая долгота была $3^0\ 54'$. Не смотря на глубокій снѣгъ и чрезвычайно трудную ѣзду, сегодня проѣхали 30-ть верстъ и поздно вечеромъ остановились на ночлегъ.

Хотя 17-го Апрѣля было только 18° холода, но сильный, рѣзкій и сопровождаемый мятелью юго-западный вѣтеръ заставилъ насъ цѣлый день оставаться на мѣстѣ. Въ полдень, воспользовавшись благопріятною минутою, взяли мы высоту солнца, которая дала намъ 71° 18′ широты. Счислимая долгота 4° 4′. Склоненіе магнитной стрѣлки 18° восточное.

Апрѣля 18-го вѣтеръ утихъ и мы продолжали путь черезъ старые, свѣжимъ зеленоватымъ иломъ покрытые торосы. Въ 18-ти верстахъ отъ ночлега встрѣтили двухъ бѣлыхъ медвѣдей; тотчасъ погнались за ними, но охота причинила намъ болѣе вреда и потери времени, нежели выгоды, ибо, хотя послѣ долгаго боя одинъ изъ медвѣдей былъ убитъ, но мясо его оказалось такъ твердо, что не годилось даже и на кормъ собакамъ. Притомъ разсвирѣпѣвшій звѣрь перерапилъ у насъ многихъ собакъ. Потерявъ большую часть дня и до крайности утомившись, мы расположились на ночлегъ. Ночью видѣли признакъ приближающейся весны: летящее на NW большое стадо черныхъ утокъ (anas nigra), здѣсь, въ сѣверныхъ странахъ Сибири, часто покрывающихъ собою, въ полномъ смыслѣ сего слова, огромныя плавающія льдины.

По полуденному наблюденію 19-го Апрѣля, мы находились подъ 71° 18′ широты и 4° 36′ счислимой долготы. Сильный сѣверо-западный вѣтеръ, поднимая густую мятель, заставилъ насъ

ранѣе обыкновеннаго остановиться и остатокъ дня провести на мѣстѣ.

На другой день, не смотря на продолжавшіеся вѣтеръ и снѣгъ, мы поѣхали далѣе. Въ 3-хъ верстахъ отъ ночлега встрѣтили гладкую полосу, окраенную съ сѣвера высокими торосами, имѣвшими направленіе къ SSO. На западъ отъ нихъ видны были ледяныя горы стараго, а на востокъ новаго образованія. Здѣсь, въ трещину, затянутую тонкимъ слоемъ льда, мы измѣряли глубину моря; она равнялась 21 сажени, на илистомъ днѣ. Теченіе замѣтили довольно быстрое къ OSO. На сѣверо-восточной части горизонта подымались темно-синіе столпы пара. Проѣхавъ сегодня всего около 39-ти верстъ, расположились ночлегомъ на высокомъ ледяномъ хребтѣ, образовавшемся отъ соединенія старыхъ и новыхъ торосовъ, изъ конхъ новые простирались на В. до краевъ горизонта.

Г. Матюшкинъ и штурманъ Козьминъ 21-го Апрѣля, рано поутру, отправились на одной легкой нартѣ искать прохода на востокъ.

Съ великимъ трудомъ проѣхали они версту на NNO, черезъ частые остроконечные торосы, и достигли края огромной полыньи, шириною, по крайней мѣрѣ, въ двѣ версты. На восточной сторонѣ ея ледъ казался изрѣзаннымъ множествомъ щелей. Съ вершины высокой льдины показывались вдали большія непокрытыя льдомъ пространства. Полынья простиралась отъ OSO къ WNW до предѣловъ горизонта, и мѣстами неслись по

ней небольшія тонкія ледяныя поля. Около сажени ниже поверхности моря замѣчено сильное теченіе на SO. Глубина была 19½ саженъ; грунтъ зеленый илъ. Открытое море снова пресѣкло намъ дальнѣйшій путь. Мы рѣшились, согласно съ первымъ планомъ, достигнуть меридіана Шелагскаго мыса, слѣдуя по скатамъ старыхъ торосовъ, гдѣ ѣзда была удобнѣе и безопаснѣе.

Проѣхавъ всю ночь, и безпрестанно погружаясь въ глубокіе снѣга, мы подвинулись только на 27 верстъ къ SSO, принуждены были остановиться и дать роздыхъ утомленнымъ собакамъ.

По утру 22-го Апрѣля густой туманъ застилалъ всю окрестность и скрывалъ отъ насъ даже ближайшіе предметы. Когда вѣтеръ нѣсколько разсѣялъ его, на южной части горизонта ясно очертились черныя и острыя скалы *Шелагскаго мыса*, юго-западный край котораго пеленгованъ на SO 33°, отъ насъ въ 87-ми верстахъ.

Въ 3½ часа по полудни взяли мы азимуты солнца, по которымъ исчислено склоненіе ручнаго пелькомпаса 18° 49′ вост. Полуденная высота солнца дала намъ 70° 52′ 41″ широты; долгота, по пеленгамъ, 6° 40′ къ В. отъ Большаго Баранова Камня. Счислимая долгота отстояла отъ истинной, къ западу, на 24, или на 8 миль.

Наблюденія надъ инклинаторомъ дали слѣдующій выводъ:

Дѣленіемъ къ О:
нижній конецъ стрѣлки 81° 25′
верхній —— ——— 81° 25′

среднее..... 81° 25′

Дѣленіемъ къ W:
нижній конецъ стрѣлки 78° 30′
верхній ——— ——— 78° 30′
среднее..... 78° 30′
Среднее наклоненіе стрѣлки = 79° 57½′

Постепенно увеличивавшаяся глубина моря и множество полыней противорѣчили близкому разстоянію, въ какомъ отъ насъ, по счисленію, находился берегъ, такъ, что дѣлали невозможнымъ, еслибы мы не были въ томъ увѣрены, самое предположеніе, что берегъ материка отстоитъ отъ насъ только на 90 верстъ. Такое замѣчаніе ведетъ къ заключенію, что наши неудачные опыты открытія предполагаемой земли нимало не опровергаютъ ея существованія, а только показываютъ, что мы, не смотря на всѣ усилія, не могли ея отыскать. Впрочемъ, не смѣю утверждать, чтобы непреодолимыя препятствія, встрѣченныя нами, и впредь сдѣлали подобныя попытки безуспѣшными. Необходимымъ считаю наконецъ замѣтить, что недавно взломанный около насъ ледъ былъ, по большей части, очень толстъ и покрытъ твердымъ снѣгомъ, а къ сѣверу казался онъ тонкимъ и обнаженнымъ; также, что сѣверные вѣтры всегда распространяютъ влажность въ воздухѣ. Отсюда можно съ достовѣрностью заключить, что свойства моря, по мѣрѣ удаленія его на сѣверъ, перемѣняются.

Къ вечеру, при свѣжемъ SSW вѣтрѣ, небо покрылось тучами. Ѣзда на SW весьма затруд-

нялась высокими торосами и глубокимъ снѣгомъ, что заставило насъ перемѣнить направленіе на SSO. Здѣсь мы замѣтили во льду полусгнившее сосновое бревно, изрубили его на мѣлкія части и взяли съ собою, благодаря судьбу за умноженіе нашего топлива. Проѣхавъ въ принятомъ направленіи 19-ть верстъ, встрѣтили непроходимые торосы, простиравшіеся до самаго Шелагскаго мыса, и увѣрились въ невозможности проникнуть далѣе. Утесы мыса рѣзко рисовались на горизонтѣ; ихъ оконечность запеленгована на SO 31°. Хотя небо совершенно было чисто и ясно, но ни на востокѣ, ни на сѣверѣ не видѣли мы признаковъ земли. Принимая въ соображеніе, что каждый, не совсѣмъ низменный берегъ бываетъ видимъ здѣсь въ разстояніи 50-ти верстъ, и что мы находились въ 80-ти верстахъ отъ Шелагскаго мыса, можно съ основаніемъ утверждать, что къ сѣверу отъ сего мыса, на разстояніи ста тридцати верстъ нѣтъ предполагаемой земли. Выше уже достаточно доказано, что на 300 верстъ къ сѣверу отъ Большаго Баранова Камня никакая земля также не существуетъ.

Мы имѣли корму собакамъ только на четыре дня, находясь въ 200-хъ верстахъ отъ нашего ближайшаго склада съ провіантомъ, что, при наступавшей притомъ веснѣ, побудило насъ обратиться назадъ. На слѣдующій день (23-го Апрѣля), мы проѣхали 26-ть верстъ, въ западномъ направленіи, черезъ торосы и рыхлый снѣгъ. Въ полдень находились подъ 70° 50′ широты и 2° 8′

счислимой долготы, къ западу отъ Шелагскаго мыса.

Послѣ полудня, въ меридіанѣ Пещанаго мыса, показалась намъ на югъ, нѣсколько выше истиннаго горизонта, низменная земля. Мы находились отъ Сибирскаго материка, по крайней мѣрѣ, въ 98-ми верстахъ, почему и могли понять, что явленіе происходило отъ обыкновеннаго въ полярныхъ моряхъ, и нами уже нѣсколько разъ замѣченнаго преломленія лучей свѣта.

Сегодняшній путь былъ совершенно подобенъ вчерашнему. Мы видѣли много медвѣжьихъ и песцовыхъ слѣдовъ, и проѣхавъ 35-ть верстъ, остановились на ночлегъ.

На слѣдующій день, полуденная высота солнца дала 70° 54′ широты; счислимая долгота 3° 12′ на западъ отъ Шелагскаго мыса. По трудной дорогѣ, черезъ торосы и глубокій рыхлый снѣгъ, проѣхали 38-мь верстъ. Вечеромъ многочисленныя стаи черныхъ утокъ тянулись высоко надъ нашею головою къ западу.

Не смотря на трудный путь, 29-го проѣхали мы 43 версты; вблизи отъ нашего ночлега нашли свѣжее осиновое бревно. Сегодня кончились наши остальные припасы и кормъ для собакъ, но какъ по счисленію, на вѣрность котораго можно было полагаться, мы находились на разстояніи дневнаго пути отъ склада съ провіантомъ, то на слѣдующій день, 27-го, смѣло продолжали

путь и подвигались довольно скоро, потому что торосы сдѣлались здѣсь рѣже и менѣе. Въ 10-ти верстахъ отъ склада встрѣтили слѣды г-на Матюшкина, въ началѣ поѣздки искавшаго здѣсь прохода на сѣверъ. Проѣхавъ всего до 40 верстъ, остановились на ночлегъ у склада съ провіантомъ. Недалеко отсюда нашли толстое сосновое бревно. Такимъ образомъ, имѣя средство обогрѣться и нѣсколько отдохнуть, а также накормить усталыхъ и голодныхъ собакъ, расположимись остаться здѣсь на весь слѣдующій день. Судя по разрытымъ льдинамъ и сильно утоптанному снѣгу, должно было предполагать, что во время нашего 28-ми дневнаго отсутствія медвѣди дѣлали неоднократныя, но къ счастію безуспѣшныя попытки проникнуть къ нашимъ запасамъ. Мы нашли ихъ всѣ въ цѣлости.

Быстрое приближеніе теплаго времени и худое состояніе нашихъ нартъ дѣлали невозможнымъ продолженіе путешествія и заставили насъ возвратиться прежнею дорогою. Мы отправились по старому пути, между тѣмъ значительно поправившемуся, ибо рыхлый снѣгъ между торосами отвердѣлъ и сдѣлался совершенно плотнымъ, что намъ очень благопріятствовало, такъ, что 29-го Апрѣля проѣхали мы 55, а на слѣдующій день 50-ть верстъ, и 1-го Мая, вечеромъ, достигли берега. Здѣсь расположились мы ночлегомъ между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями.

Не смотря на чрезвычайную усталость, мы проснулись съ разсвѣтомъ и восхищались давно

невиданною землею, непокрытою снѣгомъ. Даже мореходецъ послѣ долгаго плаванія порадуется, увидѣвъ берегъ, а мы послѣ 46-ти дневнаго скитанія по пустыннымъ равнинамъ Ледовитаго моря, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, безпрестанно борясь съ опасностями и недостатками, часто не имѣя средствъ развести огонь и защищая оцѣпенѣвшіе отъ полярныхъ бурь и холода члены только легкою палаткою, съ радостью привѣтствовали землю и прибрежные холмы. Не смотря на ихъ дикость, они казались нашимъ утомленнымъ взорамъ живописными и прелестными. Зеленѣющій мохъ, низкіе кустарники и щебетаніе птичекъ показывали скорое наступленіе весны и наше возвращеніе въ оживленную страну. Радостно поздравляли мы другъ друга съ счастливымъ окончаніемъ трудовъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ исполняю я здѣсь сладостную для меня обязанность выраженіемъ искреннѣйшей благодарности моимъ ревностнымъ спутникамъ: г-мъ мичману *Матюшкину* и штурману *Козмину*, за ихъ неутомимое усердіе въ продолженіе всей поѣздки. Только ихъ дѣятельности и терпѣнію обязанъ былъ я тѣмъ, что наши проводники, слѣдуя примѣру офицеровъ, охотно и безъ ропота переносили всѣ труды и опасности.

Мая 4-го пріѣхали мы въ Походскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ другъ и сослуживецъ, лейтенантъ Анжу. Онъ прибылъ сюда съ своею экспедиціею съ Новой Сибири, чтобы черезъ Нижне-Колымскъ

возвратиться на Яну берегомъ. Неожиданное свиданіе въ отдаленныхъ льдистыхъ пустыняхъ доставило намъ великую радость. Она была однакожь помрачена видомъ бѣдствій и недостатковъ, насъ окружавшихъ. Шесть Тунгусскихъ семействъ, умирая съ голода, оставили свои степи, и напрягая послѣднія силы, пришли въ Походскъ, въ надеждѣ найдти здѣсь какую нибудь помощь и спасеніе отъ голодной смерти. Но здѣшніе жители сами были не въ лучшемъ положеніи. Истощивъ свой скудный запасъ, они питались самыми отвратительными предметами. Только близкое наступленіе весны и надежда на удачный ловъ рыбы поддерживали еще ихъ ослабѣвшія силы. Всеобщее уныніе и отчаяніе были ужасны. Мы раздѣлили весь остатокъ нашей провизіи между несчастными, и утѣшались мыслью, что спасли хоть немногихъ отъ голодной смерти.

Мая 5-го возвратились мы наконецъ въ Нижне-Колымскъ, послѣ 57-ми дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего 1,355 верстъ. Здѣсь нашелъ я новыя предписанія отъ г. Сибирскаго Генералъ-Губернатора, касательно занятій экспедиціи въ нынѣшнемъ году. Нашъ спутникъ докторъ Киберъ все еще былъ нездоровъ, страдая своею прежнею болѣзнью.

Нижне-Колымскъ, какъ мы и ожидали, былъ уже совершенно пустъ. Всѣ жители его разсѣялись по лѣсамъ и тундрамъ за промыслами. Въ мѣстечкѣ оставались только два постоянные жильца, *инвалидъ-казакъ* и *старуха-мѣщанка*

Сухомясиха, по обыкновенію, встрѣтившая насъ вкуснымъ пирогомъ и дѣятельною услужливостью старавшаяся изгладить въ насъ воспоминанія о понесенныхъ трудахъ и лишеніяхъ.

Мая 10-го шелъ первый дождь, но вскорѣ послѣ того выпалъ довольно глубокій снѣгъ. Мая 17-го на берегу, въ мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ вліянію солнца, показалась молодая трава, а 22-го тронулся по Колымѣ ледъ, въ нынѣшнемъ году покрывавшій рѣку 259-ть дней. Съ тѣмъ вмѣстѣ выступила изъ береговъ вода и принудила насъ, 26-го числа, оставить избу и расположиться со всѣми собаками, вещами и припасами, на ея плоской кровлѣ. Здѣсь, какъ будто на уединенной скалѣ среди океана, ожидали мы, единственныя живыя существа въ мѣстечкѣ, окончанія наводненія, приблизивъ къ себѣ карбасъ и яликъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ большей опасности спасаться на Пантелеевскую сопку, и при самой высокой водѣ составляющую безопасное убѣжище. Жители передъ отъѣздомъ на лѣтніе промыслы обыкновенно выставляютъ все свое движимое имущество на крыши; и теперь всѣ онѣ были завалены ящиками, боченками, санями, и проч.

Мая 31-го вода начала сбывать, и мы спустились въ избу, но еще долгое время, не смотря на безпрерывный огонь очага, жили въ холодной и сырой атмосферѣ.

ГЛАВА VI.

—

Путешествіе по Каменной тундрѣ, лѣтомъ 1822 года.

—

Лѣтніе мѣсяца 1822-го года предположено было отдѣлять на описаніе морскаго берега отъ устья Колымы до Большаго Баранова Камня и повѣрку астрономическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ 1821-мъ году.

Когда весенній разливъ рѣкъ прекратился, я послалъ, 11-го Іюля, четырехъ надежныхъ людей въ деревню Пантелеевку, и оттуда велѣлъ ѣхать на лошадяхъ въ новый станъ нашъ, съ порученіемъ выстроить карбасъ, настрѣлять гусей и лебедей, и наловить, какъ можно болѣе, рыбы, всегда составлявшей главную часть зимнихъ запасовъ экспедиціи.

Іюня 23-го отправился я, съ лейтенантомъ Анжу, мичманомъ Матюшкинымъ и штурманомъ

Козьминымъ, внизъ по рѣкѣ, на катерѣ *Колыма*, и осмотрѣлъ рыбныя ловли въ селеніяхъ Крестовомъ, Черноусовѣ и Походскѣ. Здѣсь разстался съ нами лейтенантъ Анжу и поѣхалъ верхомъ, съ тремя проводниками, черезъ тундру къ берегамъ Индигирки. Іюня 26-го достигли мы скалистаго мыса *Крестъ*, на правомъ берегу Колымы, и застали тамъ два Русскія семейства, посѣтившія сію страну для рыбной ловли. Въ 15-ти верстахъ отсюда впадаетъ въ Колыму небольшая рѣчка *Пантелеевка*.

Мѣстоположеніе урочища во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ существенныя преимущества передъ Нижне-Колымскомъ, такъ, что перемѣщеніе сюда городка, вѣроятно, имѣло бы выгодное вліяніе не только на городскихъ, но и вообще на всѣхъ окружныхъ жителей. Возвышенный берегъ не покрывается здѣсь весеннею водою и представляетъ сухую площадь, гдѣ удобно могутъ помѣститься всѣ зданія Нижне-Колымска. Наносный лѣсъ, лучшаго качества, для строенія, попадается здѣсь во множествѣ, а берега и острова представляютъ отличныя пастбища, могущія доставлять лошадямъ достаточное количество сѣна на зиму. Вообще прозябеніе здѣсь гораздо сильнѣе и разнообразнѣе, нежели въ окрестностяхъ Нижне-Колымска. Лиственница достигаетъ порядочной высоты и стволъ ея гораздо вѣтвистѣе; окрестности изобилуютъ разными полезными травами и ягодами. Кромѣ того, Крестъ лежитъ въ центрѣ всѣхъ селеній и деревень, жители кото-

рыхъ нѣсколько разъ въ годъ должны посѣщать острогъ для покупки съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей. Перемѣщеніе острога изъ Нижне-Колымска въ Крестъ можно произвести легко, потому, что взаимное разстояніе ихъ всего 25 верстъ, внизъ по рѣкѣ, и переносъ немногихъ, достойныхъ того строеній, не можетъ стоить большихъ трудовъ и издержекъ. Наконецъ, положеніе Креста гораздо пріятнѣе и здоровѣе, а отъ близьлежащихъ холмовъ и лѣсовъ самый воздухъ здѣсь не столь суровъ и холоденъ, какъ въ Нижне-Колымскѣ. Словомъ, перемѣщеніе сюда мѣстечка было бы истиннымъ благодѣяніемъ и имѣло въ короткое время самыя выгодныя послѣдствія на всю страну.

Крутой берегъ, заворачивающійся здѣсь на NO 40°, состоитъ изъ твердой каменной глины, темно-краснаго и зеленаго цвѣта; послѣдняя, нерѣдко похожая на зеленый шиферъ, лежитъ слоями, по направленію отъ NO 60° къ SO 30° и по наклону къ горизонту подъ угломъ 65°.

Противный вѣтеръ задержалъ насъ цѣлый день, и только 28-го Іюля могли мы продолжать путь. На протяженіи 15-ти верстъ сѣверный берегъ крутъ и утесистъ. Скалы, того же образованія, какое подлѣ Креста, тянутся вдоль по теченію воды, но потомъ уклоняются во внутренность страны и примыкаютъ къ западному скату *Суровской* горы, омываемой Пантелеевскою, имѣющею свой источникъ въ такъ называемыхъ, *Бѣлыхъ Камняхъ*, и впадающею здѣсь въ Колы-

му, образуя устье въ 12-ть сажень шириною. Отсюда поплыли мы вверхъ по Пантелеевкѣ. Полная партенная упряжка довольно быстро тянула лодку нашу бичевою противъ теченія воды. До деревни Пантелеевой, лежащей въ 17-ти верстахъ отъ устья, берега рѣки состоятъ изъ чернозема и обросли тальникомъ, ольховникомъ и мѣстами обгорѣлымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Продолжительная теплая погода наполнила воздухъ роями комаровъ, истинною язвою Сибирскихъ тундръ, такъ, что мы радовались, когда достигли деревни Пантелеевой и заперлись въ дымномъ сараѣ. Селеніе расположено на лѣвомъ берегу рѣки, среди пространной равнины, поросшей тучною травою и усѣянной озерами, обильными рыбою. Зимою живутъ здѣсь, въ восьми хижинахъ, семь семействъ, лѣтомъ по большей части переходящихъ на Колыму. Гора Пантелеева, съ ея раздвоенною вершиною, въ 8-ми верстахъ отсюда, на противоположномъ берегу рѣки.

Здѣсь встрѣтили мы неутомимаго купца Бережнаго, нашего спутника во второй поѣздкѣ по Ледовитому морю, и онъ выручилъ насъ изъ большаго затрудненія. Не смотря на всевозможныя старанія, не могъ я достать себѣ въ Нижне-Колымскѣ лошадей, необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія, и вѣроятно, провелъ бы все короткое лѣто въ тщетныхъ поискахъ, еслибы Бережной самъ не предложилъ намъ десять изъ своихъ лошадей, рѣшительно отказываясь отъ всякой за то платы. Онъ ѣхалъ къ Чаунской губѣ за ма-

монтовыми костями, и узнавъ, что г. Матюшкинъ также предполагаетъ посѣтить тѣ мѣста, добровольно вызвался ему сопутствовать.

Слѣдующій день занимались мы окончательными приготовленіями къ путешествію, и пользуясь свободнымъ временемъ и хорошею погодою, посѣтили Пантелееву гору. До самой вершины ея идетъ узкая дорожка, протоптанная здѣшними жителями, обыкновенно собирающими на горѣ, растущую тамъ въ изобиліи, голубицу (vaccinium uliginosum). Такою работою занимаются здѣсь дѣвушки, нестѣсненныя заботами хозяйства. Съ половины Августа, ежедневно, съ утра до ночи, на горѣ раздаются ихъ веселыя пѣсни.

Правый берегъ рѣки, на разстояніи шести верстъ, постепенно, но почти незамѣтно возвышается; далѣе неровности и возвышенія становятся значительнѣе и примыкаютъ къ подошвѣ сопки. Подымаясь на порядочную высоту, она защищаетъ собою отъ дѣйствія холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ равнину, на югъ лежащую, и много способствуетъ прозябенію. Густой лиственничный лѣсъ, покрывавшій южный скатъ горы и сосѣднюю равнину, пятьдесятъ лѣтъ тому сдѣлался жертвою пожара, истребившаго въ то время всѣ лѣса на сѣверъ отъ Анюя. Замѣчательно, что только за два года снова показался лиственничный подростъ, но молодыя деревья составляютъ уже, хотя невысокую, но прекрасную рощу, среди поля, испещреннаго цвѣтами. Выше, на горѣ, растутъ душница, богородская трава, ромашка,

а по камнямъ стелется сланецъ, и наконецъ тальникъ, ближе къ вершинѣ горы, являющійся только отдѣльными листочками. Между низменными кустарниками зеленѣетъ мохъ, но самая вершина сопки совершенно обнажена. Разительная противоположность голой, черной вершины съ подошвою горы, покрытою яркою зеленью лиственницы и испещренною пышными цвѣтами, дѣлаетъ видъ подгорья еще прелестнѣе.

Отсюда осмотрѣли мы окрестность. Отъ сѣверозапада до юга сливается съ горизонтомъ необозримая низменная тундра, изрѣзанная озерами, упизывающими лѣвый берегъ Колымы и устья обоихъ Анюевъ. Колыма, съ ея безчисленными, отчасти зеленѣющими, отчасти обнаженными островами, открывается отсюда на протяженіе 130-ти верстъ, до самого моря. Сѣверную часть горизонта заслоняла отъ насъ гряда плоскихъ горъ; за ними показывались покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ вершины *Сухарныхъ горъ*, а еще далѣе, на сѣверъ, черные зубчатые верхи прибрежныхъ скалъ Ледовитаго моря. На востокъ подымаются *Бѣлые Камни*. Хребетъ ихъ идетъ на OSO, а потому представляется отсюда отдѣльною горною купою. На юго-востокъ и югъ стелется низменная равнина, обставленная по горизонту цѣпью горъ, которыя тянутся по берегамъ рѣкъ Анюя и Тимкины. Такимъ образомъ съ Пантелеевой сопки открывается пространство около 300 верстъ въ поперечникѣ.

Самая вершина горы покрыта обломками чер-

наго аспида и изрѣдка бѣлаго гранита. Слои твердаго камня горы нигдѣ не показываются. Южный скатъ наклоненъ къ горизонту подъ угломъ 30°, а сѣверный идетъ гораздо крутѣе. Ущелій, и даже значительныхъ враговъ, мы не замѣтили.

Кромѣ главной вершины, на западномъ скатѣ горы другое значительное возвышеніе, рядомъ небольшихъ холмовъ соединяющееся съ Суровою горою, какъ первая вершина такимъ же образомъ примыкаетъ къ Бѣлымъ Камнямъ. Высота главной вершины, взятая изъ Нижне-Колымска, равнялась 0° 48′ 45″, а разстояніе ея оттуда 14,758 саженямъ; слѣдственно, гора подымается на 1,491 Англійскихъ футовъ надъ горизонтомъ острога. При тихой, ясной погодѣ, въ 5-ть часовъ пополудни, термометръ Реом. показывалъ на вершинѣ горы $1\frac{1}{2}$°, а при подошвѣ горы 5° тепла.

Взявъ съ горы пеленги самыхъ замѣтныхъ пунктовъ окрестности, мы возвратились въ деревню. По полуденной высотѣ солнца, взятой 29-го Іюня, она лежитъ подъ 68° 57′ широты и 0° 40′ долготы, на востокъ отъ Нижне-Колымска. Склоненіе ручнаго пелькомпаса было $12\frac{1}{2}$° вост.

По закатѣ солнца ртуть въ термометрѣ тотчасъ спустилась ниже О, а къ ночи густыя тучи облегли со всѣхъ сторонъ гору и поднялся сильный западный вѣтеръ. На разсвѣтѣ верхняя часть горы была покрыта снѣгомъ; въ долинѣ шелъ проливной дождь. Непогода задержала насъ здѣсь до 1-го Іюля. Тогда атмосфера очистилась и

воздухъ сдѣлался снова теплый, такъ, что мы могли продолжать путь. Г. Матюшкинъ отправился съ купцомъ Бережнымъ въ Островное на Малый Анюй, взять тамъ толмача Чукотскаго языка и ѣхать къ Чаунской губѣ. Мой путь лежалъ на сѣверъ къ Барановымъ Камнямъ, гдѣ, согласно съ моею инструкціею, должно было повѣрить опредѣленіе широты, сдѣланное капитаномъ Биллингсомъ въ 1787 году. Меня сопровождали штурманъ Козьминъ, матросъ и два Якута, съ шестью вьючными лошадьми.

Въ первый день проѣхали мы только 11-ть верстъ, по низменности, между горами Пантелеевою и Суровою, и остановились почевать на сѣверномъ скатѣ Суровой, подлѣ небольшаго озера. Страна, насъ окружавшая, ни чѣмъ не защищенная отъ вліянія холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, представляла видъ самый унылый и пустынный. Лиственница, столь пышно и могущественно произрастающая за горою, превращается здѣсь въ низменный, изогнутый кустарникъ; мѣстами стелются тальникъ и березовый ерникъ, не болѣе фута вышиною. Обгорѣлые пни и кусты, слѣды пожара, дѣлаютъ картину еще печальнѣе. Въ долинахъ, между горами, грунтъ глинистый, но дно озера, подлѣ котораго мы остановились, было покрыто крупнымъ пескомъ, и отъ того озерная вода была чиста и прозрачна.

Не смотря на унылыя окрестности, мы провели однакожь вечеръ довольно пріятно. Воздухъ былъ теплый, небо ясное, и даже въ полночь термо-

метръ стоялъ на 5° тепла. Въ гладкой поверхности озера рисовались вершины Пантелеевой горы и Бѣлыхъ Камней. Я воспользовался спокойствіемъ воды, и взялъ секстанами угловую высоту видимыхъ горъ. Такимъ наблюденіемъ, съ помощію прежде взятыхъ пеленговъ и полуденныхъ высотъ, опредѣлилъ я слѣдующія возвышенія:

Средняя вершина Бѣлыхъ Камней.....	2,509	Англ. ф.
Восточная вершина Пантелеевой.....	1,739¾	— —
Западная ——— ———.....	1,167	— —

Въ глубокихъ ущельяхъ Бѣлыхъ Камней лежало еще много снѣга, отчасти никогда нетающаго, отъ чего произошло и названіе сихъ горъ. Вершины ихъ не были покрыты снѣгомъ, что происходитъ не столько отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, или теплоты, сколько отъ сильныхъ порывистыхъ вѣтровъ, нерѣдко среди зимы свѣвающихъ снѣгъ съ возвышеній. Такое обстоятельство весьма затрудняетъ здѣсь точное обозначеніе высоты снѣжной линіи. Извѣстно, что въ Сибирскихъ тундрахъ, открытыхъ вліянію солнечныхъ лучей, растаиваетъ слой земли не толще 4-хъ и 6-ти вершковъ. На берегу моря всегда находятся выкинутыя льдины, не тающія лѣтомъ, и тамъ же, а отчасти и въ долинахъ, снѣгъ лежитъ иногда отъ одной зимы до другой, и вѣроятно, море было бы сковано вѣчнымъ льдомъ, еслибы напоръ рѣчной воды и господствующіе здѣсь весною сильные вѣтры не разламывали его.

Іюля 2-го, по полуденной высотѣ солнца, мы

нашли 68° 41′ 49″ широты и 160° 51′ долготы, на востокъ отъ Гринвича. Магнитная стрѣлка склонялась на $12^1/_2{}^0$ къ востоку. Термометръ показывалъ 8° тепла.

Мы слѣдовали по теченію разныхъ ручейковъ, скатывающихся съ горъ Пантелеевой и Суровой, и впадающихъ въ рѣчку *Филиповку*, на берегахъ которой расположились мы ночевать, проѣхавъ сегодня всего 20-ть верстъ. Дорога шла по глинистому болоту, изрѣдка покрытому тальникомъ и изсохшими лиственничными кустами. На берегахъ рѣчки растутъ однакожъ довольно высокія и прямыя ивы и лиственницы, а также попадаются голубица и княженика (rubus arcticus), у которой листья, какъ у земляники, а ягоды на подобіе малины, но она отличается нѣжнымъ ароматическимъ вкусомъ и запахомъ, такъ, что трудно повѣрить, что она созрѣваетъ въ здѣшнемъ климатѣ.

Рѣчка Филиповка вытекаетъ изъ Бѣлыхъ Камней, течетъ довольно быстро по пещаному дну и впадаетъ въ Колыму. Въ ней ловится въ изобиліи рыба *харіусъ*, изъ рода salmo thymallus. Филиповская долина въ прежнія времена славилась множествомъ *сохатыхъ*, или Сибирскихъ лосей. Большой лѣсной пожаръ, въ 1770 году, разогналъ ихъ, но въ послѣдствіи, когда лѣсъ снова началъ подростать, они опять появились, и въ короткое время такъ размножились, что въ 1812-мъ году рѣдкій охотникъ не убивалъ здѣсь полудюжины сохатыхъ. Десятеро жителей де-

ревни Пантелеевки на свою долю застрѣлили семьдесятъ. Нельзя утвердительно сказать, по какой причинѣ послѣ того сохатые опять исчезли, но упоминаемая мною была послѣдняя счастливая охота. Въ наше пребываніе появленіе сохатаго въ Колымскомъ округѣ почиталось уже рѣдкостью и составляло эпоху въ охотничьемъ промыслѣ. По Омолонѣ и къ югу оттуда лоси еще водятся, но въ маломъ количествѣ. Уходъ сего полезнаго звѣря имѣлъ самое пагубное вліяніе на жителей Колымскаго края, ибо они лишились въ немъ единственнаго пособія на случай неудачной рыбной ловли и оленьей охоты.

Іюля 3-го, при южномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ по утру 8°, а въ полдень $10^1/_2$° тепла. Не смотря на пріятность такой погоды, мы нетерпѣливо ожидали однакожъ возвращенія холода, избавлявшаго насъ и лошадей отъ множества комаровъ. Полуденная высота солнца дала 68° 52′ 59″ широты, въ долг. 162° 4′ восточн. отъ Гринвича *. Магнитная стрѣлка склонялась на 13° къ востоку.

Слѣдуя извивистому теченію Филиповки, мы поѣхали на сѣверъ, имѣя въ виду Сухарныя горы. Проѣхавъ 10-ть верстъ, оставили мы берега рѣчки и направили путь нашъ на NW, чтобы переправиться черезъ горную гряду, связывающую Сухарныя горы съ *Ларіоновымъ Камнемъ*, стоящимъ на правомъ берегу Колымы. Не надѣясь

* Долготы считаны здѣсь вообще къ востоку отъ Гринвича, почему въ послѣдствіи особо о томъ упоминаемо не будетъ.

найдти вблизи хорошей травы для лошадей, я рѣшился остановиться здѣсь на ночлегъ. Тутъ, подъ 69°. 5′ широты, прекращается высокоствольный лѣсъ и мѣсто его заступаетъ низменный, стелющійся кустарникъ, въ палецъ толщиною. Мы достигли предѣла *Каменной тундры*, необозримой голой равнины, усѣянной большими камнями и скалами и обставленной со всѣхъ сторонъ снѣжно-вершинными горами. Холодъ былъ здѣсь чувствителенъ и заставилъ насъ закутаться въ шубы. При захожденіи солнца ртуть въ термометрѣ спустилась на 1° ниже нуля.

На слѣдующій день поднимались мы на горный хребетъ, около девяти верстъ, до того мѣста, откуда начинается спускъ. Всю дорогу ѣхали мы по тропинкѣ, пробитой стадами оленей. На вершинѣ гряды, изъ полуденной высоты солнца, вывели 69° 5′ 22″ широты, въ 162° 6′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 15° къ востоку. При ясной погодѣ совершенно видны отсюда устья Колымы, но густой туманъ позволилъ намъ взять только два пеленга.

Сѣверный скатъ гряды, черезъ которую мы переѣхали, былъ совершенно различенъ отъ южнаго, который поднимается постепенно и едва замѣтно, когда сѣверный, напротивъ, круто спускается въ узкую низменную долину, идущую по направленію SW 56°, и состоящую изъ нѣсколькихъ параллельныхъ отлогихъ террасъ. Каменныхъ слоевъ мы не замѣтили, но все пространство бы-

ло усѣяно обломками бѣлаго гранита и чернаго шифера.

Направо отсюда подымаются *Сухарныя горы*, составляя узелъ, отъ котораго расходятся хребты и гряды, перерѣзывающіе всю страну. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сопокъ, идущихъ на NNO и покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Мы отправились далѣе по ихъ направленію, слѣдуя извилинамъ долины, замкнутой съ одной стороны Сухарными горами, а съ другой возвышеніями, обставляющими правый берегъ Колымы. Для отдыха лошадямъ остановились мы у небольшой рѣчки, *Каменной Виски*, впадающей въ Колыму, обгибая сѣверный скатъ Ларіонова Камня. Въ 8-ми верстахъ отсюда переправились мы черезъ первый рукавъ Сухарнаго ручья, и остановились на ночлегъ, проѣхавъ еще 6-ть верстъ, у другаго рукава того же ручья, на лугу, поросшемъ сочною травою. Въ долинахъ лежало еще много снѣга и лошади наши шли черезъ него не проваливаясь. Ночью, при тихомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ $2^1/_2{}^\circ$ холода.

Іюля 5-го, по полуденному наблюденію, мы находились подъ 69° 17′ 55″ широты и 162° 03′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было $5^1/_2{}^\circ$ восточн. Мы переправились еще черезъ два довольно быстрые рукава Сухарнаго ручья. Сіи протоки, соединяясь, впадаютъ въ Колыму противъ Сухарнаго балагана. Въ долинѣ течетъ еще, такъ называемый, *Глубокій*

ручей, омывая противоположный скатъ невысокихъ холмовъ, идущихъ вдоль праваго берега Сухарнаго ручья, и впадая въ Колыму недалеко отъ Лаптева маяка. Берега Глубокаго ручья земляные, и въ нихъ находятъ промышленники много мамонтовыхъ костей. Переправясь черезъ холмы, достигли мы *Медвѣжьей рѣчки*, извивающейся по долинѣ, образованной скатами прибрежныхъ холмовъ и Сухарныхъ горъ, загибающихся здѣсь на юго-востокъ. Она значительнѣе предшествовавшихъ, до 10-ти саженъ шириною, и мѣстами такъ глубока, что черезъ нея нельзя переправляться въ бродъ. Здѣсь линяло множество дикихъ гусей и мы дополнили ими нашу мясную провизію, уже нѣсколько дней совершенно истощенную. На сухихъ пещаныхъ мѣстахъ растетъ здѣсь дикій лукъ, составившій весьма вкусную и здоровую приправу нашей похлебкѣ.

Мы ночевали у подошвы горы, примыкающей къ Барановымъ Камнямъ. Въ полночь, при 3° холода, шелъ снѣгъ. Къ утру, при ясномъ небѣ, ртуть поднялась на 5° тепла. Путь нашъ лежалъ черезъ прибрежные холмы, идущіе параллельно съ берегомъ моря. Они состоятъ изъ слоевъ льда и земли, и отдѣляются одинъ отъ другаго глубокими оврагами. Съ вершины одного изъ нихъ осмотрѣли мы Ледовитое море. На сѣверъ носились огромныя ледяныя горы, а на востокъ, при далеко выдавшемся въ море Большомъ Барановомъ Камнѣ, до самаго материка стоялъ неподвижный, сплошной ледъ.

Мы выѣхали на берегъ при Маломъ Барановомъ Камнѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 35 лѣтъ тому приставалъ во время своей экспедиціи капитанъ Биллингсъ и поставилъ, до нынѣ хорошо сохранившійся, деревянный крестъ, съ надписью: *1787 года, 12-го Іюля.* Для повѣрки сдѣланныхъ имъ тогда наблюденій остановились мы здѣсь на ночлегъ. Погода на слѣдующій день благопріятствовала нашимъ работамъ. При чистомъ небѣ и небольшомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ термометръ показывалъ 5° тепла.

По наблюденіямъ двумя секстантами полуденной высоты солнца широта мѣста вышла 69° 38′ 00″, при долготѣ по нашимъ прежнимъ наблюденіямъ 162° 49′.

Соотвѣтствующіе азимуты солнца показывали склоненіе ручнаго компаса на $12^1/_2$° къ востоку. Такое внезапное уменьшеніе склоненія казалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что по мѣрѣ увеличенія широты мѣста, оно здѣсь вообще увеличивается.

Для повѣрки другихъ наблюденій капитана Биллингса поѣхали мы на востокъ, вдоль скалистаго берега, по крутымъ изрытымъ тропинкамъ, гдѣ наши лошади неоднократно падали и заставляли насъ часто останавливаться. Такая дорога и безпрестанные, сильные порывы вѣтра въ глубокихъ оврагахъ затрудняли и замедляли наше путешествіе, такъ, что съ трудомъ достигли мы мѣста, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ наблюденія 29-го Іюня, а именно, устья небольшой рѣчки, впадающей въ бухту, на западной

сторонѣ Баранова Камня, тамъ, гдѣ онъ наиболѣе выдался въ море.

Западная сторона мыса состоитъ изъ простаго кварца, щетки котораго, правильныхъ кристалловъ, попадаются въ дюймъ величиною. Кажется, что кварцовый слой идетъ подлѣ моря на NO 20°—SW 20°, наклоняясь къ горизонту подъ угломъ 65°. На востокъ не видно каменныхъ слоевъ, но вся поверхность завалена грудами весьма плотнаго чернаго шифера, проросшаго кварцомъ. На самомъ берегу лежатъ неправильные слои бѣлаго мѣлко-зернистаго гранита; обломки его разбросаны и по горѣ.

При ясной погодѣ и 7° тепла, 8-го Іюля, мы продолжали наши наблюденія двумя инструментами, по коимъ полуденная высота солнца дала широту мѣста 69° 41′ 48, при долготѣ 163° 19′, а склоненіе магнитной стрѣлки было 13° на востокъ.

Окончивъ наши занятія, мы поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ свои наблюденія 6-го Іюля, руководствуясь для отысканія его картою, выданною намъ изъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

Восточный скатъ горы, черезъ которую мы переправились, и отлогій берегъ, поросли тучною травою. На нихъ паслись значительныя стада дикихъ барановъ, во множествѣ здѣсь водящихся; съ неимовѣрною быстротою карабкаются они по крутымъ скаламъ мыса. Отъ нихъ, какъ выше было мною замѣчено, происходитъ и са-

мое названіе Барановыхъ Камней. Дорога черезъ гору была весьма утомительна, потому, что отъ подошвы до вершины покрыта она огромными глыбами бѣлаго гранита, составляющаго и кекуры на вершинѣ, видъ которыхъ четыреугольные параллелопипеды, отъ 50-ти до 60-ти футовъ вышиною, а сѣверныя и южныя стороны нѣсколько шире. На востокъ отъ гранита идетъ опять шиферъ, необразующій однакожь кекуръ, а вертикально упирающійся въ море продолговатымъ мысомъ (по здѣшнему *отрядышемъ*), въ 30 футовъ вышиною.

Вообще у сихъ горъ отлогіе скаты на WNW и OSO, а на O и W крутые. У ложбинъ, по которымъ текутъ ручьи и рѣчки, впадающіе въ море, направленіе также на WNW. Съ вершины видно значительное пространство моря. Весь заливъ между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями былъ покрытъ неподвижнымъ льдомъ; обгибая мысы, онъ простирался до предѣла горизонта. Вечеромъ было совершенное безвѣтріе, при чистомъ небѣ, а въ полночь термометръ показывалъ 5° тепла.

По полуденной высотѣ солнца, взятой 9-го Іюля, однимъ сенстантомъ, мы опредѣлили 69° 40′ 34″ широты, при 163° 52′ долготы; склоненіе магнитной стрѣлки было $13^1/_2{}^0$ восточн. Мысъ Малаго Баранова Камня (за которымъ дѣлали мы наблюденія 8-го Іюля) лежалъ отъ насъ въ 7-ми Итальянскихъ миляхъ, по пеленгу на SW 89° 30′.

Не могу утверждать, чтобы мы опредѣлили широту *именно того самаго мѣста,* гдѣ наблюдалъ въ 1787 году капитанъ Биллингсъ. Берегъ здѣсь однообразенъ, вездѣ крутъ, безъ всякихъ мѣстныхъ, отличительныхъ признаковъ, и мы могли руководствоваться только однимъ показаннымъ у Биллингса разстояніемъ отъ Малаго Баранова Камня.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудилъ насъ отклониться отъ берега и приблизиться къ многочисленнымъ озерамъ, прорѣзывающимъ всю сію страну и составляющимъ любимое пристанище линяющихъ гусей. Намъ удалось въ короткое время застрѣлить ихъ 15-ть штукъ, что для настоящаго времени года, по увѣренію нашихъ проводниковъ, было весьма счастливою охотою. Въ прежнія времена, гусиная охота бывала здѣсь обыкновенно весьма изобильна, но съ нѣкотораго времени гуси предпочитаютъ, кажется, берега Индигирки, гдѣ туземцы убиваютъ ихъ тысячами на кормъ собакамъ, запасаясь на зиму. Гусей добываютъ здѣсь двоякимъ образомъ: бьютъ въ полѣ палками, или загоняютъ стаю ихъ въ пустой уросъ и рѣжутъ. Въ обоихъ случаяхъ, особенно въ первомъ, требуется навыкъ и большое проворство охотника. Линяющіе гуси, потерявъ перья изъ крыльевъ, не могутъ летать, но за то бѣгаютъ по тундрѣ, такъ скоро, что ихъ почти невозможно догнать. Видя опасность и не надѣясь уйдти, они ложатся на землю, протягиваютъ шею, и спрятавъ голову подъ мохъ, или подъ кочку, лежатъ неподвижно, какъ уби-

тые; неопытный охотникъ легко проходитъ мимо. Въ каждой большой стаѣ гусей свой вожатый, котораго всѣ другіе покидаютъ только при самой крайней опасности. Здѣшніе жители различаютъ четыре породы гусей: *бѣлый гусь*, прежде во множествѣ водившійся по берегамъ Ледовитаго моря, а нынѣ совершенно исчезнувшій; *гуменникъ*, обыкновенный дикій гусь, самый крупный изъ сѣрыхъ; *козарка* и *пискунъ*, оба гораздо менѣе другихъ породъ, такъ, что пискуны ростомъ немного выше домашней утки, или, по здѣшнему, *острохвостки*.

Нѣкоторыя изъ озеръ окружены довольно высокими земляными холмами, гдѣ находятъ много мамонтовой кости. Сія холмистая, усѣянная озерами равнина обставлена съ юга цѣпью горъ, далеко изгибающеюся внутрь страны и соединяющею Малый Барановъ Камень съ Большимъ, который издали походитъ на отдѣльный островъ.

Гусиная охота вывела насъ на берегъ въ 15-ти верстахъ на востокъ отъ Большаго Баранова Камня. Значительное пространство моря покрывалось еще сплошнымъ льдомъ. Здѣсь провели мы ночь, а на другой день (10-го Іюля), при совершенномъ безвѣтріи и при 7° тепла, поѣхали далѣе.

Капитанъ Биллингсъ сдѣлалъ свое четвертое и послѣднее наблюденіе на сѣверо-восточной оконечности Большаго Баранова Камня; туда и мы отправились, оставя обоихъ проводниковъ нашихъ на мѣстѣ, для продолженія охоты.

При устьѣ *Земляной рѣчки*, извивающейся меж-

ду горами, замѣтили мы многочисленную стаю гусей; увидѣвъ насъ, съ крикомъ бросились они въ море, переплыли черезъ полынью на твердый ледъ и быстро скрылись изъ вида. Въ послѣдствіи имѣлъ я случай замѣтить, что и олени, спасаясь отъ охотниковъ, переплываютъ на морской ледъ. Взбираясь на южный свѣсъ Большаго Баранова Камня, мы увидѣли въ небольшой долинѣ стадо дикихъ оленей, щипавшихъ молодую траву. Къ несчастію, лай собакъ нашихъ перепугалъ ихъ и намъ ни одного не удалось застрѣлить. Спустясь въ долину, замѣтили мы большіе клочья оленьей шерсти; вѣроятно, для линянья олени выбираютъ берега моря, гдѣ избавляются отъ преслѣдованія комаровъ.

По удобной дорогѣ, вдоль отлогаго берега, достигли мы горы, черезъ которую должно было намъ перебираться, ибо восточный и западный скаты Большаго Баранова Камня спускаются обрывами въ море. Черезъ южную гору перешли мы довольно легко, хотя крутость сѣверной стороны нѣсколько затрудняла спускъ, но переходъ черезъ сѣверную гору представлялъ намъ гораздо большія препятствія. Крутые скаты горы состояли здѣсь изъ каменныхъ, гладкихъ слоевъ и покрыты были множествомъ обломковъ гранита и аспида, скользившихъ изъ-подъ ногъ; скатываясь съ ужасной высоты въ море, они ежеминутно угрожали увлечь за собою всадниковъ и лошадей. Съ неимовѣрными усиліями продолжая путь цѣлые полчаса, я увѣрился въ не-

возможности достигнуть горной вершины и рѣшился попытаться обойдти гору съ юга, черезъ возвышеніе, связывающее ее съ южною горою, что намъ удалось, и мы выѣхали, по глубокому оврагу, снова на сѣверъ, къ берегу моря, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ скала поворачиваетъ къ SO.

По моему мнѣнію, здѣсь былъ тотъ самый пунктъ, гдѣ капитанъ Биллингсъ дѣлалъ свои наблюденія 21-го Іюля 1787 года. Мѣсто замѣтно тутъ потому, что высокая, скалистая, сѣверовосточная сторона камня примыкаетъ здѣсь къ болѣе отлогому берегу, а къ западу отсюда, на высокомъ холмѣ, стоятъ нѣсколько кекуръ, самыхъ восточныхъ на всемъ пространствѣ берега.

Большой Барановъ Камень составляютъ собственно двѣ горы, соединенныя по направленію на NNO крутою грядою, но каждая изъ нихъ образуется также изъ двухъ возвышенностей, продолговатыхъ, по направленію WNW. Впрочемъ, издали сіи раздѣленія незамѣтны и весь мысъ представляетъ видъ длинной крыши, заостренной къ сѣверу. Восточная сторона скалы изъ чернаго шифера, а западная изъ бѣлаго гранита; направленія слоевъ нельзя было разсмотрѣть, ибо все пространство изрѣзано здѣсь щелями и покрыто множествомъ камней. Находящіеся на западъ кекуры, также изъ бѣлаго гранита, стоятъ въ два ряда, по направленію на NNO, и всѣ нѣсколько наклонены къ OSO.

Вечеръ сегодня былъ лучшій изъ всего лѣта.

Термометръ въ полночь показывалъ 10° тепла, при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи. Напротивъ, на другой день, Іюля 11-го, при 5° тепла, дулъ свѣжій западный вѣтеръ. Полуденными наблюденіями, двумя секстанами, найдена широта 69° 43′ 56″, при долготѣ 164° 10′. По соотвѣтствующимъ азимутамъ, склоненіе магнитной стрѣлки было 12° 35′ восточное.

Въ 2 часа по полудни густой туманъ покрылъ всю окрестность; вскорѣ пошелъ дождь, и такая погода стояла до 19-го Іюля. По счастію, мы успѣли уже повѣрить всѣ сдѣланныя Биллингсомъ наблюденія. Изъ слѣдующей таблицы яснѣе усмотрится разность широтъ, опредѣленныхъ въ 1787 и 1822 годахъ.

МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	1787 г.	ШИРОТЫ.	1822 г.	ШИРОТЫ.	РАЗНОСТЬ.
У сѣверн. мыса Малаго Баранова Камня.	Іюня 29.	69° 27′ 26″	Іюля 8.	69° 41′ 48″	14′ 22″
Между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями	Іюля 6-го.	69° 27′ 43″	Іюля 9.	69° 40′ 34″	12′ 51″
На W сторонѣ Малаго Баранова Камня.	Іюля 12, 13.	69° 22′ 48″ 69° 22′ 44″	Іюля 7.	69° 38′ 00″	15′ 14″
У NO окончености Большаго Баранова Камня.	Іюля 21.	69° 35′ 56″	Іюля 11.	69° 43′ 56″	8′ 00″
Въ Нижне-Колымскомъ острогѣ.		68° 17′ 14″		68° 31′ 51″	14′ 37″

Здѣсь надобно еще замѣтить, что Биллингсово наблюденіе 21-го Іюля дѣлано было съ корабля,

въ 3-хъ миляхъ на сѣверъ отъ Большаго Баранова Камня *, слѣдственно, разность въ широтѣ увеличится до 11-ти миль, если мѣсто нашего наблюденія 11-го Іюля находится именно на томъ самомъ меридіанѣ, гдѣ стоялъ корабль Биллингса. Въ противномъ случаѣ, самая малая разница въ долготѣ обоихъ пунктовъ произведетъ значительное различіе въ широтѣ, потому, что берегъ круто изгибается здѣсь по меридіану.

Выше было уже сказано, что нельзя съ точностью опредѣлить пункта, съ котораго наблюдалъ Биллингсъ; слѣдственно, только о трехъ изъ его наблюденій можно достовѣрно утверждать, что они были нами повторены, а именно: о первомъ, третьемъ и пятомъ, въ коихъ разность довольно одинакова, около 14′.

Склоненіе магнитной стрѣлки по всему берегу, отъ Нижне-Колымска до Большаго Баранова Камня, съ 1787 года уменьшилось почти на 5°.

МѢСТА НАБЛЮДЕНІЙ.	СКЛОНЕНІЕ 1787 г.	СКЛОНЕНІЕ 1822 г.	РАЗНОСТЬ
Въ Нижне-Колымскѣ.	14° 04′ О	9° 56′	5° 8′
Между Малымъ и Большими Барановыми Камнями.	17° 12′ О	12° 30′	4° 42′
У Большаго Баранова Камня.	17° 40′ О	12° 35′	5° 05′

* Описаніе путешествія капитана Биллингса, изданное секретаремъ экспедиціи Сауэромъ (Англійскій подл.), стр. 77.

Означенное здѣсь склоненіе отнесено къ ручному пелькомпасу, который показывалъ среднее между другимъ ручнымъ пелькомпасомъ и большимъ корабельнымъ.

Окончивъ наблюденія возвратились мы къ мѣсту ночлега 10-го Іюля. Земляная рѣчка выступила изъ береговъ отъ прибылой морской воды, нагнанной западными и сѣверо-западными вѣтрами. При южныхъ, напротивъ, вода всегда сбываетъ. Но впрочемъ, правильнаго прилива и отлива, ни намъ, ни туземцамъ не удавалось замѣчать.

Берегъ Ледовитаго моря наводитъ невольную задумчивость и уныніе на человѣка. Онъ тянется необозримою равниною, гдѣ утомленный однообразіемъ взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, и только мрачные утесы и огромныя льдины высоко подымаютъ свои голыя вершины. Нигдѣ не видно слѣдовъ дѣятельности человѣческой, и даже земля, какъ будто утрачиваетъ здѣсь свою производительную силу. Только въ краткій періодъ лѣта стада оленей и стаи гусей оживляютъ нѣсколько безмолвную тундру.

Мы поѣхали далѣе по усѣянной большими и малыми озерами низменности и переправились черезъ три ручья, текущіе параллельно одинъ къ другому; у берега, гдѣ встрѣчаются имъ кряжи небольшихъ холмовъ, раздѣляются они на нѣсколько рукавовъ и исчезаютъ между льдинами въ морѣ. На берегу послѣдняго изъ сихъ ручьевъ,

шире и глубже другихъ текущаго, врыто въ землю бревно, подобное найденному въ прошломъ году на Шелагскомъ мысѣ. Вѣроятно, они памятники Сибирскихъ жителей, посѣщавшихъ на кочахъ въ XVII-мъ столѣтіи здѣшнія страны. Здѣсь расположились мы ночевать (12-го Іюля), и найдя на берегу довольно травы, рѣшились остаться на мѣстѣ весь слѣдующій день для отдыха лошадей. Погода была суровая и непріятная. Рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ нагонялъ съ моря густой туманъ. Въ полдень термометръ показывалъ только 1° тепла, а ночью маленькія озера покрылись льдомъ. Подлѣ нашего ночлега лежало нѣсколько истлѣвшихъ мамонтовыхъ костей и китовыхъ реберъ*.

Іюля 14-го, при переправѣ черезъ рѣчку, близъ которой мы ночевали, лошадь г. Козьмина чего-то испугалась и сбросила его въ воду. Онъ вплавь достигъ другаго берега, и хотя тотчасъ перемѣнилъ платье и бѣлье, но не смотря на то, опасаясь, чтобы онъ не простудился при холодномъ вечернемъ воздухѣ и сильномъ дождѣ, рѣшился я не останавливаться до утра. Мы ѣхали и шли всю ночь, и безпрерывнымъ сильнымъ движе-

(*) Лучшаго качества мамонтовыя кости всего чаще попадаются на нѣкоторой глубинѣ, обыкновенно въ глинистыхъ холмахъ, въ черноземѣ рѣже, а въ пескѣ никогда. Чѣмъ тверже глина, тѣмъ лучше сохраняются кости. Замѣчено также, что въ холмахъ, защищенныхъ высокими горами, всегда можно найдти болѣе мамонтовыхъ костей, нежели при морскихъ берегахъ, или въ низменной тундрѣ.

ніемъ г. Козьминъ избавился отъ дальнѣйшихъ послѣдствій простуды.

Послѣ 18-ти часовъ пути, проѣхавъ всего 35 верстъ, достигли мы балагана экспедиціи, построеннаго въ прошломъ году при устьи Большой Баранихи. Строеніе находилось на лѣвомъ берегу рѣки и состояло собственно изъ одного жилаго покоя съ очагомъ и чулана для запасовъ. Устье Большой Баранихи около версты въ ширину, но такъ мѣлко, что при малой водѣ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ и въ самой срединѣ рѣки, показываются пещаныя мѣли. Берега совершенно различны одинъ отъ другаго: лѣвый пещанаго образованія и весьма отлогъ, а правый, напротивъ, крутъ и скалистъ. Весь горизонтъ отъ Ю. З. до Ю. В. обставленъ длинною цѣпью горъ, покрытыхъ отчасти вѣчнымъ снѣгомъ. Здѣсь источники Большой Баранихи, и другой, также Баранихою называемой рѣки, впадающей въ море въ 35-ти верстахъ западнѣе отсюда. Обѣ рѣки получили свои названія отъ того, что въ верховьяхъ ихъ водятся во множествѣ дикіе бараны, составляющіе предметъ довольно изобильной зимней охоты. На югъ подлѣ нашего балагана лежали небольшія озера, на берега коихъ къ 10-му Іюля обыкновенно собираются дикіе гуси. Въ 30-ти верстахъ на востокъ, около 1-го Августа появляются стаи лебедей и тамъ линяютъ. Недалеко отъ нашего стана нашли мы признаки прежняго Чукотскаго жилища: большія кучи обгорѣлыхъ оленьихъ

костей и роговъ, разные обломки домашней посуды, и между прочимъ, выдѣлашную изъ базальта плошку для рыбьяго жира.

Присланные сюда въ началѣ лѣта изъ Нижне-Колымска работники были всѣ здоровы. Они прибыли двумя недѣлями прежде насъ и занимались постройкою лодки, вязаньемъ сѣтей и другими заданными имъ работами. По видимому, во время переѣзда съ ними ничего особеннаго не случилось, хотя они разсказывали намъ о ночныхъ нападеніяхъ и другихъ приключеніяхъ, существовавшихъ, вѣроятно, только въ воображеніи ихъ, зараженномъ врожденною боязнью Чукчей.

Послѣдній переѣздъ нашъ былъ быстрѣе обыкновеннаго, а потому Якуты съ ихъ вьючными лошадьми отстали и уже поздно ночью прибыли въ станъ. Причиною медленности ихъ была особенно встрѣча съ чернымъ медвѣдемъ; появленіе его испугало лошадей; онѣ вырвались изъ рукъ проводниковъ, сбросили съ себя вьюки и разбѣжались по тундрѣ. Медвѣдь ушелъ однакожь, не причинивъ никакого вреда, но часть нашихъ вещей и провизіи попала въ воду и подмочилась, а одинъ термомстръ изломался.

Мы проводили здѣсь время въ полезныхъ для экспедиціи занятіяхъ и ловили рыбу на зимніе запасы, а когда погода неблагопріятствовала ловлѣ, сѣдлали лошадей, выѣзжали на тундру, посѣщая берега моря и озеръ, стрѣляли гусей, убили чернаго медвѣдя, и главнѣйшіе осматрива-

ли окрестности и знакомились съ ними. Между прочимъ, предпринимали мы небольшое плаваніе на новопостроенной лодкѣ, но оно кончилось не слишкомъ удачно. Намъ хотѣлось попытаться ловить рыбу въ рѣчкѣ Козьмина, впадающей въ море, 20-ть верстъ къ востоку отъ Большой Баранихи. Несмотря на лѣто, только средина рѣки была свободна отъ льда, а у береговъ стояли толстыя и огромныя закраины. Когда возвращались мы къ стану, льды оторвались отъ берега, сперлись въ срединѣ рѣки и затерли нашу лодку. Мы провели на ней три дня подъ открытымъ небомъ, подвергаясь частымъ ливнямъ. Наконецъ южный вѣтеръ выгналъ льдины въ море и очистилъ намъ возвратный путь.

Рѣчка Козьмина не такъ широка, какъ Бараниха, но гораздо глубже ея. Рыбы въ ней много, и особенно омулей и красной рыбы, которая въ Колымѣ не попадается. Краснина очень вкусна, но вредна для здоровья; послѣ нея мы чувствовали тошноту и слабость во всемъ тѣлѣ.

Можно утвердительно сказать о сей части Ледовитаго моря, что она утратила свое прежнее богатство, слѣды котораго истлѣваютъ въ разныхъ мѣстахъ по берегу. Здѣсь валяются индѣ кучи китовыхъ усовъ, и нѣкоторые куски ихъ были еще такъ хороши, что мы съ пользою употребляли ихъ на невода. Также попадаются здѣсь цѣлые оставы китовъ, но хрупкость и поздреватость ребръ ихъ доказываютъ ихъ глубокую древность. Даже наносный лѣсъ выкидывается

нынѣ здѣсь рѣдко, и тотъ, который мы находили, былъ уже полуистлѣвшій. Весьма вѣроятно, что масса морскаго льда въ новѣйшія времена умножилась, и препятствуя вообще свободному движенію воды, не допускаетъ къ берегу плавающихъ по морю предметовъ. Между прочими произведеніями природы, носящими на себѣ признаки древности, нашли мы здѣсь также полусгнившихъ, коротко хвостыхъ раковъ, называемыхъ въ Англіи Shrimps, и которыхъ не удавалось мнѣ нигдѣ болѣе видать въ Сибири. Здѣсь кстати замѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому, у берега моря и въ Колымѣ появилось здѣсь множество разноцвѣтныхъ молюсковъ, величиною съ человѣческую голову; они во множествѣ приставали къ сѣтямъ и неводамъ и употреблялись съ пользою для корма собакамъ, но въ наше время сіи моллюски не показывались.

Произведенія прозябаемаго царства сей страны ограничиваются мхомъ и рѣдкою жесткою травою, да немногими цвѣтами. Туземцы увѣряютъ, что здѣсь показывается иногда, такъ называемая *морская капуста* (crambe maritima), но столь рѣдкаго явленія мнѣ не удалось видѣть.

Во все время нашего здѣсь пребыванія погода была пасмурная и туманная; дождь шелъ довольно часто и нѣсколько разъ выпадалъ порядочный снѣгъ. Самый теплый день былъ 24-го Іюля; въ полдень термометръ показывалъ 10°, а

въ полночь $9^1/_2°$ тепла *. Столь теплая температура напомнила намъ благодатные лѣтніе дни и роскошныя ночи южныхъ предѣловъ нашего отечества. Ни малѣйшій вѣтеръ не нарушалъ тишины воздуха, и только по временамъ раскаты грома на востокѣ прерывали торжественное безмолвіе. Необходимымъ слѣдствіемъ такой теплоты былъ густой туманъ, покрывавшій всю окрестность, такъ, что въ 10-ти саженяхъ нельзя было различать предметовъ. Ночью на 26-е Іюля снова слышались отдаленные перекаты грома, а по утру ртуть въ термометрѣ поднялась до 16° тепла, но къ полудню спустилась уже на 9°. Въ 5-ть часовъ по полудни свѣжій западный вѣтеръ принесъ сильный ливень и порядочную грозу. Вскорѣ послѣ того термометръ показывалъ только 2° тепла, а въ полночь 1° холода. Такія измѣнія температуры означали, кажется, переломъ лѣта. Послѣ того густой туманъ безпрестанно покрывалъ всю страну; термометръ въ полдень не подымался выше +3°, а по ночамъ обыкновенно морозило.

Когда погода позволяла, мы наблюдали температуру воды, выпливая для того на лодкѣ саженъ сто въ море. Въ такомъ разстояніи, на глубинѣ $1^1/_2$ сажени, температура воды перемѣнялась отъ 1° до $3^1/_2°$, безъ всякой впрочемъ соот-

* Съ 6-го Іюля ртуть въ термометрѣ, по ночамъ, опускалась обыкновенно на 2° ниже точки замерзанія, а въ полдень стояла обыкновенно на 3° рѣдко на 7° тепла.

вѣтственности съ температурою воздуха, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Іюля.	ЧАСЫ.	СОСТОЯНІЕ АТМОСФЕРЫ.		
19.	Полдень.	Ясно. NW тихій вѣтеръ.	+ 2	+ 3½
23.	Полдень.	Мало-облачно. WSW тихій вѣтеръ.	+ 8	+ 1
24.	Полдень.	Совершенно облачно. Безвѣтріе.	+ 10.	+ 2
30.	Полночь.	Туманно. Безвѣтріе. Отъ W теченіе.	+ 1½	3¼
Августа 7.	Полдень.	Облачно. OSO тихій вѣт.	+ 5½	+ 3.
8.	Полдень.	Пасмурно. W крѣпкій вѣт.	+ 5¾	+ 3.
9.	Полдень.	Пасмурно. W крѣпкій вѣт.	+ 2¾	+ 1½

Морская вода здѣсь не очень солона, вѣроятно, отъ большаго количества прѣсной воды, вливающейся въ море изъ рѣкъ, а также и съ береговъ отъ таянія снѣга и льда. Прилива и отлива мы не замѣтили, но при западныхъ вѣтрахъ вода прибывала на 3 и 4 фута. При сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ море имѣло теченіе на западъ, но какъ сей вѣтеръ рѣдко бываетъ силенъ и продолжителенъ, то восточное теченіе здѣсь всегда господствуетъ.

Морской неподвижный ледъ безпрерывно сто-

ялъ на горизонтѣ, а ближе къ берегу плавали небольшія льдины. Въ тихую погоду ясно слышали мы трескъ ломающихся вдали льдовъ. Принимая притомъ въ соображеніе, что сѣверный вѣтеръ никогда не разводитъ здѣсь сильнаго волненія, можно достовѣрно положить, что на сѣверѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ прошломъ году зарывали нашъ провіантъ, находится вѣчный, неподвижный ледъ. Такимъ образомъ, предположеніе мое, основанное тогда на внѣшнемъ качествѣ и цвѣтѣ льда, подтверждается и послѣдовавшими наблюденіями.

Ночью на 21-е Іюля пріѣхалъ г. Матюшкинъ съ сопутниками, провелъ съ нами цѣлую недѣлю и отправился далѣе, къ Чаунской губѣ.

Съ намѣреніемъ продлилъ я свое пребываніе на Большой Баранихѣ, чтобы взять разстоянія между солнцемъ и луною, показываемыя въ календарѣ до 1-го Августа. Но туманъ и облака безпрестанно застилали небо, и только 31-го Іюля, когда я собрался уже въ путь, сѣверо-восточный вѣтеръ очистилъ атмосферу. Мы воспользовались тѣмъ, желая опредѣлить положеніе балагана; долгота по 50-ти разстояніямъ вышла 166° 40′ 39″, а изъ нѣсколькихъ полуденныхъ высотъ солнца вывели мы среднюю широту 69° 30′ 41½″. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣтствующимъ азимутамъ, было 15° 25′ восточн.

Окончивъ наблюденія, оставилъ я, съ двумя провожатыми, балаганъ, и поѣхалъ къ верховью

Баранихи, чтобы оттуда возвратиться на Колыму черезъ Анюй. Г-нъ Козьминъ, съ четырьмя работниками, остался на мѣстѣ, продолжать рыбную ловлю и заботиться о сохраненіи нашихъ запасовъ на зиму. По окончаніи всѣхъ работъ, онъ долженъ былъ возвратиться въ Нижне-Колымскъ кратчайшимъ путемъ. Первый день пути ѣхали мы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега рѣки, перебираясь черезъ невысокіе холмы и предполагая переправиться на другой берегъ рѣчки, впадающей въ Баранихи. Холмы и долины, гдѣ мы ѣхали, были покрыты безчисленнымъ множествомъ песцовыхъ норъ. Въ каждой было по нѣскольку молодыхъ песцовъ, или, по здѣшнему, *норниковъ*, такъ, что собаки наши не успѣвали ихъ душить, а провожавшій насъ Якутъ съ удивительнымъ проворствомъ сдиралъ съ нихъ шкуры.

Замѣчательно, что песцы плодятся во множествѣ только черезъ три года. Тунгусы, опытные охотники, ведутъ точный счетъ такого времени, и уже за два года предсказывали намъ, что въ 1822 г. будетъ много песцовъ.

Мы провели ночь на сухомъ зеленомъ лугу, въ 22-хъ верстахъ отъ балагана и 4-хъ отъ берега Баранихи. Къ великому удивленію проводниковъ моихъ показались недалеко отъ насъ два журавля. Сіи птицы рѣдко посѣщаютъ отдаленныя, сѣверныя страны, такъ, что даже немногимъ изъ здѣшнихъ жителей удавалось ихъ видать.

Августа 1-го находились мы по полуденному наблюденію, подъ 69° 22′ 57″ широты. Склоненіе ручнаго компаса, по соотвѣтствующимъ азимутамъ, было 15° на востокъ. Погода была теплая, но точно опредѣлить температуры не имѣлъ я средствъ; одинъ, уцѣлѣвшій термометръ остался у г. Козьмина, для продолженія наблюденій на берегу моря.

По мѣрѣ приближенія къ берегамъ Баранихи холмы становятся рѣже и ниже и наконецъ вовсе изчезаютъ, а вмѣсто ихъ разстилается пространная равнина, усѣянная множествомъ озеръ разной величины. Мы проѣхали 26-ть верстъ и остановились ночевать на лѣвомъ берегу рѣки, въ 38-ми верстахъ отъ ея устья. Здѣсь она до 20-ти саженъ въ ширину и течетъ довольно быстро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно переходить ее въ бродъ. Правый берегъ крутъ, скалистъ, покрытъ камнями шиферной породы и зеленаго порфира, между коими попадаются кремни, куски темно-красной яшмы и карніолы, довольно чистой воды и хорошаго цвѣта. Ночлегъ нашъ былъ при соединеніи двухъ главныхъ протоковъ Баранихи, изъ коихъ правый течетъ съ юго-востока, а лѣвый съ юга.

Августа 2-го небо было покрыто облаками; погода, при совершенномъ безвѣтріи, стояла теплая. Мы поѣхали на югъ, черезъ рядъ каменистыхъ холмовъ; они тянутся близъ лѣваго берега рѣки. Проѣхавъ пять верстъ, мы выѣхали снова къ рѣкѣ, у довольно высокаго, отдѣльнаго утеса, со-

ставленнаго изъ чернаго шифера и бѣлаго гранита. Каменные слои идутъ по направленію WNW и наклоняются къ NNO, подъ угломъ 60°; въ обломкахъ попадалось много кварца. У подошвы сего утеса рѣка круто поворачиваетъ съ запада. Мы переправились черезъ нее и слѣдовали по ручью, текущему съ юга и впадающему здѣсь въ Бараниху. Стоящіе на правомъ берегу невысокіе, отвѣсные холмы состоятъ также изъ чернаго шифера, гдѣ попадаются слои конгломерата, саженъ въ 25-ть толщины, направляясь на NW 30° и наклоняясь на NO 60°, подъ угломъ въ 50°. Переправясь черезъ цѣпь холмовъ, съ коихъ скатывается ручей, снова выѣхали мы на берега Баранихи, обмывающей южную подошву холмовъ, состоящихъ также изъ чернаго шифера, слои котораго направляются на NW 30°, съ наклоненіемъ на SW 60°, подъ угломъ въ 70° съ горизонтомъ.

Здѣсь рѣка также изъ двухъ притоковъ. Мы слѣдовали по лѣвому, въ 5-ть саженъ шириною, но довольно быстрому, и остановились на ночлегъ, проѣхавъ всего 22 версты. Съ двухъ сторонъ тянутся холмы; за ними чернѣютъ горы. Всю ночь и слѣдующее утро (3-го Августа) шелъ сильный дождь, при холодномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Въ полдень атмосфера прочистилась, и я взялъ полуденную высоту солнца, изъ коей вывелъ 68° 57′ 17″ широты; счислимая долгота была 0° 14′, на западъ отъ балагана на р. Баранихѣ, взятаго за пунктъ отшествія.

Въ 6-ти верстахъ отсюда достигли мы мѣста,

гдѣ сливаются три ручья, составляющіе верховья Баранихи. Мы поѣхали по берегамъ средняго. Долина здѣсь суживается и горы и утесы сближаются, такъ, что мы подошли наконецъ къ самой подошвѣ цѣпи, и для продолженія пути предстояло намъ или карабкаться по крутымъ обнаженнымъ утесамъ, или пробираться по мрачнымъ оврагамъ, заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ. Съ большими усиліями взобрались мы, уже поздно ночью, на вершину горы, несмотря на высоту, покрытую болотомъ, отчасти замерзшимъ. Не найдя здѣсь удобнаго мѣста для ночлега, мы поѣхали далѣе на утомленныхъ лошадяхъ. Изъ южнаго края болота вытекаетъ рѣчка *Погиндена*, впадающая въ Малый Анюй. Слѣдуя теченіемъ ея, спустились мы съ горы по отлогому скату. Здѣсь холмы разступаются и образуютъ широкую долину, гдѣ медленно течетъ рѣчка по болоту, поросшему стелящимся тальникомъ. Мы ночевали въ 7-ми верстахъ отъ хребта, черезъ который переправились. Передъ нами, на югъ, весь горизонтъ отъ востока до запада опоясывала высокая горная цѣпь, и къ ней примыкали ряды холмовъ, коими обставлена Погинденская долина.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся три источника Баранихи, находилъ я гранитные слои, а далѣе, въ горахъ и ущельяхъ, попадался твердый шиферъ, проросшій тостыми жилами кварца.

Августа 4-го была теплая и ясная погода; по полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ я 68° 46′

43″ широты; счислимая долгота равнялась 0° 29′, на западъ отъ балагана; склоненіе магнитной стрѣлки было 15° къ востоку.

Около полудня спустились съ восточныхъ холмовъ и прошли, почти подлѣ нашего ночлега, два безчисленныя стада (по здѣшнему, *пластины*) оленей; съ морскихъ береговъ возвращались они въ страны болѣе теплыя и въ тѣсныхъ рядахъ медленно подвигались на югъ, образуя собою заостренный впереди треугольникъ. Высокіе вѣтвистые рога ихъ представляли видъ подвижнаго лѣса. Впереди каждаго стада шелъ *вожатый*, животное огромнаго роста, и по увѣреніямъ нашихъ проводниковъ, всегда самка (по здѣшнему *важинка*). За однимъ изъ стадъ крался голодный волкъ, по видимому, ожидавшій только случая броситься на какого нибудь изъ отставшихъ молодыхъ оленей; увидя насъ, онъ убѣжалъ въ горы. За другимъ стадомъ слѣдовалъ большой черный медвѣдь, но безъ всякихъ кровожадныхъ намѣреній; онъ разрывалъ по временамъ землю, ловилъ съ удивительнымъ проворствомъ мышей и ѣлъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Невинное гастрономическое препровожденіе времени такъ занимало огромнаго звѣря, что онъ и не замѣтилъ насъ. Съ трудомъ удерживали мы нашихъ собакъ, потому что лай ихъ и всякое наше движеніе могли испугать оленей и лишить Анюйскихъ промышленниковъ ожидаемой добычи. Проходъ оленьихъ стадъ задержалъ насъ два часа на мѣстѣ. Мы отправились потомъ за оле-

нями, и проѣхавъ 20 верстъ, остановились у подошвы цѣпи горъ, которую видѣли съ послѣдняго ночлега. Въ восточныхъ частяхъ ея начинается ручей, впадающій въ Погиндену, а на западъ поднимаются отвѣсныя, зубчатыя скалы. Погинденa поворачиваетъ здѣсь круто на западъ и течетъ по неширокой долинѣ, обставленной съ сѣвера и юга рядами горъ. Судя по большимъ, вѣтвистымъ кустарникамъ и сочной травѣ, климатъ здѣсь долженъ быть теплѣе и грунтъ менѣе болотистъ. На пещаныхъ мѣстахъ растетъ въ изобиліи дикій лукъ. Столь замѣтная перемѣна прозябенія и температуры, а также и болѣе быстрое теченіе рѣки, доказываютъ, что здѣсь начинается настоящій скатъ горнаго хребта. Мы расположились ночевать въ 5-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ Погинденa загибается на западъ, при устьи впадающаго въ нее ручья.

Августа 5-го свѣжій восточный вѣтеръ нагналъ на небо тучи и не позволилъ мнѣ взять полуденной высоты. По счисленію, мѣсто ночлега было подъ 68° 33′ широты и 0° 35′ долготы, на западъ отъ балагана.

Мы продолжали путь на западъ, слѣдуя изгибамъ Погиндены, которая здѣсь только въ 7-мь саженъ ширины, но глубока и весьма быстра. Русло перегорожено во многихъ мѣстахъ камнями, образующими водопады. Только по торчащимъ верхамъ сихъ камней можно переходить рѣку въ бродъ. Погинденская долина замкнута съ юга и съ сѣвера рядами горъ; южныя вскорѣ пони-

жаются и превращаются въ небольшіе холмы, а сѣверныя удерживаютъ свою высоту и отвѣсно спускаются на берега рѣки. Въ 12-ти верстахъ отъ ночлега нашего увидѣли мы, послѣ столь долгаго времени, первую рощу высокоствольнаго лѣса. Я воспользовался случаемъ, чтобы опредѣлить широту ея положенія и тѣмъ повѣрить и подтвердить сдѣланныя нами прежде наблюденія надъ предѣлами лѣсовъ. Мы съ г-мъ Матюшкинымъ уже имѣли случай замѣтить, въ двухъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ, что на востокъ отъ Нижне-Колымска высокоствольныя деревья не растутъ далѣе 68° 54′ широты, а также и г-нъ Козьминъ въ проѣздѣ своемъ черезъ Индигирскую тундру не встрѣчалъ лѣсовъ далѣе 68° 40′ широты. Но здѣсь линія лѣсовъ начиналась подъ 68° 36′ широты, вѣроятно, по причинѣ возвышеннаго положенія мѣста.

У края лѣсовъ, по южному берегу Погиндены, холмы состоятъ изъ шифера, отчасти глиммерной породы, проросшаго кварцовыми жилами. Подъ шиферомъ лежитъ слой конгломерата, въ 4 фута толщины. Вообще слои камня идутъ отъ NO къ SO, наклоняясь подъ угломъ 20° къ горизонтальной плоскости.

Проѣхавъ сегодня всего 30 верстъ, мы остановились ночевать на берегу рѣки, подлѣ небольшой лиственничной рощи. На другомъ берегу ея возвышались мрачныя, черныя скалы. Онѣ состояли изъ тѣхъ же каменныхъ породъ, изъ какихъ были южныя, но только слои здѣсь на-

правляются на NO 80°, наклоняясь къ SO 10°, подъ угломъ въ 30° съ горизонтомъ воды. Долина около двухъ верстъ въ ширину; южныя горы становятся выше; рѣка, шириною въ 10 саженъ, течетъ весьма быстро, образуя нѣсколько водопадовъ. Ночью лошади наши привлекли волка; онъ переплылъ рѣку, но испуганный лаемъ собакъ, удалился, прежде нежели мы успѣли взяться за ружья.

Августа 6-го небо очистилось. Рѣка широкими изгибами течетъ здѣсь по долинѣ, омывая попеременно подошвы горъ, стѣсняющихъ ее съ юга и сѣвера. На берегахъ зеленѣютъ высокія ивы, а между ними изрѣдка подымаются стройные тополи и темно-вершинныя лиственницы. Такая простая картина представляла намъ нѣчто неизъяснимо прелестное, и даже мрачныя скалы, мѣстами увѣнчанныя зеленымъ мхомъ, казались намъ менѣе угрюмыми. Вся окрестность напоминала благословенные края родины.

Проѣхавъ 21 версты пріятнѣйшею дорогою, мы остановились на ночлегъ. Долина расширяется здѣсь на 5 верстъ, а горы замѣтно становятся ниже; сѣверныя состоятъ изъ шиферной породы, сохраняя прежнее направленіе слоевъ. Берега и самое русло рѣки покрыты обломками шифера, кварца, конгломерата и зеленаго порфира.

На слѣдующее утро (7-го Августа) рѣзкій восточный вѣтеръ нагналъ тучи. Вскорѣ вѣтеръ ужасно скрѣпчалъ и дулъ такими сильными порывами, что мы едва сидѣли на лошадяхъ. Ту-

чи неслись съ неимовѣрною быстротою и наконецъ разразились проливнымъ дождемъ. Несмотря на такую погоду, мы продолжали путь, спѣша достигнуть населенныхъ странъ, потому, что наши съѣстные припасы почти уже совершенно истощились. Размоченная земля сдѣлалась столь топкою, что при всѣхъ усиліяхъ, мы проѣхали только 16-ть верстъ. Лошади наши едва двигались, а одна изъ нихъ была до того утомлена, что мы боялись ея лишиться, что заставило меня два дня оставаться на мѣстѣ. Между тѣмъ буря утихла; дождь шелъ однакожъ все 8-е число, а на 9-е выпалъ сильный снѣгъ и на холмахъ не таялъ. Наше положеніе было самое затруднительное. Рѣка отъ дождевой воды выступила изъ береговъ и затопила всю окрестность, такъ, что холмъ, гдѣ мы ночевали, превратился въ островъ и ежеминутно ожидали мы совершеннаго потопленія. По счастію, сильный холодъ 9-го Августа избавилъ насъ отъ опасности. Здѣсь начинается обгорѣлый лѣсъ, придавая Погиденской долинѣ унылый и обнаженный видъ береговъ Филиповки.

Августа 10-го, въ сильную мятель, отправились мы далѣе. Горы, главный предметъ моихъ наблюденій въ сей поѣздкѣ, недалеко отсюда сглаживаются. Потому рѣшился я ѣхать прямо на югъ, желая скорѣе достигнуть береговъ Малаго Аюя. Глубина и быстрота теченія Погидены дѣлали тщетными всѣ наши попытки переправиться черезъ нее въ бродъ. Мы принуж-

дены были, въ 2-хъ верстахъ отъ ночлега, остановиться и ожидать убыли воды, у небольшаго порога, гдѣ переправа казалась удобнѣе. Ночью вода замѣтно сбыла и до разсвѣта поспѣшили мы перебраться на другой берегъ по мѣлководью, или, по здѣшнему, *шиверу*, образующему порогъ. Вода достигала до сѣделъ, но переправа наша кончилась благополучно.

Неподалеку отсюда впадаетъ въ Погиндену ручей, текущій съ юга. Скалистые берега его поросли густымъ тальникомъ и молодыми лиственницами, въ тѣни коихъ надѣялись мы найдти куропатокъ. Такое пріобрѣтеніе могло быть намъ тѣмъ пріятнѣе, что уже четыре дня питались мы только сухарями и чаемъ. Отправивъ одного изъ моихъ проводниковъ на охоту, съ другимъ поѣхалъ я кратчайшею дорогою черезъ холмы. Здѣсь, особенно въ Августѣ мѣсяцѣ, куропатки водятся во множествѣ, а потому мы были увѣрены, что охотникъ нашъ возвратится съ богатою добычею. Но уже приближалась ночь, а онъ еще не являлся. Мы начали уже безпокоиться, думая, не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія, тѣмъ болѣе, что на зовъ нашъ и выстрѣлы не получали отвѣта. Наконецъ, поздно ночью, нашли мы своего охотника. Утомясь отъ большихъ переходовъ и не надѣясь сыскать насъ, онъ преспокойно спалъ на берегу ручья. Вся добыча его состояла изъ одной куропатки, которая впрочемъ была послѣдняя изъ замѣченныхъ нами до самыхъ береговъ Анюя. Съ обманутыми

надеждами и голоднымъ желудкомъ, отправились мы далѣе.

Ручей, по берегу котораго былъ нашъ путь, отъ верховья до устья, $8^1/_2$ верстъ длины. На западномъ берегу его тянется рядъ невысокихъ скалъ изъ чернаго шифера, а на восточномъ болото, изрѣзанное плоскими холмами и поросшее стелющимися лиственничными кустарниками. Изъ холма, гдѣ начинается сей ручей, вытекаетъ на югъ другой, впадающій въ трехъ верстахъ отсюда въ небольшую рѣчку, текущую съ востока на западъ и составляющую одинъ изъ притоковъ Погиндены. Здѣсь остановились мы на ночлегъ. За низменными шиферными холмами поднимается на востокъ *Лобогенскій* хребетъ; вершины его украшены кекурами и съ него стекаетъ рѣчка Лобогена, впадающая въ Анюй. Мы продолжали путь черезъ невысокіе холмы и болота, переправились черезъ два ручья, текущіе въ Погиндену, и проѣхавъ всего 21 версту, остановились на ночлегъ среди болотистой, усѣянной озерами равнины, разстилающейся до берега Погиндены. Рѣка сія, въ 8-ми верстахъ разстоянія на западъ, казалась намъ едва замѣтнымъ ручейкомъ. Въ томъ же направленіи видны были *Лелединскія горы*, которыя тянутся грядою на SSO и выходятъ на берега Анюя въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Погинденою. На югѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи идетъ еще хребетъ островершинныхъ горъ.

Мѣсто нашего ночлега, по полуденному наблю-

денію, было подъ 68° 32′ 57″ широты и 2° 42′ счислимой долготы, на западъ отъ балагана. Склоненіе магнитной стрѣлки было $12^{3}/_{4}^{0}$ восточн.

Августа 13-го, проснувшись рано поутру, мы увидѣли, что изъ нашихъ четырехъ лошадей осталась подлѣ палатки только одна, и то самая старая и безсильная. Остальныя разбѣжались ночью, вѣроятно, испуганныя приближеніемъ волка или медвѣдя. Мы разошлись въ разныя стороны искать нашихъ бѣглецовъ, но напрасно. Поздно вечеромъ возвратились мы въ свою палатку, гдѣ не имѣли утѣшенія даже подкрѣпиться пищею, потому, что наканунѣ послѣднія порціи сухарей были между нами раздѣлены и у насъ оставались только сахаръ и чай.

Къ потерѣ лошадей присоединилось еще несчастіе. Служившій намъ путеводителемъ Юкагиръ рѣшительно объявилъ, что онъ сбился съ дороги, и незнаетъ, гдѣ именно мы находимся; утверждалъ, что горы, насъ окружающія, ему совершенно незнакомы, а лежащія на югъ островершинныя сопки нимало не похожи на тѣ, какія находятся на берегахъ Анюя подлѣ селенія Коновалова, зимовья Юкагировъ, и что потому мы должны быть еще очень далеко отъ лѣтовьевъ его народа. Неизбѣжныя при вычисленіяхъ ошибки заставили меня сомнѣваться въ вѣрности счислимой долготы, но нашъ Юкагиръ до того растерялся, что въ видимой нами рѣкѣ не узналъ Погинденыи, и никакъ не могъ мнѣ сказать, когда именно слишкомъ далеко уклонились мы на востокъ

или на западъ. Наше положеніе, особенно по недостатку съѣстныхъ припасовъ, было самое критическое. Не смѣя терять времени, мы должны были по возможности спѣшить къ берегамъ Анюя, гдѣ есть нѣсколько селеній. Я рѣшился ожидать здѣсь лошадей до утра, и если онѣ не найдутся, продолжать путешествіе пѣшкомъ.

Августа 14-го поутру лошади не показывались. Мы связали наши палатки и вещи и положили ихъ въ безопасномъ мѣстѣ. Чайникъ, котелъ и инструменты мои навьючили на оставшуюся лошадь, и при проливномъ дождѣ и холодномъ вѣтрѣ пошли далѣе пѣшкомъ. Избѣгая по возможности болотистыхъ мѣстъ, мы шли по плоскимъ холмамъ. Излишне было бы описывать трудности нашего пути, то по вязкому болотистому грунту, поросшему сухимъ, колючимъ, стелющимся кустарникомъ, то по скользскимъ крутымъ скатамъ холмовъ, и наши переправы черезъ разлившіеся отъ дождевой воды ручьи, иногда по колѣна въ водѣ, а иногда по набросанному наскоро мосту. Въ теченіе 8-ми часовъ безпрерывныхъ усилій прошли мы только 15-ть верстъ и принуждены были остановиться на ночлегъ. Дождь пересталъ. Мы развели огонь, высушили, какъ могли, наши платья, вмѣсто ужина напились чаю и провели ночь подъ открытымъ небомъ. На другой день голодъ сталъ насъ мучить и ежеминутно усиливаться. Мы надѣялись въ норахъ полевыхъ мышей найдти кореньевъ и морошки, которыми обыкновенно запасаются онѣ

на зиму и чѣмъ нерѣдко спасаются Юкагиры отъ голодной смерти, но надежда насъ обманула, потому что мыши никогда не довѣряютъ своихъ запасовъ болотистому грунту. Наконецъ, мы прибѣгнули къ древесной корѣ: срубили молодую лиственницу, очистили верхніе слои коры, а мягкіе нижніе осторожно отдѣлили отъ дерева, разрубили на мѣлкія части и положили вариться въ котелъ съ водою. Прежде нежели поспѣло наше кушанье, употребляемое здѣсь въ голодные годы, надобно было нѣсколько разъ снимать съ воды сѣру, по мѣрѣ варенія коры всплывавшую на поверхность. Наконецъ образовался у насъ родъ жидкой каши, отъ примѣса соли и перца, получившей непротивный вкусъ, несмотря на вязкость и смоляность. Впрочемъ, сія пища, при умѣренномъ употребленіи, не имѣетъ вредныхъ послѣдствій. Во время обѣда нашего небо обложилось густыми облаками и весь день 15-го Августа шелъ дождь.

Мы отправились въ путь, не смотря на погоду. Холмы становились выше и чаще, по мѣрѣ нашего приближенія къ тому мѣсту, гдѣ, по моему счисленію, протекалъ Анюй. Въ 13-ти верстахъ отъ ночлега, переправившись въ бродъ, по грудь въ водѣ, черезъ быстрый ручей, достигли мы подошвы горной цѣпи, и съ большими усиліями взобрались по крутому скату на самую высокую сопку. Отсюда открылся намъ далекій видъ на окрестность. Горы тянулись къ юго-западу, а на югѣ лежала пространная долина,

гдѣ изгибался предѣлъ нашихъ страданій, давно искомый Анюй. Можно себѣ представить нашу радость. Юкагиръ узналъ долину, рѣку и свое зимнее жилище, Коновалово, забылъ усталость, голодъ и громко запѣлъ веселую *Андыльщину* (Юкагирскую любовную пѣсню). Меня болѣе всего радовала вѣрность моего счисленія.

Намъ оставалось пройдти еще $9^1/_2$ верстъ до рѣки, а отъ нея было еще двѣ версты до Коновалова, такъ, что мы надѣялись только къ вечеру быть въ селеніи, но подойдя къ рѣкѣ, отъ усталости не могли мы идти далѣе и рѣшились провести ночь подъ открытымъ небомъ и подъ сильнымъ дождемъ. Сегодня находились мы въ пути всего $11^1/_2$ часовъ, безпрестанно карабкаясь на высокія горы по крутымъ скользскимъ тропинкамъ.

Нашъ Юкагиръ рѣшился однакожь идти въ селеніе, съ тѣмъ, чтобы принести намъ съѣстныхъ припасовъ. Мы развели огонь и ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія посланнаго, но черезъ $1^1/_2$ часа пришелъ онъ съ пустыми руками. Всѣ чуланы и кладовыя жителей, находившихся еще на лѣтовьяхъ, были пусты: вѣрное доказательство, что и здѣсь народъ терпѣлъ голодъ.

Мы до того были утомлены, что не думали уже о лиственичной корѣ, а напились только чаю и провели ночь на сырой землѣ. На другой день (16-го Августа), рано поутру, отправились мы въ Островной острогъ, гдѣ можно было найдти людей и съѣстные припасы, но и здѣсь на-

дежда насъ обманула. Острогъ былъ еще пустъ. Жители его разошлись по окрестностямъ, занимаясь охотою и рыбною ловлею. Въ кладовыхъ не нашли мы ни крошки запасовъ. Съ горя сварили мы себѣ опять лиственничной коры и подкрѣпили ею силы свои. Отсюда послалъ я проводниковъ къ Обромской горѣ, гдѣ здѣшніе Юкагиры обыкновенно сторожатъ оленей, и велѣлъ просить у Князька съѣстныхъ припасовъ. Князекъ прислалъ мнѣ всю свою провизію, состоявшую изъ куска оленины, двухъ оленьихъ языковъ и одной рыбы. Во всей здѣшней сторонѣ свирѣпствовалъ голодъ; люди питались толчеными костями, оленьею шкурою, кореньями, и т. п. Весенній промыселъ оленей не удался, а время осенняго еще не наступало.

Нельзя было безъ состраданія смотрѣть на народъ, существованіе котораго зависитъ единственно отъ случая. Здѣшніе Юкагиры такъ бѣдны, что не могутъ пріобрѣсть себѣ неводовъ и сѣтей для рыбной ловли, и занимаясь съ незапамятныхъ временъ оленьею охотою, только въ ней находятъ средство пропитанія, съ года на годъ скудѣющее. Съ нѣкотораго времени олени, какъ будто наученные многолѣтними опытами, перемѣнили сроки своихъ переходовъ. Прежде переправлялись они черезъ Анюй лѣтомъ вплавь, а нынѣ переходятъ весною и осенью по тонкому льду, и потому охота сдѣлалась гораздо опаснѣе и часто бываетъ совершенно невозможна.— «Нынѣ и олень сталъ мудренъ,» говорятъ Юкагиры.

Здѣсь узналъ я, что въ острогѣ ожидаетъ меня казакъ, прибывшій изъ Якутска съ бумагами, письмами и деньгами для экспедиціи. Спѣша въ Нижне-Колымскъ, я долженъ былъ отмѣнить посѣщеніе Обромскихъ горъ и осмотръ прибрежныхъ Анюйскихъ скалъ. Отправивъ двухъ надежныхъ людей, верхомъ, за оставленными отъ насъ вещами, поплылъ я, 17-го Августа, въ лодкѣ, внизъ по быстрому Анюю. Извивистые берега его украшались еще зеленѣющими тополями.

Берега и окрестности Анюя посѣщены были въ 1821-мъ году г. Матюшкинымъ и съ достаточною подробностью описаны выше.

Августа 20-го возвратился я въ Нижне-Колымскъ, по 62-хъ дневномъ отсутствіи. Недѣлю спустя пріѣхалъ г. Козьминъ. Рыбная ловля на Баранихъ кончилась не весьма удачно, такъ, что вся надежда наша оставалась на сельдей, въ безчисленномъ множествѣ поднимавшихся вверхъ по теченію Колымы.

Сентября 18-го рѣка покрылась льдомъ и установилась зимняя дорога, а 24-го возвратился г. Матюшкинъ, совершившій трудное путешествіе, до самыхъ Чукотскихъ кочевьевъ. Журналъ его составляетъ слѣдующую главу.

ГЛАВА VII.

—

Путешествіе мичмана Матюшкина, по тундрѣ, къ востоку отъ Колымы, лѣтомъ 1822-го года.

—

Въ наступившее лѣто 1822 года, начальникъ экспедиціи, въ сопровожденіи штурмана Козьмина, намѣревался посѣтить, такъ называемую, *Каменную тундру*, а мнѣ поручилъ осмотрѣть и описать страны къ сѣверо-востоку отъ Колымы лежащія. Мы выѣхали изъ Нижне-Колымска вмѣстѣ, 23-го Іюня, и 27-го числа достигли деревни Пантелеевки, гдѣ наши пути раздѣлялись. Здѣсь застали мы купца Бережнаго, сопутника нашего въ послѣдней поѣздкѣ; онъ отправлялся съ караваномъ къ Чаунскому заливу, для отысканія мамонтовыхъ костей и мѣновой торговли съ Чукчами. Путь мой былъ одинъ и тотъ же съ его путемъ, а потому, по просьбѣ Бережнаго, рѣшился я ѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

Іюня 1-го простились мы съ начальствомъ экспедиціи, переправились на правый берегъ Пантелеевки, навьючили лошадей и начали путешествіе. Сначала дорога шла по узкой тропинкѣ на Пантелеевскую гору, а на третьей верстѣ сворачивала на востокъ, къ такъ называемымъ *Камнямъ*. Сими поворотами избѣгли мы переправы черезъ притоки рѣкъ Пантелеевки и Упчины отъ безпрерывнаго, въ теченіе двухъ послѣднихъ дней дождя разлившихся и недававшихъ брода. До заката солнца ѣхали мы черезъ гряды утесистыхъ, поросшихъ лѣсомъ холмовъ и черезъ болотистыя долины, изрѣзанныя безчисленными ручейками и протоками. Въ сумерки переправились черезъ глубокую и быструю рѣчку *Пупшанъ*, вытекающую изъ Бѣлыхъ Камней и впадающую въ Пантелеевку, въ 10-ти верстахъ выше деревни сего имени. Слѣды вчерашней бури были видны по всей дорогѣ; вѣковыя деревья, вырванныя съ корнемъ, лежали длинными рядами и весьма препятствовали ѣздѣ. Къ ночи мы остановились, разбили палатку и пустили лошадей на лугъ.

На слѣдующій день (2-го Іюля) отправились далѣе. По мѣрѣ приближенія нашего къ Бѣлымъ Камнямъ, лѣсъ постепенно рѣдѣлъ и наконецъ превратился въ низменный кустарникъ, надъ которымъ изрѣдка торчали обгорѣлыя лиственничныя деревья. Болотистый грунтъ былъ покрытъ свѣжимъ зеленымъ мохомъ, а между кочками журчали безчисленные ручейки. На возвы-

щеніяхъ и холмахъ бродили стаи болотныхъ птицъ, которыя къ сѣверу отсюда не попадаются. Вообще произведенія животнаго и прозябаемаго царствъ постепенно исчезали и степь становилась мертвѣе и пустѣе; только тучи комаровъ роились надъ тундрою и мучили насъ и лошадей. Въ надеждѣ избавиться отъ ихъ преслѣдованія, мы расположились ночевать на возвышенномъ, ничѣмъ незащищенномъ отъ вліянія вѣтра холмѣ, но къ несчастію, вѣтеръ стихъ и наша предосторожность намъ не пособила. Напрасно закрывались мы сѣтками изъ лошадиныхъ волосовъ, окружали себя кострами изъ травъ и моха, запирались въ наполненную густымъ дымомъ палатку—ничто не могло защитить насъ отъ укушенія ужасныхъ враговъ. Наконецъ, темнота и прохлада ночи доставили намъ спокойствіе, но не на долго, ибо съ первыми лучами солнца появились мучители наши съ новою яростью.

На слѣдующее утро (3-го Іюля) мы спустились съ Бѣлыхъ Камней; замѣтно уменьшаясь, они тянутся на востокъ цѣпью плоскихъ холмовъ и идутъ къ югу, черезъ поросшую лѣсомъ и изрѣзанную рѣками холмистую долину. Лѣсъ становился гуще и гуще, такъ что наконецъ мы насилу могли подвигаться впередъ. Ѣхать по берегамъ рѣкъ было неудобно, потому что онѣ впадаютъ въ Анюй слишкомъ далеко на западъ отъ цѣли нашего путешествія, мѣстечка Островнаго. Мы блуждали по лѣсу, то направо, то налѣво, выбирая мѣста, гдѣ деревья стояли

не такъ часто, или слѣдуя по тропинкамъ, протоптаннымъ оленями. Къ ночи остановились на крутыхъ берегахъ одного изъ притоковъ Упчины, среди дремучаго лиственничнаго лѣса. Здѣсь, въ первый разъ послѣ отъѣзда нашего, встрѣтили мы слѣды людей, а именно нѣсколько ловушекъ для соболей и лисицъ.

Іюля 4-го, рано по утру, увидѣли мы за лѣсомъ двѣ горы, *Круги* и *Нупголь*, лежащія на берегу Анюя. Между ними проходила наша дорога. Впрочемъ, не смотря на близость, мы никакъ не могли надѣяться сегодня достигнуть рѣки. Лѣсъ становился на каждомъ шагу дремучѣе и непроходимѣе, и вѣроятно, нога человѣка никогда еще не проникала сюда. Единственный нашъ путеводитель, оленья тропа исчезла; корни, сучья и повалennыя деревья безпрестанно пересѣкали намъ дорогу.

Направляясь постоянно къ востоку, мы часто принуждены были переправляться черезъ быстрые ручьи, а иногда топорами прорубать себѣ путь, такъ что со всевозможными усиліями проѣзжали въ часъ неболѣе полуверсты. На смотря на то, къ вечеру, противъ ожиданія, достигли мы безлѣсной долины, гдѣ уединенно возвышается отдѣльная гора Круги. * Къ востоку отсюда, за низменною цѣпью плоскихъ холмовъ, называемыхъ здѣсь *Девяти Сопочными*, лежитъ гора Пупголь, среди пространной долины, изрѣ-

* Должно замѣтить, что въ сѣверной Сибири всѣ отдѣльно стоящія горы, не смотря на ихъ образованіе, называются *Камнями*.

занной безчисленными озерами и рѣками. Дорога туда была весьма утомительна, и потому, не доѣхавъ пяти верстъ до горы Пупголя и лежащихъ тамъ Юкагирскихъ лѣтовьевъ, мы остановились на ночлегъ въ лѣсу.

Дорогою, при переправѣ черезъ небольшой ручей, замѣтили мы огромный мамонтовый клыкъ, вѣроятно, пуда въ два съ половиною вѣсомъ, который вполнѣ вознаградилъ бы Бережнаго за всѣ переносимыя имъ затрудненія. Къ сожалѣнію, послѣ ближайшаго изслѣдованія оказалось, что значительная часть клыка примерзла ко льду на днѣ ручья и безъ помощи длинныхъ, острыхъ пешней не могла быть отдѣлена. Къ досадѣ всего общества, по неимѣнію при себѣ необходимыхъ орудій, мы не могли воспользоваться нашею находкою.

На слѣдующее утро (5-го Іюля), въ 9-ть часовъ утра, достигли мы лѣтовья одного семейства Юкагирскихъ рыбаковъ, лежащаго при подошвѣ Пупголя, на берегахъ Анюя. По совѣту Юкагировъ, мы переправились здѣсь черезъ рѣку, потому что далѣе лѣсъ, по сю сторону Анюя, совершенно непроходимъ, берега необитаемы и переправа черезъ устье рѣки Погиндены въ настоящее время года невозможна.

Іюля 6-го продолжали мы путь по берегу Анюя, черезъ довольно густой лѣсъ. Между огромными лиственницами замѣтили нѣсколько памятниковъ прежнихъ временъ: гробницъ коренныхъ обитателей страны, Юкагировъ или Омо-

ковъ; въ настоящее время у нихъ здѣсь одно общее названіе *некрещеныхъ*. Подобно большей части кочевыхъ народовъ, племена сѣверо-восточной Сибири хоронили своихъ умершихъ въ большихъ четыреугольныхъ гробахъ, утвержденныхъ, для большей отъ хищныхъ звѣрей безопасности, на высокихъ столбахъ *. Почти всѣ видѣнныя нами гробницы уже обрушились. Бревна, поддерживающія и составляющія гробы, были, по видимому, обтесаны каменными топорами. Я надѣялся отыскать здѣсь какія нибудь древнія оружія, или принадлежности одежды; но кромѣ истлѣвшихъ костей и череповъ ничего не нашелъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ меня Юкагировъ утверждалъ, что въ могилахъ шамановъ попадаются иногда остатки идоловъ, а также разныя вещи изъ китоваго уса и мѣди.

За лѣсомъ лежала пространная, болотистая долина, вѣроятно, нѣкогда покрытая деревьями, что доказывали небольшія круглыя кочки, поросшія мхомъ; между ними изгибались безчисленные ручейки. Дорога была ужасная. Лошади наши, то спотыкались на кочки и пни, то утопали въ болотѣ, такъ, что нѣсколько разъ

* Подобные ящики, утвержденные на высокихъ столбахъ, извѣстны здѣсь подъ именемъ *сайбъ*; нынѣ употребляются они уже не для погребенія мертвыхъ, а для сохраненія рыбы и другихъ запасовъ отъ дикихъ звѣрей. Говорятъ, что медвѣди пытались иногда перегрызать столбы, поддерживающіе такой ящикъ. Для отвращенія ихъ попытокъ принято здѣсь обыкновеніе натирать, или посыпать столбы порохомъ либо мѣлко истолченною сѣрою, что равно противно медвѣдямъ.

принуждены мы были ихъ развьючивать. Ѣзда не могла быть быстрою. Поздно вечеромъ достигли мы небольшаго селенія на правомъ берегу Анюя, въ 25-ти верстахъ отъ нашего послѣдняго ночлега. Сюда для рыбной ловли собралось тогда нѣсколько Чуванскихъ семействъ, потерявшихъ своихъ оленей. Но даже и сія обильная рыбою рѣка не избавила несчастныхъ отъ голода; у нихъ не было сѣтей и для ловли употребляли они весьма несовершенный родъ удочекъ и еще болѣе несовершенный родъ неводовъ, въ которые только чудомъ могла попасться рыба. Бѣдствія и нужды Чуванцовъ превосходятъ всякое описаніе. Мы подарили имъ часть нашихъ запасовъ. Одинъ видъ порядочной пищи привелъ голодныхъ дикарей въ истинное восхищеніе, а насытившись, они вдругъ предались самымъ страннымъ порывамъ радости и благодарности, до того, что мы едва могли ихъ успокоить и найдти время отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ. На слѣдующее утро, все народонаселеніе деревни провожало насъ на другой берегъ; женщины пѣли въ нашу похвалу сочиненные стихи, а мужчины стрѣляли въ честь нашу изъ ружей. Наконецъ, они разстались съ нами, повторяя увѣренія въ своей благодарности и долго еще доносились до насъ ихъ веселыя пѣсни. Несчастные забывали, что только сегодня они еще сыты, а завтра нужда и голодъ наступятъ съ новою силою, тѣмъ болѣе, что по общей безпечности ихъ никто незабо-

тился даже въ тотъ день закинуть уду, или запустить неводъ.

По высохшему руслу рѣки достигли мы довольно скоро лѣтовья, лежащаго на южномъ берегу Анюя, противъ горы Оброма. Нездоровье Бережнаго и утомленіе лошадей принудили насъ провести здѣсь два дня.

Іюля 10-го велѣли мы переправить нашихъ лошадей на правый, сѣверный берегъ Анюя, а сами, на небольшомъ плотѣ, поплыли по рѣкѣ въ Островное, куда вскорѣ послѣ насъ прибыли и лошади съ поклажею. Купецъ Бережной взялъ отсюда Чуванскаго Князька, знавшаго Чукотскій языкъ и согласившагося провожать насъ въ качествѣ переводчика. Разныя приготовленія къ поѣздкѣ заняли цѣлый день, и только 12-го числа отправились мы далѣе, вдоль сѣверозападнаго, лѣсистаго ската горы Оброма, переправились черезъ рѣчку Островную и недалеко оттуда расположились ночевать, проѣхавъ всего 15-ть верстъ.

На слѣдующій день небо покрылось тучами; атмосфера наполнилась густыми парами; наконецъ пошелъ дождь и продолжался безпрерывно цѣлую недѣлю. 13-го Іюля ѣхали мы по высокимъ лѣсистымъ холмамъ, до источниковъ ручья Коновалова, гдѣ переночевали, а на другой день, при сильномъ дождѣ, поѣхали далѣе. Къ вечеру передъ нами открылась пространная, голая долина, ограниченная съ противолежащей стороны лѣсомъ, раздѣленнымъ на отдѣльныя купы.

Намъ казалось, что онъ прорѣзывается извили-нами значительной рѣки, которую почитали мы Погинденою. Къ сожалѣнію, достигнувъ лѣса уже поздно ночью, мы нашли только незначительный ручеекъ, черезъ который переправились, и потомъ переночевали.

До сего мѣста дорога наша вела насъ по обнаженной, мертвой равнинѣ. Мы не видали ни птицъ, ни другихъ животныхъ, и желали скорѣе достигнуть усѣянной озерами тундры, гдѣ можно было надѣяться найдти рыбу и гусей и ими дополнить истощенные наши запасы. Съ разсвѣтомъ поспѣшили мы далѣе и вскорѣ достигли холма, съ котораго открыли къ сѣверу унизанную островами и обильную рыбою рѣку Погинден у. Мы пріѣхали къ ней въ полдень, и долго и тщетно искавши брода, расположились на берегу, въ тѣни густой тополевой рощи. Лошади наши съ наслажденіемъ щипали сочную траву, а мы забросили сѣть и пошли искать удобнаго мѣста для перехода черезъ рѣку.

Берега Погинден ы составляютъ рѣзкую противоположность съ пустынною печальною страною, доселѣ нами осмотрѣнною. Переходъ такъ внезапенъ, что кажется, какъ будто волшебствомъ переносится путникъ въ другую страну и другой климатъ. Вмѣсто однообразныхъ лиственницъ и безпрерывныхъ топкихъ болотъ видите здѣсь прекрасныя, свѣжею зеленью одѣтыя лужайки, съ густыми рощами высокоствольныхъ тополей, осинъ и особаго рода ивы, отличающейся свои-

ми длинными, тонкими сучьями. На возвышенныхъ берегахъ цвѣтутъ разныя благоухающія травы. Здѣсь нашли мы также много дикаго лука, составившаго очень вкусную приправу нашихъ купаньевъ.

Не сыскавъ удобнаго для переправы мѣста, мы возвратились къ палаткѣ, вытащили изъ воды нашу сѣть, и—увы! она была пуста. Чрезвычайно недовольные двоякою неудачею, мы расположились здѣсь ночевать, въ надеждѣ, что къ утру вода въ рѣкѣ спадетъ. Такое явленіе въ Сибири очень обыкновенно, потому что даже лѣтомъ ночные морозы покрываютъ льдомъ ручьи и малые притоки большихъ рѣкъ, отъ чего въ нихъ вода по утрамъ всегда ниже, нежели вечеромъ.

Дѣйствительно, 16-го числа, рано поутру, нашли мы, что вода въ Погинденѣ сбыла на цѣлые два фута. Мы поспѣшили тѣмъ воспользоваться и выбрали для переправы мѣсто, гдѣ рѣка раздѣлялась на три *рассахи*. Первая изъ нихъ была совершенно суха, во второй вода достигала почти до сѣделъ, а въ третьей мы едва не потеряли одной изъ нашихъ вьючныхъ лошадей. Черезъ послѣднюю рассаху переправлялись мы по порогу; теченіе было весьма сильно, но гладкое каменистое дно представляло болѣе удобности переправѣ. Противопоставляя стремительному напору воды всю силу лошади, должно было идти наискозь противъ теченія рѣки, и такимъ образомъ мы всѣ счастливо достигли крутаго про-

тиволежащаго берега. Но пока передніе лошади карабкались на него, сила теченія повернула самую заднюю лошадь и повлекла ее съ собою. Она погибла бы непремѣнно со всѣми вьюками, еслибы не была привязана къ переднимъ лошадямъ ремнемъ, который былъ такъ крѣпокъ, что мы могли вытащить на берегъ несчастное животное.

Отсюда отправились мы далѣе на сѣверъ. Съ вершины обнаженнаго холма открылась передъ нами обширная болотистая равнина, усѣянная безчисленными озерами и орошаемая рѣчкою *Филатовою*, принадлежащею къ тремъ главнымъ притокамъ Погиндены. Почти параллельно съ нею тянется цѣпь лѣсистыхъ невысокихъ холмовъ, по которой мы слѣдовали, и переправившись черезъ болото, достигли береговъ Филатовой. На дорогѣ замѣтили нѣсколько пустыхъ Тунгусскихъ юртъ.

Филатова гораздо менѣе Погиндены и мѣстами нешире 10-ти сажень, но ея теченіе чрезвычайно быстро и образуетъ, можно сказать, безпрерывные водопады. Она испещрена островами, а пещаные берега ея поросли низменнымъ ивнякомъ. Приближаясь къ холмамъ, рѣка круто изгибается, составляя на правомъ берегу высокіе мысы, гдѣ зеленѣютъ отдѣльныя купы лиственницъ. На одномъ изъ такихъ возвышеній расположились мы на ночлегъ; древесныя вѣтви защищали насъ нѣсколько отъ дождя, безпрерывно продолжавшагося.

Двѣ цѣпи горъ тянулись по обоимъ берегамъ рѣки, постепенно понижаясь, и въ 20-ти верстахъ на юго-западъ оканчивались высокою, зубчатыми утесами обставленною горою, извѣстною подъ именемъ *Шероховатаго Камня*. Далѣе горныя цѣпи превращаются въ ряды скалъ; большая часть ихъ такого страннаго образованія, что воображеніе находитъ здѣсь исполинскія фигуры людей, звѣрей, развалины строеній, и т. п. Господствующая каменная порода въ сей полосѣ шиферъ, проросшій кварцовыми жилами.

Не смотря на безпрерывный дождь, превратившійся ночью въ сильный снѣгъ, мы продолжали путь. Въ 10-ти верстахъ отъ ночлега достигли мы рѣки, которую наши проводники называли *Ѳедотихой*. Она течетъ по опушкѣ лѣса и впадаетъ съ правой стороны въ Филатову, подъ 69° 3′ широты.

Здѣсь оканчивается высокоствольный лѣсъ; на противоположной сторонѣ растетъ только ивовый кустарникъ, превращающійся наконецъ въ низменный, стелющійся ерникъ. Запасшись шестами для нашихъ палатокъ, мы отправились далѣе, и переправившись черезъ нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ Ѳедотиху, остановились ночевать у подошвы небольшаго холма, доставившаго намъ защиту отъ холоднаго вѣтра. Пока лошади наши выгребали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга, проводники собрали достаточное количество прутьевъ, такъ что мы могли сварить себѣ ужинъ и поддерживать небольшой огонь. Ночью

громкій лай собаки разбудилъ насъ: большой черный медвѣдь приближался къ палаткѣ, но испуганный лаемъ собакъ побѣжалъ и вскорѣ скрылся въ кустарникахъ. Темнота не позволила намъ преслѣдовать бѣгущаго.

Холодная дождливая погода не слишкомъ благопріятствовала нашему путешествію. Іюля 18-го густой туманъ покрылъ всю окрестность; въ ста шагахъ нельзя было различать предметовъ. Горы по правому берегу рѣки, вдоль которыхъ мы слѣдовали, казались выше и крутѣе лежащихъ на сѣверъ; мѣстами, гдѣ позволялъ туманъ, мы видѣли, что вершины горъ были скалисты и покрыты снѣгомъ.

Отъ безпрерывнаго дождя и снѣга разлившіеся ручьи, пѣнясь, вырывались изъ ущелій южной цѣпи горъ и прорѣзывали во всѣхъ направленіяхъ долину; она постепенно становилась уже, и наконецъ уподобилась высохшему руслу рѣки; по обѣимъ сторонамъ отвѣсно подымались ряды скалъ, увѣнчанныхъ зубцами страннаго образованія. Между горами зіяли мрачныя пропасти и ущелья; вся земля завалена была осколками камней. Вообще вся долина являла дикій видъ и произвела на насъ унылое впечатлѣніе. Юкагиры увѣряли, что злые духи основали здѣсь свое лѣтнее жилище. Несмотря на такое мнѣніе, туземцы, принимая большія мѣры для защиты себя отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ, посѣщаютъ осенью сію долину для охоты за дикими баранами. Всего изобильнѣе водятся сіи

животныя на берегахъ Березовой, получившей отъ того названіе Малой Баранихи. Нѣсколько времени слѣдовали мы между скалами, по извивистымъ берегамъ рѣки, но рѣзкій вѣтеръ, вырывавшійся съ неимовѣрною силою изъ ущелій и овраговъ, ежеминутно грозилъ снести въ пропасть лошадей и сѣдоковъ и принудилъ насъ остановиться. Для ночлега выбрали мы мѣсто подъ навѣсомъ скалы, защищавшей насъ отъ безпрерывнаго снѣга.

Къ утру вѣтеръ стихъ и мы могли отправиться далѣе. Долина, постепенно раздвигаясь, достигла наконецъ 10-ти верстъ ширины; съ тѣмъ вмѣстѣ, обставлявшія ее горы понижались и въ 20-ти верстахъ отъ ночлега превратились въ отдѣльные земляные холмы. Теченіе Березовой сдѣлалось спокойнѣе; изрѣдка попадались небольшія, свойственныя тундрѣ озера. Къ вечеру расположились мы ночевать при подошвѣ невысокаго холма. Долина была здѣсь уже около двадцати верстъ въ ширину.

За труды сегодняшней поѣздки были мы съ купцомъ Бережнымъ нѣсколько награждены: онъ нашелъ прекрасный мамонтовый рогъ, а мнѣ удалось застрѣлить жирнаго лебедя. Моя добыча въ настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ была гораздо драгоцѣннѣе находки моего спутника, потому что наши запасы были очень уже скудны и ограничивались немногими сухарями.

На другой день, по утру, мы были разбужены громкимъ крикомъ стада дикихъ гусей, въ безчисленномъ множествѣ плескавшихся недале-

ко отъ насъ, въ озеръ. Мы поспѣшили вооружиться палками, осѣдлали лошадей и окружили озеро, въ надеждѣ на богатую добычу. Собака наша бросилась въ воду и выгнала птицъ на берегъ; въ короткое время намъ удалось убить палками 75 гусей. Не привыкши владѣть палкою такъ искусно, какъ туземцы, и не зная всѣхъ хитростей дикихъ гусей, я убилъ только одного. Быстрота и проворство, съ какими туземцы преслѣдуютъ разбѣгающихся въ разныя стороны гусей, безпрерывно дѣйствуя палкою по всѣмъ направленіямъ, заслуживаютъ удивленіе. Вообще гусиная охота представляетъ оригинальную и необыкновенную картину, нѣсколько напоминающую поколку оленей въ водѣ.

Обрадованные столь значительнымъ приращеніемъ нашихъ съѣстныхъ припасовъ, мы нагрузили ими лошадей и отправились въ путь. Сегодня былъ первый ясный день съ самаго отъѣзда изъ Островнаго. Мы спѣшили воспользоваться благопріятною погодою и достигнуть морскаго берега, по мнѣнію нашего проводника, бывшаго отъ насъ въ 30-ти верстахъ, но въ полдень я взялъ полуденную высоту солнца, и къ общей радости моихъ спутниковъ, нашелъ, что мы находились только въ 5-ти верстахъ отъ моря. Дѣйствительно, переправившись на правую сторону Березовой и перейдя цѣпь невысокихъ и плоскихъ холмовъ, мы достигли морскаго берега и расположились ночевать въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ устья рѣки.

Твердый, блестящій, бѣлый ледъ покрывалъ море до краевъ горизонта и только въ заливахъ была вода. Ночью сильный вѣтеръ развелъ волненіе и выбросилъ на берегъ огромныя льдины; холодъ былъ весьма чувствителенъ.

Іюля 21-го, рано по утру, отправились мы далѣе на востокъ, по морскому берегу. Обходя болотистыя устья многихъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ здѣсь въ море, и занимаясь по дорогѣ гусиною и песцовою охотою, подвигались мы весьма медленно, и только въ полночь прибыли къ балагану экспедиціи, гдѣ нашли начальника нашего съ его сопутниками.

Приготовленія къ дальнѣйшему путешествію задержали насъ здѣсь нѣсколько дней. Наконецъ, 31-го Іюля оба каравана отправились въ путь. Начальникъ экспедиціи поѣхалъ на югъ, къ верховьямъ Большой Баранихи, а мы переправились на лодкѣ, устроенной г. Козьминымъ, черезъ три устья сей рѣки, до того мѣста, куда лошади наши были отправлены за нѣсколько дней. Здѣсь были мы принуждены остановиться, потому, что Чуванскій Князекъ, сопровождавшій насъ въ качествѣ Чукотскаго толмача, внезапно занемогъ. Наши простыя лекарства, водка, чай и перецъ, соединенныя съ діэтою и спокойствіемъ, оказали желаемое дѣйствіе на больнаго. Черезъ сутки былъ онъ почти здоровъ, и 1-го Августа могли мы продолжать путь.

Правый берегъ Баранихи, гдѣ мы находились, совершенно отличнаго образованія противъ лѣ-

ваго. Вмѣсто обрывистыхъ спутанныхъ кряжей, скалъ и утесовъ, затруднявшихъ прежде наше путешествіе, тянутся здѣсь параллельные ряды невысокихъ холмовъ. По скатамъ ихъ ѣхали мы на ZO. За нами, на краю горизонта, рисовались черные зубцы утесовъ и скалъ.

Періодъ линянья гусей окончился и безчисленными стаями летѣли они на югъ, но столь высоко, что были внѣ нашихъ выстрѣловъ. Напротивъ, намъ удалось убить 18-ть лебедей. Они линяютъ не стадами, какъ гуси, а попарно, и изрѣдка по четыре на одномъ озерѣ.

Въ 10-ти верстахъ отъ рѣчки, значительнѣйшей изъ впадающихъ въ море на востокъ отъ Баранихи, замѣтили мы развалившійся холмъ. Все пространство, отъ подошвы его до морскаго берега, на разстояніи полуверсты, было, въ полномъ смыслѣ слова, *устьяно* остовами разныхъ допотопныхъ животныхъ. Мой спутникъ надѣялся получить здѣсь богатую добычу, но не смотря на самыя тщательныя изысканія, не могъ онъ найдти ни одного мамонтоваго клыка. По большому количеству челюстей сего животнаго заключили мы, что другіе, болѣе счастливые промышленники посѣщали уже здѣшнія мѣста прежде насъ и завладѣли всѣми драгоцѣнностями. Наше предположеніе въ послѣдствіи оправдалось. Недалеко отсюда, на небольшой долинѣ, замѣтили мы слѣды, гдѣ нѣкогда горѣли костры и стояли палатки; вокругъ валялось много полуиспорченныхъ кусковъ мамонтовыхъ клыковъ.

Вѣроятно, партія промышленниковъ очищала и приготовляла здѣсь къ перевозу свою добычу.

На другомъ берегу рѣки переправились мы черезъ рядъ холмовъ и достигли долины, по которой течетъ рѣчка *Козьминка*, среди безчисленныхъ озеръ. На правомъ берегу ея встрѣтились мы совершенно неожиданно съ штурманомъ Козьминымъ. По недостатку рыбы въ Большой Баранихѣ, онъ переѣхалъ на лодкѣ сюда, и въ первую ночь послѣ своего пріѣзда произвелъ весьма обильную ловлю. На слѣдующее утро сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ къ берегу и въ рѣку столько льдинъ, что рыбная ловля не могла продолжаться.

Козьминка, при низкой водѣ, до 25-ти саженъ шириною и отъ 4-хъ до 5-ти саженъ глубины. Мнѣ кажется, что Козьминка не рѣка, а узкій, далеко впадающій въ землю заливъ. Мое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что проводники наши, преслѣдуя птицъ, удалились на 20-ть верстъ отъ моря и замѣтили, что мнимая рѣка нисколько не уменьшалась, ни въ ширинѣ, ни въ глубинѣ, и что вода въ ней имѣла вкусъ соленый, отвратительный и не годилась ни на питье, ни для пищи.

Августа 3-го разлучились мы съ г-мъ Козьминымъ; онъ остался еще на мѣстѣ. Съ помощью его работниковъ выстроили мы небольшую лодку, необходимую намъ для переправы черезъ встрѣчающіяся рѣки. Нашъ караванъ состоялъ теперь изъ 6-ти человѣкъ: купца Бережнаго,

Чуванскаго Князька, по имени Мордовскаго, трехъ Якутовъ и меня. Подъ нами было 16-ть верховыхъ и вьючныхъ лошадей. Мы слѣдовали въ прежнемъ направленіи. Ручей, впадающій въ Козьминку и небольшія озера были покрыты льдомъ неломавшимся подъ нами. Мы ночевали у подошвы холма.

На другой день, намѣреваясь съ возвышенія осмотрѣть окрестность, я отдѣлился отъ моихъ товарищей, и пробираясь среди холмовъ, выѣхалъ на рѣчку, текущую по WSW направленію На ней плескалось цѣлое стадо линяющихъ гусей. Оставивъ лошадь на холмѣ, приблизился я съ подвѣтренной стороны къ безпечнымъ птицамъ и бросился на нихъ съ палкою. Привыкнувъ уже нѣсколько владѣть моимъ оружіемъ и ознакомившись съ хитростью гусей, довольно счастливо охотился я и убилъ нѣсколько штукъ. Бережной, безпокоясь о судьбѣ моей, послалъ Якута отыскивать меня. Онъ подоспѣлъ очень кстати и мы возвратились къ каравану съ богатою добычею.

Августа 4-го провели мы ночь на краю глубокой долины, нѣкогда, вѣроятно, составлявшей дно озера. Лошади нашли здѣсь хорошую траву, а крутые обвалы и земляные холмы, обставлявшіе долину, обѣщали Бережному богатую добычу мамонтовыхъ костей. Онъ рѣшился прожить здѣсь нѣсколько дней. Къ сожалѣнію, успѣхъ несоотвѣтствовалъ ожиданію. Мы нашли много костей, но собственно мамонтовыхъ клыковъ добы-

ли мало. Охота наша была счастливѣе. На берегу озера удалось намъ застрѣлить двухъ оленей; они, казалось, принадлежали къ постоянно живущимъ въ сѣверѣ и на зиму въ лѣса неудаляющимся. Въ послѣдствіи встрѣчали мы на берегу моря небольшіе табуны такихъ оленей.

Съ высоты обвала, гдѣ былъ расположенъ нашъ ночлегъ, показывались на востокъ, въ 100 верстахъ отъ насъ лежавшія, высокія горы: *Вайваншнъ*, *Гейла*, *Раутанъ* и *Шелагскій мысъ*, или *Ерри*, какъ называютъ его туземцы. Островершинные утесы, коими обставлены восточные и южные берега Чаунской губы, ясно рисовались на горизонтѣ, и я могъ запеленговать нѣкоторыя изъ нихъ.

Проведя здѣсь два дня въ напрасныхъ изысканіяхъ, Бережной рѣшился ограничить свое путешествіе только торговлею съ Чукчами, прекративъ дальнѣйшіе поиски мамонтовыхъ костей. Не теряя болѣе времени въ изслѣдованіи качества сосѣднихъ холмовъ, отправились мы, 7-го Августа, далѣе на юго-западъ, черезъ земляные яры и покрытыя льдомъ озера. Послѣ небольшаго перехода достигли западнаго устья Чаунской губы, доселѣ почитаемой рѣкою и называемой *Большою*.

Здѣсь долженъ я упомянуть о замѣчательномъ явленіи, свойственномъ, кажется, только самымъ отдаленнымъ полярнымъ странамъ. Начиная отъ береговъ Баранихи, а особенно отъ Козьминки, вся страна изрѣзана безчисленными глубокими

озерами разной величины, отдѣленными одно отъ другаго узкими, иногда пешире фута, плотинами. Линія поверхности воды столь притомъ неравна (иногда на 2 фута и болѣе), что подземное сообщеніе между сосѣдними озерами невозможно. Самыя плотины на верху покрыты тонкимъ слоемъ чернозема, но далѣе состоятъ, вѣроятно, какъ и весь грунтъ, изъ никогда нетающаго льда. Тѣмъ можно объяснить чрезвычайно холодную температуру воды въ сихъ озерахъ. При семъ предположеніи одно обстоятельство требуетъ однакожь поясненія, а именно: отъ чего узкія массы мерзлой земли, раздѣляющія озера, не таютъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и безпрерывнаго соприкосновенія съ водою?

Чаунская губа состоитъ изъ двухъ устьевъ, образующихъ островъ *Ойонъ* (по прежнимъ картамъ *Саббадей*), на сѣверѣ оканчивающійся низменнымъ пещанымъ мысомъ. Вообще весь островъ, кажется, пещанаго свойства; на немъ не видно ни кустовъ, ни травы, и только изрѣдка зеленѣетъ мохъ. Западное устье, гдѣ мы находились, менѣе восточнаго и въ малую воду глубина его не болѣе 2-хъ футовъ, а потому въ прошломъ году Бережной переправился черезъ него въ бродъ. Въ настоящее время, отъ продолжительныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, вода была однакожь высока, и заливъ, раздѣляющій материкъ отъ острова, простирался до 15-ти верстъ въ ширину.

Мы слѣдовали вдоль скатовъ прибрежныхъ

холмовъ, по узкой песчаной полосѣ, покрытой раковинами. Здѣсь расли широколистная капуста и другія морскія травы, а также изрѣдка попадались полипы и скорлупа шримсовъ.

Съ самаго утра дулъ сильный восточный вѣтеръ. Небо было совершенно чисто. Въ полдень показалось прекрасное небесное явленіе и проводники наши почли его за предвѣстіе непогоды: около солнца появились четыре побочныя солнца, соединенныя между собою радугами яркихъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ составлялся кругъ, поперечникъ котораго равнялся 40°. Кромѣ того, черезъ самое солнце и черезъ два изъ побочныхъ, проходила горизонтально радуга, длиною около 80°, а на оконечностяхъ ея стояли, перпендикулярно къ горизонту, двѣ небольшія радуги съ обратными, весьма слабыми цвѣтами. Явленіе продолжалось два часа и потомъ исчезло. Вѣтеръ мало помалу стихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пошелъ снѣгъ и началась мятель.

На ночь остановились мы въ узкой долинѣ, гдѣ нашли хорошій лугъ для лошадей и довольно много напознаго лѣса. На скатѣ холма, подлѣ котораго расположились мы лагеремъ, земля растаяла только на 3 вершка.

Августа 8-го продолжали мы путь по низменному берегу. Направо отъ насъ пролегалъ крутой яръ, отъ 3-хъ до 7-ми саженъ вышины. Въ немъ нельзя было надѣяться найдти мамонтовыхъ костей, ибо онъ казался новѣйшаго образованія и состоялъ изъ волокнъ разныхъ кореньевъ и

ерника *. Въ одномъ изъ обваловъ видѣли мы разрѣзъ небольшаго обсохшаго озера. Оно было отъ 4-хъ до 6-ти футовъ глубиною. На днѣ его лежалъ довольно толстый и гладкій слой льда, надъ нимъ находился другой слой, а пространство между обоими было пусто. Верхній слой льда былъ покрытъ землею, на которой росла трава и мѣстами стлался ерникъ.

Къ полудню достигли мы небольшой рѣки, впадающей двумя устьями въ Чаунскій заливъ; она была неширока, но столь глубока, что мы переправили лошадей вплавь, а сами съ поклажею переѣхали на вѣткѣ. Полагаю, что рѣка сія только второе устье Козьмишки, и мнѣніе мое подкрѣпляется быстрымъ теченіемъ ея отъ запада.

Переправившись черезъ рѣку, мы продолжали путь среди низменныхъ холмовъ и безчисленныхъ маленькихъ озеръ. Дорога была чрезвычайно затруднительна. Восточный вѣтеръ перешелъ на NW, сильно скрѣпчалъ и ночью на 9-е Августа покрылъ снѣгомъ всю окрестность. Мятель, сопровождаемая дождемъ, сдѣлалась столь густа, что мы не могли различать даже окружавшихъ насъ предметовъ. На верховьяхъ одной рѣки замѣтили мы множество слѣдовъ медвѣдей. Недалеко отсюда выѣхали мы опять къ морю. На берегу лежала доска, съ деревянными гвоздями, вѣроятно, остав-

* На семъ обвалѣ нашелъ я, въ двухъ саженяхъ надъ поверхностью моря, полуистлѣвшій наносный лѣсъ; свѣжій попадается только на низменномъ берегу, что и можно счесть доказательствомъ убыли и здѣсь мало по малу моря.

шаяся отъ какого нибудь разбитаго судна. Непогода продолжалась, но дорога, хотя часто пересѣкаемая рѣчками и ручьями, была гладка и удобна, состоя изъ крупнаго песка. Мы подвигались довольно скоро, вдоль отвѣсной гряды шиферныхъ утесовъ, проросшихъ толстыми кварцовыми жилами.

Къ вечеру небо прояснилось и вѣтеръ перешелъ къ сѣверу. Несмотря на то, ледъ въ Чаунскомъ заливѣ не показывался; вѣроятно, отмѣли, находящіяся при входѣ въ заливъ, были тому причиною. Въ морѣ, недалеко отъ берега, находится уединенный утесъ, похожій издали на корабль, идущій въ полвѣтра; судя по дымчато-сѣрому цвѣту, онъ долженъ быть кварцоваго образованія. Недалеко отъ ночлега, при переправѣ черезъ неширокую, но быструю рѣку, одинъ изъ нашихъ Якутовъ опрокинулся съ лодкою, и не умѣя плавать, вѣроятно, утонулъ бы, еслибы не успѣлъ схватиться за брошенный ремень и такимъ образомъ выбраться на берегъ.

Августа 12 продолжали мы путь по морскому берегу. Онъ здѣсь крутъ, возвышенъ и составляетъ собственно скатъ Вайваннинской горы. Намъ попадалось довольно наноснаго лѣса, а въ оврагахъ лежалъ глубокій снѣгъ. На ночь остановились мы при подошвѣ холма. Ночью подошли къ нашему стану четыре медвѣдя, но испуганные лаемъ собаки убѣжали.

Августа 13-го отправились мы далѣе, въ юго-восточномъ направленіи, черезъ холмы. Съ воз-

вышенія можно было осмотрѣть весь Чаунскій заливъ. Берегъ его образовывалъ, недалеко отъ нашего послѣдняго ночлега, мысъ. Послѣ 7-ми часовъ быстрой ѣзды достигли мы низменнаго пещанаго берега моря; съ южной стороны обставленъ онъ рядомъ крутыхъ, зубчатыхъ утесовъ. Отставши отъ товарищей, я ѣхалъ стороною и внезапно наткнулся на медвѣдя, съ жадностью терзавшаго тюленя. Я хотѣлъ удалиться, но не успѣлъ. Медвѣдь оставилъ свою добычу и съ ревомъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Надобно было защищаться. Все мое оружіе состояло изъ охотничьяго ножа. Но не смотря на то, и вспомнивъ повѣрье охотниковъ, что медвѣди боятся пристальнаго взгляда, я слѣзъ съ лошади и пошелъ смѣло на звѣря. Не знаю, чѣмъ кончилась бы наша схватка. Моя твердая поступь, пристальный взоръ и обнаженный ножъ не дѣлали никакого впечатлѣнія на звѣря, съ возраставшею яростію ко мнѣ приближавшагося. Къ счастью, подоспѣла наша собака, съ громкимъ лаемъ бросилась на него и прогнала устрашеннаго непріятеля. Я поспѣшилъ завладѣть оставленнымъ отъ медвѣдя тюленемъ и соединиться съ товарищами.

Наше положеніе становилось весьма затруднительно. Около шести недѣль бродили мы по пустынямъ, но главной цѣли поѣздки нашей, Чукотской земли, не могли еще достигнуть. Разныя неблагопріятныя обстоятельства замедляли наше путешествіе, а между тѣмъ холодное вре-

мя года приближалось, и мы опасались, чтобы не пришлось намъ окончить поѣздки нашей зимнимъ путемъ, а къ нему мы совершенно не были приготовлены. Бережной рѣшился потребовать отъ нашего вожатаго, Чуванскаго Князька, объявленія, гдѣ именно мы находимся и скоро ли можемъ надѣяться встрѣтить Чукчей? Послѣ многихъ отговорокъ оказалось, что я давно предвидѣлъ и предсказывалъ, а именно: Чуванецъ объявилъ, «что онъ надѣялся здѣсь найдти Чукчей, а теперь совершенно не знаетъ, гдѣ искать ихъ самихъ и ихъ землю.» Можно себѣ представить нашъ гнѣвъ и нашу досаду при такомъ открытіи! Я былъ еще такъ счастливъ, что исполнилъ возложенное на меня порученіе, описавъ осмотрѣнную страну, а Бережной, за всѣ труды и лишенія, былъ вознагражденъ нѣсколькими мамонтовыми клыками. Главная цѣль нашего путешествія: знакомство и мѣновая торговля съ Чукчами, осталась недостигнутою. Сообразивъ всѣ обстоятельства, Бережной рѣшился наконецъ отказаться отъ своего намѣренія, и прямою дорогою, черезъ тундру, возвратиться въ Нижне-Колымскъ. Вполнѣ полагаясь на многолѣтнюю опытность и совершенное знаніе мѣстности моимъ товарищемъ, я нимало не противорѣчилъ ему, и мы отправились, 14-го Августа, въ обратный путь. Отсюда повернули мы на востокъ, въ надеждѣ достигнуть горы, подобно обрывистому мысу подымавшейся надъ тундрою. Съ вершины ея хотѣли мы осмотрѣть о-

крестность и опредѣлить нашъ путь. Проѣхавъ 20-ть верстъ, мы приблизились къ горѣ. Съ одной стороны подмывалась она быстрою и глубокою рѣкою, черезъ которую не безъ труда мы переправились. Усталость и темнота принудили насъ расположиться ночевать на другомъ берегу рѣки у подошвы горы.

Съ первыми лучами утренняго солнца, мы увидѣли неожиданное и пріятное явленіе. Случай велъ насъ лучше проводника: мы находились въ предѣлахъ Чукотской земли. Передъ нами, въ долинѣ изгибалась рѣка *Таушео*, а на берегахъ ея стояло множество юртъ. Мы поспѣшили туда, но юрты были пусты. Все увѣряло насъ, что здѣсь недавно еще находились жители; вѣтеръ не разнесъ еще золы съ мѣстъ, гдѣ горѣли костры; вокругъ нихъ валялись кости и разные остатки съѣстныхъ запасовъ, даже волки, немедленно приходящіе послѣ людей, на оставленныя имъ мѣста, не успѣли всего очистить. Вѣроятно, обитатели долины только что оставили сіе мѣсто и находились еще не вдалекѣ. Я пошелъ на гору, которую нашъ проводникъ, снова утверждавшій, что знаетъ страну, называлъ *Гейлы*, въ надеждѣ съ вершины ея осмотрѣть окрестности; но мы не успѣли дойдти до средины высоты, какъ внезапный туманъ спустился на землю и обхватилъ весь небосклонъ. Такое обстоятельство и сигнальные выстрѣлы оставшихся въ долинѣ товарищей принудили насъ поспѣшить внизъ. Г. Бережной, оставшись при своемъ намѣреніи,

слѣдовалъ вверхъ по теченію рѣки; мы сѣли на лошадей и вскорѣ догнали караванъ.

Долина, орошаемая рѣкою Тауншео, довольно широка и усѣяна безчисленными озерами. Съ боковъ, обставлена рядами плоскихъ холмовъ; постепенно возвышаясь, они превращаются наконецъ въ утесы, обрывомъ спускающіеся въ долину. На мѣстахъ, нѣсколько защищенныхъ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, стелется по землѣ низменный березнякъ; онъ служилъ намъ топливомъ.

Въ продолженіе всего пути вверхъ по рѣкѣ, 16-го Августа, встрѣчали мы много мѣстъ, гдѣ нѣкогда стояли Чукотскія юрты, но самыхъ жителей нигдѣ не видали. Между прочимъ, замѣтили мы также большія стада оленей, позволявшихъ къ нимъ приближаться, изъ чего заключили мы, что то были, вѣроятно, домашнія животныя отсутствующихъ жителей. Въ послѣдствіи предположеніе наше оправдалось; олени дѣйствительно принадлежали Чукчамъ, которые насъ видѣли, но по боязни скрывались отъ насъ.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ морскаго берега, воздухъ становился теплѣе, а вечеромъ появились и комары. Къ счастію, сильный сѣверозападный вѣтеръ разогналъ мучителей. Мѣстами росли здѣсь по долинѣ разныя ягодныя растенія, какъ то: *шикша* (Empetrum), *голубель* (Vaccinium ulgiinorum) и морошка (Rubus chamaemorus); но по причинѣ холоднаго лѣта, на нихъ не было плодовъ и, вѣроятно, онѣ даже не цвѣли.

Грунтъ былъ сплошь болотистый, усѣянный моховыми кочками, а между ними стоялъ тонкій ледъ.

Августа 17-го порывистый сѣверо-западный вѣтеръ, съ сильнымъ снѣгомъ и дождемъ, не позволилъ намъ продолжать путешествія. Мы остановились, но при сильной бурѣ не было возможности, ни разбить палатки, ни развести огня. Ночью, вмѣсто снѣга и дождя, наступилъ порядочный морозъ. Промокшія платья наши промерзли, и мы весьма страдали отъ холода, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ съ большою силою.

Съ разсвѣтомъ 18-го Августа, поспѣшили мы отправиться въ путь, надѣясь движеніемъ согрѣть нѣсколько наши оцѣпенѣвшіе члены. Отъ ночнаго мороза всѣ озера покрылись толстымъ льдомъ, а болота такъ скрѣпли, что не проламывались подъ лошадьми; рѣка дала также большіе забереги. Мы провели ночь при соединеніи двухъ притоковъ рѣки; меньшій изъ нихъ шелъ съ юга, а другой съ запада.

Августа 19-го сдѣлали мы небольшой переходъ, боясь слишкомъ утомить лошадей, которымъ предстоялъ трудный путь черезъ высокій хребетъ. Всю ночь провели мы безъ огня. Нѣсколько сухихъ, черствыхъ сухарей, были нашею единственною пищею.

На другой день повернули мы къ западу; по нашему направленію тянулось нѣсколько многочисленныхъ стадъ оленей. Въ долинѣ, между двумя рѣками, замѣтили мы порядочно уѣзжан-

ную дорогу; по ней, какъ въ послѣдствіи узнали мы, Чукчи отправляются въ Островное. Я предполагалъ было слѣдовать по сей дорогѣ, потому, что по моему счисленію, она должна была вывести насъ на сѣверъ отъ тундры. Но товарищи мои не согласились съ моимъ мнѣніемъ, и рѣшились слѣдовать вверхъ по рѣкѣ, которая привела насъ въ дикую пустыню. Наполненная парами и туманомъ атмосфера ежеминутно измѣняла видъ окрестности. Мы находились въ глубокой долинѣ; окружавшія насъ скалы безпрестанно принимали самыя разнообразныя и странныя формы. Внезапно густой туманъ скрылъ весь небосклонъ, и только мѣстами можно было различать черные зубчатые верхи утесовъ. Плескъ низвергавшихся со всѣхъ сторонъ водопадовъ, грохотъ отторгнутыхъ волнами камней, свистъ и завываніе вѣтра въ ущельяхъ, и наконецъ, постепенно сгущавшійся туманъ, закрывшій отъ насъ даже ближайшіе предметы, наводили невольный ужасъ. Подвигаться впередъ, при совершенномъ незнаніи мѣстности, было опасно и затруднительно. Мы замѣтили наконецъ, что земля подъ нами становится круче, а шумъ волнъ постепенно отдаляется. Мы попали въ узкій оврагъ, который могъ довести насъ въ пропасть. Оставалось слѣзть съ лошадей и вести ихъ за поводья. Два часа карабкались мы вверхъ по рыхлому грунту; камни и песокъ катились изъ-подъ ногъ, угрожая увлечь съ собою и насъ и лошадей. Въ ежеминутной опасности сорваться съ ужасной высо-

ты, ощупью добрались мы до вершины горы, гдѣ оканчивалась тропинка. Передъ нами лежала пропасть; туманъ скрывалъ ее глубину. Одинъ за другимъ, собрались всѣ наши спутники на небольшой площадкѣ горы. Напрасно смотрѣли мы въ мрачную бездну, наполненную туманомъ, и напрасно напрягали взоры вдаль — выхода не было! Положеніе наше становилось ужасно; впереди была пропасть, и возвратиться назадъ, къ лугамъ, черезъ разстояніе около 30-ти верстъ, при совершенномъ изнеможеніи лошадей, было невозможно. Изъ мучительной неизвѣстности были мы выведены раздавшимся невдалекѣ отъ насъ топотомъ и хорканьемъ оленей. Мы поспѣшили за утѣшительными звуками, и вскорѣ увидѣли большую движущуюся массу. Она разсѣялась отъ нашего приближенія и скрылась въ туманѣ. По слѣдамъ мы замѣтили, что большая часть оленей побѣжала къ ущелью на юго-западъ. Мы пошли туда же, ведя нашихъ лошадей. Узкая, крутая щель, изгибаясь въ скалѣ, вывела насъ на вершину хребта, который всѣ почитали предѣломъ тундры, несмотря на мои увѣренія, что онъ долженъ лежать гораздо южнѣе. Здѣсь мы вышли изъ тумана, какъ море, волновавшагося подъ нами. Густыя массы паровъ, медленно клубясь, набѣгали на утесы, и сопка, на которой мы стояли, уподоблялась острову среди необозримаго океана.

При всей трудности, путь сюда могъ почесться

легкимъ, въ сравненіи съ опасностями и препятствіями, ожидавшими насъ при спускѣ съ хребта. Саженъ сто перпендикулярной высоты вела насъ извилистая тропа оленей, и здѣсь равно надобно было удивляться осторожному и хитрому ходу ихъ и цѣпкости нашихъ лошадей. Далѣе тропа исчезла на рыхломъ пескѣ и осколкахъ камней, безпрестанно катившихся изъ-подъ насъ въ бездну, и падавшихъ въ озеро, лежащее на днѣ ея. По крутому скату сводили мы нашихъ лошадей, то опираясь на нихъ, то поддерживая ихъ. Поздно ночью достигли мы пещаныхъ береговъ, и не смотря на совершенное изнуреніе, должны были идти еще далѣе. Наконецъ, на берегу ручья, свергавшагося со скалы и впадающаго въ озеро, нашли мы хорошій лугъ и расположились на ночлегъ. Лошади наши были обезпечены, но за то мы сами находились въ жалкомъ положеніи. Общій, самый подробный обзоръ всѣхъ мѣшковъ и кармановъ доставилъ намъ только нѣсколько старыхъ, сухихъ сухарей и немного рыбы. Подѣлившись поровну крохами, легли мы спать чрезвычайно голодные, но большая часть въ сладкой увѣренности, что переходъ черезъ горы совершенно конченъ, голая тундра осталась за нами, и поутру достигнемъ мы Анюя и лѣсовъ, гдѣ насъ ожидали защита отъ непогоды и всякаго рода съѣстные припасы. Мнѣ казалось, что граница тундры еще далеко передъ нами; но моему мнѣнію никто не вѣрилъ. Не смотря на голодъ, спали мы очень хорошо,

и многіе видѣли уже во снѣ жареныхъ гусей и жирную уху.

Съ разсвѣтомъ все наше общество поднялось и приготовилось къ дальнѣйшему путешествію, но первый взглядъ на окрестности увѣрилъ меня, что къ сожалѣнію, я былъ правъ. Крутой и высокій хребетъ горъ, составляющій предѣлъ тундры, опоясывалъ всю южную часть небосклона. При вчерашнемъ туманѣ мы заблудились, взяли не ту дорогу; переправились съ неимовѣрными трудами и опасностями черезъ сѣверо-западную вѣтвь главнаго хребта, и вышли на одинъ изъ источниковъ Баранихи. Всевозможными доводами старался я увѣрить Бережнаго и другихъ въ нашей ошибкѣ и необходимости обратиться назадъ, но напрасно. Служившій намъ переводчикомъ Чуванецъ утверждалъ, что совершенно знаетъ страну, называлъ по именамъ каждую гору, рѣчку и долину, и не смотря на многократныя доказательства его невѣденія, одержалъ верхъ. Г. Бережной, какъ хозяинъ лошадей, рѣшился идти впередъ, и мы отправились.

Въ дурномъ расположеніи духа и съ голоднымъ желудкомъ продолжали мы путь—я въ полной увѣренности, что принятое нами направленіе было неправильно, а Бережной въ сомнѣніи и безпокойствѣ о послѣдствіяхъ. Весьма медленно подвигались мы, и шли почти всю дорогу пѣшкомъ, ведя нашихъ утомленныхъ лошадей. Къ вечеру достигли подошвы высокаго кряжа скалъ и остановились на небольшой равнинѣ,

поросшей тучною травою. Дикій лукъ и нѣсколько корней, вырытыхъ Якутами изъ мышиныхъ норъ, были нашею единственною пищею.

Августа 22-го, съ разсвѣтомъ, мы увидѣли въ направленіи, которому слѣдовали, густой морской туманъ, что открыло глаза моимъ странникамъ, и даже Чуванецъ признался, что онъ заблудился и совершенно не знаетъ страны, гдѣ мы находимся. Бережной и Якуты пришли въ отчаяніе, думали, что мы попали въ Чукотскую землю, и были въ нѣсколькихъ стахъ верстъ отъ Анюевъ, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, съ утомленными лошадьми, и должны неминуемо здѣсь погибнуть.

Тогда всѣ увѣрились наконецъ въ справедливости моихъ предположеній и обратились ко мнѣ съ просьбою вывести ихъ отсюда, обѣщая во всемъ безпрекословно мнѣ повиноваться. Хотя при сжатомъ голодномъ желудкѣ человѣкъ не можетъ быть слишкомъ чувствителенъ къ подобной чести, однакожь я радовался, что дѣло приняло такой оборотъ, и что я имѣлъ возможность освободиться изъ самаго непріятнаго положенія. По моему счисленію, находились мы въ двухъ дняхъ пути отъ Малаго Анюя и его прибрежныхъ лѣсовъ. На третьи сутки обѣщалъ я привести караванъ нашъ къ рѣкѣ, и 23-го Августа отправились мы въ путь.

Пройдя 15-ть верстъ по глубокому, мрачному оврагу, бока котораго, перпендикулярно спускав-

шіеся, скрывались отъ насъ двумя и тремя слоями облаковъ, мы вышли къ небольшой рѣчкѣ. Она быстро текла къ сѣверу и привела насъ къ большому озеру, берега котораго были обставлены огромными черными скалами. Обогнувъ озеро съ западной стороны, и подвинувшись еще 10-ть верстъ, мы рѣшились остановиться на ночлегъ, разложили огонь и, по привычкѣ, повѣсили котелъ, но — варить намъ было нечего. Пока всѣ мы, молча и угрюмо, сидѣли около костра, одинъ изъ Якутовъ отозвалъ меня въ сторону и, показывая изъ-подъ одежды своей утку, которую, отставъ отъ товарищей, случайно убилъ онъ камнемъ, сказалъ мнѣ: «Возьми, тойонъ, и съѣшь одинъ; ты сильно усталъ.» —*Я* поблагодарилъ Якута за его добросердечіе, и безъ всякаго приготовленія бросилъ утку въ общій котелъ. Хотя похлебка наша была очень водяниста, и каждому изъ насъ досталось по самому незначительному кусочку утки, однакожъ свѣжая пища нѣсколько подкрѣпила наши силы. За то, кромѣ перьевъ, отъ утки ничего не осталось, не только внутренности, даже кости ея были нами съѣдены.

Вечеръ былъ ясенъ. Ни одно облако не показывалось на темно-голубомъ, усѣянномъ звѣздами небѣ, и мы заснули въ сладкой надеждѣ, что завтра погода будетъ благопріятна для нашей поѣздки. Ночью поднялся сильный вѣтеръ, и 23-го, по утру, когда мы проснулись, вся окрестность была покрыта глубокимъ снѣгомъ. Стараясь нѣсколько согрѣться и обсушиться, мы раз-

ложили огонь изъ шестовъ нашей палатки, поймали лошадей и пошли далѣе, прямо въ горы.

Мы шли по теченію ручья, по колѣно въ снѣгу и весьма медленно подвигались къ югу. Дорога становилась круче и привела насъ наконецъ на остроконечный гребень хребта. Туманъ, облака и густая вьюга скрывали всю окрестность. Мы расположились отдыхать на снѣгу. Вскорѣ показалось солнце и туманъ разсѣялся. Насъ окружали со всѣхъ сторонъ крутыя, покрытыя снѣгомъ горы. Послѣ долгаго исканья, нашли мы на южной сторонѣ мѣстечко, казалось, удобное для спуска. Крутая и узкая разщелина упиралась въ пропасть. Пустивъ лошадей нашихъ однѣхъ впередъ, мы начали спускаться за ними, и здѣсь вполнѣ почувствовали мы благодѣтельность выпавшаго снѣга, безъ котораго не было намъ возможности сойдти съ горъ; снѣгъ неоднократно поддерживалъ насъ, когда мы скользили, и спасалъ отъ ушибовъ при паденіяхъ.

До наступленія темноты, всѣ счастливо достигли подошвы хребта, и только иные изъ насъ порядочно но неопасно ушиблись. Наши лошади были также хотя изранены при паденіи на острокопечные камни, но могли за нами слѣдовать. Мы поздравляли другъ друга съ счастливымъ переходомъ черезъ горы, и расположились на снѣгу, подъ которымъ лошади нашли себѣ траву. Въ надеждѣ достигнуть завтра Анюя, всѣ мы скоро заснули; но уже ночью голодъ, послѣ трехъ-дневнаго поста, при безпрестанныхъ уси-

ліяхъ, началъ насъ мучить и вскорѣ сдѣлался нестерпимъ. Замѣчательны были разныя впечатлѣнія, которыя такое мучительное чувство производили на всѣхъ насъ: иной молился; другой беззаботно пѣлъ унылыя пѣсни; третій прыгалъ и кричалъ; нѣкоторые стояли неподвижно, устремивъ въ землю безжизненные взоры, а иные говорили, но безъ всякой связи. Якутъ, прежде съ особеннымъ уваженіемъ, даже со страхомъ подводившій мнѣ лошадь, обнималъ меня и полуплача, спрашивалъ: «Скоро придемъ къ Анюю?» Я старался всѣхъ утѣшить, обѣщая къ вечеру достигнуть рѣки и лучшихъ странъ. Но одно благое Провидѣніе было нашимъ руководителемъ. Безъ всякой побудительной причины, повелъ я моихъ товарищей къ высокой цѣпи холмовъ. Съ трудомъ добрались мы до ихъ вершины и вдругъ увидѣли передъ собою обширную долину и разбросанныя по ней купы деревьевъ! Какъ на морѣ, послѣ долгаго и затруднительнаго плаванія, крикъ: «Земля, земля!» возбуждаетъ радость и дѣятельность на кораблѣ, такъ и здѣсь видъ деревьевъ подѣйствовалъ, будто электрическій ударъ, на утомленное общество. *Лѣсъ*! *Лѣсъ*! раздалось со всѣхъ сторонъ, и мы радостно погнали лошадей впередъ. Анюй, а съ нимъ и конецъ нашихъ страданій, были недалеко.

Утомленныя лошади, не раздѣляя нашей надежды, едва передвигали ноги, спотыкаясь на каждомъ шагу. Такъ дотащились мы до лѣса, проѣхали еще двѣ версты, и расположились под-

лѣ небольшаго озера на хорошемъ лугу. Голодъ мучилъ насъ. Я предложилъ убить одну изъ лошадей. «Нѣтъ,» сказалъ одинъ изъ Якутовъ, «лошади наши измучены, покрыты нарывами и ранами; ихъ кровь воспалена, и мы заболѣемъ, если станемъ ѣсть ихъ мясо.»—Но мы умремъ съ голода. —«Ну, Богъ поможетъ!» Протяжно едва слышными голосами повторили мы всѣ: «Богъ поможетъ!» перекрестились, и не заботясь о палаткѣ и огнѣ, бросились на сырой пещаный берегъ. Съ трудомъ удалось мнѣ уговорить Якута закинуть сѣть въ озеро. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы погрузились въ крѣпкій сонъ.

Когда мы проснулись (25-го Августа), солнце уже высоко стояло на небѣ. Сѣть наша лежала въ водѣ. Ни кто не смѣлъ къ ней коснуться. Казалось, всѣ боялись, что ловъ окажется неудаченъ, что привело бы насъ въ совершенное отчаяніе. Наконецъ я рѣшился и велѣлъ тащить сѣть. Мы принялись за работу. Взоры всѣхъ устремились на мутную воду; сѣть показалась. Она была тяжелѣе обыкновенной, въ ней что-то двигалось; мы поймали трехъ большихъ и нѣсколько малыхъ рыбъ. «Господь помогъ!» вскричали всѣ и преклонили колѣни съ молитвою, а потомъ вскочили, и радостно обнимаясь, поздравляли другъ друга. Огонь тотчасъ развели; котелъ закипѣлъ и за жирною ухою, съ дикимъ лукомъ и другими травами, мы забыли перенесенныя нами лишенія и были вполнѣ счастливы.

Лошади наши также подкрѣпили свои силы

на тучномъ лугу, и мы отправились далѣе. Вскорѣ показался вдали *Анюй*, но путь нашъ къ нему пересѣкалъ ручей, стремившійся изъ озера. Переправа черезъ него, на утомленныхъ и безсильныхъ лошадяхъ, была опасна, и признаюсь, я не согласился бы повторить ее. Рѣка была не мѣлка, такъ, что вода иногда покрывала сѣдлы, и русло ея было покрыто огромными острокопечными камнями. Лошади на каждомъ шагу спотыкались и оступались, и еслибы которая изъ нихъ упала, то вѣроятно была бы не въ состояніи подняться. Но мы счастливо переправились, и проѣхавъ еще 5-ть верстъ, переплывая и переходя черезъ нѣсколько рѣчекъ, достигли наконецъ давно искомаго, желаннаго Анюя. При устьѣ небольшаго ручейка расположились мы ночевать. Надъ нашими головами летѣло два стада гусей, а надъ ними несся соколъ. Внезапно устремился онъ на стадо; одинъ изъ гусей свернулся и упалъ мертвымъ на землю; а мы поспѣшили завладѣть добычею сокола, благодаря Провидѣніе за столь неожиданную помощь.

Августа 26-го расположились мы лагеремъ въ небольшой тополевой рощицѣ, на мысу, образуемомъ соединеніемъ рѣкъ *Анюя* и *Шичутины*. Отпустивъ лошадей на лугъ, покрытый высокою, сочною травою, еще до наступленія ночи устроили мы заколъ на Шичутинѣ и поставили тамъ нашъ неводъ. Спустя не болѣе часа послѣ того, неводъ началъ утопать; мы поспѣшили его вытащить и нашли въ немъ до двухъ сотъ рыбъ

разной величины. Тотчасъ разложили мы большой огонь и всѣ принялись варить и жарить нашу добычу; а довольно сильный морозъ позволилъ намъ даже полакомиться свѣжею *струганиною*.

Подкрѣпившись изобильнымъ, сытнымъ обѣдомъ, снова принялись мы за ловлю, и работая всю ночь, наловили до 800 рыбъ. Заря играла уже на восточной части неба, когда мы легли отдыхать.

Еслибы случай привелъ насъ къ рѣкѣ недѣлею ранѣе или позже, вѣроятно, наша рыбная ловля не была бы столь удачна. Мы вышли на Анюй именно въ тотъ самый періодъ, когда рыба ищетъ для зимовки глубокихъ мѣстъ, уходя изъ небольшихъ рѣчекъ и притоковъ, при сильной стужѣ нерѣдко совершенно вымерзающихъ. Днемъ здѣсь рыба не попадается, потому, вѣроятно, что лежитъ на днѣ, или что видитъ заколъ и сѣти. Такъ 27-го Августа неводъ нашъ пролежалъ въ водѣ цѣлый день понапрасну, а ночью, напротивъ, наловили мы до 2000 рыбъ.

Запасы наши были теперь весьма богаты, и не смотря на ненасытность Якутовъ, ежедневно умножались. Узнавши на опытѣ весь ужасъ голода, мы рѣшились устроить здѣсь складъ изъ оставшейся у насъ рыбы, для другихъ путешественниковъ, которые могутъ придти сюда во время менѣе счастливое для рыбной ловли. На двухъ лиственницахъ была нами устроена сайба, и въ нее положили мы около 5000 рыбъ. Вполнѣ насту-

пившіе морозы обезпечивали наши запасы отъ порчи. Подлѣ сайбы поставили мы большой деревянный крестъ. Впослѣдствіи два Чуванца разсказывали намъ въ Нижне-Колымскѣ, что цѣлое семейство ихъ земляковъ, томимое голодомъ, вышло на Анюй, нашло нашъ складъ и нѣсколько мѣсяцевъ питалось нашею рыбою.

Постройка сайбы заняла насъ цѣлый день 29-го Августа. Между тѣмъ лошади наши видимо поправлялись на занесенномъ снѣгомъ, но тучномъ лугу.

Августа 30-го, день незабвенный, который каждый Рускій, подданный Александра I-го, встрѣчалъ съ веселіемъ и торжествомъ, рѣшились и мы, вдали отъ нашихъ собратій, праздновать, сколько позволяли намъ наши средства. Рано по утру, Бережной прочелъ приличныя молитвы; наши полудикіе проводники стояли съ благоговѣніемъ во все время молитвы и служенія и искренно молились Богу за *Бѣлаго царя и Сына солнца* (такъ называютъ они Императора). Къ обѣду Якуты наготовили множество рыбы, во всевозможныхъ видахъ, съ приправою дикаго лука и другихъ травъ и кореньевъ. По неимѣнію водки, Бережной раздѣлилъ между проводниками остававшійся у него табакъ, а въ заключеніе, по предложенію моему, Якуты стрѣляли въ цѣль изъ луковъ, при чемъ мой большой охотничій ножъ и хорошая узда были назначены наградами побѣдителямъ. Не смотря на скудость средствъ нашихъ къ должному торжеству дня, истин-

ное веселье господствовало въ нашемъ обществѣ, и громкія пѣсни проводниковъ до самой ночи раздавались въ долинѣ. Благопріятное открытіе заключило нѣкоторымъ образомъ сегоднишнее торжество. Мы располагались на другой день ѣхать далѣе. Якуты наши пошли ловить лошадей, и нашли въ лѣсу Чуванскую сайбу, гдѣ отсутствующіе жители оставили нѣсколько зимней одежды. Такая находка была для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что морозы ежедневно усиливались, а наши платья совсѣмъ не были приспособлены къ зимнему путешествію. Взявъ изъ сайбы для каждаго изъ насъ по мѣховой рубашкѣ и по парѣ рукавицъ и сапоговъ, мы оставили тамъ въ замѣнъ достаточное количество табаку, пороха и свинца. Кромѣ того поставили мы здѣсь крестъ, въ направленіи къ построенному нами складу съ рыбою. Такіе простые указатели попадаются весьма часто въ странахъ, гдѣ кочуютъ Сибирскіе народы. Не смотря на видимую недостаточность подобныхъ указателей, они бываютъ совершенно понятны для туземцовъ и всегда достигаютъ своего назначенія.

Съ разсвѣтомъ, 31-го Августа, навьючили мы нашихъ отдохнувшихъ лошадей, и взявъ съ собою изъ съѣстныхъ припасовъ до тысячи рыбъ, отправились далѣе. Крутыя горы принуждали насъ сегодня по нѣскольку разъ переправляться черезъ Анюй, что было весьма легко, ибо отъ сильныхъ морозовъ и вѣтровъ вода въ рѣкѣ значительно спала. Къ вечеру переправились мы че-

резъ рѣку *Ебундонъ* и переночевали на лѣвомъ берегу его. Стужа усиливалась; ледъ въ небольшихъ рѣчкахъ не ломался подъ нами, и даже на Анюѣ неглубокія мѣста покрылись льдомъ.

Сентября 1-го шли мы черезъ холмы и долины, почти всю дорогу пѣшкомъ, въ надеждѣ нѣсколько согрѣться. Чуванская зимняя одежда не защищала насъ отъ холода. Анюй составляетъ здѣсь большой изгибъ вправо; онъ оставался у насъ въ сторонѣ за густымъ лѣсомъ.

Сентября 3-го, мы снова выбрались на Анюй и ѣхали 12-ть часовъ шибкою рысью, надѣясь достигнуть Юкагирскаго лѣтовья, но темнота принудила насъ остановиться на ночлегѣ въ лѣсу. Здѣсь, и на дорогѣ сюда, видѣли мы нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей, гдѣ Юкагиры обыкновенно сторожатъ стада оленей. Казалось, что охота ихъ была несчастлива; около шалашей не было видно, ни роговъ, ни другихъ остатковъ убитыхъ животныхъ.

Рано поутру были мы разбужены говоромъ и пѣснями Юкагирскихъ женщинъ; онѣ проводили ночь недалеко отъ насъ, за холмомъ, и стерегли заколъ, устроенный для рыбной ловли на рѣкѣ *Елошбалъ*. Новости, разсказанныя ими, были для насъ нерадостны: по берегамъ Колымы и обоихъ Анюевъ свирѣпствовалъ голодъ. Оленья охота и рыбная ловля равно были неудачны, и все народонаселеніе здѣшней страны съ трепетомъ ожидало ужасной наступавшей зимы.

Въ 5-ти верстахъ отсюда находились юрты

встрѣченныхъ нами Юкагирокъ на лѣвомъ берегу Елошбала. Тамъ жило ихъ пять семействъ. Насъ приняли радушно и отвели намъ самый большой балаганъ. Якуты наши были въ восторгѣ, что наконецъ нашли людей, съ терпѣливымъ вниманіемъ слушавшихъ разсказы ихъ объ нашемъ путешествіи, опасностяхъ, какимъ мы подвергались, мужествѣ и рѣшимости, оказанныхъ при разныхъ случаяхъ всѣми членами нашего общества. Какъ обыкновенно въ сѣверной Сибири, Якуты хвастали безсовѣстно и лгали ужасно. Присутствіе наше нимало не стѣсняло Якутовъ, а напротивъ, неоднократно призывали они насъ въ свидѣтели, и, казалось, сами твердо вѣрили справедливости своихъ разсказовъ.

Бережной объявилъ мнѣ, что онъ намѣренъ прожить здѣсь нѣсколько недѣль, отдохнуть отъ труднаго путешествія и дать лошадямъ время оправиться и собраться съ силами на здѣшнемъ хорошемъ лугу. Окончивъ осмотръ тундры, я рѣшился посвятить, остававшееся до наступленія зимы время, описанію Малаго Анюя до Нижне-Колымска, на протяженіи 500 верстъ. Съ сею цѣлью, велѣлъ я сколотить мнѣ изъ осиновыхъ бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями, плотъ *, и придѣлать для управленія его два ве-

* Такіе плоты строются слѣдующимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ, довольно толстыхъ шестовъ (легкихъ деревъ, главнѣйше осинъ и тополей), связываются тончайшими ихъ концами, которые и составляютъ верхній конецъ плота, а толстые концы шестовъ располагаются отъ него, какъ радіусы круга, въ нѣкото-

сла. Къ 6-му Сентября плотъ мой былъ приготовленъ, и я отправился на утломъ суднѣ моемъ далѣе. Лоцманомъ въ порогахъ и отмѣляхъ Анюя отпустилъ со мною старый Юкагиръ своего сына, мальчика лѣтъ пятнадцати, а въ замѣнъ того позволилъ я отцу пользоваться на охотѣ моимъ ружьемъ, порохомъ и свинцомъ.

Проплывъ 5-ть верстъ, мы замѣтили на берегу дикаго оленя. Мой проводникъ, хорошій стрѣлокъ, убилъ его стрѣлою. Обрадованные столь неожиданнымъ приращеніемъ съѣстныхъ припасовъ, мы привязали добычу къ плоту и поплыли далѣе. Къ вечеру достигли мы скалы *Черевокъ*, обрывомъ упирающейся въ рѣку. Здѣсь, въ настоящее время года, обыкновенно находится нѣсколько Юкагирскихъ лѣтовьевъ, но къ несчастію, мы никого не нашли, что было тѣмъ досаднѣе, что мы забыли взять съ собою огниво, и принуждены были провести холодную ночь безъ огня, довольствуясь, вмѣсто теплой пищи, ножными жилами и мозгомъ убитаго оленя, которые ѣдятъ сырьемъ, почитая величайшимъ лакомствомъ.

До восхода солнца, мы уже отправились въ путь. Трудно представить себѣ путешествіе затруднительнѣе нашего. Неуклюжій плотъ не слу-

ромъ разстояніи одинъ отъ другаго; промежутки между ними наполняются другими мѣлкими шестами, и все перевязывается и переплетается ивовыми прутьями. Такимъ образомъ устроенный плотъ имѣетъ видъ огромнаго клина, и при своей остроконечной формѣ плаваетъ хорошо и быстро.

шался веселъ и безпрестанно задѣвалъ за камни и отмѣли, и то вертѣлся среди рѣки, то шелъ кормою впередъ. Силы наши были недостаточны управлять столь неповоротливымъ судномъ. При спускахъ съ высокихъ пороговъ, плотъ нашъ погружался переднимъ концомъ въ волны, и вода покрывала насъ, такъ, что мы были насквозь промочены. Въ такомъ положеніи, безпрестанно цѣпляясь за мокрыя бревна, чтобы не упасть въ рѣку, провели мы день, и къ вечеру причалили въ устье Лабунгены, впадающей съ сѣвера въ Анюй. Ночь провели мы опять безъ огня.

Въ полдень 8-го Сентября, увидѣли мы на берегу дымъ и поспѣшили туда, надѣясь найдти тамъ людей, но—напрасно. Въ замѣнъ того нашли мы тлѣющій костеръ, разложенный, вѣроятно, во время ночи охотниками, или рыбаками. Тотчасъ воспользовались мы счастливою находкою, развели большой огонь и сварили себѣ славную похлебку изъ оленины. Подкрѣпившись, и высушивъ по возможности наши платья, поѣхали мы далѣе, но зная изъ опыта, какъ непріятно проводить холодныя ночи безъ огня, устроили на плоту родъ очага, и въ немъ цѣлый день поддерживали небольшой огонекъ, что было возможно потому, что отсюда пороги прекращаются и Анюй принимаетъ спокойное, хотя и быстрое теченіе. Впрочемъ, предосторожность наша оказалась лишнею. Къ ночи достигли мы подошвы горы Обромъ, гдѣ находились лѣтовья нѣсколькихъ Юкагирскихъ семействъ. Къ несчастью, они

могли намъ предложить только шалашь изъ вѣтвей и огонь, и—ничего болѣе, потому что сами терпѣли голодъ и уже два дни ничего не ѣли. Угостивши нашихъ хозяевъ олениною, мы провели здѣсь ночь весьма спокойно, въ сравненіи съ предыдущими. На другой день отправились мы далѣе, но за сильнымъ вѣтромъ и противнымъ волненіемъ, достигли только до залива *Мунголь*. Сентября 11-го мы ночевали въ Плотбищѣ, а 12-го въ Маломъ Вѣтренномъ. Всю сію страну посѣщалъ уже я съ докторомъ Кибером въ прошломъ году. Тогда жилъ здѣсь довольный, и по своимъ понятіямъ, счастливый народъ, но теперь все было мертво и пусто. Въ покинутыхъ хижинахъ гнѣздились птицы, голодные волки рыскали кругомъ. Печальная картина Сѣвера! Немногіе, неистребленные еще голодомъ жители разсѣялись по тундрѣ, отыскивая себѣ пропитаніе. Въ Маловѣтренномъ нашли мы нѣсколько Юкагировъ, едва похожихъ на людей. Они принадлежали къ богатому нѣкогда семейству Коркина, который въ прошломъ году такъ гостепріимно угощалъ насъ. И нынѣ, не смотря на совершенную нищету свою, онъ предложилъ намъ все, что могъ—немного рыбы. Боясь оскорбить старика, мы должны были хоть отвѣдать его пищи. Несчастные жители принимались за пищу только однажды въ 48 часовъ! Нѣкогда здоровый, сильный народъ, теперь едва таскался и былъ болѣе похожъ на мертвецовъ, нежели на людей.

Нашъ плотъ отъ долгаго плаванія весьма по-

страдалъ и не могъ противостоять большимъ льди-намъ, которыя неслись по рѣкѣ. Добродушный Коркинъ, видя мое затрудненіе, предложилъ мнѣ свой карбасъ, на которомъ и отправился я далѣе. Вѣтеръ былъ попутный; мы поставили парусъ, и въ короткое время достигли Молоткова, гдѣ нѣ-сколько Юкагирскихъ семействъ рыбною ловлею снискивали себѣ скудное пропитаніе.

Не смотря на быстрое теченіе, Анюй далъ уже большіе забереги и мѣстами покрылся тонкимъ льдомъ; онъ ломался однакожь отъ напора на-шего карбаса. Зимніе морозы приближались. Пер-вое обитаемое мѣстечко, Байково, лежитъ отсюда въ 100 верстахъ. Опасаясь замерзнуть на рѣкѣ прежде, нежели достигнемъ его, я рѣшился, на всякій случай, нанять въ Молотковѣ семь собакъ съ партою, и взять ихъ съ собой на лодку.

Съ разсвѣтомъ 15-го Сентября, мы выѣхали изъ Молоткова и мѣстами съ трудомъ и опасностью пробивались сквозь ледъ. Не смотря на то, про-ѣхали мы 50-ть верстъ, и къ ночи достигли Рус-скаго острова, покрытаго густымъ, высокостволь-нымъ лиственничнымъ лѣсомъ. Недалеко отъ не-го, двѣ большія льдины затерли нашу лодку, и съ трудомъ, промокши насквозь, выбрались мы на берегъ, вытащивъ съ собою собакъ, парту и наши вещи. Здѣсь предстояло намъ прожить нѣсколько дней, а потому тотчасъ устроили мы себѣ шалашъ изъ шестовъ и вѣтвей, покры-ли его сверху мхомъ, снѣгомъ и облили водою, такъ, что составили себѣ довольно прочное и

теплое жилище. Привязавъ собакъ вокругъ шалаша, и обезопасивъ тѣмъ себя отъ внезапнаго нападенія медвѣдей, мы развели огонь, сварили ужинъ и провели ночь весьма хорошо.

Два дни прожили мы на островѣ. Ледъ былъ такъ еще тонокъ, что 17-го Сентября спутникъ мой проломился на немъ и едва спасся.

Наконецъ, 18-го Сентября можно было ѣхать далѣе, и мы счастливо переправили свою нарту на южный берегъ рѣки. Собаки наши были еще очень слабы, такъ что едва тащили пустыя сани. Мы подвигались медленно, и въ два дни проѣхали только 15-ть верстъ. Не смотря на сильные морозы, ледъ былъ еще тонокъ и два раза проламывался подъ нартою.

Сентября 20-го ледъ нѣсколько скрѣпъ; собаки по хорошей дорогѣ бѣжали скорѣе. Въ 15-ти верстахъ отъ ночлега замѣтили мы на лѣвомъ берегу дымъ. Я поспѣшилъ туда, въ надеждѣ найдти людей, но въ срединѣ рѣки ледъ подо мной проломился, и только съ помощью шеста удержался я надъ водою. Къ счастью, подоспѣлъ Юкагиръ и на нартовомъ ремнѣ вытащилъ меня на твердый ледъ. Обходомъ мы достигли берега и встрѣтили тамъ бѣдное семейство Ламутовъ. Они лишились оленей, своего единственнаго богатства, и перешли сюда для рыбной ловли. Ламуты были счастливѣе Юкагировъ, имѣя у себя порядочный запасъ сушеной и мерзлой рыбы, и уступили намъ ее достаточное количество, для насъ и нашихъ собакъ. Ночью подулъ, такъ на-

зываемый, *теплый вѣтеръ*, и принудилъ насъ оставаться два дня на мѣстѣ. Только 23-го Сентября отправились мы далѣе, и не безъ опасности достигли деревни Байковой. Здѣсь еще лѣтовало одно Русское семейство изъ Нижне-Колымска.

Наконецъ, 24-го Сентября возратился я въ Колымскій острогъ, послѣ 94-хъ дневнаго отсутствія.

ГЛАВА VIII.

Четвертая поѣздка по льду и опись берега до острова Колючина. Отъѣздъ. Встрѣча съ Чукчами на Шелагскомъ мысѣ. Сказанія о землѣ на Сѣверѣ. Путь по морю. Полыньи и тонкій ледъ. Поворотъ. Опасное положеніе. Потеря части запасовъ. Выѣздъ на берегъ. Встрѣча съ г. Матюшкинымъ. Извѣстіе о Шалауровѣ. Продолженіе описи морскаго берега до острова Колючина. Замѣчанія о Чукчахъ. Недостатокъ путевыхъ припасовъ и крайнее изнуреніе собакъ. Возвращеніе. Заключеніе.

Зима 1822-го и 1823 гг., по понятіямъ здѣшнихъ обитателей, была гораздо умѣреннѣе обыкновеннаго, потому что термометръ только однажды (10-го Января) спустился на 37° мороза, и сѣверныя сіянія показывались рѣдко и слабо. Не смотря на то, нельзя было рѣшиться предпринять зимою путешествіе по Ледовитому морю, гдѣ стужа сама по себѣ сильнѣе, а при совершенномъ недостаткѣ прочнаго жилища и топлива, гораздо чувствительнѣе. Потому отложилъ я путешествіе до наступленія болѣе умѣреннаго времени года, а между тѣмъ занимался затруд-

нительными и продолжительными сборами и приготовленіями къ поѣздкѣ, или сидя въ моей хижинѣ, у ярко пылающаго чувала, за толстыми ледяными окнами, приводилъ въ порядокъ и записывалъ сдѣланныя въ теченіе прошлаго лѣта наблюденія и описи.

Пріѣздъ г-на Тарабукина, бывшаго Верхоянскаго Окружнаго Исправника, занявшаго туже самую должность въ Колымскѣ, произвелъ весьма пріятную перемѣну въ однообразіи нашей жизни. Дѣятельный чиновникъ сей, принимая живѣйшее участіе въ успѣхѣ нашей экспедиціи, и зная при томъ очень хорошо здѣшнюю страну, всячески старался намъ быть полезнымъ.

Въ прошломъ году рыбная ловля была весьма изобильна, и собаки, въ которыхъ мы всего болѣе нуждались для нашей поѣздки, съ прекращеніемъ заразы, оправились и снова размножились. Г. Тарабукинъ употребилъ сіи и другія благопріятныя обстоятельства въ нашу пользу, ни мало не стѣсняя тѣмъ обитателей, а напротивъ, доставляя имъ отъ того выгоды. Большіе запасы корма для собакъ были перевезены въ станъ нашъ у Большой Баранихи, къ Малому Баранову Камню и въ Сухарное, а также въ Походскъ, Черноусову, Малое Чукочье и въ Нижне Колымскъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ семъ отношеніи были мы обезпечены.

Зная на опытѣ, какъ мало можно надѣяться на вспомоществованіе окрестныхъ жителей, при всемъ стараніи могущихъ доставить только не-

большое число собакъ, годныхъ для дальняго и продолжительнаго путешествія, я не ограничился Колымою, а обратился къ прибрежнымъ жителямъ рѣкъ Индигирки, Хромы и Яны, у которыхъ собаки обыкновенно бываютъ очень хорошо выѣзжены. Для вѣрнѣйшаго успѣха, объѣхалъ я самъ сіи страны и остановился на нѣкоторое время въ Устьянскѣ, гдѣ сопутникъ мой, лейтенантъ Анжу, оказалъ мнѣ дѣятельное вспомоществованіе. Мнѣ удалось уговорить племена, живущія по берегамъ упомянутыхъ рѣкъ, выставить для предлежащаго путешествія нашего 15-ть хорошихъ нартъ, съ самыми надежными собаками и провіантомъ на два мѣсяца. Обезпеченный и съ сей стороны, возвратился я въ концѣ 1822 года въ Нижне-Колымскъ, и съ увѣренностью могъ надѣяться, что для успѣшнаго окончанія нашей экспедиціи, не представится уже никакого существеннаго и неудобо отклонимаго препятствія.

Употребивъ въ пользу время, до нашего отъѣзда остававшееся, отправилъ я 30-го Января 1823-го года, штурмана Козьмина, на двухъ нартахъ, къ Медвѣжьимъ островамъ, для точнѣйшаго опредѣленія положенія Крестоваго острова, и чтобы увѣриться въ существованіи предполагаемаго въ томъ краю другаго острова подъ тѣмъ же названіемъ. Февраля 17-го, не смотря на сильные морозы, окончилъ г. Козьминъ свое чрезвычайно трудное путешествіе и представилъ мнѣ подробныя описи, какъ Медвѣжьихъ острововъ

вообще, такъ и Крестоваго особенно. Онъ убѣдился, что другой Крестовый островъ не существуетъ; по крайней мѣрѣ, всѣ разъѣзды и старанія г. Козьмина найдти его, были тщетны.

Между тѣмъ мы безпрестанно занимались приготовленіями къ нашему послѣднему большому путешествію по льду, которымъ должно было довершить исполненіе даннаго намъ порученія. Не только люди, собственно для экспедиціи назначенные, но и всѣ жители мѣстечка, работали дѣятельно; старыя нарты тщательно исправлялись, новыя приготовлялись, дорожныя палатки приводились въ порядокъ, и проч. Мало по малу, собралось столько нартъ, съ надлежащимъ числомъ собакъ, что согласно моему желанію, нашелъ я возможнымъ раздѣлить экспедицію на двѣ части, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ г. Матюшкина, должна была описать Чукотскій берегъ до Сѣвернаго мыса, тогда, какъ я съ другою частію, хотѣлъ предпринять путешествіе по льду въ Ледовитое море, чтобы еще разъ попытаться отыскать предполагаемую тамъ большую землю. Берега твердой земли обѣщали болѣе предметовъ для изысканій естествоиспытателя, нежели льдины и торосы Ледовитаго моря, потому докторъ Киберъ отправился съ г-мъ Матюшкинымъ. Мнѣ сопутствовалъ штурманъ Козьминъ.

Получивъ извѣстіе, что собаки и нарты съ береговъ Индигирки и Хромы прибыли въ Походскъ, поспѣшилъ я съ г-мъ Тарабукинымъ

осмотрѣть и принять ихъ. Къ сожалѣнію оказалось, что большею частію собаки были изнурены, и не могли выдержать путешествія по Ледовитому морю, а потому принуждены мы были отпустить ихъ обратно. Лучшихъ взяли мы съ собою въ Сухарное, гдѣ, съ 14-го Февраля, 60 собакъ, т. е. пять упряжекъ, выбранныхъ изъ всего Колымскаго округа, откармливались и приготовлялись къ поѣздкѣ. Съ ними и съ лучшими изъ остальныхъ нартъ оставили мы, 26-го Февраля, Сухарное и направили путь на востокъ по берегу. Марта 1-го догналъ насъ посланный нарочно изъ Нижне-Колымска казакъ, и привезъ мнѣ отъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора бумаги, заключавшія въ себѣ инструкцію для занятій экспедиціи въ семъ году. Стоитъ замѣтить, что сіи бумаги пролетѣли, можно сказать, огромное разстояніе, до 11,000 верстъ, между С. Петербургомъ и устьемъ рѣки Березовой, въ Ледовитое море, не болѣе, какъ въ 88 дней, включая еще и тѣ дни, пока по полученнымъ изъ столицы предписаніямъ, составлялась въ Иркутскѣ моя инструкція. Для проѣзда такого разстоянія съ обыкновенною почтою надобно, по крайней мѣрѣ, 6½ мѣсяцовъ. Я воспользовался случаемъ и послалъ Начальству съ возвращавшимся казакомъ отчетъ о нашихъ работахъ, который не могъ быть однакожь слишкомъ подробенъ, ибо составлялся на льду, подъ открытымъ небомъ, при 22° холода. Съ тѣмъ же казакомъ отправилъ я двѣ изъ моихъ Индигирскихъ нартъ, ибо меж-

ду собаками ихъ оказались признаки болѣзни. Отославъ казака, продолжали мы путь съ 19-тью нартами, и въ тотъ же вечеръ достигли балагана у Баранихи, выстроеннаго нами въ прежнее путешествіе. Здѣсь нашли мы благодѣтельную защиту отъ мороза, усилившагося до 33°.

Не теряя времени, занялись мы не совсѣмъ легкою работою: раздѣлять и поровну нагружать на нарты съѣстные припасы и другія вещи, теперь привезенныя нами и прежде сюда присланныя. Изъ съѣстныхъ припасовъ взяли мы $7^1/_2$ пудовъ ржаныхъ сухарей, 6 пудовъ свѣже-замерзшаго мяса, 3 пуда съ половиною крупы, пудъ *затурану* *, 1260 штукъ юколы, 224 омуля, 12 гусей, 12 фунт. чаю, 10 фунт. сахару, 15 фунт. леденцу, 8 кружекъ винпаго спирта, 20 ф. соли, 20 ф. масла, пудъ Черкасскаго табаку, 5 пудовъ рыбьяго жира и 88 штукъ сухихъ березовыхъ дровъ. Для корма собакъ ** назначалось до 7000 штукъ юколы, 4000 сельдей и еще нѣсколько другой рыбы.

Кромѣ того, должны мы были взять съ собою еще слѣдующія вещи: *уросъ*, т. е. палатку изъ оленьихъ кожъ, съ припадлежностями, двѣ пѣшни, двѣ лопаты, два топора, чайникъ и котелъ съ треножникомъ, 5 ружей, 5 пикъ, 100 бое-

* *Затураномъ* называется мука, зажареная въ маслѣ или въ рыбьемъ жирѣ, которую кипятятъ потомъ въ водѣ и пьютъ, какъ чай.

** Ежедневною порціею корма для каждой собаки назначалось 1 юкола и 3 сельди, или 2 юколы.

выхъ патроновъ, карманный фонарь и нѣсколько восковыхъ свѣчь, два секстана, два искуственныхъ ртутныхъ горизонта, карманный хронометръ, фунтъ ртути и лотъ съ линемъ, размѣреннымъ на футы. Все это помѣщалось на нашихъ 19 нартахъ.

Три дни занимались мы разборомъ и нагрузкою. Марта 4-го все было готово, но сильный штормъ отъ WNW препятствовалъ намъ отправиться въ путь. Вѣтеръ дулъ такими порывами, что неоднократно угрожалъ опрокинуть нашъ балаганъ, и при томъ холодъ увеличился до 25°. Хижина доставляла намъ еще хоть какую нибудь защиту, но собаки наши оставались цѣлый день подверженныя всей ярости вихря, который, взвѣвая густыя массы снѣгу, затемнялъ воздухъ. На другой день должны мы были отрывать изъ снѣжныхъ бугровъ нарты и собакъ.

Марта 5-го буря утихла, и мы поѣхали далѣе. Безъ всякихъ, замѣчанія достойныхъ приключеній, достигли мы 8-го Марта Шелагскаго мыса, гдѣ счастливый случай сблизилъ насъ съ народомъ, знакомство котораго до сихъ поръ тщетно старались мы пріобрѣсть.

На двухъ нартахъ опередилъ я съ г-мъ Козьминымъ нашихъ товарищей, желая отыскать удобное мѣсто для ночлега, на узкомъ перешейкѣ, къ югу отъ мыса лежащемъ, какъ вдругъ изъ-за торосовъ появился Чукча, на легкихъ санкахъ, запряженныхъ двумя оленями. Онъ остановился въ

нѣкоторомъ разстояніи и закричалъ намъ что-то; но видя, что мы не понимаемъ, сдѣлалъ рукою знакъ; мы подошли къ нему, и не зная Чукотскаго языка, не могли съ нимъ объясняться. Желая однакожь воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, и завести ближайшее знакомство съ симъ народомъ, я всячески старался знаками удержать Чукчу, надѣясь, что между тѣмъ пріѣдетъ переводчикъ, оставшійся назади съ другими нартами. Не знаю, понялъ ли меня нашъ новый знакомецъ, но онъ вышелъ изъ саней, не показывая нималѣйшей боязни и недовѣрчивости, вынулъ свою *гамзу* (трубку) и потребовалъ отъ насъ табаку. Я поспѣшилъ исполнить его желаніе; онъ очень спокойно расположился курить. Но вскорѣ послѣ того, проговорилъ нѣсколько разъ слово: *Камакай* (что означаетъ старшину или начальника), вскочилъ въ сани свои и скрылся между торосами. Вечеромъ, когда все общество собралось и расположилось лагеремъ, посѣтили насъ трое Чукчей; двое изъ нихъ ѣхали въ саняхъ, а третій бѣжалъ подлѣ нихъ, погоняя оленей. Приближаясь къ лагерю, Чукчи, сидѣвшіе въ саняхъ, дѣлали обѣими руками разныя странныя движенія и знаки, желая, вѣроятно, показать, что они пришли безъ оружія и съ дружелюбнымъ намѣреніемъ. Они остановились не далеко отъ лагеря, и малорослый Чучка, лѣтъ 60-ти, закутанный въ мохнатую кухлянку, безбоязненно подошелъ къ намъ, объявляя, что онъ *Камакай* Чукотскихъ племенъ, обитающихъ по бере-

гамъ Чаунскаго залива. Его смѣлыя и быстрыя движенія обнаруживали сильное тѣлосложеніе, а маленькіе блестящіе глаза выражали мужество и самонадѣянность. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія: *Торома* *, велѣлъ онъ вынуть изъ своихъ саней жирный бокъ тюленя и кусокъ свѣжаго медвѣжьяго мяса, и подарилъ мнѣ ихъ, какъ произведеніе своей страны. Я привелъ его въ нашу палатку, угощалъ табакомъ, рыбою и проч., и онъ велъ себя такъ непринужденно и спокойно, какъ будто бы мы были съ нимъ старые знакомцы. Черезъ переводчика разговаривалъ я съ нимъ, и съ удовольствіемъ слушалъ его замѣчанія.

Всего болѣе желательно ему было знать, что насъ побудило въ такое холодное время года предпринять столь дальнюю поѣздку? Потомъ спрашивалъ онъ: много ли насъ и вооружены ли мы? Отвѣчая ему на вопросы, всячески старался я объяснить, что наше посѣщеніе совершенно мирное. Не смотря на то, казалось, что внезапное появленіе наше возбудило въ дикарѣ недовѣрчивость, и проницательные взоры его слѣдили за каждымъ движеніемъ нашимъ. Впрочемъ, онъ былъ очень скроменъ, и съ добродушною откровенностью отвѣчалъ на всѣ наши вопросы. Между прочимъ, желали мы знать, видѣли ли Чукчи деревянный крестъ, поставленный нами въ 1820 году на горахъ Шелагскаго мыса? «Мы видѣли

* Торома есть испорченное русское слово: *здорово*, перенятое Чукчами у Русскихъ на Островной ярмаркѣ.

вашъ крестъ и не тронули его,» отвѣчалъ Камакай, и разсказалъ, что онъ первый увидѣлъ крестъ и тѣмъ болѣе удивлялся такому явленію, что въ окрестностяхъ не замѣтно было никакихъ слѣдовъ недавняго посѣщенія. На слѣдующую весну тюленья и медвѣжья охоты были особенно удачны; Чукчи приписали это вліянію креста и принесли ему на жертву бѣлаго оленя. Напротивъ того, другой крестъ, поставленный священникомъ Слѣпцовымъ на берегу Чаванской или Чаунской рѣки, былъ ими сломанъ и сожженъ, потому что жителямъ тѣхъ мѣстъ показалось, будто со времени сооруженія его рѣка сдѣлалась малорыбною. Также разсказывалъ онъ намъ, что Чукчи не имѣютъ постояннаго жилища на Шелагскомъ мысѣ, но обыкновенно собираются туда въ Мартѣ мѣсяцѣ, для охоты за бѣлыми медвѣдями, которыхъ, вооруженные одними копьями, съ удивительною смѣлостью преслѣдуютъ и умерщвляютъ они среди самыхъ неприступныхъ торосовъ. Старикъ выдавалъ себя за потомка древнихъ *Шелаговъ*, или, какъ Чукчи обыкновенно называютъ, *Чавановъ*, много лѣтъ тому назадъ, двинувшихся на западъ по морскому берегу, и болѣе невозвращавшихся. Отъ имени сего народа рѣка и заливъ получили названіе *Чаванскихъ*, или *Чаунскихъ*. Часа черезъ два, гость нашъ разстался съ нами, очень довольный, какъ казалось, ласковымъ пріемомъ и полученными при прощаньи подарками.

На слѣдующій день, 9 Марта, Камакай посѣ-

тилъ насъ съ своими женами, дѣтьми и съ однимъ молодымъ Чукчею, котораго представилъ намъ, какъ своего племянника. Мы предложили гостямъ чаю, но они только отвѣдали его, и съ видимымъ отвращеніемъ вылили остальное, а потомъ каждый вырѣзалъ себѣ по большому куску свѣжаго, твердаго снѣгу и принялся жевать его *, чтобы истребить чайный вкусъ и прохладиться. Сахаръ имъ весьма понравился. Замѣчательно, что несмотря на чрезмѣрное употребленіе табаку, который Чукчи безпрестанно курятъ, нюхаютъ и жуютъ, они несовершенно притупили свой вкусъ. Племянникъ Камакая разсказалъ намъ, что онъ ѣлъ много сахару на ярмаркѣ въ Островномъ, когда его тамъ крестили. Мы сдѣлали ему нѣсколько вопросовъ объ его крещеніи; но кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, онъ ничего не помнилъ, и даже забылъ данное ему имя. Жена его, также крещеная, хотя знала, что мужа называютъ *Николаемъ*, а ее *Агафьею*, и показывала намъ данные имъ кресты; но тѣмъ ограничивались всѣ ея воспоминанія. Проводники наши поспѣшили показать ей, какъ должно креститься и кланяться въ землю, что она, къ радости гордаго своего мужа, очень скоро переняла. Маленькій сынъ ея, мальчикъ лѣтъ десяти, воспользовался тѣмъ, что всеобщее вниманіе было обращено на такую сцену и спряталъ очень искусно

* Въ послѣдствіи часто замѣчали мы, что большой кусокъ свѣжаго снѣгу, несмотря на сильный холодъ, составляетъ всегда лакомство для Чукчей, и послѣ каждаго кушанья служитъ имъ, какъ будто десертомъ.

въ свою широкую кухлянку пару ножей, нѣсколько бисеру и другихъ мелочей. Нежелая нарушать добраго между нами согласія, я притворился, будто бы не замѣчаю воровства.

Камакай былъ, въ своемъ родѣ, довольно образованный человѣкъ. Узнавши цѣль нашей поѣздки, и увѣрившись, повидимому, что мы не имѣемъ намѣреній, опасныхъ свободѣ народа его, а напротивъ желаемъ только точнѣе узнать положеніе и свойство береговъ, чтобы открыть, какимъ путемъ могутъ Русскіе доставлять Чукчамъ табакъ и другіе товары, онъ описалъ намъ подробно, не только границы земли своей отъ Большой Баранихи до Сѣвернаго мыса, но даже нарисовалъ углемъ на доскѣ положеніе Шелагскаго мыса, называя его *Ерри*. Въ Чаунскомъ заливѣ назначилъ онъ островъ *Араутанъ* совершенно правильно, по формѣ и положенію, а къ востоку отъ него другой маленькій островъ, который въ послѣдствіи и нашли мы; онъ утверждалъ увѣрительно, что кромѣ сихъ двухъ, на всемъ протяженіи нѣтъ никакихъ болѣе острововъ. На вопросъ нашъ, не существуетъ ли какая нибудь земля на морѣ къ сѣверу отъ Чукотскихъ береговъ? подумавъ нѣсколько, разсказалъ онъ слѣдующее: «Между мысомъ *Ерри* (Шелагскимъ) и *Ир-Кайпіо* (Сѣвернымъ), близъ устья одной рѣки, съ невысокихъ прибрежныхъ скалъ въ ясные лѣтніе дни бываютъ видны на сѣверѣ, за моремъ, высокія, снѣгомъ покрытыя горы, но зимою однакожъ ихъ не видно. Въ прежніе годы

приходили съ моря, вѣроятно, оттуда, большія стада оленей, но преслѣдуемыя и истребляемыя Чукчами и волками, теперь они не показываются. Самъ онъ однажды преслѣдовалъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, цѣлый день, стадо оленей на своихъ саняхъ, запряженныхъ двумя оленями, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, морской ледъ сдѣлался столь неровенъ, что онъ принужденъ былъ возвратиться.» По мнѣнію Каймакая, видѣнныя съ береговъ горы находились не на острову, а на такой же пространной землѣ, какъ его родина. Отъ отца своего слышалъ онъ, что въ давнія времена, одинъ Чукотскій старшина, съ своими домочадцами, поѣхалъ туда на большой кожаной байдаркѣ, но что тамъ нашелъ онъ, и вообще возвратился ли онъ оттуда, неизвѣстно. Онъ полагалъ, что отдаленная сѣверная страна населена и доказывалъ мнѣніе свое тѣмъ, что за нѣсколько лѣтъ, на берега острова Араутана, въ Чаунскомъ заливѣ, выбросило мертваго кита, раненаго дротиками, съ остреемъ изъ шифера; а какъ Чукчи не имѣютъ такихъ оружій, то должно предполагать, что такіе дротики употребляются жителями неизвѣстной страны *. Основываясь на томъ, что съ высоты даже Шелагскихъ горъ не видно на сѣверѣ никакой земли, Камакай полагалъ, что она противъ того мѣста, гдѣ

* Извѣстно, что Алеуты бьютъ китовъ острогами съ шиферными остреемъ; а какъ киты плаваютъ очень скоро, то можно полагать, что упоминаемый здѣсь китъ раненъ былъ на Алеутскихъ островахъ.

видны высокія, снѣгомъ покрытыя горы, образуетъ мысъ, далеко вдающійся въ море.

Я сдѣлалъ старику нѣсколько подарковъ, за готовность его, съ которою отвѣчалъ онъ на наши вопросы, увѣряя, что если такіе разсказы окажутся истинными, то само Правительство не преминетъ доставить ему приличное награжденіе. Онъ былъ за все очень благодаренъ и просилъ меня походатайствовать, чтобы *Бѣлый Царь* прислалъ ему желѣзный котелъ и мѣшокъ табаку, которыхъ ему недостаетъ для совершеннаго счастія. Я долженъ былъ обѣщать, что употреблю съ моей стороны всѣ усилія, и помогу ему достигнуть цѣли его желанія. Тогда Камакай и его сопутники простились съ нами, весьма довольные знакомствомъ и пріемомъ.

Марта 9-го числа, воспользовавшись ясною погодою, взялъ я полуденную высоту, и 22-мя лунными разстояніями опредѣлилъ положеніе перешейка подъ 70° 2′, 59″ широты и 171° 3′ 15″ восточной долготы отъ Гринвича. Склоненіе стрѣлки въ ручномъ пейль-компасѣ по азимутамъ, при соотвѣтствующихъ высотахъ солнца, найдено 18° 3′ восточн.

На слѣдующій день продолжали мы путь черезъ перешеекъ, направляясь къ восточной сторонѣ Шелагскаго мыса. Къ морозу въ 26° присоединился столь сильный вѣтеръ отъ NW+N, что многія нарты были имъ опрокинуты и повреждены, а другія отстали и потеряли изъ вида передовыя сани; къ тому поднялась густая

мятель, совершенно препятствовавшая отличать покрытый снѣгомъ берегъ отъ морской поверхности, такъ что, вѣроятно, многіе изъ нашихъ спутниковъ заблудились бы во льдахъ, еслибы увеличивающіеся торосы не показывали имъ отдаленія земли.

Берегъ, на протяженіи 18-ти верстъ, обставленъ крутыми скалами, мало по малу понижающимися до устья ручейка. Здѣсь мы остановились исправить поврежденныя нарты и привести все въ порядокъ; 11-го числа вѣтеръ затихъ и сдѣлался перемѣнчивымъ; термометръ показывалъ по утру 19°, а вечеромъ 25° мороза. Въ полдень достигли мы скалы *Козьмина* и опредѣлили ея положеніе въ 70°, 00′ 55″ широты, по полуденной высотѣ солнца, и въ 171° 55′ счислимой долготы восточн. отъ Гринвича. Магнитная стрѣлка склонялась на 18° къ востоку.

Отъ сей скалы берегъ покрытъ холмами, между которыми лежали большія кучи китовыхъ реберъ, но очень мало было наноснаго лѣса. Переѣхавъ черезъ устье еще одного ручья, мы расположились на ночлегъ, въ 24-хъ верстахъ, при устьѣ значительной рѣки, протекающей среди горъ и называемой Чукчами *Верконъ*. Рѣка сія при впаденіи въ море $1^1/_2$ Италіянскихъ мили шириною. Лѣвый берегъ ея низменъ и покрытъ крупнымъ пескомъ, а правый, напротивъ, скалистъ и образуетъ крутой мысъ, обрывисто выдающійся въ море, и возвышающійся до 280 футовъ отвѣсно. Я назвалъ его *мысомъ Кибера*.

На скалѣ находится конусовидная гора, называемая Чукчами *Егокинъ*.

Версты три съ половиною сѣвернѣе мыса Кибера скалистый островъ, обставленный огромными торосами, и $2^1/_2$ верстъ въ окружности. Не зная, что Чукчи называютъ его *Амгаотонъ*, я именовалъ его *Шалауровымъ*, въ память путешественника, своею предпріимчивостію, терпѣніемъ и смертью въ сихъ краяхъ вполнѣ заслуживающаго, чтобы имя его, хоть такимъ образомъ, было сохранено для потомства. На сѣверѣ и западѣ Шалаурова острова, скалы подымаются на 15 саженъ высоты; западная сторона ихъ склоняется отлого къ морю и покрыта вся китовыми ребрами, лежащими здѣсь въ небольшихъ отдѣльныхъ кучкахъ. Они составляютъ слѣды хижинъ народа, нѣкогда здѣсь обитавшаго и питавшагося рыбою и морскими млекопитающими, преимущественно китами, употребляя ихъ огромныя ребра вмѣсто бревенъ и шестовъ при сооруженіи хижинъ. Говорятъ, что языкъ сего народа былъ непонятенъ кочующимъ оленнымъ Чукчамъ, и много сходствовалъ съ нарѣчіемъ осѣдлыхъ Чукчей на берегахъ Берингова пролива, доселѣ живущихъ въ земляпкахъ, устроенныхъ на китовыхъ ребрахъ, съ однимъ только входомъ съ верху. Впрочемъ, достаточно доказано, что осѣдлые Чукчи составляютъ съ Алеутами и Гренландцами одно поколѣніе, распространенное такимъ образомъ по берегамъ Ледовитаго моря, отъ

восточныхъ краевъ Америки до Шелагскаго мыса.

Марта 13-го дулъ слабый западный вѣтеръ, и хотя покрылъ весь небосклонъ туманомъ, но не произвелъ никакого вліянія на температуру. Термометръ показывалъ по утру 19°, а вечеромъ 25° мороза.

Нагрузившись, сколько можно болѣе, наноснымъ лѣсомъ, здѣсь нами найденнымъ, оставили мы берегъ и направили нашъ путь по льду, прямо на сѣверъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ берега зарыли мы, съ извѣстными предосторожностями, часть нашихъ запасовъ въ ледъ, который былъ здѣсь не толще $1^1/_4$ аршина. Глубина моря была 5 саженъ; грунтъ жидкій, зеленый илъ. Разгруженныя нарты отослали мы отсюда въ Колымскъ.

Марта 14-го, проѣхавъ 17 верстъ къ NNO (при 25° и 28° мороза), по довольно гладкому льду, были мы остановлены огромными торосами, чрезъ которые надлежало пешими прорубать дорогу. До поздняго вечера работали мы съ величайшими усиліями, и подвинувшись версты на три впередъ, принуждены были остановиться на ночлегъ отъ усталости и для исправленія поврежденныхъ нартъ.

На слѣдующій день, при 20° холода и пасмурной погодѣ, ѣзда была еще затруднительнѣе вчерашней. Мы работали пешими цѣлый день въ безконечныхъ торосахъ, и подвинулись только на 5 верстъ. Нарты наши, устроенныя совсѣмъ

не для такого пути, пришли въ самое жалкое положеніе, и мы принуждены были остановиться и хоть нѣсколько привесть ихъ въ порядокъ. Сегодня, на срединѣ дороги, нашелъ я глубину моря въ 19-ть саженъ; грунтъ состоялъ изъ песку, смѣшаннаго съ глиною.

Торосы становились все выше и плотнѣе, а между ними лежали огромные бугры рыхлаго наноснаго снѣга. Увѣрившись въ невозможности проникнуть далѣе съ тяжело нагруженными партами, я рѣшился оставить здѣсь большую часть нашихъ запасовъ и отослать назадъ восемь партъ. Мы вырубили во льду двѣ ямы и положили въ нихъ провіанта и корма для собакъ на 23 дня. На 4-хъ партахъ хотѣлъ я съ г-мъ Козьминымъ и пятью проводниками пробираться далѣе на сѣверъ. Мы нагрузили сани наши, какъ можно легче, и взяли съ собою только на пять дней провіанта и нѣсколько дровъ.

Сильный западный вѣтеръ, затемнявшій воздухъ мятелью, не позволялъ намъ однакожь предпринять немедленно дальнѣйшее путешествіе къ сѣверу. Ночью на 18^{e} число вѣтеръ перешелъ къ WNW, постепенно крѣпчая, превратился въ штормъ и разломалъ около нашего лагеря ледъ. Мы очутились на большой льдинѣ, саженъ пятдесятъ въ поперечникѣ. Отъ сильнаго вѣтра ледъ съ шумомъ трескался, щели разширялись и нѣкоторыя простирались до 15-ти саженъ ширины. Льдина, на которой находились мы, поплась по морю. Такъ провели мы часть ночи, въ те-

мнотѣ и ежеминутномъ ожиданіи смерти. Наконецъ наступило утро и вѣтеръ сплотилъ нашу льдину съ другими, такъ, что вечеромъ 18-го Марта были мы снова на неподвижной ледяной поверхности. Море подъ нами было въ 19 саженъ глубиною, при глинистомъ грунтѣ.

Буря затихла 19-го, и небо прояснилось, но на сѣверѣ поднимались густыя испаренія, по видимому, изъ открытаго моря, отнимая у насъ надежду проникнуть далеко къ сѣверу. Несмотря на то, мы не оставили нашего намѣренія, и рѣшились попытаться проложить себѣ дорогу, среди окружающихъ насъ торосовъ. Безпрерывно, въ теченіе цѣлаго дня работали мы, обходили огромныя трещины, еще несомкнувшіяся, и переправлялись чрезъ другія, покрытыя уже тонкою ледяною корою. Весьма медленно подвигались мы, и отъѣхавъ десять верстъ, остановились на ночлегъ у высокой льдины, имѣя въ виду Азіятскій берегъ.

Марта 20-го числа погода была ясная; вѣтеръ затихъ, сѣверная часть горизонта покрывалась темнымъ голубымъ отливомъ; термометръ показывалъ 19° холода. Огромные, одинъ на другой нагроможденные торосы, стояли стѣною, и совершенно отняли у насъ возможность проникнуть далѣе. Мы рѣшились взять направленіе на WNW, но проѣхавъ версть 8-мь, встрѣтили огромную щель, повидимому, только что затянутую тонкимъ и совершенно гладкимъ ледянымъ слоемъ. Обойти ее не было возможности, ибо она простира-

лась къ WNW и OSO до краевъ видимаго горизонта. Тутъ расположились мы на ночлегъ, на $19^1/_2$ саженяхъ морской глубины; дно моря составлялъ глинистый грунтъ, смѣшанный съ пескомъ.

На слѣдующее утро, первымъ занятіемъ нашимъ было осмотрѣть окрестности и изыскать средства къ продолженію пути. Торосы, находившіеся на сѣверномъ краю щели, были, по видимому, прежняго образованія, и казались намъ менѣе круты и плотны, а потому надѣялись мы проложить себѣ между ними дорогу далѣе къ сѣверу. Но проникнуть туда не было иного средства, какъ только переѣхать по тонкой ледяной корѣ, покрывавшей щель. Мнѣнія монхъ проводниковъ были различны. Я рѣшился на сіе предпріятіе, и при невѣроятной скорости бѣга собакъ, удалось намъ оно лучше, нежели мы ожидали. Подъ передними санями ледъ гнулся и проламывался, но собаки, побуждаемыя проводниками, и чуя опасность, бѣжали такъ скоро, что сани не успѣвали погружаться въ воду, и быстро скользя по ломавшемуся льду, счастливо достигли до противоположнаго края. Остальныя три нарты ѣхали въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ казался надежнѣе, и также всѣ благополучно переправились на другую сторону. Здѣсь принуждены мы были дать отдыхъ утомленнымъ собакамъ.

Довольно благопріятное качество льда дозволило намъ проѣхать 24 версты въ направленіи NNO, черезъ торосы и глубокій снѣгъ. Поль-

зулсь свѣтомъ прекраснаго Сѣвернаго сіянія на NO части горизонта, мы ѣхали долѣе обыкновеннаго, и уже поздно вечеромъ расположились ночлегомъ среди торосовъ.

Марта 22-го, по утру, небо было ясно, но къ полудню вѣтеръ перешелъ на западъ, скрѣпчалъ и поднялъ сильную мятель. Сегодняшняя поѣздка наша была безпрестанно прерываема полыньями, и неоднократно подвергались мы опасности утонуть. Края подобныхъ, непокрытыхъ льдомъ, мѣстъ, обыкновенно бываютъ занесены глубокимъ снѣгомъ, такъ, что передовыя собаки часто погружались въ воду, и только съ величайшими усиліями удерживали мы нарты на поверхности льда. Осторожно проѣхали мы впередъ 20 верстъ, по направленію къ NO, гдѣ нашелъ я 21 сажень глубины на илистомъ и мелкопещаномъ грунтѣ. Мы подвинулись еще на 10 верстъ, и переночевали на грунтѣ торосовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ большими щелями и представлявшихъ видъ скалистаго острова. Ночью поднялся сильный вѣтеръ отъ WNW, и разширивъ щель, привелъ насъ въ самое затруднительное положеніе. Къ счастью, вѣтеръ затихъ, и мы поспѣшили покинуть нашъ островокъ и перебраться на твердый ледъ, устроивъ себѣ изъ небольшихъ льдинъ родъ моста.

Къ ненадежности морскаго льда присоединялось еще другое неудобство, а именно недостатокъ корма для собакъ. Я рѣшился отправить двѣ нарты къ послѣднему складу нашихъ запа-

совъ, чтобы употребить оставленные для нихъ провіантъ и кормъ, а съ остальными двумя нартами проникнуть еще далѣе на сѣверъ.

Марта 23-го продолжалъ я путь на двухъ нартахъ, не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько для собственнаго успокоенія, и исполняя все зависѣвшее отъ нашихъ усилій и обстоятельствъ. До полудня было ясно и тихо, но къ вечеру вѣтеръ усилился, небо покрылось тучами и по всему протяженію горизонта отъ NW до NO подымались густыя темноголубыя испаренія, непреложное доказательство открытаго моря. Мы видѣли совершенную невозможность проникнуть далеко на сѣверъ, но несмотря на то, продолжали путь. Отъѣхавъ 9 верстъ, встрѣтили мы большую щель, въ самыхъ узкихъ мѣстахъ до 150 саженъ шириною. Она простиралась на O и на W до краевъ видимаго горизонта и совершенно преграждала намъ путь. Усиливавшійся западный вѣтеръ болѣе и болѣе расширялъ сей каналъ, а быстрота теченія въ пемъ, на востокъ, равнялась $1^1/_2$ узламъ. Мы взлѣзли на самый высокій изъ окрестныхъ торосовъ, въ надеждѣ найдти средство проникнуть далѣе, но достигнувъ вершины его, увидѣли только необозримое открытое море. Величественно-ужасный и грустный для насъ видъ! На пѣнящихся волнахъ моря носились огромныя льдины и, несомыя вѣтромъ, набѣгали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежавшую. Можно было предвидѣть, что сила волненія и удары ледяныхъ

глыбъ скоро сокрушатъ сію преграду, и море разольется до того мѣста, гдѣ мы находились. Можетъ быть, намъ удалось бы по плавающимъ льдинамъ переправиться на другую сторону канала, но то была бы только безполезная смѣлость, потому что тамъ мы не нашли бы уже твердаго льда. Даже на нашей сторонѣ, отъ вѣтра и силы теченія въ каналѣ, ледъ началъ трескаться и вода, съ шумомъ врываясь въ щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ѣхать далѣе.

Съ горестнымъ удостовѣреніемъ въ невозможности преодолѣть поставленныя природою препятствія, исчезла и послѣдняя надежда открыть предполагаемую нами землю, въ существованіи которой мы уже не могли сомнѣваться. Должно было отказаться отъ цѣли, достигнуть которой постоянно стремились мы въ теченіе трехъ лѣтъ, презирая всѣ лишенія, трудности и опасности. Мы сдѣлали все, чего требовали отъ насъ долгъ и честь. Бороться съ силою стихій и явною невозможностью было безразсудно, и еще болѣе— безполезно. Я рѣшился возвратиться.

Положеніе мѣста, откуда принуждены мы были возвратиться, было подъ 70° 51′ сѣверной широты и 175° 27′ долготы, въ 150-ти верстахъ по прямой линіи отъ берега, скрытаго отъ насъ туманомъ. Глубина моря была $22\frac{1}{2}$ сажени, на илистомъ грунтѣ.

Мы поѣхали по прежней дорогѣ, и несмотря на то, что должны были обходить многія вновь

образовавшіяся щели, въ короткое время проѣхали 35 верстъ и остановились на ночлегъ среди торосовъ. Здѣсь ледъ также былъ изчерченъ во всѣхъ направленіяхъ трещинами, но вѣтеръ примѣтно стихалъ, и онѣ уже не казались намъ опасными.

На другой день, рано по утру, отправились мы далѣе, при легкомъ западномъ вѣтрѣ и $17^{1}/_{2}^{0}$ мороза. Были причины спѣшить. Проложенная нами дорога во многихъ мѣстахъ загромождалась огромными новыми торосами, и все доказывало, что во время нашего отсутствія вся сія ледяная поверхность находилась въ движеніи. Черезъ многія широкія трещины, неудобныя для обхода, должны мы были переправляться на льдинахъ. Иногда онѣ были такъ малы, что не могли помѣстить на себѣ нартъ со всею упряжкою; мы сталкивали собакъ въ воду и онѣ переплывали на другую сторону, таща за собою льдину съ нартою. Сильныя теченія дѣлали подобныя переправы нерѣдко весьма опасными. Въ одной изъ трещинъ, недалеко отъ нашего послѣдняго склада съ провіантомъ, стремленіе воды по направленію OSO равнялось 4-мъ милямъ въ часъ. Температура воды была здѣсь $1^{3}/_{4}^{0}$, а воздуха 10^{0} холода.

Послѣ многихъ трудныхъ и опасныхъ переходовъ, поздно вечеромъ достигли мы нашего склада съ провіантомъ, куда за день передъ тѣмъ прибыли уже двѣ нарты, отосланныя нами пре-

жде. Всѣ зарытые нами припасы нашлись въ цѣлости.

Марта 25-го, слабый восточный вѣтеръ нагналъ густой туманъ и закрылъ отъ насъ берегъ. По утру было 15°, а вечеромъ только 10° холода. Съ перемѣною вѣтра, многія трещины закрылись, а въ другихъ теченіе остановилось. Не смотря на то, растрескавшійся, рыхлый ледъ, при самомъ умѣренномъ вѣтрѣ могъ совершенно разломаться и сдѣлать наше положеніе непадежнымъ. Нельзя было обращать вниманія на утомленіе собакъ, и я рѣшился, не теряя времени, перевезть всѣ наши съѣстные припасы на твердую землю. Пока занимались мы нужными приготовленіями, лучшій проводникъ мой почувствовалъ вдругъ столь сильную боль въ крестцѣ, что не могъ подняться съ мѣста; это заставило насъ пробыть здѣсь цѣлый день. Больной, оставаясь въ спокойствіи, отъ тренія водкою и жиромъ получилъ нѣкоторое облегченіе. Вообще о проводникахъ моихъ долженъ я сказать, что при величайшихъ опасностяхъ, были мужественны и хладнокровны, и безъ ропота переносили всѣ лишенія и тягости путешествія. Недалеко отъ насъ встрѣтили мы слѣды двухъ песцовъ, что возбудило въ проводникахъ врожденную страсть къ охотѣ. Скоро были сдѣланы и поставлены двѣ, довольно хитро придуманныя ловушки. Одинъ изъ песцовъ попался, а другаго, вѣроятно, долгое время и тщетно искавшаго добычи, нашли мы недалеко отъ насъ издохшимъ отъ голода.

Морозъ съ каждымъ днемъ замѣтно уменьшался. Марта 26-го при слабомъ SSO вѣтрѣ, было по утру 2°, а вечеромъ 8°. Нашъ больной чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но не могъ еще занять мѣста вожатаго на нартѣ, ибо для того требовалось слишкомъ сильное движеніе. Между тѣмъ, часъ отъ часу увеличивавшаяся ненадежность льда заставляла насъ поспѣшить перебраться на берегъ. Г-нъ Козьминъ, всегда готовый принять на себя все полезное для экспедиціи, вызвался самъ управлять нартою, а свое мѣсто уступилъ больному проводнику. Спѣша скорѣе перевезти наши запасы на берегъ, велѣлъ я, изъ взятыхъ нами матеріаловъ для починки саней, построить пятую нарту. Мы запрягли въ нее собакъ, отдѣленныхъ по возможности изъ другихъ нартъ, и ввѣрили ее управленію нашего толмача.

Несмотря на то, что мы нагрузили сани, сколько можно болѣе, надобно было значительную часть запасовъ нашихъ оставить на мѣстѣ; впрочемъ мы надѣялись еще разъ сюда возвратиться и взять остальное.

Едва проѣхали мы три версты, проложенная нами сюда дорога совершенно исчезла. Огромные торосы и вновь образовавшіяся щели преградили намъ путь, такъ что для облегченія принуждены мы были бросить часть груза. Но и сія жертва не принесла намъ большой пользы. Подвинувшись еще версты двѣ, мы совершенно потеряли надежду проникнуть далѣе. По-

льныи простирались по всѣмъ направленіямъ. Къ западу виднѣлось открытое море, съ носившимися на немъ льдинами. Густые пары затемняли небосклонъ. Къ югу отъ насъ лежала неподвижная ледяная поверхность, составленная изъ большихъ льдинъ, прижатыхъ одна къ другой; но туда не было возможности проѣхать.

Отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ твердымъ льдомъ, со страхомъ ожидали мы наступленія ночи. Только спокойствію моря и ночному морозу обязаны мы были здѣсь спасеніемъ. Слабый NW вѣтеръ понесъ льдину, гдѣ мы находились, къ востоку, и приблизилъ ее къ твердому льду. Шестами притянули мы небольшія льдины, вокругъ насъ плававшія, и составили изъ нихъ родъ моста до твердаго льда. Морозъ скрѣпилъ сіи льдины до такой степени, что онѣ могли насъ сдерживать. Работа была кончена 27-го Марта, до восхода солнца; мы поспѣшили покинуть нашу льдину и счастливо переправились на твердый ледъ. Проѣхавъ съ версту по SO направленію, увидѣли мы себя снова окруженныхъ полыньями и щелями, при невозможности продолжать путь. Находясь на льдинѣ огромнѣе другихъ, насъ окружавшихъ (она была до 75 саженъ въ поперечникѣ), и видя всѣ непреложные признаки приближающейся бури, рѣшились мы остаться здѣсь на мѣстѣ и предаться волѣ Провидѣнія.

Скоро показались предвѣстники наступавшей непогоды. Темныя тучи поднялись съ запада, и

густые пары наполнили атмосферу. Внезапно поднялся рѣзкій западный вѣтеръ и вскорѣ превратился въ бурю. Море сильно взволновалось. Огромныя ледяныя горы встрѣчались на волнахъ, съ шумомъ и грохотомъ сшибались и исчезали въ пучинѣ; другія съ невѣроятною силою набѣгали на ледяныя поля, и съ трескомъ крошили ихъ. Видъ взволнованнаго полярнаго моря былъ ужасенъ.

Въ мучительномъ бездѣйствіи смотрѣли мы на борьбу стихій, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы въ такомъ положеніи. Льдина наша носилась по волнамъ, но все еще была цѣла. Внезапно огромный валъ подхватилъ ее и съ невѣроятною силою бросилъ на твердую ледяную массу. Ударъ былъ ужасенъ; оглушительный трескъ раздался подъ нами, и мы чувствовали, какъ раздробленный ледъ начало разносить по волнамъ. Минута гибели нашей наступала. Но въ это роковое мгновеніе спасло насъ врожденное человѣку чувство самосохраненія. Невольно бросились мы въ сани, погнали собакъ, сами не зная куда, быстро полетѣли по раздробленному льду и счастливо достигли льдины, на которую были брошены. То былъ неподвижный ледяной островъ, обставленный большими торосами. Мы были спасены, и радостно возблагодарили Провидѣніе.

Ревъ вѣтра и ярость волнъ не позволяли намъ здѣсь оставаться на долго. Отдохнувъ нѣсколько, направили мы путь къ берегу; къ вечеру до-

стигли нашего перваго склада провіанта, нагрузили, сколько можно болѣе, нарты, и тотчасъ поѣхали, въ надеждѣ до наступленія ночи перебраться на берегъ, что намъ удалось, и мы расположились на ночлегъ не далеко отъ устья рѣки Веркона, у подошвы довольно большой скалы, защищавшей насъ отъ вѣтра и давшей возможность развести огонь. Мы поспѣшили обсушиться, согрѣться горячимъ чаемъ и подкрѣпиться пищею.

Марта 28-го буря затихла; умѣренный ONO вѣтеръ разогналъ облака. По утру термометръ показывалъ $9^1/_2{}^0$, а вечеромъ 13° холода. Весь день занимались мы перевозкою провіанта изъ нашего перваго склада на берегъ. Можно было надѣяться, что спокойное состояніе атмосферы и усиливавшійся холодъ, покрывъ льдомъ полыньи, позволятъ намъ проникнуть и къ другому складу съ провіантомъ, далѣе на сѣверъ лежавшему, и оттуда перевезти остальные запасы. Зная, какъ мало можно было надѣяться на вспомоществованіе Чукчей, относительно съѣстныхъ припасовъ, мнѣ преимущественно хотѣлось обезопасить себя съ сей стороны.

Марта 29-го далъ я отдыхъ утомленнымъ собакамъ. Погода была ясная; термометръ показывалъ отъ 18° до 19° мороза. По полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ я положеніе оконечности восточнаго берега р. Веркона подъ 69° 51′ 23″ широты и 173° 34′ счислимой долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки было 18° 56′ во-

сточн. Отсюда на SW 83° пеленгованъ мысъ Кибера, а на SW 87½° средина Шалаурова острова.

Холодъ къ 30-му Марта усилился до 21°, и я полагалъ, что можно будетъ достигнуть нашего склада съ провіантомъ; почему и отправилъ туда г-на Козьмина, съ тремя нартами. Но черезъ шесть часовъ возвратился онъ назадъ, съ горестнымъ извѣстіемъ, что полыньи разширились, по крайней мѣрѣ, на 15 верстъ и совершенно отняли возможность проникнуть далѣе. Потеря нашихъ запасовъ могла имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія.

Во время отсутствія г-на Козьмина, занимался я описью восточнаго берега рѣки Веркона. Онъ обставленъ цѣпью кругловершинныхъ горъ, на коихъ поднимаются столбовидныя скалы (кекуры), подобныя тѣмъ, какія видѣли мы у Баранова Камня. Горы сіи выступаютъ въ море длиннымъ, низменнымъ мысомъ, и его можно почесть восточною оконечностью устья рѣки. Онъ названъ мною *Кекурнымъ мысомъ*, находится на разстояніи 30 верстъ отъ мыса Кибера подъ 69° 59′ 53″ широты и 174° 34′ долготы. Все пространство между сими двумя мысами занято плоскими, низменными островами, образованными рукавами рѣки; главное русло ея идетъ по восточному берегу, и имѣетъ до полу-версты ширины.

Апрѣля 1-го, при 12° холода, сильный OSO вѣтеръ поднялъ густую мятель и заставилъ насъ цѣлый день оставаться на мѣстѣ. На слѣдующее утро отправились мы къ востоку, въ надеждѣ

соединиться съ г-мъ Матюшкинымъ, которому поручена была опись сего берега. Видя непреодолимое препятствіе нашимъ поискамъ на сѣверѣ, намѣревался я раздѣлить труды съ г-мъ Матюшкинымъ. На самомъ примѣтномъ холмѣ, у устья рѣки Веркона, поставили мы, на случай прибытія въ сіи мѣста нашихъ товарищей, знакъ съ запискою, что терпимъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и нуждаемся въ скорой помощи. Потеря провіанта привела насъ въ столь затруднительное положеніе, что единственная надежда наша была теперь на соединеніе съ отрядомъ Матюшкина.

Пропуская собственно-описаніе осмотрѣннаго берега, ибо намѣренъ помѣстить его ниже, здѣсь вкратцѣ упомяну я о дальнѣйшихъ происшествіяхъ поѣздки.

Въ 23-хъ верстахъ отъ Кекурнаго мыса остановились мы ночевать, на плоскомъ низменномъ берегу. Въ нѣкоторомъ разстояніи на NO видны были остатки балагана, построеннаго изъ наноснаго лѣса, вѣроятно, Русскими путешественниками. Бревна были здѣсь воткнуты вертикально въ снѣгъ, и образовывали полукружіе, выгнутое къ сѣверу для большей защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ. По всѣмъ признакамъ, мѣста сіи уже давно не были никѣмъ посѣщаемы.

Ночью, на 4-е Апрѣля, сильный западный вѣтеръ нагналъ много снѣгу; по утру термометръ показывалъ 9^0, а вечеромъ только 4^0 холода. Вѣтеръ сей, продолжавшійся на слѣдующій день,

былъ намъ попутный. Множество оленьихъ слѣдовъ побуждали собакъ къ скорому бѣгу, и менѣе нежели въ пять часовъ проѣхали мы около 40 верстъ, по низменной, едва отъ поверхности моря отличавшейся тундрѣ.

Долгое отсутствіе г-на Матюшкина безпокоило меня, тѣмъ болѣе, что наши запасы были уже на исходѣ. Желая продолжать опись берега, рѣшился я еще разъ попытаться проникнуть къ сѣверу и отправилъ г-на Козьмина, на одной партѣ, съ порученіемъ отыскать нашъ складъ съ провіантомъ, или посмотрѣть, не удастся ли ему убить медвѣдя для корма собакамъ, въ чемъ мы всего болѣе нуждались. Черезъ 10 часовъ отсутствія, возвратился онъ безъ успѣха. Около 20 верстъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи, можно еще было ѣхать, хотя ледъ былъ очень неровенъ и мѣстами занесенъ глубокимъ снѣгомъ; но далѣе широкія полыньи совершенно преграждали путь. Съ вершины высокаго тороса г-нъ Козьминъ увидѣлъ, что отъ WSW до N, все море было усѣяно полыньями; онѣ уменьшались нѣсколько отъ N къ NO, но оттуда стѣною возвышались огромные торосы. Отъ NO къ O не видно было полыней, за то вдали горизонтъ былъ покрытъ темносинимъ цвѣтомъ, признакомъ открытаго моря. Ни медвѣдей, ни слѣдовъ ихъ, г-нъ Козьминъ не встрѣтилъ; но замѣтилъ нѣсколько песцовыхъ слѣдовъ; всѣ они направлялись къ NO. Извѣстіе г-на Козьмина удостовѣрило насъ, что мы были совершенно отрѣзаны

отъ нашего склада съ запасами, конечно, при ломкѣ льда потонувшаго. Ближайшій складъ провіанта при устьѣ Большой Баранихи находился отъ насъ въ разстояніи 360-ти верстъ; корма для собакъ оставалось у насъ, по большей мѣрѣ, только на три дни, и потому я принужденъ былъ возвратиться отсюда. Мы отправились въ обратный путь, предвидя печальную будущность, что наши собаки падутъ отъ голода на дорогѣ, а мы принуждены будемъ кончить путешествіе наше пѣшкомъ, если не встрѣтимся съ вторымъ отдѣленіемъ экспедиціи и не получимъ отъ него помощи.

Въ унылomъ расположеніи духа проѣхали мы 10-ть верстъ отъ ночлега нашего, въ западномъ направленіи, когда внезапно обрадованы были встрѣчею съ г-мъ Матюшкинымъ. Радостно привѣтствовали мы товарищей, избавлявшихъ насъ изъ самаго затруднительнаго положенія. Отрядъ нашъ былъ въ совершенномъ порядкѣ и достаточно снабженъ съѣстными припасами. Выбирая по возможности удобнѣйшіе пути, г-нъ Матюшкинъ не видалъ знака, поставленнаго нами при устьѣ рѣки Веркона, и не предполагая, что мы терпимъ недостатокъ въ провіантѣ, подвигался небольшими переѣздами, занимаясь описью берега. Онъ имѣлъ случай неоднократно сближаться съ Чукчами. Сначала принимали они его съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, но потомъ совершенно дружески. Между прочимъ, на Шелагскомъ мысу наши нашли небольшое Чукотское селеніе. Камакай (старшина) его посѣщалъ г-на Матюш-

кина, и черезъ толмача, съ которымъ прежде былъ уже знакомъ, много разсказывалъ о своей странѣ. Онъ также утверждалъ, что къ сѣверу лежитъ большая земля, обитаемая дикими племенами, единственною пищею коимъ служитъ снѣгъ.

Еще разсказывалъ Камакай, что на тундрѣ, къ востоку отъ устья Веркона, находятся остатки хижины, построенной, по словамъ отца его, Рускими, спасшимися съ разбитаго у сихъ береговъ большаго корабля. Много лѣтъ тому, кочующіе Чукчи открыли сію хижину, и нашли въ ней нѣсколько человѣческихъ остововъ и череповъ, обглоданныхъ, вѣроятно, волками, а также немного провіанта и табаку, и большіе бѣлые паруса, которыми была обтянута вся хижина. Недалеко оттуда лежали наковальня и другія желѣзныя вещи. Разсказъ сей заставилъ г-на Матюшкина посѣтить тундру. Дѣйствительно нашелъ онъ на означенномъ мѣстѣ остатки хижины, по прочности и роду построенія, казавшейся произведеніемъ не Чукчей, или какихъ либо проѣзжающихъ путешественниковъ; по видимому, она назначалась для постояннаго житья. Хотя г-нъ Матюшкинъ не нашелъ никакихъ болѣе признаковъ, но всѣ обстоятельства, мѣсто и самое время (въ 1764-мъ или 1765-мъ годахъ), когда, по словамъ Камакая, случилось разсказываемое имъ происшествіе, заставляютъ полагать, что здѣсь именно встрѣтилъ смерть свою смѣлый

Шалауровъ *, единственный мореплаватель, посѣщавшій въ означенный періодъ времени сію часть Ледовитаго моря. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что Шалауровъ, обогнувъ вторично Шелагскій мысъ, потерпѣлъ кораблекрушеніе у пустынныхъ береговъ, гдѣ ужасная кончина прекратила жизнь его, полную неутомимой дѣятельности и рѣдкой предпріимчивости. Имя сего мореплавателя извѣстно во всей Сибири, такъ, что воспоминаніе о судьбѣ его, и повидимому, непреложные признаки мѣста его ужасной кончины тронули даже нашихъ грубыхъ проводничовъ...

Докторъ Киберъ, сопутствовавшій г-ну Матюшкину, познакомился въ Островномъ со многими старшинами приморскихъ Чукчей. Они также разсказывали ему о существованіи Сѣверной земли и утверждали, что *сами видѣли ее*, въ ясные лѣтніе дни, съ мѣста, называемаго *Яканъ*. По описанію ихъ предполагали мы, что Яканъ лежитъ далѣе на востокъ, и потому рѣшился я туда отправиться.

На ночлегѣ занялись мы раздѣленіемъ припасовъ; часть ихъ зарыли въ ледъ, и 6-ть порожнихъ нартъ отправили обратно въ Нижне-Колымскъ. У насъ осталось семь нартъ, четыре для меня и три для г-на Матюшкина. Апрѣля 7-го было тепло, при слабомъ SSW вѣтрѣ; термометръ по утру стоялъ на 0^0, а въ полдень на 2^0 тепла.

* См. часть I, глава I, стр. 84 — 92.

Съ нѣкотораго времени, по причинѣ теплой погоды, оставались мы днемъ на мѣстахъ, а ѣхали ночью, при свѣтѣ зари, потому что тогда обыкновенно морозило и собакамъ было легче тащить нарты. Ночью съ 7-го на 8-е Апрѣля было такъ тепло, что мы не могли отправиться въ путь и оставались на мѣстѣ, именно томъ самомъ, гдѣ ночевали 5-го Апрѣля. Во время нашего невольнаго бездѣйствія, занимались мы разными астрономическими наблюденіями. Намъ удалось взять нѣсколько разстояній между солнцемъ и луною, по коимъ опредѣлили мы долготу въ 176° 09′ 45″, а широту, по полуденной высотѣ солнца, въ 69° 48′ 12″. Отсюда начали мы вести новое счисленіе.

На слѣдующій день, къ вечеру, сдѣлалось холоднѣе; мы продолжали путь по берегу. Отъѣхавъ 12-ть верстъ, въ SO направленіи, остановились мы у небольшой скалы, составлявшей, такъ сказать, границу между низменною тундрою и холмистымъ берегомъ, начинающимся въ 15 верстахъ къ востоку отъ Кекурнаго мыса. Окрестности устьевъ рѣки *Аугуона*, впадающей въ море 23-мя Итальянскими милями восточнѣе Веркона, совершенно низменны, и судя по множеству оленьихъ слѣдовъ, должны изобиловать мхомъ.

Апрѣля 8-го погода была ясная; по утру и вечеромъ было не болѣе 3° холода, а въ полдень 2° тепла. Проѣхавъ 7-мь верстъ по берегу, возвышенному на 60 футовъ, мы достигли довольно-

но далеко вдавшейся въ море скалы; за нею начинался плоскій и низменный берегъ, покрытый пескомъ и мелкими каменьями. По симъ и другимъ признакамъ, согласнымъ съ описаніемъ Чукотскихъ старшинъ, долженъ я былъ принять сіе мѣсто за мысъ Яканъ. Положеніе скалы опредѣлилось въ 69° 41′ 32″ широты и 176° 32′ долготы. Долго наблюдали мы горизонтъ, въ надеждѣ открыть на сѣверъ землю, которую по разсказамъ Чукчей можно было отсюда видѣть. Не открывъ ни малѣйшихъ признаковъ ея, мы поѣхали далѣе, и въ $4^1/_2$ верстахъ, достигли устья маленькой рѣчки *Яканъ Уваянъ*. Не далеко оттуда нашли мы основу большой байдары въ 21 футъ длиною, что совершенно убѣдило насъ въ томъ, что скала, нами опредѣленная, была именно *Яканъ*, ибо не только Чукотскіе старшины въ Островномъ, но и другіе Чукчи, встрѣченные нами на Сѣверномъ мысѣ, описывая мѣстоположеніе Якана, упоминали о байдарѣ, разсказывая при томъ, что они обтягиваютъ ее *латаками* (выдѣланными моржовыми кожами), и когда положеніе льда позволяетъ, промышляютъ на ней моржей, во множествѣ здѣсь водящихся. Замѣчательно, что къ западу отъ Якана и Шелагскаго мыса, до самой Индигирки, моржи рѣдко являются, а здѣсь, напротивъ, и на всемъ пространствѣ до Чукотскаго носа, моржи и киты весьма часто встрѣчаются.

Проѣхавъ отъ Яканъ-Уваяна 16 верстъ на во-

стокъ, мы принуждены были, по причинѣ теплоты, остановиться,

Вечеромъ отправились мы далѣе, и проѣхавъ 10 верстъ, встрѣтили рядъ скалъ, простирающихся на 21 версту; за ними пещаный берегъ, покрытый небольшими холмами. Въ 35-ти верстахъ отъ ночлега нашли мы множество наноснаго лѣса, преимущественно сосноваго и еловаго, а отчасти и лиственничнаго. Давно уже терпѣли мы такой недостатокъ въ топливѣ, что разъ въ день только разводили огонь. Счастливая находка наша дала намъ снова возможность запастись дровами и въ особенности была она важна для г-на Матюшкина, который, въ свою очередь, хотѣлъ предпринять путешествіе по льду въ море, для отысканія предполагаемой на сѣверѣ земли.

Апрѣля 9-го небо покрылось темными тучами; сильный западный вѣтеръ поднялъ мятель; холодъ значительно усилился; утромъ было 6°, въ полдень 9°, вечеромъ 11° мороза. Г. Матюшкинъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, и поѣхалъ на 3-хъ нартахъ, съ провіантомъ на 15 дней, къ сѣверу въ море, а я съ г-мъ Козьминымъ и докторомъ Киберомъ, на 4-хъ нартахъ, съ запасомъ на 13 дней, продолжалъ опись берега. Чуванскаго Князька Соболева, хорошо знавшаго Чукотскій языкъ и сопровождавшаго прежде г-на Матюшкина, взялъ я съ собою, а ему отдалъ служившаго мнѣ толмачемъ казака Кипріянова.

Только къ вечеру успѣли мы окончить всѣ рас-

поряженія, необходимыя при раздѣленіи экспедиціи. Г-нъ Матюшкинъ поѣхалъ на сѣверъ, въ море, а я съ моими спутниками по берегу, на востокъ. Густой туманъ покрывалъ окрестности, и до того ограничивалъ нашъ горизонтъ, что мы не могли точно наблюдать изгибовъ берега.

Проѣхавъ 48-мь верстъ, миновали мы устье небольшой рѣчки *Кусгунъ*, и въ 13 верстахъ оттуда остановились на ночлегъ, уже въ 5-ть часовъ утра 10 Апрѣля. На всемъ протяженіи берегъ казался плоскимъ и постепенно понижавшимся небольшими уступами къ морю. Во многихъ мѣстахъ видѣли мы сложенный кучами наносный лѣсъ и недавніе слѣды саней, запряженныхъ оленями, что подало намъ надежду встрѣтиться и ближе ознакомиться съ прибрежными жителями.

До разсвѣта восточный вѣтеръ былъ едва чувствителенъ, но потомъ скрѣпчалъ, и съ сильною мятелью продолжался цѣлый день. По утру термометръ показывалъ 16°, а вечеромъ 13° холода.

Отъ ночлега нашего берегъ круто поворачивалъ къ SO. Въ семъ направленіи проѣхали мы 23 версты, и замѣтили на востокѣ скалу, далеко вдавшуюся въ море. Она соединялась съ берегомъ длиннымъ низменнымъ перешейкомъ, и въ разстояніи 14-ти верстъ казалась отдѣльнымъ островомъ. На перешейкѣ находилось нѣсколько Чукотскихъ хижинъ.

Не было сомнѣнія, что мы достигли мѣста, которое капитанъ Кукъ, въ 1777 году, назвалъ *Сѣвернымъ мысомъ*. Два холма, соединенные съ З. на В. перешейкомъ, море на Ю. и всѣ другіе мѣстные признаки согласовались вполнѣ съ разсказомъ Кука, а опредѣленное въ послѣдствіи положеніе мѣста совершенно удостовѣрило насъ, что мы достигли Сѣвернаго мыса *. Онъ впрочемъ весьма сходенъ въ образованіи съ Шелагскимъ мысомъ, и состоитъ собственно изъ шиферной скалы, вышиною въ 105 футовъ, пологимъ скатомъ примыкающей къ другой точно такой же скалѣ; вся сія масса соединяется съ берегомъ низменнымъ перешейкомъ. Море по ту сторону мыса, видѣнное съ корабля Кукомъ, почелъ онъ, какъ извѣстно, заливомъ, или устьемъ большой рѣки.

Усмотрѣвъ Чукотское селеніе, мы удержали быстрый бѣгъ нашихъ собакъ, и въ разстояніи полуторы версты отъ берега остановились, боясь внезапнымъ приближеніемъ нашимъ испугать жителей. Но несмотря на нашу предосторожность, неожиданное появленіе наше возродило въ Чукчахъ недовѣрчивость. Они бѣгали изъ хижины въ хижину и суетились по берегу, а наконецъ столпились вмѣстѣ и, казалось, о чемъ-то разсуждали. Двое изъ нихъ отдѣлились отъ толпы и приблизились къ намъ, медленными шагами,

* Одинъ старый Чукча, житель этого края, увѣрялъ доктора Кибера, что много лѣтъ тому назадъ, приходили туда два большихъ корабля. Вѣроятно, это были суда Кука.

не показывая однакожь ни малѣйшаго страха. Я послалъ моего толмача увѣдомить ихъ о цѣли нашей поѣздки, и увѣрить въ нашемъ дружелюбномъ расположеніи. Посланники съ обѣихъ сторонъ встрѣтились торжественно, поклонились и молча сѣли на ледъ. Толмачъ, не говоря ни слова, набилъ Чукчамъ гамзы и не прежде, какъ выкуривъ по трубкѣ, началъ длинную рѣчь, объясняя причины нашего пріѣзда. Кончивъ ее, кажется, произвелъ онъ хорошее впечатлѣніе въ своихъ слушателяхъ, потому что они встали, и вмѣстѣ съ нимъ приблизились къ намъ.

Одинъ изъ нихъ назывался *Этель*, и выдавая себя за старшину поколѣнія, онъ передалъ мнѣ въ подарокъ двухъ недавно убитыхъ тюленей, и объявилъ, что совершенно увѣренъ въ дружелюбіи нашемъ, а съ своей стороны готовъ, по силамъ, помогать намъ. Въ разговорѣ узнали мы, что онъ родня Камакаю, съ которымъ познакомились мы на Шелагскомъ мысѣ, и такое объясненіе водворило между нами пріязненныя отношенія. Я одарилъ Этеля табакомъ и другими мелочами, которыя, казалось, ему очень понравились. При прощаніи, онъ настоятельно просилъ меня посѣтить его жилище, что и исполнилъ я на слѣдующій день. Меня приняли подъ наметомъ, гдѣ Этель былъ окруженъ всѣми своими сокровищами. Стѣны жилища его были обставлены копьями, луками, стрѣлами и другими потребностями охоты и рыбной ловли, а также кожаными латами и красиво отдѣланными санками. Кучами

лежали тутъ же песцовыя шкуры, китовые усы, широкіе моржовые ремни, и т. п. Среди разговора, между прочимъ, старшина сказалъ мнѣ: «Выбирай, что тебѣ угодно изъ моихъ вещей, а «мнѣ въ замѣнъ дай ружье и пороху. Я ходилъ «бы съ нимъ на охоту, потому, что стрѣляю гораздо мѣтче многихъ нагорныхъ Чукчей, у которыхъ однажды видѣлъ ружье.»

Безпрестанно возобновлялъ онъ свою просьбу, и наконецъ я обѣщалъ исполнить его желаніе, съ условіемъ, что онъ дастъ мнѣ 13-ть тюленей на кормъ собакамъ, перевезетъ на своихъ саняхъ дрова, лежавшія въ 20-ти верстахъ отъ селенія, и кромѣ того проводитъ насъ до острова Колючина, гдѣ, какъ мы узнали, живетъ у него сестра. Вѣроятно, онъ ожидалъ гораздо большаго требованія, потому что съ радостью и безъ затрудненія тотчасъ согласился, удивляясь моему великодушію. Немедленно приказалъ онъ приготовить тюленей и перевезти дрова. Отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на другой день. Имѣя въ своей власти главу племени, я рѣшился, для облегченія собакъ, три четверти нашего груза оставить, до возвращенія, въ хижинѣ Этеля. Когда собирался я обратно въ лагерь, сдѣлать необходимыя для отъѣзда распоряженія, Этель подошелъ ко мнѣ и попросилъ позволенія взять съ собой батасъ, * назначенный имъ въ подарокъ его сестрѣ. Хотя я понималъ, что не братская любовь,

* *Батасомъ* называется большой ножъ, прикрѣпленный къ длинной палкѣ.

а желаніе имѣть при семъ обычное Чукчамъ оружіе, было главною причиною просьбы, но, опасаясь возбудить недовѣрчивость Этеля, позволилъ ему, и мы разстались друзьями.

На другой день, рано по утру, пришелъ къ намъ Этель, въ полномъ дорожномъ платьѣ; за спиною у него висѣла котомка съ табакомъ и другими Европейскими сокровищами, которыя хотѣлъ онъ промѣнять на Колючинѣ. Шапка его была унизана бисеромъ, сережками и другими украшеніями, а на самомъ верху ея помѣщалась голова ворона; по увѣренію Этеля, она долженствовала доставить намъ счастливый путь и повсюду ласковый пріемъ. Мы отправились, сопровождаемые всѣми жителями селенія, видимо безпокоившимися о судьбѣ своего начальника. Они прощались съ нами, безпрестанно повторяя, чтобы Этель какъ можно скорѣе возвратился.

Послѣ 11-ти часовъ ѣзды, приблизились мы, поздно вечеромъ, къ двумъ уединеннымъ Чукотскимъ хижинамъ, гдѣ, по совѣту нашего новаго спутника, положено было переночевать. Лай приближающихся собакъ разбудилъ и перепугалъ спящихъ жителей. Въ страхѣ схватили они Шаманскій бубенъ и подняли оглушительный шумъ. Знакомецъ ихъ Этель, съ своею вороньею головою на шапкѣ, успокоилъ ихъ и уговорилъ принять насъ. Все населеніе сихъ двухъ хижинъ состояло изъ четырехъ мужчинъ и пяти женщинъ. Они казались весьма бѣдны, и съ трудомъ рѣшились дать намъ одного тюленя.

Мѣсто это, называемое *Такокагынъ*, отстоитъ отъ мыса *Иръ-Кайпій* на 90-то верстъ. На всемъ пространствѣ берегъ низменъ. Въ 40-ка верстахъ отъ мыса изливается въ море, хотя не широкая, но весьма быстрая и рыбная рѣка *Екехта*. Кромѣ того, въ губу впадаютъ здѣсь ручьи *Емуаемъ*, *Тенкургуйнъ* и *Кентель*. Наноснаго лѣса попадалось намъ мало, а кустарника вовсе не было видно. Вообще здѣсь наносный лѣсъ встрѣчается рѣдко, отъ того, что его собираютъ Чукчи, приходящіе сюда на тюленью и моржовую охоту, и отъ того, что впадающія здѣсь рѣки текутъ по безлѣснымъ странамъ. Хотя ледъ, почти безпрерывно покрывающій сію часть моря, препятствуетъ наносному лѣсу приближаться къ берегамъ, но попадающіяся здѣсь еловыя и сосновыя бревна заставляютъ предполагать, что онъ Американскаго происхожденія, ибо всѣ рѣки на востокъ отъ Индигирки текутъ по странамъ, гдѣ сіи древесныя породы не произрастаютъ. Лена сплавляетъ иногда съ верховьевъ своихъ сосны и ели, но не много, такъ, что между устьями Лены и Индигирки, въ большихъ грудахъ лиственичнаго и осиноваго лѣса, изрѣдка только находятся сосновыя и еловыя деревья. Что лѣсъ наносится сюда съ Американскихъ береговъ, тому служитъ доказательствомъ свидѣтельство Чукчей, находившихъ обрубленные сосновые стволы (вѣроятно, каменными топорами).

На слѣдующій день, 14-го Апрѣля, продолжали мы путь по пустынному пещаному берегу,

*

и въ 12-ти верстахъ отъ ночлега переѣхали черезъ устье рѣки *Омгуема*, которое здѣсь до $2^1/_2$ верстъ ширины. Этель разсказалъ намъ, что нѣкогда во множествѣ приходили сюда олени, и Чукчи съ Колючина острова за ними охотились; но что съ нѣкотораго времени приходъ ихъ прекратился. Низменность простирается еще на 14 верстъ къ востоку, но отсюда берегъ поднимается и образуетъ, хотя не высокій, но крутой уступъ. Земля, постепенно возвышаясь, примыкаетъ къ подошвѣ горной цѣпи; она тянется параллельно съ берегомъ, въ разстояніи 20—35 верстъ. Мѣсто, гдѣ оканчивается низменность, лежитъ, по сдѣланному наблюденію, подъ 68° 9′ 51″ широты и 182° 6′ счислимой долготы.

Въ сей день проѣхали мы 84 версты, и достигли мыса *Ванкарема*, находящагося на западной сторонѣ устья рѣки сего названія, гдѣ положено было переночевать, въ небольшомъ Чукотскомъ селеніи, изъ четырехъ хижинъ состоявшемъ. Когда прибыли мы туда, всѣ жители уже спали. Утомленныя собаки не лаяли, и мы остановились въ серединѣ селенія, никѣмъ незамѣченные. Этель, прежде нежели пошелъ разбудить жителей, отыскалъ мѣсто, гдѣ, по его словамъ, погребенъ былъ одинъ изъ его предковъ; тамъ проговорилъ онъ надъ могилою, съ торжественною набожностью, молитву и пожертвовалъ тѣни умершаго нѣсколько табачныхъ листьевъ. Потомъ уже вошелъ онъ въ одну изъ хижинъ, и, вѣроятно, описалъ насъ своимъ зе-

млякамъ съ самой выгодной стороны. Старшина селенія принялъ насъ весьма радушно и предложилъ нѣсколько тюленей на кормъ собакъ. Мы щедро одарили его и провели здѣсь ночь весьма спокойно.

Замѣчательно, что мысы *Шелагскій*, *Пр-Кайпія* и *Ванкаремъ*, совершенно одинаковаго образованія; всѣ они состоятъ изъ высокихъ скалъ *, соединенныхъ съ берегомъ длинными узкими перешейками, и различаются только тѣмъ, что размѣры скалъ и перешейковъ тѣмъ болѣе уменьшаются, чѣмъ далѣе сіи мысы лежатъ на востокъ.

Апрѣля 15-го, съ разсвѣтомъ, продолжали мы путь. Небо было ясно; горизонтъ на сѣверѣ покрывался темною синевою; по утру термометръ показывалъ 11°, а вечеромъ 12° мороза. Спустившись съ перешейка усмотрѣли мы на востокѣ, верстахъ въ 5-ти отъ мыса, маленькій островокъ, версты на двѣ въ окружности. Отсюда берегъ замѣтно возвышается, и въ 25-ти верстахъ по ту сторону мыса являются уже высокіе, гранитные и порфировые утесы. На SO 80°, въ отдаленіи 10-ти верстъ, находился скалистый мысъ *Оньманъ*; на немъ возвышается значительная гора. Не подалеку, но отдѣльно отъ мыса, рядъ столбовидныхъ утесовъ, вышиною въ 140 футовъ, похожихъ на развалины огромнаго зданія. Тутъ, на высокомъ берегу, находились также два

* Скалы сіи состоятъ изъ мелкозернистаго гранита, снапѣмнаго съ зеленоватымъ шпатомъ, темнозеленою роговою бледною и слюдою.

Чукотскіе шалаша, защищенные только съ южной стороны, и совершенно открытые суровому сѣверному вѣтру. Чукча нечувствителенъ къ холоду и не нуждается въ произведеніяхъ прозябаемаго царства. Ледовитое море замѣняетъ ему лѣсъ, пашню и лугъ, а тюлени и моржи удовлетворяютъ всѣмъ его потребностямъ.

Обогнувъ мысъ Ольманъ, мы увидѣли на горизонтѣ (SO 80°), въ разстояніи 33 верстъ, островъ *Колючинъ*, показавшійся намъ кругловершинною горою. Туда направили мы путь, и по хорошей дорогѣ ѣхали весьма скоро. Берегъ твердой земли отъ мыса Ольмана круто загибается на югъ и составляетъ западную сторону *Колючинской губы*; восточную, за густымъ туманомъ, мы едва видѣли.

Островъ *Колючинъ*, названный Кукомъ Burney's Island, по направленію берега на $3^1/_2$ версты въ длину. Сѣверный берегъ его обставленъ крутыми скалами изъ красноватаго гранита; онѣ спускаются въ море обрывами; южный, напротивъ, низменъ. Здѣсь находится Чукотское селеніе, состоящее изъ 11-ти хижинъ. Мы хотѣли посѣтить его. За четверть версты остановились мы, и расположились лагеремъ на льду. Чукчи замѣтили насъ, и все народонаселеніе мѣстечка пришло въ движеніе. Женщины и дѣти скрылись на близлежащей горѣ, а мужчины, вооруженные копьями, батогами и стрѣлами, выстроились въ рядъ передъ хижинами, ожидая нападенія. Тогда только увидѣли мы, какъ полезенъ былъ

намъ Этель, съ своею вороньею головою на шапкѣ. Безъ оружія пошелъ онъ, одинъ, къ Чукчамъ, и вскорѣ совершенно ихъ успокоилъ. Они положили оружіе и дружески приблизились къ намъ. Предложеніе мое мѣнять на табакъ и бисеръ китовое мясо, на кормъ собакамъ, было принято съ радостью, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году жители острова убили до 50-ти китовъ, вообще часто здѣсь попадающихся. Кромѣ того, въ Колючинской губѣ, особенно когда разламывается ледъ, моржевыя охоты бываютъ весьма удачны.

Извѣстіе о прибытіи нашемъ скоро достигло Чукчей, живущихъ по берегамъ губы, и въ надеждѣ получить отъ насъ табаку, они съѣзжались со всѣхъ сторонъ, на саняхъ, нагруженныхъ китовымъ мясомъ, моржовыми ремнями и дровами. Въ короткое время, до 70 человѣкъ собралось около нашего стана такъ, что онъ походилъ на рынокъ. Каждый изъ вновь пріѣзжавшихъ Чукчей, прежде начатія торга, требовалъ себѣ въ подарокъ табаку. Богатые пріѣзжали въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя и пятью собаками въ рядъ, а подлѣ саней ихъ обыкновенно бѣжалъ, погоняя собакъ, Чукча, простолюдинъ изъ бѣднѣйшаго сословія. Почти всѣ гости наши выдавали себя за старшинъ и требовали подарковъ болѣе другихъ, такъ, что нашъ небольшой запасъ табаку весьма скоро истощился.

Между нашими гостями находился одинъ старшина Посовыхъ Чукчей (живущихъ у Берингo-

ва пролива). Онъ отличался отъ всѣхъ другихъ страннымъ и необыкновенно-украшеннымъ нарядомъ. Сверхъ мохнатой кухляйки своей, носилъ онъ на шеѣ два образа и четыре креста, а на груди его, между двумя дощечками въ видѣ футляра, висѣли два письменныя свидѣтельства: одно о принятіи имъ и его тремя сыновьями, Св. Крещенія, а другое о пожалованіи ему Государемъ Императоромъ камлеи изъ краснаго сукна, за присылку чернобурой лисицы. Изъ ревности къ вѣрѣ, онъ безпрестанно крестился и хвастался умѣньемъ ѣсть сухари и сахаръ и пить чай, въ чемъ другіе земляки его оказывали совершенное невѣжество. Этотъ хвастунъ былъ намъ несносенъ, потому что, пользуясь правомъ единовѣрца, безстыдно требовалъ онъ отъ насъ безпрестанныхъ подарковъ, не оказывая намъ съ своей стороны никакой услуги. Впрочемъ, мы вообще были довольны поведеніемъ Чукчей, хотя, не смотря на всѣ предосторожности, у насъ пропало нѣсколько бездѣлицъ. Кажется, страсть къ воровству также сродна симъ Гиперборейцамъ, какъ островитянамъ Южнаго моря. Даже Этель, не довѣряя своимъ Колючинскимъ землякамъ, всѣ свои пожитки отдалъ на сохраненіе намъ.

Отдаленное путешествіе, усилія при переходахъ среди торосовъ и переправахъ черезъ полыньи, привели нашихъ собакъ въ самое жалкое положеніе, такъ, что я почелъ необходимымъ дать имъ въ Колючинѣ два дня отдыха. Не имѣя болѣе табаку, мы не имѣли возможности доста-

точно запастись кормомъ для собакъ, что, при совершенномъ изнеможеніи ихъ, принудило меня перемѣнить прежнее намѣреніе описывать берега до самаго Берингова пролива, а возвратиться скорѣе въ Нижне-Колымскъ, отъ котораго находились мы въ разстояніи 1060 верстъ. Приближеніе теплаго времени года еще болѣе заставляло насъ спѣшить. Хотя весьма неохотно, я рѣшился отказаться отъ моего плана окончить опись сѣверныхъ Азіатскихъ береговъ, но съ другой стороны утѣшался мыслью, что тѣмъ не составится важной потери для Географіи, ибо берега Берингова пролива и Ледовитаго моря до острова Колючина уже были осмотрѣны и подробно описаны экспедиціею капитана Биллингса. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, положено было намъ возвратиться. До послѣдней минуты нашего здѣсь пребыванія, пріѣзжали на островъ новые посѣтители изъ окрестныхъ Чукотскихъ селеній, и крайне надоѣдали намъ безпрестанными просьбами и требованіями подарковъ. Наконецъ, 17-го Апрѣля, вечеромъ, оставили мы Колючинъ, сопровождаемые толпою Чукчей, надѣявшихся при прощаніи выпросить у насъ еще какіе нибудь подарки.

По полуденной высотѣ опредѣлили мы широту южной оконечности острова Колючина подъ 67° 26′ 36″, въ счислимой долготѣ 184° 24′. Склоненіе магнитной стрѣлки, по соотвѣтствующимъ азимутамъ солнца, было на 23° 26′ восточи. Надъ наклоненіемъ ея не могли мы дѣлать

наблюденій; нашъ инклинаторъ повредился въ дорогѣ.

При сильномъ и рѣзкомъ OSO вѣтрѣ, достигли мы, 20-го Апрѣля, селенія Ир-Кайпіи, и были встрѣчены всѣми жителями. Всячески старались они выразить намъ свою радость о счастливомъ возвращеніи Этеля, а, можетъ быть, и объ успѣхахъ мѣны его на Колючинѣ. Запасы мои были въ совершенной цѣлости, и жители, изъ благодарности, подарили намъ еще нѣсколько тюленей. Приготовленіе и нагрузка отняли у насъ два дни. Намъ удалось здѣсь наблюдать двумя секстанами полуденныя высоты солнца, по коимъ опредѣлилась широта селенія Ир-Кайпіи 68° 55′ 16″, при долготѣ 179° 57′ *. По соотвѣтствующимъ азимутамъ, склоненіе магнитной стрѣлки было 21° 40′ В. Апрѣля 23-го оставили мы селеніе Ир-Кайпіо и поѣхали на западъ по берегу, причемъ можно было намъ вторично наблюдать и провѣрять, какъ разстоянія, такъ и положеніе описанныхъ нами мѣстъ.

Прежде описанія возвратнаго нашего пути, не лишнимъ, кажется, будетъ сказать нѣсколько словъ о Чукчахъ, народѣ столь замѣчательномъ и столь мало извѣстномъ, хотя, по краткости времени, свѣдѣнія, нами собранныя, не могли быть весьма ни обширны, ни подробны.

Чукчи обитаютъ на сѣверо-восточной оконеч-

* Капитанъ Кукъ, по корабельному счисленію, опредѣлилъ положеніе Сѣвернаго мыса, или Ир-Кайпіи, подъ 68° 56′ широты и 180° 49′ долготы.

ности Азіи, отъ *Чаунской губы* до *Берингова пролива* съ одной стороны, и отъ рѣки *Анадыра* и верховьевъ *Сухаго Анюл* до *Ледовитаго моря*, съ другой. Сосѣдніе съ ними народы, на югъ *Коряки*, на западъ *Чуванцы* и *Анюйскіе Юкагиры*.

Названія двухъ рѣкъ *Большая* и *Малая Чукочья*, впадающихъ съ западной стороны въ устья Колымы, заставляютъ предполагать, что Чукчи занимали нѣкогда гораздо большее пространство земли, и что Ленскіе казаки, покоривъ берега рѣки Колымы, вытѣснили ихъ отсюда. Такое предположеніе еще болѣе подтверждаютъ преданія, сохранившіяся между жителями Колымскаго округа, о частыхъ, опустошительныхъ набѣгахъ Чукчей на первобытныя Русскія поселенія по лѣвому берегу рѣки. Говорятъ, что тогда получили свои названія *Погромное* и *Убіенное* урочища. На берегахъ средней части рѣки Колымы обитали нѣкогда *Омоки*, о которыхъ было уже выше говорено. По преданію, сей многочисленный и сильный народъ въ короткое время почти совершенно истребился повѣтріями, голодомъ и другими бѣдствіями. Остававшіеся въ живыхъ бѣжали изъ своей родины, и ее заняли Рускіе, Якуты и другіе народы. Омоки укрылись на сѣверъ и тамъ погибли, отчасти на торосахъ и льдахъ моря, отчасти въ бояхъ съ Индигирскими Тунгусами, въ то время еще воинственными и многочисленными. Вотъ все, что могъ я узнать о судьбѣ Омокскаго, нѣкогда столь замѣчательнаго поколѣнія. Единственнымъ па-

мятникомъ существованія его остается названіе мѣстечка: *Омокское Юртовище*, лежащаго на берегахъ Индигирки.

Одинаковая съ ними судьба постигла *Шелаговъ*, обитавшихъ на приморской тундрѣ, лежащей къ востоку отъ Колымы. Они были вытѣснены отсюда Чукчами. Отъ Шелаговъ получилъ свое названіе *Шелагскій мысъ*. Чукчи называютъ сей народъ *Ча-уаджанъ*, или *Чавача*, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣку и губу *Чаунскими*, или *Чаванскими*.

Отъ одного корня съ Шелагами происходятъ Тунгусы, и вполнѣ могутъ почесться кочевымъ народомъ, ибо хотя и непринуждаемые необходимостью, часто перемѣняютъ они свои жилища. Въ непостоянномъ образѣ жизни, ни къ чему ихъ непривязывающемъ, должно, кажется, искать причины беззаботности и веселости характера, чѣмъ такъ отличаются Тунгусы отъ Чукчей; и Чукчи переходятъ также съ мѣста на мѣсто, но у нихъ гораздо болѣе осѣдлости, нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Чукчи собираютъ запасы, и только скудность пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ, могутъ принудить ихъ перемѣнить жилье. Наклонность Чукчей къ осѣдлой жизни проявляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно несвойственныхъ кочующимъ народамъ. Самая одежда Чукчей, широкая, неуклюжая кухлянка и длинные мѣховые шаровары, приспособлена къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій *санаяхъ* (родъ кафтана, или старинаго

фрака), совершенно соотвѣтствуютъ безпрестанной движимости Тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличающихся проворствомъ, легкостью и всегдашнею веселостью, такъ, что мы обыкновенно называли ихъ *Французами тундры*.

Оленные Чукчи, называющіе себя *Таннытъ*, занимаютъ гористую часть страны, и составляя значительнѣйшее народонаселеніе, могутъ почесться владѣтелями Чукотской земли.

На берегахъ Анадырскаго залива обитаетъ народъ, называемый Чукчами *Онкилонъ*, т. е. *морскіе*, отъ котораго они совершенно отличаются тѣлосложеніемъ, одеждою и языкомъ. Капитанъ Биллингсъ, въ описаніи своего путешествія по Чукотской землѣ, показываетъ сходство языка сего народа съ языкомъ Кадьякскихъ Алеутовъ, которые одного происхожденія съ Гренландцами.

По преданію, народъ Онкилонъ, 200 лѣтъ тому, занималъ весь Азіятскій берегъ, отъ Шелагскаго мыса до Берингова пролива. Преданіе подтверждается тѣмъ, что на всемъ протяженіи здѣсь видны слѣды хижинъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ какихъ обитаютъ горные Чукчи. Судя по остаткамъ, хижины сіи были нѣсколько углублены въ землю, и покрывались китовыми ребрами и землею. Сильная вражда между Онкилонскимъ старшиною Крехаемъ и главою Оленныхъ Чукчей Ерримомъ превратилась въ междоусобіе. Крехай былъ разбитъ и бѣжалъ съ своимъ народомъ. Съ тѣхъ поръ берегъ опустѣлъ.

Жители деревни Ир-Кайпіи, гдѣ, по преданію, Крехай нѣсколько времени скрывался, разсказывали мнѣ объ немъ слѣдующее: онъ убилъ Чукотскаго старшину Еррима и былъ преслѣдуемъ сыномъ его, долгое время скитался, и наконецъ скрылся на мысѣ Ир-Кайпіи, гдѣ доселѣ видна природная стѣна, за которою онъ поселился. Но молодой Чукча Ерримъ, жаждая мщенія за смерть отца своего, нашелъ средство ворваться туда и умертвить сына Крехая. Хотя, по понятіямъ здѣшнихъ жителей, кровавая месть была тѣмъ удовлетворена, но, вѣроятно, Крехай все еще имѣлъ причину страшиться преслѣдованій своего непримиримаго врага. Потому, ночью спустился онъ по ремню со скалы, въ приготовленную для побѣга лодку, и думая обмануть своихъ непріятелей, поплылъ сперва на востокъ, но потомъ повернулъ на западъ и достигъ Шалаурова острова, гдѣ укрѣпился въ землянкѣ, развалины которой мы видѣли. Туда собрались, мало по малу, всѣ его родные, и вскорѣ, на 15-ти байдарахъ, убѣжали въ незнакомую землю, въ ясные солнечные дни видимую съ мыса Якана. На слѣдующую зиму скрылся еще одинъ Чукча, родня Крехая, съ своими домочадцами и оленями; подозрѣваютъ, что и онъ также удалился въ ту заморскую землю.

Здѣсь будетъ кстати привести еще одно преданіе, относящееся къ предполагаемой землѣ; его разсказывали намъ жители острова Колючина. Одинъ старикъ говорилъ, что при жизни

его дѣда, шесть Чукчей и одна женщина на байдарѣ слишкомъ далеко отплыли отъ берега и потеряли его изъ вида. Они долго носились по волнамъ и наконецъ были брошены на неизвѣстную землю, жители которой даже и Чукчамъ показались дикими и звѣрскими. Мужчины были всѣ умерщвлены; съ женщиною, напротивъ, обходились хорошо и возили ее по всей землѣ, какъ нѣчто рѣдкое и замѣчательное. Такимъ образомъ перешла она наконецъ къ *Кергаулямъ*, народу, обитающему въ Америкѣ на берегахъ Берингова пролива, и оттуда возвратилась на родину. Она много разсказывала своимъ землякамъ о приключеніяхъ на неизвѣстной большой землѣ, лежащей къ сѣверу отъ Колючина острова и простирающейся отъ Америки далеко на западъ. «Земля эта,» говорила она, «раздѣлена между многими поколѣніями; живущіе на западъ весьма сходны съ Чукчами, а напротивъ, обитающіе на востокъ, столь звѣрски и дики, что едва похожи на людей.» Это преданіе до того искажено самыми невѣроятными прибавленіями, что не заслуживало бы замѣчанія, если бы не было въ немъ сходства съ исторіею Крехая.

Въ прежнія времена, Чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюлсней. Они покинули тундры и на-

горныя страны, и поселились на берегахъ моря. Сіи земноводныя животныя являются чаще въ краяхъ, далѣе на востокъ лежащихъ, потому и береговое народонаселеніе, по мѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, является многочисленнѣе.

Такимъ образомъ Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на *осѣдлыхъ*, или *береговыхъ*, и на *оленныхъ*, или *кочевыхъ*. Оба племени живутъ въ хорошемъ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые Чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржовые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья.

Осѣдлые Чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видомъ уподобляются большимъ неправильнымъ конусамъ. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно пряма. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверзтіе, завѣшанное оленьею шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ крутое отверзтіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается другая, маленькая, четыре-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служитъ она и кухней, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мохъ, облитый жиромъ. Вообще Чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ре-

бра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Главное занятіе береговыхъ жителей, особенно на Ир-Кайпіи, составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ прорубь, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: Чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно вылѣзаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію Чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкій однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Сей родъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ Чукки совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливается водою, до тѣхъ поръ, пока не покроется весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ

желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что рѣдко не удается сіе средство.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ, отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ Чукчей, хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, и жиръ иногда служитъ еще вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища Чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренности и кишокъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ Чукчи особенное орудіе, употребляя его вмѣсто пешней для ломки льда и рытья замерзшей земли, но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ мѣновой торговли съ оленными Чукчами, передающими ихъ Русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота Чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди неприступныхъ торосовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ Чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей родъ сѣтей, изъ длин-

ныхъ и узкихъ ремней, съ камнями, или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ Чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще Чукчи не страстные охотники, и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ копье и особенно батасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія Чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые Чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не попарно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично, и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе Колымскихъ и Камчатскихъ. Замѣчательно, что въ 1821-мъ году Чукчи также лишились многихъ собакъ отъ повѣтрія, свирѣпствовавшаго по борегамъ Колымы, Индигирки, Яны и Лены.

По собственнымъ нашимъ наблюденіямъ и собраннымъ отзывамъ другихъ оказывается, что у кочующихъ и у осѣдлыхъ Чукчей существуетъ рабство. Богатѣйшіе изъ Чукчей владѣютъ цѣ-

лыми семействами, уже съ древнихъ временъ находящимися у нихъ въ зависимости, несмѣющими удаляться никуда, неимѣющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющаго ихъ на самыя тяжелыя работы; въ вознагражденіе, онъ одѣваетъ и кормитъ ихъ. О началѣ такой зависимости, ни переводчикъ нашъ, ни другіе Чукчи не могли ничего сказать, а полагали, что «такъ было и должно быть». Вѣроятно, рабы Чукчей суть потомки прежнихъ военно-плѣнныхъ.

Пища Чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ, или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ Чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со снѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый Чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться должно быть дорого, всѣ кушанья подаются совершенно холодныя, а въ заключеніе съѣдается даже большой кусокъ смерзшагося снѣга. Мнѣ часто случалось видѣть, что при 30° и болѣе мороза,

Чукчи брали отъ времени до времени пригорши снѣга, и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

Въ заключеніе долженъ я упомянуть о странномъ явленіи, замѣченномъ нами между сими грубыми дѣтьми природы, а именно о томъ, что педерастія между Чукчами весьма обыкновенна и нимало не скрывается. Они никакъ не могли понять нашего отвращенія, и полагали, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и каждый воленъ слѣдовать своему вкусу. Непонятно, какимъ образомъ сія противуестественная страсть могла вкорениться въ народѣ, у котораго въ женщинахъ нѣтъ недостатка и бракъ не затрудняется калымомъ, какъ у Якутовъ и Юкагировъ, а, напротивъ, безъ всякихъ препятствій заключается и расторгается.

Апрѣля 23-го оставили мы мысъ Ир-Кайпіи, направили путь на западъ и достигли на слѣдующій день мѣста, откуда г-нъ Матюшкинъ предпринялъ путешествіе по льду, для отысканія предполагаемой сѣверной земли. Здѣсь нашли мы большой деревянный крестъ, на которомъ была прибита записка г-на Матюшкина, увѣдомлявшая насъ, что огромныя полыньи со всѣхъ сторонъ пресѣкали ему дорогу по морю, такъ, что послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, онъ принужденъ былъ обратиться назадъ, удалившись отъ берега не болѣе, какъ на 16 верстъ.

Апрѣля 25-го переночевали мы подлѣ Шалаурова хижины, у рѣки Веркона, на NO 80° отъ

Керурнаго мыса. Строеніе это стоитъ уже 60-ть лѣтъ, и несмотря на то, стѣны его совершенно хорошо сохранились, а только крыша обвалилась и вся внутренность засыпалась землею и снѣгомъ. Здѣсь нашли мы, кромѣ нѣсколькихъ череповъ и кошельковъ отъ косъ, деревянный, обросшій мохомъ, патронташь. Въ послѣдствіи Камакай Шелагскаго мыса разсказывалъ намъ, что когда ему было еще 10-ть лѣтъ, въ хижинѣ этой нашли нѣсколько труповъ, и говорили, что оставшіеся въ живыхъ пять человѣкъ пошли отсюда пѣшкомъ на Колыму.

Мая 1-го рано по утру, достигли мы Шелагскаго мыса, и тотчасъ разбудили Камакая, надѣясь достать отъ него съѣстныхъ припасовъ для себя и корма собакамъ. Но надежда наша была тщетная. Камакай рѣшительно объявилъ, что рыбная ловля и охота его были неудачны, и онъ ничѣмъ не можетъ снабдить насъ, присовокупляя, что отказалъ уже въ томъ г-ну Матюшкину, который, проѣзжая здѣсь, оставилъ на мое имя письмо, заключавшее нѣкоторыя подробности о неудачной попыткѣ его достигнуть сѣверной земли.

Мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Провіантъ и кормъ собакъ совершенно у насъ истощились, и запастись ими на пустынномъ берегу не было возможности. Даже Чукчи, кочующіе обыкновенно съ своими оленями на островѣ Айонѣ, или Сабадеѣ, отъ которыхъ можно бы получить нѣсколько припасовъ, удалились во внутренность земли. Утомленныя труд-

ными и большими переѣздами, собаки изранили себѣ притомъ ноги, такъ, что оставляли за собою кровавый слѣдъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были до такой степени измучены, что мы принуждены были положить ихъ на нарты. Въ такихъ обстоятелствахъ продолжать путь оставалось только, слѣдуя принятому здѣсь правилу, т. е. гнать собакъ и недавать имъ ни малѣйшаго отдыха, до того мѣста, гдѣ есть надежда добыть корму. Такъ дотащились мы 3-го Мая до стана при устьѣ Большой Баранихи, гдѣ нашли нѣсколько провіанта и достаточное количество корма собакамъ. Мы пробыли здѣсь два дня; собаки нѣсколько отдохнули, и 5-го Мая отправились мы снова въ путь.

Во все это время холодъ былъ умѣренный, не болѣе $3^1/_2°$, но 3-го Мая внезапно усилился до 18^0. Впрочемъ, несмотря на сильный морозъ, воздухъ былъ чистъ и небо безоблачно, что позволило намъ сдѣлать нѣсколько удачныхъ наблюденій.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Колымѣ, воздухъ становился замѣтно теплѣе. Снѣгъ съ отлогихъ береговъ здѣсь уже стаялъ. Рѣка была еще покрыта толстымъ льдомъ, но отъ распустившагося снѣга вода стояла на поверхности его, и до крайности затрудняла ѣзду. Только крѣпкимъ полозьямъ изъ китовыхъ ребръ, купленнымъ въ Ир-Кайпіи и на Колючинѣ, обязаны мы были счастливымъ окончаніемъ путешествія.

Наконецъ, 10-го Мая, достигли мы Нижне-Колымска, послѣ 78-ми дневнаго отсутствія, проѣхавъ всего около 2,300 верстъ. Г. Матюшкинъ прибылъ сюда шестью днями прежде насъ. На возвратномъ пути съ подробностью описалъ онъ берега Чаунской губы, сдѣлалъ много астрономическихъ наблюденій, для опредѣленія положеній мѣстъ; но съ Чукчами, кромѣ извѣстнаго знакомца нашего, Камакая Шелагскаго мыса, не встрѣчался.

Возвращеніемъ въ Нижне-Колымскъ кончился рядъ попытокъ нашихъ для открытія земли, предполагаемой на сѣверномъ Ледовитомъ морѣ. Хотя не имѣемъ мы права, ни опровергать ея существованія, ни подтверждать его, но наши, неоднократно и въ разныхъ направленіяхъ предпринятыя поѣздки на сѣверъ по льду, кажется, достаточно доказываютъ, что въ удободостигаемомъ отъ Азіятскаго берега разстояніи нѣтъ на Ледовитомъ морѣ никакой земли. Если, несмотря на наши усилія, остановленныя только непреодолимыми естественными преградами, на сѣверѣ дѣйствительно существуетъ земля, то открытіе ея зависитъ единственно отъ случая и благопріятнаго расположенія обстоятельствъ. Главныя условія удачи составляютъ безбурная, морозная зима и позднее наступленіе весны. При такихъ условіяхъ путешествіе должно быть предпринято отъ Якана, гдѣ, по преданіямъ жителей, неизвѣстная страна наиболѣе сближается съ берегомъ Азіятскаго материка.

Согласно съ полученными отъ Правительства предписаніями, наша экспедиція въ Нижне-Колымскѣ должна была кончить свои дѣйствія и изслѣдованія, и при первой возможности возвратиться въ С. Петербургъ. Разныя обстоятельства заставили меня еще промедлить здѣсь; но г-нъ Матюшкинъ съ докторомъ Киберомъ отправились отсюда въ началѣ Іюля. Они поднялись по Колымѣ до Верхне-Колымска, и потомъ по Омекону до Иркутска, гдѣ хотѣли посвятить лѣто естествоиспытанію сей, все еще малоизвѣстной страны. Августа 1-го получилъ я предписаніе обождать въ Нижне-Колымскѣ прибытія чиновника Якутскаго Областнаго Правленія, и съ нимъ вмѣстѣ кончить мои счеты съ жителями Колымскаго округа. Время до прибытія чиновника, хотя и старался я сокращать его, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ моихъ записокъ, описей и картъ, было для меня самое скучное, и показалось мнѣ гораздо тягостнѣе трудныхъ путешествій по льду.

Наконецъ пріѣхалъ ожидаемый чиновникъ, и мой разсчетъ съ жителями скоро былъ конченъ. Ноября 1-го оставилъ я съ г-мъ Козьминымъ Нижне-Колымскъ, послѣ трехъ-лѣтняго въ немъ пребыванія. Скоро достигли Средне-Колымска, гдѣ соединился съ нами г-нъ Тарабукинъ. Мы наняли лошадей у нашего стараго знакомаго, купца Бережнаго, и вмѣстѣ поѣхали въ Якутскъ, 19-го Ноября, 1823 года, при 32° мороза.

ГЛАВА IX.

Возвратный путь изъ Средне-Колымска въ Санктпетербургъ, въ 1823 и 1824 гг.

Отправясь изъ Средне-Колымска въ Якутскъ на наемныхъ лошадяхъ, и не имѣя надобности слѣдовать почтовымъ трактомъ, идущимъ отъ Алазейскихъ горъ черезъ Зашиверскъ, Талабагъ и Верхоянскъ, мы поѣхали по дорогѣ, выбираемой обыкновенно купеческими караванами. Она пролегаетъ къ сѣверу отъ Зашиверска, вдоль рѣки Селенихи, по пустынѣ, изрѣдка обитаемой Якутами. Такимъ образомъ прорѣзывали мы страну въ другомъ направленіи, а не по прежнему нашему пути отъ Якутска въ Нижне-Колымскъ. Но по совершенному однообразію всей сѣверо-восточной Сибири, описаніе нашего возвратнаго пути было бы только повтореніемъ прежняго, потому ограничусь я здѣсь немногими предметами, на которые не имѣлъ прежде случая обратить вниманія.

Купеческіе караваны предпочитаютъ взятую нами дорогу обыкновенному почтовому тракту, потому что равнины, орошаемыя Селенгою, доставляютъ лошадямъ тучную пищу. На пещаныхъ берегахъ сей рѣки растетъ изобильно трава изъ рода хвощей (equisetum); она едва достигаетъ дюйма высоты и лѣтомъ у нея горьковатый вкусъ, почему тогда лошади и не ѣдятъ ея. Но послѣ первыхъ морозовъ, она получаетъ сладковатый вкусъ и дѣлается лучшею и любимою пищею лошадей, которыя въ короткое время отъ нея тучнѣютъ. Полезное растеніе, извѣстное здѣсь подъ именемъ *Чибоги*, и его вліяніе на физическій организмъ лошадей столь сильно, что даже потъ ихъ получаетъ зеленоватый цвѣтъ. Хотя единственно морозъ дѣлаетъ Чибогу способною для употребленія въ пищу, но за то слишкомъ сильная стужа вредитъ ей, ибо тогда дѣлается она хрупкою и разсыпается на части, когда лошадь копытомъ сгребаетъ съ нея верхній слой снѣга.

Наши лошади видимо поправлялись отъ такого хорошаго корма, и потому для ночлеговъ всегда выбирали мы тѣ мѣста, гдѣ можно было предполагать изобиліе Чибоги. Между прочимъ, 9-го Декабря переночевали мы, при 33° мороза, около большаго огня подъ открытымъ небомъ, на лужайкѣ, ничѣмъ незащищенной отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра. Здѣсь имѣлъ я случай замѣтить на сопровождавшемъ меня Якутѣ, до какой степени можетъ человѣкъ привыкнуть къ холоду и

непогодѣ. Въ дорогѣ Якуты не запасаются, ни палатками, ни одѣялами, даже не беруть съ собою какой нибудь теплой одежды, безъ которой мы, при нѣсколько сильномъ морозѣ, не смѣемъ выйдти изъ комнаты. Самыя отдаленныя зимнія путешествія совершаютъ они въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ костюмѣ, и проводятъ ночи почти всегда подъ открытымъ небомъ; попона лошади служитъ имъ постелью, а деревянное сѣдло подушкою. На ночь Якутъ скидаетъ свой *санаяхъ* и покрываетъ имъ плечи и спину, а передняя часть тѣла его, обращенная къ огню, остается почти безъ покрышки. Пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько времени, и чувствуя, что начинаетъ согрѣваться, Якутъ затыкаетъ себѣ небольшими клочками шкуры носъ и уши, и сія единственная предосторожность совершенно обезпечиваетъ его отъ замерзанія. Впрочемъ, даже и здѣсь въ Сибири называютъ Якутовъ *желѣзными людьми*, и такое названіе имъ вполнѣ прилично. Вѣроятно, нѣтъ другаго народа, который всякаго рода тѣлесныя страданія, особенно стужу и голодъ, переносилъ бы въ такой ужасной степени и съ такимъ хладнокровіемъ, какъ Якуты. Нѣсколько разъ могъ я наблюдать сонъ моего проводника, при 20-ти и болѣе градусахъ холода. Часто ночной огонь едва тлѣлъ; санаяхъ его свалился съ плечъ и все тѣло спящаго было покрыто толстымъ слоемъ инея; но ничто и нисколько не препятствовало сну его и въ послѣдствіи не вредило моему Якуту. Сверхъ того, Яку-

ты одарены чрезвычайнымъ, даже неимовѣрнымъ зрѣніемъ. Одинъ Якутъ среднихъ лѣтъ увѣрялъ начальника Устьянской экспедиціи, лейтенанта Анжу, что ему случалось видѣть, какъ одна *большая голубоватая звѣзда* (Юпитеръ) глотала другія меньшія звѣзды и послѣ ихъ выплевывала. Такимъ образомъ этотъ Сибирякъ простыми глазами могъ наблюдать затмѣніе спутниковъ Юпитера! Также нельзя не упомянуть объ удивительной памяти Якутскаго народа, особенно относительно мѣстности. Въ путешествіяхъ по необозримымъ, однообразнымъ пустынямъ, каждая лужа, каждый камень и кустъ, каждое едва замѣтное возвышеніе поверхности, не обращающія на себя вниманія Европейца, врѣзываются въ память Якута, и много лѣтъ спустя служатъ ему единственными и вѣрными путеводителями черезъ степи и тундры.

Здѣсь имѣлъ еще я случай наблюдать замѣчательное явленіе природы, такъ называемые *тарыни*, весьма затруднявшія намъ путь, и если не образованіемъ, то наружнымъ видомъ, походящія на глетчеры. Пещаный грунтъ здѣшнихъ горныхъ долинъ (особенно на берегахъ Догдо) во время жаркаго лѣта, и обыкновенно послѣ того наступающей сухой осени, совершенно высыхаетъ. Зимою, при сильныхъ морозахъ, изъ внутренности земли выступаетъ вода, разливается во всѣ стороны и замерзаетъ. Ледъ, ею образуемый, получаетъ трещины и щели; изъ нихъ выступаетъ снова вода, и замерзая, образуетъ

второй слой. По мѣрѣ усиленія мороза, вода подымается изъ рыхлаго грунта болѣе и болѣе на поверхность, ледяные слои распространяются, становятся толще и покрываютъ кустарники и даже деревья. Такъ остаются они до весны, когда лучи солнца и теплота начинаютъ дѣйствовать. Тогда ледъ таетъ и въ безчисленныхъ ручьяхъ сливается на низменности, гдѣ вода снова уходитъ въ землю. По дорогѣ въ Охотскъ и на Омеканскихъ горахъ встрѣчаются также ледяныя поля и никогда нетающія, но они лежатъ возвышенно и, вѣроятно, образуются отъ скопленія дождевой и снѣжной воды, а потому совершенно отличаются отъ тарыней на берегахъ Догдо. Ледъ въ тарыняхъ блестящаго бѣлаго цвѣта, и получаемая изъ него вода, судя по вкусу, и потому, что весьма худо разводитъ мыло, должна заключать въ себѣ много известковыхъ частицъ.

Переходъ черезъ тарыни очень затруднителенъ и опасенъ; если онѣ крѣпко замерзли, то ледяная поверхность ихъ такъ скользка, что даже хорошо подкованныя лошади на каждомъ шагу падаютъ и нерѣдко убиваются. Особенно опасны переходы черезъ тѣ тарыни, лежащія на свѣсахъ, или на краю овраговъ. Бѣда каравану, когда сильные, внезапные и довольно обыкновенные въ Сибири порывы вѣтра застаютъ его на такой дорогѣ! Люди и лошади низвергаются тогда въ пропасть. Безопаснѣе, но не легче, переходы черезъ тарыни, покрытыя вновь выступившею, но еще незамерзшею водою. Караванъ дол-

женъ проходить здѣсь черезъ глубокія лужи; причемъ главнѣйше надобно остерегаться, чтобы не замочить, и потомъ не отморозить себѣ рукъ и ногъ. Но Якуты все переносятъ. Въ подобныхъ случаяхъ, пройдя черезъ воду и промочивъ на сквозь свои *торбасы*, они довольствуются тѣмъ только, что вступаютъ въ рыхлый снѣгъ, который впиваетъ въ себя воду и на торбасахъ образуетъ толстую *ледяную* кору, легко отдѣляющуюся. Потомъ на ночлегѣ торбасъ окончательно высушивается.

Декабря 22-го достигли мы *Верхоянска*, называемаго Якутами *Боропукъ*, гдѣ простился съ нами Бережной. Онъ доставилъ насъ изъ Средне-Колымска сюда: (около 1224 верстъ) на однѣхъ лошадяхъ въ 32 дни, и такое путешествіе можетъ дать понятіе о крѣпости здѣшнихъ лошадей.

Городокъ Верхоянскъ состоитъ собственно только изъ пяти деревянныхъ домовъ, и деревянной же, не давно выстроенной и еще не освященной, церкви. Небольшое мѣстечко это лежитъ на западномъ берегу рѣки Яны, текущей здѣсь излучинами и ежегодно болѣе и болѣе подмывающей берега, почему Верхоянскъ со временемъ, вѣроятно, будетъ перенесенъ на противолежащую сторону. Войдя въ отведенную для меня квартиру, у здѣшняго мѣщанина Дорохова, я былъ пріятно изумленъ, ибо меня окружали предметы, сдѣлавшіеся чуждыми моимъ глазамъ: высокая, просторная, чистая горница была хорошо освѣ-

щена большими стеклянными окнами и убрана хорошею мебелью. Каминъ сдѣланъ былъ изъ изразцовыхъ кирпичей; въ углу помѣщался кіотъ, съ богатыми образами, а подлѣ у стѣны стоялъ шкафъ съ сочиненіями нашихъ лучшихъ писателей. Въ продолженіе всего путешествія, кромѣ собственныхъ моихъ книгъ, я видѣлъ только святцы, и то изрѣдка. Нельзя описать, какое пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ сихъ признаковъ нравственнаго образованія въ столь отдаленномъ, неизвѣстномъ уголкѣ земли. Хозяинъ и здѣшній окружный исправникъ Михайловъ угостили меня Европейскимъ обѣдомъ, и послѣ сухой, часто затхлой рыбы, онъ показался мнѣ истинною роскошью. Между прочимъ, разсказывали мои хозяева, что Устьянская экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, проѣхала здѣсь на возвратномъ пути въ Якутскъ, въ первыхъ числахъ Ноября.

Верхоянскъ, лежащій по нашимъ наблюденіямъ подъ 67′ 33′ широты, мѣстопребываніе исправника Янскаго, Индигирскаго и Жиганскаго округовъ, которые объемомъ равняются Франціи, но народонаселеніемъ уступаетъ многимъ деревнямъ. Не смотря на то, исправникъ, объѣзжая ежегодно свою обширную пустыню, всегда находитъ довольно дѣла для себя, своего секретаря и писаря, потому, что гдѣ живутъ хоть два семейства, тамъ непремѣнно уже зараждаются здѣсь ссоры и тяжбы, а ихъ должно изслѣдовать и разрѣшить.

Окрестности Верхоянска населены Якутами. Главный ихъ промыселъ скотоводство, чему много способствуетъ гористое положеніе страны и умѣренный климатъ долинъ. Зимою снѣгъ выпадаетъ здѣсь гораздо въ меньшемъ количествѣ, нежели въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Сибири, и стада остаются въ теченіе всего года на лугахъ, всегда находя себѣ достаточную пищу, что весьма важно, ибо жаркое лѣто, изсушая землю, не дозволяетъ дѣлать значительныхъ запасовъ сѣна. Озера попадаются здѣсь рѣже, нежели въ Колымскомъ округѣ, но недостатокъ ихъ вознаграждается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ богаты маленькими, въ два дюйма длиною, рыбками, водящимися въ чрезмѣрномъ множествѣ, такъ, что Якуты черпаютъ ихъ ведрами. Рыбка эта замораживается и сохраняется на зиму, а для ѣды ее растираютъ и варятъ съ толченою корою молодыхъ лиственницъ. Второе мѣсто между промыслами здѣшнихъ Якутовъ занимаетъ охота. Куропатки и зайцы водятся здѣсь въ неимовѣрномъ количествѣ. Лѣса изобилуютъ сверхъ того звѣрями, какъ то: сохатыми, оленями, черными медвѣдями, волками, кабаргами, лисицами, бѣлками, горностаями отличной доброты, и т. д. Черныя лисицы попадаются здѣсь рѣдко; соболей вовсе нѣтъ. Надобно полагать, что кабарга попадается здѣсь во множествѣ, ибо фунтъ мускуса въ Верхоянскѣ продается по 10 и 15 рублей.

Здѣшніе Якуты, отъ частыхъ сношеній съ сво-

ими соплеменниками, около Якутска живущими, утратили первобытную чистоту нравовъ. Страсть къ спорамъ, тяжбамъ и картамъ, обманы и воровство вкоренились въ здѣшнемъ народѣ до неимовѣрной степени. Взаимная недовѣрчивость и страхъ покражи принуждаютъ здѣшнихъ Якутовъ жить въ одной юртѣ со всѣмъ своимъ домашнимъ скотомъ. Можно представить послѣ сего чистоту и воздухъ въ подобномъ жилищѣ. Колымскіе Якуты, особенно въ мѣстахъ, лежащихъ вдали отъ большой дороги, гдѣ не проходятъ караваны съ водкою, живутъ гораздо опрятнѣе; домы ихъ чище и одежда лучше здѣшнихъ.

Во время пребыванія моего въ Верхоянскѣ, свирѣпствовало тамъ и въ окрестностяхъ особаго рода простудное повѣтріе, обнаруживавшееся сильнымъ стѣсненіемъ въ груди, головною болью и стрѣляніемъ въ ушахъ. Болѣзнь появилась отъ того, что послѣ необыкновенно густаго тумана, наполнявшаго атмосферу въ теченіе цѣлой недѣли, внезапно наступили сильные морозы. Отъ 23-го до 26-го Декабря термометръ Реомюра показывалъ 36°, 40°, 42° и даже $42\frac{1}{2}$° холода. Всѣ жители, болѣе или менѣе, были нездоровы, и я также страдалъ нестерпимымъ стѣсненіемъ въ груди, отъ котораго избавился только при помощи медика въ Якутскѣ. Казакъ, посланный туда впередъ, съ бумагами, сдѣлался жертвою сей болѣзни. По общему здѣсь мнѣнію, какъ сія, такъ и другія эпидеміи, гибельны только кореннымъ и постояннымъ жителямъ Сибири, а для

проѣзжающихъ и короткое время живущихъ здѣсь, не опасны.

Встрѣтивъ праздникъ Рождества Христова въ Верхоянскѣ, 27-го Декабря отправились мы въ дальнѣйшій путь.

Стужа не умѣрялась; ртуть въ термометрѣ постоянно стояла на 40° ниже точки замерзанія. При такомъ холодѣ, всякая поѣздка, даже и въ саняхъ, затруднительна, а верхомъ на лошади несносна. Безъ собственнаго опыта, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о тѣхъ мученіяхъ, съ какими сопряжено подобное путешествіе. Закутавшись въ толстыя, но промерзшія мѣховыя платья, около пуда вѣсомъ, дышать можно только украдкою изъ-за медвѣжьяго воротника, покрытаго густымъ инеемъ; мѣховая шапка закрываетъ все лицо, ибо внѣшній воздухъ столь рѣзокъ, что каждый вздохъ производитъ несносно болѣзненное чувство въ горлѣ и легкихъ. Сверхъ того путешественникъ, въ продолженіе десяти часовъ (обыкновеннаго переѣзда отъ одного ночлега, или привала, къ другому), прикованъ къ лошади, съ трудомъ пробирающейся по глубокому снѣгу, въ которомъ человѣкъ утонулъ бы, не говоря уже, что въ тяжелой шубѣ всякое движеніе почти невозможно. Лошади терпятъ столько же, сколько и всадники, отъ холода, равно на нихъ дѣйствующаго. Около ноздрей образуются у нихъ ледяныя закраины и сосульки, препятствующія дыханію. Онѣ извѣщаютъ о томъ болѣзненнымъ ржаніемъ и судорожнымъ

трясеніемъ головы. Ѣздокъ долженъ поспѣшить подать въ такомъ случаѣ помощь своей лошади, а безъ того она можетъ задохнуться. На безснѣжныхъ ледяныхъ пустыняхъ, при слишкомъ сильной стужѣ, копыты лошадей нерѣдко трескаются. Караванъ всегда бываетъ окруженъ густымъ синимъ облакомъ, производимымъ собственными его испареніями. При сильнѣйшихъ холодахъ, даже снѣгъ, болѣе и болѣе сжимаясь, отдѣляетъ отъ себя теплотворъ. Водяныя частицы паровъ мгновенно превращаются въ милліоны ледяныхъ блестокъ, наполняютъ всю атмосферу и производятъ безпрерывный шорохъ, нѣсколько похожій на звукъ, происходящій отъ раздиранія бархата, или толстой шелковой матеріи. Даже олень, вѣчный житель отдаленнѣйшаго Сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ защиты отъ ужаснаго холода. На тундрахъ олени становятся въ тѣсныя кучи, стараясь согрѣть другъ друга своими испареніями. Только зимній воронъ медленнымъ, слабымъ полетомъ разсѣкаетъ ледяной воздухъ, оставляя за собою тонкую, какъ нить, струйку пара, и не одни одушевленные, но даже и неодушевленные предметы, подвержены бываютъ ужасному вліянію стужи. Вѣковыя деревья трескаются съ оглушительнымъ шумомъ, который раздается въ степяхъ, какъ выстрѣлы среди моря; тундры и скалистыя долины щелятся, образуя глубокія рытвины; скрытая въ нѣдрахъ земли вода, дымясь, разливается по поверхности и мгновенно превращается въ ледъ, а въ горахъ огромныя скалы

отрываются и съ грохотомъ катятся въ долины. Даже на самый воздухъ простирается вліяніе сильныхъ морозовъ. Столь часто и справедливо восхваляемая, величественная красота темно-голубаго полярнаго неба пропадаетъ въ атмосферѣ, сгущенной стужею; звѣзды теряютъ свой обыкновенный блескъ, и сіяніе ихъ становится тусклымъ. Таинственная, поэтическая прелесть лунной ночи исчезаетъ тамъ, гдѣ мертвая природа скрыта подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и задавленное однообразіемъ воображеніе тщетно ищетъ предмета своей дѣятельности въ странѣ, гдѣ все неподвижно, и гдѣ послѣднія усилія животнаго организма человѣческаго клонятся только къ тому, какъ спастись отъ замерзанія.

Намъ предстоялъ еще трудный переходъ черезъ Верхоянскія горы. Мы достигли подошвы ихъ 4-го Января. Рѣзкій вѣтеръ вырывался изъ ущельевъ ихъ съ непомѣрною силою и грозилъ гибелью отважному путнику. Мы рѣшились провести ночь и ожидать перемѣны въ построенной здѣсь поварнѣ. Тотчасъ послѣ заката солнца, густой, ледяной туманъ, вытѣсненный вѣтромъ съ горъ и изъ овраговъ, разлился по долинѣ и обхватилъ весь видимый горизонтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась ужасная буря. Вѣтеръ набѣгалъ порывами на лѣсъ, ломая и опрокидывая вѣковыя деревья, и только малая вышина нашей утлой хижины спасала ее отъ разрушенія. За то намъ угрожала ежеминутная опасность быть раздавленными какимъ либо изъ окружавшихъ насъ

деревьевъ. Такъ провели мы ночь. Къ утру буря затихла; атмосфера очистилась и температура сдѣлалась умѣреннѣе; термометръ показывалъ только 19° холода, и такая погода казалась намъ уже весьма сносною послѣ бывшихъ до того морозовъ. Мы поспѣшили воспользоваться столь благопріятною перемѣною и совершили переходъ черезъ горы довольно скоро и безъ особенныхъ затрудненій.

Января 7-го спустились мы счастливо съ горнаго хребта въ большой сосновый лѣсъ. Видъ огромныхъ, вѣчно зеленыхъ деревьевъ, произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе, напоминая намъ другія болѣе благословенныя страны отечества. Проѣхавъ еще нѣсколько такихъ лѣсовъ, 10-го Января прибылъ я счастливо въ Якутскъ. Здѣсь встрѣтилъ меня сотоварищъ и другъ, лейтенантъ Анжу, возвратившійся изъ его труднаго и опаснаго путешествія.

Въ продолженіе почти четырехъ-лѣтняго отсутствія моего, Якутскъ значительно перемѣнился и улучшился. Между другими улучшеніями было и то, что безполезный, старый деревянный острогъ разломали, и изъ уцѣлѣвшихъ въ немъ годныхъ бревенъ построили домъ для клуба, куда въ положенные дни собираются почетнѣйшіе жители города. Здѣсь нашелъ я хорошо освѣщенную залу, буфетъ съ разными кушаньями и напитками, бильярдъ, комнату для карточной

игры, и проч. По праздникамъ здѣсь обѣдаютъ, танцуютъ, а иногда залъ превращаютъ въ театръ и разыгрываются разныя пьесы. Въ наше время давали тутъ оперу: *Мѣльникъ*. Актерами были молодые казаки и играли весьма порядочно. Предки ихъ строили острогъ, который, превратясь нынѣ въ храмъ Таліи, вмѣсто ужаса, разливаетъ общее удовольствіе. Всѣми такими улучшеніями обязанъ былъ Якутскъ своему тогдашнему городничему г-ну Мордвинову.

Здѣсь собственно кончилась наша поѣздка. Всѣ наши спутники, одинъ за другимъ, оставляли городъ, спѣша на родину. Только мы съ г-мъ Анжу должны были прожить въ Якутскѣ еще цѣлый мѣсяцъ для совершеннаго окончанія счетовъ, и не прежде 8-го Февраля могли отправиться въ дальнѣйшій путь. Февраля 25-го прибыли мы въ Иркутскъ, гдѣ ожидалъ насъ докторъ Киберъ. Здѣсь испросили мы позволеніе г-на Генералъ-Губернатора Александра Степановича Лавинскаго посѣтить горячіе ключи, находящіеся по ту сторону Байкала, и доставившіе намъ нѣкоторое облегченіе отъ мучительнаго ревматизма, неизбѣжнаго слѣдствія путешествій по полярнымъ странамъ. Докторъ Киберъ, въ описаніи возвратнаго пути его изъ Средне-Колымска, помѣстилъ свои наблюденія и собранныя имъ свѣдѣнія о Турсинскихъ горячихъ ключахъ и мнѣ остается только замѣтить, что пользованіе тамошними водами замедлило нашъ возвратъ въ Санктпетербургъ, ку-

да мы пріѣхали уже 15-го Августа 1824 года. Мичманъ Матюшкинъ и штурманъ Козьминъ опередили насъ тремя мѣсяцами.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Глава I. Второе путешествіе по льду. — Приготовленія. — Планъ. — Отъѣздъ. — Медвѣжья охота. — Ночлегъ на морскомъ льду. — Глазная болѣзнь. — Четыре-столбовой островъ. — Разсолъ. — Ломка льдовъ. — Цѣпь торосовъ. — Торосы стараго образованія. — Средство сохранять курсъ среди торосовъ. — Складъ провіанта во льду. — *Ледяной хребетъ.* — Праздникъ Пасхи. — Бѣлые медвѣди. — *Медвѣжій островъ* и *Крестовый островъ.* — Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ . . 1

Глава II. Весна. — Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. — Рыбная ловля для экспедиціи. — Устройство судна. — Распредѣленіе лѣтнихъ работъ экспедиціи. — Жары. — Комары. — Перелетныя птицы. — Отплытіе на новопостроенномъ катерѣ. — Рыбныя ловли при деревнѣ Походской. — Оленья охота на тундрѣ. — Пріѣздъ въ Чукотское. — Экспедиція для описи морскаго берега до рѣки Индигирки. — Затрудненіе при описи устьевъ Колымы. — Возвращеніе изъ Чукотскаго. — Пожаръ. — Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. — Поѣздка къ Средне-Колымскимъ Якутамъ, ихъ лѣтнія жилища и образъ жизни. — Разсказъ старика. — Вытечныя озера. — Ранняя зима. — Возвращеніе въ Нижне-Колымскъ. — Пріѣздъ гг. Матюшкина, Кибера и Козьмина. 53

Глава III. Отчетъ г. Матюшкина о путешествіи къ Большому и Малому Анюямъ. — Отъѣздъ изъ Нижне-Колымска. — Мамонтовыя кости. — Плотбище. — Первобытные жители страны. — Нынѣшнее народонаселеніе. — Переходы оленей и охота. — Дальнѣйшее путешествіе. — Скала *Обломъ.* — Общія замѣчанія о *Маломъ Анюѣ.* — Путешествіе верхомъ по берегамъ *Большаго Анюя.* — Рѣка *Камешкова.* — Охота за пушными звѣрями. — Ловушки. — Мѣстечки *Сладкое* и *Лабазное.* — День

Стр.

тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.—Несчастная оленья охота.—Голодъ.—Возвратный путь водою. — Урочище *Долгое*.—Рѣкоставъ.—Дальнѣйшій путь на нартахъ. — Прибытіе въ Нижне-Колымскъ. — Общія замѣчанія о племенахъ, живущихъ на берегахъ Анюя 74

Глава IV. Путевой журналъ штурмана Козьмина, въ 1821 году, при описи береговъ Ледовитаго моря, между устьями рѣкъ малой Чукочьей и Индигирки 115

Глава V. Третье путешествіе по льду.—Приготовленіе.—Повѣтріе между собаками.—Планъ путешествія.—Поѣздка на сѣверъ.—Нападеніе бѣлаго медвѣдя.—Складъ провіанта во льду.—Высокіе торосы.—Второй складъ провіанта.—Раздѣленіе экспедиціи.—Ложные признаки земли.—Соединеніе экспедиціи. — Вторая поѣздка на сѣверъ. — День Пасхи. — Ломка льдовъ. — Шелагскій мысъ.—Возвращеніе на берегъ.—Походскъ.—Голодъ.—Пріѣздъ въ Нижне-Колымскъ. — Наводненіе. . 143

Глава VI. Путешествіе по Каменной тундрѣ, лѣтомъ 1822 года 181

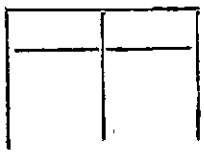
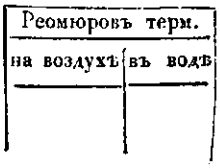
Глава VII. Путешествіе мичмана Матюшкина, по тундрѣ, къ востоку отъ Колымы, лѣтомъ 1822 года . . 230

Глава VIII. Четвертая поѣздка по льду и опись берега до острова Колючина.—Отъѣздъ.—Встрѣча съ Чукчами на Шелагскомъ мысѣ. — Сказанія о землѣ на Сѣверъ.—Путь по морю.—Полыньи и тонкій ледъ.—Поворотъ.—Опасное положеніе.—Потеря части запасовъ. — Выѣздъ на берегъ.—Встрѣча съ г. Матюшкинымъ.—Извѣстіе о Шалауровѣ.—Продолженіе описи морскаго берега до острова Колючина.—Замѣчанія о Чукчахъ.—Недостатокъ путевыхъ припасовъ и крайнее изнуреніе собакъ.—Возвращеніе.—Заключеніе 280

Глава IX. Возвратный путь изъ Средне-Колымска въ Санктпетербургъ, въ 1823 и 1824 гг. 346

ОПЕЧАТКИ

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
4	1	прошлогодней	первой
12	4	пóлога	полоза
24	5	заструги уже	заструги же
30	17	лѣвая	правая
	19	правая	лѣвая
39	27	лукомъ и стрѣлами—	*выпустить.*
75	3—4	вовою	водою
77	13	рогъ	роговъ
108	6	мокенскихъ	маленькихъ
110	6	тундрахъ	тундрамъ
	14	въ отъ отдаленныя	въ отдаленныя
155	снизу-3	намъ	нашъ
161	23	96 верстъ	69 верстъ
168	20—21	сварать	сворить
177	9—10	накорлить	накормить
209	5	воды	водъ
211	3		

Стр.	Строк.	Напечатано:	Читать:
231	1	начальствомъ	начальникомъ
233	23	на смотря	не смотря
239	21	рассахи	рассохи
	25	рассаху	рассоху
291	19	отъ него	отъ М. Шелагскаго
293	28	NW+N	NWtN
295	2	Егокинъ	Ечюнинъ
297	23	18°	18-е
300	19	на грунтѣ	въ группѣ
312	30	наши	наши путешествен-ники
313	6	снѣгъ.	снѣгъ!
322	1	при семъ	при себѣ
325	29—30	снашѣмнаго	смѣшаннаго
340	18	сокъ	бульонъ
346	11	Селенихи	Селеняхи
347	23	Селенихою	Селеняхою
	12	Полезное растеніе, извѣстное	Сіе полезное расте-ніе извѣстно
348	26	20-ти	30-ти

КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ Г. ВРАНГЕЛЯ ПРИЛОЖЕНЫ:

1. Меркаторская карта сѣверовосточной части Сибири.
2. Меркаторская карта части сѣвернаго берега Сибири.
3. Меркаторская карта Медвѣжьихъ острововъ.
4. Меркаторская карта рѣкъ Большаго и Малаго Анюя.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

ПУТЕШЕСТВІЮ

ПО

СѢВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ И ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ, СОВЕРШЕННОМУ ВЪ 1820, 1821, 1822, 1823 И 1824 ГОДАХЪ, ЭКСПЕДИЦІЕЮ, СОСТОЯВШЕЮ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА ЛЕЙТЕНАНТА

Фердинанда фонъ-Врангеля,

СОДЕРЖАЩІЯ ВЪ СЕБѢ:

замѣчанія о Ледовитомъ морѣ, полярныхъ льдахъ, сѣверныхъ сіяніяхъ, ѣздѣ на собакахъ, языкахъ туземцевъ, метеорологическія, климатологическія наблюденія и таблицы географическаго положенія мѣстъ,

съ приложеніемъ 13 литографированныхъ раскрашенныхъ рисунковъ сѣверныхъ сіяній и походныхъ принадлежностей.

ИЗДАННЫЯ

ИЖДИВЕНІЕМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Acc. 6059.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ. С. Петербургъ. 16 Іюля 1840 г.

Цензоръ *А. Кутырга.*

I.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ЛЕДОВИТОМЪ МОРѢ.

Промышленники, пріѣзжающіе ежегодно на острова Котельный и Новую Сибирь для лѣтовки, замѣчаютъ, что между материкомъ и сими островами Ледовитое море замерзаетъ на-крѣпко не ранѣе послѣднихъ чиселъ октября, хотя по берегамъ скрѣпляется оно гораздо ранѣе. Такъ и на оборотъ, берега очищаются отъ льдовъ уже въ исходѣ іюня, а въ большемъ отдаленіи отъ нихъ ледъ ломается мѣсяцемъ позже, разслабленный прежде множествомъ щелей, образующихся весною, можетъ быть, и въ самую зиму.

Лѣтомъ море покрыто большими и малыми льдинами, несомыми по разнымъ направленіямъ вѣтрами и теченіями, производящими ужасное явленіе взаимнаго спиранія и сокрушенія огромныхъ ледяныхъ массъ, извѣстное по описаніямъ путешественниковъ. Мѣстами, на небольшихъ глубинахъ и въ сторонѣ отъ направленія теченія большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ, ледъ стоитъ недвижимо, и бываютъ годы, когда онъ почти не отходитъ отъ нѣкоторыхъ береговъ материка.

Изъ большаго числа впадающихъ въ Ледовитое море рѣкъ выносится ежегодно множество льда, который ни отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, ни отъ соли, содержимой въ морской водѣ, совершенно исчезать не можетъ, и тѣмъ менѣе, что при самомъ превращеніи льда въ воду, поглощается значительное количество теплотвора и понижается температура окружающаго его воздуха. Такъ огромный запасъ льдовъ Ледовитаго моря получаетъ и отъ рѣкъ нѣкоторое приращеніе, въ добавокъ къ ежегодно намерзающему въ самомъ морѣ.

Зимою Ледовитое море представляетъ, въ маломъ размѣрѣ, видъ сѣверной безлѣсной части Сибири, гдѣ необозримыя голыя тундры окружены горами. Равномѣрно протягиваются и въ морѣ ледяные хребты, образующіе долины, и ограничивающіе равнины, на коихъ глубокій снѣгъ получаетъ твердость льда и принимаетъ виды волнообразныхъ возвышеній. Щели и полыньи бываютъ въ ровномъ льду, и между торосами, вѣроятно, во всякое время года, и уподобляются озерамъ, рѣчкамъ и болотамъ.

Земная рефракція оказываетъ сильное дѣйствіе на Ледовитомъ морѣ, какъ среди зимы, отъ сгущеннаго морозомъ воздуха, такъ и въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, отъ испаренія снѣговъ. Горы и морскіе торосы обезображиваются и принимаютъ самые странные виды, часто кажутся даже висящими на воздухѣ. Дѣйствіемъ сей рефракціи должны бы показываться самые отдаленнѣйшіе предметы, если бы тому не препятствовала единообразная бѣлизна, покрывающая всю природу, и неопредѣленность очертанія ихъ.

Послѣ сего общаго взгляда на Ледовитое море, распространюсь особенно о главнѣйшихъ явленіяхъ его и во-первыхъ, о *торосахъ*.

ТОРОСЫ.

Ледяныя глыбы, покрывающія зимою горизонтальную поверхность моря, называются отъ приморскихъ жителей Сѣверной Сибири вообще *торосами*. Ими покрывается необозримая ледяная равнина, то въ видѣ неправильныхъ группъ, то на подобіе цѣпи горъ, а иногда отдѣльными массами, и во всѣхъ сихъ видахъ представляетъ собою обломки льдинъ, которыя показываются отчасти свѣжими, съ острыми гранями, а отчасти старыми, такъ сказать, завѣтрѣлыми въ формахъ болѣе или менѣе округленныхъ.

Въ слѣдствіе сего должно различить два разряда торосовъ: 1) *торосы свѣжаго лома*, и 2) *старые торосы*.

1. Торосы свѣжаго лома.

Къ сему разряду отношу *я* торосы, образованные ломаніемъ моря съ осени, до наступленія лѣта ближайшаго года. Въ нихъ примѣтны два подраздѣленія: а) *осенніе торосы*, и б) *зимніе* и *весеніе торосы*.

Трудно себѣ представить, чтобы море, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, вдругъ покрылось льдомъ. Замерзаніе его начинается отъ береговъ материка и острововъ, и бываетъ временно прерываемо волненіемъ отъ крѣпкихъ вѣтровъ, дѣйствующихъ на воды незамерзшихъ частей океана, сообщающихъ свое

движеніе водамъ и льдомъ уже покрытымъ. Такимъ образомъ дѣлаются *полыньи* въ замерзшихъ частяхъ океана, и онѣ становятся причинами другихъ полыней, между тѣмъ, какъ сами замерзаютъ или сжимаются отъ случайнаго движенія льдовъ. Разныхъ величинъ и фигуръ куски льда, разломаннаго при образованіи полыней, плавая въ нихъ, вмерзаютъ отъ слѣдующаго за тѣмъ мороза, и покрываютъ море на большія пространства. Сей-то торосъ, думаю я, дѣлается въ началѣ зимы, или осенью, когда въ морѣ есть еще много обширныхъ полыней. Онъ самый затруднительный для ѣзды, ибо пространства между его острогранными, ростъ человѣческій превышающими льдинами, наполнены рыхлымъ снѣгомъ, гдѣ нарта съ собаками тонетъ. Но сей торосъ не столь опасенъ, какъ зимній, или весенній.

Когда море представляетъ уже непрерывное ледяное поле, отъ береговъ материка до постоянной полыньи (о чемъ будетъ сказано ниже), образующіяся въ немъ частныя и временныя полыньи получаютъ довольно правильныя направленія, и по сторонамъ ихъ ледъ разламывается и подымается грядами. Значительнѣйшіе изъ сихъ ледяныхъ хребтовъ направлены бываютъ обыкновенно параллельно между собою, и слѣдуютъ общему направленію постоянной полыньи, т. е. на сѣверо-западъ и юговостокъ. Ихъ встрѣчаете отъ береговъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, которое, завися отъ близости полыньи и глубины моря, весьма измѣняется (между материкомъ и островами Котельнымъ и Новая Сибирь, торосы не принимаютъ вида хребтовъ, направленныхъ въ одну сторону). Сіи торосы бываютъ различныхъ видовъ: съ равнонаклонными сторонами, или

одна съ одною стороною пологою, а другою отвѣсною. Торосъ, видѣнный нами въ 1821-мъ году, апрѣля 6-го, можетъ служить примѣромъ втораго изъ сихъ видовъ, и вотъ описаніе его, взятое мною изъ путеваго журнала: «Пробравшись съ трудомъ чрезъ крупные торосы, «выѣхали мы на узкую и довольно ровную полосу В «(изображеніе 1), направленную къ NW и ограниченную «съ правой стороны торосами СС осенняго лома, а съ «лѣвой возвышеніемъ льда DD, пологость котораго съ «SW стороны, а къ NO навѣсный отрубъ были до 6-ти «саженъ вышиною. Вплоть у сего отруба была щель, за «которою видны были полыньи, такъ далеко, какъ «только глазомъ окинуть было можно; внутренность «сего возвышенія, со стороны отвѣса, наполнена была «крупными и мелкими льдинами, часть коихъ взброше- «на была даже на самый верхъ. У подошвы пологой «стороны сего ледянаго хребта, выступала во многихъ «мѣстахъ вода, разливаясь на нѣсколько саженъ вдоль «пологой стороны возвышенія; по срединѣ его напра- «влялась мѣстами горизонтальная щель А, въ $^1/_2$ ар- «шина шириною. Я смотрѣлъ въ сіе отверзтіе внутрь «льда на 8 футовъ, но воды не видалъ; примѣчатель- «но, что ледъ распластался здѣсь по своей толщинѣ на «нѣсколько параллельныхъ межъ собою слоевъ, каж- «дый въ $^3/_4$ аршина толщиною.» Большею частію цѣ- пи торосовъ свѣжаго лома бываютъ составлены изъ множества огромныхъ ледяныхъ массъ и мелкихъ льдовъ, величиною и видомъ весьма разнообразныхъ и поддерживаемыхъ взаимно удивительнымъ механиз- момъ: иногда на льдинѣ, толщиною не болѣе 2-хъ, а шириною въ 1 футъ, лежитъ ледяная громада кубиче-

ской фигуры, имѣвшей по двѣ сажени въ каждую сторону, а возвышенія до 70-ти футовъ отъ горизонта воды! Какъ въ сіи торосы входятъ и обломки стараго льда (о чемъ упомянуто ниже), вмѣстѣ съ свѣжимъ льдомъ, то они представляютъ различные цвѣта: *сѣрый*, весьма нечистый цвѣтъ, означаетъ льдины осенняго лома, потому что на небольшой глубинѣ дѣлается вода отъ волненія мутною и замерзаетъ прежде осадки ея иловатыхъ частицъ; *бѣловатый* цвѣтъ принадлежитъ поверхности стараго льда; яркій *зелено-голубой* цвѣтъ свойственъ бываетъ послѣднему зимнему льду. Вблизи отъ постоянной полыньи, западнѣе Шелагскаго Носа, протягиваются цѣпи торосовъ (до 70-ти футовъ вышиною), состоящихъ изъ льдинъ, толщиною отъ $1^1/_2$ аршина до 3 дюймовъ, когда и горизонтальный ледъ потолще $1^1/_2$ аршина (что доказываетъ безпрерывное здѣсь разламываніе моря.) Сіи льдины зимняго послѣдня о замерзанія весьма мало прозрачны, безъ внутреннихъ пузырей и прекраснѣйшаго яркаго зелено-голубаго цвѣта, почему въ солнечные дни показываются на большомъ разстояніи. Вкусъ сего льда солодковой, тѣмъ болѣе, чѣмъ зеленѣе цвѣтъ. Между нимъ находили мы льды совершенно прѣснаго вкуса; ихъ цвѣтъ голубѣе, и они прозрачнѣе другихъ. Переправы чрезъ сіи крупные торосы, составленные изъ острогранныхъ льдинъ, сопряжены съ немалою опасностью, какъ для людей, такъ и для собакъ. (Въ фиг. 2-ой изображена гряда торосовъ свѣжаго лома, образовавшихся на закраинѣ полыньи.)

2. Старый торосъ.

Горизонтальный ледъ, получивши въ продолженіи одной зимы толщину $9^1/_3$ футовъ, будучи разломанъ на части, между собою свободныя, долженъ погрузиться въ воду, примѣрно на 8-мъ футовъ. Слѣдующею зимою намерзнетъ къ этимъ плавающимъ кускамъ новый слой, положимъ въ 5 футовъ. Сія масса, составляя уже 14 футовъ толщины и дѣлаясь лѣтомъ свободною, погрузнетъ въ воду около $12^1/_2$ футовъ. Она получила уже большую стойкость, и, когда зимою вмерзнетъ, то не столь удобно бываетъ разламываема, какъ вновь образующійся около нея ледъ. Сей новый ледъ, получивъ толстоту около 9 футовъ, и ломаясь отъ сильнаго волненія, или другихъ причинъ, напираетъ на ближнюю толстую массу льда, и огромныя льдины, скользя одна по другой, подымаются вверхъ, а другія, претерпѣвая давленіе отъ сосѣднихъ льдинъ, погружаются въ воду и придавливаются къ нижней площади массы, такъ, что тѣ и другія льдины отъ морозовъ соединяются въ одно нераздѣльное тѣло (*), достигающее толщины уже 32 футовъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, толстота раздѣльныхъ прежде между собою ледяныхъ массъ можетъ дойдти до 150 и болѣе футовъ. Плавая по морю, въ лѣтнее время, сіи громады должны мелѣть на глубинѣ 22-хъ саженъ, и дѣлаются неподвижными.

(*) Смерзанію льдинъ способствуютъ остающіеся на ихъ верхнихъ поверхностяхъ слои снѣга, очерчивающіеся на вертикальныхъ поверхностяхъ толстыхъ массъ стараго льда тонкими параллельными жилками.

Отъ различнаго расположенія сихъ толстыхъ ледяныхъ массъ, принимаютъ онѣ въ морѣ разнообразные виды, уподобляясь: а) отдѣльно стоящимъ скаламъ, въ окружности около 100 и въ вышину отъ 20 до 30-ти футовъ; б) валу подобнымъ кряжамъ, гдѣ множество толстыхъ массъ сцѣпилось по одному прямолинейному направленію; и в) системѣ холмовъ, когда нѣсколько отдѣльныхъ массъ расположилось вокругъ другихъ въ нѣкоторомъ между собою разстояніи. Въ такомъ положеніи заносятся сіи массы снѣгомъ со всѣхъ сторонъ, такъ, что стороны ихъ уравниваются, и онѣ принимаютъ виды сахарныхъ головъ, или куполовъ.

Для примѣра сего вида старыхъ торосовъ можетъ послужить описаніе такъ названнаго мною *ледянаго острова,* видѣннаго нами апрѣля 4-го 1821-го года, около 175 верстъ въ моръ отъ берега: «Мы въѣхали «въ торосы совершенно инаго вида отъ всѣхъ прежде «нами замѣченныхъ. Будучи подобны холмамъ, они «представляли со всѣхъ сторонъ покатости, такъ, что «весьма удобно можно было по нимъ ѣздить. Холмы «ихъ были величиною и видомъ весьма различны: «иные подобны куполамъ, другіе остроконечнымъ «сопкамъ, образующимъ между собою глубокія доли«ны, отъ гладкой и ровной поверхности коихъ возвы«шаются они отъ 10 до 70 футовъ. Цвѣтъ льда, со«ставляющаго сіи холмы, бѣлый, иногда съ весьма тем«нымъ отцвѣтомъ; вкусомъ они прѣсны и притомъ «тверды и хрупки. Вѣроятно, вкусъ сей образовался «не изъ морской воды, но примерзаніемъ дождя, ту«мановъ, тающаго снѣга и проч., на подобіе образующа«гося лѣтомъ на высокихъ горахъ льда (Gletscher Eis.)

«Въ одной глубокой впадинѣ вырубили мы яму, въ 2 «аршина глубины, и на днѣ ея находили такой же «прѣсный бѣлый ледъ, какъ и на верхушкѣ самой вы«сокой сопки.» Особенно много такихъ холмовидныхъ торосовъ видѣли мы въ 1822 году, противъ Песчанаго Мыса, а въ послѣдней нашей поѣздкѣ по морю, слѣдовали мы по ледяному острову, покрытому сопками до 80-ти футовъ вышиною. Въ толстомъ и твердомъ снѣгѣ, покрывавшемъ стороны сихъ ледяныхъ горъ, находили много медвѣжьихъ берлогъ (*). Отличительныя свойства всякаго стараго льда: прѣсный вкусъ, бо́льшая противъ морскаго льда свѣжаго намерзанія, имѣющаго соленый вкусъ, твердость, и стѣшанные цвѣта: *бѣловатый, синій, бурый*. Фиг. III представляетъ отдѣльную торосину стараго льда, въ вертикальномъ ея разрѣзѣ, а фиг. IV изображаетъ гряду старыхъ торосовъ, смѣшанныхъ со льдинами новаго лома.

(*) Скорезби, въ своемъ Account of the arctic regions, часть 1, стр. 107, 258, описываетъ сего рода льды, подъ названіемъ Iceberg, образующіеся, по его замѣчаніямъ, въ глубокихъ заливахъ, окруженныхъ горами. Въ водахъ шпицбергенскихъ и гренландскихъ находятъ такія Icebergs въ 200 футовъ вышины надъ водою; нами видѣнныя въ половину меньше, что такъ и должно быть, если сего рода ледяныя массы получаютъ свое приращеніе отъ холоднаго дождя, падающаго осенью въ величайшемъ обиліи въ странѣ, описываемой наблюдательнымъ Китоловомъ (Скорезби Voyage, стран. 342.) Но въ части Ледовитаго моря, ограниченной къ югу пространною землею, дожди, по весьма естественной причинѣ, должны идти рѣже и слабѣе. Ежели сіи Icebergs не иначе составляться могутъ, какъ только въ глубокихъ заливахъ, между крутыми горами, то замѣченные мною сего рода льды должны быть пришельцы съ земли неизвѣстной, ибо по берегамъ Сибири и лежащихъ въ семъ морѣ острововъ, нѣтъ столь глубокихъ и крутобережныхъ заливовъ, гдѣ могли бы образоваться ледяныя горы.

ПОСТОЯННАЯ МОРСКАЯ ПОЛЫНЬЯ И ТЕЧЕНІЕ МОРЯ.

Около 25 верстъ къ сѣверу отъ острововъ *Котельнаго* и *Новой Сибири*, море зимою вовсе не замерзаетъ. Сотникъ Татариновъ, бывшій съ геодезистомъ Пшеницынымъ на Новой Сибири, видѣлъ открытое свободное отъ льдовъ море, въ 1811-мъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ означенномъ разстояніи, по направленію отъ сѣвернаго берега Новой Сибири. Г. Геденштромъ, въ 1810-мъ году, доѣхалъ до полыньи, въ 70 верстахъ къ востоку отъ Новой Сибири, и далѣе нашелъ приближенное направленіе ея на юго-востокъ. Г. лейтенантъ Анжу слѣдовалъ вдоль полыньи, обгибавшей съ сѣверной стороны Котельный Островъ и Новую Сибирь, и замѣтилъ въ западной сторонѣ ея, къ NW отъ Котельнаго острова, перемѣнное теченіе моря, которое призналъ за приливъ и отливъ. Геодезіи прапорщикъ Леонтьевъ, въ 1764-мъ году, удалясь къ сѣверу отъ острова Четырехъ-Столбоваго, на половинное разстояніе хорошаго дневнаго переѣзда, т. е. около 40 верстъ, былъ задержанъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи тонкимъ льдомъ, который, если простирается на большія пространства, всегда можетъ служить предвѣстникомъ близости обширной полыньи. Мы встрѣтили такой тонкій ледъ въ 79-ти верстахъ къ NNO отъ упомянутаго острова, и были удержаны полыньями въ 118-ти верстахъ. Г. Геденштромъ, въ 1810 году, въ пушествіи своемъ на NNO отъ Малаго Баранова Камня, видѣлъ широкую открытую щель и тонкій ледъ, по измѣреніямъ его, въ 250 верстахъ отъ берега (*), изамѣтилъ быстрое въ ней

(*) Ежели сравнить глубину, найденную г. Геденштромомъ въ семъ

теченіе къ OSO. Мы встрѣтили, въ 1821-мъ году, ломавшійся толстый ледъ и образовавшіяся въ немъ щели и полыньи въ 190 верстахъ на NtO отъ Малаго Баранова Камня, слѣдовали вдоль ихъ, вообще по направленію SO, на 140 верстъ, и нашли направленіе теченія въ нихъ на OSO по $^1/_4$ узла, хотя вѣтеръ дулъ тогда свѣжій NO. Въ 1822-мъ году, оставили насъ полыньи и ломанье льда морскаго въ 270-ти верстахъ на NNO отъ Большаго Баранова Камня. Вдоль полыней сихъ слѣдовали мы къ SOtO, до меридіана Шелагскаго Носа, въ 80 верстахъ сѣвернѣе коего видѣли ту же обширную полынью. Въ 1823-мъ году, хотя и отъѣхали мы отъ берега, съ устья рѣки Веркона, около 109 верстъ къ NNO, однако жь отстояніе полыньи отъ берега должно полагать здѣсь около 25 верстъ, тамъ, гдѣ, на возвратномъ пути, оторвалась льдина, служившая намъ мѣстомъ ночлега, а далѣе къ востоку г. Матюшкинъ въ 5 верстахъ отъ берега встрѣтилъ ту же самую полынью. При сѣверо-западныхъ вѣтрахъ замѣчено нами въ ней быстрое теченіе къ SO, но непостоянное. По словамъ Чукчей, полынья удаляется отъ Сѣвернаго Мыса далѣе, нежели противъ Якана. Мы замѣтили также, что сѣверные, сѣверо-западные, а часто и сѣверо-восточные вѣтры нагоняютъ здѣсь туманъ, столь

мѣстъ, 11 саженъ, съ нашими измѣреніями глубины, въ 1821-мъ и 1822 годахъ, въ весьма близкихъ разстояніяхъ отъ упомянутой ими, то окажется странная неправильность, которая мною въ Ледовитомъ морѣ не замѣчена. Полагаю, что г. Геденштромъ означалъ разстоянія отъ берега большими, нежели какъ было должно, что тѣмъ вѣроятнѣе, что они были примѣрно полагаемы по бѣгу собакъ, безъ повѣрки измѣренія обсервованными широтами.

сырой, что платья и палатки наши отъ него были мокры.

Приведенныя мною замѣчанія и сырость въ воздухѣ при сѣверныхъ вѣтрахъ свидѣтельствуютъ согласно о постоянной *морской полыньи*, которая, кажется, слѣдуетъ направленію къ юго-востоку и тѣмъ болѣе приближается къ материку, чѣмъ ближе подходитъ къ Якану, восточнѣе коего опять удаляется отъ берега. Начало ея должно полагать къ NW отъ Котельнаго Острова, гдѣ, по выше приведенному замѣчанію прилива и отлива, простирается открытое море. Отъ того происходитъ, что при западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ море ломается сильнѣе, и примѣтнымъ образомъ сіе ломанье направляется отъ NW къ SO, и теченіе моря отъ того также весьма усиливается при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ. Промышленники, лѣтующіе на Новой Сибири, замѣчаютъ въ Благовѣщенскомъ проливѣ постоянное дѣйствіе прилива и отлива. Далѣе къ востоку море не повинуется сему закону природы. Можетъ быть, во время тихой и холодной зимы въ январѣ и началѣ февраля, не бываетъ полыней между меридіанами Шелагскаго Мыса и Якана, т. е. въ достаточномъ отдаленіи отъ предполагаемаго мною обширнаго моря къ сѣверо-западу отъ Котельнаго Острова.

Теченіе моря отъ Святаго Носа до острова Колючина направляется лѣтомъ отъ востока на западъ, а осенью отъ запада на востокъ, что согласно свидѣтельствуютъ морскія путешествія, совершенныя купцомъ Шалауровымъ до Шелагскаго Мыса, мѣщаниномъ Ляховымъ въ 1773 году на лодкѣ къ первому Ляховскому острову, и въ 1787 году капитаномъ Биллингсомъ

около Большаго Баранова Камня. Чукчи, обитающіе по морскому берегу отъ Шелагскаго Мыса до острова Колючина, сказывали намъ, что лѣтомъ ледъ весьма быстро несется отъ востока на западъ, а осенью примѣтно противное теченіе. Правда, что въ *Пръ-кайпіи* (Сѣверный мысъ) говорилъ намъ Чукча, будто лѣтомъ течетъ море на востокъ, а осенью обратно, но, можетъ быть, переводчикъ нашъ ошибся, а иначе было бы здѣсь странное исключеніе. Капитанъ Кукъ испыталъ также слабое теченіе на западъ, къ сѣверу отъ Берингова Пролива. Замѣченное г. Геденштромомъ и нами теченіе моря въ полыньяхъ въ весеннее время къ юго-востоку, думаю, приписать должно дѣйствію сѣверо-западныхъ свѣжихъ вѣтровъ, образующихъ полыньи.

ГЛУБИНЫ МОРЯ.

Взглядъ на карту нашихъ поѣздокъ по Ледовитому морю показываетъ довольно быстрое увеличиваніе глубины моря къ востоку и весьма медленное къ сѣверу, такъ, что въ разстояніи 200 верстъ на сѣверъ отъ Малаго Баранова Камня глубина 12 саженъ 2 фута, а въ 10-ти миляхъ къ востоку отъ Большаго Баранова Камня, по измѣренію на суднѣ Ясашнѣ, въ 1787-мъ году, она была 17 сажень. Въ 250 верстахъ на сѣверъ отъ N устья Сабадейскаго пролива глубина $14\frac{1}{2}$ саженъ, а 68 верстъ южнѣе и 38 верстъ восточнѣе, она уже 21 сажень. Глубины, найденныя капитаномъ Кукомъ къ востоку отъ Сѣвернаго Мыса, показываютъ также увеличиваніе ихъ по долготѣ къ востоку до меридіана Берингова Пролива. Грунтъ найденъ нами вездѣ мяг-

кій зеленоватый илъ, исключая одного случая, о которомъ упомянуто въ нашемъ журналѣ (72° 3′ широты и 166° 12′ вост. долготы отъ Гринв., гдѣ грунтъ камень).

ОТСТУПАНІЕ МОРЯ ОТЪ БЕРЕГОВЪ.

Мнѣніе, что море отступаетъ отъ сѣверныхъ береговъ Сибири, общее между сѣверными Сибиряками и основывается на замѣчаніи, что на низменныхъ тундрахъ, верстъ около 50-ти отъ моря, и на увалахъ, въ значительномъ возвышеніи надъ моремъ, находятъ множество истлѣвшаго наноснаго лѣса. Нынѣ, ни воды, ни даже льды морскіе не достигаютъ сихъ мѣстъ. Островъ *Діомида*, назначенный на картѣ Шелаурова къ востоку отъ Святаго Носа и образовывавшій подлѣ материка узкій проливъ, по которому прошелъ сей мореплаватель на своемъ суднѣ, нынѣ не существуетъ. Невѣроятно, чтобы проливъ замыло землею, и льдины, напирая на островъ, сравняли бы его съ берегомъ. Не разсматривая, происходитъ ли такое явленіе дѣйствительно отъ умаленія водъ Ледовитаго моря, или отъ земли, примываемой рѣками и дождемъ съ горъ, по берегамъ моря находящимся, замѣчу, что для поясненія сего явленія будущими наблюденіями, можетъ служить *отпрядышъ* (каменный столбъ въ морѣ близъ берега) возлѣ Малаго Баранова Камня, подлѣ такъ называемой *Виллигиновой* дресвы. Въ 1822 году, въ маѣ, измѣрена нами вертикальная высота его отъ верхней грани до морскаго льда, составлявшая 30 англійскихъ футовъ.

СОЛЬ МОРСКАЯ.

Вездѣ, гдѣ ледъ не покрытъ толстымъ слоемъ снѣга, видѣнъ морской разсолъ, т е. соль, остающаяся на поверхности льда, когда море замерзаетъ. На тонкомъ льду, и особенно близь полыньи, находили мы морской разсолъ въ такомъ количествѣ, что онъ проникалъ сквозь снѣжный слой до 5-ти дюймовъ толщиною, отъ чего въ солнечные дни снѣгъ таялъ. По захожденіи солнца, подымаются отъ сего морскаго разсола (гдѣ его много) пары; но они остаются однакожь на небольшой высотѣ отъ поверхности льда. По нуждѣ можно употребить сей морской разсолъ въ пищу; промышленники, переѣзжающіе съ Яны на острова, рѣдко запасаются солью, надѣясь найдти ея довольно на морскомъ льду. Вкусъ сего разсола смѣшанъ съ горечью, и дѣйствіе его на желудокъ слабительное. По разсолу тащится нарта такъ же тяжело, какъ по песку.

II.

ЗАМѢЧАНІЯ

О СѢВЕРНЫХЪ СІЯНІЯХЪ.

Въ полярной странѣ Сибири сѣверное сіяніе является слѣдующимъ образомъ.

Надъ сѣвернымъ горизонтомъ показывается слабый свѣтъ, въ видѣ сегмента, горизонтальный уголъ ви-

дѣнія коего простирается отъ 20° до 80° и болѣе, а вертикальный отъ 1° до 6°. Сегментъ свѣта спокойнаго и слабѣе полной луны. Потомъ, отъ времени до времени, являются въ немъ (по большей части въ восточной сторонѣ) движущіеся столбы, или пуки лучей, сильнѣйшаго свѣта, подымающіеся съ низу въ верхъ, движущеіся и кривящеіся, какъ будто отъ дѣйствія вѣтра. Такое движеніе столь же примѣтно, какъ хожденіе облаковъ при крѣпкомъ вѣтрѣ. Внутри сегмента, какъ будто отъ дѣйствія вѣтра, зажигаются другіе столбы; все собраніе столбовъ принимаетъ свое движеніе въ одну общую сторону, и по 2-хъ или 3-хъ минутномъ промежуткѣ, исчезаютъ столбы постепенно одинъ за другимъ, уступая мѣсто вновь появившимся столбамъ, изъ конхъ нѣкоторые не выходятъ изъ сегмента, а другіе достигаютъ вершинами весьма большаго возвышенія; часто зажигаются столбы въ каждомъ углу сегмента почти одновременно съ появленіемъ ихъ въ восточномъ его концѣ. По прекращеніи сего безпрерывнаго появленія и исчезанія столбовъ, продолжающагося неопредѣленное время, становясь рѣже и слабѣе, они вовсе исчезаютъ, а затѣмъ и самый сегментъ потухаетъ. Когда игра столбовъ продолжается съ необыкновенною живостью, то часто сегментъ разрывается на свѣтлыя, неправильныя, криво и прямо-линейныя фигуры, сохраняющіяся около $^1/_4$ часа и потомъ исчезающія.

Таковъ *общій характеръ* видѣнныхъ мною сіяній. Кромѣ того, замѣтилъ я слѣдующее:

1) Когда столбъ поднялся однажды на большую высоту и приблизился къ полной лунѣ, то образовалъ кругъ около сего свѣтила, въ разстояніи по глазомѣру

между 20° и 30° , оставаясь въ семъ положеніи нѣкоторое время, а потомъ исчезъ.

2) Когда сіяніе распространилось однажды до близости зенита, то оно прекратилось въ видѣ малыхъ слабосвѣтящихъ облаковъ, принимавшихъ молочный цвѣтъ, и часто остававшихся на слѣдующій день въ видѣ волнистыхъ бѣлыхъ облаковъ, *барашками* называемыхъ.

3) По сѣверному горизонту подъ сіяніемъ лежатъ нерѣдко темно-синіе облака; онѣ кажутся мнѣ заслуживающими нѣкоторое вниманіе, по великому сходству ихъ съ испареніями, изъ океана выходящими, при внезапномъ разломаніи льда.

4) Ни треска, ни сильнаго шума не слыхалъ я при игрѣ *сполоховъ* (такъ въ Сибири называютъ движущіеся столбы, отъ стариннаго Русскаго слова: *сполохъ*, означавшаго *пожаръ*, почему во многихъ мѣстахъ Россіи говорятъ: *сполохъ*, *уполохъ*, вмѣсто *набатъ*, *и полошить* значитъ: *бить въ набатъ*); но при сильномъ сіяніи, когда лучи являются часто и движутся скоро, кажется какъ будто слышишь легкое дуновеніе вѣтра въ пламени.

5) Сіянія, видимыя въ Нижне-Колымскѣ, имѣютъ свое начало обыкновенно въ С. В. четверти неба, и средина занимаемаго ими по сѣверному горизонту пространства лежитъ вообще на одинъ, или на два румба отъ истиннаго сѣвера къ востоку. Замѣчу, что склоненіе компасной стрѣлки въ семъ мѣстѣ около 10° восточное.

6) У береговъ моря сполохи бываютъ обыкновеннѣе и сильнѣе, нежели въ отдаленіи отъ него, независи-

мо отъ широты мѣста. Такъ, напримѣръ, по разсказамъ Чукчей съ острова Колючина (въ широтѣ 67° 26¼′) сполохи ярче свѣтятъ и чаще случаются, нежели въ Нижне-Колымскѣ подъ широтою 68° 32′. У моря они часто доходятъ до зенита, что въ Нижне-Колымскѣ случается рѣдко.

7) Замѣчаніе приморскихъ жителей, будто послѣ сильнаго сіянія обыкновенно настаетъ свѣжій вѣтеръ со стороны появленія сполоховъ, не оправдывается нашими наблюденіями въ Нижне-Колымскѣ. Впрочемъ такое несогласіе можетъ произойдти отъ мѣстныхъ причинъ, препятствующихъ приморскимъ вѣтрамъ доходить до Нижне-Колымска и раждающихъ нерѣдко вѣтра совершенно съ противной стороны. Въ селеніи Походскомъ, въ 70-ти верстахъ сѣвернѣе Нижне-Колымска, часто бываетъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, когда въ Нижне-Колымскѣ дуетъ онъ отъ юга.

8) Сильнѣйшіе сполохи случаются при наступленіи крѣпкихъ вѣтровъ, въ ноябрѣ; въ январѣ, когда стужа достигаетъ maximum, они бываютъ рѣже.

9) При появленіи падающихъ звѣздъ въ свѣтящемъ сегментѣ, на томъ мѣстѣ, куда звѣзда упала, зажигаются мгновенно сполохи; такое вліяніе падающихъ звѣздъ на зажиганіе сполоховъ замѣчено мною въ 1820 году декабря 10 и 17 и 1821 года декабря 18.

Изъ сихъ замѣчаній осмѣливаюсь заключить:

а) Что замерзаніе моря споспѣшествуетъ образованію сѣвернаго сіянія. Можетъ быть, отъ сильнаго испаренія водъ, или и отъ взаимнаго тренія огромныхъ льдинъ, раждается здѣсь электричество.

b) Сіяніе не всегда занимаетъ ту возвышенную часть атмосферы, гдѣ образуются огненные метеоры, и опускается иногда гораздо ближе къ землѣ, такъ что дующій на ея поверхности вѣтеръ приводитъ свѣтящіе столбы въ движеніе, что мною не рѣдко замѣчено.

ЧАСТНЫЯ ОПИСАНІЯ

СѢВЕРНЫХЪ СІЯНІЙ,

ЗАМѢЧЕННЫХЪ ЛЕЙТЕНАНТОМЪ ВРАНГЕЛЕМЪ

въ Нижне-Колымскѣ, зимою съ 1820 на 21-й и съ 21-го на 1822-й годы.

1820 года.

Ноябрь.

20-е. Въ видѣ сегмента сіяніе началось въ 10 часовъ вечера и продолжалось за полночь; окопечности пеленгованы компасомъ на NOtO и NNW, средина NtO½O. Свѣтъ слабый, подобный свѣту луны, закрытой не густымъ облакомъ; ширина сегмента или полосы, въ срединѣ 3°; высота надъ горизонтомъ 9°; подъ сіяніемъ темное облако, уподобляющееся испареніямъ морской воды, по разламываніи льда въ сильные морозы, — какъ то въ ЛедовитомъМорѣ нерѣдко это случается; около полуночи темное облако исчезло и пока-

зялись звѣзды. Ночь ясная, реом. терм. — 34½, вѣтръ сначала легкій W, въ продолженіи сіянія O тихій, на другой день SO свѣжій. Сіяніе слабѣло постепенно.

21-е. Началось въ 11 часовъ вечера на подобіе вечерняго сіянія, оконечности на NW¼ W и NOtO, средина N¼ O, восточная оконечность свѣтлѣе и округленнѣе западной; подъ сіяніемъ цвѣтъ неба темный, однакожъ звѣзды сверкаютъ. Изрѣдка показывались вертикальные столпы около ½° ширины, то у правой, то у лѣвой оконечности; они зараждались мгновенно въ свѣтлой полосѣ и исчезали чрезъ 10″. Въ 1 часъ утра сіяніе исчезло; предъ окончаніемъ раздробилось оно и не выходя изъ прежняго пространства, образовались на темносинемъ небѣ различныя фигуры. Вѣтръ прежде сіянія: SO свѣжій, во время сіянія SO умѣренный, на другой день SSO тихій, терм.–27°.

22-е. Въ 8 часовъ вечера едва примѣтный и худо окраенный свѣтъ на сѣверномъ горизонтѣ; около 9 часовъ вспыхнули на NOtN и NO два наклонные къ O столба вышиною около 12°, шириною ½°, кои разширясь къ верху, исчезли чрезъ 5″, придавъ сіянію большій свѣтъ. Подъ сіяніемъ небо имѣло темносиній цвѣтъ, отличный отъ остальной части неба, на которомъ звѣзды ясно сверкали; въ полночь въ свѣтлой полосѣ сіянія появлялись мгновенно и исчезали чрезъ 2″ или 3″ пуки свѣтлыхъ лучей, выходившихъ вершинами изъ границъ сіянія. Оконечности пеленгованы въ полночь NOtN½ O и NNW – средина NtO¼ O; терм.– 32½°; вѣтръ прежде сіянія OSO тихій, при немъ маловѣтріе межъ S и O; на другой день SO умѣренный.

23-е. Слабое сіяніе на горизонтѣ началось въ 10 часовъ вечера и было видимо за полночь; оконечности полосы на NO и NNW — средина NtO. Небо чистое, звѣзды сверкали; терм. $-25\frac{1}{2}°$, вѣтеръ до сіянія SO тихій, при немъ SO свѣжій, послѣ SO тихій.

24-е. Въ обыкновенной фигурѣ сегмента показалось сіяніе въ 2 часа утра, имѣя восточный край какъ-будто отвѣсно отрѣзанный, который вскорѣ округлился, будучи свѣтлѣе и выше западнаго края; оно продлилось до зари. Оконечности на $N\frac{1}{2}O$ и NWtN — средина NtW; небо покрыто тонкимъ туманомъ, терм. 27°, вѣтръ прежде сіянія SO тихій, при немъ тотъ же, послѣ SO умѣренный.

26-е. Слабое сіяніе, безъ темнаго отцвѣта неба подъ низомъ онаго, продолжалось съ 11 часовъ вечера за полночь; краи на ONO и NWtW — средняя $N\frac{1}{2}O$; чистое небо, сверканіе звѣздъ, терм. —23°, вѣтръ до сіянія SO тих., при немъ безвѣтріе, послѣ маловѣтріе межь SW.

28-е. Начало въ 6 часовъ вечера въ видѣ сегмента, подъ сіяніемъ весьма темное и черное небо; около полуночи сіяніе раздробилось на свѣтлыя облака, кои, поднявшись выше зенита, ослабѣвали въ свѣтѣ и были наконецъ, вѣтромъ или отъ другихъ причинъ, разнесены; темный цвѣтъ на сѣверномъ горизонтѣ не измѣнялся до совершеннаго исчезанія свѣтлыхъ облаковъ. Въ началѣ краи на ONO и NW — средина NtO; небо чистое, по горизонту облака, терм. — 23°, вѣтръ прежде сіянія W умѣренный, при немъ SO свѣжій, послѣ SO умѣренный.

29-е. Въ 9 часовъ вечера, при блѣдномъ небѣ, покрылся сѣверный горизонтъ бѣлыми облаками, въ коихъ сія-

ніе воспріяло свое начало, показываясь сперва въ восточной, а послѣ и въ западной сторонѣ: тогда зажглися сполохи отъ восточной послѣдовательно къ западной сторонѣ; они были наклонны къ западу, возвышались острыми вершинами до 60° отъ горизонта и потомъ скоро исчезали. Краи сіянія ONO и NWtW, средина N½O, терм. — 17½°; вѣтръ прежде W крѣпкій, который дулъ безъ перемѣны и слѣдующій день.

Декабрь.

1-е. Ночью съ 11 часовъ вечера до 2 часовъ утра весьма слабое, худо окрасное сіяніе, терялось въ облакахъ; и въ синевѣ неба средина къ NNO; чистое небо, по горизонту мрачность, терм. — 24½, вѣтръ до сіянія WSW умѣренный, при немъ межь S и O маловѣтріе, послѣ SO свѣжій.

9-е. Утра съ 2½ час. до 3 часовъ появился на OtN½O свѣтлый вертикальный столбъ около 2° шириною и до 3° выше горизонта, который былъ ясенъ, какъ и все небо, — чрезъ 2′′ показался такой же столбъ на WtN: оба столба, раздѣляясь на вѣтви, сливались близь зенита, гдѣ свѣтъ, занимая большее пространство чѣмъ въ нижней части, былъ и примѣтно слабѣе; вѣтви кривлялись и безпрерывно измѣнялись въ видѣ; на NO появлялись отъ времени до времени небольшія свѣтлыя облака, которыя терялись въ возвышеніи 10° надъ горизонтомъ. Предъ окончаніемъ явленія, усилился свѣтъ западнаго столба съ вѣтвями, которыя образовали обширную дугу, обращенную выпуклою стороною къ полной лунѣ, а впалою къ сѣверному горизонту: сей-то изогнутый

поясъ, составленный изъ нѣсколькохъ свѣтлыхъ полосъ, имѣлъ весьма примѣтное движеніе, вершиною своею приближаясь къ лунѣ, между тѣмъ, какъ самый столбъ оставался недвижимъ; по этой причинѣ выпуклость становилась постепенно круглѣе. Въ 6° отъ луны этотъ поясъ остановился, соединяясь съ вѣтвями теперь вновь появившагося восточнаго столба, — и вскорѣ послѣ сіяніе исчезло; по сѣверному, сѣверо-западному и восточному небу оставались разбросанными множество облачковъ млечнаго цвѣта. Небо было ясное, звѣзды сверкали и полная луна сіяла, терм. — 24°, вѣтръ прежде сіянія SO тихій.

10-е. На ONO зажегся пукъ лучей, отъ коихъ переливался огонь примѣтнымъ для глазъ движеніемъ, до NWtW, занимая поясъ въ $^1/_2{}^0$ шириною и возвышаясь срединою на 20° сверхъ горизонта; въ семъ поясѣ колебался огонь подобно волнамъ; иногда и въ срединѣ зажигались сполохи, отъ коихъ какъ-будто возобновлялись уже потухшіе на оконечностяхъ, — и всѣ они двигались то въ одну, то въ другую сторону. Я примѣтилъ, что на О краю въ поясѣ упали три звѣзды, отъ коихъ мгновенно зажглись нѣсколько столбиковъ сполоховъ. Когда сіяніе на восточномъ концѣ почти исчезло, тогда оно возобновилось въ большей степени на западномъ краю. По немногу осѣдаясь ниже и ниже, оно зашло подъ сѣверный горизонтъ около 1 часа, начавшись въ 10 часовъ вечера. Небо ясное, терм. — 22°, вѣтръ прежде сіянія NNW тихій, при немъ NNO тихій, послѣ N и O маловѣтріе.

11-е. При ясномъ небѣ показались около полдня на сѣверномъ горизонтѣ бѣлыя облака, принявшія крас-

новатый цвѣтъ въ послѣдствіи; на ONO цвѣтъ былъ довольно яркій, а на NWtN едва примѣтный; терм.—24¼°, вѣтръ прежде сіянія NO маловѣтріе, при немъ NO тихій послѣ SO тихій.

Съ 5 часовъ вечера до полуночи при облачномъ небѣ былъ освѣщенъ сѣверный горизонтъ межь OtS и NW; послѣ полуночи распространился свѣтъ отъ SO до OtN на высоту 26°. Вѣтръ дулъ отъ NO тихій, а послѣ маловѣтріе отъ NW, терм. —15°.

17-е. Въ 10 часовъ вечера сіяніе началось при совершенно ясномъ небѣ и горизонтѣ въ видѣ сегмента; чрезъ часъ оно поднялось къ верху и по исчезаніи вспыхнувшихъ въ восточномъ краю сполоховъ, разсѣялось въ видѣ свѣтлыхъ облаковъ по всему сѣверному небу, переходя и къ S отъ зенита; потомъ чрезъ ½ часа, при ясномъ небѣ, возобновилось сіяніе на NWtW полосами, восходившими дугообразно до высоты 50° и опускавшимися къ горизонту на ONO; потомъ стали *играть сполохи*, передвигаясь съ постепенною скоростію отъ запада къ востоку и возобновляя сіяніе полосы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно ослабѣвало; нѣсколько звѣздъ падали въ сіяніе съ ½° высоты и мгновенно зажигались отъ паденія звѣздъ сполохи. Ширина полосы была около 2°, а сполоховъ или пуковъ двигавшихся лучей отъ 1° до 20′. Сіяніе прекратилось около 1 часа утра, терм. —22°; вѣтръ прежде и при сіяніи NW тихій, а послѣ безвѣтріе.

20-е. Въ полночь появились на сѣверномъ горизонтѣ два свѣтлыя облака, кои чрезъ ½ часа слились и приняли обыкновенный видъ сегмента; оконечности на

NNO и NtW. Оно простояло 1 часъ; вѣтръ прежде и послѣ SO свѣжій, терм. — $3\frac{1}{2}°$, небо облачное.

22-е. Яркое сіяніе со сполохами, началось въ полночь, кончилось въ $1\frac{1}{2}$ часа утра, оконечности на NtO и NtW; вѣтръ прежде SO тихій, при немъ NO умѣренный, послѣ N свѣжій; небо ясное, терм. —18°.

24-е. Началось въ 9 часовъ вечера появленіемъ верхней свѣтлой полосы; чрезъ нѣсколько минутъ показался свѣтъ и снизу, и вскорѣ зажглось промежуточное пространство: потомъ стали играть сполохи, двигавшіеся къ NtO. Сіяніе прекратилось послѣ полуночи; оконечности были на NOtO и NWtW; небо ясное, терм. — $28\frac{1}{4}°$; вѣтръ прежде O тихій, при сіяніи SO умѣрен., послѣ O тихій.

25-е. Подобно вчерашнему сіянію, но слабѣе и имѣя подъ собою на горизонтѣ темныя облака. Оно продлилось съ 5 часа вечера за полночь; оконечности межь NO и NW; вѣтръ прежде и при немъ S тих., послѣ W тихій, небо ясное, терм. —27°.

27-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь между OtN и NWtW играли сполохи и измѣнялось сіяніе въ разнообразныя фигуры, пока не разсѣялось въ видѣ свѣтлыхъ облаковъ. Небо ясное, терм. —32°; вѣтръ прежде W тихій, при немъ O умѣренный, послѣ SO тихій.

28-е. Въ видѣ обыкновеннаго сегмента, слабаго свѣта и безъ сполоховъ, съ 11 часовъ вечера до 1 часа утра, межь NOtO и NW, вѣтръ прежде SO тихій, при немъ безвѣтріе, послѣ SO тих. Небо ясное, терм. — $32\frac{1}{2}°$.

29-е. Въ видѣ едва свѣтящихся облаковъ на сѣверномъ горизонтѣ, около $\frac{1}{4}$ часа утра. Небо покрытое.

1821 года.

Январь.

3-е. Послѣ полуночи играли сполохи на NNO и все сѣверное небо до зенита покрыто было слабо свѣтящимися облаками; вѣтръ прежде N тихій, при сіяніи NO тихій, послѣ NW тихій; небо ясное, терм.—39$^{3}/_{4}$°.

6-е. Съ полуночи до 2 часовъ утра сіяніе со сполохами межь ONO и NW; вѣтръ прежде SO умѣренный, при немъ SO свѣжій и послѣ SO свѣжій; небо ясное, терм. — 31$^{1}/_{2}$°.

13-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь сіяніе безъ сполоховъ межь OtN и NWtN въ видѣ сегмента; вѣтръ прежде SO умѣрен., при немъ NO умѣр., послѣ N тихій. Небо ясное, терм.—32$^{1}/_{2}$°.

15-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межь NWtW и ONO въ возвышеніи 10° надъ горизонтомъ и со сполохами, игравшими въ темной части неба подъ сіяніемъ; вѣтръ прежде SO тихій, при немъ тотъ же, послѣ SSO тихій. Небо ясное, терм.—35$^{1}/_{2}$°.

16-е. Съ полуночи до 1 часа утра межь WNW и NO, при пасмурномъ на сѣверѣ горизонтѣ, слабое сіяніе съ примѣтными въ W сторонѣ сполохами; вѣтръ прежде и послѣ SO тихій, при немъ безвѣтріе; небо ясное, термометръ—38$^{1}/_{4}$°.

17-е. Около полуночи простояло съ $^{1}/_{2}$ часа на NtO весьма слабое сіяніе, почти на горизонтѣ; небо ясное, терм.—39 $^{3}/_{4}$°.

23-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь межь ONO и NWtW обыкновенное сіяніе со сполохами около 2° надъ горизонтомъ; небо ясное, терм.—33$^{1}/_{4}$°.

24-е. Около полуночи $1^1/_2$ часа въ видѣ свѣтящихся облаковъ, разбросанныхъ по сѣверному небу 8° надъ горизонтомъ; было немного сполоховъ. Небо ясное, термометръ—$31^1/_2$°.

25-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь межь NtO и NW значительные сполохи, выходящіе будто изъ темныхъ облаковъ; небо ясное, терм.— $29^1/_2$°.

26-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь межь NO и NWtW въ видѣ двухъ свѣтлыхъ облаковъ, безъ сполоховъ; небо покрыто, терм.—28°.

Февраль.

2-е. Съ полуночи до $1^1/_2$ ч. утра, при совершенно чистомъ горизонтѣ сіяніе, въ видѣ свѣтлаго пояса отъ NOtO до WNW дугообразно на высоту 10°; въ поясѣ двигались сполохи при OSO вѣтрѣ къ западу; прежде и послѣ сіянія тотъ же вѣтръ; небо ясное, терм.—27°.

3-е. Съ 11 часа вечера до полуночи подобное вчерашнему сіянію, но гораздо слабѣе; вѣтръ прежде и послѣ SO тихій, небо ясное; терм. — 31°.

11-е. Около $^1/_2$ часа утра едва примѣтное сіяніе близь горизонта къ N; небо ясное, терм—$27^1/_2$°.

12-е. Съ 11 часа за полночь межь OtO и NWtW около $3^1/_2$° надъ горизонтомъ, безъ сполоховъ; небо ясное, терм.—33°.

21-е. Въ полночь увидѣли вдругъ все небо объятымъ сіяніемъ; на сѣверной сторонѣ свѣтъ былъ ярчѣе, и тамъ играли сполохи, двигаясь перпендикулярно къ горизонту; въ $^1/_2$ 1 часа сіяніе на южномъ небѣ исчезло, на западномъ же усилились сполохи, конхъ ниж-

ніе концы имѣли кровавый цвѣтъ; въ 1 часъ 20 минутъ прекратилось сіяніе, ослабѣвая сперва къ NO, а потомъ къ NW. Вѣтръ прежде WNW средств. при сіяніи NNW тихій, послѣ NW малов.; небо ясное, терм. — 32°.

22-е. Около полуночи къ N едва примѣтное сіяніе; вѣтръ прежде и послѣ отъ WtN тихій; небо ясное, терм. — 28°.

Мартъ.

2-е. Около 11 часа вечера едва примѣтное сіяніе къ N; небо ясное, терм. — 28°.

Сентябрь.

12-е. Съ ½ 10 часа за полночь межь ONO и NW при облачномъ горизонтѣ слабый свѣтъ, въ коемъ примѣтили небольшіе сполохи, когда вѣтромъ горизонтъ очистился. Небо ясное, терм. — 5½°.

13-е. Съ 10 часовъ и за полночь межь NO и NW едва примѣтное сіяніе; небо ясное, терм. — 9°.

20-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь, межь ONO и N весьма слабое сіяніе; облачное небо, терм. — 10°.

21-е. Въ 9 часовъ вечера при облачномъ небѣ показалось весьма слабое сіяніе отъ ONO до S дугою, вершина коей достигла 20° высоты надъ горизонтомъ; въ полночь при ясномъ небѣ разсѣялся свѣтъ межь ONO и NtW около 15° надъ горизонтомъ, по которому остались темные облака. Прежде безвѣтріе, при сіяніи O маловѣт., послѣ NO малов., терм. — 6°.

22-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межь NO и NW слабое сіяніе въ обыкновенномъ видѣ сегмента; небо ясное, терм. — 7°.

23-е. Съ 10 час. вечера за полночь къ N на горизонтѣ едва примѣтное сіяніе; небо ясное, терм. — $4^1/_2$°.

25-е. Въ $^1/_2$ 9-го часа вечера къ SO едва примѣтное сіяніе на горизонтѣ; блѣдное небо, терм. — $7^1/_2$°.

Октябрь.

1-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь къ N на горизонтѣ едва примѣтное сіяніе; небо ясное, терм. — 15°.

3-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь межь SO и NNW въ видѣ продолговатаго облака слабаго свѣта, 2° надъ горизонтомъ; небо ясное, терм. — 7°.

14-е. Въ 6 часовъ вечера къ N на горизонтѣ едва примѣтное сіяніе; небо пасмурное, терм. — 15°.

17-е. Съ 8 часа къ N на $1^1/_2$° сверхъ горизонта слабые сполохи, прекратившіеся въ полночь, когда остался на горизонтѣ спокойный слабый свѣтъ; небо ясное, термометръ — 19°.

19-е. Съ 8 часовъ до 10 час. вечера сквозь легкій туманъ къ N слабое сіяніе, терм. — 17°.

20-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь на NtO при ясномъ небѣ темнооблачный горизонтъ, надъ коимъ сіяніе со слабыми сполохами, терм. — $17^1/_2$°.

Ноябрь.

11-е. Съ 11 часовъ вечера за полночь межь NO и NW слабое сіяніе обыкновеннаго вида; небо ясное, термометръ — 20°.

13-е. Съ 8 часовъ вечера за полночь, подобно потухающей за горами зари, межь NW и NOtO; въ полночь сіяніе усилилось отъ WNW до O, какъ слабая заря; небо ясное, терм. — 24°.

15-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь былъ сѣверный горизонтъ весьма слабо освѣщенъ при туманномъ небѣ; терм. — 22°.

16-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межь NNO и NW сіяніе обыкновеннаго вида сегмента; небо ясное, термометръ — 28°.

Декабрь.

2-е. Съ 7 до 11 часовъ вечера межь NOtN и NW въ видѣ пояса яркаго свѣта, около 6° надъ горизонтомъ; небо ясное, терм. — 25°.

11-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь, сначала въ видѣ сегмента межь NO и WNW, потомъ съ небольшими сполохами, кои скоро потухли; небо ясное, терм.—23°.

18-е. Съ 2 часовъ до 3 часовъ утра межь NOtO и NW сегментомъ въ 3° высоты; въ немъ двигались весьма тихо отъ O къ W небольшіе сполохи при маловѣтріи отъ O. Я замѣтилъ одну упавшую въ сіяніе звѣзду, отъ коей зажегся слабый сполохъ и сіяніе немного усилилось; небо ясное, терм. — $26^1/_2$°.

1822 года.

Январь.

4-е. Съ 9 до 11 часовъ вечера къ N на горизонтѣ едва примѣтное сіяніе; небо ясное, терм. — 24°.

5-е. Съ 8 часовъ вечера за полночь яркое сіяніе межь WtS и O; въ западной части сполохи, которые перешли къ O; вѣтръ при сіяніи W тих., послѣ безвѣтріе и прежде SO маловѣтріе; небо ясное, терм. — 24°.

6-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь межь ONO и NNW, сіяніе съ движущимися по вѣтру сполохами; вѣтръ прежде и послѣ O тихій; небо ясное, терм. — 25°.

7-е. Съ 9 часовъ вечера за полночь, къ N на горизонтѣ слабое сіяніе въ видѣ облака; небо туманное, терм. — 27½°.

13-е. Съ 10 часовъ вечера за полночь межь NNO и NW слабое сіяніе въ видѣ сегмента; небо облачное, терм. — 36½°.

=

III.

ТАБЛИЦА I.

=

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ,

ДѢЛАННЫХЪ

ВЪ НИЖНЕ-КОЛЫМСКѢ,

ВЪ 1820, 1821, 1822 И 1823 ГОДАХЪ.

==

ТАБЛИЦА

метеорологическихъ наблюденій съ 21-го ноября по 31-е декабря 1820 года.

1820 годъ.	Ноябрь.	Декабрь.
Сам. бол. возв. Терм. понижс. Среднее	29 полночь . . . . 17½° 22 полночь . . . . 39½ . . . . . 24. 8.	21 полночь . . . . 3° 31 полночь . . . . 37 . . . . . 2—23¾
Вѣтры.	Свѣжіе: 21-го SO и OSO. 23-го. SO. 26-го. SO. 28-го, SO. 29-го, W. 30-го, SO. Умѣрен. 23-го, SO. 25-го, SO. 26-го. SO. 28-го W. Тихій и маловѣт. 22. 23. 24. 25. 26. 27. вообще изъ SO четверти.	Свѣжіе: 1. WNW. 2. SO. 4. SO. 9. SO. 15. WNW. 18. NO. 21. SO. Умѣрен. 1. WNW и WSW. 2. SO. 5. SSO. 6. SO. 8. SO. 9. SO. 14. SW. 15. WSW и WtN. 22. NO. 23. WNW. 24. SO. 27. SW и O. Тихій и маловѣт. 2. 3. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 16. 17. 18. 19. 20. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. Изъ всѣхъ четвертей.
Туманъ и пасмурность.	23. 24. 30. Вообще стояли довольно ясные дни.	1. 2. 4. 6. 12. 13. 15. 16. 17. 18. 19. 26. 27. прочіе дни были довольно ясные.
Морозы.	во весь мѣсяцъ.	во весь мѣсяцъ.
Снѣгъ.		12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19 и 25.
Сѣверное сіяніе.	20. 21. 22. 23. 24. 26. 28. 29.	1. 9. 10. 11. 17. 20. 22. 24. 25. 27 28. 29.
Круги около мѣсяца и побочные столбы около мѣсяца или солнца.		29. 30. 30-го показались два побочныя солнца, на 22° отъ онаго удаленныя.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1821 ГОДУ.

1821 годъ.	Январь.	Февраль.
Больш. возыш. Терм. бол. пон. Среднее	28 утро . . . . . 20½° 8 утро . . . . . 40¼ 30. 4.	12 полночь . . . . . 4½° 18 полночь . . . . 33 26.
Вѣтры.	Свѣжіе: 6 и 7 отъ SO. 9, W. 10, W. 11, W, WSW. и S. 12, S. 13, S. 15, SSO. 22, O. Тихіе и малов. отъ разныхъ R; но болѣе изъ SO. четвер. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 8. 9. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 27. 29. 30. 31.	Свѣжіе: 18, S и W. 2, OSO. 5, W. 6, SO. 8, NW. 9, S. 11, NW. 13, N. 14, SO. 16, N. 17, N. 19, NW. 21, WNW. Тихій и малов. отъ разныхъ R; но болѣе изъ SO четв. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28.
Туманъ и пасмурность.	2. 11. 13. 16. 18. 19. 20. 21. 22. 24. 25. 28 и 29. По большей части стояла надъ горзонтомъ пасмурность.	5. 6. 11. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 22. 25. прочіе дни стояли довольно ясные, частію и облачны.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣгъ.	2. 10. 18. 19. 21. 27. 28. 29 и 31. Снѣгъ шелъ малый и короткое время.	8. 9. 11. 14. 18. 19. 20. 22 и 25. Хотя большихъ снѣговъ и не было, но больше прошлаго мѣсяца.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	3. 6. 13. 15. 16. 17. 23. 24. 25. 26. по вечерамъ и ночью; иногда являлись днемъ къ N бѣлыя облака.	2. 3. 11. 12. 21. 22.
Круги около мѣсяца и побочные столбы около солнца и мѣсяца.	1. 4. 25. Удаленіе отъ свѣтила всегда около 23°.	6. 8. 12. Примѣчательное 6-го, когда по исчезаніи круга около мѣсяца остались два побочные мѣсяца.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1821 ГОДУ.

1821 годъ.	Мартъ.	Апрѣль.
Больш. возв. Терм. бол. пон. Среднее	29 утро . . . . . 4¼° 12 полночь . . . . 33. — 13½	30 полдень . . . . . 4½ 6 полночь . . . . 13 — 7¼
Дождь.		
Вѣтры.	Свѣжіе: 4, SO. 5, NW. 10, NO. 12, NW. 24, SO. 25, SSO. 3, SO. 6, N. 10, NO. 11, S. 12, N. 20, SW. Тихій и малов. 1. 2. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 12. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30 и 31. съ 12-го до 24-го не замѣчали.	Свѣжіе: 7, NNO. 8, NtO. 26, NNO. 27, NNW. Умѣрен. 2, NW. 4, NtW. 9, NNW. 12, NNW. 13, NNW. 14, NtO. 15, N. 16, NNW. 24, NtO. 26, N. 27, W. 30, W. Тихій и маловѣт. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 10. 11. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 25. 28. 29. 30. болѣе изъ NW четверти.
Туманъ и пасмурность.	4. 9. 10. Прочіе дни были ясные. Въ исходѣ мѣсяца облачны; съ 12 до 24 не замѣчали погоду.	20. 21. 28. Прочіе дни были по большей части ясные.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Исключая 4. 18 и 30 весь мѣсяцъ.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	1. 2. 3. 8 и 12. съ 12-го до 24-го не дѣлали наблюденія.	
Круги около мѣсяца и побочные столбы около солнца и мѣсяца.		

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1821 ГОДУ.

1821 годъ.	Май.	Іюнь.
Больш. возв. Терм. бол. пон. Среднее	31 полдень . . . + 16½ 4 полночь . . . . 5 + 5¼	1 полдень . . . . + 18½ 9 во всѣ сутки . + 2 наблюденіе дѣлано до 16 чис. . . . . + 10¼
Дождь.	6. 26 и 27.	6. 7. 8. 9 и 15 до 16 числа.
Вѣтры.	Свѣжіе: 6, SSO. 7, SW. 8, N. 9, NW. 11, OSO. 12, OSO. Умѣрен. 2, NNW. 3, WNW. 6, OSO. 14, OSO. 7, NW. 10, WSW и OSO. 14, OSO. 27, NO. 28, WNW. 31, NNO. Тихій и малов. 1. 4. 5. 12. 13. 15. 16. 17. 18. 24. 26. 28. 29. 30 съ разныхъ сторонъ.	Свѣжіе: 4, OtN. 5, ONO. 6, ONO. 7, SSO. 15, W. Умѣрен. 2, NNW. 3, W. 4, OtN. 7, SO. 9, WtS. 13, W. 15, WtS. Тихій и маловѣт. 1. 3. 8. 10. 11. 12 и 16. Въ остальной части мѣсяца дули вообще NW свѣжіе вѣтры.
Туманъ и пасмурность.	3. 6. 23. прочіе дни по большей части облачные.	Ясныхъ и облачныхъ дней было почти поровну; тумановъ не было.
Морозы.	1. 2. 3. 4. 5. 7. 8 и 9.	Въ исходѣ мѣсяца спускался термом. ниже 0.
Снѣгъ.	2. 3. 6. 7 и 9. вообще мокрый снѣгъ.	Въ исходѣ мѣсяца выпадалъ мокрый снѣгъ.
Градъ.	6.	
Гроза.		13. слышанъ былъ громъ глухой.
Сѣверное сіяніе.		
Круги около мѣсяца и побочные столбы около солнца и мѣсяца.		

ТАБЛИЦА

метеорологическихъ наблюденій въ 1821 году.

1821 годъ.	Іюль.	Августъ.
Больш. возв. Терм. пониж. Среднее	Не дѣлали никакихъ наблю	метеорологическихъ деній.
Дождь.	Въ началѣ мѣсяца были дожди.	Въ первой половинѣ были дожди, крупной 21 ч.
Вѣтры.	Вообще дули N и NW и W свѣжіе вѣтры.	Вообще дули S и SO. Первые свѣжіе, въ послѣдней половинѣ чаще W и NW свѣжіе.
Туманъ и пасмурность.	Тумановъ не было, а по большей части облачное небо.	По ночамъ жестокіе туманы, дни облачны, однако въ началѣ было и ясное время.
Морозы.	Въ продолженіи мѣсяца опускался термом. нѣсколько разъ ниже 0.	Съ 22 ч. подымался термом. рѣдко выше 0. Въ началѣ было и теплое время.
Снѣги.	Мокрые снѣги выпадали часто.	Съ 22 ч. выпалъ снѣгъ, который болѣе не сходилъ, и послѣ того часто шелъ снѣгъ.
Градъ.	не было.	
Гроза.	не было.	
Сѣверное сіяніе.		
Круги около мѣсяца и побочные столбы около солнца и мѣсяца.		

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1821 ГОДУ.

1821 годъ.	Сентябрь.	Октябрь.
Больш. возв. Терм. понижс. Среднее	12 полдень . . . . . 0° 30 полночь . . . . . 18 — 6	3 полдень . . . . . 3° 13 полночь . . . . 26 — 14
Дождь.		
Вѣтры.	Свѣжіе: 1, W и NW. 4. NW. 5, NW. 11, 12, N. 13, N. 17, W и S. 19, W. 20, SW. 23, O и OSO. 24. SSO. 25, NW. 26, N. 27, N. Умѣрен. 2, NW. 5, NW. 13, NNW. 14, S. 15 и 16, S. 18, S и SW и O. 22, O. 23, SO. 24, SSO. Тихо и маловѣтріе: 2. 3. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 14. 15. 18. 21. 22. 25. 28. 29. 30. болѣе изъ NW и NO четвертей.	Свѣжіе: 2, OSO. 3, OSO. 27, SO. 30, SW. Умѣрен. 1, O. 4, OSO. 6, WNW. 15, W. 25, SO. 26, SO. 28, SO. 29, SO. Тихій и малов. 1. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 31. Изъ SW четверти дули весьма рѣдко, а иные дни совершен. безвѣтріе.
Туманъ и пасмурность.	3. 5. 6. 9. 14. 16. 17. 25. 26. 27. 29. Вообще небо было облачно, ясныхъ дней не было.	6. 8. 9. 10. 12. 13. 14. 15. 16. 18. 19. 21. 22. 23. 25. 28. 29 и 30. Вообще стоялъ густой и весьма сырой туманъ.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣги.	2. 5. 6. 14. 16. 19. 25. 26. 27 и 29.	5. 6. 7. 9. 14. 15. 22 и 29.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	12. 13. 20. 21. 22. 23 и 25. слабыя	1. 3. 14. 17. 19 и 20. сіянія.
Круги около мѣсяца и побочные столбы около солнца и мѣсяца.	29 кругъ около мѣсяца, діаметръ около 50°.	

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1821 ГОДУ.

1821 годъ.	Ноябрь.	Декабрь.
Больш. возв. Баром. пониж. Среднее	9 полдень . . . . . 1½ 29 полночь . . . . . 35 — 20¾	13 утро и полдень 18 27 полночь 38 26¾
Дождь.		
Вѣтры.	Свѣжіе: 9, SOtO. 15, WSW и W. 17, NW. 19, N. 27, WNW. 30, NW. Умѣрен. 9, SO и SW 12, O. 19, NW. 23, SW. 24, N. 26, SW. 27, NW. Тихій и маловѣтріе: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27 и 29 изъ всѣхъ четвертей.	Свѣжіе: 1, W. 2, SW и SSO. 7, WSW. 8, NW. Умѣрен. 2, SSO. 7, WSW. 8, NW и W. 10, WNW. 15, W. 16, NW. 25, O. Тихій и малов. Во весь мѣсяцъ дули болѣе изъ SO четверти тихіе вѣтры.
Туманъ и пасмурность.	6. 7. 11. 14. 15. 17. 19. 21. 23. 24. 25. 26 и 30. Тумановъ не было. Ясныхъ дней весьма мало, а вообще морокъ.	1. 8. 9. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 28 и 29. Тумановъ не было. Ясные дни 4. 5 и 27; въ прочіе дни морокъ.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣги.	9. 12. 14. 18. 24 и 30.	8. 13 и 28.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	12. 13. 15 и 16. слабыя сіянія.	2. 11 и 17.
Круги около мѣсяца и побочные столбы около солнца и мѣсяца.	10. 19 и 23. 19 ч. особо примѣчательное: побочные столбы около мѣсяца въ видѣ 	1. 22. 23. 25 и 30. Круги около луны.

ТАБЛИЦА

метеорологическихъ наблюденій въ 1822 году.

1822 годъ.	Январь.	Февраль съ 15 ч.
Больш. возв. Терм. мен. пон. Среднее	22 утро. . . . . 11° 14 д. и полдень . . 35½ — 27	20 полдень и веч. 15 1 полночь. . . . . 36 — 24¾
Ветры.	Свѣжіе: 5, SOtO. 17, SSO. 18, O и OtS. 21, SO. 22, SO. 26, SO. Тихій, малов. и безвѣтріе: почти во весь мѣсяцъ и болѣе изъ SO четверти.	Крѣпкіе: 11, 18 и 19 SSO. свѣжіе и умѣрен. 7, W. 10, NW. 11, WNW. 12, W. 13, SO и O. 18, SO. Тихіе, маловѣт. и безвѣтріе: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 12. 14. 15. 16. 17. 18. 21 и 22 отъ всѣхъ румбовъ.
Ясные дни.	1. 5. 6. 7. 22. 30 и 31.	1. 2. 3. 4. 6. 13. 14. 15. 16. 18. 23. 24. 25. 26. 27 и 28.
Туманъ и пасмурность.	2. 3. 11. 24 и 29 тумановъ не было; прочіе дни были морочные.	5. 7 и 11. тумановъ не было; въ прочіе дни стоялъ морокъ.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣгъ.	26. 27 и 29. Въ сіи дни перепадалъ небольшой снѣгъ.	5. 7. 11 и 20.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	4. 5. 6. 7 и 13. по вечерамъ.	9 слабое.
Кругъ около мѣсяца и большіе столбы около мѣсяца или солнца.	15. черезъ мѣсяцъ крестъ. 23. кругъ около луны.	

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1822 ГОДУ.

1822 годъ.	Мартъ до 9-го числа.	Апрѣль.
Больш. возв. Терм. мен. цон. Среднее	7 полдень . . . . 18 7 полночь . . . . 22½ .	
Дождь.		
Вѣтры.	Свѣжіе: 2, SW. 3, W. 4, SW. 5, NW. 6. SW. Тихіе: 1 и 6. Маловѣтріе: 7. 8 и 9 болѣе изъ NO четверти.	
Ясные дни.	1. 2. 7 и 8.	
Туманъ и пасмурность.	3. тумановъ не было, стояли морочные дни.	
Морозы.		
Снѣгъ.	3. мокрый.	
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	8 и 9.	
Круги около мѣсяца и побочные столбы около мѣсяца или солнца.		

[illegible] отсутствіемъ въ морѣ, не наблюдали.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1822 ГОДУ.

1822 годъ.	Май съ 8 числа.	Іюнь съ 1-го по 23 чис.
Больш. возв. Терм. мен. пон. Среднее	27 полдень . . . + 12 12 полночь . . . . 5 + 2¾	1 полночь . . . + 14 12 полночь . . . + ½ + 5¾
Дождь.	10. 16. 17. 21. 28 и 29.	2. 3. 5. 7. 11. 12. 16. 18 и 21. большіе были проливные.
Вѣтры.	Крѣпкіе: 7 и 8, SO. 17, WNW. 18, WNW. 28, NW. Свѣжіе и умѣрен. 12, N. 13, NNW. 14, O. 15, SW. 16, W. 23, NO и NNO. 24, NNO. 28, NW. 30, NW. Тихіе: 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 18. 19. 20. 22. 25. 26. 27. 29 и 31. Маловѣт. и безвѣт. 19. 20 и 22 отъ всѣхъ R.	Свѣжіе и умѣрен. 2, SO. 3, N. 7, N. 8, N. 9, NW. 10, N. 11, N. 13, N. 16, S. 17, N. 18, 21 и 22, N. Тихіе: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 8 и 9. 11. 12. 13. 14. 15. 17. 19. 20 и 21. большею частію отъ N. Маловѣтріе и безвѣт. 1. 5. 6. 9 и 13. большею частію между N и O.
Ясные дни. Туманъ и пасмурность.	Ясные дни: 24. 25 и 27. Туманъ: 28 и 30. большею частію стояли облачные дни.	1. 14 и 15. Прочіе дни были облачные. Туманъ 3.
Морозы.	Термометръ четыре раза показывалъ 0, а 28 показалъ 1°.	
Снѣгъ.	11. 16. 18 и 22.	
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.		
Круги около мѣсяца и побочные столбы около мѣсяца или солнца.		

ТАБЛИЦА

метеорологическихъ наблюденій въ 1822 году.

1822 годъ.	Августъ съ 12 ч.	Сентябрь съ 12 ч.
Больш. возв. Терм. пониж. Среднее		16 вечеръ . . . + 3 24 утро . . . . . $10^1/_2$ — $3^3/_4$
Дождь.		
Вѣтры.	Во весь мѣсяцъ, за отсутствіемъ, не наблюдали.	Крѣпкіе: 14, OSO. Свѣжіе и умѣрен. 14, OSO. 15, O и OtS. 20, SO. 23, N. 27, NO. 28, O. 29, O. Тихіе: 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29 и 30 отъ всѣхъ R. Маловѣтріе и безвѣт. 16 и 30 между S и O.
Ясные дни.		12. 13. 22 и 24.
Туманъ и пасмурность.		17. 18 и 23; прочіе дни были облачные; тумановъ не было.
Морозы.		во весь мѣсяцъ легкіе.
Снѣги.		16. 17. 18. 23. 27. 29 и 30.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.		5. весьма слабое.
Круги около луны, столбы около мѣсяца и солнца.		6. весьма слабые столбы около солнца.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1822 ГОДУ.

1822 годъ.	Октябрь.	Ноябрь.
Больш. возв. Терм. пониж. Среднее	29 вечеръ . . . . . 1½ 18 утро . . . . . 24¼ — 14	8 утро . . . . . 6 30 вечеръ и полн. 34¼ — 22½
Дождь.		
Вѣтры.	Крѣпкіе. 9, NW. 28, SOtO. 29, SOtO. Свѣж. и умѣрен. 5, NW. 6 и 11, NW. 12, W. 14 S. 26, S. 20, SOtO. 31, W и SW. Тихій: 2. 3. 7. 8. 10. 13. 15. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 27 и 30. Маловѣтріе и безвѣт. 1. 3. 4. 6. 16. 17 и 30 большею частію S и O.	Свѣжіе: 1, W. 3, OSO. 5, O. 6, SO. 8, SO и N. 9, NW. 10, W и O. 12, WtN. 13, WNW. 22, N. Тихіе и безвѣтріе: 1. 2. 4. 5. 6. 7. 11. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27 и 29. большею частію изъ SO четверти.
Ясные дни.	15. 16. 17. 18. 24 и 25.	5. 11. 19. 24. 25. 28. 29 и 30.
Пасмурные и облачные туманы.	1. 2. 4. 5. 7. 8. 9. 21. 22 и 29. Прочіе дни были облачны, тумановъ не было.	1. 2. 4. 6. 8. 9. 10. 12. 15. 16. 17. 18. 21. 22. 23 и 26. Въ прочіе дни морокъ. Тумановъ не было.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣгъ.	3. 4. 7. 9. 13. 21. 22 и 31.	1. 3. 6. 14. 15. 16. 20. 21. 23 и 26.
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.	5. весьма слабое.	4. 5. 8. 11. 13. 22. 23. 24 и 29.
Круги около луны, столбы около мѣсяца и солнца.	5 и 6 весьма слабые около солнца столбы.	1. около солнца радужные столбы. 14. около луны слабый кругъ.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1822 ГОДУ.

1822 годъ.	Декабрь.	
Больш. возв. Терм. пониж. Среднее	11 утро . . . . . 6 17 полдень . . . . 33 — 26	
Дождь.		
Вѣтры.	Свѣжіе: WtN и WNW. 2, 4, NNW. 7, W. Тихіе: 1. 3. 8. 9. 10. 21. 23. 27. 28. 30 и 31. большею частію отъ NO. Маловѣтріе и безвѣт. 4. 5. 9. 10. 11. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28 и 29. по большей части между S и O.	
Ясные дни.	1. 10. 21. 24. 26. 27. 28. 29. 30 и 31.	
Пасмурные и облачные туманы.	2. 3. 5. 7. 8. 9 и 11. Тумановъ не было; въ прочіе дни морокъ.	
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	
Снѣгъ.	3. 5. 7. 8. 11. 18 и 19.	
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.		
Круги около луны, столбы около мѣсяца и солнца.	3. сполохи по всему небу. 4. 5. 24 и 29. сѣверныя сіянія.	

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1823 ГОДУ.

1823 годъ.	Январь.	Февраль.
Больш. возвыш. Терм. пониж. Среднее	24 вечеръ и полночь 13 10 во всѣ сутки. . . 37 — 26	8 полдень и веч. 3 18 утро . . . . . 30½ — 22
Дождь.		
Вѣтры.	Крѣпкіе: 3, N. Свѣжіе и умѣрен. 3, W. 16, W. 17, S. 19, N. 20. NNW. 21, WNW и NW. 22, W. 31, SO. Тихіе: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 22. 23. 24 и до 31. отъ всѣхъ R. Маловѣтріе и безвѣт. 7. 19. 22 и 27 между N и O.	Крѣпкій: 3, S. Свѣжіе и умѣрен. 2. SO. 3. S. 4, S. 5, NW. Тихіе: 1. 2. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 24 и 25. Маловѣтріе и безвѣт. 4. 5. 6. 14. 15. 17. 25. 26 и 27 отъ всѣхъ R.
Ясные дни.	9. 10 и 29.	3. 4. 8. 9. 10. 11. 12. 15. 17. 18. 19. 24. 25. 26. 27. и 28.
Пасмурно, облачно и туманы.	1. 4. 5. 6. Прочіе мороч-ны. Не было.	Въ прочіе дни морокъ. Тумановъ не было.
Морозы.	Во весь мѣсяцъ.	Во весь мѣсяцъ.
Снѣгъ.	19.	
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.		24 и 28.
Кругъ около мѣсяца и столбы около луны и солнца		

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ 1823 ГОДУ.

1823 годъ.	Мартъ по 14 чис.	
Больш. возв. Терм. понижс. Среднее	13 полночь . . . . . 10 30 полночь 30½	
Дождь.		
Вѣтры.	Снѣжіе и умѣренные: 3, SW. 12, SSW. 14, W. Тихіе: 3. 9. 10 и 11. Безвѣтріе и маловѣт. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 10. 11. 12. 13 и 14.	
Ясные дни.	1. 2. 6. 7. 8 и 9.	
Пасмурно, облачно и туманы.	3. 4. 5. 10. 11. 12. 13 и 14. Въ прочіе морокъ. Тумановъ не было.	
Морозы.		
Снѣгъ.	2. 10. 11. 12 и 13. Небольшіе снѣги.	
Градъ.		
Гроза.		
Сѣверное сіяніе.		
Кругъ около мѣсяца и столбы около луны и солнца.	11. около луны кругъ.	

IV.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ВѢТРАХЪ.

Сѣверъ. Рѣдко дуетъ свѣжій и недолго стоитъ; въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ чаще, нежели въ зимніе; зимою приноситъ туманъ и тепло; при немъ термометръ рѣдко показываетъ ниже 23°; лѣтомъ бываетъ холодный.

Сѣверо-востокъ, *а чаще* ONO. Рѣдко дуетъ долго и съ силою. Вообще очищаетъ воздухъ отъ тумановъ, при чемъ лѣтомъ термометръ подымается, а зимою опускается. Надъ барометромъ большой перемѣны не производитъ. Зимою при семъ вѣтрѣ часто случаются сѣверныя сіянія.

Юго-востокъ. Можно почитать господствующимъ зимою и осенью. Имъ очищается воздухъ отъ тумановъ. SOtO$^1/_2$ и SOtO дуетъ въ срединѣ зимы, иногда съ большою силою, и приноситъ удивительное тепло: съ 25° термометръ вдругъ подымается на 3°, а иногда и выше 0°; снѣгъ таетъ, и льдины, вставленныя въ окна, выпадаютъ. Ртуть въ барометрѣ передъ тѣмъ опускается всегда, въ продолженіе 8 часовъ, на 0, 4 дюйма. SSO очищаетъ воздухъ, не при-

носитъ примѣтнаго тепла и не показываетъ большаго вліянія на барометръ. Послѣ Ю. В. вѣтровъ вообще, а болѣе послѣ OtS и O, случаются *сѣверныя сіянія*.

Югъ. Дуетъ рѣдко сильно; нагоняетъ облака и не оказываетъ вліянія ни на барометръ, ни на термометръ.

Юго-западъ. Сильно дуетъ рѣдко, и тогда никакихъ особенныхъ перемѣнъ на температуру воздуха не оказываетъ, а если бываетъ тихій зимою, то обыкновенно холодный и пронзительнѣе всѣхъ вѣтровъ. Жители называютъ его особенно *шалошникъ* или *хіусъ*.

Западъ и Сѣверозападъ. Оба сіи вѣтра, и особенно сѣверо-западный, дуютъ въ продолженіе года чаще всѣхъ, и какъ SO господствующій зимою, такъ NW лѣтомъ. Однако жь и зимою дуетъ онъ часто и долѣе другихъ вѣтровъ простаиваетъ; лѣтомъ приноситъ холодъ, а зимою снѣгъ, мятель и ненастье; надъ барометромъ и термометромъ особеннаго вліянія не оказываетъ. По направленію снѣжныхъ застругъ на льду моря, заключить должно, что зимою господствуютъ тамъ западъ и востокъ или вѣрнѣе WNW и OSO.

V.

ТАБЛИЦА II.

ТЕРМОМЕТРИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ,

въ Нижне-Колымскѣ, въ широтѣ 68° 32′ N.

Примѣчаніе. Спиртовый термометръ раздѣленія Реомюра, работы мастера Росинин.

ВЪ 1820 ГОДУ.

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Ноябрь.	21	29°, 7	29°, 0	28°, 2	27°, 0
	22	29. 0	30, 5	32, 0	32, 5
	23	31, 5	29, 5	27, 0	25, 5
	24	25, 7	27, 0	27, 0	25, 5
	25	25, 0	24, 5	24, 5	23, 0
	26	19, 0	18, 0	20, 5	23, 0
	27	22, 0	23, 0	25, 5	25, 5
	28	24, 0	23, 5	23, 0	23, 0
	29	20, 0	19, 5	18. 0	17, 5
	30	20, 0	24, 0	25, 0	23, 2
Среднее	...	24, 6	24, 85	25, 07	24, 72
			— 24°, 81		
Декабрь.	1	17, 2	19, 0	23, 0	24, 2
	2	24, 7	23, 0	23, 2	23, 2
	3	23, 0	20, 0	24, 0	20, 5
	4	23, 0	21, 0	21, 0	22, 5
	5	24, 0	24, 5	25, 0	22, 0
	6	21, 0	20, 0	22,	17, 5
	7	18,	19,	19,	21, 5
	8	20, 5	18, 2	21,	24,
	9	23, 7	23,	21, 5	18, 2
	10	20, 5	21, 2	22, 0	25,
	11	25, 0	24, 2	19, 0	15,
	12	15,	12, 5	10, 2	12, 5
	13	15,	15, 5	15,	12, 5
	14	15, 5	15, 7	20,	21, 7
	15	21, 2	23,	22, 5	20, 7
	16	20, 5	21,	21, 5	20, 5
По новому стилю	17	18,	19,	19,	22,
за 29 дней Декаб.	18	21,	19, 5	23, 5	22,
	19	14,	13,	13,	13,
Среднее	...	21, 61	21, 4	21, 93	21, 52

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Декабрь.	20	—	—	—	—
	21	14°, 2	15°,	11°, 5	3°, 5
	22	5,	3, 5	5,	3,
	23	11, 2	12, 0	13,	18, 5
	24	21, 0	22, 7	26, 5	29,
	25	32,	31,	30, 5	28, 2
	26	28, 5	29,	28, 5	27,
	27	30, 5	30,	30,	27,
	28	29, 7	30,	32, 5	32,
	29	29, 5	29,	29, 5	32, 5
	30	33, 2	32,	32, 7	32,
	31	32, 2	33,	33,	34,
Среднее	...	33, 7	34,	35,	37,
		22, 0	21, 73	22, 36	22, 02

— 22°, 03

ВЪ 1821 ГОДУ.

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Январь.	1	—	—	—	—
	2	35°, 0	35°, 0	35°, 0	32°,
	3	32, 2	32, 5	33, 5	38,
	4	38,	38, 7	39, 2	39,
	5	39,	38, 7	39, 5	39,
	6	40, 5	40,	39,	40,
	7	37,	33,	32, 7	31,
	8	29, 0	28, 7	29,	26,
	9	28,	29,	30,	30,
	10	30, 7	28, 2	28, 5	28,
	11	27,	28,	28, 2	28,
	12	28, 5	28, 5	29, 5	30,
	13	28, 2	28, 2	28, 2	27,
	14	26, 7	29,	30,	32,
	15	35,	32, 2	30, 5	27,
	16	32,	33,	35, 2	35,
	17	36, 0	36, 0	36, 0	36,
По новому стилю за Январь.	18	38,	36, 7	38,	39,
	19	39, 0	38,	38,	34,
Среднее	...	32, 2	31, 5	31,	29,
		30, 09	29, 87	30, 34	29, 99
	20	30, 0	30, 5	29, 2	30,
	21	30, 2	30, 2	30, 2	31,
	22	34,	32,	32, 5	33,
	23	32,	31, 5	30, 5	33,
	24	30, 7	28, 7	29, 7	31,
	25	32,	32, 0	31, 5	29,
	26	32,	27, 5	30,	28,
	27	26,	23, 5	23,	22,
	28	20, 5	21,	23,	23,
	29	24, 5	23, 5	26, 2	28,
	30	28, 2	25, 5	29,	31,
	31	28, 2	26,	26,	28,
Среднее	...	31, 63	30, 88	31, 4	31, 49

— 31°, 55

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Февраль.	1	—	—	—	—
	2	30°, 5	30°, 0	30°, 0	32°, 5
	3	30, 0	27, 5	27,	27,
	4	26,	24, 2	26,	31,
	5	31, 5	29,	31,	32, 7
	6	31,	27,	26, 5	29, 5
	7	28, 2	26, 7	29, 2	32, 5
	8	32, 3	29, 0	30,	29, 2
	9	28, 2	27,	27,	24,
	10	27,	24, 5	27,	24,
	11	21, 5	21,	23, 5	24,
	12	25,	24,	25, 5	27, 5
	13	29, 0	26,	28,	33,
По новому стилю	14	32, 0	24, 5	25,	30,
за Февраль.	15	27,	25,	27,	30,
	16	27,	25,	26,	32,
Среднее	...	32,	26,	24,	23,
		28, 81	26, 72	27, 62	28, 99
	17	20,	19,	24,	25,
	18	14, 5	8, 5	4, 5	18,
	19	20, 0	17,	17, 5	19, 5
	20	19, 5	20,	21, 5	21, 5
	21	24, 5	23,	29,	32,
	22	28,	24, 5	24,	32,
	23	30,	30,	31,	32,
	24	23,	23,	25,	27,
	25	25,	20, 5	24,	27,
	26	23,	19,	21,	30,
	27	31, 0	27, 5	25,	29,
	28	29, 0	26, 5	27,	32, 5
Среднее	...	26, 64	24, 11	25, 26	28, 13
			— 26°, 03		
Мартъ.	1	31, 2	26, 0	27,	32,
	2	31, 0	23,	25,	28,
	3	23,	—	—	—
	4	11,	—	8, 2	8, 5
	5	9, 3	6, 7	7, 2	18, 5
	6	20,	21,	23,	23,
	7	24,	24,	23,	25,
	8	28,	22,	22, 5	27,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Мартъ.	9	22,	14,	16,	18,
	10	22, 5	20, 5	21, 5	28,
По новому стилю	11	24,	22, 5	20,	28,
за 24 д. Марта.	12	27, 5	23,	25, 5	33,
Среднее	...	— 23, 38	— 20, 96	— 21, 41	— 25, 84
	24	14, 5	10, 5	11,	14,
	25	9, 5	6,	6,	6, 5
	26	9, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	27	6,	4, 5	5,	6,
	28	7,	4, 5	4, 5	5,
	29	4, 2	4, 5	8, 5	4, 5
	30	6, 5	6, 5	6,	6, 5
	31	10, 5	8,	9, 5	9,
Среднее	...	17, 03	14, 15	14, 58	17, 26
			— 15°, 8		
Апрѣль.	1	— 7,	— 7,	— 11, 5	— 12,
	2	— 9,	— 7,	— 9,	— 9, 5
	3	— 7,	— 6, 5	— 8, 2	— 8, 5
	4	— 5,	+ 3,	+ 2, 5	— 3,
	5	— 7, 5	— 7, 5	— 12,	— 12, 5
	6	— 8, 5	— 8,	— 11,	— 13,
	7	— 8, 5	— 8,	— 11, 5	— 13,
	8	— 9, 5	— 6, 5	— 8,	— 9, 5
	9	— 8, 5	— 8,	— 8,	— 9,
	10	— 10,	— 9,	— 9,	— 10,
	11	— 8,	— 7, 5	— 7, 5	— 8,
	12	— 10,	— 10,	— 9,	— 9, 5
	13	— 8, 2	— 8,	— 8, 5	— 8, 5
	14	— 7, 5	— 7,	— 7,	— 7, 5
	15	— 12,	— 10,	— 11, 5	— 12,
	16	— 12,	— 11,	— 11, 2	— 12,
	17	— 10,	— 10,	— 10,	— 10,
	18	— 6,	— 4, 5	+ 4,	— 6, 5
Среднее	...	— 8, 55	— 7, 09	— 7, 88	— 8, 96
	19	— 7,	— 4,	— 3, 5	— 3,
	20	— 7, 5	— 7,	— 9,	— 9, 5
	21	— 10,	— 9, 5	— 10,	— 10,
	22	— 7,	— 6,	— 6, 5	— 3,
	23	— 6,	— 5, 5	— 5, 2	— 6,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Апрѣль.	24	— 9, 5	— 3,	— 4, 5	— 4, 7
	25	— 3,	— 1, 5	— 2,	— 3, 5
	26	— 4,	— 3,	— 1, 5	— 2,
	27	— 8, 5	— 8, 2	— 8, 5	— 8, 5
	28	— 8,	— 7, 5	— 8,	— 8, 5
	29	— 6,	— 5, 5	— 5, 2	— 6,
	30	— 3,	+ 4, 5	— 2, 5	— 8,
Среднее	...	— 7, 75	— 6, 36	— 7, 05	— 8, 11
			— 7°, 33		
Май.	1	— 3, 5	— 0, 5	— 3, 5	— 3, 5
	2	— 3, 0	— 0, 7	— 1,	— 5, 5
	3	— 3, 0	— 2,	— 4,	— 4,
	4	— 3, 2	— 2,	— 2, 5	— 5,
	5	— 3,	— 1, 5	— 2, 5	— 3,
	6	+ 2,	+ 6,	+ 3, 5	+ 3,
	7	— 2, 5	— 2,	— 3, 5	— 4,
	8	— 2,	— 0, 5	— 2, 0	— 4, 5
	9	— 3, 5	— 3,	— 3,	— 3, 5
	10	+ 2,	+ 3,	+ 2, 5	+ 2,
	11	+ 1,	+ 2,	+ 2,	+ 2,
	12	+ 2,	+ 3, 5	+ 3,	+ 3,
	13	+ 7, 5	+ 9, 5	+ 7, 5	+ 7,
	14	+ 7, 5	+ 9,	+ 7,	+ 7, 5
	15	+ 9,	+ 12,	+ 12,	+ 10,
	16	+ 9, 5	+ 12,	+ 11,	+ 10,
	17	+ 12,	+ 15, 2	+ 15,	+ 11, 2
По новому стилю за Май.	18	+ 12,	+ 15, 2	+ 13,	+ 9,
	19	+ 12,	+ 15.	+ 10.	+ 9,
Среднее	...	— 0, 86	+ 1, 03	— 0, 06	— 1, 03
	20	+ 10,	+ 11,	+ 7,	+ 6, 5
	21	+ 6,	+ 7, 2	+ 5,	+ 2, 5
	22	+ 2, 5	+ 3,	+ 2, 5	+ 2,
	23	+ 2,	+ 2, 5	+ 2,	+ 2,
	24	+ 7,	+ 12, 2	+ 10,	+ 4, 5
	25	+ 7, 5	+ 11,	+ 8,	+ 6, 5
	26	+ 7,	+ 9, 5	+ 8,	+ 7,
	27	+ 9,	+ 10, 5	+ 10,	+ 8,
	28	+ 8,	+ 10,	+ 8. 5	+ 7, 5
	29	+ 10,	+ 15, 5	+ 14, 0	+ 10, 0
	30	+ 12.	+ 14. 5	+ 14.	+ 12,
	31	+ 13.	+ 16. 5	+ 16,	+ 14,
Среднее	...	+ 4, 74	+ 6, 9	+ 5, 47	+ 3, 98
			+ 5°, 27		

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Іюнь.	1	+ 15°,	+ 18°, 5	+ 17°,	+ 17°,
	2	14,	16,	14,	10, 5
	3	13, 5	15,	14,	13,
	4	15,	16, 5	15,	14,
	5	14,	15, 5	15,	11, 5
	6	9,	9, 5	8, 5	8,
	7	8, 5	9,	9,	8,
	8	5,	4, 5	4, 5	4, 5
	9	2, 5	2,	2,	2,
	10	7,	8, 5	8, 5	8, 5
	11	11,	10,	10, 5	10,
	12	12,	12, 5	13,	13,
	13	13, 5	13, 5	13, 5	14,
	14	10,	11,	10, 5	7,
	15	5,	5,	4, 7	4, 2
	16	8,	7, 7	7, 2	7,
Среднее	...	+ 10, 14	+ 10, 92	+ 10, 44	+ 9, 51
По новому стилю за 28 д. Іюня.		+ 10, 23			
Среднее	...	+ 9, 18	+ 10, 64	+ 9, 71	+ 8, 38
Сентябрь.	1	− 5,	− 3,	− 4,	− 6,
	2	6, 5	3,	4, 5	5, 5
	3	3, 5	3,	4, 5	5,
	4	4,	5,	3, 7	6, 5
	5	5, 5	4, 5	5,	7,
	6	8,	6, 5	7,	7,
	7	4,	1, 2	4,	8,
	8	5, 5	5,	6,	6, 5
	9	3, 5	1, 7	2, 5	5, 5
	10	5,	− 1,	− 2, 5	− 4,
	11	5,	+ 1, 5	+ 2, 5	+ 2, 5
	12	1,	0,	− 1, 5	− 5, 5
	13	4, 5	− 3,	5,	9,
	14	2, 5	0,	3,	5,
	15	5,	2, 2	2, 5	5,
	16	3, 5	1,	2,	2, 5
По новому стилю за 18 д. Сентяб.	17	12,	9, 5	6, 5	7,
	18	7,	5.	4,	10,
Среднее	...	− 5, 05	− 3, 06	− 3, 63	− 5, 7
	19	10, 2	6, 5	7,	11, 5
	20	11,	6,	7, 5	10,
	21	7,	1, 5	2,	6,
	22	3,	2,	1,	7,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Сентябрь.	23	— 5°, 5	— 2°, 0	— 2°, 0	— 4°, 5
	24	4,	1, 2	1, 5	1, 5
	25	3,	2,	4,	7, 5
	26	9, 5	7, 5	10, 5	13, 5
	27	12,	10,	12,	13,
	28	15, 5	13,	14,	17,
	29	16,	12,	14,	15, 2
	30	17, 5	14,	15, 5	18,
Среднее	...	— 6, 84	— 4, 43	— 5, 22	— 7, 57
			— 6°, 02		
Октябрь.	1	— 18,	— 12, 2	— 15,	— 15,
	2	14,	10,	8,	6, 5
	3	5,	3,	3, 5	7,
	4	6,	4, 5	6, 5	9, 5
	5	12,	8, 5	8, 2	8, 5
	6	10, 5	9,	10,	11,
	7	10,	8,	10,	10,
	8	10,	8, 5	10,	11,
	9	12,	11,	13, 5	15,
	10	15,	8,	15,	17,
	11	22,	18,	22,	24,
	12	23,	20,	22,	22, 5
	13	24,	20,	24,	26,
	14	18,	15,	15,	17,
	15	17,	17,	17,	18,
	16	12,	15,	15,	17,
По новому стилю	17	17,	16,	17,	19,
за Октябрь.	18	16,	16, 5	19,	21,
	19	19,	18, 5	17,	16, 5
Среднее	...	— 12, 73	— 10, 2	— 11, 57	— 13, 42
	20	11, 2	11,	13,	17, 5
	21	17, 5	16,	16,	16, 5
	22	15,	15,	13,	15,
	23	14, 0	14, 0	14, 0	15, 0
	24	13,	14,	15,	13, 5
	25	15,	15,	17,	24,
	26	22,	20,	20,	21,
	27	17, 0	15,	14,	14,
	28	10, 0	8, 5	7,	5,
	29	6,	5,	5,	5,
	30	15,	14,	10,	11,
	31	20,	18,	20,	21,
Среднее	...	— 14, 78	— 13, 04	— 13, 93	— 15, 23
			— 14°, 25		

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Ноябрь.	1	— 21°,	— 20°,	— 22°,	— 23°,
	2	18, 5	17,	17,	18,
	3	12,	16, 5	20,	21,
	4	29,	25,	24.	19,
	5	9,	8,	9,	10,
	6	13.	15,	16, 5	17,
	7	20,	21, 5	22,	21,
	8	9,	10, 5	11,	10,
	9	2,	1, 5	4.	12,
	10	17,	18,	20,	22,
	11	21,	20, 5	20,	20,
	12	14,	13, 5	16,	17, 5
	13	17, 5	19,	20,	24,
	14	23,	22,	23,	17,
	15	17, 5	19, 5	20, 5	22,
По новому стилю за Ноябрь.	16	20,	20,	21, 5	28,
	17	25,	25, 5	27, 5	23,
	18	22,	23,	21, 5	21,
Среднее	...	— 16, 34	— 16, 05	— 16, 65	— 17, 6
	19	20,	18,	20,	24,
	20	25,	25, 5	23, 5	25, 5
	21	30, 5	30, 5	30, 5	28,
	22	25,	26,	28, 5	25,
	23	22,	21, 5	22, 5	22,
	24	21,	20,	19,	19,
	25	19,	20,	20,	24,
	26	25,	26, 2	25,	25,
	27	21, 5	24,	25,	21, 5
	28	29,	31,	32,	32, 5
	29	31,	31, 5	32,	35,
	30	25,	24,	23,	22, 5
Среднее	...	— 20, 15	— 20, 47	— 21, 13	— 21, 72
		— 20°, 87			
Декабрь.	1	— 21, 0	— 22, 0	— 22, 0	— 22, 5
	2	18, 5	18,	23,	25,
	3	28,	29,	29,	28,
	4	27, 5	28,	29,	29, 5
	5	30,	30,	32,	33,
	6	33,	32,	32,	31,
	7	24,	27, 5	28,	28, 5
	8	25, 5	24,	23,	22,
	9	23,	25,	22,	21, 5
	10	21,	21,	21, 5	20,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Декабрь.	11	— 19°,	— 20°,	— 23°,	— 23°,
	12	21, 5	21,	20,	21,
	13	18,	18,	20,	21,
	14	22,	21,	21,	20,
	15	20,	20,	20,	21,
	16	22,	21, 5	23,	24,
	17	23,	22,	24,	26, 5
По новому стилю	18	31,	31,	29,	27, 5
за Декабрь.	19	25.	25,	28,	31,
Среднее	...	— 24, 03	— 24, 33	— 24, 79	— 25, 16
	20	32,	31, 5	30,	28,
	21	28,	28,	28,	28,
	22	23,	25,	25,	25, 5
	23	28,	28,	30,	31, 5
	24	31, 5	32, 5	33, 5	32, 5
	25	20,	28,	27,	27,
	26	31, 5	32, 5	34,	35,
	27	36,	36, 2	37, 5	38,
	28	34,	33,	32,	30,
	29	28,	27,	26,	29,
	30	28, 5	30, 5	31,	32, 5
	31	30, 0	30, 0	31,	32,
Среднее	...	— 26, 28	— 26, 40	— 26, 89	— 27, 28
				— 26°, 71	

ВЪ 1822 ГОДУ.

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Январь.	1	33°,	33°,	33°,	32°, 5
	2	31, 5	30,	29,	27,
	3	24, 5	24,	22,	20,
	4	20, 5	18, 5	20,	24,
	5	13,	14, 5	16,	18,
	6	25,	25,	25,	25,
	7	29,	29,	28,	27, 5
	8	28, 5	28,	27,	24,
	9	22,	22,	22,	23,
	10	25,	27,	28,	31,
	11	28,	28,	27,	26, 5
	12	27,	27,	28,	29,
	13	32,	32,	33,	36, 5
	14	35, 5	34,	35,	35, 5
	15	34, 5	34,	35,	35, 5
	16	33, 0	33,	33,	33, 0
По новому стилю за Январь	17	30, 5	30,	30,	30, 5
	18	30, 0	29,	30,	30,
	19	31, 0	31, 0	31,	31,
Среднее ...		— 28, 87	— 28, 75	— 28, 9	— 29, 31
	20	27,	24,	28,	17,
	21	21,	13, 5	12,	10, 5
	22	11,	12, 5	17,	21,
	23	26,	25,	25, 5	26,
	24	28,	25,	26,	28,
	25	27, 5	26,	26, 5	26,
	26	25,	23,	23,	22,
	27	21,	20,	23,	27,
	28	30, 5	28	29,	31,
	29	28, 0	25, 0	27, 0	30, 0
	30	33, 0	32, 0	33,	33,
	31	33, 0	33, 0	33,	33,
Среднее ...		— 27, 24	— 26, 32	— 26, 94	— 27, 23

— 26°, 93

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Февраль.	1	— 34°,	— 35°,	— 36°,	— 36°,
	2	35, 5	33,	34,	34,
	3	35,	33,	34,	34,
	4	33,	32,	31,	30, 5
	5	24,	22, 5	23,	25,
	6	25,	23,	24,	26,
	7	29,	20,	22,	22,
	8	26, 5	22,	23,	25,
	9	27,	24,	26,	28,
	10	30,	28,	27,	25,
	11	17, 5	16,	16,	20,
	12	22,	21,	22,	24,
	13	26, 5	22, 5	23,	23,
По новому стилю	14	30, 0	27,	28,	31,
за Февраль.	15	32, 0	27,	28,	31,
	16	33, 0	27, 5	27,	30,
Среднее ...		— 27, 54	— 25, 02	— 25, 93	— 26, 75
	17	32, 0	27,	23,	26,
	18	28,	28,	25,	23,
	19	22,	20,	19,	18,
	20	17, 5	15,	15,	20,
	21	20,	16,	16,	16,
	22	17,	16,	25,	27,
	23	30,	22, 5	25, 5	28,
	24	26, 0	20,	23,	26,
	25	24,	18,	20,	33,
	26	25,	16,	17,	23,
	27	25,	18,	20,	23,
	28	24,	17,	18,	25,
Среднее ...		— 26, 8	— 22, 91	— 23, 84	— 25, 57
			— 24°, 78		
Мартъ.	1	— 26,	24,	24,	25,
	2	26,	22,	25, 5	25, 5
	3	23,	20,	23,	24,
	4	25,	20,	23,	24,
	5	21, 5	19,	20,	23,
	6	25,	20,	21,	23,
	7	23,	18,	19,	26, 5
	8	25,	20,	21,	25,
	9	28,	20,	21,	24,
Среднее ...		— 24, 73	— 20, 33	— 21, 72	— 24, 44
			— 22°, 81		

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
По новому стилю за 21 д. Марта. Среднее	...	— 24°, 43	— 19°, 83	— 21°, 23	— 24°, 19
Май.					
	8	+ 4,	+ 5,	+ 3,	+ 3,
	9	+ 7,	+ 11,	+ 10,	+ 4,
	10	+ 5,	+ 10,	+ 5,	+ 3,
	11	+ 0, 5	+ 0,	— 1,	— 3,
	12	— 5,	— 3, 5	— 4,	— 5,
	13	— 1,	0,	— 1,	— 3,
	14	+ 2,	+ 3,	+ 3,	+ 1,
	15	+ 5,	+ 3, 5	+ 7,	+ 4,
	16	+ 3,	+ 3,	+ 4,	0,
По новому стилю	17	+ 5,	+ 6,	— 6,	0,
за 12 д. Мая.	18	— 2,	— 0, 5	— 1,	— 2,
	19	+ 2,	+ 3,	+ 1,	— 1,
Среднее	...	+ 2, 12	+ 3, 87	+ 1, 83	+ 0, 08
	20	+ 5,	+ 7,	+ 5,	+ 2,
	21	+ 6,	+ 7,	+ 5,	+ 2,
	22	— 3,	— 2, 5	— 2,	— 2, 5
	23	+ 1,	+ 2,	+ 2,	— 1,
	24	+ 3,	+ 3, 5	+ 3,	+ 2,
	25	+ 4,	+ 7,	+ 6,	+ 2,
	26	+ 7,	+ 9,	+ 9,	+ 6,
	27	+ 8,	+ 12,	+ 11,	+ 5,
	28	+ 2,	+ 4,	+ 3,	— 1,
	29	+ 8,	+ 13,	+ 12,	+ 7,
	30	+ 8,	+ 12,	+ 7,	+ 3,
	31	+ 6.	+ 8.	+ 7.	+ 3,
Среднее	...	+ 4, 24	+ 6, 76	+ 5, 37	+ 1, 5
			+ 4°, 47		
Іюнь.	1	+ 8,	+ 11,	+ 11,	+ 9,
	2	2,	5,	8,	6,
	3	3,	4,	4,	3,
	4	2,	2,	2,	1,
	5	3,	7,	5,	4,
	6	6,	9,	5,	0, 5
	7	5,	8,	5,	3,
	8	6,	8,	5,	1,
	9	6,	8,	6,	2,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Іюнь.	10	+ 7,	+ 12,	+ 6,	+ 3,
	11	5,	7,	5,	3,
	12	3,	6,	4,	3,
	13	6,	10,	7,	3,
	14	5,	9,	8,	5,
	15	10,	16,	12,	6,
	16	6,	10,	8,	4,
По новому стилю за Іюнь.	17	5,	7,	6,	2,
	18	4,	6,	5,	3,
Среднее	...	+ 4, 97	+ 7, 67	+ 6, 0	+ 2, 97
	19	5,	9,	7,	5,
	20	6,	8,	7,	6,
	21	3,	5,	5,	2,
	22	5,	8,	6,	3,
Среднее	...	+ 5, 14	+ 8, 00	+ 6, 23	+ 3, 51
			+ 5°, 74		
Сентябрь.	12	— 2, 0	— 0, 5	— 0, 5	— 4, 0
	13	— 4,	— 0, 5	— 0, 5	— 3, 5
	14	— 2,	— 1,	+ 1, 7	+ 1, 2
	15	+ 1, 2	+ 2, 5	+ 3,	+ 1, 5
	16	+ 2, 5	+ 3,	+ 3,	+ 2,
По новому стилю за 7 д. Сентября	17	— 2,	— 2,	— 2,	— 2,
	18	— 3. 5	— 4,	— 4,	— 4,
Среднее	...	— 1, 4	— 0, 35	+ 0, 1	— 1, 25
	19	— 3, 5	— 3,	— 2, 5	— 3,
	20	3, 5	3,	2, 5	3,
	21	3,	2, 5	2, 5	4, 5
	22	4, 5	3,	3, 5	4, 5
	23	4, 5	4,	6,	8, 5
	24	10, 5	7, 5	7, 5	7, 5
	25	7, 5	3, 5	3, 5	7, 5
	26	10,	7,	8,	9,
	27	10,	8,	9,	9,
	28	10,	8,	8,	12,
	29	7,	5,	5,	5,
	30	3, 5	3,	3, 5	3. 5
Среднее	...	— 4, 58	— 2, 63	— 3, 19	— 4, 72
			— 3°, 78		

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Октябрь.	1	— 4°, 7	— 4°, 0	— 4°, 5	— 4°, 5
	2	4,	2, 5	3,	4, 5
	3	5,	3, 5	5,	7,
	4	9,	8,	13.	15,
	5	11, 5	11, 5	13,	14,
	6	13,	12,	12, 5	13,
	7	11, 5	11,	11,	10,
	8	14, 5	13,	13,	14,
	9	10, 5	10,	10,	10,
	10	10, 0	10, 0	10, 0	10, 0
	11	11, 0	10, 5	10, 5	11, 5
	12	11, 0	11, 0	11, 5	11, 5
	13	11, 5	11,	11,	12, 5
	14	14, 0	12,	13,	17,
	15	19,	16,	18,	21,
	16	23,	18,	20,	23, 5
	17	22,	20,	22,	24,
По новому стилю за Октябрь.	18	24, 2	22,	22,	22,
	19	23,	20,	19,	16,
Среднее	...	— 10, 64	— 9, 14	— 9, 79	— 16, 9
	20	14,	13,	14,	15, 5
	21	14,	13,	14,	16,
	22	16,	14,	15,	18,
	23	20,	18,	19,	20,
	24	24,	21,	22,	23,
	25	23,	21,	22,	22, 5
	26	23,	20,	21,	21,
	27	18,	17,	18,	20,
	28	17,	14,	8,	5,
	29	3,	2,	1, 5	5,
	30	11,	10,	13, 5	14,
	31	13, 5	12,	9,	16,
Среднее	...	— 14, 51	— 12, 94	— 13, 51	— 14, 74
		— 13°, 92			
Ноябрь.	1	— 17,	— 19,	— 21,	— 20,
	2	22,	20,	22,	19,
	3	25,	22,	18,	15,
	4	11, 5	13,	15,	17, 5
	5	17, 5	17,	18,	21,
	6	14, 5	15,	14, 5	13,
	7	11, 5	12, 5	10,	9,
	8	6,	7,	8,	13,
	9	15,	15,	15, 5	18,
	10	23,	25,	26,	23,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Ноябрь.	11	— 20°,	— 19°,	— 20°,	— 21°, 5
	12	23,	23, 3	23,	23, 3
	13	21,	20,	23,	26,
	14	27,	26,	26, 5	27,
	15	27, 5	26,	26,	26, 5
	16	27, 5	27,	27,	27, 5
По новому стилю за Ноябрь.	17	28,	28,	28, 5	30, 0
	18	33,	32, 5	33,	34, 0
Среднее	...	— 18, 93	— 18, 08	— 18, 47	— 19, 35
	19	31, 0	31, 0	31, 2	32,
	20	26, 0	23,	22,	19, 0
	21	20, 0	18, 5	19,	20,
	22	20,	17,	18,	18,
	23	19,	19,	20,	26,
	24	20,	20,	20, 5	21,
	25	18,	17,	17,	19,
	26	20,	20,	21,	23, 2
	27	29,	27,	28,	32,
	28	31, 5	30, 5	31,	33,
	29	32,	32, 5	33,	33,
	30	32,	32,	33,	34, 2
Среднее	...	— 22, 35	— 21, 83	— 22, 26	— 23, 23
		— 22°, 42			
Декабрь.	1	30, 5	30,	30,	30,
	2	27,	27,	27,	26, 5
	3	23,	24, 5	23,	23, 5
	4	25,	25, 5	26,	28,
	5	24,	23,	23,	25,
	6	—	—	—	—
	7	—	—	—	—
	8	23,	24,	24, 5	24, 5
	9	24,	24,	25, 0	27, 0
	10	28,	27,	27, 5	28, 5
	11	—	—	—	—
	12	—	—	—	—
	13	—	—	—	—
	14	—	—	—	—
	15	—	—	—	—
	16	6,	30,	31,	32,
	17	32, 5	33, 0	33,	33,
По новому стилю за 24 дня Декаб.	18	27,	26,	21, 5	21,
	19	18,	17, 5	19,	20,
Среднее	...	24, 5	24, 96	25, 13	26, 39

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Декабрь.	20	— 26°, 5	— 26°,	— 26°,	— 28°,
	21	28,	30,	30,	23,
	22	16,	15, 5	17,	20, 5
	23	22, 5	22, 5	22,	22,
	24	21, 0	22,	23,	25,
	25	25, 5	25, 5	26,	26,
	26	26,	25, 5	25, 5	25,
	27	25,	25,	26,	26, 5
	28	22,	24,	25, 5	26,
	29	22, 5	23,	21, 5	21, 5
	30	31,	31, 5	31,	29,
	31	25,	24,	22,	22,
Среднее	...	— 25, 29	— 25, 25	— 25, 33	25, 65
		— 25°, 38			

ВЪ 1823 ГОДУ.

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Январь.	1	22°, 0	23°, 0	23°, 0	22°, 0
	2	24,	22,	22,	22,
	3	26, 5	26,	27,	27, 5
	4	29, 5	29,	29,	30,
	5	32,	32,	32,	33,
	6	31, 5	32,	32,	33,
	7	35,	35,	34, 5	34,
	8	32,	32, 5	33,	33,
	9	32,	32, 5	33,	33,
	10	37,	37,	37,	37,
	11	34,	33, 5	33,	33,
	12	25,	23,	21, 5	21, 5
	13	23,	25,	26, 5	31,
	14	31, 5	32,	32, 5	35,
	15	35, 5	35,	35,	35,
	16	29, 5	29,	29,	29,
По новому стилю	17	32,	31, 5	31,	31,
за Январь	18	31,	30,	31,	32,
	19	34,	29, 5	29,	28, 5
Среднее ...		— 28, 0	— 27, 22	— 27, 95	— 28, 22
	20	23,	22, 5	22,	22,
	21	22,	22,	23,	24,
	22	26, 5	26,	25,	25,
	23	23,	22,	22,	21, 5
	24	18,	16,	14, 5	14, 5
	25	15,	14, 5	15,	17,
	26	17,	16,	16, 5	17,
	27	20,	18,	18,	20,
	28	21, 5	22,	18,	15,
	29	17, 5	16,	16,	15,
	30	16,	15,	16,	21, 5
	31	18,	16,	13,	13,
Среднее ...		— 26, 28	— 25, 69	— 23, 48	— 26, 03

— 25°, 87

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
		—	—	—	—
Февраль.	1	— 13°,	— 8°,	— 8°,	— 7°,
	2	4,	3,	3,	5,
	3	5,	7,	7,	13, 5
	4	16,	17,	20,	25,
	5	25,	24,	20,	20,
	6	21, 5	20,	17,	19,
	7	17,	16,	18,	21, 5
	8	24,	22,	23,	24,
	9	24, 5	20,	23,	24,
	10	26, 5	22,	23,	27,
	11	27, 5	23,	24,	27,
	12	28,	25,	26,	27,
	13	27,	23,	25,	25,
	14	25,	21,	23,	26,
По новому стилю	15	30,	20,	22,	26,
за Февраль.	16	30,	21,	23,	26,
Среднее	...	— 20, 77	— 18, 5	— 18, 71	— 26, 3
	17	30,	22,	23,	27.
	18	30, 5	24,	27,	28.
	19	31,	25,	—	—
	24	23, 5	23,	23,	21, 5
	25	26.	23,	23,	28,
	26	29,	23,	23,	29,
	27	28,	28,	28, 5	29, 5
	28	28,	24,	24, 5	29,
Среднее	...	— 23, 75	— 20, 13	— 20, 74	— 23, 26
			— 21°, 98		
Мартъ.	1	— 30, 0	— 24, 0	— 25, 0	— 30, 5
	2	28,	20.	18.	21, 5
	3	21,	15,	15,	19,
	4	15.	13, 5	13,	14, 5
	5	13,	12,	11, 5	12,
	6	18,	14,	13, 5	15,
	7	18,	13,	12, 5	14,
	8	19,	14,	14, 5	17, 5
	9	22,	22,	22, 5	23,

Мѣсяцы.	Числа.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.
Мартъ.		—	—	—	—
	10	— 18°,	— 12°,	— 13°,	— 14°,
	11	13,	13,	15, 2	18,
	12	17,	16,	16, 5	15,
	13	12,	10,	11, 5	14,
	14	15,	14,	15,	18,
Среднее	...	— 18, 64	— 15, 18	— 15, 48	— 17, 57
По новому стилю за 22 д. Марта.		— 16°, 72			
Среднее	...	— 22, 13	— 18, 38	— 17, 62	— 19, 9

VI.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ТЕМПЕРАТУРЫ

въ Нижне-Колымскѣ (шир. 68°, 32′) и въ Усть-Янскѣ (шир. 70°, 55′).

ГОДЪ и МѢСЯЦЪ по старому стилю.	Въ Нижне-Колымскѣ.					Въ Усть-Янскѣ.				
	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.
1821. Въ Январѣ....	−31°,63	−30°,88	−31°,40	−31°,49	−31°,35	−33°,33	−32°,74	−33°,07	−33°,52	−33°,17
1822. — — — —	27, 24	26, 32	26, 94	27, 23	26, 93	» »	28, 45	28, 77	» »	28, 61
1823. — — — —	26, 28	25, 69	25, 49	26, 03	25, 87	33, 37	33, 49	33, 62	33, 59	33, 52
					−28°,05					31, 77
1821. Въ Февралѣ...	26, 64	24, 11	25, 20	28, 13	26, 03	35, 43	34, 56	34, 16	35, 38	34, 88
1822. — — — —	26, 80	22, 91	23, 84	25, 57	24, 37	21, 28	20, 13	22, 03	» »	21, 12
1823. — — — —	23, 75	20, 13	20, 74	23, 26	21, 98	29, 16	26, 03	29, 48	» »	28, 24
					24, 19					28, 08

ГОДЪ и МѢСЯЦЪ по старому стилю.	Въ Нижне-Колымскѣ.					Въ Усть-Янскѣ.				
	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.
1821. Въ Мартѣ.....	−17°,03	−14°,15	−14°,58	−17°,26	−13°,80	» »	» »	» »	» »	» »
1822. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	17, 44	14, 09	16, 62	» »	16, 05
1823. — — — —	18, 64	15, 18	15, 48	17, 57	16, 72	17, 21	13, 80	16, 96	» »	15, 99
					16, 26					16, 02
1821. Въ Апрѣлѣ ...	7, 79	6, 63	7, 05	8, 11	7, 33	15, 40	11, 68	13, 17	» »	13, 40
1822. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »
1823. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	10, 03	6, 74	10, 33	» »	9, 03
					7, 33					11, 22
1821. Въ Маѣ.....	+ 4, 74	+ 6, 90	+ 5, 47	+ 3, 98	+ 5, 27	− 3, 67	− 0, 31	− 1, 25	» »	− 1, 74
1822. — — — —	4, 24	6, 76	5, 37	1, 50	+ 4, 47	» »	» »	» »	» »	» »
1823. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	2, 91	0, 49	3, 02	» »	2, 13
					+ 4, 87					− 1, 89
1821. Въ Іюнѣ.....	+ 10, 14	10, 92	10, 44	9, 51	+ 10, 25	+ 17, 34	8, 93	11, 51	10, 19	+ 9, 49

— 72 —

1822. — — — —	5, 14	8, 09	6, 23	3, 52	+ 5, 74	» »	» »	» »	» »	» »
1823. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	3, 08	5, 26	4, 77	3, 51	+ 4, 33
					+ 8, 0					+ 6, 91
1821. Въ Іюлѣ.....	» »	» »	» »	» »	» »	» »	13, 51	12, 26	» »	+ 12, 87
1822. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »
1823. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	11, 00	12, 37	10, 61	9, 10	+ 10, 77
										+ 11, 82
1821. Въ Августѣ...	» »	» »	» »	» »	» »	» »	+ 6, 78	4, 44	» »	+ 5, 61
1822. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »
1823. — — — —	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »	» »
										+ 5, 61
1821. Въ Сентябрѣ.	− 6, 84	4, 43	5, 22	7, 57	6, 02	» »	5, 94	7, 42	» »	− 6, 68
1822. — — — —	4, 58	2, 63	3, 19	4, 72	3, 78	» »	» »	5, 33	» »	− 3, 53
					− 4, 90					− 6, 11
1820. Въ Октябрѣ..	» »	» »	» »	» »	» »	20, 03	17, 69	18, 12	» »	18, 61
1821. — — — —	14, 78	13, 04	13, 93	15, 23	14, 25	» »	20, 81	21, 81	» »	21, 31
1822. — — — —	14, 51	12, 94	13, 51	14, 74	13, 92	» »	» »	» »	» »	19, 27
					14, 09					19, 73

— 73 —

ГОДЪ и МѢСЯЦЪ по старому стилю.	Въ Нижне-Колымскѣ.					Въ Усть-Янскѣ.				
	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.	8 час.	12 час.	4 час.	12 час.	Среднее.
1820. Въ Ноябрѣ...	. .	. .	. .	. .	. .	−25°, 23	−24°, 74	−24°, 89	−26°, 10	−25°, 64
1821. — — — —	−20°, 15	−20°, 47	−21°, 13	−21°, 72	−20°, 87	» »	25, 30	25, 16	» »	25, 23
1822. — — — —	22, 33	21, 83	22, 26	23, 23	22, 42	27, 19	27, 42	27, 84	27, 67	27, 52
					− 21, 65					− 26, 13
1820. Въ Декабрѣ...	22, 00	21, 73	22, 36	22, 02	22, 03	25, 63	25, 21	25, 54	25, 45	25, 46
1821. — — — —	26, 28	26, 40	26, 89	27, 28	26, 71	» »	33, 18	32, 62	» »	32, 90
1822. — — — —	23, 29	23, 25	23, 33	23, 63	23, 38	33, 89	34, 03	33, 54	33, 31	33, 69
					− 24, 71					− 30, 68
									Средняя температура круглаго года.....	− 12, 19

— 74 —

VII.

ТАБЛИЦА,

показывающая склоненіе компаса и наклоненіе стрѣлки инклинатора.

Время наблюденія.	Названіе и топографическое положеніе мѣстъ.	Географическое положеніе.		Склоненіе руч. пеньк-компаса по азимуф. солнца.	Наклоненіе магнитной стрѣлки.
		Широта N.	Долгота отъ Гринв. къ Оу.		
1820 г. Августъ.	*Городъ Якутскъ*, на равнинѣ, по лѣвому берегу рѣки Лены, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ горъ. . . .	° ′ ″ 62. 01. 42	° ′ 129, 43	° ′ 5. 05. W	° ′ 73. 51
1820 г. Іюнь.	*Иркутское Адмиралтейство*, на открытой равнинѣ, въ отдаленіи отъ горъ.	52. 16. 57	104, 33	2. 30. O	67. 11
1821 г. Іюль.	Въ *Нижне-Колымскѣ*, на тундрѣ, по лѣвому берегу Колымы, въ отдаленіи отъ горъ.	68. 31. 52	160. 59	9. 56. —	77. 26
d. Августъ.	*Русское устье Индигирки*, тундра, въ отдаленіи отъ горъ, близъ моря.	71. 00. 19	149, 31	9. 58	
d. Іюнь.	*Малое Чукочье*, тундра, близъ моря, въ отдаленіи отъ горъ. . . .	69. 26. 10	160. 16	11. 45	
d. Апрѣль.	*Малый Барановъ камень*, невысокія горы слапцовой породы, у моря.	69. 38. 00	162. 27	12. 30.	78. 34

— 75 —

Время наблюденія.	Названіе и топографическое положеніе мѣстъ.	Географическое положеніе.		Склоненіе руч. пепль-компаса по азимуф. солнца.	Наклоненіе магнитной стрѣлки.
		Широта N.	Долгота отъ Гринв. къ Оу.		
1822 г. Іюль.	***Большой Барановъ камень, надъ моремъ***, гора сланца и гранита. . .	° ′ ″ 69. 43. 55	° ′ 163. 51	° ′ 12. 35	
Августъ.	На болотѣ, въ горахъ слапцовыхъ, къ сѣверу отъ ***Малаго Анюя***. . .	69. 23. 55	164. 02	12. 45	
1821 г. Іюль.	***Лабазное*** на Анюѣ, въ горахъ слапцовыхъ.	67. 02. 57		13. 30	
1822 г. Августъ.	На рѣкѣ ***Погиндент***, въ слапцовыхъ горахъ.	68. 36. 31	164. 43	14, 00	
1821 г. Апрѣль.	На 4-мъ ***Медвѣжьемъ островѣ***, надъ моремъ низкая гора изъ вѣтрѣлаго порфира.	70. 46. 35	161. 40	14. 00	
Апрѣль.	На 6-мъ ***Медвѣжьемъ островѣ***, надъ моремъ холмъ, покрытый обломками порфира.	70. 37. 06	162. 24	14. 06	° ′ 79. 49
Іюль.	***Илютбище***, на Анюѣ, въ слапцовыхъ горахъ.	68. 00. 47	162. 55	14. 30	
Апрѣль.	На льду въ морѣ, въ отдаленіи отъ земли.	71. 36. 41	163. 23		80. 16½
	На морѣ, въ отдаленіи отъ земли.	70. 40. 56	165. 22	14. 51. O	

— 76 —

[redacted]

1822 г. Августъ.	На тундрѣ, въ слапцовыхъ горахъ.	69. 22. 57	166. 31	14. 59 —	
d. Іюль.	Станъ у моря, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ горъ.	69. 30. 41	166. 41	15. 26	
1823 г. Мартъ.	На перешейкѣ ***Шелагскаго мыса***, близъ горы гранитной.	70. 03. 23	171. 03	18. 03	
1822 г. Апрѣль.	На льду моря, въ отдаленіи отъ земли.	70. 52. 41	170. 00	18. 49	81. 09
1823 г. Мартъ.	На устьѣ рѣки ***Верхони***, на тундрѣ, въ отдаленіи отъ горъ.	69. 54. 45	173. 31	18. 58	79. 59
Апрѣль.	На ***Сѣверномъ мысѣ***, близъ горы слапцовой породы.	68. 55. 16	180. 06	21. 40	
	На островѣ ***Колючинѣ***, у моря, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ скалы. .	67. 26. 46	184. 27	23. 26	

— 77 —

Примѣчаніе. Ручной пепль-компасъ показывалъ восточное склоненіе всегда на $1\frac{3}{4}°$ менѣе большаго корабельнаго пепль-компаса; но здѣсь показанныя склоненія приведены къ первому компасу. Склоненіе находимо было по соотвѣтствующимъ и одинакимъ азимуфамъ солнца. Для сысканія наклоненія стрѣлки всегда перемѣняли поли оной.

ТАБЛИЦА

вычисленій широты Нижне-Колымска, обсервованной въ 1820, 1821 и 1823 годахъ.

Годъ, мѣсяцъ и число.	Термометръ.	Барометръ въ англійскихъ дюймахъ.	Какого свѣтила и котораго края.	Враты высоты.	Исправленная высота.	Широта.	Кѣмъ было дѣлано наблюденіе (*).
1820. Декабря $\frac{2}{14}$	—25°	— —	☽	° ′ ″ 27. 37. 30 S	° ′ ″ 28. 48. 00 S	° ′ ″ 68. 31. 11 N	В.
Декабря $\frac{7}{19}$	—23	— —	☽	48. 56. 40	49. 49. 17	68. 31. 36	В.
1821. Февраля $\frac{1}{13}$	—30	29, 7	☽	47. 56. 18	48. 48. 08	68. 31. 18	К.
Февраля $\frac{2}{14}$	—30	29, 73	☽	45. 43. 55	46. 06. 21	68. 32. 02	К.
Февраля $\frac{14}{26}$	—25	30, 5	☉	12. 56. 25	12. 35. 03	68. 31. 52	К.

— 78 —

[redacted]

Марта $\frac{18}{30}$	—16	30. 01	☉	24. 49. 22	25. 03. 04	68. 31. 54	К.
Марта $\frac{20}{\text{Апрѣля } 1}$	—16	30. 2	☉	25. 36. 00	25. 49. 45	68. 31. 43	К.
Мая $\frac{16}{28}$	—	— —	☉	42. 35. 45	42. 51. 22	68. 31. 56	К.
Мая $\frac{17}{29}$	—	— —	☉	42. 46. 15	43. 01. 07	68. 31. 58	В.
Мая $\frac{18}{30}$	—	— —	☉	42. 55. 30	43. 10. 22	68. 31. 55	К.
$\frac{\text{Мая } 22}{\text{Іюня } 3}$	—	— —	☉	43. 28. 47	43. 43. 41	68. 32. 06	К.
$\frac{\text{Мая } 23}{\text{Іюня } 4}$	—	— —	☉	43. 36. 22	43. 51. 16	68. 31. 57	К.
$\frac{\text{Мая } 25}{\text{Іюня } 6}$	—	— —	☉	43. 50. 00	44. 04. 52	68. 31. 57	К.

— 79 —

(*) Въ означеніи, кѣмъ было дѣлано наблюденіе, буквы: В, значитъ Лейт. ***Врангелемъ***; М, Мичманомъ ***Матюшкинымъ***; К, Штурманомъ ***Козьминымъ***.

Годъ, мѣсяцъ и число.	Термометръ.	Барометръ въ англійскихъ дюймахъ.	Какого свѣтила и котораго края.	Браты высоты.	Исправленная высота.	Широта.	Кѣмъ было дѣлано наблюденіе.
				° ′ ″	° ′ ″	° ′ ″	
Мая 30 / Іюня 11	—	— —	☉	44. 17. 05	44. 31. 58	68. 32. 01	К.
Мая 31 / Іюня 12	—	— —	☉	44. 21. 20	44. 36. 14	68. 32. 00	К.
Іюня 1 / 13	—	— —	☉	44. 25. 00	44. 39. 54	68. 32. 08	К.
Іюня 30 / Іюля 12	—	— —	☉	43. 17. 34	43. 32. 26	68. 32. 08	М.
Іюля 1 / 13	—	— —	☉	43. 09. 19	43. 24. 11	68. 31. 57	М.
Іюля 2 / 14	—	— —	☉	43. 00. 49	43. 15. 41	68. 31. 47	М.
Іюля 3 / 15	—	— —	☉	42. 51. 56	43. 06. 47	68. 31. 37	М.

[redacted]

— 80 —

1821. Іюля 4 / 16	—	— —	☉	42. 41. 49	42. 56. 40	68. 32. 17	М.
Іюля 5 / 17	—	— —	☉	42. 31. 42	42. 46. 32	68. 32. 39	М.
Іюля 7 / 19	—	— —	☉	42. 09. 49	42. 26. 39	68. 31. 51	М.
1823. Октября 9 / 21	—10½	— —	* А Больш. Медв.	41. 15. 02	41. 13. 50 N.	68. 31. 51	В.
Октября 9 / 21	—12	— —	* Б Андромеды.	56. 10. 10	56. 09. 27 S	68. 31. 37	В.

— 81 —

° ′ ″

Изъ 23-хъ средняя 68. 31. 53

ТАБЛИЦА,

показывающая наблюденія и вычисленія долготы Нижне-Колымска, по разстояніямъ между солнцемъ и луною, составленная Лейтенантомъ Врангелемъ.

1821 года.	Истинное время наблюденія.	Вычисленная видимая высота ☉.	Вычисленная видимая высота ☽.	Видимое разстояніе между ☉ — ☾.	Число разстояній.	Фазисы луны прежде.	Вычисленныя долготы отъ Парижа къ востоку.
Мая 15/27	ч. м. с. 22. 58. 48	° ′ 41. 50	° ′ 28. 29	° ′ ″ 46. 02. 54	8	☌	ч. м. с. 10. 32. 44 неудач.
d.	23. 32. 48	42. 41	26. 33	45. 44. 44	6	*d.*	10. 33. 11.
Мая 2 / Іюня 3	22. 26. 58	41. 43	25. 32	48. 15. 56	10	послѣ ☌	10. 35. 40.
d.	23. 26. 16	43. 33	30. 32	48. 44. 06	7	*d.*	10. 35. 27.
Мая 24 / Іюня 5	2. 43. 58	37. 43	36. 14	62. 09. 46	7	*d.*	10. 35. 44.

— 82 —

d.	2. 53. 08	38. 04	36. 36	62. 13. 37	6	*d.*	10. 35. 39.
d.	2. 57. 38	36. 44	36. 46	62. 15. 31	6	*d.*	10. 35. 30
Мая 27 / Іюня 8	3. 44. 55	33. 18	16. 44	96. 33. 17	12	*d.*	10. 34. 21.
Мая 28 / Іюня 9	3. 00. 51	26. 40	13. 02	107. 58. 08	12	*d.*	10. 34. 44.
Іюня 10/22	18. 49. 09	26. 16	21. 50	91. 10. 47	11	прежде ☌	10. 33. 59.
1822. Мая 14/26	3. 01. 42	35. 02	34. 06	71. 05. 57	10	послѣ ☌	10. 34. 32.
Мая 15/27	3. 08. 27	34. 41	26. 29	83. 31. 19	6	*d.*	10. 34. 52.
d.	3. 18. 19	33. 56	27. 02	83. 35. 38	7	*d.*	10. 34. 31.
Іюня 13/25	6. 01. 17	21. 39	20. 48	78. 36. 52	7	*d.*	10. 34. 20.

— 83 —

1822 года.	Истинное время наблюденія.	Вычисленная видимая высота ☉.	Вычисленная видимая высота ☽.	Видимое разстояніе между ☉ — ☾.	Число разстояній.	Фазисы луны прежде.	Вычисленная долгота отъ Парижа къ востоку.
	ч. м. с.	° ′	° ′	° ′ ″			ч. ′ ″
d.	6. 05. 44	21. 15	20. 41	78. 38. 29 *	8	*d.*	10. 34. 54
Іюня $\frac{14}{26}$	3. 44. 04, 5	33. 53	13. 05	89. 17. 43 *	8	*d.*	10. 34. 00
d.	3. 48. 52, 7	33. 29	13. 18	89. 19. 28	7	*d.*	10. 34. 34
Іюня $\frac{15}{27}$	6. 17. 13	20. 09	10. 06	101. 36. 31	12	*d.*	10. 34. 17
					159		

Отбросивъ первое наблюденіе, которое неудачно, будетъ средняя долгота изъ 142 разстояній..... ч. ′ ″ 10. 34. 37, 3

Между 2-мъ наблюденіемъ Мая $\frac{15}{27}$ прежде ☌ на 45′¼° и 1-мъ $\frac{\text{Мая } 22}{\text{Іюня } 3}$ послѣ ☌ на 48′¼° средняя долгота 10. 34. 25, 5

Между наблюденіями Мая 27 и Іюня 10 1821 года, взятыми около квадратуры луны прежде и послѣ ☌ при всѣхъ тѣхъ же обстоятельствахъ средняя долгота..... 10. 34. 40

Средняя долгота 10. 34. 34, 3

Отъ Гринвича 160°. 58′. 34″

— 84 —

X.

ТАБЛИЦА,

показывающая наблюденія и вычисленія долготы Нижне-Колымска по разстояніямъ между солнцемъ и луною, составленная штурманскимъ помощникомъ 14-го класса Козьминымъ.

1821 года.	Истинное время наблюденія.	Вычисленная видимая высота ☉.	Вычисленная видимая высота ☽.	Видимое разстояніе между ☉ — ☾.	Число разстояній.	Луна отъ солнца.	Вычисленныя долготы отъ Гринвича къ востоку.
	ч. м. с.	° ′ ″	° ′ ″	° ′ ″			ч. м. с.
Мая $\frac{15}{27}$	23. 17. 50, 2	42. 25. 05	27. 23. 33	45. 52. 29	6	къ О-у.	10. 43. 03, 3
d.	23. 34. 37, 7	42. 33. 00	27. 02. 33	45. 49. 26, 7	6	*d.*	10. 43. 37, 7
$\frac{\text{Мая } 22}{\text{Іюня } 3}$	1. 34. 08	40. 34. 41	45. 59. 50	37. 25. 22	7	къ W.	10. 44. 10, 9
d.	2. 01. 32, 4	40. 10. 32	46. 09. 03	37. 28. 36	7	*d.*	10. 44. 04, 4
d.	22. 47. 24	42. 32. 27	27. 36. 41	48. 26. 27, 5	10	*d.*	10. 42. 58

— 85 —

1821 года.	Истинное время наблюденія.	Вычисленная видимая высота ☉.	Вычисленная видимая высота ☽.	Видимое разстояніе между ☉ — ☾.	Число разстояній.	Луна отъ солнца.	Вычисленныя долготы отъ Гринвича къ востоку.
Мая 23 / Іюня 4	ч. м. с. 0. 09. 20, 9	° ′ ″ 43. 50. 49	° ′ ″ 34. 15. 07	° ′ ″ 49. 04. 22	8	*d.*	ч. м. с. 10. 43. 23, 875
Мая 24 / Іюня 5	4. 14. 35, 1	30. 27. 33	38. 19. 00	62. 47. 24, 7	6	*d.*	10. 43. 29, 1
Мая 24 / Іюня 5	4. 21. 04, 4	29. 53. 21	38. 19. 39	62. 49. 46, 3	6	*d.*	10. 44. 04, 4
d.	23. 04. 42, 3	43. 19. 07	12. 06. 24	72. 10. 33	7	*d.*	10. 43. 57, 26
Іюня 10 / 22	18. 24. 23, 1	23. 59. 33	22. 11. 01	91. 22. 12	10	къ О-у.	10, 43. 09, 1
d.	18. 31. 42, 2	24. 39. 46	22. 06. 26	91. 18. 48	10	*d.*	10. 43. 10, 2
1822. Мая 15 / 27	3. 45. 19	31. 44. 45	28. 26. 37	83· 47. 42, 4	8	*d.*	10. 43. 28

Іюня 13 / 23	6. 23. 47, 1	19. 37. 45	20. 08. 03	78. 45. 43	10	*d.*	10. 44. 41, 13

ч. м. с.
Средняя изъ 101 разстоянія 10. 43. 38, 4
Или 106°. 54′. 36″

XI.

ТАБЛИЦА

вычисленій широты Русскаго устья при рѣкѣ Индигиркѣ въ 1821 году.

Мѣсяцъ и ч.	Термометръ.	Барометръ.	Котораго свѣтила и котораго края.	Браты высоты.	Исправленная высота.	Широта.	Къ какъ дѣлано наблюденіе.
Іюля 30 / Августа 11	+ 7	— —	☉	° ′ ″ 34. 12. 09	° ′ ″ 34. 26. 41 къ S	° ′ ″ 71. 00. 12	К.
Августа 1 / 13	+ 6½	— —	☉	33. 36. 17½	33. 50. 48 —	71. 00. 14	К.

Мѣсяцъ и ч.	Термометръ.	Барометръ.	Какого свѣтила и котораго края.	Браты высоты.	Исправленная высота.	Широта.	Кѣмъ дѣлано наблюденіе.
				° ′ ″	° ′ ″	° ′ ″	
Августа $\frac{3}{15}$	+ 9½	— —	☉	32. 59. 20	33. 13. 48 —	71. 00. 26	К.
Августа $\frac{5}{17}$	+ 15	— —	☉	32. 21. 40	32. 36. 07 —	71. 00. 25	К.
Августа $\frac{9}{21}$	+ 7¼	— —	☉	31. 03. 55	31. 18. 18 —	71. 00. 14	К.
Августа $\frac{16}{28}$	+ 6½	— —	☉	28. 40. 08	28. 54. 23 —	71. 00. 20	К.

Средняя изъ 6 ° ′ ″ 71. 00. 19

— 88 —

[redacted]

XII.

ТАБЛИЦА,

показывающая наблюденія и вычисленія долготы Русскаго устья по разстояніямъ между солнцемъ и луною, составл. штурман. помощникомъ 14-го клас. Козьминымъ, въ 1821 г.

1821 года.	Истинное время наблюденія.	Вычисленная видимая высота ☉.	Вычисленная видимая высота ☽.	Видимое разстояніе между ☉ — ☾.	Число разстояній.	Луна отъ солнца.	Вычисленныя долготы отъ Гринвича къ О-у.
	ч. м. с.	° ′ ″	° ′ ″	° ′ ″			ч. м. с.
Августа $\frac{8}{20}$	21. 40. 15, 7	27. 35. 37	36. 37. 19	81. 12. 20	12	къ W.	9. 57. 00, 7
d.	22. 14. 48,	29. 10. 18	34. 12. 32	80. 55. 31	7	*d.*	9. 57. 08, 45
d.	22. 23. 36	29. 36. 00	33. 25. 09	80. 50. 13, 5	10	*d.*	9. 56. 41, 5
Августа $\frac{10}{22}$	20. 01. 39, 2	20. 42. 23	46. 23. 34	35. 19. 24	6	*d.*	9. 58. 33, 4
d.	23. 14. 15, 3	30. 15. 00	39. 37. 21	34. 53. 35, 5	10	*d.*	9. 59. 15, 3

12

— 89 —

1821 года.	Истинное время наблюдения.	Вычисленная видимая высота ☉.	Вычисленная видимая высота)).	Видимое разстояніе между ☉ —)).	Число разностей.	Луна отъ солнца.	Вычисленный долготы отъ Гринвича къ О-у.
	ч. м. с.	° ′	° ′	° ′ ″			ч. м. с.
d.	23. 22. 51, 5	30. 23. 23	39. 03. 11	34. 40. 43, 5	5	к W.	9. 39. 03, 5
d.	23. 41. 01	30. 35. 28	37. 48. 16	34. 40. 43, 5	8	к W.	9. 39. 04, 6
Августа 31 / Сентября 12	13. 02. 48, 6	* Альдебар. 24. 42. 06	19. 07. 04	) — * Альд. 69. 20. 19	10	к O-у.	9. 37. 08, 16
Сентября 6/18	0. 14. 17, 5	21. 03. 42	29. 19. 32	96. 30. 47, 5	11	к W.	9. 38. 39, 5
d.	0. 20. 28, 4	21. 01. 13	29. 49. 14	96. 27. 03	10	к W.	9. 38. 00, 4

Средняя изъ 89 — ч. м. с. 9. 38. 03, 546

Или 149°. 30′. 53½″

XIII.

ТАБЛИЦА,

показывающая географическое положеніе 115 пунктовъ по морскому берегу, отъ устья Индигирки до острова Колючина и по рѣкамъ Колымѣ и двумъ Анюямъ, опредѣленныхъ астрономическими средствами Колымскою экспедиціею.

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ O-у.		Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″		
Нижне-Колымскій острогъ . .	68. 31. 53	160. 56. 35	*	Врнг. Мат. и Коз.
Мѣста по р. Колымѣ.				
Устье Виски Крутой	68. 37. 57	161. 08.	Δ	Врангелемъ.
— — — — Амволихи	68. 40. 52	161. 20.	Δ	
Деревня Пантелеевская	68. 35. 51	161. 32.	Δ	
— — — Каретовская	68. 44. 27	161. 11.	Δ	
— — — Черноусова	68. 50. 20	161. 13.	Δ	
— — — Походская	69. 04. 21	160. 55.	Δ	
— — — Малая Чукочья . . .	69. 26. 10	160. 23.	Δ	
Урочище Кабачково	69. 17. 30	161. 23.	Δ	
— — — Сухарное	69. 31. 25	161. 44.	Δ	
Яръ у Большой Чукочьей рѣки	70. 06. 45	159. 48.	Δ	

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ О-у.	Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″	
Вышка Бѣлыхъ Каменьевъ (W)	68. 33. 30	162. 04. Δ	Врангелемъ.
— — Пантелеевской сопки .	68. 37. 57	161. 40. Δ	
— — Суровой сопки, запад.	68. 43. 20	161. 29. Δ	
— — Ларіонова Камня . . .	69. 03. 15	161. 39. Δ	
Средне-Колымскъ	67. 26. 20	— —	Матюшк.
Верхне-Колымскъ	65. 42. 04	— —	
Урочище на Омеконѣ	63. 15. 15	142. 48. счисл.	
Мѣста по морскому берегу, къ западу отъ Колымы до р. Индигирки.			
Мысъ у рѣки Большой Чукочьей	70. 07. 00	159. 50. Δ	Козьминымъ.
Мысъ у р. Крестовой (западнѣе мыса р. Колымы) . . .	70. 17. 00	159. 55. Δ	
Устья р. св. Прокопія	70. 27. 44	159. 43. Δ	
— — — — Крестовой	70. 43. 33	159. 15. Δ	
— — — — Куродягиной . .	70. 53. 37	158. 55. 36 *	
У Земляной горы Сѣверный Парнасъ	71. 00. 56	158. 10. Δ	
У Куропаточныхъ Яровъ Іюля 14. .	71. 03. 54	157. 23. Δ	
Въ точкѣ Іюля 15. .	71. 04. 20	156. 26. Δ	
— — — Іюля 16. .	70. 56. 48	155. 31. Δ	
— — — Іюля 17. .	70. 58. 11	154. 43. Δ	
— — — Іюля 18. .	70. 53. 48	154. 13. Δ	

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ О-у.	Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″	
Устье протока Большой Алазен, или въ точкѣ Іюля 19	70. 30. 14	153. 43. 10 *	Козьминымъ.
Устье протока Малой Алазен, Іюля 21 . .	70. 48. 48	152. 59. 43 *	Козьминымъ.
Селенія Русскаго устья на рѣкѣ Индигиркѣ	71. 00. 19	149. 30. 54 *	Козьминымъ.
Медвѣжьихъ Острововъ на NW оконечности I-го . . .	70. 32. 14	160. 24. Δ	Вранг.
на N оконечности IV-го . . .	70. 46. 35	161. 40. Δ	Мат.
на SO оконечности VI-го . . .	70. 37. 06	162. 24.	Мат.
Мѣста по морскому берегу, къ востоку отъ Колымы.			
Мысъ Медвѣжій (восточный мысъ р. Колымы)	69. 41. 00	162. 14. Δ	
У Малаго Баранова Камня, у креста.	69. 38. 00	162. 27. Δ	Врангелемъ и Козьминымъ.
На самомъ сѣверномъ мысѣ, у Малаго Баранова Камня . .	69. 41. 48	162. 56. Δ	Врангелемъ и Козьминымъ.
Между Большимъ и Малымъ Барановыми Камнями въ точкѣ Іюля 9-го	69. 40. 34	163. 33. Δ	Врангелемъ и Козьминымъ.
На сѣверо-восточной оконечности Большаго Баранова Камня	69. 43. 55	163. 51. CO Δ	Врангелемъ и Козьминымъ.
Устье р. Крестовой	69. 36. 66	164. 14. Δ	Врангелемъ и Козьминымъ.
— — — Березовой	69. 30. 50	165. 14. счисл.	Мат.
Въ точкѣ Февраля 26-го . . .	69. 32. 30	166. 19. *	Вр. и Коз.
У стана экспедиціи на устьѣ р. Большой Баранихи . . .	69. 30. 41	166. 40. 39 *	Вр. и Коз.

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ О-у.	Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″	
Устье р. Козьмина	69. 32. 15	167. 20. Δ	Козм.
Въ точкѣ Февраля 24-го . . .	69. 37. 58	164. 09. Δ	Вранг.
— — — — — — 26-го . . .	69. 34. 22	163. 44. Δ	Вр. и Коз.
На ночлегѣ Февраля 26-го . .	69. 32. 30	166. 19. 45 Δ	
У Ручья, 7-го Апрѣля 1823 г.	69. 34. 31	168. 17. Δ	Матюшкин.
У Вытекшаго Озера 4-го Августа	69. 33. 11	167. 32. Δ	
Въ Чаунской Бухтѣ 8-го Августа	69. 25. 16	168. 17. Δ	
Вышка горы Вайвапины . . .	69. 06.	168. 46. Δ	
Въ точкѣ Февраля 27-го . . .	69. 30. 17	166. 42. счисл.	Вранг.
У ручья, въ точкѣ Февраля 28	69. 37. 37	167. 47. 30 *	Вр. и Коз.
Въ точкѣ Марта 1-го	69. 42. 40	167. 33. счисл.	
На ночлегѣ Марта 1-го	69. 48. 22	167. 50. 15 *	
Въ точкѣ Марта 2-го	69. 52. 56	167. 56. счисл.	Врангел.
На сѣверной оконечности Сабадея, или въ точкѣ Марта 2-го	69. 57. 17	168. 40. Δ	
На восточной оконечности Сабадея	69. 56. 32	— —	Матюш.
На Стрѣлкѣ Сабадейскаго пролива.	68. 43. 28	168. 10. счисл.	
Южная оконечность мыса Матюшкина	69. 35. 00	170. 41. Δ	Врангел.
Гора на М. Матюшкина . . .	69. 36. 00	170. 42. Δ	
Мысъ Матюшкина	69. 43. 18	170. 53. Δ	

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ Оу.		Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″		
Въ точкѣ Марта 8-го	69. 44. 43	170. 43.	Δ	Вр.
Шелагскій Мысъ, или Эрри .	70. 06. 00	171. 04.	Δ	
Западная сторона перешейка Шелагскаго мыса, въ точкѣ Марта 9-го	70. 03. 23	171. 03. 15	*	Вр. и Коз.
Въ 10-ти верстахъ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, въ точкѣ Апрѣля 13-го . .	70. 04. 09	171. 27.	Δ	Мат.
У Крутой Черной Скалы, Марта 6-го	70. 03. 17	171. 39.	Δ	Коз.
Въ точкѣ Апрѣля 30-го	70. 02. 39	171. 46.	Δ	
Мысъ Козьмина Марта 6-го и въ точкѣ Марта 11-го 1823-го года	70. 00. 55	171. 58. 00		Козьм.
Утесъ западнаго мыса Кибера	69. 56. 38	172. 40.	счисл.	
Устье рѣки Верконь, или въ точкѣ Апрѣля 16-го	69. 50. 41	173. 50.	счисл.	Мат.
Устье р. Верконь Марта 30-го	69. 51. 00	173. 30.	счисл.	Вранг.
Въ точкѣ Апрѣля 2-го	69. 52. 47	173. 54.	счисл.	
Мысъ Кекурный, въ точкѣ Апрѣля 3-го	69. 50. 53	174. 34.	счисл.	Мат.
Въ точкѣ 17-го Апрѣля	69. 49. 41	174. 30.	счисл.	
У Якана, или въ точкѣ Апрѣля 27-го, на обратномъ пути	69. 41. 32	176. 32.	Δ	Козьм.
Въ точкѣ Апрѣля 8 и 7 . . .	69. 48. 12	176. 09. 45	*	Вранг.
Въ точкѣ Апрѣля 8-го	69. 35. 50	176. 58.	счисл.	Козьм.
На Сѣверномъ Мысѣ, или въ точкѣ Апрѣля 10-го	68. 55. 16	180. 06.	счисл.	

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ О-у.	Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″	
Близъ р. Амгуема, или въ точкѣ Апрѣля 14-го	68. 09. 51	182. 06. счисл.	Козьминымъ.
Мысъ Ванкарема, или ночлегъ Апрѣля 14-го	67. 30. 16	183. 16. счисл.	
Близъ мыса Оньманъ, или полдень 15-го Апрѣля . . .	67. 43. 04	183. 37. 47 сч.	
Острова Колючина южная оконечность, или ночлегъ 15, 16 и 17 Апрѣля	67. 26. 46	184. 27. 43	Вранг.
Мѣста между Анюемъ и морскимъ берегомъ.			
На устьѣ Нижней разсохи р. Филиповой, или въ точкѣ Іюля 2-го	68. 41. 30	161. 35. Д	Козьминымъ.
Въ точкѣ Іюля 3-го	68. 52. 52	161. 53. Д	
Въ точкѣ Іюля 4-го	69. 05. 22	161. 53. Д	
У Средней разсохи р. Сухарновской, въ точкѣ Іюля 5-го	69. 17. 55	161. 47. Д	
На Тундрѣ, въ точкѣ Августа 1-го	69. 22. 57	166. 14. Д	Вранг.
На тундрѣ, Мая 2-го, на островѣ Аюонѣ или Сабадеѣ .	69. 50. 53	168. 29. Д	Козьм.
Въ точкѣ Августа 2-го	69. 09. 05	166. 32. Д	Врангелемъ.
— — — Августа 3-го	68. 57. 08	166. 29. Д	
— — — Августа 4-го	68. 46. 47	166. 14. Д	
Гора А	78. 46. 47	166. 57. Д	
Въ точкѣ Августа 5-го	68. 36. 31	165. 16. Д	
— — — Августа 13-го	68. 23. 55	163. 52. Д	

Означеніе мѣстъ.	Обсервованныя широты N.	Долготы отъ Гринвича къ Оу.	Кѣмъ опредѣлены.
	° ′ ″	° ′ ″	
На Вытекномъ озерѣ у Чаунскаго пролива, въ точкѣ Августа 6-го	69. 39. 40	168. 52. Д	Маты.
Близъ вершины восточной разсохи Большой Баранихи Августа 21-го	67. 53. 26	168. 39. Д	
Мѣста по Большому Анюю.			
Устье двухъ високъ	68. 20. 03	160. 08. Д	Шкипер
Урочище Лабазное	68. 03. 35	160. 24. счисл.	
Тигилика	67. 33. 16	162. 21. счисл.	
Брусянка	67. 36. 58	162. 09. Д	
Басково	68. 18. 24	160. 30. Д	
По Малому Анюю.			
Близъ устья р. Нижней Шахутиной, въ точкѣ Августа 26-го	67. 23. 39	167. 30. Д	Шкипер Матюшкинъ
На устьѣ р. Еломбала	67. 30. 09	165. 12. Д	
Урочище Молотково	68. 07. 40	161. 40. Д	
Урочище Моховое	68. 00. 41	— —	
— — — Малое Ветреное . .	67. 38. 36	161. 01. 00	
— — — Плотбище	68. 00. 03	162. 36. Д	
— — — Аргуново	68. 07. 06	163. 00. Д	
Камень Нунголъ	68. 10. 02	163. 10. Д	
Урочище Коновалово	68. 03. 32	163. 49. Д	
Камень Обромъ	68. 01. 00	164. 03. Д	

XIV.

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ ѢЗДѢ НА СОБАКАХЪ.

Большая разница употреблять собакъ въ междудворной ѣздѣ на небольшихъ разстояніяхъ, и ѣздить на нихъ по бездорожицѣ, по торосамъ и въ убродъ, во время зимнихъ холодовъ и весенняго тепла, на большихъ разстояніяхъ, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и болѣе.

Въ семъ случаѣ весьма многое зависитъ отъ умѣнья присматривать за собаками, и нестарательный, или неопытный вощикъ подвергнетъ себя величайшей опасности въ мѣстахъ, на многія сотни верстъ отъ жительства отдаленныхъ. Желая пріобрѣтенную нами въ семъ дѣлѣ опытность сдѣлать полезною для будущихъ предпріятій по Ледовитому Морю, я намѣренъ замѣтить здѣсь о томъ, что̀ должно наблюдать при ѣздѣ на собакахъ на продолжительное время и на большія разстоянія.

НАРТЫ.

Въ проѣздахъ нашихъ по морю употребляли мы нарты; размѣренія были слѣдующія: длина полозьевъ 10

четвертей, ширина *вязковъ* 3 четверти, высота *копыльевъ*, отъ вязковъ до полоза, 1 четверть 2 вершка, а *довардения* 2 четверти. Преимущественнѣе предъ другимъ лѣсомъ употреблять должно на нартенныя поделки березовый, а особенно на полозья, которыя, чѣмъ менѣе сучковаты, тѣмъ крѣпче; *баранъ* долженъ быть изъ тальниковаго дерева. Дабы придать болѣе твердости волокнамъ дерева полозьевъ, и увеличивая плавность по снѣгу, предохранить полозья отъ чорканія, впускаютъ ихъ сперва въ кипятокъ, а потомъ, на мѣсяцъ, или болѣе, кладутъ въ рѣчную воду, подъ ледъ, отъ чего дерево набирается влажностью и, вынутое изъ воды на холодъ, получаетъ большую твердость и гладкость. Зимою, при морозахъ свыше 25° по реомюр. термом., нарта катится примѣтно тяжелѣе, нежели при высшемъ стояніи термометра, и когда морозъ болѣе 32°, то можно слышать треніе дерева о снѣгъ. Весною, съ 1 марта, начинаетъ *катиться одинъ полозъ*, какъ говорятъ здѣшніе жители; а съ половины марта *покатится и другой*. Тогда, для большей легкости въ ѣздѣ, обливаютъ нижнюю сторону полозьевъ водою, которая въ видѣ ледянаго слоя, около 6-ти линій толщиною, примерзаетъ столь крѣпко къ сырому полозу, что не отваливается отъ него даже въ цѣлый день ѣзды, если дорога безъ торосовъ; но чѣмъ становится теплѣе, тѣмъ скорѣе отпадаетъ сей ледяной слой, составляемый обливаніемъ полоза, что называется *войдать* нарты. Исключая доставленіе нартъ большей плавности, *войда* представляетъ еще ту пользу, что сохраняетъ сырость нижней стороны полоза (которая безъ того скоро высохла бы или обвѣтрѣла,) и предохраняетъ ее отъ чор-

канія. Въ весеннее время, когда войда держится, можно нагрузить на нарту до 35 пудовъ; но при зимнихъ холодахъ и 10 пудовъ составляетъ нелегкій грузъ. Вся нарта скрѣпляется ремнями, отъ чего составныя части ея имѣютъ малое движеніе, которое, дѣлая нарту нѣкоторымъ образомъ эластическою, сохраняетъ въ цѣлости на самой дурной дорогѣ. Лучшіе ремни сохатинные (лосинные); за ними почитаютъ лучшими бычьи (*) и лысовые (моржовые и сивучьи). Такихъ ремней потребно: на *потягъ* 7 саженъ (ручныхъ), на *свары* 12 саженъ, на *темлягъ* 3 сажени, на *киновари* 8 саженъ, на *верхи* 8 саженъ, подъ *вязки* 1 сажень, на *кутоги* 13 саженъ, на *подбрюшни* 3 сажени, на *пояски* 8 саженъ, на *головшные ремни* 2 аршина, на *барашныя оттуги* 3 сажени, пришивку доски $1^1/_2$ саж., на *повры* для нагруженной нарты 10 саж., а всего на цѣлую нарту идетъ $108^1/_2$ саженъ. Грузъ укладываютъ въ ровдужный *чумъ* и связываютъ *повpами* такъ крѣпко, чтобы нарта могла падать безъ опасенія что либо выронить изъ нея. Сберегая полозья въ торосахъ, мы нашивали проволокою желѣзные листы на головки полозьевъ, и вокругъ барана бычью кожу. Не худо въ продолжительныя дороги брать съ собою по два запасные полоза, которые хотя бы и не употребляли, однакожъ должно войдать, чтобы они не сохли; также надобно имѣть по 4 или болѣе запасныхъ *копыльевъ* и *вязковъ*. Если ѣзда должна продолжиться и во время *наста*, т. е. въ концѣ апрѣля и началѣ мая,

(*) Немногіе въ Сѣверной Сибири умѣютъ выдѣлывать бычьи кожи на ремни, потому болѣе употребляютъ лысовые ремни для вязанья нартъ.

то необходимо нужно имѣть съ собой брусья изъ китовыхъ ребръ, которые пришиваютъ подъ полозья, тогда, какъ войда уже болѣе не держится; притомъ и по разсолу хорошо ѣздить на костяхъ. По неимѣнію ихъ пришиваютъ кленевые брусья.

СОБАКИ.

Мы впрягали 13 собакъ въ передовую нарту, а въ другія по 12 собакъ. Надобно набирать собакъ *свычныхъ* въ дорогахъ; вотъ причина, почему индигирскія и янскія собаки предпочтительнѣе колымскихъ, употребляемыхъ жителями только въ недолговременные переѣзды, между тѣмъ какъ съ Яны и Индигирки жители переѣзжаютъ ежегодно на Котельный Островъ и Новую Сибирь, и имѣя *пастники* свои разсѣянные по обширной тундрѣ на нѣсколько сотъ верстъ, разъѣзжаютъ для промысловъ по двѣ и по три недѣли сряду. Въ передовой нартѣ необходимо имѣть такую передовую собаку, которая не боялась бы ни уброда, ни торосовъ, и была свычна бѣжать по бездорожицѣ прямою линіею.

Если въ продолженіе зимы ѣздили на собакахъ умѣючи и кормили ихъ въ должное время, то на слѣдующее лѣто должны онѣ перемѣнить всю шерсть свою, вылинять, и такія собаки надежнѣе притомъ тѣхъ, на коихъ остается мѣстами старая шерсть. Осенью, по рѣкоставу, когда послѣ лѣтняго отдыха впрягаютъ собакъ въ первый разъ, надобно обходиться съ ними весьма бережно. Во первыхъ, за недѣлю, или за двѣ, прежде ѣзды *вывязываютъ* жирныхъ собакъ, а въ ѣздѣ

стараются дѣлать сначала малые переѣзды, отъ 10-ти до 30 верстъ, и отдыхаютъ, или *бердуютъ*, по крайней мѣрѣ каждыя 5 верстъ и чаще. Такую предосторожность наблюдаютъ послѣ каждой новой *откормки* собакъ, пока лѣтній *мягкій жиръ не скрѣпится на тѣлѣ*; тогда, по ровной дорогѣ, и особенно весною по насту, выѣзжаютъ на собакахъ въ сутки до 150 верстъ, но въ продолжительныя дороги и въ зимніе холоды, переѣзды должны быть соразмѣрно меньше. Порядокъ, которому слѣдовали мы въ дорогахъ, былъ слѣдующій: дней за 10 до вступленія въ путь собирали собакъ, въ дальнюю дорогу назначенныхъ, въ одно мѣсто, гдѣ вощики откармливали ихъ черезъ день сырымъ и вареным кормомъ: для сыраго корма полагали по $1^1/_2$ мерзлые муксуна на собаку, а для вареная по 8-ми муксуновъ сырыхъ и по 8 муксуновыхъ юхалъ на нарту (вмѣсто ихъ можно варить мелкую, сырую и сушеную рыбу и кости и вообще для откормки употреблять такой кормъ, который въ дорогахъ не годится). Самымъ лучшимъ дорожнымъ кормомъ для собакъ почитаютъ *поздовѣшанныхъ сельдей*, по 10-ти на собаку, но по причинѣ тяжести сей полусырой рыбы и неудобства запасаться ею на долгое время, употребляли мы муксуновыхъ самыхъ крупныхъ юхалъ по 1-й, съ 4-мя или 3-мя сельдями на собаку. Во время зимнихъ поѣздокъ, не годится кормить собакъ сухимъ кормомъ, и лучше давать имъ сырую мерзлую рыбу, которую надобно у огня оттаять, или разрубить на мелкіе кусочки, а весною, когда наступитъ тепло, можно кормить ихъ однимъ сухимъ кормомъ. По хорошей дорогѣ, вдоль берега, безъ уброда, переѣзжа-

ли мы въ день сначала по 40 верстъ, а возвращаясь домой, въ послѣдніе 20 дней поѣздки, отъ 60 до 100 верстъ. Въ холодное время, даютъ собакамъ, каждыя двое или трое сутки, день роздыхъ; въ теплое время можно ѣхать безъ отдыха недѣлю, а при окончаніи пути и болѣе. Вообще дѣлать роздыхи надобно, соображаясь съ силою собакъ и продолжительностью времени, какое должно еще пробыть въ пути. Всего важнѣе беречь собакъ въ началѣ и на возвратномъ пути, а возвращаясь, можно временемъ и кормомъ быть бережливѣе. За вощиками надобно присматривать, чтобы они не гнали собакъ, а особенно въ заднихъ нартахъ, и лучше позволить имъ отставать отъ передней нарты и пріѣзжать на *побердѣ* позднѣе, нежели понуждать собакъ. Когда собаки уже хорошо объѣзжены, то ѣздятъ на нихъ по часу и по полтора часа, а въ теплое время по 3 часа и болѣе безъ отдыха, и бердуютъ только отъ 10-ти до 20 минутъ. Не должно кормить собакъ тотчасъ по пріѣздѣ на ночлегъ, а надобно дать имъ сперва около 2-хъ или 3 часовъ пролежать, а когда собаки отъ дороги уже изнурены, то кормить ихъ не только тотчасъ по пріѣздѣ на мѣста, но если корма довольно, то надобно давать даже по немногу и на побердахъ. Здѣсь кстати припомнить, что такихъ собакъ, которыя перекусываютъ на ночлегахъ *сварыі* свои, надобно выпрягать изъ *алыка* и привязывать къ палкѣ, которая ошейникомъ надѣвается на собаку, и должно запрещать вощикамъ завязывать рыло собакѣ, что они по лѣности часто дѣлаютъ, вмѣсто выпряжки изъ алыка.

Въ продолжительныхъ проѣздахъ, а особенно по насту, собаки подбиваютъ себѣ ноги, т. е. щетки у нихъ стираются, изъ ногъ течетъ кровь, и отъ опухоли чувствуютъ онѣ такую боль, что не только не могутъ тянуть въ партѣ, но и бѣгаютъ съ трудомъ; такія подбитыя собаки иногда и въ мѣсяцъ не поправляются, а потому хотя и были бы онѣ жирны и въ силѣ, но служить не могутъ. Всего болѣе опасаются такого состоянія собакъ и всѣми мѣрами надобно стараться предохранить ихъ отъ подбивки ногъ. Сначала, когда немного крови оказывается на слѣду собаки, надобно мазать имъ щетки крѣпкимъ сииртомъ, и надѣвать на больную ногу родъ торбаса, а всего лучше принудить собаку стоять долго, или бѣгать по сырому морскому рассолу, въ теплое время. Когда собака надорвется, то пускаютъ ей кровь изъ хвоста или изъ уха.

СЧИСЛЕНІЕ ПУТИ.

По ровной дорогѣ, и особенно вдоль берега, слѣдуя отъ одного примѣтнаго мѣста къ другому, не трудно замѣчать курсы довольно вѣрно, если передовая собака пріучена бѣжать прямо: надобно только запеленговать предметъ, на который ѣдете или тотъ, который находится позади, на линіи курса. Въ торосахъ надобно имѣть особый навыкъ примѣчать общее направленіе курса, извивающагося между льдинами, и съ неопытнымъ въ дѣлѣ вощикомъ весьма легко запутаться и поворотить на югъ, полагая, что ѣдешь къ сѣверу. Тѣнь и затруги снѣжныя даютъ нѣ-

которое средство къ примѣчанію извилинъ во время ѣзды, а компасомъ должно повѣрять курсъ на побердахъ.

Разстоянія пути измѣряли мы замѣчаніемъ времени ѣзды и скоростью бѣга собакъ, которую для своей нарты различалъ я шестью нумерами, испытавши заблаговременно мѣру скорости ихъ верстами въ часъ времени. Слѣдующая здѣсь таблица составлена по испытаніямъ, сдѣланнымъ мною надъ моею нартою, которая почиталась лучшею по Колымѣ, такъ, что различныя скорости ея не могутъ быть приписаны равно и другой нартѣ, почему для каждой должно дѣлать особое испытаніе. Когда собаки услышатъ духъ оленей, или другихъ звѣрей, то выбѣгаютъ по 15-ти и болѣе верстъ въ часъ, но такой бѣгъ не опредѣленъ нами точно.

ТАБЛИЦА,

показывающая скорость бѣга собакъ передовой нашей нарты, въ россійскихъ верстахъ.

Минуты.	№ 1.	№ 2.	№ 3.	№ 4.	№ 5.	№ 6.
1	0′, 1	0′, 12	0′, 13	0′, 16	0′, 18	0′, 20
2	0, 2	0, 24	0, 26	0, 32	0, 36	0, 40
3	0, 3	0, 36	0, 39	0, 48	0, 54	0, 60
4	0, 4	0, 48	0, 52	0, 64	0, 72	0, 80
5	0, 5	0, 58	0, 66	0. 79	0, 90	1, 00
6	0, 6	0, 70	0, 79	0, 95	1, 08	1, 20
7	0, 7	0, 82	0, 92	1. 11	1, 28	1, 40
8	0, 8	0, 94	1, 05	1, 27	1, 44	1, 60
9	0, 9	1, 06	1, 18	1, 43	1, 62	1, 80
10	1, 0	1, 17	1, 33	1, 58	1, 79	2, 00
20	2, 0	2, 34	2, 66	3, 16	3, 58	4, 00
30	3, 0	3, 51	3, 99	4, 74	5, 37	6, 00
40	4, 0	4, 68	5, 32	6, 32	7, 16	8, 00
50	5, 0	5, 85	6, 65	7, 90	8, 95	10, 00
60	6, 0	7, 00	8, 00	9, 50	10, 75	12, 00

XV.

КРАТКІЙ ДНЕВНИКЪ,

веденный на пути отъ Средне-Колымска до Якутска, черезъ рѣку Селеняху.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
1823 года.				
Ноября 19	23.	Лиственничный лѣсъ; ночевали въ пустомъ якутскомъ лѣтовьи, на озерѣ *Сайбалахъ*, которое прежде изобиловало чирами, а нынѣ рыба въ немъ не водится.	— 19	Пріятная. Покрытое небо.
20	21.	Ночевали въ жилой якутской юртѣ, на озерѣ *Березовомъ*, названномъ такъ отъ растущихъ здѣсь березъ. Подымались вверхъ по отлогому невысокому хребту *Половиновскому*, который отдѣляетъ Алазею отъ Колымы. Восточная покатость его покрыта болотами, озерами, рѣдкимъ и горѣлымъ лиственичнымъ лѣсомъ.	17	То же.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
Ноябрь 21	50.	Переѣхали *Половиновскій* хребетъ. Западная покатость его почти безлѣсна, вѣроятно отъ холодныхъ С. З. вѣтровъ. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, въ урочищѣ, называемомъ *Ярманкою*, у Алазеи. Здѣсь, лѣтъ 80 тому, смѣняли ясачные Колымскаго округа Зашиверскихъ, доставлявшихъ на Колыму казенныя тягости, и при семъ случаѣ производилась пѣна.	— 15	Влажность въ воздухѣ.
22 23 24	224.	Поля, много озеръ, болота, перелѣски. Ночевали въ жилыхъ якутскихъ юртахъ; послѣдній ночлегъ на станціи *Сардахъ*.	15 14 12	Влажный густой туманъ при сѣверномъ вѣтрѣ.
26	25.	Поля, озера, перелѣски. Ночевали въ жилой якутской юртѣ.		
27	43.	Холмы, миновали нѣсколько крутоберегихъ рѣчекъ. Рѣдкій лиственичный лѣсъ. Ночевали въ дымной поварнѣ.	25	Облачно.
Февраль 28	35.	Холмы съ лѣсомъ. Ночевали въ поварнѣ *Кумакъ-урья*, въ 25 верстахъ отъ Алазейскаго Хребта, который отсюда видѣнъ. Дурная атава.	29	Облачно.
29	55.	Подымались вверхъ по сухимъ мѣстамъ, съ рѣдкимъ лѣсомъ. Достигли средины хребта и спус-	26	Облачно.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
		тились съ него. Западная отлогая покатость выше восточной. Ночевали въ дымной поварнѣ, въ лиственичномъ лѣсу, на разсохѣ рѣки *Пандерихи*, текущей въ рѣку Индигирку.		
30	45	Холмы; разсохи рѣки Пандерихи, въ крутыхъ земляныхъ берегахъ. Ночевали въ дымной поварнѣ.	— 24	Ясно.
Декабрь 1	35	Озера, болотныя поля, рѣдкій лѣсъ. Въ 20-ти верстахъ своротили съ почтовой дороги, идущей южнѣе купеческаго пути. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, на большомъ озерѣ *Оринкинѣ*.	21	Пасмурно.
2	40	Поля, ивовые кусты, подъ конецъ протоки Индигирки. Ночевали въ якутской юртѣ, противъ устья рѣки *Уяндины*. Дорога отъ Средне-Колымска, шедшая къ WNW, поворачиваетъ здѣсь на SW.	30	Ясно.
3	40	Поля, ивовые кусты, черезъ Индигирку. Ночевали у якутскаго князца, на озерѣ *Обыѣ*, въ 30-ти верстахъ къ западу отъ рѣки Индигирки, которая здѣсь 200 саженъ шириною, въ низменныхъ земляныхъ берегахъ.	33	Ясно.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
Декабрь 4	40	Поля, обширныя озера, мало лѣсу. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, у озера *Отогатахъ*; длина его около 30-ти верстъ, въ сѣнокосныхъ лугахъ.	— 33 35	Ясно. Паръ надъ землею.
5	21	Поля, озера, перелѣски. Ночевали у якутскаго князца, на озерѣ *Хапасардахъ*.	32	Туманъ отъ SW и рѣзкій вѣтеръ.
6	14	Поля, менѣе озеръ и болѣе лѣса. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, у озера *Бабьяго*.	27	Влажность въ воздухѣ. Противный вѣтеръ.
7	—	Дневали на Бабьемъ озерѣ.	32	Ясно.
8	30	Неровности, мало озеръ и лѣсисто. Ночевали въ жилой якутской юртѣ съ голодующимъ семействомъ.	25	Облачно. Противный вѣтеръ.
9	35	Невысокіе холмы, поля съ рѣдкимъ лѣсомъ. Къ W и S видны высокія горы, вмѣщающія въ себѣ рѣку *Селенгу*. Ночевали подъ открытымъ небомъ, у пригорка.	29 33	То же.
10	30	Подошли къ рѣкѣ *Селенгѣ*, правый берегъ которой крутыя горы, а лѣвой луговой; по берегамъ ея растетъ трава *чибога*, самый лучшій подножный кормъ для лошадей. Ночевали въ поварнѣ, въ лиственничномъ хорошемъ лѣсу, на рѣкѣ *Селенгѣ*.	33 26	Ясно. Влажность.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
Декабрь 11	40	Слѣдовали вверхъ по долинѣ *Селеняхской*, между горъ съ обѣихъ сторонъ; на 21 верстѣ отъ лѣваго берега (по теченію рѣки) горы отворотили къ NW, образуя междугорье, орошаемое рѣчкою *Толматою*, текущею въ рѣку Селенихъ, въ 36 верстъ отъ послѣдняго ночлега. По устью Толматы бываютъ иногда весьма опасныя *наледи*. Теперь ихъ не было. Ночевали въ 4-хъ верстахъ отъ устья Толматы, въ пустой, развалившейся якуткой юртѣ. Отава чибога.	— 23	Рѣзкій противный вѣтеръ.
12	7	Вдоль рѣки Селеняхи, правый берегъ которой скалистъ, а къ W видится гряда высокихъ горъ, гдѣ имѣетъ свое начало разсоха Селеняхи. По берегамъ лиственичный лѣсъ. Ночевали въ поварнѣ. Отава чибога.	31	Ясно.
13	45	Вверхъ по западной разсохѣ *Селеняхи*. Съ обѣихъ сторонъ высокія горы; по долинѣ лѣсъ и ивовые кусты. Ночевали въ поварнѣ, при устьѣ ручья *Сардахъ терде*. Якутское семейство переселилось сюда для промысла рыбы харіуса. Въ вершинахъ Селеняхи водятся сохатые, питающіеся тальникомъ. Чибога.	33	Ясно. Холодный противный вѣтеръ.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
Декабрь 14	35	Въ междугорьи разсохи Селеняхи. Мало лѣсу. Ночевали въ поварнѣ. Чибога.	— 28	Облачно.
15	50	Въ междугорьи разсохи Селеняхи. Горы съ обѣихъ сторонъ постепенно сближались; примѣтно подымались вверхъ; въ 7-ми верстахъ выѣхали на почтовую дорогу, которую узнали по большому деревянному кресту. Потомъ поднялись на крутую гору, на вершинѣ которой находится озеро; изъ него вытекаетъ разсоха *Селеняхи* къ O и разсоха рѣки *Догдо* къ W. Спустились въ ущелину и ѣхали между такъ называемыми *щеками*, между отвѣсныхъ скалъ, по разсохѣ *Догды*. Ночевали въ поварнѣ на рѣкѣ *Догдо*, въ лѣсу. По Догдѣ чибоги мало.	19	Сырость. Противный вѣтеръ.
16	30	Въ междугорьи, по дорогѣ. Лѣсисто. Опасныя наледи *Тарыни*. Ночевали въ поварнѣ, въ лѣсу.	31	Ясно.
17	30	По Догдѣ, въ междугорьяхъ, по тарынямъ черезъ 25 верстъ. Горы примѣтно понизились и долина разширилась. Лѣсисто. Ночевали въ поварнѣ.	27	Ясно.
18	30	Холмы, рѣдкій лѣсъ, поля. Ночевали въ повар-	24	Пасмурно.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
		нѣ, ниже устья Догды, на рѣкѣ *Тостахъ*, текущей въ *Адычу*, которая впадаетъ въ Яну.		
Декабрь 19	40	Поля, озера, сѣнокосы. Ночевали въ юртѣ станціи *Табалахъ*, на рѣкѣ *Табалахъ*, въ *Тостахъ* текущей.	33	Ясно.
20	60	Холмы, лѣсисто; деревья (листвякъ) крупнѣе; снѣгу меньше. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, на рѣкѣ *Адычѣ*, впадающей въ Яну.	35	Ясно. По утру сѣверное сіяніе.
21	60	Холмы и хорошій чистый лѣсъ. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, у озера. На землѣ мало снѣгу.	36	Ясно.
22	50	Холмы, хорошій чистый лѣсъ; мало снѣгу на землѣ. Пріѣхали въ *Верхоянскъ* (поякутски *Боронукъ*). Отъ 23-го по 26-е пробыли въ Верхоянскѣ. Морозы.	32 36 40 42 42½	Ясно.
27	50	Холмы, хорошій лѣсъ. Ночевали въ жилой якутской юртѣ, въ лѣсу.	41	Ясно. Паръ надъ землею.
28	—	По болѣзни дневали.	42	То же.
29	75	Лѣсъ. Ночевали въ жилой якутской юртѣ.	40½ 36	Ясно. Туманъ.
30	50	Поля, озера, перелѣски. Ночевали въ поварнѣ.	31 26	Туманъ.
31	45	Поля, озера, перелѣски. Пріѣхали на станцію *Бралисъ*.	28	Легкій туманъ.
1824 года. Январь 1	30	Ровныя, безлѣсныя мѣста, въ отдаленіи отъ Яны. Ночевали въ дымной поварнѣ.	26	Сырость.
2	45	По Янской долинѣ. Съ обѣихъ сторонъ невысо-	27½	Легкій туманъ.

Мѣсяцъ и число.	Дневные переѣзды въ верстахъ.	Краткое обозрѣніе страны.	Термометръ Реомюра.	Погода.
		кія кругловершинныя горы. Ночевали въ новой просторной шестиугольной поварнѣ, не дымной и теплой, въ лѣсу.	—	
Январь 3	40	По той же широкой долинѣ. Съ обѣихъ сторонъ невысокія горы и рѣдкій лѣсъ. Ночевали въ такой же поварнѣ, какъ вчера.	30	Ясно.
4	35	Горы сближались и становились выше; снѣгъ былъ глубже; лѣсу менѣе. Ночевали въ новой поварнѣ на концѣ лѣса.	26	Малооблачно, а ночью жестокій вѣтеръ отъ О.
5	60	Междугорье становится узкимъ; лѣсу нѣтъ. Въ 14-ти верстахъ подъемъ становится весьма замѣтнымъ, а въ 21 верстѣ вершина *Верхоянскаго хребта*. Въ 2-хъ верстахъ отъ спуска начало лиственичнаго лѣса, а потомъ вскорѣ крупныя ивы и тополь по рѣкѣ *Тукулану*. Ночевали въ дымной поварнѣ, въ лиственичномъ лѣсу.	20	Жестокій вѣтеръ.
6	47	Къ западу отъ рѣки Тукулана, по косогору, лиственичнымъ лѣсомъ. Ночевали въ новой дымной поварнѣ.	36	Ясно.
7	70	По косогору, густымъ лѣсомъ, подъ конецъ въѣхали въ сосновый лѣсъ — первый видѣнный на пути. Чрезъ *Алдань* пріѣхали въ жилую якутскую юрту.	33	Ясно.
8	200	Холмы, поля, озера, перелѣски. Мѣста, обитаемыя Якутами, вплоть до Якутска.	39	Ясно.
9			37	Ясно.
10			38	Ясно.

XVI.

СОБРАНІЕ СЛОВЪ

Чуванскаго и Омокскаго языковъ, составленное Мичманомъ Матюшкинымъ.

Русскія.	*Чувинскія.*	*Омокскія.*
Богъ.	Хайла.	Кха.
Отецъ.	Ете.	Земъ.
Мать.	Еме.	Емомъ.
Сынъ.	Яйре.	Язиромъ.
Дочь.	Хаиида.	Хаимо.
Братъ.	Сонмо.	Еинимъ.
Сестра.	Ауа.	
Мужъ.	Ятаги.	Хабоомъ.
Жена.	Сарыка.	Еблимъ.
Дѣвка.	Хайда.	Кальмо.
Мальчикъ.	О.	Тихоизерель.
Дитя.	О.	
Человѣкъ.	Ондышконда.	Ельдиль.
Народъ.	Омпе.	
Голова.	Нича.	Вого-анды.

Русскія.	*Чувашскія.*	*Онокскія.*
Лице.	Начаги.	Вого.
Носъ.	Ево.	Ніонголь.
Ноздри.	Ендарче.	
Глазъ.	Тогола.	Тхо.
Брови.	Нумчиче.	
Уши.	Инама.	Чиподми.
Лобъ.	Няжнитамукъ.	Воггонь-вого.
Волосы.	Юло.	Авранъ.
Щеки.	Иса.	
Ротъ.	Анга.	Аиггъ.
Горло.	Тунмула.	
Губы.	Анга.	
Зубы.	Тодеги.	
Языкъ.	Аидже.	Геннерръ.
Борода.	Нумжеги.	Воггонь-вонъ.
Затылокъ.	Пяжемдамукъ.	
Плечи.	Эмбендамунъ.	
Рука.	Хапьба.	Порно.
Пальцы.	Хапьбаги.	
Ногти.		
Грудь.	Малыть.	Мелуръ.
Спина.	Упжендамунъ.	Ханыиэзя.
Брюхо.	Маняло.	
Нога.	Напога.	Хэмна.
Сердце.	Чегонче.	

Русскія.	*Чувашскія.*	*Олокскія.*
Кровь.	Чема.	Пепао.
Молоко.	Момоло.	
Шкура.	Пагалы.	
Мясо.	Чуло.	Убоньпа.
Кость.	Амунъ.	Тампа.
Слухъ.	Моды.	
Вкусъ.	Баютъ.	
Разговоръ.	Пенжяги.	
Говорить.		Калбагонъ.
Кричать.		Кугиндикъ.
Крикъ.	Ольиндже.	
Смѣхъ.	Ноя.	
Смѣяться.		Волдикъ.
Пѣніе.	Яктингы.	
Пѣть.		Юпидакъ.
Имя.	Ныва.	
Шумъ.	Ялгындый.	
Плакать.		Яллокъ. (Языкомъ кричи).
Свистать.		Веперь-Кугендихъ.
Лежать.	Тыгынделлн.	Кизея.
Встать.	Юптангы.	
Ходить.	Ходейло.	Ляренъ.
Придти.	Яханги.	
Бѣжать.	Чевондыгинъ.	Онгацекъ.
Плясать.	Ландыгикъ.	Логондакъ.

Русскія.	*Чувашскія.*	*Омокскія.*
Любить.	Югпынченія.	
Радость.	Ольчинъ.	
Печаль.	Рычиндоимаура.	Чикамилдель.
Мука.	Еллыхъ.	
Работа.	Ломпыямула.	Нельдойгохъ.
Лѣнивый.	Унколоудокъ.	
Я.	Мота.	Меня. (Слушай).
Ты.	Тота.	Типуллупъ.
Онъ.	Тудохъ.	Тати.
Мы.		Миръ.
Вы.		Типъ.
Они.		Тательоикъ.
Ѣсть.	Ландыкъ.	
Пить.	Ондеингуй.	(Пить воду), Ланголь-Ланголь.
Кормить.	Бай.	Пантакъ.
Брать.	Бинги.	
Ударить.	Пай.	
Бросить.	Ерпла.	
Дай.		Китань.
Тѣло.	Шурило.	Теннеизехъ.
Душа.		Теннеллихъ.
Смерть.	Ебой.	
Умирать.		Пигизе.
Жизнь.	Людоейло.	
Свадьба.		

Русскія.	*Чувашскія.*	*Мокшскія.*
Вдовецъ	Ороарыне.	
Высоко.	Пуданмей.	Тчемоуль.
Низко.	Лаудапъ.	Чикельгасъ.
Толсто.	Юриный.	
Мало.	Экчень.	
Стужа.	Попчалычь.	Тчилипеи.
Тепло.	Пугучь.	Пигиптъ.
Жарко.	Пугучь.	
Хорошо.	Омочь.	Тчипепчи.
Худо.	Ерпчь.	Ишпипци.
Умно.	Омочмомпо.	Вотомтшепцпеземъ.
Глупо.	Пиліомпи.	Илдималелбу.
Легко.	Кпидой.	
Жестоко.	Юклель.	
Толсто.	Юрины.	
Тонко.	Торыны.	
Широко.	Камбопый.	
Скоро.	Маганъ.	
Старъ.		Хабпимоль.
Молодъ.		Язпроволь.
Здоровъ.		Алгибполунъ.
Злой.		Илдилипиницъ.
Бѣло.	Починый.	Яззибилъ.
Черно.	Опой.	Емобисъ.
Зеленой.	Польвороіе.	

Русскія.	*Чувашскія.*	*Омокскія.*
Красный.	Кыйланый.	Велэпгосъ.
Солнце.	Пугусъ.	Юналди.
Луна.	Пугуль-Мутъ.	Юнопди порко.
Звѣзды.	Ерпикинчея.	Цехей Юнопди. (Божій домъ).
Небо.	Купгуги.	Кхая-цивель. (Божій духъ).
Туманъ.	Поппалагеній.	Кхао Вопьне.
Вѣтеръ.	Тыгыптандага.	Вотомталозе.
Дождь.	Лунга.	Лапго Тинписъ.
Снѣгъ.	Итамо.	Ку.
Огонь.	Манджеа.	Ягапгъ.
День.	Кундуги.	Нигиппъ.
Ночь.	Емпло.	Юлесъ.
Утро.	Ятантага.	
Вечеръ.	Тыгыптатага.	Талло.
Свѣтъ.	Попадать.	
Громъ.	Небоягальней.	
N.	Попесменіей.	
S.	Погойландывопъ.	
O.	Емпипаге.	
W.	Еменій.	
Весна.	Тылама.	
Лѣто.	Погама.	Ныпгы.
Осень.	Хомдаму.	НалломъЧалилбпсъ.
Зима.	Чепждаму.	Папголмъ.
Годъ.	Тыпгыгодъ.	

Русскія.	*Чувашскія.*	*Омокскія.*
Земля.	Поиъ.	Таннангъ.
Вода.	Овде.	Ланго.
Море.	Чувало.	Чимонъ Лангео.
Война.	Чувалопалагышей.	
Рѣка.	Онынгъ.	Еинонггъ.
Озеро.	Англелъ.	Ольдяль.
Островъ.	Ляпимутъ.	Тилли.
Берегъ.	Егечаги.	
Камень, утесъ.	Пала.	Пеа.
Песокъ.	Чойло.	
Глина.	Хошо.	
Горы.	Пала.	
Яма.	Тубыла.	
Рытвина.	Чауропжеидопонгъ.	
Мѣдь.	Помгогонъ.	Тче.
Желѣзо.	Лупдыло.	
Соль.	Согондонде.	
Дерево.	Мутъ.	Теа.
Трава.	Улига.	Пинды (ягоды).
Сохатой.	Няимагенъ.	Емобосьсобо.
Медвѣдь.	Кашмалыюго	Плюгилелемъ. (Большая собака).
Волкъ.	Кондеги.	Чимо колге.
Лисица.	Яйдель.	Килле.
Заяцъ.		Нема.
Олень. Смирдил.	Ылыла логу.	Амдье.

Русскія.	*Чувашскія.*	*Омокскія.*
Мышь.		Чипипандалегъ.
Рыба.	Анъла.	Вепиогъ.
Гусь.	Лянгля.	Наледа.
Утка.	Канлаге.	
Орелъ.	Чеинга.	Пигмы.
Воронъ.	Ерчеганла.	Хагами.
Гнѣздо.	Хаплоймайло.	
Яйцо.	Ханлынгдъ.	
Куропатка.		Кабео.
Собака.	Тавала.	
Червь.	Коижаги.	
Муха.	Мореконты.	
Другъ.	Агамо.	Ахвиту.
Непріятель.	Пека.	Неальтипзенъ.
Воинъ.	Италонъ.	
Господинъ.	Аледжа.	
Слуга.	Хамель.	
Воръ.	Епалай.	
Война.	Кумчиныгивъ.	
Лукъ.	Ейія.	Ого.
Стрѣла.	Соготе.	Чевого.
Дротикъ.	Телангыкъ. Савина.	Неля.
Топоръ.	Янга.	Хархоръ.
Ножъ.	Чоксо.	Кирье.
Савки.	Менуже.	Уботого.

Русскія.	*Чувашскія.*	*Олонскія.*
Парта.		Того.
Лыжи.		Книги.
Вѣтка.		Хораль.
Сѣдло.	Хомкадый.	
Мохъ.	Мегенма.	
Юрта.	Наумаги.	Цивиль.
Двери.	Онбедагимъ.	
Котелъ.		Тгегалъ.
Мозгъ.		Аборъ.
Вчера.	Тыгындель.	Эндте.
Сегодня.	Ине.	Эндего.
Завтра.	Ядага.	Іендти.
Прежде.	Тыіедого.	
Послѣ.	Ламболяхъ.	
Близко.	Мека.	
Далеко.	Юканъ.	
Здѣсь.	Тине.	Туунь.
Тамъ.	Та.	Тал-елдель.
Теперь.	Идетъ.	
Гдѣ?	Ко?	
Какъ?	Кондо?	
Когда?	Ханикъ?	
Что?	Ходалетъ?	
Да.	Огтй.	Іянгъ.
Нѣтъ.	Иленъ.	(Не правда). Алла-Тюнцазенъ.

Русскія.	*Чувашскія.*	*Омокскія.*
Колыма.		(Большая рѣка). Чемо сиангъ.
Чуванецъ.	Апдыла (молодецъ).	
Тунгусъ.		
Чукча.	Епека.	
Ламутка.	Ерпеія.	
Анюйск. Юкагир.	Шауло.	
Омолонск. Юкагир.	Ендже.	
Якутъ.	Яхала (сахала).	
Русской.	Кондель.	
Шамавъ.	Амшанторымъ.	
Счетъ.		
Одинъ.	Тудалей.	Урки.
Два.	Куенъ.	Ткитъ.
Три.	Ялонъ.	Яломъ.
Четыре.	Пягонъ.	Ерполь. (Половина десяти).
Пять.	Емгангонъ.	Екопчи-кимпель.
Шесть.	Емганбагу Тудалей.	
Семь.	— — — Куекъ.	
Восемь.	— — — Ялонъ.	
Девять.	— — — Пягонъ.	
Десять.	Ханбамегей.	Кимпель.
Одиннадцать.	— — — Тудалей.	
Двадцать.	Пунексидокуенъ.	Китъ кимпель.
Тридцать.	Пупексидокуемъ е.	
Сто.	Тотакъ.	Тчемо-кимпель.

По-Чувашски.	*По-Русски.*
Мейникъ илвыло.	Поймай оленя.
Олмейникъ илвыло.	Не лови оленя.
Човленчимъ илвыла?	Поймалъ ли оленя?
Хамикъ-менитамъ илвыла?	Когда же поймаешь оленя?
Мейтеминъ илли илвыло!	Не поймать тебѣ оленя!

[redacted]

Фердинандъ Врангель:

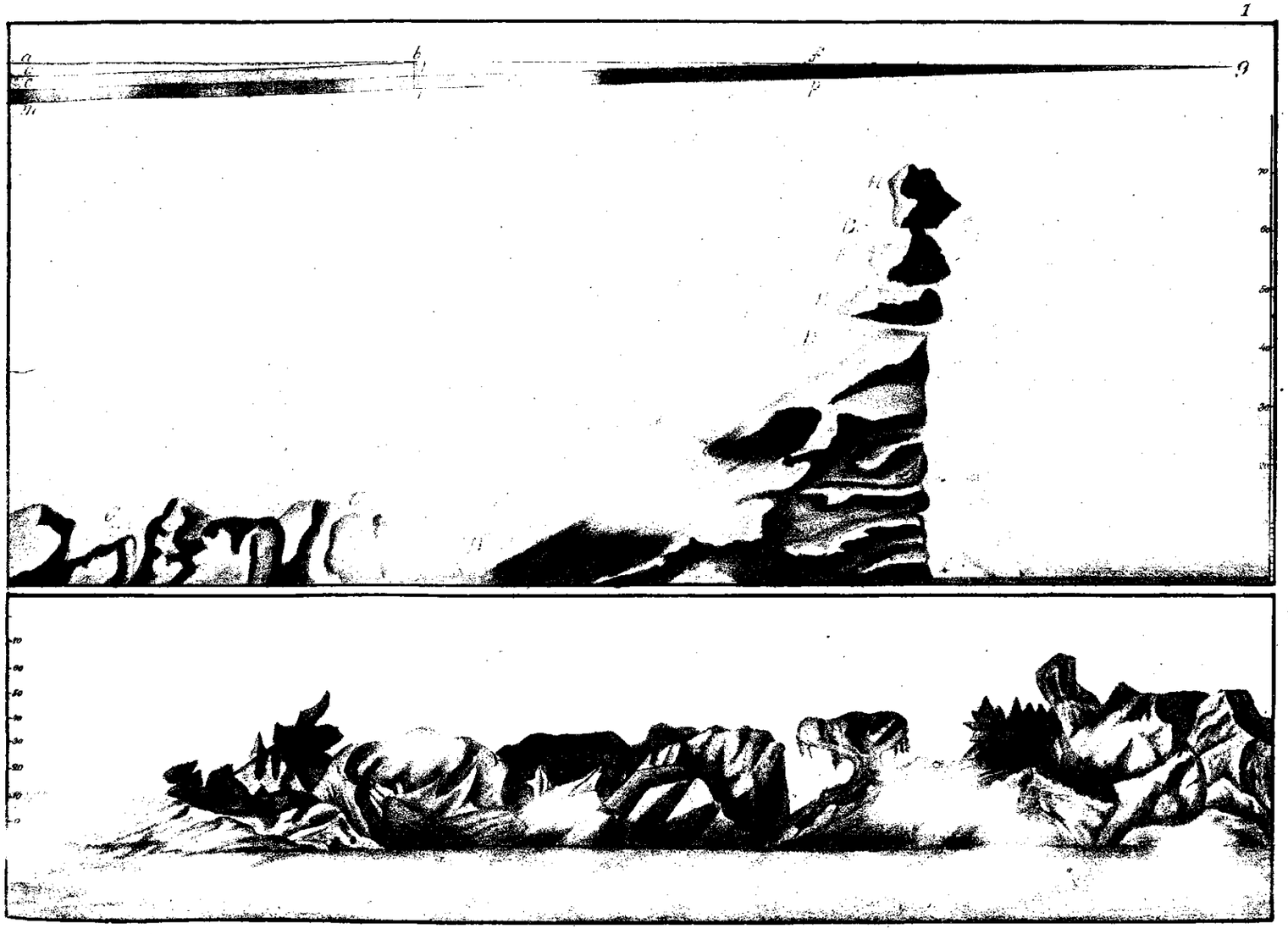
Путеш. по сѣверн. берегамъ Сибири и Атласъ съ 13 рисунками сѣверныхъ сіяній и походныхъ при

Ант. 6087
BIBLIOTH:
ACADEM:
DORPAT:

4 — XIII 94
2462

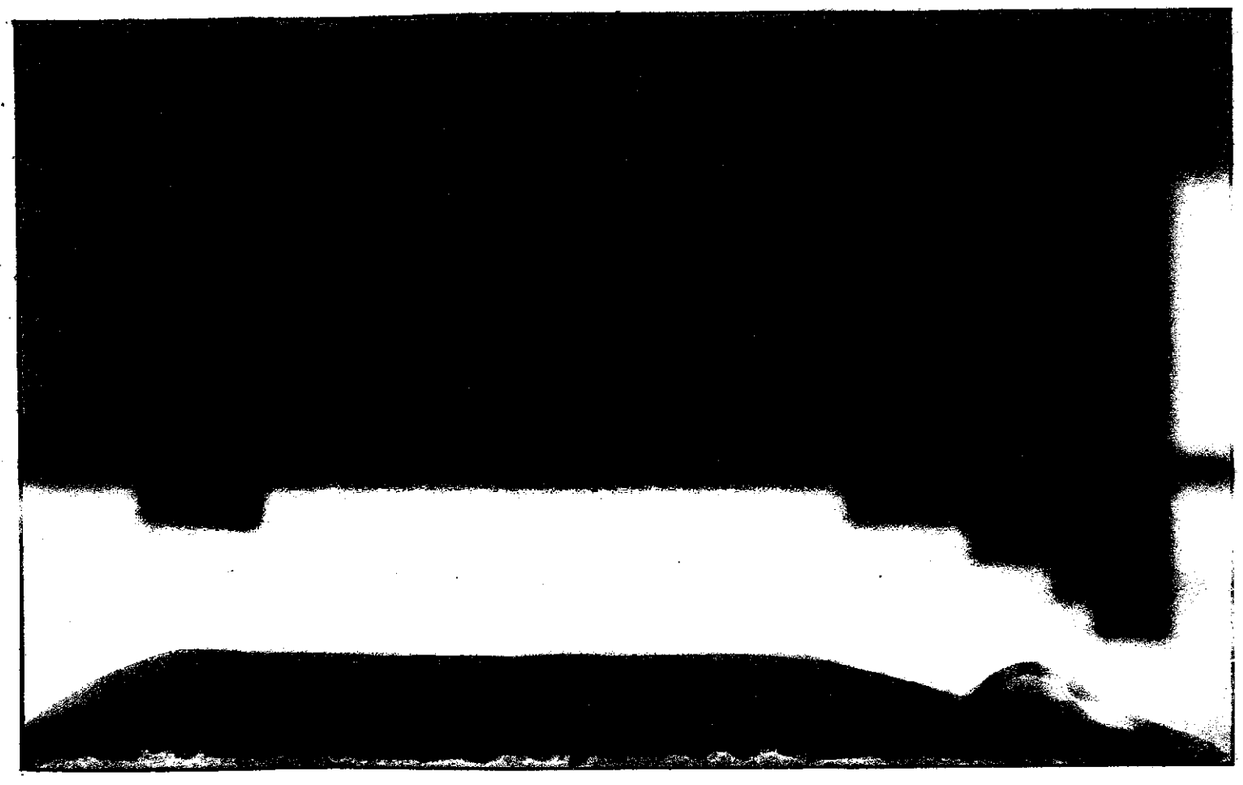
[redacted]

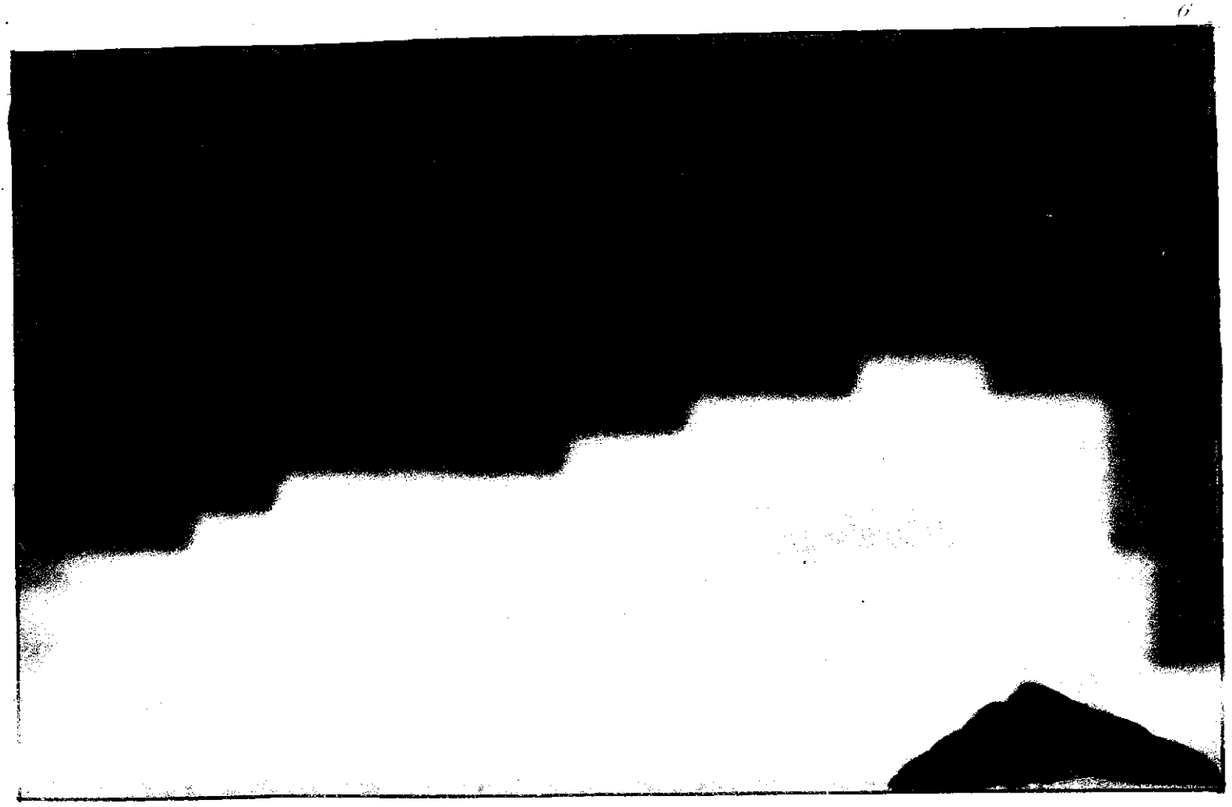
литографир. раскраш.
с надлежностей и 4 картами.

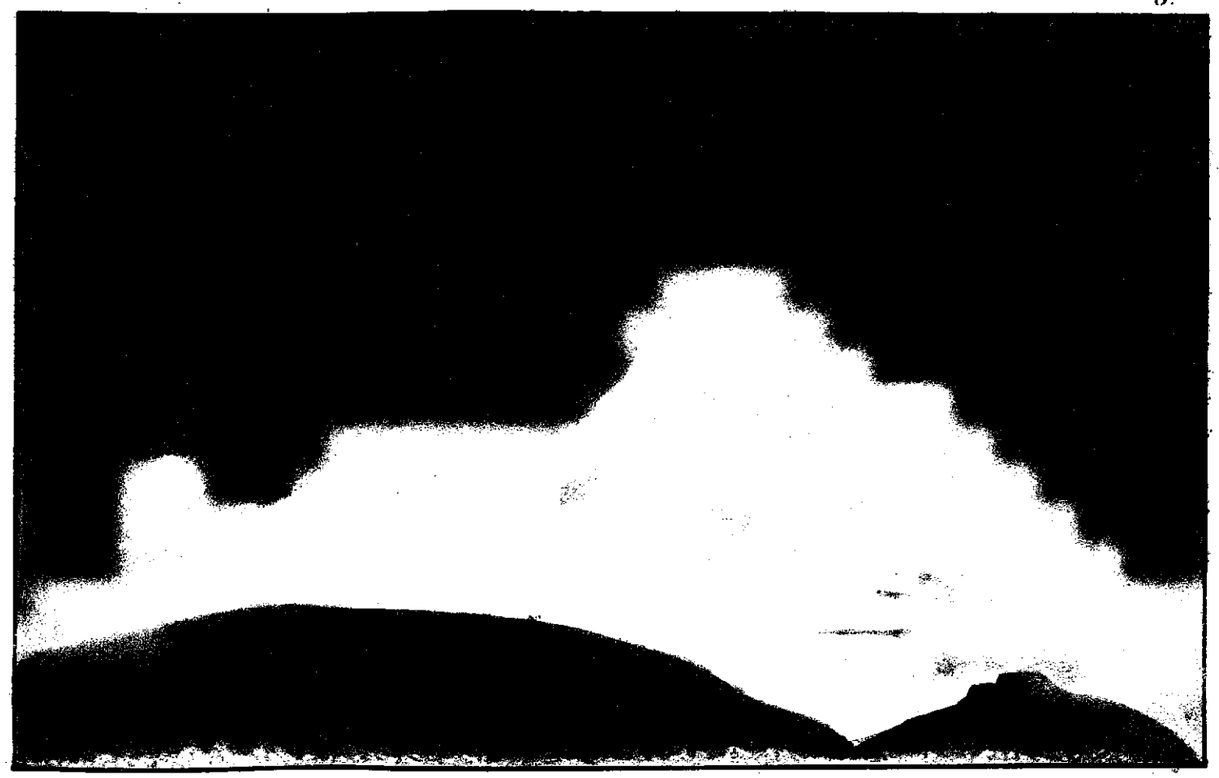

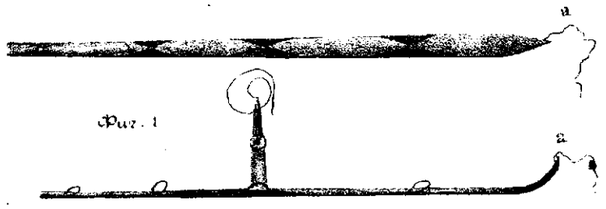
[redacted]

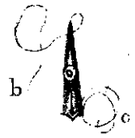

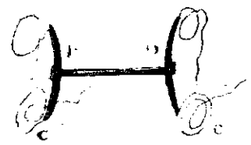

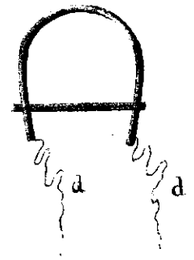
Фиг. 1.

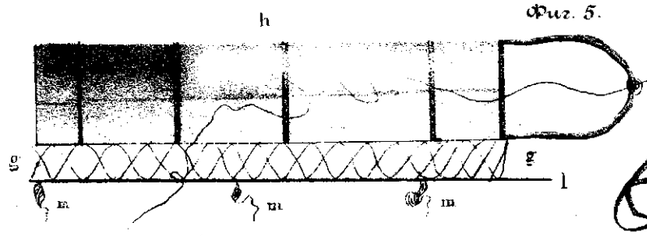
Фиг. 2

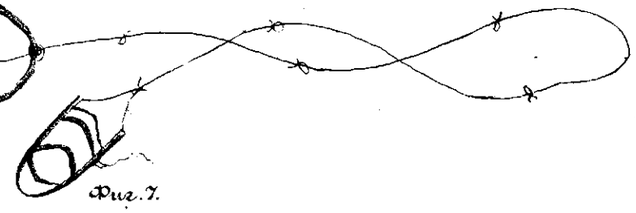
Фиг. 3

Фиг. 4.

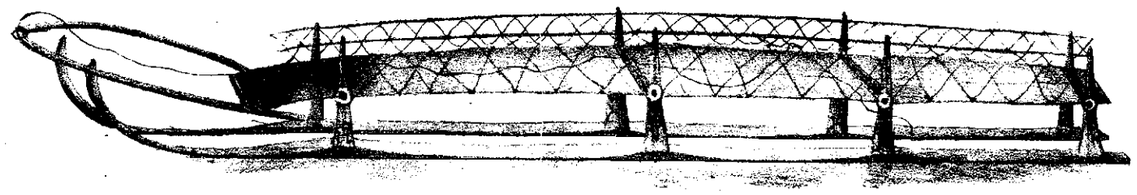
Фиг. 5.

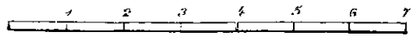

Фиг. 6.

Фиг. 7.

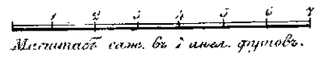
Фиг. 8.

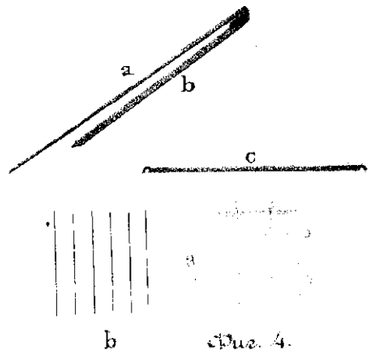

Масштабъ саж. въ 7 англ. футовъ.

Фиг. 1, полозья нарты; буквы a, a головочные ремни. Фиг. 2, копыль, буквы b верхи, c киноварь. Фиг. 3, сбит. копыла съ вязкамъ. Фиг. 4, баранъ, съ бараннюю доскою: буква d баранныя отпуги. Фиг. 5, доски съ варденью; буква h, темлякъ, g кутоги, l варденъ, m повры. Фиг. 6, потягъ нарты. Фиг. 7, алыкъ нарты. Фиг. 8, морская походная нарта впалыхъ.

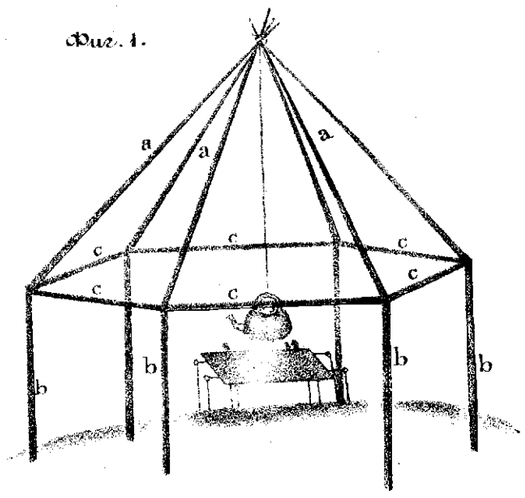

Мелочная сажень, въ 7 англ. футовъ.

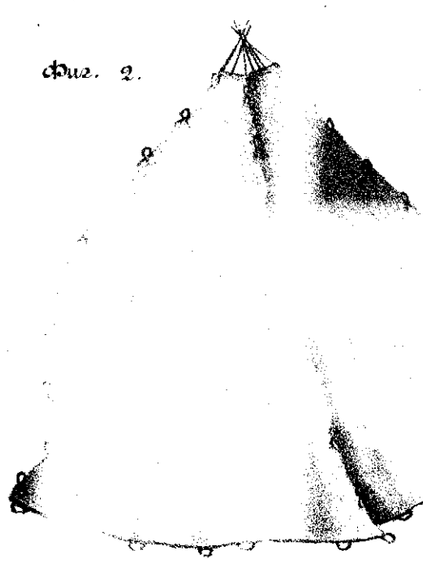

Фиг. 4.

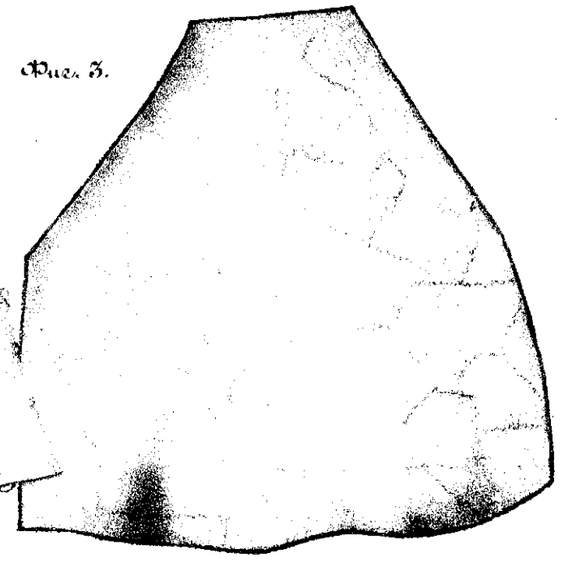
Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 1. *Юртенные шесты, буквы* a, b, c.

2. *Походная морская юрта.*

3. *Половина внутренней части юртеннаго чума.*

4. *Желѣзный листъ для раскладки огня и шесники къ нему, буквы* a, b.